

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

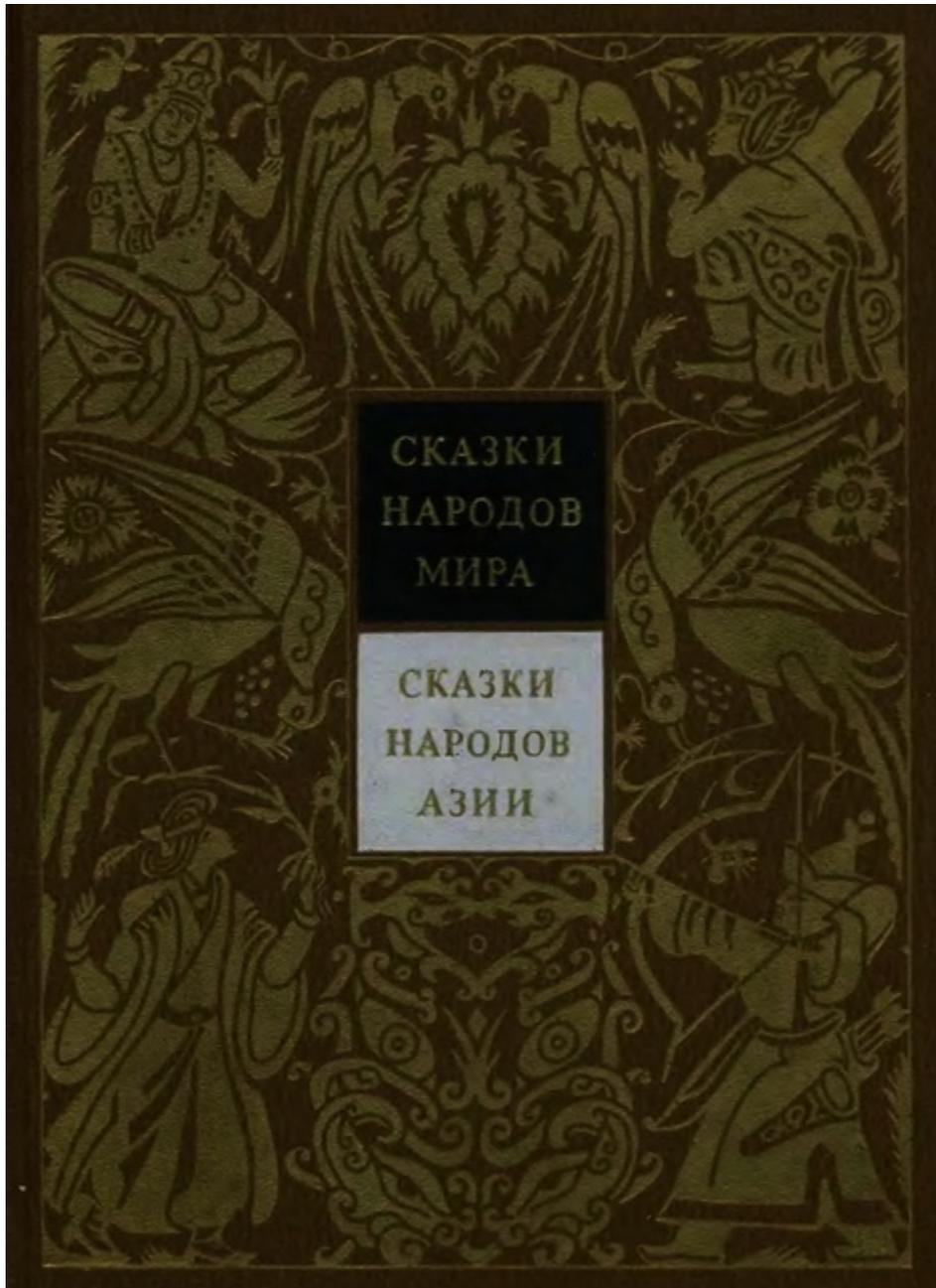
СКАЗКИ
НАРОДОВ
АЗИИ

Annotation

В книгу вошли сказки о животных, волшебные и бытовые сказки. Составление, вступительная статья и примечания Н. И. Никулина. Иллюстрации М. Ромадина.

Сказки народов Азии

(том 3 из серии "Сказки народов мира")

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

В десяти томах

ТОМ
III

МОСКВА
«Детская литература»
1988

Редакционный совет издания «Сказки народов мира»

Аникин В. П., Никулин Н. И., Ващенко А. В., Путилов Б. Н., Кор-оглы Х. Г., Михалков С. В., Рифтин Б. Л., Налепин А. Л., Шатунова Т. М.

Научный руководитель издания В. П. Аникин.

Составитель тома, автор вступительной статьи и примечаний Н. И. Никулин.

Оформление серии Б. А. Диодорова.

Художник Михаил Ромадин.

Н. И. Никулин. Предисловие

Вокруг седобородого сказочника в белоснежной чалме сгрудились дети. В доме духота, а здесь, во дворе, огороженном глухой стеной, под ночным тропическим индийским небом с крупными звездами и светлой луной, дышится легче. Речь дедушки льется плавно и складно. Дед рассказывает сказку.

На лицах детей запечатлелись одновременно внимание, восторг, увлеченность, ни с чем не сравнимое чувство радости от встречи с чудесным.

Проходят столетия, сменяются поколения, а интерес к сказке не иссякает. Все так же заманчиво звучит голос сказочника, так же заворуженно внимают ему слушатели.

И вы, читатели, раскрываете книгу сказок народов зарубежной Азии тоже для того, чтобы погрузиться в мир чудес, таинственных приключений, народной мудрости и Добра.

Где, как не в сказках, увидишь осуществленными самые дерзновенные мечты человека — о счастье, о торжестве справедливости, о великих свершениях человеческого гения!

Зарубежные азиатские страны расположились на гигантском пространстве — от Тихого океана до Средиземного моря, от Японии до Турции, здесь проживает большая часть человечества, множество народов, имеющих многовековую историю, богатую культуру. Каждый из них создал и сохраняет свое глубоко своеобразное искусство — устное народное творчество, фольклор, в том числе и сказки — удивительное творение народного гения.

Сказки рассказывали и рассказывают в домах на высоких сваях в странах Юго-Восточной Азии, в хижинах индийских бедняков и под небом Ближнего Востока. Слушая сказки, и взрослые, и дети отдыхают после шумного дня. В Японии про сказку говорят: «Если днем рассказывать, то мыши будут смеяться».

Сказочник, в отличие от писателя, пишущего книжку иверяющего свои мысли и чувства бумаге или пальмовому листу, заменяющему ее, обращается непосредственно к слушателю. Он декламирует и напевает, подражает рокоту горных ручьев и шуму ветра, крикам животных и птиц — тигров и обезьян, воронов и павлинов. Выразительность своего выступления сказочник дополняет еще и жестом. То есть это своеобразный театр одного актера. Ведь фольклор — искусство не только словесное. В старину в странах Востока на шумных базарах, на городских площадях было обычным встретить профессионального сказочника. Он рассказывал сказку, устроившись на коврике либо циновке, а то и в особом балагане. За то, чтобы его послушать, надо было заплатить монетку.

Конечно, каждое исполнение сказки не повторяет механически старое, а вносит в сказку что-то новое. Но надо помнить, что устное народное творчество создается коллективно, следует определенным традициям — неписаным правилам. Нарушить их сказочник не может, слушатель тотчас это уловит и сказку не примет.

Мы обнаружим в сказках своеобразие национального характера, быта, одежды, обычаев разных азиатских народов. В них обязательно находит отражение мир, в котором живет народ, их создавший. И в первую очередь — окружающая природа.

В японской сказке «Земляника под снегом» девочка шагает по заснеженному лесу, по колени в сугробы проваливается. А в сказках тропического Вьетнама герою случается переживать многодневные муссонные ливни. И конечно, неудивительно, что именно на Филиппинах, лежащих на островах среди теплых безбрежных вод Тихого океана, родилась сказка «Почему вода в море соленая».

И все же главное в сказке — поэтический вымысел.

Животные там разговаривают и понимают человеческую речь, они помогают положительному герою: в корейской сказке «Благодарный фазан» птица спасает жизнь доброму юноше, выручившему ее. Не случайно корейская пословица гласит: «Будь ласков к зверю, и он тебе благодарностью ответит».

Обыкновенные на первый взгляд предметы, вроде светильника из вьетнамской сказки «Коварный незнакомец», оказываются волшебными. Словом, без фантастики, вымысла не бывает сказки. К тому же сказка дает и урок доброты, честности, мужества, ума, а иной раз и хитроумия, без которого бывает трудно избавиться от беды, добиться торжества справедливости.

Герои сказки живут и действуют в некоем особом, сказочном времени. Поэтому в сказках часто встречаются такие, например, зачины: «Во времена давние-стародавние», «Давно это было», которые переносят нас в сказочный мир, готовят к слушанию сказки.

Порой они бывают довольно длинными и забавно-шутливыми, как, например, в турецких сказках: «Давным-давно, теперь уж и не вспомнить, в решете ли, во соломе, когда верблюд выкликал вести громким голосом, когда я дядюшкину люльку — скрип-скрип! — качала, тут и сказочки начало». После такого зачина, конечно, ждешь замысловатой и доброй сказки.

Из глубокой древности ведут свое происхождение сказки о животных. Первобытный человек, его жизнь во многом зависели от охотничьей удачи. Он верил, что между людьми и животными существуют родственные связи, и, «очеловечивая» зверей, приписывал им человеческие способности и свойства, одухотворял природу. Потому-то сказочные герои не знают затруднений, когда надо поговорить со зверями.

Среди сказок о животных у народов Азии есть так называемые легендарные. Они объясняют, конечно по-сказочному — враждой и ссорами зверей и птиц, забавными случайностями, — почему у животных та или иная окраска или почему у них отсутствует, положим, хвост, откуда взялись те или иные повадки. Примерами в этой книге могут служить корейская сказка «Почему лягушки плачут, когда идет дождь», вьетнамская сказка «Отчего у ворона оперение черное, а у павлина пестрое и красивое» и монгольская сказка «Почему петух поет на заре». А вот сказка кхмеров — основного населения Кампучии — «Приключения зайца» рассказывает нам, отчего зайцы не пьют из ручьев, а довольствуются тем, что слизывают росу.

Часто в сказках о животных слабый и маленький зверь побеждает большого и сильного. Такие сказки утверждают социальную справедливость: ведь под животными подразумеваются люди. Слабый, маленький зверек и есть социально обездоленный человек, он-то и одерживает верх над могучим зверем, например тигром. Когда в сказках народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии появляется тигр, то у

слушателей сказочника нет сомнений: речь идет о важном господине, грозном, свирепом, безжалостном. Тигр ведь не только символизировал силу и могущество. Тигру поклонялись как божеству, его изображениями украшали знамена. Каменные тигры оберегали ворота храмов. Но в сказках тигру явно не повезло, здесь сказалась неприязнь к нему крестьянина, который хорошо знал, что тигр любит, при случае, задрать теленка, утащить свинью. И сказочный тигр при всей своей силе и свирепости почти неизменно выглядит глупцом и остается в дураках. Его запросто обводит вокруг пальца слабый зверек. Часто это кролик или заяц, которого многие сказки народов Азии наделяют сметкой, умом, ловкостью, даже бесстрашием. «Зяц славился среди зверей своим умом и сметкой. За его мудрость прозвали звери зайца Судьей», — рассказывается в сказке кхмеров «Приключения зайца». Не правда ли, как этот сказочный, конечно, заяц разительно не похож на пугливого косоногого из русских народных сказок? Здесь мы видим две контрастные национальные трактовки образа одного и того же животного.

У индонезийцев хитроумным зверьком почитается карликовая лань — канчиль, а в глупом положении обычно оказывается свирепый и тупой крокодил, которого, впрочем, не жалуют и многие другие народы тропических стран. Сильные мира сего, принявшие образ зверей, в таких сказках высмеиваются. Причем звучание этих сказок особенно забавно, потому что, хотя и имеются в виду люди, но все же речь-то идет о зверях с их свойствами и повадками.

В китайской сказке «О том, как по животным счет годам вести стали» из двенадцати животных самой хитроумной оказалась маленькая мышь: она изловчилась доказать, что вол или овца ростом меньше ее. Поэтому и поныне, говорится в сказке, с года мыши начинается счет годам двенадцатилетнего цикла в странах Дальнего Востока и во Вьетнаме. Каждый год цикла носит название животного, среди которых есть и фантастическое — дракон.

Кстати, в сказках народов Азии наряду с животными, которые существуют на самом деле, действуют и выдуманные: птица феникс, кейннары (полуптицы-полулюди в сказках Таиланда).

Во многих сказках нашей книги вы почувствуете насмешливое отношение к обезьянам: они, видно, напоминали сказочникам суетливых и незадачливых людей. Недаром в Древней Индии о таких говорили, что они «переменчивы, как мысли обезьян». Малопривлекательными обезьяны предстают в японской сказке «Обезьянка с обрезанным хвостом» или во вьетнамской «Черепашка и обезьяна».

Обратите внимание на сказки о животных-оборотнях, которые могут принимать разные обличья. Появились эти сказки сравнительно поздно. Интересно, что в сказках японцев предметы, особенно старые, долго бывшие в употреблении, могут обернуться барсуками, что, к немалому удивлению действующих лиц, и происходит в сказке «Волшебный котелок». Сказка, конечно, превращается при этом в забавную шутку.

Надо сказать, что барсук у японцев — всеобщий любимец. «У нас-то, в Японии, даже малые дети знают, что барсуки мастера выделывать всякие трюки и умеют превращаться в кого угодно», — говорится в сказке «Барсук и волшебный веер». Изображения шаловливых барсуков необычайно популярны на Японских островах, и, пожалуй, только здесь барсуки пользуются такой доброй славой.

Сказки о животных особенно интересны детворе, поэтому в Корее их так и называют: «тонхва», то есть «детские рассказы».

Впрочем, я знаю, что вы, ребята, очень внимательно слушаете и читаете также и волшебные сказки, то есть такие сказки, в которых обязательно действуют сверхъестественные силы, волшебные предметы, чудесные помощники. Чудесными помощниками сказочного героя нередко бывают кошка, собака, журавушка, другие животные и птицы. Волшебные силы (например, «старый дед с белой бородой») приходят на помощь бедной падчерице из японской сказки «Земляника под снегом».

Иной раз в волшебной сказке дарителем, то есть персонажем, одаривающим героя благами,

оказывается дерево. Так, в японской сказке «Как сосна за добро отплатила» дерево разговаривает и буквально осыпает славного дровосека золотым дождем за его добросердечие.

Сосна, зеленеющая летом и зимой, почитается японцами особо — как символ могучих жизненных сил.

Фантастика волшебной сказки зачастую ведет свою родословную от некоторых представлений о мире человека первобытного общества. Здесь и одухотворение природы: звери, птицы, рыбы, деревья, травы в сказках умеют говорить, проявляют ум, смекалку, благородство, хитрость и изворотливость. Здесь и древние обычаи и поверья, запреты — отсюда категорические советы героям сказки не делать того-то и того-то, иначе стряется беда. И конечно, в несколько измененном виде здесь следы веры в магию, волшебство, в том числе в магическую силу слова, заклинания. Поэтому зачастую герою сказки, для того чтобы совершить чудо, достаточно сказать нужное слово.

Волшебные сказки населены мифическими существами — злыми и добрыми духами. Они или вредят герою, или, наоборот, приходят ему на помощь. Эти фантастические существа — шайтаны, дивы и джинны у народов Ближнего и Среднего Востока, якки у народов Южной и Юго-Восточной Азии, тэнгу у японцев — в представлении тех или иных народов выглядели различно, да и характер у каждого из них своеобразный. Так, в кхмерской сказке «Сироты» якк описывается следующим образом: «Здоровенный верзила, зубы большие и белые, словно начищенная лопата, глаза злющие, как у совы, лицо бугристое, как у жабы, туловище словно у крокодила, голос хриплый и громкий, густые усы и борода...»

Якк, таким образом, выглядит очень устрашающим, а японские тэнгу совсем не страшны, скорее, забавны. «Были у них удивительные носы: их можно было сделать маленькими-премаленькими, величиной с пуговку, а можно вытянуть в длину и перекинуть через горы», — говорится в сказке «Длинноносые страшилища».

Все эти придуманные человеком существа непринужденно появляются в сказках, становятся частью сказочного вымысла. Впрочем, как и божества вроде Бимбогами — японского бога Бедности (сказка «Письма от Бимбогами»), китайского Князя гор (сказка «Птица чжаогу»), индийского бога Брахмы, во двор которого запросто навевается ворона (сказка «Охотник и ворона»).

Весь интерес в волшебной сказке сосредоточен на судьбе положительного героя или героини. Им мы сочувствуем, следим за их приключениями. Они воплощают в себе народный идеал красоты, нравственной силы, доброты, справедливости. Таков, например, юноша Санг Тхоонг из лаосской сказки «Золотая улитка», добывающий волшебные туфли и волшебное копье и спасающий родную землю от иноземного нашествия.

Сказочник решительно отдает свои симпатии людям обездоленным, несправедливо обиженным — сиротке, падчерице, младшему брату. Нередко бывает, что такой герой предстает сначала внешне непривлекательным. Добрая и трудолюбивая падчерица Кхончи из корейской сказки «Кхончи и Пхатчи», которая в начале повествования ходит замарашкой, станет в конце сказки красивой и счастливой.

А. М. Горький говорил, что многие образы сказочной фантастики, например ковер-самолет, выросли из мечты человека-труженика. Они предвосхищали успехи технического прогресса, предвещали замечательные изобретения человеческого ума. Эти чудеса — самолет, телевизор (магический кристалл) — стали для нас сегодня обычными. Но для крестьянина, заводившего вечером свою сказку не один век тому назад в лаосской деревне на берегу величавого Меконга, туфли, с помощью которых можно по воздуху летать, были недостижимой мечтой. Такие сказки будили ум, стремление познать мир, мечтать и дерзать.

Сказка привлекала людей еще и тем, что в ней человек легко достигал, казалось, невозможного. Поэтому зачастую волшебная сказка выражает вековые чаяния народа, его веру в торжество добра и справедливости.

Бытовые сказки возникли сравнительно поздно. Герой бытовой сказки действует зачастую в обстановке, привычной и знакомой крестьянину или горожанину: в селении, в соседнем городе, в столице. Это герой из низших сословий — крестьянин, ремесленник. Ему не спешат на выручку сверхъестественные силы, как в волшебных сказках. Нет у него волшебных предметов, нет чудесных помощников-животных. Поэтому герою приходится полагаться на самого себя, свою сметку, изворотливость, жизненную хватку. Правда, иногда в таких сказках появляется злой или добрый дух. Но, как правило, оказывается, что его совсем не трудно одурачить...

Помогают герою бытовой сказки также недогадливость и тупость его противника — богача, важного господина, а то и царя. Герой индийской сказки умный и находчивый Тенали Рамакришна искусно обманывает царя-самодура.

Бытовые сказки, таким образом, часто носят сатирический характер. В них мы найдем народный юмор, издевку над богатеями и другими сильными мира сего. Поэтому люди, слушая такие сказки, весело смеются, потешаются. Ведь в реальной жизни крестьянину или ремесленнику приходилось молча сносить обиды, гнет и произвол. А в сказке могущественные обидчики бедняка всячески высмеиваются. Жадность, скупость, лживость, лень — обычные пороки богача в представлении сказочника да и в самой действительности. И вот богатого, жадного старика, который все свое состояние нажил обманом, из корейской сказки «Как мальчик перехитрил богача», оставляет в дураках хитроумный малыш.

В бытовых сказках встречается герой, которого А. М. Горький метко назвал «ироническим удачником». Его классическим образцом наш великий писатель считал Иванушку-дурачка русских сказок. Он глуп, недалек, но ему повсюду, к изумлению слушателей, сопутствует удача. В индийском фольклоре таким героем является глупый брахман — священнослужитель. Он делает вид, что учен и умен, разбирается в гадальных книгах, а на самом деле трясется от страха каждый раз, когда надо показать свое искусство. Но неизменно на выручку ему услужливо приходит случайность, и слава мудрого прорицателя все прочнее закрепляется за глупым брахманом.

Слушая такие сказки, крестьяне и ремесленники насмешливо улыбаются. Да и тебя, читатель, эти сказки тоже позабавят.

В фольклоре многих народов Азии привлекает образмышленного, изобретательного героя, выходца из низов. Он оставляет в дураках или ставит в тупик своих недругов — надутых вельмож, жадных богачей, могущественных правителей. В Индии таким героем является Тенали Рамакришна, в Лаосе — Сиенг Миенг. Но пожалуй, самый знаменитый из них — ходжа Насреддин. У турок, иранцев и народов Средней Азии бытуют целые циклы забавных историй, связанных с ходжой Насреддином. Он появляется в чайханах и на базарах, заходит в мечеть, но отнюдь не для молитвы. Он насмешлив, даже язвителен, остроумен. Его слова и поступки не только смешат окружающих, но и заставляют о многом задуматься.

Среди бытовых сказок выделяются сказки о судах и судьях. Есть они и среди сказок о животных. Такая их широкая распространенность понятна. В жизни людей постоянно возникали споры и конфликты, для решения которых нужен человек, способный разумно и справедливо рассудить их. В сказках судья изображается контрастно: он может быть справедливым или несправедливым (как взяточник и неправедный судья-попугай в кхмерской сказке «Два соседа»), умным или глупым.

Хотя истории о судах и судьях переплетаются в сказках с другими сюжетами, в них особенно важен образ судьи. Конфликт и спор нередко приводят к судье, например, героев кхмерских и афганских сказок («Справедливый судья» и другие).

В сказках о судах и судьях, несомненно, зарождалось зерно современных детективных историй — романов, повестей, пьес и киносценариев.

Литература каждого народа уходит своими корнями в устное народное творчество. Самые древние литературные памятники народов Азии теснейшим образом связаны с фольклором. Это шумероаккадский эпос о Гильгамеше, датируемый III — началом II тысячелетия до нашей эры, древнеиндийские эпические поэмы «Махабхарата» и «Рамаяна», устные истоки которых теряются где-то в начале I тысячелетия до нашей эры, древнекитайская «Книга песен» (XI–VI века до нашей эры).

И в дальнейшем, на всех этапах своего развития, литература сохраняет связи с фольклором. Если взглянуть на древнеиндийские сборники повествований «Панчатантра» и «Джатаки», средневековую новеллу Китая, Японии, Кореи, Вьетнама, то мы увидим, что писатели черпали из народной сказки мотивы, сюжеты и образы. В таком литературном памятнике XI века, как «Океан сказаний» индийского поэта Сомадевы, ученые насчитали свыше трехсот вставных историй: сказка там переплетается то с мифом, то с анекдотом, то с новеллой. Также в XI веке в Японии был создан огромный свод «Стародавние повести», составивший тридцать один том. Туда вошли и сказки, и различные забавные истории, причем не только японские, но также индийские и китайские.

В X–XII веках в Багдаде начинает формироваться знаменитый сказочный свод «Тысяча и одна ночь». В него были включены индо-иранские сказки, а также различные повествования из арабского фольклора. Сказки «Тысячи и одной ночи» увлекают нас феерией выдумки, изобретательностью авторов-рассказчиков, умеющих удивить неожиданными поворотами сюжета, вмешательством волшебных сил и необычайного случая.

Выдающийся русский ученый академик А. Н. Веселовский говорил, что благодаря «Тысяче и одной ночи» перед европейским читателем открылся особый мир, одновременно и знакомый и незнакомый, и фантастический и реальный: «И эта чересполосица фантастического и реального не только не изумляет вас, а кажется естественною: так просто возвращаются в ней действующие лица».

В книгу «Сказок народов Азии» мы включили одно из самых знаменитых волшебных повествований «Тысячи и одной ночи» — «Сказку о рыбаке».

Сказочники в странах Азии не только вдохновляли своими чудесными историями писателей и поэтов. Они сами находились под могучим обаянием богатой, разнообразной литературы народов Востока, их искусства — архитектуры, живописи, скульптуры, музыки и театра, в котором часто показывались пьесы на сказочные темы.

В странах Азии и сейчас еще можно найти и послушать самого настоящего сказочника или сказочницу. Поэтому ученые-фольклористы нередко отправляются в труднодоступные уголки этих стран. Они записывают, изучают, публикуют сказки.

Вот почему книга сказок, которую ты держишь в руках, читатель, создана не только вдохновением, творчеством замечательных сказочников Востока, но и трудом ученых.

Итак, дверь в мир восточной сказки открыта перед тобой. И позволь напутствовать тебя перед чтением словами древнеиндийского афоризма: «Умен человек или глуп, стар или юн — он пробудится разумом, узнав все это».

Н. И. Никулин.

Японские сказки

[1]

Журавлиные перья

Японская сказка

Пересказ В. Марковой

авно-давно жили в одной горной деревушке старик со старухой. Очень они печалились, что детей у них не было.

Однажды в снежный зимний вечер пошел старик в лес. Собрал он большую охапку хвороста, взвалил на спину и начал спускаться с горы. Вдруг слышит он поблизости жалобный крик. Глядь, а это журавль попался в силоч, бьется и стонет, видно, на помощь зовет.

— Ах ты бедняга! Потерпи немного... Сейчас я тебе помогу.

Освободил старик птицу. Взмахнула она крыльями и полетела прочь. Летит и радостно курлычет.

Настал вечер. Собрались старики сесть за ужин. Вдруг кто-то тихонько к ним постучался.

— Кто бы это мог быть в такой поздний час?

Открыл старик дверь. Видит, стоит в дверях девушка, вся запорошенная снегом.

— Заблудилась я в горах, — говорит. — А на беду, сильно метет, дороги не видно.

— Заходи к нам, — приглашает старуха. — Мы гостье рады.

Взял старик девушку за руку и повел к очагу:

— Садись, обогрейся да поужинай с нами.

Поужинали они втроем. Видят старики, девушка красивая да такая ласковая. Стала она старухе по хозяйству помогать, а потом и говорит:

— Хочешь, бабушка, разомну тебе плечи, спину потру?

— Вот спасибо, доченька. Спина-то у меня и вправду болит. А как тебя по имени зовут?

— О-Цуру.

— О-Цуру, Журушка, хорошее имя, — похвалила старуха.

Пришлась старикам по сердцу приветливая девушка. Жалко им с ней расставаться.

На другое утро собирается о-Цуру в путь-дорогу, а старики ей говорят:

— Нет у нас детей, Журушка. Останься с нами жить.

— С радостью останусь, у меня ведь на свете никого нет... А в благодарность за доброту вашу натку я для вас хорошего полотна. Об одном только прошу: не заглядывайте в комнату, где я ткать буду. Не люблю, когда смотрят, как я работаю.

Взялась девушка за работу. Только и слышно в соседней комнате: кирикара тон-тон-тон.

На третий день вынесла о-Цуру старикам сверток узорчатой ткани. По красному полю золотые журавли летят.

— Красота-то какая! — дивится старуха. — Глаз не отвести!

Пощупала ткань: мягче пуха, легче пера.

А старик взглянул на девушку и встревожился:

— Сдается мне, Журушка, что похудела ты.

Щеки у тебя вон как впали. В другой раз не позволю тебе так много работать.

Вдруг послышался хриплый голос:

— Эй, дома хозяйева?

Это пришел торговец Гонта. Ходил он по деревням, скупал у крестьян полотно. Спрашивает Гонта:

— Ну что, бабушка, есть у тебя полотно на продажу? Наткала, верно, за зиму-то?

— Есть на этот раз у нас кое-что получше, господин Гонта, — отвечает старуха. — Вот взгляни-ка. Это наткала дочка наша Журушка. — И развернула перед Гонтой алую ткань. Золотые журавли словно живые летят.

— О, такого прекрасного узора и в столице никто не видал! Ваша дочь, я смотрю, мастерица!

Гонта сразу полез в кошелек, достал пригоршню золотых монет. Понял он, что в княжеском дворце продаст такую замечательную ткань во сто раз дороже.

— Золотые монеты! Смотрите, настоящее золото! — Старики глазам своим не поверили.

Впервые на своем веку видели они золото.

— Спасибо тебе, Журушка, спасибо! — от всего сердца поблагодарили девушку старик со старухой. — Заживем мы теперь по-другому. Сошьем тебе новое платье к празднику. Пусть все любят, какая ты у нас красавица.

Наступила весна. Пригрело солнце. Что ни день, прибегают к дому стариков деревенские дети:

— Сестрица Журушка, выйди поиграй с нами.

Улыбается Журушка:

— Ну хорошо, давайте играть. Поплывем в гости к лунным феям.

Поднимут двое детей руки — это ворота в царство фей. А Журушка поет:

Поплывем мы в царство фей
Дружно, дружно, весело.
Облачко — как лодочка,
Серебряные весла.

Проходят дети в ворота веселой вереницей и стариков зовут:

— Дедушка, пойдём с нами играть! Бабушка, пойдём играть!

— Да полно вам, не тяните нас за руки так сильно, — смеются старики.

Но не всегда светить солнцу. И дождь полям нужен. Поглядит Журушка, что небо облака закрыли, и запоет:

Дождик, дождик, лей сильней,
Дождик, лей среди полей.

Дольше, дольше погости
На грушевом дереве.

Соберутся дети вокруг Журушки, а она им сказки рассказывает о разных диковинных птицах.

Хорошо было детям играть с Журушкой.

Но вот как-то раз снова пожаловал Гонта.

— Здравствуй, дедушка! Не найдется ли у тебя опять такой же ткани, как в прошлый раз? Продай мне, я охотно куплю.

— Нет, и не проси. Дочке моей о-Цуру нельзя больше ткать: очень она от этой работы устает. Боюсь, заболит.

Но Гонта чуть не силой всунул старику в руки кошелек, набитый золотыми монетами.

— Я заплачу тебе еще дороже, чем в прошлый раз. А если ты не согласишься, пеняй на себя. Худо тебе будет. Меня ведь сам князь к тебе прислал, — пригрозил Гонта. — Чтоб через три дня была ткань готова, не то головой заплатишься!

Ушел Гонта, а старик и старуха стали горевать:

— Беда, беда! Что же с нами теперь будет? Пропали наши головы.

Все слышала о-Цуру, хоть и была в другой комнате. Стала она утешать стариков:

— Не бойтесь, не плачьте. Через три дня будет готова ткань красивее прежней.

Пошла девушка в ткацкую комнату и затворила дверь наглухо.

Вскоре послышался за стеной быстрый-быстрый стук: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

День, и другой, и третий стучит ткацкий станок.

— Журушка, кончай скорее, будет тебе! — тревожатся старик со старухой. — Ты, верно, устала, доченька?

Вдруг послышался грубый голос:

— Ну как, готово? Покажите мне.

Это был Гонта.

— Нет, показать нельзя. Журушка крепко-накрепко запретила к ней входить, пока она ткет.

— Ого! Вот еще выдумки! Я вижу, ваша дочь привередница. Ну а я и спрашивать у нее не стану!

Оттолкнул Гонта стариков и настезь распахнул двери.

— Ой, там журавль, жу-жу-равль! — испуганно забормотал он.

Входят старики — и правда, стоит за ткацким станком большая птица. Широко раскрыла она свои крылья, выщипывает у себя клювом самый нежный, мягкий пух и тклет из него красивую ткань: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

Захлопнули старики дверь поскорее, а Гонта со всех ног убежал — так он испугался.

На другое утро прибежали дети звать Журушку.

— Журушка, выйди к нам, поиграй с нами или сказку расскажи.

Но в ткацкой комнате все было тихо.

Испугались старик со старухой, открыли дверь и видят: никого нет. Лежит на полу прекрасная узорчатая ткань, а кругом журавлиные перья рассыпаны... Начали старики звать дочку, искали-искали, да так и не нашли.

Под вечер закричали дети во дворе:

— Дедушка, бабушка, идите сюда скорее!

Выбежали старики, глядят... Ах, да ведь это журавль. Тот самый журавль! Курлычет, кружится над домами. Тяжело так летит...

— Журушка, наша Журушка! — заплакали старики.

Поняли они, что это птица, спасенная стариком, оборотилась девушкой... Да не сумели они ее удержать.

— Журушка, вернись к нам, вернись!

Но все было напрасно. Грустно-грустно, точно прощаясь, крикнул журавль в последний раз и скрылся в закатном небе.

Долго ждали старик со старухой, но Журушка так и не вернулась.

Есть, говорят, на одном из дальних островов большое озеро. Видели там рыбаки журавля с выщипанными перьями. Ходит журавль по берегу и все поглядывает в ту сторону, где старик со старухой остались.

К японской сказке «Журавлиные перья».

Как сороконожку за лекарем посылали

Японская сказка

Пересказ В. Марковой

старину, далекую старину, как-то раз под вечер шло у цикад [\[2\]](#) большое веселье.

Вдруг одна из них жалобно заверещала:

— Ой, больно! Ой, не могу! Ой, голову ломит!

Поднялся переполох. Решили цикады скорее послать за лекарем. Тут заспорили они между собой:

— Пошлем ту, нет, лучше эту...

А самая старая и мудрая цикада посоветовала:

— Надо сороконожку послать. У нее ног много, она скорее всех добежит.

Попросили цикады сороконожку сбегать за лекарем, а сами стрекочут возле больной:

— Потерпи немного, потерпи, потерпи!

Стонет больная, а лекаря все нет как нет. «Где же наша сороконожка? Отчего она до сих пор лекаря не привела?» — тревожатся цикады. Пошли они посмотреть, не вернулась ли сороконожка к себе домой. Видят: сидит сороконожка, обливаясь потом, на пороге своего домика, а перед ней — ворох соломенных сандалий.

Спрашивают ее цикады:

— Что же лекарь так долго не идет?

А сороконожка в ответ:

— Не видите разве, я спешу изо всех сил. Как раз двадцать первую ногу обуваю. Надену сандали на все свои ноги и сразу же побегу за лекарем.

Тут только догадались цикады, что сороконожка еще только обувается в дорогу. Хорошо, что больная тем временем и без лекаря выздоровела.

Недаром старики говорят: «Первым добежит не тот, кто быстрее всех бегают, а тот, кто скорее всех в дорогу соберется».

О чем рассказали птицы

Японская сказка

Пересказ В. Марковой

авно-давно это было. Жил в одной деревне старик. Ходил он по горам, хворост собирал да продавал его на базаре.

Как-то раз нашел он в лесу красный колпак. Обрадовался старик находке: хоть и дырявый колпак, да ведь у него и такого не было.

«В пору ли он мне?» — подумал старик и нахлобучил его на голову. И что же? Слышал он до того только щебет и крики птиц, а тут вдруг весь лес наполнился спорами и разговорами.

— Отдай моего червяка! Отдай моего червяка!

— Фить, фить, не отдам! Давай пополам.

— Сова-то увидела меня и кричит: «Угу-угу!»

— А ты что?

— А я ни гугу. Так и спасся.

— Дети мои, дети, голубяточки, давайте я вас приголублю.

Вон на той ветке ссорятся, а на этой идет дружная беседа. И вдруг:

— Р-разбой! Разбой! Держи вора! Кар-р! Кар-р!

Старик даже в сторону шарахнулся от испуга! Сбила ветка колпак у него с головы, и сразу стихли речи, снова зазвенел непонятный птичий щебет. Поднял старик колпак с земли, надел на голову, и опять послышались разговоры и вверху, на ветках, и внизу, в кустах. Снял колпак — снова птичий щебет да шорох листьев. Надел колпак — опять разумные речи.

«Вот оно что! — догадался старик. — Не простой колпак я нашел, а волшебный: зовут его в народе колпак «Чуткие уши». Кто его наденет, тот научится понимать язык птиц и зверей, цветов и деревьев».

Пошел старик дальше в лес, присел отдохнуть под большим деревом и задремал. Разбудило его карканье ворон.

«Что это я, задремал, кажется?» — встрепенулся старик.

Видит он: сидят на ветке над самой его головой два ворона и хрипло каркают.

«О чем это они?» — подумал старик. Надел он свой красный колпак и стал слушать.

— Давно мы с тобой не встречались, друг Кангарасу, — говорит один ворон другому. — Ты откуда путь держишь?

— Был я на морском берегу, но пропала там рыба, нечем стало кормиться, вот я и прилетел сюда, —

отвечает другой. — А ты где летал, брат?

— Возле деревни на рисовых полях охотился, да только ныне на улиток неурожайный год. И еще мало того — дети дразнятся:

Вор-вор-ворон,
Где ты закоптел?
Выкради краски,
Выкраси перья.

— Да, друг, беда нам от этих озорников. Но скажи мне, что на свете нового, небывалого?

— Каркнуть по правде — ничего. Ах да, вспомнил. Расскажу я тебе, что в наших краях случилось. Лет шесть назад, не соврать бы... Да, точно, шесть лет назад строил один крестьянин кладовую. Стали настилать крышу из дранки...

— Драную, драную крышу?

— Да нет, из дранки. Словом, стали дощечки одну к другой приколачивать. И случилось так, что заползла на крышу змея, ее невзначай и прибили гвоздем. Лежит змея полуживая и не умирает. Все эти годы ее кормит верная подруга. Приползет к ней, и плачут они обе, плачут... Растет чужое горе над домом, словно черная туча. И тут пришла к крестьянину беда: заболела его единственная дочь.

— Кра-кра-красивая?

— Красавица, да еще какая! Жаль ее! Если никто не догадается приподнять доску и освободить змею, то змея умрет. В тот же миг умрет и девушка. Много раз летал я над крышей и каркал об этом во все горло, да что проку! Никто меня не послушал.

Другой ворон отвечал ему:

— Правда твоя, непонятливы люди! Как громко ни каркай, все им невдомек.

Наговорились вороны и разлетелись в разные стороны.

Услышал это старик и подумал: «Хорошо, что на мне чудесный колпак! Надо скорей идти спасать девушку. Но раньше выряжусь-ка я чародеем, а то и не поверят».

Сплел старик из соломы высокую-высокую шапку с острым концом, обклеил ее пестрой бумагой и напялил на голову. Вот приходит старик к дому крестьянина и кричит у ворот:

— Гадатель пришел, гадатель! Все на свете разгадать могу, что, отчего и почему случилось.

Позвал хозяин старика:

— Эй, гадатель, не стой у ворот, зайди ко мне в дом, погадай!

Зашел старик в дом, спрашивает:

— А что ты узнать хочешь? Может, есть у тебя какое-нибудь заветное желание?

— Одно у меня есть заветное желание: чтобы дочка выздоровела. Болеет она уже много лет. А какая болезнь на нее напала, ни один знахарь понять не может.

— Хорошо, я погадаю. Только надо мне сперва на больную посмотреть. Ведите меня к вашей дочери, — говорит старик.

Лежит девушка, тонкая, желтая, словно листок осенью. Вот-вот упадет листок с ветки...

Сел старик у изголовья больной, забормотал про себя, будто заклинания читает:

Гуру-гуру, буру-буру.
Хвороба — вон.
Здоровье — в дом.
Буру-буру, гуру-гуру.

Бормотал он, бормотал, что в голову придет, а потом и говорит хозяину:

— Строил ты шесть лет назад новую кладовую, крышу над ней настилал да невзначай прибил гвоздем змею. Страдает змея, день и ночь мучается. За это змеиное племя болезнь на твой дом наслало.

— Правду говорит гадатель! — воскликнул крестьянин. — Как раз шесть лет назад строил я кладовую... Надо скорее освободить змею.

Тут же позвали соседа-плотника. Полез он на крышу и стал поднимать дощечки... А под одной и в самом деле змея лежит, вся белая, высохшая, еле живая.

— Вот она, причина болезни! — сказал старик.

Осторожно положили змею в корзинку, поставили корзинку на берегу ручья и давай поить и кормить змею. Стала змея оживать.

В то же самое время стала и девушка поправляться. Вернулась к девушке прежняя красота. А как отпустили змею на волю, девушка и совсем выздоровела.

То-то пошло в доме веселье.

Подарил крестьянин старику новую одежду. Решил старик свет посмотреть и отправился странствовать.

Ходит он из деревни в деревню, из города в город.

Однажды сел он отдохнуть под раскидистым деревом возле дороги. Глядь, снова прилетают два ворона. Уселись они на дереве и повели между собой разговор.

— Тоскливо жить все в одном и том же городе, мало слышишь нового, — жалуется первый ворон, — поневоле улетишь в другие края.

— Да что ты! — отвечает второй ворон. — А вот у нас, в нашей маленькой деревушке, случилось небывалое. Тяжко заболел один крестьянин, не сегодня завтра умрет. А все отчего? Лет пять назад пристроил он к своему дому еще одну комнату. Чтобы расчистить место, срубил он старое камфарное дерево [3]. Остался пень стоять возле самого дома, и течет на него дождевая вода с крыши. Не погибли корни дерева, каждую весну дают они новые побеги. Да только их тут же обрезают. И жить дерево не живет, и умирать не умирает. Вот и постигла крестьянина за это тяжелая кара...

— А ты каркал на крыше, сказал, от чего болезнь приключилась?

— Каркал, каркал, даже охрип. Да разве люди что понимают!

— Правда твоя. Прошлую ночь у нас в городе воры дом обокрали. Уж как я кричал: «Караул, караул!» И все без проку, не проснулся никто. Но рассказывай дальше.

— Страдает камфарное дерево, мучается, бедное. Каждую ночь из горных лесов приходит множество деревьев навещать своего несчастного друга. Уж дали бы ему люди жить на свободе или выкопали бы, чтоб сразу засохло и не мучилось больше. Тогда бы и крестьянин сразу поправился...

Услышал старик рассказ ворона и отправился в дальний край к больному крестьянину. Пришел и кричит у ворот:

— Гадатель пришел, гадатель!

Выбежали люди из дома и зовут старика:

— Гадатель, зайди сюда, хозяин тебя приглашает.

Ввели старика в дом. Видит он: лежит на постели больной, еле дышит. Сел старик у его изголовья и спрашивает:

— О чем же тебе погадать?

— Погадай, долго ли мне мучиться? Или, может, есть на свете какое средство спасти меня.

— Не горюй! — говорит старик. — Я узнаю причину болезни и вмиг тебя вылечу. Для меня это проще простого.

Забормотал старик про себя:

Гуру-гуру, буру-буру.

Хвороба — вон.

Здоровье — в дом.

Буру-буру, гуру-гуру.

Бормотал-бормотал старик, а потом и сказал:

— Пять лет назад сделал ты, хозяин, пристройку к своему дому.

— Ах, гадатель, откуда ты это узнал? — удивились все кругом.

— Это мне открыло мое гаданье. Оставьте меня одного в той комнате, и за одну только ночь я открою причину болезни вашего хозяина и вылечу его.

Отвели туда старика. Первым делом он приказал:

— Не входите ко мне, пока не позову!

Настала ночь, но старик не лег спать. Надел он свой волшебный колпак и ждет, что будет.

В полночь что-то зашелестело, зашуршало под окном:

— Эй, камфарное дерево, отзовись! Как нынче твое здоровье?

В ответ послышался тихий-тихий голос, точно из-под земли:

— Кто это говорит? Верно, криптомерия [\[4\]](#) с горы Криптомерий? Ты приходишь ко мне каждую ночь. Как мне благодарить тебя за твою заботу? Плохо мне, чуть дышу... Об одном только думаю: как бы мне поскорее умереть...

Стала криптомерия утешать друга:

— Что ты, что ты, нельзя так падать духом! Мужайся! А теперь мне пора. Завтра опять приду.

Ушла криптомерия.

Но не прошло и часа, как снова послышался шорох и чей-то голос спросил:

— Здравствуй, друг, камфарное дерево! Может, полегчало тебе?

— Кто говорит со мной? Уж не сосна ли с Сосновой горы?

— Да, это я.

— Ты пришла издалека!.. Спасибо тебе. Сама ведь устаешь, да и птиц на своих ветках беспокоишь.

— Полно, полно! Просто я собралась погулять и зашла к тебе по дороге. Настанет весна, и ты непременно поправишься! Не теряй надежды!

И снова послышалось: шурх-шурх! Это уходила сосна.

Старик в своем колпаке «Чуткие уши» слышал все их речи и думал: «Поскорее бы рассвело!»

Едва наступило утро, старик поспешил к больному и опять забормотал свои заклинания: «Гуру-гуру, буру-буру...» А потом сказал:

— Срубил ты камфарное дерево... А пень возле дома остался. Живой он, растут на нем зеленые побеги. А ты их каждый раз обрезаешь. Чужое горе — вот причина болезни. Ведь не только камфарное дерево страдает — все деревья на высоких горах вокруг горюют о своем друге. Никому в лесах покою нет. Оставьте камфарное дерево, не обрезайте его побеги, тогда ты и поправишься.

— Не трогайте камфарное дерево, — наказал крестьянин своим сыновьям. — Если нужно, и крышу над ним разберите.

А как зазеленели на камфарном дереве молодые побеги — и крестьянин поправился. Болезнь как рукой сняло.

Построили сыновья крестьянина по соседству дом старику. Возле дома сад разбили. Поселились там самые красивые деревья со всей округи и цвели каждую весну небывалым цветом. И все звери и птицы тоже дружили со стариком, потому что он их понимал и любил.

Обезьянка с обрезанным хвостом

Японская сказка

Перевод А. Садовой

Жила-была обезьянка, маленькая и глупая. Целыми днями она только и делала, что прыгала с ветки на ветку.

— Будь осторожней, — говорили ей большие обезьяны, — так недолго и упасть!

Но обезьянка никого не желала слушать. Она забиралась на самые высокие деревья и прыгала на самые тонкие ветки.

Как-то раз забралась она на высокое дерево. Вдруг ветка под ней обломилась, и обезьянка упала в колючий куст, а длинная острая колючка вонзилась ей в хвост.

— Ой, ой! Как больно! — заплакала обезьянка, и все увидели, что она к тому же трусиха.

Как раз в это время шел по лесу брадобрей и нес в котомке свои бритвы. Обрадовалась обезьянка:

— Помоги мне, пожалуйста, отрежь бритвой кончик хвоста вместе с этой противной колючкой.

Достал брадобрей бритву, только поднес ее к хвосту, а обезьянка как закричит:

— Ой! Это будет больно! — и отскочила в сторону.

Брадобрей и отхватил обезьянке почти весь хвост.

Увидела это обезьянка и заплакала:

— Посмотри, что ты наделал с моим хвостом! Верни мне хвост или отдай свою острую бритву!

Не мог брадобрей вернуть обезьянке хвост и отдал ей свою бритву.

Бежит обезьянка по лесу дальше, острой бритвой размахивает. Вдруг видит, старушка хворост собирает. А хворостины толстые, длинные. Никак их старушке не разломить.

Захотелось обезьянке похвастаться острой бритвой, подошла она к старушке и говорит:

— Посмотри, какая у меня бритва. Мигом хворост ею расщепишь.

Обрадовалась старушка, ну хворост щепать, только ведь бритва для этого дела непригодна — быстро затупилась.

— Что ты наделала с моей острой бритвой! — рассердилась обезьянка. — Верни мне бритву или отдай свой хворост!

Не могла старушка вернуть обезьянке бритву и отдала ей свой хворост.

Взвалила обезьянка хворост на спину и поскокала дальше.

Вдруг видит, во дворе хозяйка рисовые лепешки печет. Захотелось обезьянке рисовых лепешек. Подошла она к хозяйке и стала смотреть. А у хозяйки хворост сырой, горит плохо.

— Возьми лучше мой хворост, он совсем сухой! — предложила обезьянка.

Обрадовалась хозяйка, взяла вязанку и бросила в огонь. Разгорелся огонь, стали лепешки подрумяниваться. А как догорел хворост и хозяйка вынула лепешки, закричала обезьянка:

— Что ты наделала с моим хворостом! Верни мне его или отдавай свои лепешки!

Не могла хозяйка вернуть обезьянке хворост и отдала ей свои лепешки.

Схватила их обезьянка и побежала дальше. Бежала, бежала, повстречала старика с большим медным гонгом. Захотелось обезьянке иметь такой гонг, она и говорит:

— Есть у меня, старик, вкусные рисовые лепешки. Дай мне за них твой гонг.

— Ладно, — согласился старик, — можно и поменяться.

Схватила обезьяна гонг, забралась на вершину дерева и давай бить в гонг.

— Я самая красивая на свете обезьяна! — кричит. — У меня самый замечательный на свете гонг! Бом! Бом! Был у меня хвост, отдала я его за бритву. Бритву выменяла на хворост, а хворост на лепешки, а за лепешки получила этот чудесный гонг! Бом! Бом! Бом!

Обезьянка так сильно ударила в гонг, что не удержалась и свалилась в колючий куст. Громко засмеялись обезьяны и с тех пор стали называть ее бесхвостой Бом-Бом.

Обезьяна и краб

Японская сказка

Перевод А. Садовой

Правились как-то обезьяна и краб вместе гулять. Нашла обезьяна по дороге косточку персика, а краб — рисовый колобок. Очень захотелось обезьяне съесть рисовый колобок, вот и стала она упрашивать краба поменяться. Уж и так и сяк она краба уговаривала, пока тот наконец не согласился. Схватила обезьяна рисовый колобок, мигом проглотила. А краб персиковую косточку сохранил, домой принес, весной в землю посадил. Проросла косточка, появилось деревце. Росло, росло и скоро дало плоды — сочные, сладкие.

Очень хотелось крабу попробовать персик, но как его с ветки снимешь? Вот и попросил он обезьяну помочь.

Прибежала обезьяна, взобралась на дерево — от сочных плодов оторваться не может, а про краба и думать забыла.

Ждет краб под деревом, когда обезьяна ему персик кинет. А обезьяна тем временем наелась, вниз посмотрела — тут только про краба и вспомнила. Засмеялась и кинула крабу персик — неспелый, зеленый да жесткий.

Обиделся краб и решил проучить обезьяну. Призвал краб на помощь своих друзей — ступку, пчелу и каштан. Думали они, думали, как наказать обезьяну, и наконец придумали.

Вот вечером зазвал краб обезьяну к себе в дом. Пришла обезьяна, у жаровни важно развалилась. А каштан незаметно подкатился и шмыг в огонь. Лежит, поджаривается.

Только обезьяна разморилась, выскочил каштан из огня и прыг ей на ноги. Закричала обезьяна, вскочила, а тут пчела давай жалить обидчицу.

Бросилась обезьяна вон из жилища краба, да о ступку споткнулась — растянулась посреди хижины. Поняла тогда обезьяна, что наказал ее краб за обиду. Повинилась она перед ним и его друзьями.

Простил ее краб. А обезьяна хорошо запомнила этот урок и никого больше не обижала.

Как заяц море переплыл

Японская сказка

Перевод А. Садовой

ил на свете заяц, и было у него заветное желание — море переплыть, на далеком морском острове побывать. Но плавать зайчишка не умел, и лодки у него не было.

Думал-думал заяц и придумал. Гулял он как-то раз по берегу моря, увидел акулу и спрашивает:

— Как думаешь, акула, у кого больше друзей — у тебя или у меня?

— Тут и думать нечего, у меня, конечно, — сказала акула. — Все акулы в морях и океанах — мои друзья.

— И сколько же у тебя друзей?

— Не знаю, — задумалась акула, — много, очень много, но сколько именно — откуда мне знать! Я их не считала.

— А давай посчитаем, — предложил заяц.

— Да как же мы их посчитаем? — удивилась акула.

— А ты подзови акул к нашему берегу, — предложил заяц. — Раз они твои друзья, обязательно приплыть должны. Лягут акулы на волны бок о бок друг к другу, как раз до того вон острова вытянутся. Вот я их и пересчитаю.

«Ай да заяц!» — удивилась акула.

Позвала она на следующее утро всех своих друзей, легли акулы бок о бок в одну линию от берега до самого острова.

— Ну, начинай! Попробуй-ка сосчитать моих подруг! — крикнула зайцу акула.

Взобрался заяц на спину акуле, постоял, подумал, а потом с одной акульей спины на другую стал перескакивать и громко считать:

— Одна, две, три, четыре...

Так и считал, пока не добрался до заветного острова. А там спрыгнул на землю да как закричит:

— Здорово я вас одурачил, глупые акулы! Очень мне нужно знать, сколько у акулы друзей! Я на остров попасть хотел! А вы-то и поверили!

Рассердились акулы, ринулись к острову, да заяц давно уж на земле стоит, попробуй достань его. Правда, одной акуле все же удалось схватить зайца за хвост и вырвать клочок шерсти.

Уплыли акулы. Сидит заяц на камне, лапой оборванный хвост поглаживает. «Вот так дела! — думает. — Как же я теперь домой попаду? Как через море переберусь?»

А уж темнеет, страшно зайцу на незнакомом острове.

Услышал дух, хозяин острова, как горько плачет заяц, и подошел к нему:

— Что ты, заяц, слезы льешь? Акул обмануть надумал? А что же вышло? Разве можно так! Попросил бы акулу, она бы тебя и так по морю покатила! Ложись-ка спать, завтра утром что-нибудь придумаем.

Наутро дух и говорит:

— Обещаешь мне никого больше не обманывать? А перед акулой повинись?

— Да, — молвил заяц.

— Бери мою лодку, — сказал дух, хозяин острова, — и возвращайся домой.

Вернулся заяц домой, перед акулой повинился и с тех пор никого больше не обманывал.

Барсук и волшебный веер

Японская сказка

Перевод А. Садовой

давние времена жили в Японии демоны с длинными носами. Называли их тэнгу. Были у тэнгу волшебные веера: шлепнешь по носу одной стороной — начинает нос расти, шлепнешь другой — нос снова коротким становится.

Как-то раз три маленьких тэнгу играли в лесу с таким волшебным веером. Шлепали друг друга по носу то одной, то другой стороной.

Увидел барсук волшебный веер и подумал: «Вот бы мне такой! Уж я бы времени на глупости тратить не стал! Уж я-то нашел бы, что с этим веером делать!»

У нас-то, в Японии, даже малые дети знают, что барсуки мастера выделять всякие трюки и умеют превращаться в кого угодно. Вот барсук и решил обмануть тэнгу. Превратился он в маленькую девочку, положил на тарелочку четыре булочки с бобовой начинкой и пошел к тэнгу.

— Здравствуйте, маленькие миленькие тэнгу, — сказал барсук голосом девочки, — я принесла вам булочки с бобовой начинкой. Попробуйте, они очень-очень вкусные.

Маленькие тэнгу страсть как любили булочки с бобовой начинкой. Съели они по одной и видят — на тарелке еще одна булочка осталась! Кому же она достанется? Спорили-спорили, да так ничего и не решили. Тогда девочка и говорит:

— Я знаю, что надо делать. Закройте глаза. Кто дольше простоит с закрытыми глазами, тот и съест последнюю булочку.

Маленькие тэнгу согласились, зажмурились, застыли на месте — ждут. А барсук схватил веер и был таков. Маленькие тэнгу так и остались стоять с закрытыми глазами.

— Ха-ха-ха! — смеялся барсук. — Ловко я обманул этих глупых тэнгу!

Думал-думал барсук, куда же пойти с удивительным веером, где испробовать его волшебную силу, и решил отправиться в город.

Пришел, видит у храма красивую девушку, вокруг нее слуги толпятся. «Не иначе, дочь богача», — подумал барсук. Подкрался к девушке и тихонько шлепнул ее по носу веером. Тут и вырос у красавицы длинный-предлинный нос. Испугалась девушка, закричала, слуги врассыпную бросились! Шум, гам поднялся. А барсук сидит себе на камешке, усмехается!

Созвал богач лекарей, да не знают те, как такую хворь излечить. Все средства испробовали, ничто не помогает. Тогда разнослась по городу весть: отдаст богач свою дочь в жены тому, кто дочь его исцелит! И половины своих богатств богач тому не пожалеет!

Много охотников нашлось получить в жены красавицу, да еще и половину сокровищ в придачу.

Только никто из них вылечить бедную девушку не смог.

Пришел тогда барсук к богачу и говорит:

— Отведи меня к твоей дочери. Я ее мигом от недуга излечу!

Обрадовался богач, повел барсука к дочери. Шлепнул легонько барсук девушку по носу волшебным веером, и нос на глазах уменьшился.

Заплакал отец от радости, слугам к свадьбе готовиться велел. Все в делах да хлопотах, только барсук день-деньской бездельничает — пьет да ест, ест да пьет, да на солнышке греется. «Чем бы заняться?» — все думает.

Достал раз волшебный веер, хлоп себя по носу — нос вверх стал расти. Смотрел-смотрел барсук да и уснул. А нос все растет! Одно облачко проткнул, другое, третье. До самого неба вырос нос у барсука.

А на небе тем временем небесные строители мост строили. Видят, с земли шест какой-то тянется.

— Вот и шест для перил, — обрадовались и изо всей силы потянули барсука за нос.

Проснулся барсук — ничего понять не может. Огляделся — испугался. Земля далеко внизу осталась, над головой пушистые облака плывут. Кричал-кричал барсук, на помощь звал, да никто не откликнулся.

Что стало с тем барсуком — неизвестно. Только никто его с тех пор больше не видел.

Шишка справа и шишка слева

Японская сказка

Пересказ Н. Фельдман

авным-давно жил в деревне Асано старик. Звали его Гоэмон. Это был необыкновенный старик: на правой щеке у него торчала шишка. Большая круглая шишка, похожая на хорошее яблоко.

Когда Гоэмон смотрел налево, он все видел. А когда смотрел направо, то видел только свою шишку. Это ему очень не нравилось. А вдобавок от тяжелой шишки голова у него свешивалась набок. Это тоже было неудобно.

Старик только и думал, как бы ему избавиться от шишки.

Вот раз пошел он в лес на гору нарубить себе дров. Вдруг началась гроза. Ударил молния, загредел гром, полил дождь.

«Куда бы мне спрятаться?» — подумал старик и стал смотреть по сторонам. Неподалеку он увидел большое дуплистое дерево. Обрадовался старик, побежал к дереву и забрался в дупло.

А уже стемнело. В горах не стучали больше топоры дровосеков. Было совсем тихо. Только ветер с воем проносился мимо дерева. Гоэмону стало страшно. Со страху он съежился на самом дне дупла, крепко зажмурился и стал бормотать про себя: «Кувабара! Кувабара! Чур меня! Чур меня!»

В полночь, когда ветер утих и капли дождя стали падать все реже и реже, с горы раздался какой-то шум — громкий топот и голоса.

Сидеть в дупле старику было так скучно, что он очень обрадовался голосам. Открыл глаза, поднялся во весь рост и осторожно высунул голову из дупла.

Что же он увидел?

С горы к дереву шли не люди, а горные чудища. Красные, синие, зеленые. У кого было три глаза, у кого два носа, у кого рог на лбу, у кого рот до ушей. А только такой шишки, как у Гоэмона, не было ни у одного чудища.

Гоэмон еще больше испугался, присел в дупле и так съежился, что стал чуть ли не меньше своей собственной шишки.

Тем временем чудища с воем и ревом подошли к самому дереву и стали рассаживаться на траве. Главное чудище село посередине, а по бокам полукругом уселись чудища поменьше. Потом все они достали из карманов фарфоровые чашечки и стали угощать друг друга чаем, совсем как люди. Сначала пили молча, потом хором запели песню, а потом вдруг одно маленькое чудище вскочило, выбежало на середину круга и пустилось плясать. За ним пошли в пляс и остальные. Одни плясали получше, другие похуже. Когда пляска кончилась, главное чудище одобрительно кивнуло головой и сказало:

— Хорошо, очень хорошо! У нас сегодня весело. Но только вы все пляшете одинаково. Вот если бы

хоть кто-нибудь сплясал по-другому, по-новому!

Старик все это слышал. Он сначала сидел в дупле и боялся открыть глаза. Но потом понемногу его стало разбирать любопытство. Он осторожно приподнялся и чуть-чуть высунул голову наружу, так, что только его левый глаз был над дуплом, а правый глаз, нос и шишка оставались в дупле. А когда Гоэмон увидел, как весело чудища пляшут, он совсем забыл про страх. Ноги у него так и заерзали. Но в дупле было тесно — там не то что плясать, а и пошевелиться нельзя было.

И вдруг Гоэмон услышал, как главное чудище проговорило:

— Вот если бы хоть кто-нибудь сплясал по-другому, по-новому!

Тут старику до смерти захотелось выскочить из дупла и поплясать на свободе. Нет, страшно! А вдруг съедят?

Пока он так раздумывал, чудища принялись все разом хлопать в ладоши, да так дружно и весело, что Гоэмон больше не мог утерпеть.

— Эх, чего бояться! Попляшу в последний раз, а там пускай едят!

Он оперся рукой на край дупла, перекинул ногу и выскочил прямо на середину круга.

Чудища даже перепугались. Повскакали с мест, всполошились:

— Что такое?

— Что случилось?

— Человек!

А старик, не слушая ничего, давай плясать. То подскочит, то пригнетса, то сожмется, то вытянется, то направо забежит, то налево отойдет, то волчком завертится.

Пляшет и побрякивает:

— Э-э, коря, э, коря...

Чудища засмотрелись на него, стали притоптывать ногами, прищелкивать языком, бить в ладоши.

— Ярэ! Здорово!

Когда Гоэмон наконец выбился из сил и остановился, главное чудище сказала:

— Вот спасибо, старик! Мы сами любим поплясать, а такой пляски еще никогда не видели. Приходи завтра вечером, спляши нам еще раз.

Гоэмон только улыбнулся:

— Ладно! Я и без вашего зову приду. Сегодня, по правде говоря, я не собирался плясать, не приготовился. А уж к завтрашнему вечеру я припомню все, что плясал в молодости.

Тут одно чудище, которое сидело справа от главного, сказала:

— А может, старик задумал нас обмануть и не придет? Надо взять у него что-нибудь в залог.

Главное чудище кивнуло головой:

— В самом деле надо.

— Но что же у него взять?

Чудища зашумели. Одни кричали: «Шляпу!», другие: «Топор!» Но главное чудище подняло руку и, когда все замолкли, сказала:

— Лучше всего взять у него шишку со щеки. Я видал людей и знаю, что такой шишки ни у кого нет. Наверно, это очень драгоценная вещь.

У Гоэмона от радости задрожали руки и ноги. Но он притворился, что ему очень жаль своей шишки.

— Лучше вырвите у меня глаз! — закричал он. — Лучше выдерните язык, оторвите нос, уши, но только, пожалуйста, не трогайте шишку! Я столько лет ношу ее, я так берегу ее! Что я стану делать без шишки?

Главное чудище, услышав это, сказало:

— Поглядите, как он дорожит своей шишкой! Ну, если так, взять ее!

Сейчас же самое маленькое чудище подскочило к старику и мигом открутило шишку с его щеки. Гоэмон даже ничего не почувствовал.

В это время стало светать. Закаркали вороны.

Чудища засуетились.

— Ну, старик, приходи завтра! Получишь назад шишку.

И вдруг все исчезли.

Гоэмон оглянулся — никого нет. Потрогал щеку — гладко. Скосил глаза вправо — и сосну видит, и ветки, а шишку не видит. Нет больше шишки! Вот счастье! Ну и чудеса бывают на свете! И старик побежал домой, чтобы поскорей обрадовать свою старуху.

Когда старуха увидала его без шишки, она всплеснула руками:

— Куда же ты девал свою шишку?

— У меня ее черти взяли.

— Ну-ну! — только и сказала старуха, и глаза у нее стали круглые.

А в той же самой деревне жил другой старик. Звали его Буэмон. Он так был похож на Гоэмона, как будто один из них был настоящий, а другой вышел из зеркала. У Буэмона тоже была на щеке большая шишка, только не на правой, а на левой.

Поэтому, когда он смотрел направо, то видел все, что хотел видеть, а когда смотрел налево, то видел не то, что хотел, а только свою шишку.

И голова у него тоже свешивалась, только не направо, а налево.

Шишка Буэмону давно надоела. Ему очень хотелось, чтобы у него не было шишки.

Вот идет он по деревне и встречает своего соседа, Гоэмона. Смотрит, а у Гоэмона правая щека стала такая же гладкая, как и левая. Будто и не было у него шишки.

— Слушай, — спросил он, — куда же девалась твоя шишка? Может, ее срезал какой-нибудь искусный лекарь? Скажи мне, пожалуйста, где он живет, и я сейчас же пойду к нему. Пусть он срежет и мою шишку.

А Гоэмон отвечает:

— Нет, это не лекарь снял мою шишку.

— Не лекарь? А кто же?

Тут Гоэмон рассказал Буэмону все, что с ним случилось в прошлую ночь.

— Вот оно что! — сказал Буэмон. — Ну, плясать-то и я умею! Сегодня же пойду к чертям и спляшу. Скажи только, где это место, куда они приходят ночью.

Гоэмон рассказал подробно, как найти дерево с дуплом, в котором он просидел ночь.

Буэмон, конечно, обрадовался и сейчас же побежал в лес, нашел дерево, залез в дупло и стал ждать чудищ.

Ровно в полночь сверху, с горы, послышался шум — громкий топот и голоса. К дереву с воем и ревом бежали красные, синие, зеленые чудища. Как и накануне, они расселись на траве перед деревом и начали пировать, потом запели хором песню.

А старик, как только увидел чудищ, забился в дупло и зажмурил глаза. Со страху он даже забыл, зачем пришел. И вдруг он услышал, как главное чудище проревело:

— Ну что, нет еще старика?

Маленькие чудища запищали в ответ:

— Где старик? Что же нет старика?

Тут Буэмон вспомнил про свою шишку и подумал: «Ну, уж если пришел, надо вылезать. Так и быть, спляшу им!»

И он кое-как выкарабкался из дупла.

Самое маленькое чудище увидело его и завизжало во весь голос:

— Пришел! Пришел! Вот он!

Главное чудище обрадовалось:

— А, пришел? Ну, молодец, старик! Ступай-ка сюда, попляши.

Чудища захлопали в ладоши. А старик от страха чуть жив: поднял он правую ногу — левая подогнулась, чуть не упал. Поднял левую — правая подогнулась, опять чуть не свалился.

Главное чудище смотрело-смотрело и вдруг рассердилось:

— Это что за пляска! Ты сегодня так скверно пляшешь, что смотреть противно! Довольно! Убирайся! Эй, отдать ему залог!

Сейчас же самое маленькое чудище подбежало к старику:

— На, получай обратно!

И шлеп! — прилепило ему шишку на правую щеку.

Теперь у старика две шишки: справа шишка и слева шишка. Зато хоть голова не свешивается ни направо, ни налево, а держится прямо.

Земляника под снегом

Японская сказка

Пересказ В. Марковой

авно-давно это случилось.

Жила в одной деревне вдова. И было у нее две дочери: старшая, о-Тиё, — неродная дочь, а младшая, о-Хана, — родная.

Родная дочь в нарядных платьях ходила, а падчерица — в лохмотьях. На долю родной дочери доставались ласка да баловство, а на долю падчерицы колотушки да черная работа. Падчерица и воду носила, и стирала, и обед варила, и ткала, и пряла, и весь дом обшивала.

А родная дочка была ленивица. Не любила она ткать и прясть, а любила лакомиться всласть.

Вот как-то раз поссорилась мачеха с соседкой.

Стала соседка кричать:

— Не указывай мне, учи лучше свою родную дочь! Вон она как ленива и привередлива! Придет время — к падчерице твоей любой жених посватается, а дочку твою никто не возьмет. Твоя дочка, раньше чем пальцем шевельнет, три раза подумает, а потом все равно раздумает.

Никогда не любила мачеха свою падчерицу, а после этих слов так ее возненавидела, что решила со свету сжить.

Вот пришла холодная зима. Падчерица во дворе работает, а мачеха и о-Хана у очага греются.

Однажды разморилась о-Хана от жары и говорит:

— Ох, как мне жарко стало! Сейчас бы съела чего-нибудь холодненького.

— Хочешь немного снежку?

— Снег ведь невкусный, а я хочу чего-нибудь холодного да вкусного.

Задумалась о-Хана и вдруг как хлопнет в ладоши:

— Земляники, хочу земляники! Красных, спелых ягод хочу!

О-Хана была упряма. Уж если чего ей захочется, так подай. Подняла она громкий плач:

— Мама, дай земляники! Мама, дай земляники!

— О-Тиё, о-Тиё, поди-ка сюда! — позвала мачеха падчерицу.

А она как раз стирала белье на дворе. Бежит на зов мачехи, на ходу мокрые руки передником вытирает.

Приказала ей мачеха:

— Эй ты, лентяйка, живо иди в лес и набери в эту корзинку спелой земляники. А не наберешь полной

корзинки, домой и не возвращайся. Поняла?

— Но, матушка, разве растет земляника в середине зимы?

— Растет не растет, а ты одно помни: придешь с пустыми руками — в дом не пущу.

Вытолкнула мачеха девочку за порог и дверь за ней крепко-накрепко заперла. Постояла-постояла о-Тиё на дворе, взяла корзинку и пошла в горы. Зимой земляника не растет. Да делать нечего, боится о-Тиё послушаться мачеху.

В горах тихо-тихо. Снег валит хлопьями. Кругом сосны, словно белые великаны, стоят.

Ищет о-Тиё землянику в глубоком снегу, а сама думает: «Верно, мачеха послала меня сюда на погибель. Никогда не найду я в снегу земляники. Тут и замерзну». Заплакала девочка, бредет, не разбирая дороги. То взберется, спотыкаясь и падая, на гору, то в ложбинку скатится. Наконец от усталости и холода упала она в сугроб. А снег валил все гуще и гуще и скоро намел над ней белый холмик.

Вдруг кто-то окликнул о-Тиё по имени. Подняла она голову. Приоткрыла глаза. Видит: наклонился над ней старый дед с белой бородой.

— Скажи, о-Тиё, зачем ты пришла сюда в такой холод?

— Матушка послала меня, велела набрать спелой земляники, — ответила девочка, еле шевеля губами.

— Да разве не знает она, что зимой земляника не растет? Но не печалься, я тебе помогу. Идем со мной.

Поднялась о-Тиё с земли. Стало ей вдруг тепло и радостно.

Шагает старик по снегу легко-легко. О-Тиё за ним бежит. И вот диво: только что она в рыхлый сугроб по пояс проваливалась, а теперь стелется перед ней крепкая, хорошая дорога.

— Вон там на поляне спелая земляника, — говорит старик. — Собери, сколько надо, и ступай домой.

Поглядела о-Тиё и глазам своим не верит. Растет в снегу крупная красная земляника. Вся поляна ягодами усыпана.

— Ой, земляника! — закричала о-Тиё.

Вдруг смотрит: старик куда-то пропал, одни сосны кругом стоят.

«Видно, не человек это был, а дух — хранитель наших гор, — подумала о-Тиё. — Вот кто спас меня!»

— Спасибо тебе, дедушка! — крикнула она и низко-низко поклонилась.

Набрала о-Тиё полную корзинку земляники и побежала домой.

— Как, ты нашла землянику?! — изумилась мачеха.

Думала она, что ненавистной падчерицы уже и в живых нет. Покривилась-покосилась мачеха от досады и дала своей родной дочке корзинку с ягодами.

Обрадовалась о-Хана, села у самого очага и давай совать в рот землянику пригоршнями:

— Хороши ягоды! Слаще меда!

— Ну-ка, ну-ка, и мне дай! — потребовала мачеха, а падчерице ни одной ягодки так и не дали.

Прикорнула усталая о-Тиё у очага и дремлет. Только не долго ей отдыхать пришлось.

Слышит, кто-то за плечо трясет.

— О-Тиё, о-Тиё! — кричит ей мачеха в самое ухо. — Эй ты, слушай, о-Хана не хочет больше красных ягод, хочет синих. Ступай живо в горы, собери синей земляники.

— Но, матушка, ведь уже вечер на дворе, а синей земляники, поди, на свете нет. Не гони меня в горы, матушка.

— Как тебе не стыдно! Ты ведь старшая, должна заботиться о своей младшей сестренке. Нашла же ты красные ягоды, найдешь и синие!

Вытолкала она падчерицу на мороз без всякой жалости и дверь за ней со стуком захлопнула.

Побрела о-Тиё в горы. А в горах еще больше снегу намело. Сделает один шаг о-Тиё — провалится по колени, сделает другой — провалится по пояс и заплачет, заплачет. Да полно, уж не во сне ли собирала она здесь свежую землянику?

Совсем темно стало в лесу. Где-то волки завывали. Обняла о-Тиё руками дерево, прижалась к нему.

— О-Тиё! — послышался вдруг тихий зов, и, откуда ни возьмись, появился перед ней знакомый дед с белой бородой. Словно темное дерево вдруг ожило.

— Ну что, о-Тиё, понравилась твоей матушке красная земляника? — ласково спросил ее старик.

Полились у о-Тиё слезы ручьем.

— Матушка опять меня в горы послала. Велит принести синей земляники, а не то и домой меня не пустит.

Тут засверкали глаза у старика недобрый блеском.

— Пожалел я тебя, оттого и послал твоей мачехе красных ягод, а эта злодейка вон что придумала! Ну хорошо же, я проучу ее! Ступай за мной!

Старик пошел вперед большими шагами. Идет — словно по воздуху летит. Девочка за ним еле поспевает.

— Смотри, о-Тиё, вот синяя земляника.

И правда, весь снег вокруг светится синими огоньками. Повсюду рассыпана крупная, красивая синяя земляника.

Боязливо сорвала о-Тиё первую ягоду. Даже на дне корзинки сияла она синим блеском.

Набрала о-Тиё полную корзину и побежала со всех ног домой. Тут горы сами собой раздвинулись и в одно мгновение оказались далеко позади, а перед девочкой, словно из-под земли, родной дом вырос.

Постучала в дверь о-Тиё:

— Отвори, матушка, я нашла синюю землянику.

— Как? Синюю землянику?! — ахнула мачеха. — Быть того не может!

Думала она, падчерицу волки съели. И что же! О-Тиё не только вернулась живая-здоровая, но и земляники принесла, какой на свете не бывает. Неохотно отперла мачеха дверь и глазам своим не поверила:

— Синяя земляника!

О-Хана выхватила корзину из рук сестры и давай скорей ягоды есть.

— Ах, вкусно! Язык можно проглотить! Синяя земляника еще слаще красной. Попробуй и ты, мама.

О-Тиё начала было отговаривать сестру с мачехой:

— Матушка, сестрица, уж слишком эти ягоды красивы. Так и сверкают, словно огоньки. Не ешьте их...

Но о-Хана злобно крикнула:

— Наелась, верно, в лесу до отвала, да мало тебе, хочешь, чтоб тебе одной все досталось. Нашла дурочек!

И вдруг как залает, залает. Видит о-Тиё: выросли у мачехи и о-Ханы острые уши и длинные хвосты. Обратились они в рыжих лисиц да так с лаем и убежали в горы.

Осталась о-Тиё одна. Со временем вышла она замуж и жила счастливо. Родились у нее дети. Много собирали они в лесу красных, спелых ягод, но в зимнюю пору земляники под снегом никто больше не находил, ни красной, ни синей.

Нет удобрения лучше, чем камни

Японская сказка

Перевод А. Садовой

ного-много лет тому назад жил крестьянин по имени Хэйроку. А по соседству с ним жил старый барсук Гомбэ. Пришел как-то барсук к Хэйроку.

— Здравствуй, Хэйроку, давно тебя не видел.

— Здравствуй, Гомбэ, с чем пожаловал?

— Да вот хотел тебя спросить: чего ты боишься больше всего на свете?

— Чего боюсь? — задумался Хэйроку.

Ох, неспроста затеял Гомбэ этот разговор, любил барсук подшутить над Хэйроку. Вот Хэйроку и решил сам перехитрить Гомбэ.

— Больше всего на свете страшусь я булочки, — ответил он. — Как подумаю, дрожь пробирает.

Набрал барсук Гомбэ побольше булочек и направился к дому крестьянина. Подкрался поближе и давай кидать булочки в окно. Кинул и спрятался за деревом — ждет, что будет. Но Хэйроку вовсе не испугался булочек, не закричал от страха, не выбежал из дома, а, наоборот, уселся поудобней и давай ими лакомиться.

«Провел меня Хэйроку, — подумал Гомбэ и поплелся прочь. — Но я все-таки проучу этого хитреца», — решил он по дороге.

Ночью прибежал барсук к рисовому полю Хэйроку, собрал окрест камни и давай разбрасывать их по полю. Все поле камнями усыпал к утру.

Пришел Хэйроку, видит, поле в камнях, и сразу понял он, чья это проделка. Встал посередине поля, низко поклонился и громко воскликнул:

— О, счастье! Кого благодарить мне за то, что усеял камнями мое поле! Нет лучшего удобрения, чем камни! Какая удача! Теперь целых три года не надо мне удобрять землю! Низко кланяюсь тебе, мой благодетель!

На следующее утро Хэйроку опять пришел на рисовое поле, видит, ни единого камня не осталось. «Здорово, видно, притомился бедный барсук Гомбэ, — усмехнулся Хэйроку. — Сколько камней с поля отволоч!» И улыбнулся.

Волшебный котелок

Японская сказка

Перевод А. Садовой

авным-давно жил на свете старик. Страсть как он любил чай пить и всегда сам чай заваривал. Да и за чайной посудой следил с великим тщанием. Однажды зашел старик в лавку, смотрит, на полке чугунный котелок стоит. Старый такой, ржавый. Но у старика глаз наметанный, живо разглядел, что котелок и под ржавчиной красив на диво.

Вернулся старик домой с покупкой и тотчас взялся за дело: старательно почистил котелок — не осталось на нем и следа прежней ржавчины, — а потом друзей позвал.

— Посмотрите, какой чудесный котелок я сегодня купил, — похвастался он. — Сейчас налью в него воды и отменным чаем вас попотчую.

Положил старик угли в жаровню, разжег огонь, котелок на него поставил. Все уселись вокруг — ждут, когда вода закипит.

Котелок потихоньку нагревался, нагревался, но тут началось такое! Просто чудеса! Сперва у котелка барсучья голова появилась, потом барсучий хвост вырос, а вскоре и четыре короткие барсучьи лапы высунулись.

— Уф! Уф! Как жарко! — закричал котелок человеческим голосом. — Похоже, я закипаю! Да-да, закипаю!

Выскочил котелок из огня и на своих коротких барсучьих лапах опрометью бросился к двери.

Остолбенел старик, глядит — глазам не верит! Где же это видано, чтоб котелки по дому бегали!

— Скорей! Скорей! — завопил старик. — Держите его! Не упустите!

Один из гостей веник схватил, другой палочки, которыми угли в жаровне помешивают, третий — черпачок. Все в погоню за котелком пустились!

Долго гонялись они за необычайным котелком, а когда наконец настигли его, видят, барсучья голова, барсучий хвост и четыре короткие барсучьи лапы куда-то пропали — самый обыкновенный котелок, да и только!

— Странно! — удивился старик. — Котелок-то, видно, заколдованный. Ни к чему он мне. Надо бы его отдать кому-нибудь.

Тут как раз старьевщик объявился. Протянул ему старик котелок и говорит:

— Вот, в доме завалился. Отдам задешево. Сколько можешь, столько и заплати.

Взял старьевщик котелок, повертел в руках и дал за него медную монетку. Старьевщик доволен выгодной сделкой, а старик тем, что от странного котелка избавился.

Вечером лег старьевщик ночевать, в доме тихо-тихо, вдруг голос:

— Уважаемый, где вы? Сделайте милость, откликнитесь!

Открыл старьевщик глаза, зажег лампу:

— Кто это меня зовет?

Смотрит, на подушке котелок стоит: с барсучьей головой, с барсучьим хвостом и с четырьмя короткими барсучьими лапками.

— Кто ты? Уж не тебя ли я сегодня у старика купил? — заговорил старьевщик.

— Да, — раздалось в ответ, — только знайте, я не котелок, я барсук, и зовут меня Бумбуку. Я приношу удачу. Старик меня на огонь поставил, решил воду вскипятить, я от него и сбежал. Не будете меня обижать, не поставите на огонь, я вам удачу принесу.

— Удивительные вещи ты рассказываешь, — проговорил старьевщик. — Скажи на милость, как ты можешь принести мне удачу?

— О! Не беспокойтесь! — Котелок весело помахал барсучьим хвостом. — Я умею делать уморительные трюки, сами увидите! Станем мы с вами представления давать, деньги со зрителей собирать.

Что ж, хорошо! Смастерил старьевщик подмости, афишу написал: *Волшебный котелок Бумбуку приносит удачу!*

Посмотреть на Бумбуку народ тянулся с большой охотой. Чего только не делал барсук, как только не ублажал людей: и прыгал, и перекатывался, и на перекладине повисал. Но больше всего зрителям нравилось, когда Бумбуку по веревке ходил: в одной лапе фонарь, в другой веер. Чудеса, да и только!

А после каждого выступления старьевщик давал Бумбуку несколько рисовых лепешек.

Разбогател старьевщик. Вот однажды и говорит он барсуку:

— Каждый день потешаешь ты людей, устал небось. Денег у меня теперь вдоволь. Возвращайся лучше к старику, живи у него тихо да спокойно.

Обрадовался Бумбуку.

— Я очень устал и с радостью пожил бы у старика, да ведь он все норовил поставить меня на огонь. А вдруг он не будет угощать меня рисовыми лепешками?

— Не беспокойся, Бумбуку, я все улажу, — ответил старьевщик.

Взял он денег, любимые барсучьи лепешки прихватил и вместе с Бумбуку пошел к старику.

— Позвольте, почтенный, Бумбуку пожить у вас, — попросил старьевщик. — Только, пожалуйста, не ставьте его на огонь и угощайте рисовыми лепешками.

— Конечно, пусть остается, — согласился старик. — Я отведу Бумбуку самое почетное место в доме, он ведь и впрямь удачу приносит. Знал бы я об этом раньше, разве стал бы его на огонь ставить!

Поставил старик у себя в доме две высокие тумбы. На одной котелок красуется, на другой рисовые лепешки разложены.

Говорят, Бумбуку и по сей день в стариковом доме стоит, очень ему это нравится. Люди приходят, приносят рисовые лепешки и больше никогда на огонь его не ставят. Так и живет Бумбуку — спокойно и счастливо.

Как сосна за добро отплатила

Японская сказка

Перевод А. Садовой

ил-был на свете дровосек, добрый, но очень бедный. Любили деревья дровосека — никогда он без надобности живой ветки не срубит, не ломает. Знал дровосек: сломаешь ветку — зачахнуть может дерево, а он берег деревья в лесу.

Шел как-то раз дровосек по лесу. Устал и прилег отдохнуть под сосной. Слышит, шумит сосна, словно говорит что-то. А сосна и впрямь с ним разговаривает:

— Больно моим веточкам, сломали мои веточки! Больно! Больно!

Поднял дровосек голову, видит, сломаны у сосны ветки и смола капает.

— Кто же такую беду сотворил? — возмутился дровосек.

Оторвал он тряпицу от рубахи, перевязал сосновые веточки. Тут вдруг с дерева золотые монеты посыпались. Словно дождь хлынул! Много монет напало, и не унесешь! Взял дровосек немного золота, поклонился сосне в пояс и домой зашагал.

Разбогател дровосек. Сосна ведь не простое дерево, это всем известно, вот и отблагодарила она дровосека за доброту.

А в той же деревне жил другой дровосек — богатый, жадный и злой. Как придет в лес, давай ветки ломать, кору с деревьев обдирать, цветы топтать. Не любили деревья злого дровосека, да ничего поделаться с ним не могли.

Узнал злой дровосек, что бедняк разбогател, прибежал, выпытывать стал:

— Откуда у тебя золото? Где ты его взял?

А бедному дровосеку скрывать нечего. Вот он и рассказал, как щедро одарила его старая сосна. Не успел досказать, а уж злого дровосека и след простыл. Бежит, спотыкается. Прибежал в лес, нашел старую сосну.

— Поближе подойди, — слышит, — не бойся! Дотронься до веток моих, и на тебя обрушится поток...

— Да-да, поток, поток, — заторопился богач, — пусть обрушится на меня поток золотых монет!

И с силой обломил сосновую ветку. В тот же миг на богача обрушился поток, только не золота, а липкой, тягучей смолы. Облила старая сосна злого дровосека с ног до головы. Лежит тот, шелохнуться не может. Звал, звал на помощь, да кто его в глухом лесу услышит?! Так и пролежал злой богач под сосной, пока смола с него не стекла.

С той поры богач присмирел — веток в лесу не ломал, кору не обдирал, цветы не топтал. Не то деревья его и в лес больше бы не пустили!

Искусная ткачиха

Японская сказка

Перевод А. Садовой

ил на свете крестьянин Ёсаку. Работал он как-то в поле, вдруг видит, змея крадется, сейчас съест паучка. Жалко стало Ёсаку паучка, замахнулся он на змею мотыгой, испугалась змея и уползла. А паучок поблагодарил Ёсаку и исчез в траве.

На следующее утро постучала к Ёсаку в дом девушка необыкновенной красоты:

— Слышала я, ты ткачиху ищешь. Разреши мне в твоём доме жить, буду ткать для тебя.

Обрадовался Ёсаку, провел девушку в комнату, где ткацкий станок стоял. Целый день работала девушка, не отдыхала и из комнаты не выходила.

Зашел поздно вечером Ёсаку посмотреть, сколько она за день наработала, да так и обомлел — лежат в комнате восемь кусков. На восемь кимоно [\[5\]](#) хватит! А какие красивые узоры! Никогда раньше не видел Ёсаку таких чудесных тканей.

— Да ты самая искусная ткачиха на свете, — похвалил он девушку. — Как тебе удастся так быстро ткать?

— Никогда не спрашивай меня об этом, никогда не заходи в комнату, где я работаю, — молвила красавица.

Удивился Ёсаку словам девушки, ничего не ответил, а самому любопытно. Подкрался он однажды к окну, заглянул в комнату да чуть не вскрикнул. Сидит за станком не красивая девушка, а паучок.

Пригляделся Ёсаку получше: да ведь это тот самый паучок, которого Ёсаку от змеи спас. Не простой, видно, этот паучок.

А паучок без усталости работает: кладет в рот хлопок, пережевывает его, глядишь, нить тонкая-претонкая получается, паучок лапками споро перебирает, чудесную ткань ткёт.

Как-то вечером говорит девушка Ёсаку:

— Хлопок у меня кончается. Сходи завтра в город, купи еще хлопка.

Пошел Ёсаку в город, купил тюк хлопка, домой повернул, а по дороге присел отдохнуть. Сел, да и не заметил, как к тюку змея подползла — та самая, которая паучка съесть хотела. Заползла змея в тюк и лежит там тихо-тихо.

Отдохнул Ёсаку, взвалил тюк на спину и дальше пошел.

Взяла девушка у Ёсаку хлопок, в комнату отнесла. Обернулась паучком и села за ткацкий станок. Набрал паучок в рот хлопок. Вдруг из тюка как выскочит змея, как бросится на паучка! Паучок в окно, бежит от змеи, да бежать-то трудно — полон рот хлопка. А змея все ближе, ближе... И вдруг случилось чудо!

Как раз в это время Солнечный старец[6] смотрел с неба на землю. Жалко стало старцу паучка. Протянул он солнечный луч, ухватился за кончик нитки, что у паука изо рта торчала, и поднял его на небо.

Поблагодарил паучок Солнечного старца за спасение и в благодарность наткал из хлопка пушистые облака.

С тех самых пор и плывут по небу облака белые и мягкие, как хлопок. А в Японии с тех самых пор паучка и облако одинаково называют — кумо.

Длинноносые страшилища

Японская сказка

Перевод А. Садовой

Говорят, далеко в горах жили в былые времена два страшилища — красное и синее. Были у них удивительные носы: их можно было сделать маленькими-премаленькими, величиной с пуговку, а можно вытянуть в длину и перекинуть через горы. Очень нравились страшилищам их носы.

Как-то раз сидело синее страшилище на горе — отдыхало после долгой прогулки. Подул ветер и принес запах — нежный и легкий.

«Что бы это могло быть?» — подумало синее страшилище. Повертело головой, ничего не увидело. Тогда стало синее страшилище вытягивать свой нос. Рос, рос нос, перекинулся через семь гор и уткнулся в дом богача.

А у дочери богача как раз гости собрались. Решила девочка показать подругам свои наряды да заморские ткани. Подошла к сундучку и открыла его. Что за чудесный аромат поднялся оттуда! Словно море цветов всколыхнулось! Это благоухание и заставило синее страшилище вытянуть свой нос, перекинуть через семь гор и опустить в долине.

Увидели девочки нос синего страшилища, удивились:

— Это что за палка?

— Давайте на ней развесим мои ткани и платья, — предложила дочь богача и быстро начала развешивать роскошные наряды на носу страшилища.

«Кто это там теребит мой нос?» — подумало синее страшилище, подняло нос и начало потихоньку уменьшать его.

Девочки в изумлении глядели на исчезающие ткани и платья, они старались ухватить улетающее добро, но синий шест стремительно уносился в небо и вскоре пропал совсем.

«Так вот что источало столь приятный запах», — поняло синее страшилище, собрало ткани да наряды и пошло домой.

Вечером встретило синее страшилище красного собрата и говорит:

— Гляди, что сегодня принес из долины мой нос: заморские благоухающие ткани!

Красное страшилище чуть не позеленело от злости.

— Подумаешь, — запальчиво молвило оно, — мой нос все равно лучше! Он еще и не такое принесет!

На следующее утро уселось красное страшилище на вершине горы — ждет, когда ветер принесет нежный, приятный запах. Но никаких ароматов ветер так и не приносил.

— Жду, жду, а толку чуть, — ворчал красное страшилище. — Опущу-ка я свой нос в долину за семью

горами. Может, и мне повезет.

А в то время друзья пришли к сыну того богача. Увидели мальчики нос красного страшилища и закричали:

— Смотрите, какой великолепный красный шест! Как раз то, что нам нужно. Давайте на нем качаться!

Принесли мальчики крепкие, гибкие прутья, смастерили качели и подвесили их на носу красного страшилища. Уж как они веселились! И раскачивались до самого неба, и прыгали, и бегали по носу, а один даже решил ножом свое имя нацарапать.

Красное страшилище от боли слезы льет. Уж как оно ни старалось нос укоротить, ничего не получалось! Мальчики крепко ухватились за красный шест.

Наконец удалось страшилищу увернуться от шалунов мальчишек. Смотрит, нос еще пуще прежнего покраснел да распух весь. Сидит красное страшилище на вершине, горькими слезами обливается. «Так мне и надо, — думает, — нечего было синему собрату завидовать. Ничего путного из зависти не выходит! Сам же в дураках остаешься!»

С тех пор красное страшилище никогда никому не завидовало. А с синим своим приятелем продолжало дружить, как и прежде.

Страшилище и петух

Японская сказка

Перевод А. Садовой

давние времена у подножия горы была деревня, и в той деревне жили очень трудолюбивые люди — с раннего утра до позднего вечера работали они в поле. Но вот случилась беда: неведомо откуда появилось страшилище — синее-пресинее, а из головы рог торчит.

Поселилось страшилище на вершине горы, оттуда вся деревня как на ладони видна. Только уйдут крестьяне с поля, страшилище тут же поле истопчет, рассаду вырвет, камней набросает.

Долго терпели крестьяне проделки страшилища, а поделать с ним ничего не могли.

Раз пришли утром на поле, видят, вся рассада из земли выдернута и потоптана. Выступил тогда вперед один юноша и прокричал:

— Эй ты, злое страшилище! Когда наконец ты бросишь свои проделки, перестанешь нам вредить?

Глянуло страшилище с вершины горы да как захохочет — с деревьев листья так и посыпались.

— Кто это там еще пищит? Желаю я, чтоб каждый вечер присылали вы мне человека на съедение! Тогда, может, и оставлю вас в покое!

Испугались крестьяне, а юноша опять вперед вышел:

— Да кто ты такой, чтоб каждый вечер по человеку съедать?

— Как кто? — загромыхало чудовище в ответ. — Нет в мире могущественнее меня никого! Я все могу! Ха-ха-ха-ха!

Захохотало страшилище, умолкли от страха птицы, а деревья к земле пригнулись. Не испугался смельчак, подождал, пока утихнут раскаты хохота, и снова прокричал:

— Мы бы поверили, что нет на свете никого могущественнее тебя, только сделай сначала что-нибудь необыкновенное. А то пока вся твоя сила на вред нам уходит да на разорение. Мог бы ты, к примеру, до первого петуха построить лестницу в сто ступенек от деревни до вершины горы? Построишь — будь по-твоему: станем мы тебе каждый вечер присылать на съедение кого-нибудь, а не построишь — уходи из наших мест и не мешай нам жить!

— Ох, ох, не могу, насмешил ты меня, ничтожный! — пуще прежнего захохотало страшилище. — Да мне это сделать — тьфу! — ничего не стоит! Гляди, завтра еще до первого петуха будет вам лестница готова!

На том и порешили. Разошлись вечером люди по домам, а заснуть не могут. «Что такому чудовищу стоит лестницу в сто ступенек построить! Он ведь и впрямь могуч! От одного его крика камни с горы падают», — думают.

А страшилище, как стемнело, потихоньку в деревню спустилось, всех петухов повылавливало и в

корзину запрягало. А потом камни на гору стало таскать. Часа не прошло, а уж девяносто девять ступенек готовы!

— Вот глупец! Нашел, чем меня испугать! — усмехалось страшилище.

На небе звездочки мерцают, до рассвета еще далеко.

— Вздремну-ка я, пока не светает, — решило страшилище. — Не сторожить же мне камни. Последнюю ступеньку уложу, как проснусь, все равно глупые петухи сидят в корзине, им и невдомек, что скоро утро.

Крепко заснуло чудовище, и в деревне все задремали. Только смельчак юноша за ночь глаз не сомкнул. Как стала заря заниматься, подошел он к корзине и выпустил петуха. Видит петух, новый день начинается, заголосил во все горло: «Ку-ка-ре-ку!» А за ним и остальные петухи «ку-ка-ре-ку» запели.

Проснулось страшилище: что такое? Снится ему, что ли, петушиное пенье? Смотрит, солнышко уже вовсю сияет, из деревни крестьяне бегут, а камень для сотой ступеньки как лежал, так и лежит у его ног.

— Вижу я, не удалось тебе до первого петуха лестницу закончить, — сказал юноша.

Нечего чудищу сказать в ответ. Раз слово дано, надо его держать, даже страшищам.

Печально вздохнуло страшилище: придется, видно, собирать свои пожитки и уходить куда подальше.

Больше никто не мешал крестьянам работать на полях. Уложили они последнюю, сотую ступеньку и часто поднимались на вершину горы — восход солнца встречать.

Кувшинный человечек

Японская сказка

Пересказ В. Марковой

старину, далекую старину, жил в одной деревне молодой парень по имени Таро. Был он бездельник, каких мало. И к тому же любопытен.

С утра бродит по улицам и глазает по сторонам. Тут новую крышу настилают, там бочку чинят, а вот собака за кошкой погналась. Кошка сидит на дереве, а Таро стоит под деревом. Ждет, когда кошка с собакой помирятся.

Мальчишки даже песню сложили:

Кто глаза таращит,
Словно филин в чаще,
Как лягушка на болоте?
Это наш Таро.
Оророн-коророн!
Оророн-коророн!

Настала осенняя страда. Все парни жали и молотили рук не покладая. Один Таро шатался по деревне как ни в чем не бывало.

Вдруг заметил он на обочине дороги глиняный кувшинчик.

— О-о, ходишь далеко — найдешь больше, — обрадовался Таро. — И целехонький, ни трещины. Но что в нем шуршит? Верно, полевая мышь туда забралась.

Заглянул Таро в кувшин — и что же видит? Не мышь там прячется, не ящерица, не лягушка, а маленький человечек. Головенка у него ну не больше каштана, а сам он, если на ноги встанет, будет ростом с гороховый стручок. Вот чудо! Таро так широко рот разинул от удивления, что в него, как в ворота, повозка с конем могла бы въехать.

Человечек заговорил голосом тонким-тонким, как писк цикады:

— Здравствуй, Таро! Вот мы и встретились. Из всей вашей деревни один ты мне полюбился. Ох, как я не люблю других парней! Возьми меня к себе домой жить.

— Что ж, — отвечает Таро, — пожалуй, возьму. Отчего не позабавиться?

Дома вынул он маленького человечка из кувшина и бережно, двумя пальцами, посадил посреди комнаты. А кошку на улицу выгнал за то, что стала облизываться.

— Кувшинный человечек, какой ты забавный! Верно, меньше самого крошечного карлика на свете. Хочешь, поиграем?

Целый день играл Таро с Кувшинным человечком. Посадил его в деревянную чашку и катал в кадке с

водой. Подует посильнее — в кадке буря поднимается.

Тележку сделал и мышь в нее запряг. Мышь побегала-побегала и бросилась в норку, тележку опрокинула.

Смеялся-смеялся Таро, но к вечеру надоела ему новая забава. Не привык он долго одним и тем же заниматься.

На другой день опять пошел Таро шататься по улицам. Солнце уже начало садиться, когда вспомнил он о Кувшинном человечке.

Вернулся Таро домой, смотрит, а там какой-то долговязый верзила на полу развалился, руки-ноги раскинул... Кто бы это мог быть? Стал Таро вглядываться в незваного гостя. Словно он его уже где-то видел. Да ведь это Кувшинный человечек!

— Вот чудо из чудес! Как же ты так сразу, в один день, вырос? — спрашивает Таро. — Еще вчера был меньше мыши, а теперь меня перерос.

— Все твоими трудами, друг мой, твоими заботами, — отвечает Кувшинный человечек. — Недаром я тебя из тысячи выбрал. Гуляй, гуляй больше, я еще и не так вырасту.

В первый раз в жизни призадумался Таро: что бы эти слова значили?

А Кувшинный человечек уже не гостем, а хозяином себя держит. Принеси ему то, подай это, да поживее.

На другой день Таро ушел из дому раньше обычного. Сказать по правде, сбежал от своего гостя. Весь день бродил он по деревне без дела.

Вечером вернулся, открыл дверь — и замер на пороге. В дом войти нельзя. Гость так вырос, что ему и одному в доме тесно.

— Тоже выстроили домишко, недотепы деревенские! — ворчит Кувшинный человечек. — Повернуться негде. Очаг посредине, то и дело ногой в него попадаю. А угли-то горячие!

Пришлось Таро спать под открытым небом.

Чуть свет ушел он со двора подальше. А вскоре соседки у колодца поспорили, чей ребенок в драке виноват. Ну как тут не послушать!

Вернулся Таро домой уже в сумерках и понять не может, что за толстые бревна из окон и дверей торчат? Пригляделся, а это руки и ноги гостя. Стал Кувшинный человечек великаном. Того и гляди, крышу своротит. Всю ночь Таро думал, как от беды избавиться, — ничего придумать не мог.

А наутро вот что случилось. Пришел к нему сосед и говорит:

— Сын у меня заболел. Одному мне, старику, не управиться. Помоги в поле урожай убрать.

Не хотелось Таро за работу браться, но и отказать совестно. Взял он серп в руки, пошел помогать старику соседу. Вечером сосед говорит:

— Спасибо тебе, что помог. Вот на, возьми за свой труд.

И дал ему немного денег. Первый раз в жизни заработал Таро деньги. Держит их в руке, и на душе у него легко так стало. Пошел он домой. Только смотрит, не торчат больше из дверей руки и ноги непрошеного гостя. Ворчит гость в доме, ворочается, как медведь. Припер Таро дверь покрепче и лег спать во дворе.

На другое утро опять пошел Таро помогать соседу. Вернулся к себе домой поздно вечером, а гость

почему-то вдвое меньше стал. Сидит в углу сердитый. В доме так хорошо стало, просторно. Можно после работы чайку попить.

А гость жалуется:

— Ошибся я в тебе, Таро! Думал, ты стоящий человек: мухи с головы не сгонишь — так ленив. Еще бы дня два ты поленился, я бы с гору вырос, до самых облаков. Ну чего ты серпом целый день махал? В гроб, что ли, меня вогнать хочешь?

«Э-э, — смекнул Таро, — вот оно в чем дело! Ну уж завтра я так работать буду, что никто за мной и не угонится».

Назавтра к вечеру Кувшинный человечек стал опять ростом с гороховый стручок.

— Прошу тебя, Таро-сан[7], — запищал он плаксивым голоском. — Посади меня снова в кувшин да и оставь возле дороги. Поищу я себе другого хозяина, поленивее.

Таро так и сделал.

Старые люди в деревне сказали: верно, это сама лень была в образе Кувшинного человечка.

А кто потом нашел его, не знаю.

Может, и сейчас Кувшинный человечек лежит возле дороги, ждет нового хозяина.

Незадачливый ротозей

Японская сказка

Пересказ В. Марковой

ила в городе Осака одна бедная вдова, и был у нее сын, по имени Тораян.

Часто бранила она сына за то, что он первый на свете ротозей, вечно в беду попадает. Посуда у него из рук валилась. Кошелек сам, без помощи вора, исчезал неизвестно куда. Вербка вокруг ног оплеталась, грабли по лбу били. А уж если Тораян падал, то, как нарочно, в самую грязную лужу во всем городе.

По приказу своей матушки жарил он угрей на продажу. Тем и промышлял.

Как-то раз купил Тораян большого жирного угря, положил на доску и хотел было ножом отхватить ему голову, да, как всегда, зазевался. Соскользнул угорь с доски, вильнул хвостом — и в канаву. А там в другую. А из другой в третью.

— Эй, куда ты? Пстой, милый, подожди!

Бежит Тораян за угрем. Уже за хвост его было схватил, да споткнулся и снова выпустил. Бежит дальше. Вот и городу конец.

Прибежал Тораян на поле, где редька росла.

А хозяин поля как закричит:

— Эй ты, чего здесь бегаешь по моей земле? Овощи топчешь!

— «Чего, чего»!.. Ловлю сбежавшего угря, вот чего! Да, уж видно, не поймаю. Как же я теперь вернусь домой? Мать у меня знаешь какая строгая?! Ах, несчастный я, лучше бы не родиться мне на свет! Куда я теперь денусь?

— Ну чего ревешь! — говорит ему крестьянин. — Слезами горю не поможешь. Если боишься домой идти, оставайся у меня. Возьму я тебя в работники, поможешь редьку убирать.

Обрадовался Тораян, взялся за работу. На беду, попалась ему большая редька с таким крепким корнем, что никак не выдернешь. Понатужился Тораян, уперся ногами, тянет изо всех сил:

— А ну, еще раз!.. Идет, идет, пошла!.. Опять ни с места... Ну погоди, я сейчас тебя так рвану, что если б ты деревом была, и то бы с корнями из земли выскочила.

Как рванет он редьку!

Выскочила она из земли — пон! А Тораяна подбросило, словно щелчком, высоко-высоко. Полетел он вверх, как стрела, спущенная с тетивы, и хлоп!

Упал возле дома одного бочара на улице Бочаров.

Онемел бочар от испуга.

— Откуда ты? Вот уж правда с неба свалился.

— Тянул я из земли большую редьку да как дерну изо всех сил, ка-ак выскочит она — пон!.. Меня к вам и забросило, — рассказал Тораян, потирая ушибленную спину. — Не могу я теперь идти к моему хозяину — огороднику. Засмеет он меня. И домой не могу идти, матушки боюсь! Куда мне теперь деваться, бедняге! Не приютишь ли ты меня, хозяин?

— Вот оно, выходит, какое дело! — удивился бочар. — Ну что ж, мне как раз нужен работник. Будешь ободья на бочки набивать.

Начал Тораян набивать бамбуковый обод на бочку, да, видно, у него от рождения обе руки были левые. Согнул обод в круг и не удержал.

— Пин! — щелкнул обод да как подбросил Тораяна высоко-высоко! Хлоп! Упал он на землю. Глядит, где это он? Оказалось — во дворе зонтичных дел мастера на улице Зонтов.

— Ты откуда такой взялся, с молотком в руке? — удивился хозяин. — Каким ветром тебя занесло?

— Служил я у одного бочара, набивал ободья на бочку. А один обод так сильно щелкнул меня, что взлетел я под самые небеса... Стыдно мне теперь бочару на глаза показаться. Не приютишь ли ты меня, хозяин, у себя?

— Что ж, хорошо! Натягивай бумагу на зонты, это дело нетрудное.

Поглядел Тораян вокруг. Повсюду во дворе зонты пестреют, словно медузы в море.

«Что ж, я, кажется, нехудо устроился, — думает Тораян. — Возьмусь-ка я за работу».

Натянул он бумагу на самый большой зонт и понес его показывать хозяину. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел вихрь. Ему бы бросить зонт, да не догадался Тораян, и понес его ветер, закрутил, как пушинку.

Держится Тораян за ручку зонтика, болтает в воздухе ногами. Так высоко, верно, ни один воздушный змей не залетал.

Все выше и выше летит роторей и очутился на самом небе. Под ногами у него облака. Видит он, стоит на облаках высокий красивый дом. Крикнул Тораян:

— Эй, хозяйева, кто в доме есть, отзовитесь!

Вышла из дверей на зов Тораяна диковинного вида женщина. Глаза у нее так и сверкают, так и сверкают как молнии. Даже зажмурился Тораян.

Говорит она:

— Как ты попал к нам сюда, человек? Это ведь дом громовиков, а я — Огненная зарница.

Подкосились ноги у Тораяна. Насилу-то, насилу сошло у него с языка:

— Так, значит, зонт меня на самое небо занес? Что теперь со мной будет? Пожалей меня, дай приют.

Тут как раз идут рогатые черти, стучат в барабаны. Это и были громовики. Рассказал им Тораян про свою беду.

— Ну что ж, пожалуй, поживи у нас, — говорят громовики. — Поможешь нам. Как ударим мы в свои барабаны: горо-горо-горо-горо, — ты сразу лей воду из кувшина.

— Уж постараюсь.

Стали черти бить в барабаны, Тораян воду из кувшина на землю льет, Огненная зарница то и дело глазами сверкает.

Посмотрел Тораян сквозь облака на землю:

— Вот смех-то, веселая работенка! Ой, вот потеха!

Льет Тораян воду из кувшина, а на земле суматоха. Люди бегают, как испуганные муравьи, белье с шестов снимают, зонты раскрывают, прячутся кто куда. Загляделся Тораян, зазевался да и ступил в просвет между облаками.

Летит Тораян с неба вверх тормашками. Ухватился было за крыло пролетного дикого гуся... Закричал дикий гусь не своим голосом. Выпустил его Тораян — и шлеп! Угодил в самую середину Осацкого залива. Только круги по воде пошли.

В один миг очутился Тораян на морском дне.

Стоит под водою дворец дивной красоты, весь жемчугами изукрашен.

— Ой, что это? Никак, дворец Повелителя драконов?

Вышла к Тораяну Отохимэ, прекрасная дочь морского царя, и повела гостя к своему отцу.

Ласково встретил морской царь Тораяна.

— Ты откуда взялся, гость? Волны ли морские тебя унесли, с корабля ли ты упал?

— Нет, не с корабля я упал, с самого неба.

И рассказал морскому царю все, что с ним приключилось.

Стал морской царь хохотать. Рыбы и те до слез смеются. Осьминог за бока хватается.

— Ну, развеселил нас гость, спасибо тебе.

Подали тут богатое угощение.

Стали рыбы танцевать, осьминог прыгать. Морские девы песни запели.

Говорит Отохимэ гостю:

— А видел ли ты, какой прекрасный у нас сад? В нем все цветы года разом цветут.

Захотелось Тораяну сад посмотреть.

Прекрасная царевна Отохимэ ему наказывает:

— Смотри же, гость, будь осторожен. Если спустится сверху какое-нибудь вкусное лакомство, не полейся на него, — беда случится.

Хорош сад у морского царя. Все сразу в нем цветет: и весенние вишни, и летние ирисы, и осенние хризантемы.

Гуляет Тораян по серебряным дорожкам, посматривает вокруг.

Вдруг спускается, откуда ни возьмись, кусочек мяса, да такой на вид нежный и вкусный. Висит он перед самым носом Тораяна. Забыл Тораян слова морской царевны, поймал приманку ртом да как завопит:

— Ой! Ай! Что-то мне в губу впилося. Спасите!

Мясо-то было на рыболовный крючок насажено!

Чувствует Тораян — тащат его кверху. Как показалась его голова из воды, рыбаки на лодке всполошились:

— Чудище! Чудище! Поймали мы на крючок чудище морское!

Тораян им в ответ со слезами:

— Да какое я чудище! Такой же человек, как и вы! Спасите, помогите!

— И правда, как будто человек! Вот диво!

Вытащили рыбаки Тораяна из воды и спрашивают:

— Откуда ты взялся такой? Какого роду-племени? Где живешь?

— Живу я в городе Осака, тут неподалеку.

— Вот так штука! Поймали мы на удочку здешнего парня. Куда только наш брат не заберется!

Взвалили они Тораяна на плечи и понесли домой к строгой матушке на расправу.

Благодарные статуи

Японская сказка

Перевод А. Садовой

или в горной деревушке старик со старухой, жили бедно. Сплетут несколько соломенных шляп, старик несет их в город, продаст — купит чего-нибудь поесть, не продаст — голодными старики спать ложатся. Так кое-как и перебивались.

Раз перед Новым годом старик и говорит:

— Страсть как хочется отведать на Новый год рисовых лепешек. Да вот беда, в доме ни одного рисового зернышка!

— Да, — вздохнула старуха, — сходил бы ты, старый, в город, продал бы шляпы да купил риса.

— И то правда, — обрадовался старик.

Встал пораньше, перекинул шляпы через плечо и зашагал в город. Целый день бродил по городу, а ни одной шляпы так и не продал. Уж смеркаться стало. Побрел старик домой, думы невеселые его одолевают. Вдруг видит, у моста стоят в ряд шесть статуй Дзидзо. Всякий знает, что добрый дух Дзидзо покровительствует путникам и детям.

Удивился старик:

— Откуда в такой глуши статуи Дзидзо?

Подошел он ближе, смотрит, статуи все снегом запорошило. И показалось вдруг старику, что каменные статуи съежились от холода.

«Совсем, бедняжки, замерзли», — подумал старик. Взял он непроданные шляпы и надел их статуям на головы. Только вот незадача: шляп-то пять, а статуй — шесть. Не долго думал старик. Снял с головы старенькую шляпу и шестую статую одел.

— Хоть моя шляпа и дырява, но и это все же лучше, чем ничего, — пробормотал он.

Повалил снег еще сильнее, еле добрался старик до дому. Старуха уж и не чаяла живым его увидеть. Малость отогрелся старик и поведал ей о том, как у моста попались ему неизвестно откуда взявшиеся статуи Дзидзо и как он их шляпами одарил.

— Ты у меня добрый! — вздохнула старуха. — Не печалься! Нет у нас шляп, нет рисовых лепешек. Ну да ничего! Все на свете рисовые лепешки не стоят одного доброго дела.

Вздохнули старики да спать пошли. Только легли, слышат, вроде поет кто-то:

В снежную ночь, новогоднюю ночь
Сжалился старец, решил нам помочь:
Каждому шляпу он подарил,
Славное дело он совершил.

Доброму старцу за то воздадим.
Благодарим тебя, благодарим!

Песня все ближе, ближе. Вот и шаги у дверей. Теперь затихло все, и вдруг раздался страшный грохот.

Вскочили старики, бросились к двери, распахнули... и остановились как вкопанные: на самом пороге лежал огромный сверток! А на свежем снегу — следы необычные: и не человеческие, и не звериные. Глянули старики в сторону леса и видят: шесть статуй мерно шагают, а на голове у каждой широкополая шляпа покачивается.

Подняли старики сверток, внесли в дом, развернули — там целая гора рисовых лепешек! Никогда еще в жизни старик со старухой не праздновали так весело Новый год!

Плотник и кошка

Японская сказка

Перевод А. Садовой

Жил в старину бедный плотник, и была у него кошка. Любил хозяин свою кошку, каждое утро, как уходил работать, оставлял ей еду, а вечером рыбы приносил. Кошка тоже любила плотника. Так они и жили.

Но вот как-то напала на плотника хворь: глаза заболели. Осмотрел лекарь хворого и говорит:

— Тяжкий недуг, ведать не ведаю, как тебя исцелить.

Разболелся плотник, работать не может, денег совсем не стало — как тут купишь кошке рыбу? Вот он и говорит кошке:

— Хоть и бедно мы с тобой жили, но все же сносно. А теперь я совсем ослеп, исцелить меня никто не может. Нечем мне тебя кормить. Уж не сердись, придется тебе, видно, другого хозяина искать.

Заснул плотник. А кошка будто поняла слова хозяина. Подошла к нему, села на подушку и стала усердно глаза плотнику вылизывать. Сначала левый, потом правый, левый — правый, левый — правый.

Ночь прошла, день наступил, а кошка все глаза хозяина вылизывает.

Вот так диво! Резь в глазах у бедняги утихать начала.

Прошло десять дней, а на одиннадцатый глаза у плотника перестали болеть и стал он видеть так же хорошо, как и прежде. Только у кошки глаза стали слабнуть, день ото дня все хуже она видела. А однажды, когда хозяин спал, тихонько исчезла.

Шкатулка с ложью

Японская сказка

Перевод А. Садовой

ил на свете один бедняк, великий мастер небылицы сочинять. Как-то раз позвал его богач и говорит:

— Слышал я, здорово ты всех надуваешь. Но бьюсь об заклад, меня тебе не обмануть. Ну а коль обманешь, получишь десять золотых.

— Премного благодарен, — обрадовался бедняк, — очень кстати мне эти десять золотых. Только вот незадача какая...

— Что такое?

— Да не знал я, зачем ты меня к себе зовешь... Не знал, вот и не взял шкатулку с ложью, дома ее оставил.

— Что это за шкатулка такая? — удивился богач.

— Замечательная шкатулка! В ней столько всякой лжи! Без нее где мне с тобой тягаться! Пошли слуг ко мне домой, пусть они скорее шкатулку принесут, тогда и сразимся.

Послал богач слуг к бедняку домой. Прибежали слуги, весь дом обшарили, а шкатулки не нашли. Так и вернулись ни с чем.

— Недотепы вы эдакие, плохо искали! — рассердился богач.

А бедняк молчал-молчал да как захохочет:

— Не так уж и трудно обмануть тебя!

Взял бедняк свои десять золотых и отправился домой.

Письма от Бимбогами

Японская сказка

Перевод А. Садовой

лучилось это давным-давно. Перед самым Новым годом делал бедняк в доме большую уборку, вдруг видит, в дальнем углу спит Бимбогами — бог Бедности, уютно так почивает, калачиком свернулся.

— Что же это за напасть такая! Вот уж премного благодарен! — огорчился бедняк. — У меня в доме и так деньги не водятся, а теперь, посмотрите только, и сам бог Бедности пожаловал. Значит, и в Новом году ничего хорошего не жди. Нет уж, так дело не пойдет! — закричал он. — Убирайся, Бимбогами! Вон из моего дома!

— Прошу тебя, почтенный, смилуйся, не гони меня, — взмолился бог Бедности. — Новый год вот-вот наступит, куда же мне идти?

— Вот и я про то же, — не унимался бедняк. — Новый год на пороге, и, полюбуйте, пожалуйста, ты в моем доме! Выходит, опять целый год не видать мне удачи! Убирайся прочь!

Закрыв бог Бедности лицо руками и горько заплакал:

— Не прогоняй меня, умоляю тебя. Оставь в доме. А о достатке не печалься, будет у тебя достаток.

— О чем ты болтаешь, Бимбогами? — оторопел бедняк. — Подумай сам, ты же бог Бедности! Какой от тебя достаток может быть?

— Не скажи, почтенный, знаю я у вас в саду счастливый уголок, — вежливо вымолвил Бимбогами и улыбнулся. — Вон он! Поставь там для меня крошечный домик. Сам увидишь, народ валом валить станет и монетки оставлять.

— Пожалуй, я подумаю, — почесал бедняк в затылке.

Пораскинул он умом и сделал так, как Бимбогами ему посоветовал, а перед домиком ширму поставил и написал на ней: *Бимбогами — бог Бедности, всякому удачу приносит.*

Шло время, но никто не спешил к домику, никто не желал поклониться богу Бедности.

Минул месяц, другой был уж на исходе. И вдруг однажды утром проснулся бедняк и глазам своим не верит. Видит: тянется со всей округи народ к крошечному домику и каждый человек монетку у ширмы оставляет.

Пришел бедняку в дом достаток.

Дивится он, не верит: из бедности одним махом в достаток шагнул! Спрашивает бедняк у Бимбогами:

— Скажи, пожалуйста, откуда мне столько денег привалило? И что это с народом стало: то обходили нас с тобой стороной, а теперь валом велят.

— Про то я тебе и толковал, — ответил бог Бедности. — Я, видишь ли, во все стороны письма разослал...

— Какие еще письма? — удивился бедняк.

— Пожалуйста, почитай, — протянул Бимбогами лист бумаги.

Взглянул бедняк, а там написано: *Уважаемый, стоит тебе посетить бога Бедности, станет Бимбогами для тебя богом Богатства.*

Понял тут бедняк хитрость Бимбогами, головой закивал и языком от восхищения прищелкнул.

Живой зонт

Японская сказка

Перевод А. Садовой

давние времена славился на всю округу мастер Хикоити — никто лучше его не умел зонты делать. А один зонт был у Хикоити совсем замечательный. Только дождь начнется — он сам собой откроется, кончится дождь — зонт сам собой закроется. Стоял тот зонт на крыше дома Хикоити, и все по зонту погоду узнавали. Приносил тот зонт людям радость. Много разных историй ходило по округе о зонте Хикоити. Прослышал про зонт князь, удивился:

— Что за чудеса в моем княжестве творятся! И послал слуг узнать, что это за зонт такой появился.

Пришли слуги в деревню и стали выспрашивать:

— Правда ли, что у Хикоити живой зонт есть?

— Правда, — отвечают им, — совсем живой. Возвратились слуги в замок, рассказали обо всем князю:

— Чудеса, да и только. Зонт у Хикоити и впрямь живой.

Снова отправил князь слуг в деревню. Пришли они к Хикоити и говорят:

— Очень понравился князю твой живой зонт, хочет князь купить его у тебя.

— Не могу я продать зонт, — ответил Хикоити, — зонт этот — самое дорогое, что есть в моем доме. Не могу я с ним расстаться.

— Да как ты смеешь, негодный, самому князю перечить! — закричали слуги.

— Так и передайте князю, — твердо сказал Хикоити, — зонт не продается.

Возвратились слуги, обо всем хозяину рассказали. Рассердился князь:

— Надо бы заставить Хикоити зонт продать. Очень хочу я любоваться живым зонтом. Возьмите из казны столько, сколько унести в руках сможете. Заплатите этому мастеру.

Снова пришли княжеские слуги к Хикоити, целыми пригоршнями золото несут. А мастер никак своего решения не меняет. Стали тогда слуги каждый день к Хикоити приходить. Наконец согласился мастер.

— Ладно, отдам вам зонт, — говорит, — только послушайте, как обращаться с ним...

— Да что тебя слушать, — заворчали слуги, — деньги получил, так и молчи.

Вздыхнул Хикоити: делать нечего, согласие уж дано. Но очень не хотелось мастеру отдавать зонт в злые руки. Снял он с крыши живой зонт и спрятал его, а слугам дал обыкновенный.

Схватили слуги зонт и поспешили к князю.

— О, наконец-то! — обрадовался князь и положил зонт на самое почетное место.

Стали князь и его слуги ждать, когда дождь пойдет. Ждали-ждали, наконец через девять дней дождь

закапал — кап-кап, кап-кап.

— Эй, зонт, откройся! — повелел князь, а все уселись рядышком, ждут — сейчас зонт откроется, сейчас откроется...

Дождь стал стихать, а зонт так и не раскрылся.

Рассердился князь, велел привести Хикоити.

— Вот полюбуйся, Хикоити! — говорит. — Что это значит? Дождь идет, а зонт не раскрывается? Уж не обманул ли ты меня?

— Что же ты, князь, наделал! — ахнул Хикоити. — Ты, наверное, очень громко при нем говорил.

— А что? — не понял князь.

— Не любит живой зонт, когда при нем кричат. — Взял Хикоити зонт на руки и запричитал: — Бедный мой зонтик, совсем тебя уморили здесь: не поили, не кормили, да еще и кричали! Вот ты и умер. А ведь живой был!

Стоят князь и слуги, от неожиданности дар речи потеряли. Хоть и живой зонт был, но чтоб зонты кормить... Такого еще никто не слышал!

Остался зонт у князя лежать на почетном месте, так никто в замке и не видел, чтобы зонт сам при дожде открывался.

Бедные богатые

Японская сказка

Перевод А. Садовой

или в одной деревне бедняк и богач. Много было денег у богача.

Позвал как-то богач бедняка к себе. Думает бедняк: «Никак, он решил сделать мне подарок. Для того и зовет». Пришел и говорит:

— Какое это счастье иметь так много денег!

— Да что ты, — отвечает богач, — какое ж это счастье! Я вот подумал, что самый богатый человек в нашей деревне это ты! У тебя целых два богатства: первое — здоровье, второе — дети. А у меня одни только деньги. Какой же я богач?

Послушал, послушал бедняк да и думает: «И то правда, не так уж я и беден». И домой пошел — старухе обо всем рассказать. Старуха только руками всплеснула:

— А разве ты, старый, не знал, что самое большое счастье — дети да здоровье?

— Счастливо жизнь свою мы прожили, — решили старики.

На следующее утро отправился старик в море и много-много рыбы поймал. Обрадовались старики и решили своей радостью с соседями поделиться — часть улова им раздали. А потом пошли на берег моря, где недавно ветер бушевал да деревья поломал. Набрали древесины, наделали игрушек — то-то радость деревенским ребятишкам!

— Вот мы с тобой какие богачи, всех детишек подарками одарили! — радовались старик со старухой.

С тех пор прозвали их в деревне бедными богатыми.

Полынь — средство от всех напастей

Японская сказка

Перевод А. Садовой

давние времена жил один крестьянин. И крепко верил тот крестьянин в волшебные свойства полыни. Каждое лето собирал он полынь, сушил, в вязанки связывал и приговаривал:

— Нет такой напасти, от которой полынь не помогла бы.

Однажды забрался к нему ночью вор. Прокрался в дом, вытащил из-под подушки кубышку с деньгами и из дома выскочил. Да убежать далеко не успел — проснулся крестьянин. Вот и пришлось вору в саду под кустом спрятаться.

А крестьянин вышел во двор, огляделся, вдруг видит — около куста след. «Не иначе, вор след оставил, — подумал крестьянин, — надо бы его получше рассмотреть».

Принес вязанку сухой полыни и разжег огонь. Все жарче костер разгорается. Лежит вор под кустом — слезами обливается, огонь к самым пяткам уже подбирается. Терпел, терпел вор, да не выдержал, бросился наутек.

Бежит и думает: «Что это за траву такую невиданную поджег он? Никак, трава волшебная — сразу на то место, где я спрятался, указала! Чудеса! Надо бы деньги-то вернуть».

А крестьянин ничего и не заметил, сидит на корточках, след вора рассматривает. Вдруг видит: выползает из кустов вор, кубышку с деньгами протягивает.

— Возьми свою кубышку, — говорит. — А что это за волшебную траву ты поджигал?

— Это полынь, средство от всех напастей, — ответил крестьянин, а потом добавил: — В том числе и от воров.

Как девушка в бычка обратилась

Японская сказка

Перевод А. Садовой

или в деревне старик со старухой, и была у них дочь красоты невиданной.

Как-то раз охотился молодой князь в тех лесах. Начался дождь, и решил князь переждать его у старика со старухой. Вошел и онемел — никогда не видел князь такой красавицы, как старикова дочка.

— Возьму я вашу дочь в жены, — сказал князь.

С тем и уехал.

Опечалились старик со старухой, не хотели они единственную дочь за злого князя отдавать. День, другой проходит — плачут старики горькими слезами.

А девушка смысленная была, решила она князя перехитрить. Вот и говорит родителям:

— Видела я сегодня вещий сон, слышала голос: «Пойдешь замуж за злого князя, превратишься в бычка».

Еще больше огорчились старики, да делать нечего. Прислал князь за красавицей паланкин^[8], посадили туда девушку и понесли в княжий замок.

Долго несли слуги паланкин, устали и решили отдохнуть. Остановились около харчевни, а девушке наказали:

— Никуда не выходи, князь не велел.

Только ушли слуги, выбралась красавица из паланкина, видит, на лугу бычок пасется. Посадила девушка бычка в паланкин, а сама убежала.

Вышли слуги из харчевни, подняли паланкин и понесли в замок.

Приоткрыл князь паланкин да обомлел — сидит вместо красавицы бычок. Рассердился князь и приказал стариков в замок привести.

— Дурачить меня вздумали! Вместо красавицы дочери быка подсунули!

— Не гневайся, князь, — молвили старики. — Видела наша дочь вещий сон, слышала голос: «Пойдешь замуж за злого князя, превратишься в бычка».

Ничего не оставалось князю, как отказаться от девушки-красавицы.

Взяли старики бычка за веревку и домой повели. Горевали, плакали, да делать нечего. Время шло, бычок рос, и старики любили его всем сердцем.

Однажды вечером стук-стук кто-то в дверь. Открыли старики, глазам не верят — стоит перед ними дочка жива и невредима. Не было конца радости! Стали они опять жить все вместе да над глупым князем посмеиваться.

Глупый Сабуро

Японская сказка

Перевод А. Садовой

ил некогда в одной деревне мальчик по имени Сабуро. Был он так глуп, что соседи прозвали его Глупый Сабуро. Если поручат ему одно дело, он кое-как сделает, а если два поручат — все перепутает. Вечно попадал он впросак. Родители очень огорчались, но все же надеялись, что Сабуро когда-нибудь поумнеет.

Как-то раз отец говорит ему:

— Пойди, Сабуро, и выкопай бататы^[9]. Все, что из земли достанешь, разложи на грядке и просуши на солнышке.

— Хорошо, — ответил Сабуро и отправился на поле.

Только начал он копать бататы, как вдруг мотыга ударилась о что-то твердое. Копнул Сабуро глубже и вытащил большой горшок. Открыл, а там полно золотых монет — целое богатство.

«Отец сказал, чтобы все, что я из-под земли достану, сушиться положил», — вспомнил Глупый Сабуро и разложил монеты на грядках.

Потом пошел домой и говорит:

— Нашел сегодня я горшок с золотом, теперь золотые монеты на грядках сушатся.

Родители только руками развели. Прибежали на поле, а золота давно уж след простыл.

— В следующий раз, — наказал отец, — как найдешь что-нибудь, так заверни и домой принеси.

— Хорошо, — ответил Сабуро.

На следующий день увидел он на дороге дохлую кошку. Завернул ее и домой принес.

— Ну нельзя же быть таким глупым! — рассердился отец. — Надо было выбросить ее в реку.

Наутро увидел Сабуро огромный пень. Страшно тяжелый был пень, но Глупый Сабуро хорошо помнил наказ отца — схватил он пень и потащил к реке.

В это время мимо шел сосед.

— Что ты делаешь, глупец! Этот пень еще для топки сгодится. Надо было разрубить его и домой отнести.

— Хорошо, — сказал Сабуро, — в следующий раз я так и сделаю.

Пошел он домой, вдруг видит, на обочине дороги красивая чашка валяется. Видно, кто-то потерял ее. Поднял Сабуро чашку да как хлопнет о землю! Разлетелась чашка на куски. Собрал их Глупый Сабуро и домой понес.

— Посмотри, мама, что нашел я сегодня!

Глянула мать: да ведь это осколки чашки, которую отец взял с собой в поле!

Утром родители решили:

— Все, что ты делаешь, никуда не годится. Мы сегодня на поле пойдем, а ты уж дома сиди.

И оставили Сабуро одного. «Не понимаю, почему люди зовут меня Глупый Сабуро? — подумал мальчик. — Я ведь все-все делаю точно так, как они мне советуют».

Дырка в сёдзи

Японская сказка

Перевод А. Садовой

ак-то в самый канун Нового года в дом бедняка постучал торговец рисом:

— Добрый вечер!

— Кто там?

— Это я, торговец рисом. Сегодня последний день года, пора тебе долги отдавать!

— А! Торговец рисом... Меня нет дома, — слышалось в ответ.

Удивился торговец — он же с хозяином говорил. Стоит и не знает, что делать. А сам тем временем водит пальцем по сёдзи [\[10\]](#). Водил-водил, пока в сёдзи дырка не получилась. Заглянул в нее торговец и обомлел: хозяин-то дома! Лежит себе, отдыхает.

Рассердился торговец:

— Никак, ты меня надуть вздумал! Оказывается, ты дома, милейший. Я тебя вижу.

Вскочил тут бедняк, подбежал к сёдзи да как завопит:

— Где же это видано! Приходит в чужой дом и сёдзи дырявит!

— Как нескладно получилось, — смутился торговец рисом.

Вынул он из кармана бумагу и стал затыкать дырку.

— Взгляни, дырки больше нет, — сказал он.

— И ты что же, не видишь меня больше? — отозвался бедняк.

— Не вижу, — выдохнул с облегчением торговец.

— Совсем не видишь?

— Совсем не вижу.

— Ну и славно, — обрадовался бедняк, — а раз так, нет меня дома.

Человек, который не знал, как раскрыть зонт

Японская сказка

Перевод А. Садовой

ил как-то на свете человек, который никогда в жизни зонта не видел. Отправился он гулять. Вдруг дождь. Что делать? Дождь барабанит все сильнее, а спрятаться негде. Пустился человек бежать. Добежал до первого попавшегося дома, под крышу встал. Хозяину дома стало жаль прохожего, он и говорит:

— Хоть мы видимся с вами впервые, но уж больно жалко на вас смотреть. Дождь идет, а вы без зонта. Возьмите мой. Раскройте зонт поскорей.

А в Японии слова «раскройте зонт» и «заткните за пояс» звучат совсем одинаково. Вот человек, который не знал, как пользоваться зонтом, и решил, что хозяин ему советует зонт за пояс засунуть.

Поблагодарил он хозяина, заткнул зонт за пояс, словно меч, и под дождь выскочил. Долго под дождем шел, совсем продрог. «Никак, обманул меня этот человек, — думает, — говорит, мол, «заткните за пояс», я и заткнул зонт за пояс, а толку никакого, все равно под дождем до костей промок». Так он и шел, пока не повстречал старика.

— Ну и ну, — удивился старик. — Вода с тебя так и льет! Возьми зонт. Вот он, раскрой зонт поскорей!

«Хм, вот так штука! И почтенный старик говорит, чтобы я заткнул зонт за пояс», — подумал человек, который не знал, как пользоваться зонтом. Никак он уразуметь не мог, что же все-таки с зонтом сделать надо.

— Как это скверно — мокнуть под дождем, — ворчал он.

Теперь за поясом у него торчало уже два зонта.

— Разве вам не холодно? Вы же совсем промокли! — слышался чей-то голос.

Навстречу ему шел прохожий.

— Совсем доконал меня этот дождь, — пожаловался человек, который никогда не видел зонта. — Добрые люди дали мне целых два зонта, сказали: засуньте, мол, их за пояс — и дождь будет не страшен. Я так и сделал, как они говорили, но вот видите — все равно промок до нитки.

Подошел прохожий к чудаку, вынул у него из-за пояса зонт и раскрыл над головой.

— Ой! — вскрикнул тот от неожиданности. — Вот что значит волшебство! Раз — и зонт сам собой раскрылся! Теперь дождь мне не страшен!

Длинная-длинная сказка

Японская сказка

Пересказ В. Марковой

старину, далекую старину, жил один владетельный князь. Больше всего на свете любил он слушать сказки.

Придут к нему его приближенные:

— Чем угодно, князь, сегодня позабавиться? В лесу много всякого зверья: и вепрей, и оленей, и лисиц...

— Нет, не хочу на охоту ехать. Лучше мне сказки сказывайте, да подлиннее.

Начнет, бывало, князь суд чинить.

Пожалуется ему обиженный на виноватого:

— Обманул он меня, вконец разорил...

А виноватый в ответ:

— Князь, я новую сказку знаю.

— Длинную?

— Длинную-длинную и страшную-страшную.

— Ну, рассказывай!

Вот тебе и суд, и управа!

Станет князь совет держать, и там ему одни небылицы плетут.

Слуги князя все деревни в том краю обегали, всех расспрашивали, не знает ли кто новой сказки позанятнее.

Поставили по дороге заставы:

— Эй, путник, стой! Стой, тебе говорят!

Обомлеет путник от испуга. Что за беда нагрянула!

— Стой, говори правду! Был ли ты на морском дне в гостях у морского царя?

— Не-не-не был. Не довелось.

— А на журавле летал?

— Нет-нет, не летал. Клянусь, не летал!

— Ну так полетишь у нас, если сейчас же, тут же, на этом самом месте, не сплетишь небылицы почуднее.

Но князю никто угодить не мог.

— Сказки-то в наши времена пошли короткие, куцые... Только начнешь слушать с утра пораньше, как уже к вечеру сказка кончается. Нет, не те пошли теперь сказки, не те...

И повелел князь повсюду объявить:

«Кто придумает такую длинную сказку, что князь скажет: «Довольно!» — тот получит в награду все, что пожелает».

Ну, тут уж со всех концов Японии, с ближних и дальних островов, потянулись к замку князя самые искусные рассказчики. Попадались среди них и такие, что целый день говорили без умолку, да еще и всю ночь в придачу. Но ни разу князь не сказал: «Довольно!» Только вздохнет:

— Ну и сказка! Короткая, короче воробьиного носа. Была бы с журавлиный нос, я и то наградил бы!

Но вот однажды пришла в замок седая сгорбленная старушонка.

— Осмелюсь доложить, я первая в Японии мастерица длинные сказки сказывать. Многие у вас побывали, да никто из них и в ученики мне не годится.

Обрадовались слуги, привели ее к князю.

— Начинай, — приказал князь. — Но смотри у меня, худо тебе будет, если зря похвасталась. Надоели мне короткие сказки.

— Давным-давно это было, — начала старуха. — Плывут по морю сто больших кораблей, к нашему острову путь держат. Нагружены корабли по самые края драгоценным товаром: не шелком, не кораллом, а лягушками.

— Как ты говоришь — лягушками? — удивился князь. — Занятно, такого я еще не слышал. Видно, ты и в самом деле мастерица на сказки.

— То ли еще ты услышишь, князь. Плывут лягушки на корабле. На беду, только показался вдали наш берег, как все сто судов — трах! — разом налетели на камни. А волны кругом так и кипят, так и бушуют.

Стали тут лягушки совет держать.

«Давайте, сестры, — говорит одна лягушка, — доплывем до берега, пока не разбило наши корабли в мелкую щепу. Я старшая, я и пример покажу».

Поскакала она к борту корабля.

«Ква-ква-ква, ква-ква-ква, ква-ква-ква. Куда голова, туда и ноги».

И прыг в воду — шлеп!

Тут и вторая лягушка поскакала к борту корабля.

«Ква-ква-ква, ква-ква-ква, ква-ква-ква. Куда одна лягушка, туда и другая».

И прыг в воду — шлеп!

Следом третья лягушка поскакала к борту корабля.

«Ква-ква-ква, ква-ква-ква, ква-ква-ква. Куда две лягушки, туда и третья».

И прыг в воду — шлеп!

Следом четвертая лягушка поскакала к борту корабля...

Целый день говорила старуха, а не пересчитала всех лягушек даже на одном корабле. А когда попрыгали все лягушки с первого корабля, принялась старуха пересчитывать лягушек на другом:

— Вот запрыгала первая лягушка к борту корабля:

«Ква-ква-ква, ква-ква-ква, ква-ква-ква. Куда голова, туда и ноги».

И прыг в воду — шлеп!

...Семь дней не умолкала старуха. На восьмой день не вытерпел князь:

— Довольно, довольно! Сил моих больше нет.

— Как прикажешь, князь. Но ведь жаль. Я только-только за седьмой корабль принялась. Еще много лягушек осталось. Но делать нечего. Пожалуй мне обещанную награду, я домой пойду.

— Вот наглая старуха! Заладила одно и то же, как осенний дождик, еще и награду просит.

— Но ведь ты молвил: «Довольно!» А слово князя, так я всегда слышала, крепче тысячетней сосны.

Видит князь, от старухи не отговоришься. Приказал он выдать ей богатую награду и прогнать за двери.

Долго еще у князя в ушах звучало:

«Ква-ква-ква, ква-ква-ква... И прыг в воду — шлеп!»

С тех пор разлюбил князь длинные сказки.

Китайские сказки

О том, как по животным счет годам вести стали

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

ассказывают, будто в старину не знали, как по животным счет годам вести^[11]. Этому научил людей сам Юй-ди, Нефритовый владыка^[12]. Вот для чего он однажды и созвал в свой Небесный дворец^[13] всех зверей и птиц. В те времена кошка с мышью в большой дружбе были и жили вместе, словно сестры. Обрадовались они, что приглашение в Небесный дворец получили, и сговорились идти вместе.

Всем известно, что кошки поспать любят. Знала за собой эту слабость и наша кошка, а потому решила загодя с мышью договориться.

— Ты ведь знаешь, сестрица мышь, как я люблю поспать, — вежливо начала она. — Разбуди меня, пожалуйста, завтра, когда придет время во дворец отправляться.

Ударила себя мышь лапкой в грудь и пообещала:

— Я непременно разбужу тебя! Спи, ни о чем не тревожься!

— Благодарю! — сказала кошка, почистила усы и, ни о чем не тревожась, уснула.

На другое утро мышь поднялась чуть свет. Она и не подумала разбудить кошку. Поела и одна отправилась в Небесный дворец.

А теперь расскажем о драконе, который жил в водной пучине. Он тоже получил приглашение во дворец.

«Уж кого-кого, а меня непременно отличат», — решил дракон. И верно, вид у него был воинственный: панцирь на теле так и сверкает, под носом усы торчком торчат. Один только был у него недостаток — голова голая, ничего на ней не растет. «Вот бы мне рога раздобыть, тогда никто бы со мной в красоте сравниться не смог!» Подумал так дракон и решил попросить у кого-нибудь на неделю рога.

Только высунул голову из воды, глядь — на берегу петух. Грудь выпятил и важно так расхаживает. В те времена у петухов огромные рога были. Обрадовался дракон, подплыл к берегу и говорит петуху:

— Дядюшка петух, одолжи мне свои рога, я завтра с ними в Небесный дворец пойду.

— Ай-я! Братец дракон, — ответил петух, — уж ты меня извини, но я тоже завтра в Небесный дворец собираюсь.

— Тебе, дядюшка петух, такие большие рога совсем не идут, голова у тебя слишком маленькая, отдай их лучше мне. Взгляни-ка, мне они в самый раз!

Случилось так, что в это время из расщелины сороконожка выползала. А сороконожки любят нос в чужие дела совать. Услышала сороконожка слова дракона и говорит:

— Дядюшка петух, одолжи братцу дракону рога, ну хоть на разок. А если боишься, я готова за него поручиться. Ну что, одолжишь?

Петух согласился. Ведь сороконожка поручилась за дракона. А он, петух, и без рогов собой хорош.

Пожаловали на следующий день все звери да птицы в Небесный дворец. Собралось их великое множество. Вышел к ним Нефритовый владыка и говорит:

— Отныне счет годам вести будем по зверям и птицам. А по каким — вы сами назовите.

И назвали звери вола, лошадь, барана, собаку, свинью, зайца, тигра, дракона, змею, обезьяну, петуха и мышь.

Почему именно их выбрали тогда звери — никто не знает. Почему петуха, а не утку? Тигра, а не льва?

Итак, выбрали всего двенадцать зверей. Выбрать-то выбрали. А как их по порядку расставить? Тут-то и пошли споры да пересуды.

— Самый большой из вас вол, пусть он и будет первым, — сказал Нефритовый владыка.

Все согласились, даже тигр. Но тут вдруг мышка-малышка подняла лапу и говорит:

— А я разве не больше вола? Отчего же тогда, завидев меня, все кричат: «Ай-я! Какая громадная мышь!» Но никто никогда не сказал: «Ай-я! Какой громадный вол!» Выходит, люди считают, что я больше вола!

Удивился Нефритовый владыка:

— А ты правду говоришь? Что-то мне не верится.

Тут обезьяна и лошадь в один голос закричали, что мышь просто-напросто врет. Однако мышь как ни в чем не бывало отвечала:

— Не верите? Давайте проверим!

Петух, баран, собака и заяц согласились.

— Давайте проверим, — сказал и Нефритовый владыка.

Отправились звери к людям. И что бы вы думали? Все случилось точь-в-точь как говорила мышь. Когда мимо людей вол проходил, все наперебой хвалили его: «Какой хороший, какой тучный!» И никто не сказал: «Какой громадный!» А хитрая мышь тем временем взобралась во лу на спину, встала на задние лапки. Увидали ее люди и как закричат: «Ай-я! Какая громадная мышь!»

Услыхал это Нефритовый владыка собственными ушами, нахмурил брови и говорит:

— Ладно! Раз люди считают, что мышь больше вола, пусть вол уступит ей первое место. А сам пусть будет вторым.

На том и порешили. Вот отчего и поныне счет ведут с года мыши, а уж потом идет год вола.

Воротилась мышь домой рада-радехонька, что первая среди зверей оказалась, гордится да важничает. А кошка только-только глаза продрала, увидела она мышь и спрашивает:

— Что же ты молчишь, сестрица мышь? Разве не велено нам сегодня во дворец пожаловать?

— Ты все еще почиваешь? А я уж из дворца воротилась. Двенадцать зверей выбрали, чтобы по ним счет годам вести, и я среди них первая!

Удивилась кошка, раскрыла широко глаза и спрашивает:

— Отчего же ты меня не разбудила?

— Забыла! — как ни в чем не бывало ответила мышь.

Разозлилась кошка, усы у нее встопорщились, как закричит она:

— Ах ты негодница! А я-то тебе поверила, уснула, ни о чем не тревожась! Не ты ли обещала меня разбудить? Я знаю, ты хотела навредить мне! Ну, погоди! Я с тобой рассчитаюсь!

Мышь вины за собой не признала и говорит:

— Что зря шуметь! Не разбудила — значит, не захотела. Это уж мое дело. Я тебе не служанка!

Кошка так и вскипела: задышала тяжело, оскалила зубы, бросилась на мышь и перегрызла ей горло — мышка только пискнуть успела да дернуть задними лапками.

С тех пор кошка да мышь лютые враги.

А теперь расскажем о петухе. Вернулся он домой грустный-прегрустный и думает: «Нефритовый владыка потому дракона впереди меня поставил, что рога у него на голове были мои». И решил петух непременно отобрать у дракона свои рога.

Подошел он к пучине, видит — дракон весело резвится в воде. И сказал тогда петух дракону очень вежливо:

— Братец дракон! Верни мне, пожалуйста, мои рога!

Дракон удивился и ответил с достоинством:

— А, это ты, дядюшка петух! Да зачем тебе рога? По правде говоря, ты без них куда красивее. А мне твои рога уж очень кстати!

— Кстати они тебе или некстати — неважно, — невесело сказал петух. — Раз взял, надо отдать.

Дракон ничего не ответил. Подумал немного, потом почтительно поклонился петуху и говорит:

— Ты уж не взыщи, дядюшка петух, время позднее, пора и отдохнуть. А о рогах мы в другой раз поговорим.

Не успел петух и рот открыть, как дракон под водой скрылся. Разъярился тут петух, захлопал крыльями и как закричит во все петушиное горло:

— Братец дракон, отдай мои рога! Братец дракон, отдай мои рога!

Но дракон уже крепко спал на самом дне пучины и ничего не слышал.

Долго кричал петух, охрип и совсем из сил выбился. Делать нечего. Решил он отыскать сороконожку. Ведь она тогда за дракона поручилась.

Отыскал петух сороконожку на груде камней, рассказал ей все по порядку и попросил:

— Госпожа сороконожка, вы же поручились за дракона, заставьте его вернуть мои рога!

Подняла сороконожка голову, помолчала немного и говорит:

— Вернет тебе братец дракон рога. А не вернет — так ничего не поделаешь. Сам посуди, не могу же я найти его на дне пучины!

Петух от злости даже покраснел.

— Какой же ты поручитель! Нечего тогда соваться в чужие дела. Беда случилась, а тебе хоть бы что!

— Не возводи, дядюшка петух, на меня напраслину, — стала оправдываться сороконожка. — Ты сам отдал дракону рога. А я просто так за него поручилась. Кто бы мог подумать, что братцу дракону доверять нельзя? Знай я это раньше, не стала бы за него ручаться.

— Что же теперь делать? — спросил петух, смиряя гнев.

— Я ведь сказала: ничего не поделаешь. Признай, что тебе не повезло, если дракон так и не отдаст рогов. Сам виноват. Прежде чем отдавать, надо было хорошенько подумать.

— По-твоему, я сам виноват? — Петух выпучил глаза, выпятил грудь и стал наступать на сороконожку.

— Сам виноват, сам виноват, надо было хорошенько подумать, — ни жива ни мертва твердила сороконожка.

Еще больше покраснел петух, вытянул шею и клюнул сороконожку. Раз-другой мотнул головой, сороконожку живьем проглотил.

С тех пор петухи каждое лето клюют во дворе сороконожек. А по утрам, только начнет светать, кричат во все горло:

— Лун-гэгэ, цзяо хуань во! Братец дракон, отдай мои рога!

Как горная и городская мышь друг к дружке в гости ходили

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

ышла однажды горная мышь прогуляться и повстречала на дороге городскую мышь. Разговорились мыши и очень понравились друг дружке. С того дня стали они закадычными друзьями.

Говорит как-то раз горная мышь городской:

— Сестрица дорогая, ты, наверно, сыта по горло городскими яствами. Пойдем ко мне, угощу тебя на славу! Отведаете свежих, сочных плодов!

Обрадовалась городская мышь и, не раздумывая, согласилась. Привела горная мышь подружку в свою норку, достала из кладовой земляные орехи, сладкий картофель, разные ягоды, стала потчевать гостью. И так ублажила городскую мышь, что та сразу же позвала горную мышь к себе — отведать сала, сахару да печенья. А горная мышь рада-радехонька, что случай ей выдался поесть дорогих лакомств.

На другой день пустилась горная мышь в путь. Ее подружка жила в подполе лавки, и у нее всегда было вдоволь всякой вкусной еды. Мыши поболтали о том о сем, вылезли из подпола, закусили сальцем, сахарку погрызли. Наелась-натешилась горная мышь. Вдруг видит, стоит в углу большой глиняный чан.

— Сестрица, а сестрица, — окликнула она подружку, — а там что, в чане?

— В чане? Масло. Вкусное, жирное, только много его не выпьешь. Отведай, если охота!

Уж так насытилась горная мышь, что дальше некуда, да как не отведать масла? Попросила она подружку крепче держать ее зубами за хвост и в чан полезла. Масло желтое, прозрачное, все дно как на ладони видно.

Висит мышь на собственном хвосте, будто на веревке, масло пьет. Напилась и опять просит подружку:

— Вытащи меня наверх! Не могу больше пить!

Вытащила ее городская мышь и говорит:

— Давай-ка, сестрица, уберемся подобру-поздорову, а то как бы беда не случилась — черный кот тут недалеко гуляет!

— Да не бойся его, — отвечает горная мышь. — Уж очень хочется еще масла попить! По вкусу оно мне пришлось!

Передохнула и опять в чан полезла. А городская мышь на краю чана сидит, подружку за хвост держит.

Вдруг открылась дверь, и на пороге показался огромный черный кот. Городская мышь как закричит:

— Ой, сестрица, вылезай скорее! — и выпустила из зубов подружкин хвост.

Тун-тун! Это горная мышь в масло плюхнулась. И выплыть не смогла — очень уж отяжелела. Так и утонула.

Как собака с кошкой враждовать стали

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

ил в старину бедный старик со своей слепой старухой. Детей у них не было, только собака да кошка. Дружно жили собака и кошка, так и ходили друг за дружкой, как тень за человеком, и хозяевам верно служили. Уйдет старик из дому, они со старухой дом стерегут, чужого близко не подпускают. Как сокровища, берегли старики своих любимцев, не били, не ругали. С собакой и кошкой жилось им, горемыкам, не так тоскливо.

Пошел как-то старик в горы травы накосить. Идет обратно, видит, лежит на земле черная змейка, видать, оголодала, с места сдвинуться не может. Пожалел старик змейку, спрятал за пазуху, пошел своей дорогой. Пришел домой, выходил змейку, откормил. Но вот однажды говорит ей старик:

— Иди-ка ты из нашего дома, змейка. Рис у нас перевелся, травы больше нет — нечем нам тебя кормить!

Кивнула змейка головой:

— Добрый дедушка, если б не ты, умерла бы я с голоду. Не знаю, как отблагодарить тебя. Только и есть у меня что собственный хвост. Возьми его, положи в деревянную шкатулку и схорони подальше, чтобы никто чужой не увидел. А как понадобятся деньги, потряси — посыплется из хвоста монеты.

Согласился старик. И только отрубил у змейки хвост, как она исчезла. Положил старик змеиный хвост в деревянную шкатулку, шкатулку закопал за кухней, куда никто чужой не заглядывал.

Только переведутся у стариков деньги, выкопают они заветную шкатулку, достанут змеиный хвост, потрясут, на пол медные монеты со звоном посыплется. Соберет старик монеты, отправится на базар, купит масла, соли, риса, хвороста. Вернется домой, еду варит. Сварит и разделит на четыре части: одну — старухе, другую — собаке, третью — кошке, а четвертую — себе. Так и жили они, не ведая нужды.

Но вот однажды постучался к старикам бродячий торговец. Боязно ему было одному темной ночью по дороге идти, вот и попросился заночевать. Впустил его старик.

А на другой день, еще до рассвета, прошел старик тихонько за кухню, достал из шкатулки змеиный хвост, потряс его. И на землю медяки посыпались. Только и слышно: цзян-цзян-хуа-лан. Торговец все это через окно видел. Только ушел старик из дому, как он вскочил, откопал драгоценную шкатулку, сунул в корзину, поднял коромысло и был таков.

Вернулся старик домой, а старуха плачет, да так жалобно! Спрашивает старик:

— Какая беда приключилась?

А старуха отвечает:

— Шкатулку нашу драгоценную бродячий торговец унес!

Не поверил старик:

— Ты что это плетешь, старая? Схоронил я ее далеко да глубоко. Как же мог он ее найти? Видать, не там ты искала, где надо.

Сказал так старик и сам за кухню пошел. Искал-искал, ничего не нашел.

Пригорюнились старик со старухой. Старик тяжело вздыхает, а старуха слезами заливается. Тут как раз кошка с собакой со двора воротились — завтракать вместе с хозяевами. А у хозяев лица печальные, брови нахмуренные, чуют кошка с собакой, что беда в доме, а что за беда — не знают. Поглядел на них старик, вздохнул и говорит:

— Унес злодей торговец нашу шкатулку. Бегите скорее! Догнать его надо!

— Бежим, может, поймаем его, — сказала собака кошке, — видишь, как старики убиваются!

Выскочили они из дому и в путь отправились. Идут, вынюхивают все, высматривают — нигде нет драгоценной шкатулки. И решили они идти к торговцу. А дом его за рекой стоял.

Подшли они к реке, река бурлит, волны на ней пенятся. Кошка в комок съежилась от страха.

— Не бойся, — подбадривает ее собака, — как-нибудь переберемся на тот берег, я ведь умею плавать. А без шкатулки нам лучше домой не возвращаться.

Увидела кошка, что собака такая храбрая, сама расхрабрилась и вскочила ей на спину. Переплыли они реку и очутились в маленькой деревушке. Идут по деревушке, в каждый двор заглядывают, ни одного не пропускают. Вдруг видят, стоит во дворе большой дом, народу видимо-невидимо, кто в красном, кто в зеленом, — к свадьбе готовятся. И признали они в женихе того самого торговца, который у старика ночевал.

— Иди в дом, — говорит собака кошке на ухо, — разузнай, где схоронил торговец заветную шкатулку. Я бы сама пошла, да боюсь, приметят меня. А как узнаешь, сразу беги за околицу, я буду ждать тебя под ивой.

Кивнула кошка головой, мяукнула, взобралась на крышу, с крыши прямехонько во двор прыгнула, а со двора через маленькое оконце пролезла в спальню. Ищет кошка заветную шкатулку, все углы обшарила, нигде нет. Уселась кошка под кровать и думает, как же ей быть. Вдруг видит, из сундука, который в спальне стоял, мышка вылезла. Бросилась на нее кошка, а мышь дрожит в кошачьих лапах, отпустить просит. Говорит ей кошка с безразличным видом:

— Поможешь мне в одном деле, отпущу.

— Все сделаю, царица кошка, только прикажи, — пропищала мышка.

— Полежай в хозяйский сундук, посмотри, нет ли там деревянной шкатулки. Если найдешь, быстрее тащи сюда.

Залезла мышь в сундук, вмиг вытащила заветную шкатулку и с низким поклоном передала ее кошке. Кошка схватила шкатулку и пустилась наутек.

Увидел торговец кошку и как закричит:

— Держите кошку! Она украла сокровище! Держите ее!

Бросились люди за кошкой вдогонку, а она через стену шмыг, только ее и видели. Прибежала на околицу, а там ее собака под ивой дожидается, и двинулись они в обратный путь. Идут не нарадуются. Когда подошли к реке, собака строго-настрого приказала кошке:

— Увидишь рыбу или рака, смотри рта не разевай, не то уронишь шкатулку в воду.

Теперь кошка больше не боялась через реку плыть. Она с важным видом сидела на спине у собаки и представляла, как станут ее благодарить хозяева. Доплыли они до середины реки, вдруг видят, рыбешки в воде резвятся. У кошки даже слюнки потекли, не выдержала она и как закричит:

— Ой, сколько рыбы!

Хуа-ла — это шкатулка упала в воду и пошла ко дну.

— Говорила я тебе, чтоб ты рта не разевала да помалкивала? Как теперь быть?

Приплыла собака с кошкой на спине к берегу, кошку оставила, а сама на середину реки воротилась. Насилу вытащила из воды драгоценную шкатулку.

Устала собака, присела отдохнуть, глаза закрыла и не заметила, как задремала. А кошка тем временем схватила шкатулку и побежала домой.

Увидел старик, что кошка шкатулку принесла, обрадовался, бросился к старухе, чтоб добрую весть ей сообщить. И стали они наперебой расхваливать кошку: какая она ловкая да проворная. Открыл старик шкатулку, достал змеиный хвост, потрянул — на пол медные монеты посыпались, звенят. Накупил старик всякой всячины, приготовил разные вкусные кушанья, стал кошку потчевать. Уселась кошка поудобнее, но не успела за еду приняться, как видит, бежит собака.

— Ах ты дармоедка! Только и знаешь, что брюхо набивать! — накинулся на нее хозяин.

А кошка знай уплетает. Хоть бы словечко вымолвила. Так хотелось собаке попить да поесть, но ничего вкусного ей не досталось, пришлось довольствоваться остатками супа и риса.

С тех пор возненавидела собака кошку. Как увидит, сразу норовит схватить за горло.

Так и пошла у них вражда.

Заячьи хвосты

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

давние-предавние времена хвосты у зайцев были совсем не такие, как сейчас. У первого на земле зайца с зайчихой хвосты были красивые, длинные и пушистые. Они очень гордились ими, считали себя лучше всех других зверей и частенько выкидывали всякие штуки, чтобы посмеяться над ними.

Но однажды из-за такой штуки потеряли зайцы свои красивые хвосты и остались с короткими, ни на что не похожими обрубками.

Вот как это было.

Как-то зайцы играли на берегу реки и увидели на другом берегу лужайку с зеленой нежной травкой, захотелось им перебраться туда и полакомиться. Только ведь и в те времена зайцы не умели плавать. Как тут быть? Думали они, думали, вдруг слышат, булькает вода: это старая черепаха вылезла погреться на солнышке. Блеснули зайцы глазами и стали расспрашивать старую черепаху:

— Тетушка черепаха, тетюшка черепаха! Говорят, у вас много сыновей и дочерей. В самом деле у вас такая большая семья?

— Правда, правда, — радостно закивала старая черепаха.

— Раз уж зашла речь о больших семьях, то наша заячья семья все-таки больше, и братьев у нас больше, — сказал заяц.

— Не ври. Почему же я всегда вижу только вас двоих? — ответила черепаха.

Она была, конечно, права, мы ведь говорили, что в самые давние времена во всем мире только и были что этот заяц да зайчиха.

— Все наши братья сидят дома, — закричали зайцы-врунишки, — поэтому ты и не видишь их! Не веришь? Давай посчитаем, тогда решим, у кого семья больше!

— Как будем считать? — спросила черепаха.

— Сегодня будем считать ваших детей, а завтра уж наших братьев.

— Хорошо, — согласилась старая черепаха, — только как будем считать?

— Созовите сюда всех ваших детей, пусть они выстроятся в реке от одного берега до другого парами, а мы будем скакать по ним и считать: пара, две и так далее.

— Хорошо, — сказала старая черепаха.

Позвала всех своих детей, ровненько выстроила их парами, вытянули они шеи и легли на воду, как поплавки. Зайцы принялись прыгать с черепахи на черепаху и считать:

— Пара, две, три...

Так и добрались до другого берега. Обрадовались зайцы, запрыгали радостно и закричали:

— Глупые, глупые, обманули мы вас!

Только рано они обрадовались. Сами-то на другой берег переправились, а хвосты их еще тащились сзади, не успели зайцы убрать их. Услышали черепахи, которые были ближе к берегу, что кричат зайцы, вцепились зубами в заячьи хвосты и стали допытываться, в чем они обманули их. Рванулись зайцы, убежать-то убежали, да только хвосты их остались в зубах у черепах.

С тех пор у зайцев не хвосты, а обрубки. И сейчас говорят: «Заячий хвост вовек не вырастет».

Как птица с рыбой спорили

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

Однажды зашел у рыбы с птицей спор. Рыба с насмешкой поглядела на птицу, которая сидела на дереве, и сказала:

— Бедная птица! Неужели ты настолько глупа, что, вылупив глаза, сидишь и ждешь, пока охотник не убьет тебя? Ведь когда ты слышишь звук «дан», знай, что это охотник спускает тетиву, и у тебя еще есть время улететь!

Задумалась птица, ничего не ответила, только спросила, может ли задать рыбе один вопрос.

— Бедная рыба! Неужели ты так простодушна, что, выпучив глаза, смотришь, как рыбак загоняет тебя в сеть? Ведь когда ты слышишь звук «шалан-шалан», знай, что это звенят грузила на сети. Что же ты не уходишь поглубже в воду?

Онемела рыба, ничего не смогла ответить, только глупо выпучила глаза и ушла под воду.

Так и кончился спор птицы с рыбой.

Сказка про теленка-пестренка

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

авным-давно жила в деревне старуха. Одна-одинешенька на целом свете — не было у нее ни сына, ни дочки, только теленок-пестренок. И ходила старуха за теленком, словно за внучком.

Встанет поутру, лепешек масленых напечет. Лепешки теленку на рожки повесит, сзади торбу ему привяжет. И пустит теленка в горы — пусть себе ест лепешки да хворост ломать не забывает. А к вечеру, не успеет солнышко сесть, теленок домой бежит, полную торбу хвороста несет.

Но как-то раз уже село солнышко за горы, а теленок-пестренок все не идет. Ждет не дождется его старая, не знает, что и думать. Вот уж небо черным стало, а теленка все нет да нет. Не дожждаться, видно, старухе своего любимца. Взяла она клюку и пошла в горы искать. Вдруг заяц ей повстречался. Спрашивает его старуха:

— Скажи, добрый зайчик, не видал ли ты где моего теленка-пестренка?

— Твоего теленка-пестренка ведьма съела, а ночью придет — тебя загрызет.

Испугалась старуха, опечалилась. Да делать нечего, заплакала, домой пошла. Села у ворот, слезы льет. Плачет старая, а тоска все сильнее сердце гложет. Услыхали люди, как старуха убивается, того гляди, и сами заплачут. Шел мимо братец шило и спрашивает:

— Бабушка, а бабушка, ты что пригорюнилась?

— Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет — меня загрызет!

— Не бойся, бабушка. Я ночью прибегу, беду отведу.

Шла мимо сестрица колючка и спрашивает:

— Бабушка, а бабушка, ты что закручинилась?

— Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет — меня загрызет!

— Не бойся, бабушка. Я ночью прибегу, беду отведу.

Катилась мимо тетушка куриное яичко, подкатилась и спрашивает:

— Бабушка, а бабушка, ты что плачешь?

— Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет — меня загрызет.

— Не бойся, бабушка, я ночью прибегу, беду отведу.

Скакала мимо тетушка лягушка, прискакала, спрашивает:

— Бабушка, а бабушка, ты что так убиваешься?

— Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет — меня загрызет!

— Не бойся, бабушка, я ночью прибегу, беду отведу.

Шлепал мимо братец коровий навоз, спрашивает:

— Бабушка, а бабушка, ты что пригорюнилась?

— Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет — меня загрызет!

— Не бойся, бабушка, я ночью прибегу, беду отведу.

Катился мимо дядюшка каменный каток, подкатил и спрашивает:

— Бабушка, а бабушка, ты чего затужила?

— Моего теленка-пестренка злая ведьма съела, а ночью придет — меня загрызет!

— Не бойся, бабушка, я ночью прибегу, беду отведу.

А время между тем к ночи близилось, и стали они между собой совет держать. Братец шило к старухе за пояс спрятался, сестрица колючка за лампой схоронилась, тетушка куриное яичко в печку закатилась, тетушка лягушка в чан с водой прыгнула, дядюшка каток над притолокой притаился, а меньшому братцу коровьему навозу деваться некуда, так он прямо на землю упал.

Пришла злая ведьма, в дом ввалилась, говорит:

— Эй, старуха, сейчас я тебя съем! Не знаю только, с чего начать.

Отвечает ей старуха:

— А ты с живота начинай!

Хотела ведьма за живот ее ухватить, да не тут-то было: братец шило как пырнет ее в бок!

— Ой, у тебя на животе шипы торчат!

— Тогда с головы начинай!

— На голове волосы растут!

— А ты их вырви! Только прежде лампу зажги!

Хотела ведьма лампу зажечь, а сестрица колючка как вопьется ей в руку! Побежала ведьма к печке огня взять да посветить, а тетушка куриное яичко глаза ей залепила. Добралась ведьма до чана воды зачерпнуть, а тетушка лягушка хват ее за нос! Испугалась ведьма, хотела убежать, да поскользнулась на коровьем навозе. Тут дядюшка каток подоспел да и придавил злую ведьму. Пусть знает, как чужих телят есть!

Птица чжаогу

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

ила когда-то на свете злая-презлая старуха. Были у нее сын да дочь-невеста. Женился сын, вскорости после женитьбы за Великую стену[14] в восточные края ушел, и начала старуха всячески над невесткой измываться. Только дочку свою лелеяла да любила.

Скажет, бывало, старуха:

— Съешь-ка, доченька, еще белых лепешек, супу отведай, он из мелкого пшена сварен!

А дочка нет-нет да и сунет невестке несколько белых лепешек. Уставится старуха зло на невестку и ворчит:

— Ну и ешь ты, ну и пьешь! Да на тебя лепешек из отрубей и то не напасешься!

Ни еды хорошей, ни одежды не давала свекровь бедной невестке, только была ее да бранила с утра до вечера.

В тот год развела старуха видимо-невидимо шелковичных червей[15]. Посмотришь — глазом всех не окинешь, считать станешь — не сочтешь. Каждый день до свету старуха невестку в горы гонит собирать тутовый лист. Собирает она день, собирает другой, солнце высоко, до вечера далеко, с тутовых деревьев почти все листья оборваны, того и гляди, голыми останутся. А шелкопряды все крупнее, все жирнее делаются. В четвертом месяце стали светлеть личинки шелкопрядов. Набросаешь листьев, только и слышно, как они шуршат: ша-ла, ша-ла;

оглянуться не успеешь — ни одного листочка нет, все подчистую личинки съели. Еще набросаешь — ша-ла, ша-ла, и опять ни листочка нет.

Собралась невестка в горы за листьями, а свекровь в нее пальцем ткнула да как закричит:

— Невестка в хозяйстве все равно что лошадь. Захочу — верхом на ней ездить буду. Захочу — побью. Попробуй только вернись без тутовых листьев! Плеткой тебя отхлестаю, палку об тебя обломаю, три дня есть не дам, пять дней спать не велю!

Посмотрела зло старуха невестке вслед, обернулась, видит, родная дочь шелкопрядов с земли поднимает. Взяла старуху жалость, ну, прямо мочи нет, и говорит она:

— Славная ты моя доченька! Отдохни! Воротится невестка, все сделает. Может, попить тебе хочется? Или поесть? Я супу в котле припасла, на котел белую лепешку положила.

А дочка у старухи, надобно сказать, была писаной красавицей, да и нравом на мать ничуть не похожа, жаль ей жену старшего брата. Услыхала она материны слова, обернулась и говорит:

— Чем же я лучше невестки, чтоб работу ей оставлять?

Услыхала старуха, что дочка ей перечит, замахнулась — да не ударила, рот открыла — да не обругала:

жаль ей дочь родную. Махнула с досады рукой и ушла.

А невестка между тем до гор добралась, стала тутовый лист искать. Солнце жаркое, горы крутые, пока с Южной горы вскарабкалась на Восточную, с Восточной на Северную, полдень настал, а в корзине у нее всего-навсего горсточка листьев. Притомилась бедная женщина, села у дороги и плачет.

А старухина дочь подняла шелкопрядов, корму им подбросила, сама все думает: «Как-то там невестушка в горах, нарвала листьев или с пустыми руками воротится? Всегда-то я о ней пекусь, а сегодня сердце так и колотится, так и прыгает, изголодалась она там в горах, бедная!» Подумала так девушка, взяла белую лепешку, которую ей мать припасла, в кастрюлю супу налила, из мелкого пшена сваренного, потихоньку в горы отправилась. Вдруг видит, сидит невестушка у дороги и горько плачет. Схватила она ее за руку и говорит:

— Не плачь, невестушка! Я тебе лепешку принесла, из белой муки испеченную, супу, из мелкого пшена сваренного. Утоли ты свой голод да жажду!

Отвечает ей невестка, слезами горькими обливается:

— Жажда меня замучает — я ключевой воды напьюсь, голод одолеет — горьких трав поем.

Опять спрашивает ее девушка:

— Что ты пригорюнилась, невестушка, не таись от меня, расскажи обо всем, я ведь знаю твое сердце!

Отвечает ей невестка, слезами горькими обливается:

— Я, сестрица, всю Южную гору исходила, всю Северную гору вдоль и поперек прошла, всего несколько тутовых листьев нашла. Только дубовых много попадает. Не знаю, как твоей матери на глаза покажусь!

Причесала девушка невестке волосы, вытерла ей слезы и говорит:

— Не бойся, невестушка, съешь лепешку, супу попей, и пойдём мы с тобой вместе тутовый лист собирать.

Насилу уговорила девушка невестку кусочек лепешки съесть да супу немного выпить. И отправились они вдвоем тутовые листья искать.

Идут, разговор меж собой ведут, то в глубокое ущелье забредут, то на самую вершину горы заберутся. Все горы обошли, все хребты облазили, одни дубы попадают, тутов совсем не видать. Смотрит невестка, вот-вот солнце за горы спрячется, и говорит сквозь слезы:

— Скоро стемнеет, сестрица. Волки из логова выйдут, тигры пещеры покинут. Воротись-ка ты, милая сестрица, домой поскорее!

А та ей в ответ:

— Скоро стемнеет, невестушка! Волки из логова выйдут, тигры пещеры покинут, давай, милая невестушка, вместе домой воротимся!

Посмотрела невестка на пустую корзинку и говорит:

— Я, сестрица, еще подожду немного. Может, сжалится надо мной горный дух и превратит дубовые листья в тутовые.

Отвечает ей девушка:

— И я, невестушка, с тобой подожду. Может, и надо мной сжалится дух горный и превратит дубовые листья в тутовые.

Взялись они за руки, прижались тесно друг к дружке, стали с горы спускаться. До горного родника дошли, еще одну гору обошли, все хребты обыскали — нет нигде тутовых листьев, только дубовые попадают. Смотрит невестка, солнце за горой скрылось, спряталась она за девушкину спину, вытерла слезы и говорит:

— Видишь, сестрица, как небо потемнело, скоро луна взойдет. Слыхала я, будто на этой горе сам Князь гор живет, нос у него красный, глаза зеленые. Добрая сестрица! Ты ведь совсем молоденькая, иди-ка лучше домой поскорее!

Отвечает ей девушка:

— Видишь, невестушка, как небо потемнело, скоро луна взойдет. И я слыхала, что у Князя гор нос красный, а глаза зеленые. Давай вместе домой воротимся!

Поглядела невестка на чистый, прозрачный родник и говорит:

— Подожду-ка я здесь еще немного, может, сжалится надо мной дух воды и превратит дубовые листья в тутовые.

Отвечает ей девушка:

— И я с тобой подожду, может, надо мной сжалится дух воды и превратит дубовые листья в тутовые.

Взялись они за руки, тесно прижались друг к дружке и пошли прочь от родника. До опушки горного леса дошли. Все горы обошли, все хребты обыскали, не видно нигде тутовых деревьев, одни дубы попадают.

Увидела невестка, что луна взошла, и опять тревога ее одолела. Принялась она девушку уговаривать, чтоб домой воротилась. А та и слушать не хочет. Заплакала невестка. Девушку тоже тревога одолела: луна взошла, а у невестки в корзинке совсем пусто. Тут задул-засвистел южный ветер: у-у. Зазвенела вода в ущелье: дин-дан. Подняла девушка голову и крикнула:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, зашелестели листья на дубах. Выпрямилась девушка и во второй раз крикнула:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, заколыхались, заметались ветви на дубах. И в третий раз крикнула девушка:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, налетел на равнину ураган, небо и землю черной пеленой окутал, шумит все вокруг, гудит. Вдруг ветер стих, луна из-за туч выплыла. А на месте дубов сплошь туты стоят.

Смотрят девушка да невестка на такое диво, не нарадуются. Руками взмахнули и принялись листья рвать. Листья зеленые, ну прямо изумруд, каждый величиной с ладонь будет. Только начали собирать, а уж корзинка доверху полна. Подняли они ее вдвоем и стали спускаться с горы.

А старуха дома мечется, не знает, куда дочь подевалась. И уж так обрадовалась, когда чадо свое увидела, будто клад бесценный нашла. А невестку увидела — показалось старухе, будто гвоздь ей прямехонько в глаз воткнули. На тутовые листья не глядит, знай ругается, зачем ее дочь с собой в горы увела. И в наказание не велела невестке спать ложиться, велела всю ночь шелковичных червей стеречь.

На другой день невестка опять пошла в горы за листьями, а девушка ей туда лепешку из белой муки отнесла. На горах, на хребтах ни одного дуба не видно, везде туты растут. Вскорости червяки нитку выплевывать стали, начали коконы из нее плести.

И вот однажды, когда невестка со старухиной дочкой дома сидели, коконы разматывали, приплыли с

северо-запада черные тучи, а за ними вслед черный вихрь прилетел, одним концом в самое небо уперся, другим по земле мести стал. Деревья раскачивает, с корнем из земли вырывает, крыши с домов уносит. Девушка и охнуть не успела, как вихрь закружил ее и с собой умчал. Заметалась невестка, даже заплакала. Бросилась вслед черному вихрю, а он ей под ноги деревья да ветки бросает, чтоб всю ее исцарапали, песок да камни кидает, чтоб руки ей изранили. А она все бежит. Упадет, встанет на ноги, снова бежит. Себя не помнит, вихрь догоняет, кричит:

— Князь гор, отдай мою сестрицу!

Умчался черный вихрь в горы, невестка — за ним. Здесь горемычной туты глаза застили, и не заметила она, куда черный вихрь вдруг исчез. Ищет она на Передней горе, бредет по Западной горе, толстые, крепкие подошвы до дыр протерла. Ищет день, ищет ночь, колючий терновник платье ей в клочья изорвал. Ищет, ищет, никак не найдет свою сестричку. Даже на след ее напасть не может.

Прошла весна, миновало лето, осень пришла. Каждая травинка в горах знала, что бедная женщина свою сестрицу ищет, и под ноги ей стелилась, чтоб мягче было ходить. Знала про это и каждая яблоня в горах и протягивала бедной женщине свои ветки со спелыми плодами. И все птицы про это знали. И решили они от холодов ее спасти. Выщипали они у себя пух, вырвали перья и бросили их невестке. Закружились пух и перья снежинками, прикрыли бедную женщину.

На другой день подул северный ветер, и обернулась невестка красивой птичкой, на теле у нее пух и перья выросли. Летит она и кричит:

— Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Прошли холода, опять весна наступила. А красивая птичка все летает среди изумрудных туюв и кричит:

— Чжао гу! Чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Летает птичка над бескрайними полями, летает по синему небу с белыми облаками и кричит:

— Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Сколько месяцев прошло, сколько лет миновало, а она все летает и кричит. Жалко людям птичку, и прозвали они ее чжаогу — «ищу сестру».

Пять сестер

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

ыло у матери пять дочерей. Старшую прозвали Динчжэр — Наперсток, вторую Шоучжор — Браслет, третью Цзечжир — Колечко, четвертую Эрчжур — Сережка, пятую Хэбор — Кошелечек. Мать рано овдовела и во второй раз вышла замуж за торговца-разносчика. Недобрый был он человек, а пуще того несправедливый. Да к тому же скряга. Не велел он падчерицам платья из новой материи шить, не велел хорошей едой кормить. Чуть что ему не по нраву, кричит да ругается:

— Хэй! Зря я белый рис перевозжу, зря первосортную муку порчу, кормлю пятерых девок — товар дешевый!

Отправился как-то разносчик спозаранку по деревням, а перед уходом наказал жене:

— Возьми лучшей муки, налей лучшего масла, напеки блинов масленых многослойных, ворочусь вечером, наемся досыта.

Сказал так разносчик, взвалил на плечо коромысло с товаром и ушел. Жена всех пятерых дочек на ток зерно сушить отослала, заперлась в кухне, собралась блины печь. Взяла самой лучшей муки, тесто замесила, огонь в очаге развела, стала блины в котле печь. Не успела первый блин испечь, слышит — старшая дочь пришла. Бан-бан-бан — стучится в дверь, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

Отвечает мать:

— Ты зачем пришла, отчего зерно на току не сушишь?

— Я за ситом пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочку. А в очаге огонь полыхает, из котла дымок поднимается.

Спрашивает дочка:

— Мама! Ты что делаешь?

— Отцу масленые блины пеку.

— Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Сказала так Динчжэр, сняла крышку с котла, смотрит — блин подрумянился, жаром пышет, схватила его и есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротишься, сестрам ничего не рассказывай.

Согласилась Динчжэр, съела блин, сито взяла и ушла. Заперла мать дверь и второй блин печь принялась. Только стал он подрумяниваться, вторая дочь прибежала. Бан-бан-бан — стучится в дверь,

кричит:

- Мама, мама! Отопри!
- Ты зачем пришла? Отчего зерно на току не сушишь?
- Я за решетом пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочку. А в очаге огонь полыхает, из котла дымок поднимается.

Спрашивает дочка:

- Мама! Ты что делаешь?
- Отцу масленые блины пеку.
- Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Сказала так дочка, сняла крышку с котла, взяла блин и есть принялась.

- Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротишься, сестрам ничего не рассказывай.

Засмеялась дочка, доела блин, взяла решето и ушла. Закрыла мать дверь, третий блин печь принялась. Только стал он подрумяниваться, третья дочка прибежала. Бан-бан-бан — в дверь стучится, кричит:

- Мама, мама! Отопри!
- Ты зачем пришла? Отчего зерно на току не веешь?
- Я за веником пришла.

Отперла мать дверь, впустила дочку. В очаге пламя полыхает, из котла дымок поднимается.

Спрашивает дочка:

- Мама! Что ты делаешь?
- Отцу масленые блины пеку.
- Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Сняла дочка крышку с котла, взяла блин, есть принялась.

Говорит ей мать:

- Ты, доченька, так и быть, ешь. Только помни: на ток воротишься, сестрам ничего не рассказывай.

Закивала головой дочка, доела блин, взяла веник и ушла. Заперла мать дверь, четвертый блин на стенку котла налепила. Только стал он подрумяниваться, четвертая дочка пришла. Бан-бан-бан — в дверь стучится, кричит:

- Мама, мама! Отопри!
- Ты зачем пришла? Отчего зерно на току не метешь?
- Я за мешком пришла.

Отперла мать, впустила дочку. В очаге огонь полыхает, из котла дымок поднимается.

Спрашивает дочка:

- Мама! Что ты делаешь?
- Отцу масленые блины пеку.
- Пахнет вкусно! Дай один отведать!

Открыла Эрчжур котел, достала блин, есть принялась.

Говорит ей мать:

— Ты, доченька, так и быть, ешь, только смотри, на ток воротишься, сестрам ничего не рассказывай.

Засмеялась Эрчжур, доела блин, взяла мешок и ушла. Заперла мать дверь, последний блин на стенку котла налепила, хворосту подбросила. «Испеку, — думает, — блин и спрячу подальше». Вдруг слышит: бан-бан-бан — в дверь застучали. Это пятая дочь прибежала, кричит:

— Мама, мама! Отопри!

Говорит мать:

— Ты зачем пришла? Отчего зерно на току в мешки не насыпаешь?

— Я за коромыслом пришла.

Отперла мать дверь,пустила дочь, дала ей коромысло и говорит:

— Темно уже, быстрее беги к сестрам, подсоби им зерно таскать!

А дочь отвечает:

— Дай мне блина отведать!

— Нет у меня блинов, рисовой каши жиденькой поешь.

— Сестрам дала блинов отведать, а мне не даешь! Выходит, их любишь, а меня нет!

Сказала так Хэбор, слезами горячими залилась.

Вздохнула мать, вытащила из котла последний блин, отдала младшей дочери и говорит:

— Только один и остался, ешь, доченька.

Взяла Хэбор блин, улыбнулась весело и есть принялась. Увидела пестрая собачка, что Хэбор блин масляный ест, подняла голову, глядит. Хэбор кусочек собачке бросила:

— Отведай и ты, собачка, узнаешь, какие вкусные блины масляные.

Доела девочка блин, а тут и солнышко за горы спряталось. Разносчик домой воротился, снял с плеча коромысло и говорит:

— Исходил я вдоль и поперек четыре деревни да восемь поселков, прошел хутора восточные, в западных селеньях побывал. Притомился, есть захотел. Скорей подавай мне блины масляные.

Отвечает жена:

— Блины масляные дочки съели.

Услыхал это торговец, закипела в нем злость, словно вода забурлила. Ничего не сказал, а сам план хитроумный придумал. На другой день утром достал он топор хворост рубить, закинул за спину веревку крепкую, взял палку толстую, сухую шкуру баранью, рассмеялся и говорит:

— Ну, доченьки, пойду я нынче в горы за хворостом, в горах цветы распустились, мотыльки порхают. И вы со мной идите, за день нагуляетесь.

Девочки доверчивые, услышали, что в горы пойдут играть да резвиться, обрадовались. Взяла старшая, Динчжэр, корзиночку — говорит, яблочки-дички собирать буду. Захватила вторая, Шоучжор, лопатку — говорит, выкапывать буду целебные коренья гортензии. Припасла третья, Цзечжир, мотыжку — травы душистые, говорит, искать буду. Четвертая, Эрчжур, лукошко на спину повесила — грибы, говорит, собирать стану. Пятая, Хэбор, малый серп взяла — ветки туи, говорит, срезать буду. Прихватили они еще

дружка — пеструю собачку, чтобы в пути не скучно было. Вышел за ворота разносчик, вслед за ним пятеро сестер весело выбежали.

Девяносто девять отмелей прошли, девяносто девять излучин обогнули и пришли на Медвежью гору.

Говорит разносчик:

— Доченьки, я под горой хворост рубить буду, а вы на гору подымитесь, поиграйте да порезвитесь. Как умолкнет мой топор, так вниз спускайтесь.

Поднялись сестры на гору, а там красота такая, что и не расскажешь. Небо разноцветное, деревья зеленые, травы сочные, а цветов да птиц разноперых каких только нет! Персиков горных да яблок диких тьма-тьмушая, ветки так и гнутся. В озерах мальки зеленые, красные, желтые, синие. Взались сестры за руки, пошли цветы рвать, яблоки собирать, мотыльков ловить, по траве кататься. Вырвались они на волю, точно птички из клетки вылетели, не нарадуются. Набрала старшая сестра полную корзину яблок и говорит:

— Давайте к отцу воротимся.

Отвечают ей сестры:

— Погоди! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Накопала вторая сестра корней гортензии и говорит:

— Хватит играть, давайте к отцу воротимся.

А три младшие сестры ей в ответ:

— Не бойся! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Нарубила третья сестра целую охапку душистого рогоза и говорит:

— Далеко мы зашли, давайте назад воротимся!

А две младшие сестренки ей отвечают:

— Не далеко — близко, не далеко — близко! Слышишь, отец еще хворост рубит?

Идут они дальше. Набрала Эрчжур полное лукошко грибов и говорит:

— Скоро солнышко спрячется, домой пора!

Услыхала это Хэбор и губы надула:

— У вас у всех корзинки полные, у меня одной ничего нет!

Увидали сестры: невесела Хэбор, потолковали меж собой и решили:

— Раз так, пройдем еще немного. Отцов топор пока не умолк.

Хотят они дальше идти, а собачка им поперек дороги встала, лает: «Ван-ван-ван!»

— Не кусай нас, дружок, мы поиграем немного и назад воротимся.

Пошли они дальше и забрели в самую чащу лесную. Срезает Хэбор нежные ветки туи, сестры ей помогают, целую вязанку нарезали. Солнышко за горы село, птицы в гнезда попрятались, темно стало. Пошли сестры назад, боязно им, дороги не разбирают — и заблудились. Вперед идут — горы крутые, назад — лес густой. В траве светлячки сверкают, в ущельях звери режут. Птицы ночные по лесу летают, ветер в деревьях свистит да воет, в траве шелестит. Страшно в горах темной ночью, сердце замирает. Плутали, плутали сестры по Медвежьей горе, совсем с дороги сбились. Говорит тут старшая, Динчжэр:

— Не надо бояться, не надо из стороны в сторону метаться. Слышите? Отец все еще хворост рубит!

Прислушались сестры, взялись за руки и вместе с собачкой медленно пошли на звук топора. Перешли гору, миновали два ущелья, вдруг смотрят — дорога горная. Слышно, как топор дерево рубит: бан-бан-бан-бан!

Обрадовались сестры, закричали разом:

— Отец, отец, мы пришли!

Только эхо им ответило, а голоса отчима не слышать. Смотрели они, смотрели при свете звезд, видят, висит на высоком дереве сухая баранья шкура, рядом палка толстая привязана. Палка от ветра качается, по шкуре бьет: бан-бан-бан-бан! А топора никакого нет.

Отец, отец, злое у тебя сердце, не пожалел ты дочерей, темной ночью в глухих горах на съедение волкам да тиграм бросил. Домой бы воротиться — ночь темная, горы крутые, дороги не видать. Куда же деваться? Где голову приклонить?

Вдруг далеко-далеко, в самой чаще горного леса, огонек блеснул. Раз лампа горит — значит, люди есть.

Обрадовались сестры, все разом заговорили:

— Пойдем поглядим, нас только бы на ночь кто приютил, а завтра чуть свет дорогу найдем, домой воротимся.

Одолели они страх, стали в гору подниматься. Вертится собачонка под ногами, идти не дает, лает что есть мочи.

Говорят ей сестры:

— Не лай, дружок, не злись, сейчас в дом придем, еды найдем, тебя досыта накормим!

Взялись сестры за руки, вместе с собачкой на дальний огонек пошли. А это и не лампа вовсе — фонарь у входа в пещеру светится. Поднялись сестры на каменные ступеньки, смотрят — двери каменные двустворчатые, одна половинка открыта. Заглянули, а там старая старуха сидит. Посмотрела она на сестер — что за диво такое? — и спрашивает:

— Как это вы, детушки, темной ночью сюда забрели?

Отвечают девочки:

— Пошли мы в горы хворост собирать да заблудились. Дозволь, добрая бабушка, на ночь у тебя остаться.

Вздыхнула тут старушка и говорит:

— Видать, не знаете вы, в какое место забрели. Гора эта Медвежьей зовется, и пещера тоже, потому как живет в ней медведь-оборотень. Не ест он вареной пищи, людей жрет. Кто здесь пройдет, тот в лапы к нему попадет. Видите, белые косточки в пещере горой громоздятся?

— А ты, бабушка, кто же будешь? Отчего медведь тебя не съел, пощадил?

Отвечает старуха:

— Он и меня сожрать хотел, в лапах сюда приволок. Только старая я да тощая. Кости да кожа. Вот и не стал он меня есть, велел за домом присматривать.

— А где он сейчас, медведь? Почему мы его не видели?

— Глупенькие вы, мои детушки! Хорошо, что не видели. Смотрите, как бы он вас не приметил.

Вышла старуха из пещеры, поглядела на небо и говорит:

— Пошел медведь на охоту людей ловить, скоро назад воротится. Уходите-ка вы отсюда подобру-поздорову!

Ночь темная, горы глухие, где девочкам голову приклонить?

Спрашивают они:

— Бабушка, а бабушка, медведь воротится, где спать ляжет?

Отвечает старуха:

— Коли жарко — на холодный кан[16] ляжет, коли холодно — на теплый кан залезет.

— А где у него теплый кан?

— В глубоком котле.

— А где у него холодный кан?

— На плоском камне.

Посоветовались меж собой сестры, потолковали тихонечко и говорят старухе:

— Не бойся, бабушка! Спрячь нас в пять больших корчаг, воротится медведь — уложи его спать на теплый кан. Придумали мы, как от него избавиться.

Только они это сказали — снаружи ветер засвистел, медведь на горе появился, тут уж не до разговоров. Открыла бабушка поскорее пять больших корчаг, из глины сделанных, велела сестрам спрятаться. А пеструю собачку в топке схоронила, больше негде. Только они попрятались, медведь-оборотень заявился.

Вошел, носом водит, принюхивается:

— Пых-пых, что за дух?

Отвечает ему старуха:

— Может, это у меня ноги так пахнут?

— Пых-пых, не ноги.

— Может, это от тебя кровью свежей пахнет?

— Пых-пых, не кровью!

Бегает медведь по пещере, по углам шарит. Подошел к глиняным корчагам, хотел открыть да заглянуть. Испугалась старая, сердце запрыгало, удержать его — силенки не хватит, дорогу загородить — смелости недостает. Плохо дело! Загубит он бедных девочек. Вдруг из топки собачка выскочила, вперед кинулась, тьякнула, хват медведя за ногу. Обернулся медведь, пнул собачонку и говорит:

— Чую я дух чужой, а это паршивой собачонкой пахнет!

Говорит ему тут старуха:

— Уж и не знаю, что за собачка такая приبلудная, гнала я ее, гнала, не уходит.

— А ты привяжи ее; коли человека завтра не задеру, собачку съем.

— И то верно. А сейчас спать ложись. Время позднее.

— Жарко, пойду на холодный кан лягу.

— А ты посмотри, какой ветер дует, с полуночи холодать начнет, ложись-ка лучше на теплый кан.

Послушался медведь старуху, залез в котел, захрапел. Открыла тут старуха тихонько корчаги

глиняные, выпустила девушек. Динчжэр с Шоучжор валуны тяжелые притащили, на крышку котла положили, не сдвинешь теперь крышку с места. Цзечжир с Эрчжур сухого хвороста натаскали, стали в печи огонь разводить. А Хэбор что есть мочи кузнечный мех растягивает: пай-да, пай-да! Мех пыхтит, пламя котел лижет — жарче, горячее, жарче, горячее!

Проснулся медведь да как заревет:

— Жа-жа-жарко! Гр-гр-горячо!

Отвечают ему сестры:

— А ты не реви! Теплее — спать слаще!

— Ай-я! Жарко! всю шерсть мне спалили!

— А ты не кричи! Шерсть медвежья — что шуба. Старую скинешь — новую наденешь!

— Ай-я! Жарко! всю кожу мне сожгли!

— А ты не реви! Кожа медвежья — что платье! Старое скинешь — новое наденешь!

Так злого медведя-оборотня живьем в котле и зажарили.

Наступило утро. Тревожатся сестры. Сердце у них — море бурное. Домой воротиться — там отчим злой; весь век маяться будешь. Не воротиться — тоска по матушке родной изведет.

Видит старая: загрустили, опечалились девочки, и говорит:

— Чего только на этой горе нет! И тыквы, и яблоки, и овощи разные, и травы целебные, и зерно — все тут растет. Мне, старой, тоже голову приклонить негде. Может, останетесь? Вместе жить будем.

И остались пятеро сестер на горе жить. Как изжарили они медведя-оборотня, спокойно на горе стало. В любви да согласии живут девочки со старухой, друг дружке во всем помогают.

Наловили они диких уток, фазанов да зайцев, коров диких пригнали, овец да кабанов, откормили их, стали звери смирными, домашними. всю землю на склоне горы тямками да мотыгами перекопали, пшеницу посеяли, просо. На целине земля тучная, жирная; выкопали девочки канавки, с вершины вода по ним течет родниковая, чистая. Течет и течет, льется и льется. Навозу вдоволь, сорняки выполоты. Пшеница ростки пустила, зеленые, блестящие, на просе метелочки появились. Уродилось все на славу!

Стали сестры тутовый лист собирать, шелкопрядов кормить. Собрали хлопок дикий, принялись материю ткать. На яблоках питье настояли вкусное, ароматное, коноплю посеяли, масла надавили пахучего. Бамбук тонкий нарезали, корзины сплели. Толстые деревья срубили — дом построили. Все у них есть: и еда, и одежда, и жилье, и утварь разная — всего вдоволь.

Зима лето сменяет, жара — холод, незаметно три года прошло. Опять усыпали красные листья землю, опять у ворот персиковое дерево расцвело. Вспомнили сестры о родной матушке, решили весточку ей подать. Сняла старшая сестра наперсток медный, сняла вторая сестра браслет серебряный, сняла третья сестра кольцо позолоченное, сняла четвертая сестра нефритовые сережки зеленые. А младшей что снять? Отвязала она от пояса кошелечек, из атласа сшитый, парчой украшенный. Сложили в него сестры все свои украшения, сверху прикрыли лоскутами шелковыми да атласными, горсточку зерна всыпали. Крепко-накрепко завязали мешочек, кликнули собачку пеструю, в родной дом ее отправили.

Долгих три года сестры дома не были. Долгих три года засуха за горами стояла, нет и нет дождя. Торговля у разносчика совсем захирела, какой был у него товар, весь продал, а деньги проел. Да и коромысла с товарами нет сил таскать. В ларе — ни зернышка, в ящике — ни горсти муки. Печь холодная, из трубы дым не идет. Сидят муж с женой, вздыхают да охают. Вдруг смотрят, собачка пестрая бежит,

хвостом виляет, в зубах узелок. Взяла жена узелок, развязала, а там наперсток медный, браслет серебряный, кольцо позолоченное, серьги нефритовые да еще кошелечек, из атласа сшитый, парчюю украшенный. Заплакала мать от радости и говорит:

— Живы мои доченьки, все пятеро. Про то мне их сережки да колечки в мешочке атласном сказали. Есть у них еда, есть одежда. Про то мне лоскутки да зернышки сказали! Скорей беги вперед, собачка пестрая, приведи меня к моим детушкам!

Услыхал это злой отчим и не знает, верить ему или не верить. Только дома все едино с голоду помрешь. И решил он вместе с женой идти. Собачка впереди бежит, муж с женой следом за нею. Прошли девяносто девять отмелей, обогнули девяносто девять излучин, к горе подошли — Десять тысяч сокровищ называется. Стали вверх подниматься. По склонам да по кручам поля зеленые, ухоженные; коровы мычат, козы скачут, куры, утки, свиньи, зайцы по горе бегают. На горе дом высокий, двор просторный. Тявкнула пестрая собачка три раза: «Ван-ван-ван!»

Пять девушек, пять сестер, к воротам вышли. Радуются, дивятся, слова вымолвить не могут. Кинулись они к своей бедной матушке и давай ее обнимать. Три года не видались, нынче вдруг встретились.

Отчим в сторонке стоит, покраснел весь, стыдно ему, совестно. Вздохнул он тихонько и думает: «Виноват я перед дочерьми, повиниться надобно».

Повинился, прощенья попросил, на том и сказке конец. А коли спросите, чем пять сестер мать с отчимом потчевали, отвечу вам: сладким питьем, да мясом, да еще блинами масляными многослойными, — целыми блюдами их подавали.

Сад нефритовой феи

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

Гора на свете высокая, Обитель бессмертных называется. Посреди горы — сад, называют его садом Нефритовой феи. Ну, что тут скажешь, коли и не сад это вовсе, а так, склон пологий. Нет там ни дома, ни дворовой стены. Старые люди рассказывают, будто прежде на этой высокой горе, кроме камней, как говорится, одни камни были — ни деревца, ни кустика, а про Обитель бессмертных и говорить нечего. Поистине бедная гора, тощий хребет.

Плохо жили люди, что вокруг селились, хуже некуда. Ходили они на гору, дробили камни, продавали, тем и кормились. Ветер дует, солнце печет, пот глаза заливаает, во рту сухо да горько. Хоть бы два дерева на горе выросло! Пустые мечты. Разве вырастет что-нибудь на такой тощей земле!

Но вот однажды на большом камне посреди горы персиковое дерево выросло. Дождем его хлещет, сердитый горный поток песок да камни вниз гонит, а деревце живехонько стоит, красными ветками да зелеными листьями убралось.

Жил в ту пору юноша. Каждый день ходил в горы камни дробить. Забрел он как-то в те места да там и остался. Никто не знал его имени. Ветер в горах сильный, солнце жаркое, потемнело у юноши лицо, залоснилось. И прозвали его люди Ван Черный.

Лицо у Вана черное, а сердце доброе. Рослым да крепким уродился, руки золотые, а живет одиноко — ни жены, ни детей. Ему бы денег скопить, да где там! Последние штаны заложит, куртку продаст, только бы помочь кому. Прославился он своей добротой на все деревни — и в южной стороне, и в северной.

Идет Ван Черный в горы камень рубить, нет-нет да мимо персикового деревца пройдет. И вот однажды за ночь дерево из маленького в большое превратилось, розовыми цветами все усыпано, зелеными листочками покрыто. Идет Ван Черный утром мимо дерева, тихо вокруг, ветер не дует, ветви не колышет. Только росинки-жемчужины стучат по штанам да куртке — тук-тук-тук. Идет Ван Черный под вечер домой опять мимо дерева, солнце красное, Ван такого никогда и не видел, от цветов веет свежестью. Смотрит юноша, лепестки плавно-плавно летят прямо к нему. Подошел юноша к дереву, и не знаю, по какой такой причине почудилось ему, будто цветы улыбаются. Обрадовался юноша, куда только усталость подевалась. С той поры Ван Черный непременно отдыхал под деревом, когда возвращался.

Отправился как-то юноша в горы, идет мимо того дерева, смотрит, все дерево персиками усыпано, крупными, красными. Ветер вокруг дивный аромат разносит. Далеко ушел юноша, камни дробит, а в нос ему персиковый аромат бьет, дразнит. Был как раз шестой месяц. Солнце жар разливаает — яд ядовитый, камни — железо раскаленное, ноги жгут. А у Вана туфли дырявые, голову прикрыть нечем. Тростниковой шляпы и то нет. Скоро полдень. Все парни ушли тень искать, а Ван знай камни дробит, рукам отдыха не дает. Дробил, дробил, в голове помутилось, в глазах зарябило. Прислонился он к камню и не заметил, как уснул. Уж и не знаю, сколько времени он проспал, а как проснулся, такое блаженство почувствовал, словно

в прохладной воде искупался. Открыл юноша глаза, смотрит, тень над ним. Не зонт его от солнца укрыл — ветви частые да листья густые. Персики румяные на ветках висят, не по одному — по два. Аромат дивный вокруг разливается. Листва колышется, прохладу навевает. Ван мигом вскочил, а сам думает: «Кто это ветку такую большую срубил да в землю воткнул?» Огляделся — парни все в сторонке спят. Ухватился Ван за ветку, хотел покачать, а это не ветка — настоящее дерево, корни прямо в скалу ушли, в расщелину глубокую. Вдруг росток появился, крупным персиком обернулся. Думает Ван: «Что за диво! Одноединственное дерево на горе росло, по самой середке, откуда же другое взялось?» Поглядел юноша на дерево, раздумывать стал, что бы это значить могло. Пошел он на горный склон. Быстро идет, ноги сами несут. Бежит, сердце так и колотится. Подбежал к тому дереву, что по самой середке росло. Ветки качаются, персики свежие, румяные. Под одной веткой девушка стоит, персики собирает.

Еще больше удивился юноша. Что за девушка? Не из ближней деревни, не из дальней. Где только ни был юноша, а такой красавицы нигде не видел. Личико у нее — персиковый цвет весенний, волосы — листочки зеленые. Улыбнулась девушка — на щеках ямочки. Рукой махнула, смотрит Ван, с того места, где он камни дробил, что-то по воздуху плывет. Пригляделся, а это ветка, на ветке два румяных персика. Схватила девушка ветку, к стволу приложила — приросла ветка, будто всегда здесь была. Не успел Ван опомниться, а девушка сорвала два крупных персика, в него бросила. Ван будто и не хотел, а сам руку протянул, персики прямехонько на ладонь и опустились. Девушка смеется, заливается. Застыдился юноша, не знает, куда деваться. А девушка вдруг перестала смеяться, рукой махнула — ешь, мол, поскорее персики. Откусил Ван кусочек, персик сладкий — вода медовая. Съел его весь, прохладно стало ему, будто в реке искупался. Съел юноша один персик, съел другой. А девушка опять за ветку ухватилась, потрясла. Поплыли перед юношей лепестки, посыпались. Вдруг смотрит юноша, не стоит он больше под персиковым деревом, стоит в доме, вокруг все блестит, бирюзой сверкает, на потолке огромный румяный персик нарисован.

Рассмеялась девушка и говорит:

— Звать меня Юйсянь. Я Нефритовая фея. Знаю я: во всей округе не сыщешь человека лучше тебя. Живешь ты один, трудно тебе. Пойдешь в горы камни дробить, мимо этого места иди, не сворачивай, а если что понадобится, меня разыщи.

Сказала так девушка, еще румяней стала, еще ясней глаза глядят — цветы персика под росой распускаются, лепестки на закате блестят.

Поглядел Ван Черный на ее светлое личико, послушал ее речи ласковые, уж так у него хорошо на душе, так отрадно стало, а как сказать про то девушке, не знает.

Опомниться не успел — исчезла девушка. Смотрит Ван, сейчас парни к нему подойдут. Близо они были, а ничего не приметили. Видно им только, как Ван под персиковым деревом стоит, на дереве плоды красные, листья зеленые.

Воротился Ван домой, а перед глазами у него Нефритовая фея. Спать лег, до полуночи так и не уснул. Может, это фея его персиками своими заворожила? Пошел он на другой день в горы. Быстро идет, быстрее прежнего. Только светать стало, а он уже у персикового дерева стоит. Моргнуть не успел, перед ним, откуда ни возьмись, Нефритовая фея, дом зеленый бирюзой сверкает. Смеется дева, на юношу лукаво поглядывает. Покраснел юноша и говорит:

— Хочу я, чтобы ты мне куртку залатала, за тем и пришел.

Обрадовалась Нефритовая фея, согласилась. Знает: не из-за куртки пришел юноша.

Говорит юноше фея:

— Знаю я, нынче ночью ты уснуть не мог. Иди в дом, там кан есть, поспи немного.

Недаром говорят: встретились чужие, стали как родные. Видит юноша, добра да ласкова с ним девушка, еще родней она ему сделалась. Послушался он ее, в дом вошел, будто в свой собственный, лег на кан и уснул. Взошло солнце, пришли парни к персиковому дереву, смотрят, Ван Черный крепко спит, рядом его куртка чиненая лежит.

С той поры Ван чуть не каждый день ходил к персиковому дереву на Нефритовую фею поглядеть. Дни длинные, дни долгие, видят парни, неладно что-то, и спрашивают Вана:

— Ты зачем к персиковому дереву ходишь? Персиков-то на нем ни одного нет!

Никогда не врал Ван товарищам, всю правду им и выложил. Подивились тут парни, за Вана порадовались.

А надобно вам сказать, неподалеку от того места уездный город был, начальником там один чиновник, столичному сановнику родня. Наелся он как-то, напился, делать ему нечего, сидит и думает: «Все у меня есть: и власть, и богатство, — чего бы мне еще захотеть?» Думал, думал и придумал: «Надо мне еще сад разбить, чтоб горы в нем были рукотворные, озера большие, павильоны, беседки, галереи, дома понастроены, тогда и желать больше нечего!» Рассмеялся чиновник от радости: «Стоит мне слово сказать, все будет сделано».

Прежде и вправду так было: скажет чиновник слово — бедный люд кровь и пот льет. Стали парней гнать повинность отбывать, и Вана Черного тоже. С самого рассвета до темна грузит он на тачку огромные камни, с горы в город их катит. Одежда на нем в клочья изорвалась, туфли до дыр протерлись. Докатил он как-то свой камень до середины горы, а одна туфля совсем разорвалась, на ноге не держится. Юноша и говорит парням:

— Вы меня здесь подождите, а я к Нефритовой фее сбегаю, попрошу туфлю зашить.

Согласились парни, смотрят, Ван к персиковому дереву подошел. Только он отошел, стражник на них налетел, не стал ни о чем спрашивать, давай всех без разбору лупить. Тут Ван Черный подоспел. Замахнулся на него стражник, а его вдруг кто-то возьми да и схвати за руку. Стал тут стражник самого себя по лицу хлестать: би-би, пай-пай! Больно ему, обе щеки уже вспухли, а он знай хлещет, руку остановить не может.

А парни — кто так на него глядит, кто со смеху покатывается, умора, да и только! Встал стражник на колени, хлещет себя по лицу, а сам о пощаде молит:

— Прости меня! Прости меня! Прости меня! Никогда больше никого бить не буду!

Сказал он так три раза, вдруг слышит — женский голос ему говорит:

— На этот раз прощаю.

Тут только рука у стражника остановилась.

А сам он исчез, словно струйка дыма под ветром, — в уезд кинулся. Все подробно доложил чиновнику, как говорится, от одного до пяти, от пяти до десяти. Подивился чиновник, велел оборотня немедля схватить и доставить. Не успел Ван камни с тачки свалить, как его связали и в ямынь [\[17\]](#) привезли. Дали сорок палок, в тюрьму бросили.

Узнали про то парни, рассердились, а потом приуныли. Потолковали между собой, посоветовались и решили Нефритовую фею найти. Стали они в горы подниматься за камнями и к персиковому дереву поспешили. Подошли к дереву, не знают, что делать. Веткам да листьям про беду не расскажешь. Слышали они от Вана про Нефритовую фею, да не видел ее никто. Тут один из парней закричал громким голосом:

— Выйди к нам, Нефритовая фея! Дело есть! Поговорить с тобой хотим!

Только он это крикнул, как тотчас же раздался голос:

— Погодите, сейчас дверь отопру!

Зашевелились листочки на персиковом дереве, задвигались, в тот же миг увидели парни: дом чистый бирюзой сверкает, а сами они в том доме стоят. Только не стали они дом разглядывать, девушка их своей красотой покорила. Рядом с девушкой туфли лежат недошитые. Тут и думать нечего, сама Нефритовая фея им явилась.

Рассказали они ей все как есть, по порядку. Фея и говорит:

— Не бойтесь, я его выручу.

Сказала, блеснула молнией и исчезла.

В это время уездный начальник как раз в большом зале сидел, властью своей тешился, приказы отдавал. Вдруг слышит голос с неба:

— Эй ты, продажный чиновник! За что в тюрьму бросил Вана Черного? Это я твоего стражника по лицу хлестала! Что ты со мной сделаешь?

Поднял начальник голову — никого нет. Глаза вытаращил. Помощники его от страха онемели, слова вымолвить не могут.

А тут опять голос с неба:

— Эй вы, волчья стая! Выпустите Вана из тюрьмы, да поживей!

Разобрал тут наконец чиновник, что это женский голос, набрался храбрости и говорит:

— Эй, кто это кричит там, в небесах?

Рассмеялась фея сердито и отвечает:

— Думаешь, побоюсь сказать тебе, кто я? Я Нефритовая фея.

Говорит чиновник:

— Один в уезде господин, один отец родной. Захочу — горой серебро насыплется, захочу — храмы друг подле дружки выстроятся. Ну-ка покажись, чтобы я на тебя поглядеть мог!

А фея знай потешается над начальником:

— Ха! Не вижу я никакого чиновника.

— Я самый и есть.

— А мне почудилось, это куча навозная. Неохота мне с тобой разговаривать! Место свое ты не заслужил, за несколько тысяч серебряных слитков купил. Серебро хуже навоза. Недостоин ты меня видеть.

Уж, кажется, все ему фея сказала, все припомнила, так нет же, ему и это нипочем. Бывают же такие толстокожие! И говорит он фее:

— Меня сам император в чиновники произвел, а Ван Черный простой каменотес...

Разгневалась фея, не дала чиновнику договорить, ругает его: ни в чем-де ему с Ваном не сравниться, у Вана сердце доброе, человечье, у чиновника — злое, волчье. Не выдержал чиновник, покраснел, шея кровью налилась. А сделать ничего не может. Фея бесплотная, ему неподвластна.

Усмехнулась фея:

— Ты на меня поглядеть хотел, так погляди лучше на мою силу волшебную!

Сказала так фея, и тотчас в дверь веточка персиковая влетела. В самой середине зала опустилась. В кирпичный пол корни пустила, вмиг в высокое дерево превратилась. Ствол толстый — ни рассказать, ни описать невозможно. Уперлось дерево макушкой в крышу — зашаталась, заходила крыша. Видят стражники да посыльные — плохо дело. Кто кричит, кто о помощи просит, кто прячется, кто хоронится. А начальник больше всех испугался, не до важности ему сейчас, выскочил из зала, как мышь трусливая. А караульные врассыпную. Упал один на землю, встать боится, молит жалобно:

— Отпусти меня, фея!

И слышит в ответ:

— Ладно, отпущу, только ворота тюремные отопри поскорее!

Караульный и думать не стал, согласился.

Слышит Ван крики да шум снаружи, а что приключилось, понять не может. Распахнулись тут ворота тюремные. Обрадовались узники, толпой на волю ринулись, вместе с ними Ван Черный за городскую стену выбежал, домой воротился. На другое утро только собрался он в горы, во двор вышел, смотрит, Нефритовая фея вбегает. Запыхалась, волосы нечесаны, платье мокрое, на бровях росинки-жемчужинки. Подивился Ван Черный, не успел рта раскрыть, а фея ему и говорит:

— Не будет тебе житья от уездного начальника! Бежала я всю ночь, раздобыла для тебя долото волшебное. Возьми его...

Не успела девушка договорить, а за воротами крики послышались. Это уездный начальник солдат пеших и конных прислал, чтобы Вана схватить. Взяла фея юношу за руку и молвит:

— Бежим скорее!

Выбрались они за околицу, а солдаты за ними кинулись, догонять стали. Вот уже и вершина горы близко, солдаты не отстают, того и гляди, настигнут беглецов. Остановилась тут фея и указала пальцем на высокий утес каменный:

— Ван Черный, возьми-ка молот да ударь разок вот здесь!

Послушался Ван, взмахнул железным молотом, по долоту ударил, удара не слышать, только загрохотало, загудело вокруг. Смотрит Ван, в каменной скале отверстие появилось — круглое, величиной с ворота. Прыгнул он в то отверстие. Заглянули в него солдаты, а Вана Черного и след простыл. Воины, что похрабрее, внутрь вошли, искать его стали. Шли, шли, уж и не знаю, на какую глубину зашли, вдруг слышат, вода журчит. Река путь им преградила, широкая да глубокая, дна не разглядеть. Вода в ней быстрая, на лодке поплывешь — лодку в щепы разнесет. А на другом берегу сверкает что-то, глаза слепит. Постояли воины, поглядели, делать нечего, повернулись, назад пошли.

С той поры никто больше не видал Вана Черного. Слух прошел, будто он бессмертным сделался. И стали называть пещеру в той каменной стене и саму гору Обителью бессмертных. Из пещеры частенько туман белый выплывает, всю гору окутывает. Если прислушаться хорошенько, слышно, как по горам разносится: дин-дин, дан-дан, дин-дин, дан-дан, — вроде бы кто-то камень бьет. Говорят, будто Ван Черный и в пещере не сидит без дела. Оно и правда. Камень, который на той горе добывают, гладкий, блестящий, словно шлифованный.

Куда исчезла Нефритовая фея, никто не знает. Только гора та вся поросла персиковыми деревьями. С той поры самую середку горы, где росло большое персиковое дерево, стали называть садом Нефритовой феи.

Как пойдешь от сада Нефритовой феи к пещере, деревья все гуще, все пышнее становятся. Это чтобы Вана Черного солнце не пекло, когда он к фее навевается. Бывает, что туман подолгу над верхушками деревьев плавает, — это значит, Ван Черный с Нефритовой феей повстречались.

Портрет девушки из дворца

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

сть в горах Ишань два места. Одно зовется ущелье Девяти драконов, другое — ущелье Семи драконов. Так вот, около ущелья Девяти драконов стояла деревушка, и жила в той деревушке старуха со своим единственным сыном по имени Тяньтай. Девяти лет от роду уже умел Тяньтай барсуков в горах ловить, двенадцати лет не страшился из волчьих нор волчат таскать. Пригожим да статным уродился юноша, никто с ним не сравнится. Лицо доброе, глядит весело, силен, смекалист, ростом высок. Уйдет спозаранку за хворостом в горы, вечером домой воротится. На высокие горы взбирается, с круч крутых спускается, через бурные реки переправляется, узкими тропинками-ниточками пробирается.

И вот однажды осенью, в самый сезон дождей, несколько дней кряду ливень лил, а у Тяньтая в доме, как говорится, ни хворостинки не найдешь, ни зернышка риса не сыщешь. Ждали, ждали, пока дождь перестанет да солнце выглянет, и ждать устали. Взял юноша веревку, коромысло, топор прихватил и отправился в горы хворост рубить. А топор у юноши, сказать про то надобно, против обычного вчетверо тяжелее был, кузнец нарочно таким его выковал.

Перешел Тяньтай через горное ущелье, вода там бурлит, как гром гроыхает, взобрался на склон, дождевой водой умытый, прошел по тропинке-ниточке и наконец до лесистого места добрался. Только успел он немного хвороста нарубить, ветер дождь пригнал. Как хлынет дождь, камни с горы вниз посыпались, загудело вокруг, зашумело. Дождлся юноша, пока дождь пройдет, залез на дерево, на самую макушку, огляделся, видит, все ущелье водой наполнилось, реки из берегов вышли. Посмотрел юноша в ту сторону, где его деревушка стояла, и думает: «Матушка, наверно, к воротам вышла, тревожится, не унес ли меня бурный поток, ждет не дождется». Взяла юношу досада, так бы, кажется, и полетел сейчас домой! Только не справиться ему с горным потоком — свиреп очень. Думал юноша, думал и нечаянно топор из рук выронил. Дзинь! — упал топор на большой черный камень. Хотел юноша его поднять, наклонился — ай-я! — камень шевельнулся, и вдруг, откуда ни возьмись, старуха появилась. Спрашивает старуха громким голосом:

— Кто ко мне в дверь стучался? Кто ко мне в дверь стучался? Кто ко мне в дверь стучался?

Два раза ничего не ответил юноша, а на третий расхрабрился, слез с дерева и отвечает:

— Я к тебе стучался!

А старуха опять:

— Что тебе надобно, зачем стучался?

Решил юноша рассказать старухе все как есть.

— Ты, добрая женщина, видать, не знаешь, что я каждый день хожу за хворостом, каждый день с круч крутых спускаюсь, на горы высокие взбираюсь, тяжело мне, да не про то речь. Смотри, все вокруг водой

залило, как мне домой воротиться? Там меня мать дожидается одна-одинешенька. Надобно мне хворост продать да рису купить, а то нечего в котел положить.

Выслушала его старуха, поднялась с тростниковой циновки[18], дала ее Тяньтаю и говорит:

— Стоит сесть на эту циновку и подумать, где тебе хочется быть, мигом там очутишься.

Сказала так старуха и исчезла. А камень шевельнулся и на прежнее место встал.

Сел Тяньтай на циновку и только подумал: «Хорошо бы сперва в воздух подняться», как циновка медленно, плавно стала вверх подниматься. Захотел Тяньтай на землю спуститься, циновка тихонько на землю спустилась.

Взвалил Тяньтай на плечо коромысло с хворостом, сел на циновку и быстрее ветра помчался домой. Раньше, бывало, он за день всего раз принесет хворост, и то затемно воротится. А теперь летает себе и летает на циновке, раза четыре, а то и пять успевает с хворостом обернуться. Скоро у него дома набралась целая куча хвороста, выменял он его на зерно — не на один день хватит. И сказал тогда Тяньтай матери:

— Вырос я, матушка, взрослым стал, а в далекой стороне нигде не бывал. Есть у тебя теперь и еда, и одежда, дозвожь мне по свету побродить, миром полюбоваться.

— Куда же, сынок, хочешь ты отправиться?

Подумал Тяньтай, подумал и говорит:

— Слышал я, что в столице люду разного много да чудес всяких, вот и хочу туда отправиться да поглядеть.

Говорит мать сыну:

— В столице сам император живет, смотри, сынок, будь осторожней, ступай да поскорей возвращайся.

Пообещал Тяньтай матери сделать все, как она велит, сел на циновку и взмыл в небо — ни ветром его не обдувает, ни пылью не засыпает. Не успел опомниться, как в столичном городе очутился. Глянул вниз — стены рядами высятся, к стенам красивые восьмиугольные башни пристроены, на улицах да в переулках народу видимо-невидимо. А в Запретном императорском городе[19] каких только нет дворцов и павильонов, так и играют всеми цветами, так и переливаются. Деревья — изумруд зеленый, меж деревьев пагоды[20] белеют, на голубой воде лодочки покачиваются. Поглядел на все это Тяньтай, с неба вниз спустился.

Походил по широким улицам, подивился на разные чудеса, которых отроду не видел, и захотелось ему в Запретный город пробраться, так захотелось, что не совладать с собой, — уж очень там красиво! Дождлся Тяньтай, пока лавки да харчевни закроют, а барабаны третью стражу отобьют[21], сел на волшебную циновку и прилетел в Запретный город. А там красот дивных, рассказывать начнешь — не кончишь, сокровищ драгоценных — не сочтешь. В пруду лотосы растут, под карнизами красные фонари повешаны, на нефритовых перилах драконы вырезаны — клыки страшные, когти острые. Стены все изукрашены не картинами, так рисунками, не рельефом, так резьбой или узором.

Прошел Тяньтай тихонечко мимо львов — львы выше его ростом, из бронзы сделаны, пробрался через длинный ход — ход в рукотворной горе пробит, змеей вьется. Вдруг видит юноша, среди деревьев да цветов дворец стоит. Крыша в два ската зеленой черепицей выложена, колонны красные, окна узорчатые. Огляделся Тяньтай, вокруг ни души, на нефритовое крыльцо поднялся. Уж очень ему хотелось получше разглядеть карниз, разрисованный цветами и травами, потрогать круглые колонны, лаком крытые. А больше того хотелось внутрь заглянуть, в хоромы да покои. Налюбовался юноша цветами, на травы

насмотрелся, потрогал круглые колонны. После подошел к резному оконцу, тихонько оторвал шелк, наклеенный на рамы, заглянул внутрь — темным-темно, хоть глаз выколи. Только хотел назад податься, вдруг слышит — хуа-ла-ла, зашуршало что-то, вся комната разноцветными лучами заиграла, заискрилась.

Увидел юноша в той комнате башенку, из слоновой кости вырезанную, бамбук, а рядом с бамбуком красавицу. У красавицы на запястьях золотые браслеты — от них золотые дорожки бегут, в волосах серебряные цветы, от них серебряные дорожки во все стороны расходятся. В ушах серьги из красного камня драгоценного, на плечах накидка разноцветная. Тонкая талия шелковым поясом перехвачена, юбка длинная чуть не до пят спускается, по нарумяненным щечкам слезы-жемчужинки катятся.

Жалко стало Тяньтаю девицу. За что ее, такую нежную да слабую, наказали? За что темной ночью в доме пустом заперли? Ни кана здесь нет, чтобы лечь, ни циновки, чтобы сесть, ни одеяла, чтобы укрыться! Пока юноша думал, шелковый пояс вдруг поплыл в воздухе — стала девушка к юноше приближаться. Вздрогнул юноша, хотел убежать, но тут раздался нежный девичий голос:

— Куда же ты уходишь? погоди! Я должна тебе что-то сказать!

Тяньтай невольно остановился и услышал, как девушка промолвила:

— Давным-давно заперли меня во дворце и держат в неволе, с родным человеком свидеться не дают. Утро вечер сменяет, лето — зиму, а моя печаль не проходит. Вызволи меня, добрый юноша!

Не мог юноша зла такого стерпеть, согласился. Да вот беда — не знает, как девушку спасти. Со всех четырех сторон стража да ночной караул, рамы на окне крепкие, двери толстые. Молчит юноша, а сам не уходит.

Говорит ему девушка:

— Стоит тебе только вынести отсюда картину, на которой дворцовая девушка нарисована, и я спасена.

Хотел было юноша спросить, где та картина находится, только вдруг за спиной у него шаги послышались, в комнате опять темно стало, а девушка исчезла. Опечалился Тяньтай, да делать нечего, сел он на свою циновку, поднялся на небо. Смотрит, скоро светать начнет. Пора домой возвращаться. Только подумал об этом юноша, как циновка его мигом домой отвезла.

Воротился Тяньтай домой, обо всем матери рассказал, сел на циновку и отправился в горы Ишань. Залез на дерево, на самую макушку, уронил топор на черный камень. Шевельнулся камень, с места сдвинулся, и опять увидел юноша ту самую старуху.

Спрашивает старуха:

— Кто ко мне в дверь стучался?

Не стал Тяньтай дожидаться, пока старуха его второй раз спросит, соскочил с дерева и отвечает:

— Я к тебе в дверь стучался.

— Волшебную циновку ты уже от меня получил. Чего же еще тебе надобно?

— Не гневайся, матушка волшебница! Выслушай, что я скажу! Везде в Поднебесной [\[22\]](#) зеленеет трава, алеют цветы, но везде есть бедные, не знают они ни покоя, ни радости. Я-то, спасибо тебе, не страдаю от голода, избавился от непосильной работы. Сама подумай, могу ли я покинуть в беде несчастную девушку? Скажи, может, знаешь ты, где хранится картина, на которой нарисована девушка из дворца?

Выслушала его волшебница, перестала гневаться и говорит ласково:

— Сердце у тебя, юноша, доброе, речи твои справедливые. Везде в Поднебесной зеленеет трава, расцветают цветы, везде люди должны жить счастливо. Я согласна тебе помочь, сынок. А сейчас выслушай, что я скажу. Если хочешь спасти ту девушку, отправляйся в горы Мэншань, отыщи Байдисяня — бессмертного духа Белой земли. Только помни: отыскать его нелегко. Как увидишь тростник высокий-превысокий, ухватись за него, дерни посильнее, сразу в ворота войдешь. Если бессмертный дух спать будет, не жди, пока он проснется, он каждый раз сто двадцать лет спит. Кричи — не разбудишь, трясги — не проснется. Пойдешь к реке Красные пески, найдешь там матушку Черную рыбу, попроси у нее иглу волшебную.

Сказала так старуха и исчезла, а камень шевельнулся и на прежнее место встал.

Послушался Тяньтай добрую волшебницу, сел на циновку, помчался к горе Мэншань. А кругом хребтов видимо-невидимо, вершин высоких да ущелий глубоких не счесть. На склонах каких только деревьев нет, вся земля цветами да травой заросла. Кручи крутые и те цветами усеяны, золотыми да серебряными, вокруг дивный аромат разливается. Идет Тяньтай, согнулся в три погибели, по берегам рек да речушек идет, идет, головы не поднимает, по рощам да лесам рыщет. Обошел все горные вершины — на те вершины и не заберешься, — облазил все горные ущелья — над теми ущельями деревья густо переплелись, неба сквозь них не видать.

Пришел наконец юноша к отвесной круче, баран и то на ней не устоит. Смотрит, на той круче тростник высокий-превысокий растет. Ухватился за него юноша, выдернул и в тот же миг увидел дорогу. Пошел он по той дороге в самую глубь горы. Шел, шел и пришел к каменному дому, просторному да высокому. Внутри вошел, видит — кан, из камня сделанный, стол каменный, подушки и те каменные. Лежит на кане каменном старец — бессмертный дух Белой земли. Спит старец, храпит, точно гром в небе гремит. Подошел Тяньтай поближе, смотрит, глаза у великана крепко-накрепко закрыты, по всему видать, сладко спит. Взял его юноша за руку, стал трясти. Рука у старца тяжелая, двумя руками и то не поднять. Ткнул юноша в бессмертного духа пальцем — плоть у него тверже камня. Постоял Тяньтай, подумал, делать нечего, повернулся и ушел. Сел на свою циновку и отправился искать реку Красные пески.

Летит по небу Тяньтай, словно облако белое, четыре реки перелетел: одну кривую, другую прямую, третью желтую, четвертую зеленую; потом еще одну кривую, еще одну прямую. Мчится над горными реками — вода мелкая, пена белая. Мчится над бурными реками, ходят по ним волны — рыбы чешуйки. Девяносто девять рек Тяньтай облетел и однажды утром увидел реку — вода в ней чистая, прозрачная, посмотришь — дно видно.

Опустился юноша на берег, на берегу красный песок блестит, от него и вода красной сделалась. В реке видимо-невидимо черных рыб плавают, взад-вперед, взад-вперед челночками снуют. Думает юноша: «Не иначе как это и есть та самая река, которая Красные пески называется. Но как тут отыскать матушку Черную рыбу?» Стал юноша ходить по берегу, думал, думал и наконец придумал. Пошел в деревню сети просить рыбу ловить. Услышали это люди и давай его отговаривать:

— Не ищи ты, юноша, своей смерти, не ходи черных рыб ловить, у них матушка сама Черная рыба. Пусть лучше наши сети без дела сгниют.

Услыхал это Тяньтай, и тревога его одолела. Стоял он, стоял, думал, думал, потом взял сети и пошел к реке. Встал Тяньтай на волшебную циновку, забросил сети в реку и начал их потихоньку тянуть. Попалась в сети тьма-тьмущая черных рыбешек, бьются, друг через дружку перепрыгивают. Не успел юноша оглянуться, а река забурлила, закружилась. Ветер завыл: «У-у», обрушил на Тяньтая лавину воды. Видит юноша, дело плохо, да как закричит:

— Лети!

Вмиг циновка в воздух поднялась. А вода кружится и тоже поднимается выше да выше. Ухватился юноша за сети, крепко держит их обеими руками, а сам кричит:

— Лети, лети, на ветру свисти!

Высоко вверх поднялась циновка, а вода ее догоняет — в воздух столбом взметнулась. Выше самой высокой горы поднялся Тяньтай, тут ветер стих, вода в берега опять вошла. Глядит Тяньтай вниз, видит, черная рыба в золотом уборе на воде стоит — никак, сама матушка, — голову задрала и кричит:

— Эй, юноша! Взял ты надо мной верх! Отпусти моих деток и проси, чего хочешь!

Только подумал юноша, что надо на землю спуститься, а циновка уже тихонько вниз полетела, до макушки дерева долетела, остановилась.

Говорит юноша матушке Черной рыбе:

— Не надобно мне ни золота, ни серебра, лучше дай мне иглу волшебную да скажи, как той иглой бессмертного духа Белой земли разбудить.

Согласилась матушка и говорит:

— Захочешь разбудить бессмертного духа с горы Мэншань, возьми иглу, колени его разок — мигом проснется. Только прежде отправляйся в верховье реки, в бухту Старого дракона, к тетушке Туань-данян. Она у меня нынче украла волшебную иглу, как раз когда вода из берегов вышла. Но этой беде помочь можно: дам я тебе ложку-уховертку, вычерпаешь из бухты всю воду, игла и отыщется.

Сказала так матушка Черная рыба, вытащила из уха белую блестящую ложку, бросила юноше. А Тяньтай выпустил из сети ее деток — черных рыбешек. Забрала их матушка и вместе с ними под воду ушла.

Пришел Тяньтай в деревню, отдал хозяину сети, сел на циновку и полетел. Летит и вниз смотрит, на реку. А река змеей вьется, то вправо повернет, то влево, то влево, то вправо. Вдруг видит юноша, гора перед ним невысокая появилась, вся красными камнями усыпанная, а на той горе зеленые сосны растут. Красота такая, что и описать невозможно. «Так вот откуда река Красные пески течет!» Подумал так юноша, приметил в ущелье заводь — изумруд зеленый, опустил на землю, сунул в воду ложку-уховертку, зачерпнул разок, воды в заводи сразу наполовину убавилось. Тяньтай опять ложкой зачерпнул — того и гляди, да самого дна заводь осушит. А на дне нет ничего, только огромные черепахи ползают. Втянула черепаха голову в панцирь и женщиной с черным лицом обернулась.

Говорит ей юноша:

— Живо отдавай волшебную иглу, которую ты украла, не то я всю воду из твоей заводи вычерпаю.

Поглядела черепаха на Тяньтая сердито, да делать нечего, отдала волшебную иглу. Взял юноша иглу в руки, она толщиной всего в два пальца, а тяжелая — насилу поднимешь.

Взял Тяньтай волшебную иглу, сел на циновку и полетел к горе Мэншань. Прилетел, ухватился за тростник, дернул его с силой, в тот же миг дорога перед ним открылась. Пришел он той дорогой к бессмертному духу, а тот как спал на кане каменном, так и спит, храпит — гром в небе гремит. Вытащил юноша иглу, кольнул легонько бессмертного в руку, а старец повернулся, сел да как закричит:

— Кто это укусил меня?

Отвечает ему юноша:

— Не кусал я тебя, добрый старец, разбудил, чтобы ты в одном хорошем деле мне помог.

Расхохотался тут бессмертный и говорит:

— Не иначе как ишаньская старуха про меня тебе сказала. Ладно! Что за дело у тебя? Выкладывай!

Отвечает ему юноша:

— Об одном прошу: помоги мне из императорских покоев картину раздобыть, на которой дворцовая девушка нарисована.

Хлопнул тут бессмертный рукой по камню и говорит:

— Ничего в том мудреного нет, охотно помогу тебе, но знай: ни одного дела я до конца не довожу. А сейчас мне пора, скоро ночь на дворе. Ложись на мою подушку да спи. Во сне и увидишь, что я делать буду.

Сказал так бессмертный дух да как толкнет юношу! Свалился Тяньтай на кан каменный, на каменное изголовье голову уронил и захрапел.

Привиделись юноше во сне разные чудеса. Увидел он, как старец-великан из стороны в сторону качнулся, белой кошкой обернулся. Помчалась-полетела кошечка в столичный город, перепрыгнула через красную стену. Там уже вторую стражу отбили. Юркнула кошечка в императорские покои.

Государь с государыней спят за царским пологом с золотыми драконами, а служанки возле полога стоят — ноги ломит, глаза закрываются, а они ни присесть, ни вздремнуть не смеют. Белая кошечка меж тем государынин пояс, нефритом отделанный, тихонечко так стащила — ни добрые духи про то не узнали, ни злые черти не проведали. Схватила пояс в зубы, перескочила через одну дворцовую стену, через другую перемахнула, побежала прочь из города, нашла высохший колодец и пояс нефритовый в него бросила.

Испугался тут Тяньтай, закричал и проснулся. А старец-великан уже рядом стоит. Вскочил юноша, а бессмертный зевнул во весь свой огромный рот и говорит:

— Ну вот, парень, чем мог, тем помог, а теперь сам соображай, что дальше делать, я сейчас спать лягу, а ты скорее в столицу ступай!

Встал Тяньтай с каменного кана, а старец улегся, положил голову на каменную подушку и захрапел. Храпит — гром в небе гремит.

Только рассвело, сел Тяньтай на волшебную циновку и полетел в столицу. Солнце уже на три шеста поднялось, когда государыня с постели изволила встать, начала причесываться, умываться да одеваться. Хочет платье надеть, нефритового пояса найти не может. У государыни одним поясом меньше стало, а что тут поднялось, какой шум да крик! Как говорится, небо растревожили, землю с места сдвинули. Уж и не знаю, сколько народу снарядили тот пояс искать! Сколько народу из-за него безвинно пострадало! Где только ни искали, никак найти не могли.

Издав тогда государь указ, и немедленно на всех больших улицах, в каждом малом переулке тот указ на досках развесили. На нем черной тушью написано: *Кто найдет нефритовый пояс государыни, чин получит, если пожелает чиновником стать. Потребуется золота да серебра — золото да серебро получит.*

Увидел Тяньтай доску государеву, подошел и сорвал ее. Окружили юношу чиновники, которые за доской присматривали, отвели к императору. Набрался Тяньтай храбрости и говорит:

— Издавна снятся мне сны вещие. Вот и вчера привиделось, будто какой-то человек нефритовый пояс государыни в высокий колодец за городом бросил.

Сказал так юноша и повел всех чиновников да военачальников за городскую стену к высохшему колодцу. Полез в колодец слуга и сразу нашел пояс.

Спрашивает император юношу:

— Чин тебе пожаловать или денег хочешь?

Отвечает ему Тяньтай:

— Ни чина мне не надобно, ни денег. Слыхал я, что во дворце есть картина, на которой дворцовая девушка нарисована. Отдай ее мне!

Обрадовался государь: картина не сокровище, не из золота — из бумаги сделана. И тотчас велел принести картину, отдал юноше — даже не поглядел.

Взял Тяньтай картину, вышел из города, сел на циновку и вмиг дома очутился, в своей тростниковой хижине, на три части разгороженной. Развернул юноша картину, а на картине та самая девушка нарисована, которую он тогда ночью во дворце видел. Глядит юноша на картину, о бедной девушке думает.

Вдруг девушка сошла с картины, рядом села. На запястьях золотые браслеты, от них золотые дорожки бегут, в волосах серебряные цветы, от них во все стороны серебряные дорожки расходятся. Повеселела девушка, разрумьянилась, еще краше стала.

Не побрезговала она бедностью и, как была в золотых браслетах, стала помогать матери Тяньтая стряпать. В скором времени девушка из дворца и Тяньтай поженились и весь век в горах Ишань прожили.

К китайской сказке «Портрет девушки из дворца».

Волшебный чан

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

авным-давно жил юноша по прозванию Ван Старший.

И вот однажды попросил Ван соседей помочь ему стену из глины сложить. Стал глину копать. Копал, копал, вдруг смотрит — большой чан, весь плесенью покрыт. Чан как чан, ничего особенного, только стал с него Ван землю сбивать, а чан зазвенел, да дивно так: ва-ва. Дивятся соседи, друг дружку отпихивают, ближе подошли.

Тут с головы Вана соломенная шляпа слетела и прямо в чан. Не стал юноша раздумывать, запустил в чан руку, вытащил шляпу. Хотел надеть, глядь — в чане точь-в-точь такая же. Вынул он ее, а там еще одна. Так вытащил Ван кряду девяносто девять шляп, а с той, что на голове у него была, сто шляп — целая куча.

Дивятся все да радуются. А вместе со всеми Ван Старший. После взяли они чан, взяли шляпы, в дом отнесли. В ту пору как раз самая жара стояла, а в жару кому не надобна соломенная шляпа? Потолковал юноша с соседями, и решили они односельчан позвать, каждому шляпу подарить. Так и сделали. Очень довольные разошлись крестьяне по домам.

Надобно теперь сказать, что жил в той деревне богач по прозвищу Ненасытный. Узнал он о волшебном чане, стал думать, как бы завладеть им, и говорит однажды:

— Этим волшебным чаном еще деды мои и прадеды владели. А Ван Старший взял да и выкрал его из моего дома; не знаю только, кто ему помог.

Сказал так богач, послал слуг к юноше чан взять. Ну а юноша, конечно, не отдал сокровище. Ненасытный тогда с жалобой в суд отправился.

Рассказал он судье по прозвищу Большой Клоп про волшебный чан. Разгорелись у Клопа от жадности глаза. В тот же день после обеда велел он схватить Вана и привести в суд, а заодно притащить волшебный чан.

Узнали в городе про чан, разволновались, растревожились, любопытных в суде — струйка воды не просочится. Кто в зале не уместился, внизу толпится. Даже отец судьи, больной старик, и тот приковылял. Пробрался сквозь толпу, подошел к чану, неловко повернулся и в чан опрокинулся — ну чисто луковица, перьями вниз посаженная. Не стал судья слушать жалобу, бросился к чану отца вытаскивать. Вытащил, смотрит, в чане еще старик, точь-в-точь отец; вытащил старика, а там еще один. Так вытащил он кряду девяносто девять одинаковых стариков. Смотрит, из чана еще один выглядывает. Стало теперь у Большого Клопа ровно сто отцов. Стоят они в зале, спины сгорбили. Который из них настоящий, сам судья разобрать не может.

Смеются стражники, весь народ со смеху покатывается:

— Ха-ха! У нашего судьи отцов не перечесть!

А Большой Клоп только и думает, как бы завладеть волшебным чаном. Поглядел он на стариков, услышал, как народ над ним потешается, и так разозлился, что позеленел весь.

— Вон отсюда! — кричит. — Вон! Вон! Вон!

Приказал судья в барабан бить, дело прекратить.

Куда теперь богачу со своей жалобой податься? Заморгал он глазами, съежился весь и, словно заяц, наутек пустился.

Тут и толпа любопытных разошлась.

Забрал судья сто стариков, взял чан, в свои покои пошел.

Вечером все чада и домочадцы Большого Клопа, все сто новоявленных отцов собрались вокруг волшебного чана, глаза раскрыли, ждут, когда из него сокровища посыплются.

Взял Большой Клоп слиток золота, положил в чан, потом руку туда запустил. Что за диво! Пусто в чане, слитка как не бывало.

Растревожился Клоп, велел жене свечу принести, посветить. Не думал он, не гадал, что жена нечаянно свечу в чан уронит. В тот же миг загудело в чане, густой черный дым из него повалил. Вслед за дымом пламя вверх взмыло. От страха судья и его родня глаза выпучили да рты разинули. А огонь так и полыхает, весь дом охватил.

Только никто не пошел пожар тушить, уж очень не любили люди судью Большого Клопа. Увидели, что дом судьи горит, в ладоши захлопали, кричат от радости.

А огонь все злее, лижет дом со всех сторон, так и сожрал дотла, один пепел остался. Большой Клоп со своей родней тоже сгорел. Только волшебному чану ничего не сделалось. Вокруг обломки да черепки валяются, а чан целехонький стоит.

Семеро братьев

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

старину стояла у подножия высоких гор на берегу моря деревушка. Жил там старик с семью сыновьями. Статными да крепкими были сыновья и росту высокого. Старшего звали Чжуанши — Недюжинная Сила, второго Гуафэн — Задуй Ветер, третьего Техань — Железный Детина, четвертого Бупажэ — Нипочем Жара, пятого Гаотуй — Длинная Нога, шестого Дацзяо — Большая Ступня, седьмого Дакоу — Большой Рот.

Говорит однажды старик сыновьям:

— В несподручном месте стоит наша деревня. Пойдешь на запад — высокие горы, свернешь на восток — бескрайнее море. Хоть из ворот не выходи! Отодвинули бы вы чуток и горы и море.

Согласились сыновья, в разные стороны разошлись: одни — на запад, другие — на восток. Подождал старик немного, вышел за ворота, смотрит — ни гор, ни моря, на все четыре стороны равнина простирается, черная земля блестит, не рыхлая, не вязкая, не влажная, не сухая.

Говорит тогда старик сыновьям:

— Негоже такую хорошую землю пустой оставлять, надобно на ней злаки разные посеять.

Согласились сыновья, пахать да сеять принялись. Вскорости на той равнине хлеба выросли — глазом не окинешь. Пшеница, желтое золото, вот-вот поспеет, просо к небу тянется, серебром сверкает. Смотрят старик с сыновьями — не нарадуются. Им и невдомек, что добро это скоро для них злом обернется.

Дошла весть про этот благодатный край до самого императора в столице. Послал он сановников с указом зерно все дочиста в казну забрать.

Запечалился старик, вздохнул и молвит сыновьям:

— Не видать нам теперь, детушки, хороших денечков, у государя брюхо — что бездонный колодец: сколько в него ни сыпь — не засыплешь. Только покорись — всю жизнь будешь, как вол, на него работать, как кляча, воз возить.

Рассердились тут все семеро сыновей и говорят разом:

— Не бойся, отец, мы правду найдем, к самому государю в столичный город пойдем.

Только стали братья к городской стене приближаться, увидели их военачальники, те, что ворота стерегли. Испугались, давай скорее ворота накрепко запирают, железные засовы задвигают, огромные замки со скрипом да с лязгом закрывают, сами в башнях попрятались.

Подожли братья к воротам, тут старший, Недюжинная Сила, как закричит:

— Отворяйте ворота, мы в столицу идем к государю правду искать!

Затряслись от страха военачальники: где это видано, чтоб простые мужики с государем разговор вели!

Рассердился тут старший брат, как толкнет ворота — только грохот раздался. Попадали ворота да башни, пыль в небо столбом поднялась, посыпались кирпичи да камни, один в одну сторону катится, другой — в другую, придавили всех военачальников.

Вошли семеро братьев в город, подошли к дворцовым воротам. А они тоже крепко-накрепко заперты: ни щели, ни щелочки. Тут и говорит второй брат, Задуй Ветер, старшему:

— Отдохни малость, а я покричу. — Вытянул он шею и как закричит: — Отворяйте ворота! Мы в столицу пришли к государю правду искать!

Кричал, кричал Задуй Ветер, да никто не ответил. Рассердился он, в рот набрал воздуха побольше и как дунет! Ну прямо ураган налетел; не закачались ворота, не зашатались каменные столбы с драконами — вмиг все на землю попадали. Испугались придворные да военачальники, выглянуть не смеют.

Подошли семеро братьев к государевым покоям, никто им не помешал. Тут третий брат, Железный Детина, и говорит второму:

— Отдохни, братец, а я пойду с императором потолкую.

Сказал и в государевы покои направился. А государь с перепугу пожелтел и быстро так говорит:

— Где это видано, чтоб мужик с государем разговаривал! Гоните его поскорее да голову ему рубите.

Услыхал его слова Железный Детина, рассмеялся и отвечает:

— Ты, государь, сперва посмотри, какие у меня руки!

Хотел он руку одному из военачальников показать да прямо на сверкающий меч наткнулся, на самое острие. Раздался звон, искры во все стороны посыпались, разлетелся меч на четыре части, на пять кусочков. Государь со страху с трона скатился. Кинулись сановники его поднимать, во внутренние покои увели. Видит император, не убить ему братьев. Приказал он тогда огнем их спалить.

Вмиг огненные шары загорелись. Столько их, что и не счесть. Дым густой валит, к братьям подбирается. Говорит тут четвертый брат, Нипочем Жара:

— Отойдите в сторону, передохните, я один справлюсь! — Наступил он ногой на огненный шар и усмехнулся: — Холодно что-то, огоньку бы подбавили!

Подскочил тут император от страха, приказал тотчас огромное войско собрать, всех семерых братьев разом в море столкнуть.

Выступил тут вперед пятый брат, Длинная Нога:

— Не тревожьтесь, давно пора мне в море искупаться!

Сделал он шаг, сделал другой, прямо в синее море вошел. А вода ему и до щиколоток не достала.

Покачал юноша головой и говорит:

— До чего же мелко, и не искупаешься! Рыбки, что ли, половить?

Согнулся в три погибели, стал обеими руками рыбу из моря хватать. Хватает и на берег бросает. Рыбы черные, рыбы белые — всех повытаскивал. Целая куча рыбы на берегу выросла, с малую гору будет.

Ждут братья Длинную Ногу, никак не дождутся. Тут и говорит шестой брат, Большая Ступня:

— Схожу-ка я позову его. — Сделал шаг и на морском берегу очутился. Говорит пятому брату: — Видать, забыл ты, зачем мы к государю пришли, раз стал рыбу ловить.

Не дал седьмой брат, Большой Рот, шестому все до конца сказать и говорит:

— Не станет государь о правде толковать. А коли станет, государем быть перестанет.

Не спросил Большой Рот у братьев совета, всю воду морскую одним духом выпил. Повернулся, рот разинул — как хлынет у него изо рта вода, так и хлещет. Устремились волны морские ко дворцу, грохочут грозно, опрокинули стены высокие, так и утонул в волнах император со своими сановниками да военачальниками.

Крестьянин и судья

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

Пришел как-то крестьянин в суд жаловаться на то, что его землю обмерили неправильно. Писарь позвал судью. Тот важно вошел в зал, где обычно разбирались все дела, и видит: стоит перед ним бедняк в рваной одежде. Нахмурился судья и сердито спросил:

— В чем дело?

Крестьянин отвечает:

— У моего дома есть полоска земли. С давних пор...

Судья не дослушал крестьянина и сказал строго:

— Раз подаешь жалобу, я должен выслушать всех твоих соседей. Они пришли?

— Нет, господин судья.

— Тогда пошел вон! Не буду я разбирать твое дело, пока не приведешь всех своих соседей.

Крестьянин повернулся и ушел, а на другой день привел в суд четверых соседей. Судья увидел, что в зале всего пять человек, и еще больше разозлился:

— Все твои соседи пришли?

— Все.

— Я буду разбирать твою жалобу только тогда, когда ты приведешь всех соседей твоих соседей. Без них не являйся.

На третий день судья вошел в зал и довольно улыбнулся — целая толпа стояла перед ним на коленях. Вот это другое дело, подумал он, но вдруг нахмурился: один крестьянин стоял выпрямившись.

А ведь так мог стоять только очень важный господин.

— Ты кто такой? — удивился судья. — Почему не на коленях?

— Я-то простой крестьянин, а вот шурина моего шурина сдал в столице экзамены и теперь важный господин.

Судья от злости даже ногами затопал:

— Дурак! При чем тут шурина твоего шурина?

А крестьянин в ответ:

— Я сосед соседа того крестьянина, который подал жалобу. Зачем же меня вызвали сюда, при чем тут я?

Судье на это и сказать нечего.

Глупый чиновник и его умный сын

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

авным-давно жил в Китае один важный чиновник. Захотелось ему как-то поудить рыбу. И приказал он своим слугам:

— Сделайте мне удочку длинную-предлинную.

Он решил, что чем длиннее удочка, тем больше рыбы можно выловить.

Посмеялись слуги над таким приказом, но сделали, что хозяин хотел.

Взял чиновник удочку, и отправились они с сыном на рыбную ловлю. Подошли к городским воротам, а удочка-то и не проходит в ворота. Стойма не проходит, поперек — все равно не проходит! Спросить совета у людей? Да разве можно? Такой важный господин и вдруг не знает, что делать!

— Отец, я придумал! — воскликнул вдруг сын.

Полез он на городскую стену, просит отца подать ему удочку. Потом подождал, пока отец выйдет за ворота, передал ему сверху удочку и слез на землю.

Возгордился отец сыном, похлопал его по спине и думает: «В целом мире не найдешь другого такого умного сына!» И, довольные собой, пошли они удить рыбу.

А народ громко смеялся им вслед: ведь самое простое — закинуть удочку на плечо — ни отец, ни сын не сообразили.

Умный сын

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

Отправился богач в город и взял с собой сына. Отец по ошибке надел разные туфли: левую — на тонкой подошве, а правую — на толстой. Идет и чувствует, что ему неудобно, будто охромел на одну ногу. В чем дело? Он и говорит сыну:

— Сегодня у меня почему-то одна нога короче другой.

Сын посмотрел на ноги отца и ответил:

— Да ты разные туфли надел!

Богач подумал: «Какой же у меня умный сын, сразу сообразил! Быть ему великим ученым!» — и послал мальчика домой принести другие туфли.

Пришел сын домой, видит на полу две туфли: правая на тонкой подошве, левая на толстой. Отнес обе туфли отцу и говорит:

— Ничего не поделаешь, эти туфли тоже разные.

Вздыхнул уныло богач, надел другую пару разных туфель и, прихрамывая теперь на другую ногу, отправился дальше.

Лепешка и охапка хвороста

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

анял богач батрака и послал его в горы собирать хворост, а с собой дал ему одну-единственную лепешку толщиной с мизинец.

— Этой лепешкой и воробья не накормишь, — сказал работник, — откуда у меня силы будут хворост собирать?

— Хватит с тебя, — ответил богач. — Положишь ее в воду, она разбухнет и станет большая. Вот и наешься.

Батрак еще и полпути не прошел, а в животе от голода уже забурчало. Откусил он от лепешки и не заметил, как съел всю. Где уж там утолить голод! А как добрался до горы и начал собирать хворост, то сил совсем не стало. Всего несколько хворостин и принес домой.

Увидел богач, сколько работник хворосту принес, покраснел от злости и давай ругаться:

— Ах ты черепаха! Лепешку-то мою съел, а хворостин принес столько, что на растопку и то не хватит!

— Не беда, хозяин, — успокоил его батрак, — ты размочи хворост, он разбухнет, и станет его много.

Что тут ответишь?

Семейная драгоценность

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

ил на свете один кузнец — трудолюбивее не сыщешь. И был у него сын, без малого двадцать годков парню, высокий, статный, до еды охочий, а в работе ленивый. Вот однажды кузнец и говорит сыну:

— Весь век я трудился, сынок, что есть в доме, все моими руками нажито. А ты работать не хочешь, только ешь да пьешь, ни одного юаня не заработал. Что же дальше-то будет?

Пропустил сын отцовские слова мимо ушей и говорит:

— Эка важность юань заработать, да тут никакого таланту не надо!

Отвечает отец:

— Ладно, коли заработаешь юань, я тебе целый сундук добра отдам.

Не терпится сыну сундук с добром получить, да нет у него юаня. Работать неохота. Ходит он взад-вперед перед воротами, не знает, как быть.

Поглядела на него мать, пожалела сына: как бы не извелся он от дум, как бы не высох! Подошла к нему и говорит:

— Дам я тебе юань, поскорей отцу отнеси.

Взял лентяй юань, узелок с едой прихватил, улегся в холодке под деревом и уплетает за обе щеки. До самого вечера провалялся, воротился домой как ни в чем не бывало, отцу юань отдал:

— Вот тебе юань, давай сюда сундук с добром.

Взял кузнец монету, поглядел, в руках повертел, в горн швырнул и говорит:

— Не заработал ты этот юань.

Понял лентяй, что не видать ему сундука с добром, растревожился. Спать лег, никак не уснет, с боку на бок ворочается. Узнала про это мать и на другой день опять денежку ему дала. А лентяй взял денежку и опять целый день пробездельничал, только на этот раз притвориться решил — бегом пробежал всего ничего, а весь вспотел. Влетел в дом, отдал отцу юань и говорит:

— Ну и намаялся я, пока этот юань заработал, прямо ноги не держат! Теперь неси сундук с добром!

Взял кузнец денежку, долго на нее глядел, потом в реку бросил:

— И этот юань ты не заработал!

Видит лентяй, что никак не заполучить ему сундук с добром, взяла его досада, хоть помирай!

Смекнула тут мать, в чем дело, поняла, что не добро — зло сыну делала. Кликнула она его на другой

день и говорит:

— Отец добра тебе желает, сынок. Коли хочешь сундук получить, потрудись честно!

Послушался юноша мать, в тот же день подрядился бревна таскать. До ночи таскал, а как старшему за еду заплатил, одна монетка только и осталась. Никогда парень не работал и так намаялся, что с ног свалился. Подняли его, опять стал бревна таскать. Десять дней трудился, ни монетки не потратил, юань скопил. Радостный домой воротился и отцу деньги отдал. Взял отец монетки, пересчитал, опять в горн бросил. Не стерпел сын, деньги из огня выхватил и говорит отцу обиженно: — Десять дней я работал, пока этот юань заработал!

— Верно говоришь, сынок! Теперь я вижу, что эти деньги ты сам заработал. Небось не жалко было, когда я чужие в огонь кидал!

Обрадовался отец:

Сказал так кузнец, вынес сундучок и говорит:

— Не золото-серебро, не редкие сокровища в этом сундучке, а мой рабочий инструмент. Возьми его и помни, что дороже он золота-серебра, дороже всех богатств! Трудись! Век горя знать не будешь!

Засмеялся сын весело и принял отцовское наследство. Это и была семейная драгоценность.

Глупый муж

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

ыл у одной женщины глупый муж. Ничего делать не умел, за что ни возьмется, все у него вкривь да вкось.

Послала его как-то жена к родичам ткацкий станок взять.

Идет он назад, притомился, сел у дороги отдохнуть. От скуки принялся станок разглядывать. Разглядывает и думает: «Чего это я тебя на себе тащу, коли у тебя четыре ноги? Ступай-ка сам, быстрее меня придешь».

Поставил он станок посреди дороги, сам домой пошел.

Воротился, а жена про станок спрашивает.

Отвечает глупец:

— Сам придет. У него четыре ноги.

Говорит ему жена:

— Что ты, что ты, разве может станок ходить, ноги-то у него деревянные! Беги скорей обратно!

А на дворе уж темнеть стало, и решил глупец утром сходить. Пошел он на другой день за станком, смотрит, а станок от росы весь мокрый. Говорит глупец:

— Бедолага! Аж вспотел, так спешил.

Сказал так, взял станок, домой понес.

В другой раз соткала жена полотно, велела мужу на базар снести.

Идет он по дороге, смотрит, два столба стоят.

А глупец те столбы за людей принял и давай кричать:

— Эй! Кому полотно?

Столбы, само собой, молчат.

А глупец опять кричит:

— Полотно купите! — Подошел он к столбам и положил полотно рядом. — Вот вам полотно, давайте деньги!

Неподалеку коза ходит, блеет: «Ме-е-е!»

А глупцу послышалось: «Не-ет!»

— Сегодня не получу, завтра приду! — решил глупец.

И пошел домой.

Спрашивает жена:

— Кому полотно продал?

Отвечает глупец:

— Двум парням. Чудные какие-то! Стоят у дороги, молчат. А как про деньги спросил, сразу «не-ет» говорят.

Выспросила обо всем жена, смекнула, в чем дело, послала его назад скорее полотно принести.

Пришел глупец к столбам, а узла с полотном нет как нет. Вдруг смотрит, идет по дороге народ, видимо-невидимо, все в белое одеты [\[23\]](#), хоронят кого-то.

Поглядел глупец, подумал, что это они его полотно украли, и давай кричать:

— Отдайте мое полотно, не то всех изобью!

Услыхали это люди, подбежали к нему, поколотили.

Воротился он домой, жене пожаловался, а она и говорит:

— Дурень! Ведь это ты похороны видал. Помог бы им гроб нести, они б тебя не побили, спасибо сказали.

— Ладно, — отвечает глупец, — наперед умней буду.

Сказал он так, прогуляться пошел. Смотрит, несут носильщики расписной паланкин. Он как закричит:

— Эй вы! Давайте я вам гроб помогу донести!

Услыхали это носильщики, побили глупца.

Воротился он домой, плачет, а жена посмеивается:

— Ну и бестолковый же ты! Свадебный паланкин за траурные носилки принял. Надо было улыбаться и в ладоши хлопать.

Ответил глупец:

— Наперед умней буду, — и лег спать.

Вышел утром на улицу, смотрит, у соседей дом загорелся. Побежал поглядеть. Нравится глупцу, как пламя полыхает, заулыбался он и ну хлопать в ладоши да приплясывать.

Опять его поколотили. Идет он домой, причитает:

— Бедный я, несчастный, все-то меня бьют, никому угодить не могу.

Услыхала жена, руками всплеснула:

— Дурень ты, дурень, кто ж на пожаре в ладоши хлопает? Взял бы лучше ведро с водой, залил огонь!

Услыхал это глупец и думает: «Как увижу пожар, непременно потушу». Пошел он по деревне, на кузницу набрел. Смотрит, огонь полыхает, искры во все стороны разлетаются. Схватил глупец ведро с водой, залил огонь. Прибежали кузнецы, давай его колотить, еле до дому добрался глупец.

— Эх ты, — говорит жена, — кто же в кузнице огонь заливает? Лучше бы молотом по наковальне поколотил, тебе бы кузнецы спасибо сказали!

Обрадовался глупец:

— Вот и хорошо, буду знать наперед, что делать!

Идет глупец, смотрит — дерутся двое, палками размахивают, кричат во все горло. Подбежал, схватил палку и давай их дубасить. Забыли те двое про свою драку, кинулись на глупца, едва тот ноги унес. А жена опять говорит:

— Дурачина ты, не бить надо было — разнимать.

Запомнил глупец, что жена ему сказала, да сам не рад: сцепились два быка, а он давай их разнимать. Поднял его бык на рога, на соседний пустырь забросил. Только к вечеру нашли глупца — хорошо, жив остался.

Сказка без конца

Китайская сказка

Перевод Б. Рифтина

ил когда-то один император, больше всего на свете любил он слушать сказки.

Император заставлял всех своих сановников рассказывать ему сказки. Но всегда, как только рассказ доходил до самого интересного места, сказка кончалась. Это сердило императора, и он приказывал казнить рассказчика. Император не хотел уже слушать обычные сказки, он требовал такую, которая никогда не кончалась бы.

Каждый день посылал он чиновников и солдат ловить людей, которые должны были рассказывать ему сказки. Люди выбирали сказки самые длинные, только ведь и длинные сказки имеют конец. Всех рассказчиков император казнил, ни один человек не вернулся из императорского дворца.

Привели однажды к императору юношу, а этот юноша нисколько не испугался и действительно рассказал императору сказку без конца.

— Очень-очень давно жил один император, да такой богатый, что не было никакой возможности сосчитать его богатства. А зерна у него было так много, что и класть не знали куда. Призвал он плотников и велел построить амбар, такой большой, чтобы конца его не было видно, с самых древних времен и по сей день не было амбара больше этого. Доверху засыпали его зерном. Только, когда строили, недоглядели, и в стене осталась дырочка, ни большая, ни малая, как раз воробью пролезть. Тучи воробьев прилетели к амбару полакомиться царским зерном. Но дырочка была мала. Залетит один воробей, вылетит, на его место другой сядет. Потом третий залетит, возьмет зернышко, вылетит, потом четвертый залетит, схватит зернышко, потом еще один залетит, схватит зернышко — вылетит, потом еще один...

Император сначала слушал очень внимательно, а тут слышит одно и то же: «Опять залетит воробей, схватит зернышко...» — не стерпел, прервал юношу и спросил:

— Ну, склевали воробьи все зерно, а потом что?

— Они еще не склевали, не торопитесь! — ответил тот.

Очень хотелось императору узнать, что было дальше, и он снова спросил:

— Ну, к примеру, они все склевали, что же дальше?

— Чтобы узнать, что случилось потом, нужно дождаться, пока они все склюют, — сказал юноша.

Очень уж хотелось императору узнать, что произошло потом, и он позволил юноше продолжать. Весь день до самого вечера юноша только и повторял: «Залетел воробей, схватил зернышко, вылетел наружу...» И так много-много дней подряд все рассказывал он, не переставая, то об одном воробье, то о другом. Не вытерпел тут император и опять спросил:

— Скоро ли склюют все зерно?

— Нет еще, — ответил юноша.

Проходил день, проходила ночь, много дней уже прошло. А воробьи все никак не могли склевать зерно в амбаре. Император сердился все больше и больше.

— Почему до сих пор они не съели все зерно? — спросил он наконец юношу.

— Не торопись, амбар такой большой, зерна уж и не знаю сколько, так быстро не склюешь его.

Неизвестно, сколько времени должно было пройти, чтобы воробьи склевали все зерно. Не захотел император слушать эту сказку дальше и велел казнить юношу. Но тот сказал ему:

— Я действительно рассказывал сказку без конца. Конца ей даже не видно. Как же можно казнить меня?

Нечего было ответить императору, пришлось ему отпустить юношу домой.

Корейские сказки

Лукавая лиса

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

озарилась лиса на рисовую кашу и кусок курятины — да и угодила в глубокую яму, а выбраться обратно не может. Она уж подумала, что так и придется ей помирать в яме.

Шел тут мимо медведь, увидала его лиса, обрадовалась и говорит ласково:

— Послушай, медведь, я здесь кашу рисовую нашла и курятину, да вот выйти никак не могу. Спускайся ко мне, кашу с курочкой доешь, а потом подставишь мне спину, я по ней и выберусь из ямы.

Медведь, не раздумывая, бухнулся в яму, набросился на курятину, а потом подставил свою спину лисе. Выскочила лиса и убежала. А медведь так и остался в яме.

Почему лягушки плачут, когда идет дождь

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

ила когда-то на свете семья лягушек: мать — зеленая лягушка и ее сын — тоже зеленый лягушонок.

Сын никогда не только не слушался матери, но даже норовил все делать наоборот. Если мать говорила ему, чтобы он погулял на улице, лягушонок целый день не выходил из дому, а если она, уходя в поле, просила сына посидеть дома, то он болтался на дворе с лягушатами. А когда лягушонок сидел за столом, то нарочно разбрасывал по всему столу кашу, хотя мать не раз говорила ему, чтобы он ел аккуратно. Словом, лягушонок приносил маме-лягушке только одни огорчения. Когда она просила, чтобы сын сбегал в горы принести хворосту, он пропадал на речке, плавал и нырял. Скажет мама-лягушка сыну, чтобы сходил он наловить рыбы, а он убежит в горы и проболтается там целый день, а домой придет только вечером. Таким непослушным и озорным рос сын у бедной матери.

Наконец бедняжка, которой непутевый сын приносил одни только хлопоты и огорчения, заболела и слегла. А когда почувствовала, что ей осталось жить недолго, позвала сына к себе.

— Послушай, сынок, у меня к тебе одна-единственная просьба. Когда я умру, похорони меня не на горе, а на берегу реки, — сказала она и тут же умерла.

На самом же деле лягушка хотела, чтобы ее похоронили на горе. Но она знала, что сын ее делает все наоборот, поэтому и завещала похоронить ее у реки.

Умерла мать, и затосковал лягушонок. Трудно ему стало. Все по дому теперь сам делает. Долго он горевал и плакал. Наконец вытер слезы и решил: «Чем я мать порадовал при жизни? Одни лишь хлопоты да беспокойство доставлял ей. Исполню я хоть ее последнюю просьбу». И сын бережно отнес тело матери к реке, там ее и похоронил.

Говорят, что, когда идет дождь, сын — зеленый лягушонок — взбирается на дерево, со страхом смотрит на могилу своей матери и горько плачет:

— Ой, что делать? Вода снесет могилу моей матери. Кэ-кэ-кэ! Ква-ква-ква!

А вода прибывает да прибывает.

— Ой-ой! Сейчас вода снесет могилу моей матери, кэ-кэ-кэ! Ква-ква-ква!

С тех пор каждый раз, когда идет дождь, лягушки заводят свое «Кэ-кэ-кэ! Ква-ква-ква!».

Заяц и черепаха

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

чень давно это было. Захворал как-то морской царь Дракон. Лекарь приписал ему снадобье из заячьей печенки. Созвал Дракон всех своих сановников, всех своих подданных, вздохнул горько и сказал:

— От моей болезни помогает только заячья печенка. Кто из вас отправится за ней на сушу?

Выступил тут вперед один военачальник.

— Ваш покорный слуга, хотя талантами и не блещет, все же хочет испытать счастья и поймать для вас зайца, — сказал он.

Поглядели все на него. Голова у военачальника будто мешок большой, щупальца так и растопырились. А был это осьминог, которому минула тысяча лет.

Царь ему ответил:

— Всем известна твоя храбрость. Если поймашь зайца, вознагражу тебя по заслугам. — И обещал осьминогу важный пост в государстве.

Но тут, откуда ни возьмись, появилась черепаха, громко стала бранить она осьминога:

— Слушай, осьминог, как бы туловищем ты ни был велик, но без дара речи да без смекалки только дело провалишь. А уж если люди тебя поймают — съедят! Неужели не боишься? Только мне, черепахе, под силу зайца поймать.

Рассердился осьминог на черепаху за такие грубые слова, вытаращил глазищи, закачал темно-красной головой и заорал:

— Да какая смекалка может быть в твоей крошечной головке, какая сила в теле, похожем на блюдо? Чем ты кичишься? Как попадешься людям на глаза — мигом очутишься в супе.

— Глупый ты, осьминог! — отвечала черепаха. — Лучше послушай, какие у меня таланты. Плыву я по волнам и кажусь листом дерева. Стоит мне втянуть в себя голову да ноги — кажусь арбузом. А перевернусь — на крышку котла похожа. А уж если замру на месте — рыбаки и вовсе меня не заметят. Только мне под силу поймать зайца.

Что тут скажешь?! Отступился осьминог. И царь Дракон поручил это дело черепахе. Подползла черепаха поближе к трону, поклонилась на все четыре стороны и сказала:

— Я морской житель, а заяц в горах живет. Не знаю я, какой он с виду. Пригласи художника, пусть нарисует мне зайца.

Приказал Дракон лучшим художникам нарисовать зайца.

Отвесила черепаха поклон царю, начала укладывать портрет на спину, да испугалась, что он подмокнет. Долго черепаха думала, пока наконец не догадалась — вытянула шею, обмотала картину вокруг нее и спрятала под панцирь.

Выплыла черепаха на поверхность моря и долго носилась по волнам, пока не попала в ручеек, вытекавший из горной лощины.

Время было вечернее, дни стояли погожие. Огляделась черепаха и стала подниматься по лощине. Внимательно приглядывалась она ко всякому зверью, но ни один из них не был похож на зайца с портрета.

Вдруг видит, какой-то зверек легко скачет ей навстречу. Точь-в-точь как на картине.

— Пойдите! Вы, кажется, господин заяц? Как я рада, что наконец встретилась с вами! — промолвила черепаха.

Заяц с изумлением раскрыл косые глаза, пошевелил длинными ушами:

— А вы кто такая?

— Я черепаха.

Так познакомились черепаха и заяц. Сели они рядышком да заспорили, кто из них старше да где лучше жить — на земле или под водой? Черепаха ну нахваливать подводное царство Дракона.

— Сейчас там ищут грамотных, — говорила она. — Вы, господин заяц, уж так царю подходите!

Расписывает черепаха таланты зайца, зазывает его в подводный дворец. И заяц попался на эту хитрость. Привела его черепаха к берегу моря, посадила на спину и бросилась в пучину.

Сидит заяц на спине черепахи, озирается вокруг. Чудным показалось ему и необъятное море, и синие волны.

Наконец предстал заяц перед морским царем Драконом.

— Я владыка подводного царства, — молвил Дракон, — а ты всего лишь маленький горный зверек. Мне сказали, что для излечения моей болезни твоя печенька — самое лучшее лекарство. Вот я и заставил черепаху привести тебя сюда. Ты умрешь, но не горюй, после смерти мы тебя с почетом похороним, оденем в шелка и положим в гроб из нефрита. А когда я выздоровлю, то поставлю тебе памятник, чтоб навеки прославить твой подвиг. Я думаю, такая судьба тебе куда лучше: в горах или тигр сожрет тебя, или охотник подстрелит. Так что не держи на меня обиду ни сейчас, ни после смерти...

Тут слуги Дракона набросились на зайца, вот-вот заколют. От страха у зайца в глазах помутилось, но все же совладал он с собой.

— Ваше величество, огромна моя вина перед вами, и достоин я смерти. Раз печень моя послужит для вас лучшим лекарством, не смею вам в этом отказать, тем более что ваше величество обещает после смерти с почестями похоронить меня. Ваши благодеяния для такого ничтожного зверька, как я, выше высокого неба, так что умереть мне ни капельки не жаль. Но беда в том, что все знают: моя печень — бесценное лекарство. Ведь я, в отличие от других зверей, пью по утрам чудную, как нефрит, росу и заедаю цветами. Так что каждый встречный лезет ко мне с одной просьбой: отдай, мол, мне свою печень. Потому-то, перед тем как отлучиться из дому, я каждый раз мою печень в хрустальной речке и прячу в глубоком ущелье на скале. Вот и на этот раз я вышел из дому, припрятав печень. Если бы я знал, что царь Дракон болен, я, конечно, принес бы ее с собой, — промолвил заяц и напустился на черепаху: — А ты, недотепа, если и в самом деле хотела услужить великому государю, то почему не сказала мне, что ему нужна моя печень?!

Выслушал зайца Дракон да как завопит:

— Ах ты, коварный обманщик! Где это видано, чтобы звери то вынимали свою печенку, то прятали? Ты кого вздумал провести своей глупой хитростью? Скорей отдавай печенку, чтобы загладить вину передо мной! Как ты смеешь морочить мне голову!

Тут у зайца душа в пятки ушла, ноги затряслись, дыхание сперло.

— Великий царь, выслушайте меня еще раз. Если вы сейчас разрежете мне живот и не найдете там печенки, то и болезни не вылечите, и меня зря погубите. Подумайте, где же тогда вы достанете заячью печенку? Потом никакие сожаления не помогут, — едва перевел дух заяц. — Подумайте еще раз, ваше величество!

Выслушал царь Дракон зайца, и померещилось ему, что есть доля правды в его словах. Приказал царь черепахе отвезти зайца на сушу и вернуться назад с заячьей печенью.

Царь Дракон закатил в честь зайца пир и подарил ему двести отборнейших жемчужин. А потом заяц вышел из подводного дворца и на спине черепахи добрался до берега.

Очутился заяц на суше и почувствовал себя в безопасности. Обрадовался он, словно птица, которая выскочила из сетей, словно зверь, вырвавшийся из западни. Заплясал заяц от радости: ведь он снова попал в родные места.

Черепаша увидела, как он резвится, скачет да пляшет, и закричала ему:

— Надо спешить. Неси печенку да пошли скорей обратно!

Расхохотался заяц:

— Глупая ты черепаха! Где же это видано, чтобы можно было печенку то вытаскивать, то прятать? Какое мне дело до хворей твоего царя? Как вспомню, что ты меня обманула, так и хочется тут же с тобой расправиться. Но раз уж ты меня катала туда-сюда, так и быть, дарю тебе жизнь. Возвращайся скорей и скажи Дракону, чтобы он и не мечтал о заячьей печенке.

Легкими прыжками исчез заяц в сосновой роще, а черепаха только растерянно смотрела ему вслед.

Зверь пострашнее тигра

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

лучилось это в давние времена. В густых зарослях камыша жил тигр. Целый день он как-то ничего не ел и страшно проголодался. Рыскал, рыскал тигр по лесу, но даже зайчонка не удалось ему поймать.

А уж смеркалось. Подошел тигр к самой деревне, и тут из хижин, которая одиноко стояла в стороне, раздался громкий плач ребенка.

— А-ан, а-ан, — рыдал ребенок.

«Вот бы его съесть!» — подумал тигр и побежал к хижине.

Перепрыгнул он через ограду, вмиг очутился под дверью и стал присматриваться, что делается внутри. А в доме сидела мать и успокаивала плачущего малыша:

— Мое золотце, баю-бай, не плачь, не плачь, сыночек.

Но ребенок не унимался, а ревел еще пуще. Тогда мать заговорила громким голосом:

— Помолчи, сынок! Не перестанешь плакать, придет волк и съест тебя. Смотри, вон волк идет.

Но мальчик не унимался, и мать сказала погромче:

— Не плачь! Там тигр стоит! — и показала на окно.

Услышал это тигр, он ведь и в самом деле стоял у окна, испугался и отошел в сторонку. А мальчик все плакал и плакал. В отчаянии мать взяла на руки ребенка и стала ходить взад и вперед.

— Сынок, сыночек, не плачь! Посмотри, вон там на полке — хурма![\[24\]](#) — сказала она наконец.

Ребенок тотчас успокоился, а тигр передернулся от страха: «Не ослышался ли я? До сих пор мне казалось, что самый страшный зверь на этом свете я, а есть, оказывается, еще пострашнее, и зовут его хурма! Она, наверное, и больше, и сильнее меня... Вон как ребенок испугался — сразу плакать перестал! Уйду-ка лучше, пока эта хурма меня не съела», — решил тигр, прыгнул через ограду и был таков.

Благодарный фазан

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

авным-давно это случилось. Жил в деревне Ендон сильный и смелый юноша, и никто не мог с ним соперничать в стрельбе из лука.

Однажды он подумал: «Надобно мне совершить подвиг, пусть потом дети мои вспоминают отца добрым словом. Пора мне поглядеть на белый свет, пойду-ка в Сеул набираться ума-разума. Верховой езде тоже неплохо бы научиться, из лука-то стрелять я уже умею». Подумал так и отправился в путь с большим колчаном стрел.

День и ночь шел он горными тропами, пока наконец не достиг горы Чжокаксан. Устал юноша и присел отдохнуть на вершине холма. Вдруг слышит, жалобно кричит фазан. «Какая это тварь поймала фазана?» — огляделся юноша по сторонам. Смотрит, а внизу, за холмом, огромный змей терзает птицу, и фазан кричит, словно на помощь зовет.

Выхватил юноша из колчана стрелу, натянул тугую тетиву и выстрелил. Он всегда бил без промаха. Стрела вонзилась прямо в змея. Фазан вырвался, взлетел, благодарно покругился над юношей и улетел. А юноша закинул лук за плечи и весело пошагал дальше.

До самого заката через горы и ущелье шел он без устали. Стемнело. Стал юноша посматривать, нет ли где постоянного двора или какого жилья. А тут и ночь наступила, звезды на небе замерцали.

Зашагал он быстрее, а кругом ни души, все темнее и темнее становится. Голод стал мучить юношу, а кругом — ни огонька. «Ничего не поделаешь, придется переночевать под деревом», — решил он и принялся выбирать место для ночлега. Вдруг впереди замелькал огонек. «Вот удача, кажется, и дым идет из трубы», — обрадовался юноша и пошел к огоньку.

Смотрит, дом под черепичной крышей стоит. Постучал в ворота. Никого. Еще раз постучал. Кто-то со свечой вышел дверь отворять. Глядит, перед ним молодая красивая женщина.

— Нельзя ли переночевать у вас запоздалому путнику? — обратился к ней юноша.

Согласилась женщина и повела его в покои. Дом был пуст, холодный ветер так и гулял повсюду. Оробел юноша, но делать нечего. Вошел он в комнату, которую отвела ему хозяйка, спать ложиться собирается, а тут женщина входит — еду принесла. Невкусной показалась юноше еда, съел он несколько ложек, отодвинул пищу и тут же уснул. Спал он крепко, но чувствовал: что-то холодное обвилось вокруг него! Вот-вот проглотит его, пасть раскрыта, а жало так и трепещет.

Закричал юноша, хочет встать, а ноги не слушаются.

Тут змея и говорит:

— А я тебя поджидаю. Помнишь змея, в которого ты стрелял? Я жена его, пришла отомстить тебе.

Понял юноша, что молодая хозяйка — оборотень, что она и вправду жена змея, которого он убил. Ужас охватил его. «Теперь, — думает, — ждет меня верная смерть». А сам словно остолбенел от испуга, ни рукой ни ногой шевельнуть не может.

— Не хочу убивать человека понапрасну, — молвит змея. — Я ведь еще не знаю, точно ли муж мой мертв. Знаешь пустой храм на горе? Если сегодня на рассвете прозвонит там три раза колокол, значит, жив мой муж, а не прозвонит, значит, умер. Подождем до рассвета.

«Как может зазвонить колокол в пустом храме? Глупую же смерть придется мне принять!» — отчаялся юноша.

Время шло. Пробыла третья стража, потом четвертая, но колокол все молчал.

Рассвет уж совсем близок, но молчит по-прежнему колокол.

— Если хочешь убить, убивай скорее, все равно в пустом храме никто не позвонит! — не выдержал юноша.

— Уговор есть уговор, — отвечает змея. — Подождем до рассвета. Глядишь, и зазвонит колокол.

— Убей меня, — перебил змею юноша, — нет сил больше ждать!

Тэ-эн! — раздалось вдруг. Неужели ослышался? Тэ-эн!

— Звонит, звонит колокол! — вскричала змея.

И снова: тэ-эн!

Расслабила змея свои кольца.

— Отпускаю тебя, юноша, иди куда хочешь.

Стрелой вылетел юноша из дома — и бежать без оглядки. Обернулся — нет никакого дома под черепицей. Лишь густая трава растет на том месте да деревья высятся. «Странно», — пробормотал он и стал подниматься на гору.

На склоне горы увидел он заброшенный храм. Пусто в храме, на стенах толстый слой пыли. Кинулся юноша к колоколу, чтобы узнать, кто же звонил, а под колоколом — мертвый фазан. Голова разбита, клюв раздроблен. Понял юноша, что в колокол звонил фазан, которого он спас.

Поднял он осторожно мертвого фазана, и из глаз у него брызнули слезы.

— Спасибо тебе, мой спаситель. Если бы не ты, не было бы меня в живых, — сказал юноша и долго еще плакал над мертвой птицей, а потом бережно предал своего друга земле.

Кхончи и Пхатчхи

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

одной провинции жил крестьянин с женой. Жили они дружно и счастливо. Лишь одно огорчало их: не было у них детей. Наконец у крестьянина родилась дочь, и назвали ее Кхончи.

А всего через сто дней после ее рождения мать вдруг умерла. Стал отец один растить маленькую дочку.

Прошло четырнадцать долгих лет, выросла Кхончи и стала красавицей, равной которой не было во всем поднебесье. А как она была скромна, как умна! Всюду только и говорили о добром нраве девушки!

Женился отец Кхончи во второй раз, а у новой его жены была своя дочь — Пхатчхи. И мачеха и ее дочь были очень злыми, невзлюбили они скромную и ласковую Кхончи.

Настали для Кхончи тяжелые дни. Все свое время она проводила теперь в непосильной работе и слезах. А слабовольный отец во всем слушался своей новой жены.

Однажды мачеха вручила Кхончи деревянную тяпку и приказала ей взрыхлить каменистое поле, а родной дочери Пхатчхи дала железную мотыгу и велела взрыхлить песчаное поле рядом с домом.

Пришла Кхончи на каменистое поле, только принялась за работу — деревянная тяпка миглом сломалась. Горько заплакала Кхончи. Вдруг предстала перед ней черная корова — дух ее умершей матери — и дала девушке железную мотыгу. С мотыгой-то Кхончи без особого труда взрыхлила все поле.

На другой день мачеха заставила Кхончи наносить воды в огромный глиняный кувшин, а дно-то у кувшина дырявое! Как наполнишь его водой? Старалась Кхончи, старалась, совсем из сил выбилась, да все впустую.

Вдруг прискакала к ней огромная жаба:

— Сейчас помогу тебе, Кхончи!

Залезла жаба в кувшин, плотно закрыла собой дыру, и Кхончи легко наполнила кувшин водой.

Вот однажды собрались мачеха с Пхатчхи на свадьбу. Мачеха и приказывает Кхончи:

— Хочешь пойти с нами, поспеши перебрать мешок риса и мешок проса.

Горько заплакала Кхончи от обиды и воскликнула в сердцах:

— Почему я такая несчастная, в чем провинилась, за что мне столько бед?

Тут, откуда ни возьмись, небожительница появилась:

— Не печалься, Кхончи. Я помогу тебе! Знаю, у тебя доброе сердце.

Позвала она воробьев, стали птицы очищать рис от шелухи.

— Очищай, но не ешь! Очищай, но не ешь! — чирикают.

Быстро перебрали они целый мешок риса. Легко разделались и с просом. Справила Кхончхи все дела и бегом на свадьбу. А тут ручеек на пути! Только хотела она перепрыгнуть, как услышала позади громкий шум. Это приближались носильщики с паланкином камсы[25]. Обернулась девушка и от испуга уронила в речку котсин[26]. Так и убежала на свадьбу в одной туфельке.

Подошел камса к ручью и увидел в воде красиво вышитую котсин. Взял ее, а как вернулся домой, приказал найти владелицу этой туфельки — решил камса взять ее в жены.

Узнали об этом злая мачеха и Пхатчхи и замыслили черное дело. Позвали они Кхончхи погулять по берегу озера да и столкнули бедную девушку в воду.

Переоделась Пхатчхи в платье Кхончхи и пошла в дом камсы. А тот сразу заподозрил что-то неладное.

— Отчего лицо у тебя так потемнело? — спрашивает.

— Перегрелась на солнце, — ответила Пхатчхи.

— А почему ты рябой стала?

— Спешила к тебе, упала на рассыпанный горох, вот и остались следы на лице.

И обманутый камса принял злую Пхатчхи за Кхончхи.

Прошло несколько дней. Гулял как-то камса у озера, видит — цветок лотоса на воде качается. Сорвал он цветок, поставил в кувшин с водой у себя в комнате, стал ухаживать за цветком, то и дело любовался им.

А вот стоило Пхатчхи пройти мимо цветка, листья лотоса тут же цепляли ее за волосы.

Разозлилась Пхатчхи и бросила лотос в печь. Стала старушка служанка затапливать печь, видит, всеми цветами радуги играет в печке красивое ожерелье. И вдруг это ожерелье превратилось в Кхончхи. Рассказала девушка, что случилось с ней, просит старушку позвать камсу в гости да накрыть для него стол с угощением.

Пришел камса в гости, уселся за стол, только хотел палочками взять кусочек кимчхи[27], а одна палочка короче другой — никак не подцепишь кимчхи! Разозлился камса, бросил на пол палочки и ну отчитывать старуху!

А тут из-за ширмы раздается голос:

— Вы, господин камса, сразу заметили, что палочки неодинаковые, а одного человека от другого отличить не смогли!

Услышал эти слова камса и понял, что обманули его злая мачеха и Пхатчхи. Тут же велел он наказывать их, а сам зажил счастливой жизнью с милой и доброй Кхончхи.

Как жаба победила страшного змея

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

лучилось это давным-давно. Жили тогда на свете мать с дочерью, и были они совсем бедные. Однажды в дождливый день подобрала дочь жабу и приютила у себя в доме, возле печи положила. Жалела ее девушка, едой своей делилась с ней. А жаба росла не по дням, а по часам и скоро стала с большую собаку. И чем больше она становилась, тем меньше еды доставалось девушке, но бедняжка ни разу не сказала жабе ни слова упрека.

А около деревни, где жила девушка, с давних пор поселился громадный змей, каждый год требовал он в жертву по девушке. А не принесешь жертву, на деревню навалятся страшные бедствия. Много людей и животных погибло из-за змея.

Вот пришла очередь и девушке идти к змею на съедение. Горько жаловалась она жабе на свою судьбу, прощалась с ней.

Отвели односельчане девушку к пещере змея, оставили ее там, а сами разбрелись кто куда. Да не видит девушка, что жаба-то за ней скачет, зажмурила, бедная, глаза и ждет смерти.

Вышел змей из логова, вот-вот съест бедняжку, вдруг видит, огромная жаба заслонила собой девушку. Завязалась тут жестокая схватка. Ждет девушка смерти, глаз открыть не смеет. Вдруг что-то как грохнет! Открыла девушка глаза и что же видит? Лежит у пещеры змей бездыханный, а перед ним — мертвая жаба.

Поняла девушка: погубила жаба змея, ценой своей жизни спасла ее.

Жадный Пак

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

авным-давно жил на свете старик Пак. Что бы он ни увидел, все забирал себе, и все ему казалось мало.

Однажды попала в его капкан белка, да не простая белка, а золотая. Обрадовался Пак, и вдруг заговорила белка человеческим голосом:

— Отпусти меня, не убивай. За это я отплачу тебе.

— А чем отплатишь? Сделай-ка так: пусть все, к чему я ни притронусь, превращается в серебро. Тогда отпущу тебя, — сказал жадный Пак.

— Хорошо, будь по-твоему, — пообещала белка.

Дотронулся Пак до капкана, смотрит, капкан серебряным стал. Отпустил тогда старик белку и вернулся домой. От радости не знал, что и делать.

Потянул он дверь, а она тотчас серебряной стала. Хотел у порога обувь снять, а она — серебряная. Дотронулся рукой до циновки, и она стала серебряной.

Пак от жадности потерял голову: бегаёт по дому и все, что ему на глаза попадает, в серебро превращает. Наконец утомился и решил поесть. Но что это? Вся еда в серебро превращается. Дотронется Пак до чашки с рисом, возьмет в руки палочки — все серебром оборачивается. Голоден Пак, так бы и съел что-нибудь, а не может.

— Это ничего. Зато теперь у меня несметные богатства! Все будут завидовать мне, — тешил себя жадный Пак.

Многие и правда завидовали старику Паку, да не долго. Стали люди замечать, что толстый, как бочка, Пак, худеет не по дням, а по часам и вскоре совсем отощал. Все в доме у него серебряное, а Пак с голоду умирает. Так от жадности и умер.

Хитрый батрак Тольсве

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

авным-давно у одного богача работал батрак по имени Тольсве. Был он хитер да умен.

Целый год в поте лица трудятся батраки на богача, а как зима придет, остаются ни с чем. Вот и решил Тольсве проучить как следует жадного богача.

Собрался тот как-то в Сеул — экзамен на должность держать [\[28\]](#). Захватил и Тольсве с собой, чтобы было кому прислуживать в пути.

Богач едет на ослике, а Тольсве пешком бредет. Совсем изнемогли от жары путники и ослик. Хозяин и говорит батраку:

— Хочется мне, Тольсве, чего-нибудь холодного. Видишь там вдали харчевню? Сбегай-ка мигом и принеси мне чашку куксу [\[29\]](#) в холодном бульоне.

Побежал Тольсве, купил чашку куксу, несет ее и думает:

«Этот жадный старик один слопаёт всю чашку». Подошел Тольсве к дереву, в тени которого разлежся хозяин, да и засунул палец в чашку с куксу, будто ищет что-то. Богач увидел это и завопил:

— Как ты смеешь ковыряться в моем куксу грязным пальцем?

— В чашку муха упала, никак не могу ее вытащить! — объясняет Тольсве.

Разъярился богач, вlepил Тольсве хорошую затрещину и кричит:

— А ну садись тут вместо меня да присматривай за ослом! Я сам схожу за куксу! Да не зевай! Сеул недалеко, здесь такие разбойники бродят, что смотри в оба: выколуют глаза — и не заметишь! Покрепче держи вожжи в руках да не зевай, а то без осла останемся!

Ушел богач в харчевню, а Тольсве смотрит, на поле в самый солнцепек крестьяне работают. Стало ему жаль этих бедняков. Подозвал он к себе старика крестьянина и говорит:

— Сделай, отец, так, как я тебе скажу. Отрежь-ка эти вожжи, забери себе осла и поклажу. В тюках еда и несколько кусков шелка. Раздай все беднякам.

Увел старик осла, а Тольсве стоит с закрытыми глазами, в руках обрубленные вожжи держит.

Вот вернулся хозяин.

— Эй, чего стоишь, как истукан? Куда делся наш осел?

— Вы мне сказали, что разбойники могут напасть и выколоть мне глаза, вот я и стоял с закрытыми глазами.

Побагровел богач от злости, не знает, что и делать.

— Ах ты, болван несчастный! Снимай скорее рубашку! — крикнул он Тольсве. Потом написал на ней что-то. — А теперь проваливай домой, чтобы и духу твоего здесь не было!

Пошел Тольсве домой, да захотелось ему узнать, что же написал хозяин на его рубашке. Подошел к одному человеку и попросил прочитать иероглифы. Человек покачал головой:

— Ждет тебя несчастье, батрак, убить тебя хотят.

— Убить? — перепугался Тольсве.

— Вот что написано на твоей рубашке: *только возвратится этот негодяй Тольсве, тотчас убейте его!*

Испугался Тольсве, а потом смекнул, что нужно сделать. Подмигнул незнакомцу и прошептал ему что-то на ухо. Тот громко захохотал и кисточкой написал на спине Тольсве следующее:

Тольсве — большой умница и послушный малый. Я многим обязан ему. Если в Сеуле мне повезет и я успешно сдам экзамен, то считайте, что этого я добился только благодаря расторопности нашего Тольсве. Хочу я взять Тольсве в нашу семью, посему повелеваю женить его на нашей младшей дочери, а также выделить ему самый лучший участок земли из наших угодий и построить для него новый дом.

Ваш любящий отец.

— Выходит, выдадим замуж нашу дочь за батрака, — тяжело вздохнула жена хозяина.

Сын тоже был в отчаянии, но делать нечего — отец приказал-то.

Так батрак получил вдруг себе в жены красавицу дочь богача, землю да в придачу новый дом с черепичной крышей.

Прошло пять месяцев, возвращается богач домой. Как узнал он, что Тольсве женился на его дочери, разгневался — приказал зашить батрака в мешок и бросить в море.

Потащили слуги мешок с Тольсве к морю. По дороге захотелось им перекусить. Положили они мешок под деревом, а сами в харчевню ушли.

Тут как раз с поля бедняки возвращались. Заметили они мешок под деревом.

— Что это такое? Почему мешок шевелится? Давайте-ка посмотрим.

А Тольсве кричит:

— Спасите, люди добрые, развяжите меня!

Мигом развязали крестьяне мешок. Вылез оттуда Тольсве, поблагодарил их, рассказал все, что случилось. Бедняки помогли Тольсве спрятаться, а вместо него засунули в мешок здоровенного кабана.

Вернулись слуги богача, ничего не заметили. Снова потащили мешок к морю и бросили его в волны — думают, расправились наконец с Тольсве.

Да только через два месяца батрак вдруг объявился живой-здоровый. Подошел к богачу, отвесил глубокий поклон и сказал:

— Как бросили вы меня в море, попал я во дворец морского царя Дракона. Вот где была райская жизнь! Хотел я там остаться навсегда, да все мучался мыслями о вас, о ваших благодеяниях, досточтимый хозяин. Рассказал я о вас Дракону. Послал он меня к вам, хочет отплатить вам за добро. Зовет в гости к себе, дорогие подарки для вас приготовил. Просил только жернов^[30] с собой захватить.

Доволен жадный богач, мигом собрался за дорогими подарками. Привязал к себе тяжелый каменный жернов и прыг в море — в то же мгновение утонул.

А Тольсве возвратился вместе с женой в деревню и зажил там счастливо.

Хотел отделаться от одной шишки, да заработал вторую

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

то было в те далекие времена, когда тигр умел курить, а животные — говорить человеческим голосом.

В одной деревне жили два старика: Пак и Ким. И у каждого на шее было по большущей шишке. Старый Пак был нрава честного и доброго, и его любили односельчане, а Ким, наоборот, был жадным да вредным.

Однажды добрый Пак пошел за дровами и забрел далеко в горы. В тот день ему и впрямь везло: столько было дров, что он, позабыв обо всем на свете, рубил да рубил. И так увлекся, что даже не заметил, как село солнце. Вокруг стало темно, и Пак не на шутку перепугался. Быстро собрал он дрова, взвалил вязанки на спину и стал спускаться с горы.

Наступила ночь. Как ни быстро шел старик, не смог он попасть домой засветло. Долго плутал Пак по темным горным ущельям и наконец в одном из ущелий заметил совсем покосившуюся хижину. Обрадовался старик: «Повезло мне! Переночую здесь сегодня». Сбросил он со спины дрова и вошел в хижину. Стены в хижине совсем обвалились, но Пак решил, что здесь все-таки лучше, чем под открытым небом. Наскоро приготовил себе постель и лег.

Хотя Пак и очень устал, но почему-то ему не спалось, долго ворочался он с боку на бок — не идет сон, да и все тут! Уселся старик у порога, а ночь была темная и тихая, только временами доносилось рычание диких зверей. Долго старый Пак просидел так, и захотелось ему петь.

Пак умел хорошо петь, но здесь, в ночной тиши гор, его голос звучал особенно красиво. Пел он, пел свои песни одну за другой, и казалось, что песням его радуются и деревья, и травы, и птицы — все живое в горах...

Вдруг снаружи послышался какой-то шорох. Глядь, стая рогатых чертей! Старик не на шутку испугался и хотел было убежать. Но самый большой черт схватил его за рукав:

— Не бойся, старик, мы пришли сюда не со злом, хотим мы послушать тебя! Спой нам еще что-нибудь!

Другие черты захлопали в ладоши и тоже принялись просить старика спеть песню.

Старый Пак успокоился, облегченно вздохнул и вновь запел. Чертям так понравились песни, что стали они пританцовывать да приплясывать в такт. Не успевала кончиться одна песня, как черты просили другую. А под конец главный черт и говорит:

— Большое спасибо тебе, старик! Понравились нам твои песни. Как это тебе удается петь так красиво?

В ответ старик только улыбнулся:

— Такой уж у меня голос!..

Но черт перебил его:

— Не говори неправду, старик! Ты небось хорошо поёшь из-за шишки на шее, верно?

Старый Пак еле сдержал смех:

— Из-за шишки? Может быть. Не знаю.

Пошутил старик и чинно погладил шишку на шее.

Подумал, подумал главный черт и говорит:

— Точно! Из-за шишки! А не смог бы ты, старик, продать нам свою шишку? Мы заплатим тебе, сколько пожелаешь.

Старик со страху переспросил:

— Продать шишку?!

Тут и остальные черти принялись хором упрашивать:

— Продай, продай нам ее!

— Да я вроде и не прочь отдать шишку вам, она всегда мешала мне. Правда, песня тут ни при чем.

А черти решили, что старик заговаривает им зубы, потому что не хочет продать шишку. Стали они просить еще настойчивее. Старику ничего не оставалось, как согласиться.

— Хорошо, отдаю вам шишку. Только уж не обижайтесь, если она вам не поможет.

— Что ты, какая там обида! — радостно загалдели черти.

Подожли они к старику, оторвали у него шишку, а в подарок принесли большой ящик, до краев наполненный золотом, серебром и всякими драгоценностями.

Тут как раз раздался крик петуха. Перепуганные черти в один миг исчезли. Старый Пак обрадовался: ведь он не только избавился от надоевшей шишки, но и получил взамен немалые сокровища. Дождался он рассвета и вернулся домой.

Прослышал жадный Ким, что Пак продал свою шишку чертям, да еще и разбогател, и стрелой помчался в ущелье.

Дождался Ким темноты, вошел в ту же самую хижину, прислонился к стене и, поджидая чертей, начал петь. Да так гнусаво! Черти не заставили себя долго ждать. Увидел их Ким, обрадовался.

— Подходите поближе! И у меня есть шишка, которая помогает хорошо петь песни. Давайте меняться: я вам шишку, а вы мне золото с серебром!

— Так твоя шишка помогает петь? — спрашивает главный черт.

— Конечно! Она гораздо лучше той, что вы купили вчера. Попробуйте сами! Но платите мне в два раза больше!

Ох и разозлился главный черт!

— Шишка, говоришь? Петь помогает, говоришь? Вчера мы попались на эту удочку, но сегодня тебе не провести нас! Уж мы зададим тебе!

Перепугался Ким, весь затрясся, задрожал, стоит не шелохнется.

Долго спорили черти, какой казнью его казнить. Наконец главный черт сказал:

— Вот как мы сделаем: принесите вчерашнюю шишку и приклейте ему на шею.

Черти тотчас принесли Пакову шишку и прилепили ее на шею Киму, а потом ушли восвояси.

Вот отчего исстари существует такая поговорка: «Хотел отделаться от одной шишки, да заработал вторую».

Осленок из яйца

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

Жила в горах молодая женщина, а муж у нее был глупый-преглупый. Как-то раз послала она мужа на базар, дала кусок холста и говорит:

— Продай холст и купи на эти деньги чего-нибудь. Да смотри недорого плати.

Пришел муж на базар, продал холст за девяносто монет и до отвала наелся каши. А потом стал ходить и высматривать, что бы такое купить подешевле. Наконец видит, что-то огромное, круглое, темно-зеленое лежит. Спрашивает у продавца:

— Что это?

А тот отвечает:

— Яйцо. Из него осленок вылупится.

— Сколько просите?

— Да уж последнее осталось, берите за восемьдесят монет.

— У меня осталось только семьдесят монет. Может, уступите, отдадите мне яйцо?

Купил он яйцо и принес домой.

Увидела жена, рассердилась, говорит мужу:

— Зачем арбуз купил?

— Не говори глупостей. Какой это арбуз? Это ослиное яйцо, — разозлился муж.

Обмотал арбуз мягкой ватой и положил его на лежанку на самое теплое место. Каждый день подходил к нему, все смотрел: скоро ли из яйца осленок вылупится?

Заглянула жена туда, видит, арбуз весь уже сгнил, и говорит:

— Ослиное яйцо протухло, надо выбросить его.

— Ах, как жалко! — досадовал муж и выбросил арбуз в густую высокую траву.

Глядь, а из травы осленок выскочил, юркнул мимо удивленного глупца и — прямо в конюшню к соседу.

Тут же побежал чужак в соседний дом и говорит:

— У нас осленок вылупился, да забежал к вам в конюшню, верните мне его, пожалуйста.

Чуть не расхохотался сосед. Потасил чужака в конюшню, а там и в самом деле осленок. Пришлось отдать осленка глупцу.

Прибежал муж домой и кричит жене:

— А ты еще не верила! Чуть было не потеряли вылупившегося осленка!

А на самом деле случилось совсем другое — у соседа ослица принесла двойню.

Как мальчик перехитрил богача

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

одной деревне жил богач. Все свое состояние нажил он обманом: так ловко обманывал людей, что не знал себе равных в этом деле.

— Если ты обманешь меня, — говорил он всем подряд, — то получишь десять монет. А если не сумеешь, плати мне десять монет.

Однажды в дом старого обманщика пришел мальчик.

— Что тебе здесь надо? — спросил слуга.

— Я хочу обмануть твоего хозяина.

Посмеялся слуга над неразумным мальчишкой, но все же пошел к своему хозяину.

— Гони его прочь! — рассердился богач. — Ему ли, несмысленному, тягаться со мной!

— Не хочет хозяин говорить с тобой, — вышел слуга к мальчику.

— А ведь мне ничего не стоит обмануть твоего хозяина. А не удастся, уплачу ему деньги.

Вот деньги! — И мальчик показал слуге десять монет.

Слуга опять пошел к богачу и рассказал ему, что мальчик пришел с деньгами и готов отдать их, если проспорит.

— Ну, ладно, пусть идет ко мне, — нехотя согласился богач.

Только мальчик переступил порог, как богач потребовал:

— А ну, покажи твои денежки!

— Вот они.

— Ах ты, какой ловкий! Обмануть меня хочешь?

— Зачем обманывать? Я вам правду скажу.

— Ишь ты! И что же это за правда у тебя?

— Мать мне говорила, да я и сам видел, как вы у моего отца сто монет в долг брали. Вот послали меня получить их у вас.

— Ах ты негодник! Я и отца твоего в глаза не видел, и денег никаких не брал, — в сердцах промолвил богач.

— Не верите? Чем же вы докажете, что сто монет у нас не брали? Я видел, мама видела, соседи видели, как отец давал вам в долг сто монет, — стоял на своем мальчик.

Задумался старик. Денег займы у отца мальчишки он и впрямь не брал, а как это докажешь? Решил он поскорее отделаться от ловкого мальчишки и признал себя побежденным — скрепя сердце заплатил ему десять монет за ловкий обман.

Ядовитая хурма

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

или-были в одном монастыре два монаха — старый и молодой.

Старый монах был очень скуп и жаден: он прятал в шкафу сушеную хурму и никогда не давал ее молодому. Даже пробовать не разрешал, а сам ел и ел — всегда один. И всякий раз приговаривал: «Не вздумай когда-нибудь съесть то, что у меня в шкафу! Сразу умрешь!»

Вот как-то раз старик отлучился из монастыря. Монашек скорей открыл шкаф и мигом съел всю хурму. Затем взял тушечницу, которой очень дорожил старик, и со всего размаха как бросит ее об землю! Тушечница разбилась на мелкие кусочки.

Монашек лег в постель и натянул на себя одеяло.

Вернулся старик монах и спрашивает:

— Что случилось с тобой, почему лежишь?

Молодой монах еле слышным голосом отвечает:

— Учитель! Я совершил смертный грех: нечаянно разбил вашу любимую тушечницу. Пусть, думаю, покарает меня судьба: вот я и съел все, что было у вас в шкафу. Теперь, видите, и лежу в постели — жду покорно своего конца.

Лютая злоба искривила лицо старого скупца, а что сделаешь?

Заколдованный перевал

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

Некогда на одной горе был перевал. Люди называли этот перевал Три Года. О перевале издавна говорили так: если кто споткнется и упадет там, то жить ему не больше трех лет.

Люди верили этому и, когда шли по перевалу, старались быть очень осторожными, боялись, как бы не упасть.

Вот однажды в жаркую летнюю пору шел через перевал старик — возвращался домой с рынка.

«Солнце уже на запад клонится, надо до темноты перевал перейти. Да и дома, наверно, поджидают меня», — подумал он и прибавил шагу, да вдруг споткнулся о камень и упал.

— Что же мне теперь делать? Жить мне осталось три года теперь, — заохал старик и еле дотащился до дому.

Не успел зайти в дом, как тут же позвал жену, сына и дочь.

— Слушай, жена, слушайте, дети мои! Я, наверно, скоро умру. Шел я сейчас через перевал Три Года и упал! — проговорил бедняга и заплакал.

С этого дня старик ничего не ел, не пил, совсем занемог. Приходили лекари, родные покупали разные лекарства, но ничего не помогало, старому становилось все хуже.

Узнала об этом вся деревня.

А в той деревне жил один смысленный мальчик.

Звали его Тольтором. Узнал он о беде старика и пришел его навестить.

— Дедушка, вы заболели от того, что споткнулись на перевале? Не бойтесь, есть хорошее средство.

— Какое же это средство? — воскликнул старик.

— Да простое: надо пойти на перевал и еще раз упасть.

— Ах ты негодник! Ты что, решил совсем доконать меня? — рассердился старик.

— Да вы послушайте меня, дедушка, — успокаивал его мальчик. — Посудите сами! Как поверье говорит? Если человек упадет один раз, он проживет три года. Так?

— Так, — кивнул старик.

— Ну а если упасть два раза? Значит, шесть лет проживешь? А если три раза упасть? Чем больше вы будете падать, дедушка, тем больше и проживете. Разве не так?

— Да, пожалуй, ты прав, — согласился старик и хлопнул себя по лбу.

Вскочил он с постели и бегом к перевалу, а там, как бы нечаянно, оступился и упал. Вдруг слышит, из-

за высокого дерева, что росло на самой вершине перевала, раздался глухой голос:

— Правильно делаешь! Один раз упадешь — три года будешь жить, десять раз — тридцать лет, а сто раз — триста лет.

Услышал старик эти слова, подумал, что их произнесло божество, и обрадовался:

— Да, да, о всемогущий, сделай так, чтобы я прожил три тысячи раз по шестьдесят лет!

И старик давай перекатываться по земле с одного бока на другой. Раз! Два! Три! Докатался до сотни раз, а может быть, и больше. Наконец у подножия горы он поднялся на ноги, отряхнул одежду и засмеялся:

— Теперь буду жить столько, сколько захочу!

Радостный и веселый вернулся старик домой.

Дед, конечно, не знал, что кричал ему мальчик, он заранее прибежал на перевал Три Года и спрятался в кустах.

А когда старик добрался до дому, он был уже совсем здоров. После этого он трудился в поле так же усердно, как и прежде.

О глупце

Корейская сказка

Перевод Вадима Пака

Как-то один человек пошел на базар. Проголодался он и купил рисовую лепешку. Но бедняга был так голоден, что одной лепешки ему показалось мало. Что ел, что не ел — все едино.

Решил он тогда купить еще и вареной картошки. Но и этим не насытился. И тогда на оставшиеся деньги купил он ёс — конфету, которую делают из риса и сахара. Съел и вдруг почувствовал, что наконец наелся. Стукнул он с досады себя по лбу и говорит:

— Какой же я недогадливый! Надо бы мне сразу купить ёс, а я то лепешку покупал, то картошку.

Так горевал глупец, не понимая, что насытился он не оттого, что съел ёс, а оттого, что до этого съел и лепешку и картошку.

Охотники на тигров

Корейская сказка

В обработке Н. Гарина-Михайловского

провинции Хамгёнгда, в городе Кильчжу, лет двадцать назад существовало общество охотников на тигров. Членами общества были всё очень богатые люди. Один бедный молодой человек напрасно старался проникнуть в это общество и стать его членом.

— Куда ты лезешь? — сказал ему председатель. — Разве ты не знаешь, что бедный человек — не человек. Ступай прочь.

Но тем не менее этот молодой человек, отказывая себе во всем, изготовил себе такое же прекрасное стальное копьё, а может быть, и лучше, какое было у всех других охотников. И когда они однажды отправились в горы на охоту за тиграми, пошел и он.

На привале у оврага он подошел к ним и еще раз попросил их принять его.

Но они весело проводили свое время, и им нечего было делать с бедным человеком; они опять, насмеявшись, прогнали его.

— Ну, тогда, — сказал молодой человек, — вы себе пейте здесь и веселитесь, а я один пойду.

— Иди, сумасшедший, — сказали ему, — если хочешь быть разорванным тиграми.

— Смерть от тигра лучше, чем обида от вас.

И он ушел в лес. Когда забрался он в чащу, он увидел громадного полосатого тигра. Тигр, как кошка, играл с ним: то прыгал ближе к нему, то отпрыгивал дальше, ложился и, смотря на него, весело качал из стороны в сторону своим громадным хвостом.

Все это продолжалось до тех пор, пока охотник, по обычаю, не крикнул презрительно тигру:

— Да цхан подара (принимай мое копьё)!

И в то же мгновение тигр бросился на охотника и, встретив копьё, зажал его в зубах. Но тут с нечеловеческой силой охотник просунул копьё ему в горло, и тигр упал мертвый на землю.

Это была тигрица, и тигр, ее муж, уже мчался на помощь к ней.

Ему не надо было уже кричать: «Принимай копьё!» — он сам страшным прыжком, лишь только увидел охотника, бросился на него.

Охотник и этому успел подставить свое копьё и, в свою очередь, всадил ему его в горло.

Двух мертвых тигров он стащил в кусты, а на дороге оставил их хвосты.

А затем возвратился к пировавшим охотникам.

— Ну что? Много набил тигров?

— Я нашел двух, но не мог с ними справиться и пришел просить вашей помощи.

— Это другое дело: веди и показывай.

Они бросили пиршество и пошли за охотником. Дорогой они смеялись над ним:

— Что, не захотелось умирать, за нами пришел...

— Идите тише, — приказал бедный охотник, — тигры близко.

Они должны были замолчать. Теперь он уже был старший между ними.

— Вот тигры, — показал на хвосты тигров охотник.

Тогда все выстроились и крикнули:

— Принимай мое копьё!

Но мертвые тигры не двигались.

Тогда бедный охотник сказал:

— Они уже приняли одно копьё, и теперь их надо только дотащить до города; возьмите их себе и тащите.

К корейской сказке «Охотники на тигров».

Перевозчик

Корейская сказка

В обработке Н. Гарина-Михайловского

ил себе старый перевозчик.

Никому не отказывал он в перевозе. Давали ему что-нибудь за это, он брал; не давали — ничего не просил.

Видит раз перевозчик, что через реку плывет курей (толстый змей).

Плыл, плыл и стал он тонуть. Тогда старик поспешил к нему на помощь на своем перевозе и перевез его на другую сторону.

Ничего не сказал курей, только заплакал, и где упали его слезы, там растут с тех пор прекрасные цветы. Они растут и в других местах на земле, но только там, где поливают их слезами.

В другой раз, когда старик сидел у своего перевоза, увидел он, что плывет молодая косуля и тонет.

Поехал старик и перевез косулю на другой берег.

Вышла косуля, ничего не сказала и убежала в лес.

Пошел старик в лес нарвать себе салату на зиму — вдруг выбежал красивый козел и стал рыть ногой землю. Но в это время проходил какой-то прохожий с лопатой, и козел убежал.

— Будь добр, прохожий, покопай в этом месте!

Только три раза копнул прохожий, и стукнула лопата обо что-то.

То было золото.

— Благодарю тебя, — сказал старик. — За твою работу даю тебе половину этого золота.

— Это золото выкопал я, и оно мое, — сказал прохожий.

Стали они между собою спорить, и так как ничего из их споров не вышло, то и решили они идти в город, к судье.

Судья отдал золото прохожему, а старика за вымогательство, избив палками, посадил в колодки.

Ночью приполз к старику курей и укусил его в ногу.

На другой день нога старика так распухла, что уже думали, что умрет он.

Ночью опять приполз к нему курей и дал ему целебных листьев.

От этих листьев на другой день пропала вся опухоль на ноге и даже след от раны исчез.

А курей в ту же ночь приполз к жене судьи и так же, как и старика, укусил ее за ногу.

На другой день и у нее так распухла нога, что уже думали, что умрет она.

Тогда начальник тюрьмы доложил судье, что у старика отчего-то пропала такая же опухоль.

Позвал судья старика и спрашивает:

— Отчего пропала у тебя опухоль?

— Курей мне листья такие принес.

— Где листья?

Показал старик, приложил к ноге жены судьи, и опухоль пропала.

— Почему же курей принес тебе листья?

Тогда рассказал старик, как перевез курея и кошулю.

— А кошуля что тебе дала?

— Дал ее муж то золото, которое ты передал прохожему.

Тогда судья послал догнать прохожего, отобрал у него золото, передал старику, а прохожего посадил в колодки.

Три брата

Корейская сказка

В обработке Н. Гарина-Михайловского

или три брата на свете, и захотели они нарвать женьшень, чтобы стать богатыми. Счастье улыбнулось им, и вырыли они корень ценой в сто тысяч кеш.

Тогда два брата сказали:

— Убьем нашего третьего брата и возьмем его долю.

Так и сделали они. А потом каждый из них, оставшихся в живых, стал думать, как бы ему убить своего другого брата. Вот подошли они к селу.

— Пойди, — сказал один брат другому, — купи сули (водки) в селе, а я подожду тебя.

А когда брат пошел в село, купил сули и шел с ней к ожидавшему его брату, тот сказал:

— Если я теперь убью своего брата, мне останется и вся суля и весь корень.

Он так и сделал: брата застрелил, а сулю выпил. Но суля была отравлена, потому что ею хотел убитый отравить брата. И все трое они умерли, а дорогой корень женьшень сгнил.

С тех пор корейцы не ищут больше ни корня, ни денег, а ищут побольше братьев [\[31\]](#).

Филиппинские сказки

Цапля и буйвол

Филиппинская сказка

Перевод В. Сорокина

ы когда-нибудь замечали, что частенько, особенно в дождливый сезон, на спине буйвола сидит цапля? И буйвол несколько не противится этому. Знаете почему? Потому что буйвол понимает: никуда ему теперь не деться от этой белой длинноногой птицы.

Послушайте историю, которая произошла когда-то...

Буйвол и цапля были не в ладах. Никогда они не разговаривали друг с другом, хотя их всюду видели вместе: у реки, на рисовом поле или на лугу. Но все равно они друг друга недолюбливали.

Но вот как-то буйвол смирил гордыню.

— Послушай, цапля, — сказал он, — чтобы нам больше не дуться друг на друга и помириться, давай потягаемся.

— Давай, — согласилась цапля. — А как?

— Пойдем на реку. Ну-ка, кто из нас больше воды выпьет?

— Но ты же вон какой большой, значит, и воды в тебя войдет намного больше, — возразила цапля.

Потом подумала и приняла вызов буйвола.

Они условились встретиться на следующее утро. Договорились так. Победитель вовсе не тот, кто выпьет больше воды. Победитель тот, после кого воды в реке станет меньше! И еще. На вечные времена получит он полную власть над проигравшим. Так решили цапля и буйвол. А судьями выбрали корову, лошадь, собаку и птиц. Решили и разошлись по домам.

Только цапля полетела не домой, а на реку. Села она на дерево, что росло на берегу, и стала внимательно наблюдать за уровнем воды в реке. Заметила цапля, что прилив начинается утром, а отлив — в полдень.

На следующий день, едва только солнце взошло, на берегу реки собрались звери и птицы. Все с нетерпением ожидали начала интересного зрелища. Вот и судьи пришли.

Первым вызвался показать, на что он способен, буйвол. Победно оглядел он толпу и подумал: «Сейчас увидите, сколько я выпью воды!»

Пил он действительно очень долго. Многим показалось даже, что буйвол вряд ли когда остановится.

Но вот буйвол все же оторвался от воды, поднял голову и с ужасом обнаружил, что воды-то в реке несколько не меньше! Наоборот, еще больше! Ведь вначале вода едва покрывала его копыта, а теперь

доходит уже до половины ноги.

Буйвол снова принялся пить. Пил до тех пор, пока не захлебнулся. Медленно повалился он на свое вздувшееся брюхо и тут же уснул.

Тем временем вода в реке все прибывала. Зрителям пришлось даже отойти подальше от берега, чтобы не замочить ноги.

— Теперь черед цапли показать свои силы, — объявили судьи.

— Подождем, пока проснется буйвол, — сказала цапля. — Пусть видит, как я пью воду! А то еще не поверит, что я выиграла по правилам.

Стали ждать. Прошел час, второй, третий... Лишь через четыре часа проснулся буйвол. А цапля между тем заметила, что в реке-то начался отлив.

— Н-ну-у, те-е-перь твоя оч-че-е-редь, цапля, — с трудом проговорил буйвол.

Опустила хитрая птица свой длинный клюв в воду — вроде пьет ее. Долго стояла она так в реке.

— Смотрите! Река мелеет! Воды становится все меньше! — закричали звери и птицы, собравшиеся на берегу.

Так цапля оказалась победителем, а буйвол — побежденным. И на глазах у многочисленных свидетелей буйвол признал свое поражение.

Вот с тех пор и катается цапля на спине буйвола, когда ей угодно и сколько угодно!

Почему вода в море соленая

Филиппинская сказка

Перевод В. Сорокина

Старики говорят, что когда-то давно вода в море не была, как теперь, соленой. Поговаривают, стала она такой, потому что какой-то муравей укусил Ангало.

«А кто такой Ангало?» — спросите вы.

Так вот, Ангало был великаном. Когда он стоял в самой середине моря, вода едва доходила до его колен. Когда же Ангало стоял на земле, горы тоже были ему лишь по колени.

Как-то раз кончилась у людей соль, и они пришли к Ангало.

— У нас кончилась соль, Ангало. Мы хотим раздобыть соль за морем. Ведь здесь ее нет. Помоги нам, Ангало.

— Нет ничего проще, — ответил великан. — Идите за мной.

Пришли они к морю. Ангало сел на берегу и протянул свою ногу так, что пяткой уперся в гору по ту сторону моря.

— Вот вам мост, — сказал он людям. — По моей ноге вы сможете перейти через море.

— Спасибо, Ангало!

— Возьмите корзины для соли и ступайте!

Обрадовались люди, взяли корзины и без труда перешли через море. Набрав соли, они повернули назад. Снова шли они по ноге Ангало, и каждый нес полную корзину соли.

Вот уже и самая середина моря. И тут Ангало укусил муравей. Вздрыгнул великан от боли, а люди с соляными корзинами попадали в море.

С тех пор, говорят старики, вода в море стала соленой.

Сампагита

Филиппинская сказка

Перевод В. Сорокина

то случилось в далекой-далекой деревне. Буйно цветет там природа, воздух наполнен ароматом цветов, а влюбленные, встречаясь, клянутся друг другу в вечной любви и верности.

Жили в этой деревне девушка Анита и юноша Эрнесто. Анита была красива, как ночь: глаза — веселые и живые, волосы черным-черны, а губы — алы, как косточки спелой саги.

Красивым был и Эрнесто — сильный, трудолюбивый юноша, пленивший сердца многих девушек своей красотой и веселым нравом. Полюбила его и Анита.

Эрнесто и Анита встречались под сенью большого дерева, росшего неподалеку от ручья. Днем и ночью радостно журчал он. В вечной верности друг другу поклялись здесь Анита и Эрнесто.

— Боюсь, что ты меня забудешь, — сказала как-то Анита. — Ты такой красивый, другие девушки так и льнут к тебе.

— Анита, — отвечал с улыбкой Эрнесто. — Если я забуду тебя и нашу клятву, я умру.

— И все же я боюсь, как бы ты не забыл меня, — не успокаивалась Анита.

— Возьми этот острый кинжал! — воскликнул юноша. — Если я нарушу клятву, убей меня!

Долго смотрела девушка на острый кинжал, держа его в руках. Затем печально сказала:

— Нет, этот кинжал не для тебя. Он убьет меня, если ты будешь счастлив с другой.

Но вот пришла пора расстаться влюбленным. Сердце каждого из них хранило клятву верности возлюбленному. Однако кто знает, как повернет судьба?

Услышала однажды Анита, что женился ее Эрнесто. Перехватило у нее дыхание, сдавило грудь. Видно, вправду суждено ей умереть из-за своего возлюбленного!

Плакала по ночам Анита, шепча имя любимого. В нежных лунных бликах видела она как наяву счастливое лицо Эрнесто и рядом с ним лицо незнакомки, сделавшей ее жизнь безрадостной.

Вспомнила тогда Анита о кинжале Эрнесто. Вспомнила она и то, как не раз говорила, что убьет себя, если ее возлюбленный женится на другой.

Вот наступила ночь. Анита тихонько вышла из дома, подошла к дереву, под сенью которого встречалась с Эрнесто. Светила луна. Кинжалом Анита вырезала на стволе дерева два слова: «Сумпа кита!» — «Проклинаю тебя!» — и вонзила его себе в сердце.

Так умерла Анита. Утром нашли ее бездыханной, и родители решили похоронить дочь здесь же: пусть могила Аниты станет для всех памятью несчастной любви.

А через несколько дней на могиле выросло растение с жемчужно-белыми цветками. Их нежный

аромат пленил людей. Но вот люди заметили на стволе дерева, росшего возле могилы, слова: «Сумпакита!»

Тогда и цветки эти стали называть похожим словом — «сампакита», или «сампагита»[\[32\]](#). Их и сейчас так называют.

Волшебный лумбо

Филиппинская сказка

Перевод В. Макаренко

давние времена была на свете Каменная страна, и вот наступили для жителей этой страны тяжелые времена — пропала вода, высохли колодцы, иссякли ключи, пересохли ручьи и реки. Где брать воду? Стали люди Каменной страны умирать от жажды.

Жила в этой стране одна женщина, и был у нее сын. Решился мальчик отправиться на поиски какого-нибудь ключа или источника, ведь мать у него совсем ослабла, с бамбуковой циновки подняться не может, да и соседям не худо бы помочь!

Взял мальчик лумбо, плошку из скорлупы кокосового ореха, и пошел в далекие края. Идет, идет, куда ни пойдет — нигде нет воды, везде страшное горе и умирающие люди.

Пошел он дальше. Дорога вела все выше, выше. Смотрит мальчик, он уж выше облаков поднялся. «Не на небо ли я попал? — удивился он. — Дал бы властитель неба моей маме хоть глоток воды...»

Только сказал, глядь, а у него под ногами вода журчит. Подставил мальчик лумбо, наполнил его доверху прохладной водой, сказал: «Спасибо» (а кому сказал, и сам не знает!) — и со всех ног пустился в обратный путь.

А тут навстречу старик шагает, старый, седой.

— Мальчик, дай мне воды, пить хочется... — просит.

Заколебался мальчик: ну как матери воды неостанет? Но, поразмыслив, напоил старика, а потом, не теряя времени, заспешил домой.

Бежит, бежит, да, на беду, споткнулся на тропинке, упал и выронил лумбо. Ударился лумбо о камень, разлетелся на мелкие кусочки, вода вылилась, и ее тут же впитала иссохшая земля. Вот горе так горе! Вспомнил мальчик про мать и заплакал от бессилия...

Что ж, видно, снова придется в заоблачные края возвращаться. Повернул мальчик в обратный путь, а тут вдруг земля у его ног разверзлась и оттуда ударил фонтан воды. Льет вода, льется, вот уж и озеро образовалось. Смотрит мальчик, удивляется, хочет от души поблагодарить того, кто ему так помогает, да ведь нет никого вокруг, стоит он один на тропе, неподалеку — озеро с чистой, прохладной водой.

Тут и лумбо исчез. Глядь, а осколки плошки звездочками на небе светятся. Вот так диво!

Стал мальчик кричать, людей созывать:

— Берите, люди, воду, пользуйтесь!

Набежал народ со всей округи, напились все и с собой унесли воды сколько смогли. А мальчик набрал воды и отправился домой.

Дома-то мать совсем бездыханная лежала, а как отведала воды, сыном добытой, тут же пробудилась

к жизни.

— Спасибо, сынок, — сказала она. — Будь всегда добр к людям.

С тех пор частенько вглядываются мать с сыном в ночное небо, все смотрят, где они — звездочки, образовавшиеся из их лумбо?

Как появились первые бабочки

Филиппинская сказка

Перевод В. Макаренко

А на берегу залива рос когда-то огромный сад. Таких удивительных и ароматных цветов не было нигде больше на земле.

Хозяйка этого диковинного сада славилась своей добротой и сердечностью, ее сад был открыт для всех, любой мог прийти сюда за цветами, женщина никому не отказывала. Одно только у нее было условие: цветы для гостей она рвет сама.

Жители окрестных деревень дружили с доброй старушкой и часто приносили ей кто рыбу, кто еще какую снедь, а она, в свою очередь, оделяла их прекрасными цветами.

Люди частенько приходили в этот сад по вечерам, они любовались цветами, наслаждались дивным ароматом, но, самое интересное, иногда в глубине сада им встречалась прекрасная незнакомка, которая сразу же исчезала, будто таяла в воздухе. Уж не волшебница ли это?

— Я думаю, это хозяйка сада. Она, конечно, волшебница, и сад у нее волшебный. Просто перед нами ей хочется выглядеть старушкой, а у себя в саду она принимает свой настоящий облик, — сказал один из сельчан.

— Пожалуй, ты прав. Поэтому-то цветы в саду такие необычные, — отозвался его приятель.

Однажды в деревне появились чужаки, это были молодые муж и жена. Все сразу обратили на них внимание, так красивы были эти молодые люди, такие роскошные одежды были на них. А сердцем пришельцы были недобры. Они держались очень заносчиво и твердили, что всегда имеют дело только с очень красивыми людьми в очень красивых одеждах. А обыкновенные деревенские жители не стоят их внимания!

Как-то раз забрели они в сад доброй старушки. Увидали ее прекрасные цветы, обрадовались и давай рвать! Рвут, рвут без усталости, остановиться не могут.

Увидела старушка охапки сорванных цветов и очень рассердилась, стала гнать незваных гостей из сада.

А высокомерные наглецы и не думают уходить. Все рвут и рвут чудесные цветы, на женщину и не взглянули.

Рассердилась старушка, вынула из кармана тоненькую бамбуковую палочку и коснулась легонько чванливых гордецов. И тут произошло чудо. Старушка-то, видно, и в самом деле была волшебницей. Заносчивые молодые люди на глазах становились все меньше и меньше.

— Отныне вы станете бабочками, — произнесла волшебница. — Больше всего на свете вы цените красивые одежды. Вот вам крылышки, они украсят вас. Вам нравятся мои цветы. Что ж, теперь вы станете порхать над ними, но никогда не сможете их рвать.

Так волшебница наказала молодых людей за то, что они были злые и чванливые.

Верный Хосе

Филиппинская сказка

Перевод В. Макаренко

или некогда на берегу озера Лагуна юноша и девушка. Девушку звали Хосефа, а юношу Хосе, и давно уже они приглянулись друг другу. Хосефа была так красива, что многие юноши пытались ухаживать за ней, многие хотели бы назвать ее своей женой, но она всем отказывала, потому что ей по сердцу был только Хосе. Однако решила Хосефа, перед тем как им пожениться, испытать суженого.

— Хосе, я хочу попросить тебя кое о чем.

— Только скажи, суженая моя, — отвечал юноша, — я сделаю для тебя все, что ты ни пожелаешь...

— Тогда слушай. Завтра поутру я пойду на озеро. Мне хотелось бы ступать не по грязи и лужам, а по вымощенной камнем дорожке. И пусть она не извивается змеей, а будет прямой как стрела... Если ты и в самом деле любишь меня, сделай такую дорожку за нынешнюю ночь.

Понял Хосе, что возлюбленная решила испытать его, и тотчас ответил:

— Я исполню твое желание. Будет тебе к утру каменная дорожка.

Быстро сгустились сумерки, наступила ночь, темная и непроглядная. Нахлынула ночная прохлада, заморосил дождь. Хосе упорно прокладывал дорожку, ровнял и утрамбовывал ее, укладывал камнями. Юноша насквозь промок, заоченел, но не бросал работы — ведь он пообещал Хосефе выполнить ее просьбу к утру.

Забрезжил рассвет, работы оставалось совсем чуть-чуть...

Ранним утром Хосефа вышла из дому. Гладкая, ровная дорожка тянулась от самого порога. Со спокойной улыбкой на лице девушка гордо шествовала к озеру. «Какой молодец этот Хосе!» — думала она...

Но вот тропинка кончилась, и тут Хосефа застыла от неожиданности: на земле ничком лежал Хосе, в руке у него был зажат последний камень из тех, какими он укладывал дорожку для своей возлюбленной. Он умер, но сдержал свое слово.

Индонезийские сказки

Кот и обезьянки

Индонезийская сказка

Перевод Л. Колосса

днажды шел по дороге кот и дурачил всех, кто попадался ему на глаза. Повстречались коту две обезьянки.

В это время обезьянки увидели осиное гнездо на ветке большого дерева. Они спросили кота:

— Слушай, кот, что это за штука висит на дереве?

Кот им ответил:

— О-о, это гонг моего дедушки.

— А громко он звучит? — спросили обезьянки.

— Конечно! — сказал кот. — Если по нему ударить, вся страна услышит его звук.

— Можно нам попробовать?

— О-о, нет, нельзя, а то мой дедушка рассердится, — ответил кот.

— Но ведь его здесь нет, — убеждали кота обезьянки.

— Правильно, дедушки нет. Но он поручил мне охранять гонг, чтобы к нему никто не прикасался.

— Ну разреши нам ударить по нему хоть разочек. Нам так хочется послушать, как он звучит.

— Нет, нет, нельзя, а то всполошится вся страна!

Но обезьянкам очень хотелось ударить в гонг. И они снова стали просить кота:

— Мы только разок ударим, разреши нам!

— Ну, раз уж вы так настаиваете, — согласился кот, — ладно, ударьте. Но сначала я уйду отсюда, а то дедушка на меня разгневается. Если он узнает, что я был здесь и не запретил вам прикасаться к гонгу, мне попадет за это.

— Хорошо, — обрадовались обезьянки, — убегай скорее, а мы ударим по этому гонгу.

— Эй, эй, эй! — крикнул, убегая, кот. — Подождите, пока я не уйду. Когда меня уж совсем не будет видно, можете ударить.

— Беги быстрее!

— Подождите еще! Не торопитесь! — кричал кот. — Меня еще видно...

— Быстрее! — кричали ему вслед обезьянки.

Когда кот скрылся из виду, обезьянки нашли палку и ударили ею по осиному гнезду, которое висело на ветке дерева.

Обозленные осы и в самом деле загудели, как большой гонг. Гнездо, заполненное осами, упало на землю. Обезьянки от удивления даже рты разинули. Но вот целый рой ос поднялся в воздух...

И... что это? Осы принялись яростно жалить обезьянок в головы, в уши, в спины, в шеи... Не помня себя от боли, обезьянки бросились бежать, но осы не отставали.

Увидев пруд, обезьянки нырнули в него с разбегу. Им пришлось долго сидеть под водой, пока осы не улетели. Как только затихло вдали гудение осиного роя, обезьянки вынырнули из воды.

Видят, сидит на берегу кот, тот самый, что одурачил их. А кот, поджидая обезьянок, прислонился к стволу маленького кустика, на котором рос красный перец: стручки перца уже созрели.

Подшли к коту обезьянки и спрашивают его:

— Слушай, кот, что ты здесь делаешь?

— Теперь я сторожу сад моего дедушки, чтобы никто не рвал фрукты.

— Что? Фрукты? А нам можно их попробовать?

— Можно, только я сначала уйду. Если мой дедушка узнает, что я разрешил вам это сделать, он разгневется на меня.

Подождали обезьянки, пока кот скрылся из виду, потом нарвали много-много стручков красного перца, набили ими себе полные рты и стали жевать...

И вдруг... словно пожар начался у них во рту! На глазах у обезьянок выступили слезы, губы распухли от красного перца!..

А кот был уже далеко...

Почему у медведя короткий хвост

Индонезийская сказка

Перевод В. Островского

ак-то раз сидел канчиль в своей норке и щелкал орешки. Вдруг видит, прямо к нему приближается тигр.

«Пропал я», — подумал малютка канчиль да так и затрясся от страха.

Что было делать? Хитрый зверек не растерялся. С треском раскусил он орешек, так что скорлупа захрустела у него на зубах, и воскликнул:

— До чего же вкусные глаза у этих тигров!

Услышал тигр такие слова, и стало ему страшно.

Попятился он назад, повернулся и пошел прочь. Идет он по лесу, а навстречу ему медведь. Тигр и спрашивает:

— Скажи-ка, дружище, ты не знаешь, что это за зверь сидит там в норе и за обе щеки уплетает глаза тигров?

— Не знаю, — отвечает медведь.

— Пойдем посмотрим, — говорит тигр.

А медведь ему в ответ:

— Я боюсь.

— Ничего, — говорит тигр, — давай свяжемся хвостами и пойдем вместе. Если что и случится, мы друг друга в беде не оставим.

Вот связались они хвостами и пошли к норке канчиля. Идут, храбрятся изо всех сил.

Как увидел их канчиль, так сразу и понял, что они не на шутку струсили. И закричал он тут громким голосом:

— Вы только поглядите на этого негодника тигра! Его отец должен был прислать мне белого медведя, а сынок волочет сюда черного. Ну и ну!

Медведь услышал эти слова и до смерти перепугался.

«Вот, оказывается, что, — подумал он, — тигр меня попросту обманул. Полосатый хочет расплатиться за долги своего отца и отдает меня на съедение страшному зверю».

Метнулся медведь в одну сторону, а тигр — в другую. Хвост у медведя и оторвался. С тех пор, говорят, у всех медведей хвосты куцые...

А умный канчиль радуется: ведь он спасся от тигра!

Канчиль стережет пояс пророка Сулеймана

Индонезийская сказка

Перевод В. Островского

Канчиль бродил по лесу, прячась в кустарнике, — боялся снова встретиться с тигром. То и дело озирался он по сторонам — так ему было страшно.

Через некоторое время вышел он на опушку леса, а там удав спит. Сперва канчиль перепугался, а потом подумал: «Сяду-ка я на этого удава. Пусть тигр приходит, я все равно его перехитрю».

И тут как раз показался тигр. Увидел он канчиля и очень обрадовался.

— Вот теперь-то я тебя съем! Ты зачем меня обманул? Ну погоди, теперь-то уж тебе никуда не удрать, пришел твой последний час!

Но канчиль, делая вид, что он ничуть не боится, промолвил:

— Послушай-ка, безумный тигр! Ты что, ослеп и ничего не видишь? Убирайся-ка отсюда подбру-поздорову! Тебе здесь не место! Разве ты не знаешь, что мне велено стеречь пояс пророка Сулеймана?[\[33\]](#) Если ты осмелишься подойти ближе, тебя погубит волшебная сила этого пояса из змеиной кожи. И не смей так громко разговаривать, а не то пробудишь колдовские чары, и тогда тебе худо придется.

Перепугался тигр, услышав эти слова. От гнева его не осталось и следа.

— Ах, канчиль, — проговорил он смиренно, — как мне нравится этот пояс! До чего ж на нем красивые узоры, весь он блестит и переливается, словно шелковый. Можно надеть его на минутку? Очень уж мне хочется поносить хоть немного пояс пророка Сулеймана.

Канчиль и говорит:

— Я уже предупредил тебя, что будет, если ты только приблизишься к поясу. Нельзя тиграм прикасаться к тому, что принадлежит пророку!

А тигр в ответ:

— Да ничего не случится, канчиль, ты только разреши!

Тогда канчиль сказал:

— Ты, тигр, совсем удержи не знаешь. Не хочешь внять моему совету — пеняй на себя. Только я должен сначала убраться отсюда подальше — вот тогда и надевай пояс. Но смотри, будь осторожен!

Подождал тигр к поясу, и стало ему не по себе — очень уж был этот пояс похож на змею, свернувшуюся кольцами. Набрался он храбрости, раскрутил пояс и стал наматывать его на свой живот. Тут удав проснулся и сдавил брюхо тигра. Перепугался полосатый, завыл и начал изо всех сил вырываться — ему было очень больно.

Волоча за собой змею, он бросился на вершину холма, скатился оттуда вниз и, наконец, вырвался из

объятий удава.

Отдышался он и снова принялся выслеживать канчиля, который обманул его два раза подряд.

Полтора ста крокодилов хотят сожрать канчиля

Индонезийская сказка

Перевод В. Островского

днажды канчиля прилег отдохнуть на высоком холме, неподалеку от большой реки. Только он заснул, начался сильный ливень.

Дождь лил не переставая, словно с неба хлынули водопады. Река разлилась, и овраги вокруг холма сразу же затопило. Завертелись страшные водовороты. Вода поднималась все выше и выше, и шум ее напоминал рев урагана. Вскоре она подступила к тому месту, где спал канчиля. Проснувшись и увидев, как разлилась река, зверек очень испугался. Прыгнуть было некуда: кругом бурлила вода. Вскарabкаться на дерево он тоже не мог. Оставалось только надеяться, что вода скоро спадет и не успеет его смыть. Пуститься вплавь канчиля и вовсе не решался, так как боялся угодить в пасть крокодилу. Стоял он, трясясь от страха, и тут над водой неожиданно показались крокодильи головы.

— Ага! — воскликнул самый старый крокодил. — Наконец-то мы с тобой повстречались, канчиля! А ну-ка иди сюда, да побыстрее! Теперь тебе уже никуда не скрыться! А может, спрячешься у меня в брюхе? Сейчас я тебя прикончу и угощу твоим мясом всех друзей. Мы съедим тебя до последней косточки! Должно быть, у тебя очень вкусное мясо — жирное и мягкое. Может быть, оно так же полезно, как хорошее лекарство.

Подумал канчиля, что от смерти ему уже не уйти. Но он все-таки не терял надежды и, обратившись к крокодилу, воскликнул:

— Кто раскрыл тебе тайну? Откуда ты узнал, что из моего мяса можно сделать лекарство? Я так мал, что сыты мною вы все равно не будете. Но если вы хотите приготовить из меня лекарство, это совсем другое дело. В таком случае можете есть меня все вместе, если только вас здесь не меньше, чем нужно.

— Нас здесь восемьдесят, — сказал крокодил.

— Если только восемьдесят, у вас наверняка заболят животы. Не верите? Можете хоть сейчас разорвать меня на кусочки и съесть. Но вот если за меня примутся сразу полтора ста крокодилов, то лекарство пойдет на пользу, и все вы будете долго жить и здравствовать.

— А ты правду говоришь, канчиля?

— Конечно, правду! — воскликнул канчиля.

— Перед смертью всегда слишком много болтают! — проворчал крокодил. — Хоть одним канчилям сыт не будешь, все же я тебя съем.

Подскочил к нему канчиля и говорит:

— Пожалуйста, рви меня на части! Я даю хороший совет, а вы меня не слушаете. Мне ведь все равно, сколько крокодилов меня съедят! Но я хочу, чтобы звери были благодарны мне после моей смерти, чтобы мое доброе имя прославилось на весь мир... А впрочем, если хорошенько подумать, то, пожалуй, можете и

не слушаться моего совета. Ведь если меня сожрут восемьдесят крокодилов, все они околеют. То-то будут радоваться мирные зверюшки, которые живут на берегу реки и никого не трогают! Ох, и зачем я только проболтался? Теперь уж слова обратно не возьмешь. Подвел меня мой болтливый язык! Такую тайну выдал!

— Я теперь вижу, что ты говоришь правду, — сказал старый крокодил. — Что ж, велю сейчас пятидесяти крокодилам позвать сюда еще семьдесят, чтобы всего нас было сто пятьдесят. А тридцать крокодилов останутся сторожить тебя, пока другие разойдутся в разные стороны. Вскоре все будут здесь!

Пятьдесят крокодилов разошлись по сторонам: кто вылез на берег, кто нырнул в воду. Очень скоро все вернулись обратно, а с ними еще семьдесят. Теперь их было сто пятьдесят. Овраг так и кишел крокодилами, и все они страшно разевали пасти.

— Ну, чего ты еще хочешь, канчиль? — спросил крокодил. — Нас тут уже собралось полтора ста.

— Если вас и в самом деле полтора ста, ни больше и ни меньше, можете меня есть! Но уверены ли вы в этом?

— Ни больше и ни меньше, точь-в-точь полтора ста, я только что пересчитал.

— Ну, ваше счастье, если ты сосчитал правильно! Но если ты ошибся, это для всех вас кончится плохо.

— Да лучше ты сам пересчитай, чтобы не было ошибки.

— А я полагаюсь на вас! Раз ты говоришь, что здесь сто пятьдесят крокодилов, ни больше и ни меньше, то, пожалуйста, рвите меня на части!

— Нет, нет, я боюсь, лучше ты пересчитай нас!

— Что ж, я готов, но только расположитесь так, чтобы я вас хорошо видел. Ложитесь все рядом, бок о бок, от холма вон до того берега.

Улеглись крокодилы в ряд, друг к другу боками прижались.

— Считай быстро, да смотри не ошибайся, — сказал крокодил.

— Разреши мне наступать ногами на спины твоих друзей, — попросил канчиль. — Пусть только они не сочтут меня неучтивым.

— Ничего, ничего, ведь это для пользы дела!

Стал канчиль со спины на спину перепрыгивать, крокодилов считать:

— Раз, два, три, четыре... восемь... десять... двадцать... двадцать четыре... пятьдесят... шестьдесят... девяносто... сто... сто двадцать... сто пятьдесят! — Тут он прыгнул на берег и со всех ног бросился удирать.

— Подожди минуточку, канчиль, я хочу кое о чем спросить тебя! — закричал старый крокодил.

— О чем же это?

— Да вот насчет того, что ты говорил!

— Мясом моим хочешь полакомиться? И не надейся! Возвращайся туда, откуда ты пришел, подлый крокодилище! Желаю тебе и твоим друзьям, чтобы охотники прострелили вам головы! А теперь я помчусь во весь дух.

Пустился канчиль бежать и скоро добрался до пригорка, поросшего тростником. Тут канчиль остановился, чтобы передохнуть. Вдруг тростник зашевелился, словно от ветра, и канчиль увидел, что к нему приближается крокодил. Отскочил он как ужаленный и воскликнул:

— Ах ты, подлый крокодил! Ишь чего задумал — исподтишка нападать! Хорошо, что я вовремя тебя

заметил!

Пустился канчиль наутек и добежал без передышки до небольшого озера. Его мучила жажда, и он решил напиться. Не успел он наклониться к воде, как увидел там что-то продолговатое, вроде плетеной корзинки. Канчилю стало не по себе, но он все же не растерялся и сказал:

— Послушай-ка, если ты крокодилья голова, то не шевелись, а если ты кусок дерева, то подплыви ко мне.

Это был, конечно, крокодил, и он тотчас же поплыл к берегу, чтобы канчиль принял его за кусок дерева!

Канчиль бросился бежать со всех ног.

— Ну и глуп же крокодил, не понимает, когда над ним издеваются! — сказал канчиль, углубившись в лесную чащу. — Раз уж он так придурковат, никогда ему не удастся провести меня. А я буду измываться над ним как захочу.

Канчиль очень устал и остановился под большим, развесистым деревом, где было тихо и прохладно. Тут он прилег отдохнуть — бояться ему больше было некого.

Вьетнамские сказки

Отчего у ворона оперение черное,

а у павлина пестрое и красивое

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

Огда-то, в давние времена, ворон и павлин водили между собой дружбу. Почему? Да потому что и ворон, и павлин были под стать один другому. Посмотришь, перья у них серые, пятнистые, будто кто в грязи вывалял. Да, это не то, что теперь: ворон черный-пречерный, а павлин разрисованный, как картинка. Ворон и павлин в те времена знали, что оба они неказистые, и никому дружбу свою не предлагали. Да и ворону павлин казался некрасивым, безобразнее не выдумаешь: головка малюсенькая, а туловище огромное. Торчит головка на длинной изогнутой шее, взглянешь раз и больше глядеть не захочешь.

Как-то раз говорит ворон павлину:

— Карр! Знаю я дом, где живет рисовальщик. Краски у него — всех цветов. Давай украдем их и распишем друг другу оперение! Такими сразу красавцами станем!

Слушает павлин и головой кивает. В тот же день пошли обе птицы к дому рисовальщика. Смотрят, сам рисовальщик после обеда почивает, а краски его и кисти там и сям разбросаны — он вазы расписывал, но не успел до обеда дело закончить.

Схватили птицы в клюв кисть да какую-то краску. Только много ли в клюве унесешь? Вернулись еще раз, опять по одной краске в клюве унесли. Как вернулись в третий раз, глядят, проснулся рисовальщик. Пришлось птицам убираться ни с чем. Дома они разглядели украденное добро: кисть, черную тушь, зеленую краску и золотистую краску.

— Карр! Ладно! — сказал ворон. — Хватит и этого. Давай возьмемся за дело.

Велел ворон павлину лечь на землю, а сам за работу принялся. Ворон был на все руки мастер: шею и туловище павлина он расписал зеленой краской, голову подкрасил золотистой. Потом принялся хвост разрисовывать.

— Карр! Раскрой, братец, свой хвост веером, — сказал ворон павлину. — Хочу я тебе все свое искусство показать.

Стал ворон на каждом перышке рисовать кружочек да обводить черной тушью и золотистой краской. Посмотришь на такую работу, залюбуешься!

Ворон был доволен: славно потрудился.

— Карр! Становись теперь, братец, на солнышко, — сказал он, — да просохни как следует.

Когда павлин просох, настало время ему приниматься за дело. А был он неумейка и лентяй, к тому же зеленая и золотистая краска кончилась, вся ушла на оперение павлина. Осталась только тушь.

Стоит павлин и не знает, как ему ворона разрисовать. А тут вдруг прилетает горный ворон, двоюродный братец нашему ворону. В те давние времена горный ворон был белый, будто известь. Не успел он на землю опуститься, как поднял крик:

— Карр! Карр! Братец ворон! Ты что это там делаешь? Скорей на восток! Лети на восток!

— Зачем? Что это ты переполошился? — спрашивает ворон двоюродного брата.

— Карр! Карр! Летим на восток, летим скорей! Ждет нас добыча! Богатая добыча!

Услышал ворон про добычу, востроился, засуетился, глаза от жадности загорелись.

— Подожди немного, братец! — кричит. — Я сейчас! Вот только меня малость разрисуют, и полетим вместе.

— Некогда ждать! — отвечает горный ворон. — Нам надо до ночи к месту долететь!

— Коли так, — обратился ворон к павлину, — поспеши, братец, покрась меня как придется!

Тут горный ворон взглянул на павлина попристальней:

— Карр! Братец ворон, а вы с павлином, оказывается, искусные рисовальщики. Сделайте милость, распишите и меня. Я тоже хочу стать красавцем!

— Ладно. Разделим оставшуюся тушь по-братски: тебе половину и мне половину.

Схватил павлин тушь, рад, что ворон спешит и стараться совсем не надо, да и облил ворона с головы до ног. И еще взял кисть, покрыл тушью даже клюв и лапы ворона. Стал ворон черным-пречерным, совсем как обгорелая головешка.

Теперь пришла очередь расписывать оперение горного ворона. Павлин и его окатил тушью с головы до ног. Но горный ворон успел шею втянуть, потому стал он весь черный, только вокруг шеи белый воротничок.

Посмотрел ворон, во что павлин превратил оперение горного ворона, и только каркнул с досады: мол, какому неумейке я такое важное дело доверил. Но что толку: исправить ничего уже было нельзя. Ворон и его братец изругали павлина, на том и разошлись. Кончилась дружба ворона с павлином.

С тех пор павлин щеголяет в красивом наряде. Ты, наверное, видел: ходит он плавно, да еще приговаривает:

— Павлин хорош! Павлин прекрасен!

А семейство воронов ходит всегда в черном, только у горного ворона белеет на шее воротничок. Вороны стыдятся своего черного платья и время от времени каркают:

— Карр! Сквер-рно! Карр! Сквер-рно! Прислушайся-ка, наверняка услышишь, как жалуется ворон на свою судьбу.

Кузнечик под судом

Вьетнамская сказка

Перевод И. Глебовой

днажды собирал кузнечик корм да так увлекся, что заблудился, не знает, как ему до дому добраться. Спустилась ночь, похолодало, ветер подул, ливень хлынул. Стала кузнечика дрожь пробирать, промок совсем, бедняга. Вздумал было он попроситься к кому-нибудь на ночлег, да кругом темно — в двух шагах ничего не видно. Решил кузнечик ползти вперед. «Может, — думает, — попадетсЯ мне какое-нибудь сухое место». Добрался так до большого дерева и стал взбираться вверх. Взбирался, пока не уперся в птичье гнездо — это был домик пеночки. Сунул кузнечик голову в гнездо — там тепло, уютно. Но вдруг он слышит чей-то голос:

— Кто там лезет ко мне в дом? На дворе темная ночь, а тут гость появился! Смотрите, почтенный, не раздавите моих птенчиков!

Понял кузнечик, что это хозяйка гнезда говорит, и отвечает ей:

— Это я, кузнечик. На дворе ночь, холодно. Пустите меня, пожалуйста, обогреться, переночевать. А утром я уйду.

— Пустила бы я вас, — говорит пеночка. — Да вот беда: домик мой тесный и ветхий, того гляди, развалится. Не могу я вас приютить, еще к кому-нибудь переночевать попроситесь.

Но кузнечик все упрашивал, все не унимался:

— От холода и дождя я совсем продрог. Идти дальше нет моих сил. Позвольте мне только к стеночке прислониться!

Пожалела пеночка продрогшего и промокшего кузнечика.

— Ладно уж, — говорит, — прислонитесь к стеночке, только колени уберите. И не вздумайте ногами сучить, а то моих птенчиков потревожите.

Прижал кузнечик обе ноги к животу, прислонился к стеночке, примостился возле птенчиков и затих. Заснули все: и хозяйка гнезда, и птенчики, и кузнечик.

Спят они сладко-сладко, вдруг внизу лань голос подала, да так громко — кузнечик и проснулся. Забыл он спросонья про слова пеночки, плечики расправил, потянулся, ноги длиннющие вытянул, засучил ими. Тут-то домишко пеночки, всеми ветрами исхлестанный, давно прохудившийся, на ветвях старого дерева едва державшийся, весь содрогнулся. Пеночка с птенчиками проснулись и разом закричали:

— Ой-ой! Домик развалится! Домик вниз сорвется!

Кричали они не зря. Едва кузнечик вытянул ноги да засучил ими, все птенчики откатились в угол, гнездышко совсем накренилось, того и гляди, с ветки вниз упадет. А один птенчик не удержался в гнезде и свалился прямо в ручей, что под деревом протекал. Полетела пеночка птенчика спасать, да куда там!

Унесли бедняжку быстрые воды.

Рассердилась пеночка, опечалилась и наутро пошла к судье с жалобой на кузнечика. Пришла и все по порядку судье рассказала. Выслушал он пеночку, пошел к дереву, где ее домишко стоит, потом велел привести кузнечика и спрашивает:

— Как это ты посмел в чужой дом прийти незванным да еще такое в нем бесчинство учинить?

Кузнечик сложил лапки, поклонился и сказал:

— Очень, очень сожалею, что все так получилось. Но, право же, почтенный судья, действовал я без всякого злого умысла. Я не какая-нибудь неблагодарная тварь. Поймите, господин судья, как было дело. Сплю я сладким сном, вдруг слышу, внизу под деревом лань голос подает, да так громко! Я и вздрогнул, проснулся, спросонья плечики расправил, потянулся, ноги вытянул по привычке, засучил ими. Право же, если бы лань не закричала, ничего бы плохого не случилось.

Видит судья, что кузнечик парень честный, не злоумышленник, даже пожалел беднягу. Повелел тогда судья призвать к ответу лань. Прибежала лань, судья рассказал ей все, как было, а потом и говорит:

— Вижу я, что несчастный птенчик погиб и домик пеночки чуть не опрокинулся по твоей вине. Это ты ни с того ни с сего посреди темной ночи закричала.

Лань испугалась и отвечает:

— Не виновата я ни в чем, почтенный судья. Дело было так: стояла я под тем деревом, глаза закрыла, совсем уж задремала, вдруг сверху, с дерева, падает на меня увесистый плод. Проснулась я да и закричала спросонья. Потому, господин судья, виноват во всем плод того дерева.

Выслушал судья лань, решил, что в словах ее есть резон. Подошел он к дереву и спросил:

— Как это ты посмело уронить свой плод прямо на лань? Лань вздрогнула, спросонья громко закричала, в гнездышке проснулся кузнечик и натворил бед. Думаю я, что во всем виновато ты.

— Почтенный судья, — вежливо отвечало дерево, — мне совсем не хотелось, чтобы мой плод сорвался с ветки. Но в него забрался червь, подточил его. Поэтому плод и упал.

Позвали к судье червя. Говорит судья:

— Знаешь ли ты, что большая на тебе вина? Если бы ты не подточил плод вот этого дерева, плод бы не сорвался вниз и не натворил великих бед.

Но червь на эти слова отвечал:

— Почтенный судья, я всю жизнь тихо жил себе да поживал вон в тех сухих листьях, в кустарнике. Там было много-много вкусного корма для меня. Но несколько дней тому назад откуда-то явилась курица, стала везде рыскать и нас, червей, поедать. От этой ужасной беды мы разбежались кто куда. Мне еще повезло, я спасся от страшного чудовища, этой курицы, на дереве. Сижу я там, брюхо подводит, взял да погрыз чуть-чуть зеленый плод, чтобы не помереть с голода. А уж если плод потом сорвался и упал прямо на лань, то я в этом никак не виноват. Призвать надо к ответу то самое страшное чудовище — курицу!

Пришла очередь курице держать ответ перед судьей.

— Почтенный судья, — молвила она, — мои родные края совсем неподалеку, за рекой. Вместе с цыплятками гуляю я в округе да корм добываю. А корму становится все меньше. Спасибо сестрице утке: как-то раз она меня переправила с того берега реки на этот, я наконец-то досыта разного корма наклевалась.

Услышал это судья, грозно сверкнул глазами:

— Как ты посмела в чужие места забираться, корм искать? Ты повинна во всех страшных бедах несчастной пеночки!

И велел судья посадить курицу в темницу. Услышали об этом ее цыплята — четыре курочки и петушок, — очень о своей матушке сокрушались. Прибежали курочки к тетушке утке, просят ее на ту сторону их переправить — хотят они свою матушку навестить. Курочки червячков наловили, матушке отнесли, а потом к судье пошли — просить, чтобы отпустил он ни в чем не повинную наседку. Да только судья их не послушал. С тем они и возвратились.

На следующий день проведать матушку пошел петушок. Рассказала ему наседка, как было дело. Предстал петушок перед грозным судьей и говорит:

— Почтенный судья, матушка моя безвинно в темнице страдает. Право же, за ней никакой вины нет.

Грозный судья нахмурил брови и сказал:

— Как это нет никакой вины? Подумай-ка сам: если бы наседка разгуливала себе на том берегу, корм там искала, то зачем было бы червю спасаться от нее на дереве? Не стал бы тогда червь с голоду грызть зеленый плод и не свалился бы этот плод на лань. Лань не закричала бы, кузнечик не вздрогнул бы спросонья и не стал бы ногами сучить, гнездышко пеночки не накренилось бы и птенчик не вывалился бы из гнезда. Вот видишь, кто главный виновник всех бед? А ты еще смеешь говорить, что наседка ни в чем не виновата.

Смелый петушок вежливо возразил:

— Конечно, не виновата, почтенный судья. Ведь курице, чтобы цыплят прокормить, приходится всюду корм разыскивать. Ей, бедняжке, так трудно приходится! Это жизнь ее заставила через реку переправиться за кормом. Ни в чем наседка не виновата!

Подумал судья: и впрямь зря он курицу в темнице держит. И решил отпустить ее.

А смелого и разумного петушка все люди очень хвалили. С тех пор они к судье нередко с петухом под мышкой ходят — вдруг петушок поможет! А наседку часто сажают утят высиживать: курица это делает для того, чтобы отблагодарить сестрицу утку, которая наседку и цыплят через реку перевозила.

Две цапли и черепаха

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена жила в пруду с лотосами черепаха. И вот как-то разразилась жестокая засуха. Пруд высох, остались от него только несколько грязных лужиц. Прилетели однажды к пруду две белые цапли-хохлатки, побродили по лужицам, склевали двух-трех креветок, вдруг видят, навстречу им ползет черепаха.

Испугалась она, что белые цапли склюют весь ее корм, и из своей норки вылезла.

— Кто это здесь хозяйничает? — закричала черепаха издали. — Убирайтесь-ка подобру-поздорову! А не то я вас ощипаю!

Белые цапли, конечно, такой встрече не рады, но ссориться с черепахой им не хотелось. Они приняли радушный вид и заговорили:

— А, это ты, сестрица черепаха? Здесь твои владения? Мы прилетели совсем не для того, чтобы склевать твой корм. Хотим мы с тобой подружиться и помочь тебе в нынешнюю трудную пору.

На это черепаха белым цаплям отвечала совсем невежливо:

— Будет вам зубы заговаривать! Не нужна мне ваша дружба. Я с малых лет живу одна в этом лotosовом пруду, и никто мне не нужен.

— Да, но ведь мы, сестрица черепаха, прилетели, чтобы сообщить скверную весть: скоро этот пруд высохнет совсем, и тебе нечем станет кормиться, — сказали белые цапли.

Услышала это черепаха, еще пуще обозлилась:

— Не будет корма — не надо! А вам-то что? Зачем суете нос не в свое дело?

— Сестрица черепаха, не сердись, не горячись. Мы ведь прилетели сюда издалека, видели много разных стран, видели много прудов с вкусным кормом. Не собираемся мы оставаться на этом пруду. Прилетели мы познакомиться с тобой да подумать, как тебе жить дальше. Засуха может затянуться, и здесь ты не прокормишься. Скоро в этом пруду ничего съедобного не останется.

Слушала черепаха и больше уже не сердилась.

— Скажите, что же мне делать, как же быть? — заволновалась она.

— Все очень просто, — ответили белые цапли. — Надо тебе, сестрица черепаха, переселиться в соседний пруд, воды в нем полно, кругом деревья растут, травка зеленеет, корму в изобилии. Что еще тебе надо?

— Да, но я ведь не умею летать. Как же мне до него добраться? — растерялась черепаха.

— Ну, это-то уж совсем пустяки, — заговорили цапли. — Ты раскроешь рот и крепко вцепишься в

палку. Мы ее с двух сторон подхватим клювами и полетим. Эдак мы тебя, сестрица черепаха, не только до ближнего пруда — на самый край света доставить можем. Но только не забывай: в пути тебе никак нельзя разговаривать. Не раскрывай рта, даже если увидишь что-то удивительное, или тебя кто-то окликнет, или станет над тобой насмехаться. Никому не отвечай. Раскроешь рот — упадешь вниз и разобьешься.

Решилась черепаха отправиться в путешествие. Уцепилась за палку, цапли подхватили палку с двух концов, замахали крыльями и взмыли в небо.

Летят цапли, летят. Пролетали они над придорожной харчевней, там народ собрался, чтобы воды попить или кокосового молока — одним словом, жажду утолить. Увидели люди черепаху и двух цапель, изумились. Закричали громко-громко:

— Смотрите, смотрите! Цапли ком грязи куда-то несут!

Страсть как обозлилась черепаха, захотелось ей всех обругать. Но вспомнила она, о чем ее цапли предупреждали, и промолчала, не стала рот разевать.

Полетели дальше. Взглянула черепаха вниз, там рынок, народ толпится. Вдруг кто-то как закричит громко-громко:

— Смотрите! Смотрите! Цапли дохлую собаку несут!

На этот раз черепаха так рассердилась, что не выдержала — сейчас обругает как следует невежу! Да только она рот раскрыла, как грохнулась наземь и разбилась.

Прохожий на рынок шел, подобрал ее и сварил вкусный черепаховый суп.

А цапли, когда черепаха упала, сказали:

— Вот бедняжка! И все это случилось потому, что сестрица черепаха нас не послушалась, не смолчала. До чего сварливость доводит!

Черепаша и обезьяна

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

авным-давно это было. Тогда дядюшка черепаха и дядюшка обезьяна в одном селении жили, из одного ручья воду брали и крепко между собой дружили. Дядюшка черепаха жил на восточной стороне, а дядюшка обезьяна на западной. Имя старшего сына черепахи было Ной, а потому в селении черепаху звали Ама Ной — батюшка Ноя. Имя старшего сына обезьяны было Ненг, и поэтому обезьяну звали Ама Ненг — батюшка Ненга. Дядюшка черепаха по характеру медлителен, но зато расчетлив, рассудителен и умен. Дядюшка обезьяна суетлив, проворен, а еще болтлив, жаден и глуп.

Вот однажды обезьяна говорит черепахе:

— Знаешь что, Ама Ной, пойдем-ка к ручью, сделаем там с двух сторон запруду, вычерпаем воду, русло обмелеет, тогда мы наловим много-много рыбы. Я знаю одно очень рыбное место.

— Дружище Ама Ненг, взгляни-ка, лапы-то у меня совсем короткие, — отвечает дядюшка черепаха. — Как я стану ими воду вычерпывать да рыбу загребать? Где уж мне за тобой угнаться!

Дядюшка обезьяна подпрыгнул от нетерпения.

— Ну вот, нашел о чем беспокоиться! — быстро затараторил он. — Посмотри-ка на мои лапы, они длинные да крепкие. Сколько мы с тобой ни наловим рыбы, все пополам разделим. Это я тебе обещаю!

Но дядюшка черепаха все медлил, все не решался, что-то взвешивал в уме, в чем-то сомневался.

— Дружище Ама Ненг, в таком деле я тебе плохой помощник: строить запруду, вычерпывать воду, рыбу вылавливать ой как тяжело. Ты будешь работать, я посиживать на бережку, а улов — пополам? Разве это справедливо?

Но дядюшке обезьяне страсть как хотелось выглядеть добрым и щедрым.

— Ну какие могут быть счеты между друзьями! — воскликнул он. — Мало поймает рыбы — пополам разделим. Много — тоже пополам. Идет? Вдвоем-то с приятелем куда веселее!

Послушал дядюшка черепаха сладкие речи обезьяны и согласился. Приготовил он большую корзину, мотыгу, нож и собрался идти к ручью.

Наутро дядюшка черепаха отправился с обезьяной к ручью, а с ними пошел Ненг — старший сын обезьяны. Облюбовали место, где плескалось много рыбы, и принялись за работу: обезьяна с сыном накопили земли, устроили запруду и начали воду черпать да подальше ее выплескивать. На закате воды в запруде осталось ниже колена, а разной рыбы, крабов, креветок плескалось там полным-полно. Обезьяна со своим сыночком давай эту рыбу, этих крабов и креветок лапами хватать да в корзину бросать. В мгновение ока корзина доверху наполнилась. Дядюшка черепаха смотрит с берега, не нарадуется.

— Славный сегодня улов, дружище Ама Ненг!

Но дядюшка обезьяна его вроде бы и не слышит. Знай хватает рыбу да в корзины отправляет. Тут дядюшка черепаха засомневался в щедрости обезьяны и думает: «Видно, не даст мне обезьяна рыбы». А громко спрашивает:

— Дружище Ама Ненг! От этого улова мне хоть что-нибудь достанется?

Молчит обезьяна, ничего не отвечает. Дядюшка черепаха тогда свою корзину взял, машет ею и жалобно так просит:

— Дружище Ама Ненг! Мне ведь много не надо... Кинь, пожалуйста, хоть несколько рыбин. Знаешь, как моя жена и дети будут радоваться! Лапы у меня короткие, не могу ими рыбу поймать...

Но жадность дядюшку обезьяну совсем ослепила. В ответ он стал браниться:

— У тебя лапы ничем не хуже моих! Вздумал ты, Ама Ной, меня разжалобить: лапы, мол, короткие... А ты ими поработай! Ничего тебе не дам! Не жди! Весь улов себе оставлю!

Ама Ной и сердится, и стыдно ему, пытается он урезонить дядюшку обезьяну:

— Зачем, дружище Ама Ненг, позвал ты меня с собой? Ведь ты обещал мне долю от улова выделить. Нельзя так быстро свои обещания забывать! Не годится это. Если бы я знал такое наперед, ни за что бы с тобой к ручью не пошел!

Схватил дядюшка черепаха пустую корзину, нож, мотыгу и пополз обратно к дому. А дядюшка обезьяна, вместо того чтобы друга воротить, еще кричит вдогонку:

— Ну и ступай себе, нечего тебе здесь делать!

Ползет дядюшка черепаха домой, про улов думает, на обезьяну сердится, да вдруг остановился. Назад повернул и незаметно подполз к тому месту, где дядюшка обезьяна с сыном рыбу ловили. Изменил дядюшка черепаха голос и грозно зарычал:

— Бух-ба-бах! Бух-ба-бах! Сейчас побью Ама Ненга!

Услышал маленький Ненг странный голос — он вроде как из вод ручья поднимался — и перепугался.

— Батюшка! Что за голос из воды раздается? — заверещал малыш. — Ой как страшно!

Прислушался Ама Ненг и тоже слышит — рычит кто-то прямо из воды:

— Бух-ба-бах! Бух-ба-бах! Сейчас побью Ама Ненга!

Выпрыгнул маленький Ненг на берег, запричитал:

— Батюшка! Не иначе как водяной объявился! Побьет он нас! Больно поколотит!

Ама Ненг тоже выскочил на берег и бросился наутек, только пятки засверкали. Оставил он у ручья и улов, и нож, и мотыгу. Бежит дядюшка обезьяна и сыночку кричит:

— Сынок, я вперед побегу! Если тебя поймают да побьют, ты отлежишься и ничего, опять играть пойдешь. А если меня поймают да побьют, будет мне больно, буду я лежать да стонать.

Маленький Ненг по тропинке вслед за отцом бежит, вдруг торк ногой о корневище и во весь рост растянулся, от страха заверещал, разрыдался, расплакался.

Уже возле самого селения Ама Ненг шаги замедлил, подумал, что изругает его жена: мол, сына бросил, сам вперед убежал свою шкуру спасать... Тут как раз маленький Ненг подбегает, весь запыхался — нагнал наконец батюшку. Дядюшка обезьяна сыночка по голове погладил и говорит:

— Если матушка спросит, не говори, что я тебя оставил, а сам вперед побежал! А скажешь — побью!

Маленькому Ненгу ничего не оставалось, как ответить: «Ладно». Но в душе он был очень сердит на отца.

Пришли они домой, видит матушка обезьяна, что у сыночка глаза заплаканы, — что такое? Говорит сыночек:

— Испугался я, что водяной меня побьет!

Стала матушка обезьяна все по порядку выспрашивать, маленький Ненг ничего не утаил:

— Ловим мы с батюшкой рыбу, лапами ее хватаем да в корзины бросаем, вдруг водяной из воды как закричит! Мол, убирайтесь, а то побью Ама Ненга. Перепугались мы ужас как!

— Ну, а батюшка?

— Он бежать кинулся. Корзины с рыбой, нож, мотыгу — все оставил! Меня бросил, вот как напугался!

Нахмурилась матушка обезьяна, на мужа напустилась:

— Как же ты мог малыша бросить? Сам убежал, а его оставил! Такой трус недостоин отцом называться. Не стану я больше тебе рубахи шить, не буду набедренные повязки вышивать, рис варить не буду!

Слушает дядюшка обезьяна попреки жены, на душе у него прескверно. Вспомнил про оставленный у ручья улов, про нож да мотыгу, жалко ему стало своего добра. Стоит Ама Ненг, вот-вот разрыдается, молчит, отвернулся, жене в глаза посмотреть не смеет.

А дядюшка черепаха тем временем взял корзины с рыбой, которые Ама Ненг побросал, принес домой. Закатили в доме у черепахи славный пир, все наелись рыбы до отвала. А оставшуюся стали над очагом вялить, впрок заготовливать.

Глядят, идет к ним Ама Ненг, сам не свой. Осмотрелся — в доме у черепахи рыбы полным-полно.

— Откуда у тебя столько рыбы, дружище Ама Ной, где это ты наловил? — удивляется дядюшка обезьяна.

— Как мы расстались, пошел я вдоль ручья. Смотрю, в одном месте рыба бьется, из воды выскакивает. Ну, я, конечно, изловил с десятков рыбин, жену да детишек угостил.

Сидит дядюшка обезьяна, вкусный рыбный запах вдыхает, облизывается, слюнки глотает и рассказывает про то, каких страхов натерпелся, когда дядюшка черепаха от ручья в обратный путь пустился, про водяного, который побить грозился! Дядюшка черепаха удивлялся, сочувственно кивал и приговаривал с усмешкой:

— Ой-ой-ой! Как же мне повезло, дружище Ама Ненг, как повезло! Ведь если бы не возвратился я раньше от ручья, ты и меня бы бросил в беде. Ведь бросил бы? Да?

У дядюшки обезьяны-то большого ума нет, он и отвечает:

— Правду ты говоришь, дружище Ама Ной. Если уж я сыночка своего кинул, то тебя, друг, и подавно! Но тебе повезло: не слышал ты, как водяной рычал!

Дядюшка черепаха про себя посмеялся, но из улова выбрал несколько крупных, хороших рыбин и дал дядюшке обезьяне, чтоб было чем бедняге угостить жену и ребятишек.

Принялась обезьянья семья за рыбу, а маленький Ненг и говорит:

— Сколько мы у ручья провозились — с утра до вечера! А рыбу едим ту, что дядюшка черепаха дал нам. Вот как получилось, батюшка. Право же, совестно!

Дядюшка обезьяна покраснел и отвечает:

— Сиди себе, ешь да помалкивай! Очень уж разговорился!

Наступила пора, когда в лесу на деревьях созрело много разных плодов. К тому времени история с рыбной ловлей уж почти забылась. Стало обезьянье семейство Ама Ненга донимать: мол, ступай в лес подальше да собери плодов покрупнее и повкуснее. Но идти одному в лес дядюшке обезьяне боязно. Пошел он к дядюшке черепахе и начал его уговаривать:

— Дружище Ама Ной, пойдем в лес, заберемся подальше. Знаешь, сколько там вкусных плодов на деревьях!

Идти далеко дядюшке черепахе не хотелось, но дядюшка обезьяна не отставал.

— Дружище Ама Ной, поверь, внакладе не останешься. Ты ведь знаешь, как ловко мы, обезьяны, по деревьям лазаем. А зову я тебя только потому, что хочу и для твоей семьи нарвать плодов повкусней. Не бойся, не устанешь: будешь стоять да на меня поглядывать. Наберу тебе полную корзину, ты ее за плечи — и домой! Ну, и для себя тоже соберу. Такое я знаю место! Такое место! Словом, собирайся, дружище, пойдем!

Надел Ама Ненг на спину черепахе корзину, и приятели двинулись в лес. Миновали редколесье, прошли через джунгли, пробрались сквозь молодой лес. Наконец добрались до места.

Велел дядюшка обезьяна черепахе оставаться внизу, а сам полез на дерево да огромную корзину с собой прихватил. Не успел дядюшка черепаха и глазом моргнуть, как дядюшка обезьяна набрал целую корзину спелых, сладких плодов. Взглянул дядюшка черепаха вверх, своей корзиной замахал и говорит:

— Дружище Ама Ненг, спускай вниз свою корзину, она уже полная, да бери мою.

У дядюшки обезьяны жадность разыгралась, он и отвечает:

— Моя корзина полна, а ты как сам знаешь!

— Дружище Ама Ненг, — жалобно проговорил дядюшка черепаха, — мне так хочется угостить вкусными плодами моих ребятишек!

— У тебя, дружище Ама Ной, лапы ничем не хуже моих. Залезай на дерево да рви себе сколько хочешь!

Вскинул дядюшка обезьяна корзину за плечи и давай перепрыгивать с дерева на дерево — плодами лакомиться. А дядюшка черепаха остался внизу ни с чем. Рассердился он, но делать нечего — пошел домой, да на полдороге остановился и задумался. Потом спрятал корзину в кустах, вырыл на тропинке ямку поглубже, забрался туда, засыпал себя землей — только чуть-чуть голова осталась торчать, вроде старого корня. Притаился дядюшка черепаха и ждет, когда дядюшка обезьяна покажется.

Наконец он и впрямь появился — за плечами огромная корзина с плодами, идет, на радостях подпрыгивает. Выждал дядюшка черепаха момент, когда дядюшка обезьяна стал через него перешагивать, и как схватит его за пятки, да так больно!

Заверещал дядюшка обезьяна от боли и от страха, упал, выронил корзину — все плоды рассыпались, покатались. Огляделся дядюшка обезьяна, решил, что споткнулся о старый корень, подошел к дереву, стал его ногой пинать да приговаривать:

— Ай-ай-ай! Все из-за тебя! По твоей вине я плоды растерял, проклятое дерево!

Пинает Ама Ненг дерево ногой, чувствует, ноге стало больно. Кричит со злости:

— Ах, ты вот как! Смеешь еще мне делать больно! Ты знаешь, что я с тобой сотворю? Принесу топор, срублю тебя и сожгу. Станешь золой, проклятое дерево, и не будешь больше пакостить!

Бросился дядюшка обезьяна за топором, а дядюшка черепаха собрал в корзины плоды и напрямик двинулся к дому.

Прибежал дядюшка обезьяна, смотрит — ни корзины, ни вкусных, спелых плодов! Да и того сучка, о который он споткнулся, тоже нет.

Дядюшка обезьяна в затылке чешет, бормочет:

— Сучок тот здесь вот был, корзина там... Куда же все подевалось? Видно, кто-то проходил мимо, корзину прихватил, плоды собрал да и сучок заодно срубил.

Потоптался на месте дядюшка обезьяна, вскинул топор на плечо да и домой побрел. Идет мимо дома черепахи, видит, все семейство во главе с дядюшкой черепахой сидит и вкусными, спелыми плодами лакомится.

— Дружище Ама Ной, скажи, пожалуйста, где это ты таких вкусных плодов набрал? — спрашивает Ама Ненг.

— Как наполнил ты свою корзину, пошел я в соседний лес, гляжу, кто-то дерево недавно срубил, плоды сорвал почти все. Но кое-что осталось. Я эти остатки собрал и принес, чтобы жену и ребятишек порадовать.

Стал дядюшка обезьяна на судьбу жаловаться, рассказал, как о сучок споткнулся да растерял все собранные плоды, потом больную ногу показал. Дядюшка черепаха в утешение молвит:

— Дружище Ама Ненг, пойдешь в следующий раз в дальний лес, будь осторожнее, а то как бы еще беды не стряслось!

Выбрал дядюшка черепаха ветку с плодами и протянул приятелю:

— На, дружище Ама Ненг, угости жену и ребятишек!

Дядюшка обезьяна возвратился с этой веткой, семейство угостил да рассказал про свою неудачу. Услышал это маленький Ненг и говорит:

— Батюшка, ты так ловко лазаешь по деревьям, а вернулся пустой. И едим мы плоды, которые нам дядюшка черепаха дал.

Рассердился Ама Ненг:

— Сиди себе, ешь да помалкивай! Очень уж разговорился!

Как заяц стал властителем джунглей

Вьетнамская сказка

Перевод И. Глебовой

лучилось это во времена давние-предавние, когда властителем джунглей был лев. Лев ничуть не сомневался, что на свете нет никого сильнее и умнее его, а потому повелел, чтобы лесные твари каждый день присылали ему на обед одного из своих собратьев. Каждого жителя джунглей бросало в дрожь, едва он вспоминал, что настанет день, когда придется отправляться на съедение к кровожадному льву. Звери очень жалели того, кому выпадал несчастливый жребий — идти ко льву. Всякий раз они приходили проститься с беднягой, и каждый, как мог, утешал несчастного.

И вот однажды пришел черед зайца отправляться к логову льва. Попрощаться с зайцем пришло множество зверей. Были среди них и серый тигр, и белый тигр, и слон, и олень с ветвистыми рогами, и пятнистый олень, и косуля, и лисица, и дикая собака, и белка, и мышь. Все столпились возле заячьей норки, каждый печально глядел на зайчишку и горестно вздыхал. Только заяц, судя по всему, не унывал: он посматривал на друзей, а сам уплетал за обе щеки вкусную травку, и при этом его мордочка расплывалась в улыбке. Старая обезьяна не выдержала и удивленно спросила:

— Уважаемый заяц! Позвольте узнать, как это вам удается сохранять такой спокойный, такой невозмутимый вид? Подумайте, ведь жить вам осталось совсем немного. Мы все тут убиты горем, а вы вроде бы и в ус не дуете!

Перестал заяц жевать травку, подбоченился и ответил:

— Достопочтенная обезьяна! Дорогие мои друзья! Да будет вам ведомо, что решил я воспользоваться случаем и разделаться с кровожадным львом. По какому это праву он объявил себя властителем джунглей? Довольно терпеть! Скоро всем обитателям наших прекрасных джунглей заживется легко и привольно. Жаль, что мой черед наступил так поздно, а то бы я давно избавил вас от этого злодея, не пришлось бы нам расставаться со многими нашими собратьями. Задумал я великое дело, а потому в сердце у меня радость. Ну что вы все носы повесили? Что стоите с таким мрачным видом, словно собрались меня хоронить?

Зашумели звери, загалдели:

— Почтенный заяц! Право же, этот злодей погубил столько наших собратьев — не счесть! Если вам и впрямь удастся с ним разделаться, мы провозгласим вас властителем джунглей, будем почитать вас как своего избавителя! Да только не по плечу вам это. Как-то не верится, что вы сумеете одолеть такого свирепого зверя. Это же лев!

Заяц, конечно, обиделся, но виду не подал. Он расхохотался и промолвил в ответ:

— Конечно, лев — зверь очень сильный, но будьте уверены, слово свое я сдержу. Знайте, мы с вами расстаемся ненадолго. Я скоро вернусь с хорошей вестью.

Поклонился заяц друзьям и шмыгнул в кусты. Выскочил на тропинку, что вела к пещере льва, остановился, призадумался, а потом не спеша затрусил дальше. Постоял немного под большой смоковницей, послушал пение птиц и наконец присел отдохнуть на берегу горной речки да загляделся на воду.

Долго разглядывал заяц свое отражение в воде, потом вдруг вскочил и весело подпрыгнул.

— Замечательно! Как же такая простая мысль мне раньше в голову не пришла? Ну, кровожадный лев, держись!

Больше заяц нигде не отдыхал, не останавливался, а поскакал прямо к логову льва. Тот между тем с нетерпением поджидал, кого ему сегодня пришлют на обед. Увидел лев возле пещеры зайца, весь напыжился, зарычал страшно:

— Эй, косой! Как ты посмел опоздать? Впрочем, невелика от тебя корысть. И кому только пришло в голову послать ко мне такого заморыша! Могу ли я насытить свою утробу одним зайцем! Скачи скорее назад и скажи этим недоумкам, что мне на обед нужен зверь покрупнее да помясистее!

Выслушал заяц и ответил с достоинством:

— Высокочитимый властитель джунглей! Я отнюдь не предназначен вам на обед. Меня послали к вам с поручением достойные тигр и медведь. Им, конечно, и в голову бы не пришло угощать вас чем попало — всякой зайчатиной! Как вы изволили сказать, я и в самом деле мал да тощ. Мне всего лишь велено проводить вас туда, где вы увидите удивительного зверя. Он раз в сто больше меня и, простите, раза в три больше вас. Если высокочитимый лев согласен, я прямо сейчас укажу дорогу. А то ведь можно упустить редкий случай.

Услышал это лев и пришел в ярость, ведь он привык считать себя самым большим, самым сильным, самым храбрым из всех зверей. И как только у этого нахального зайца язык повернулся сказать, что в джунглях живет зверь, который в три раза больше льва!

— Не болтай вздор! — взревел лев не своим голосом. — Заруби себе на носу: нет на свете зверя сильнее и больше, чем я, лев, властитель джунглей! Откуда это в наших краях появится зверю, который, если верить тебе, раза в три больше меня? Ты, заяц, что-то напутал. А ну-ка веди меня к нему, к этому зверю! Мы с ним померимся силами!

Зайцу же только того и надо. Усмехнулся он довольно и подумал: «Рычи, рычи, старый обжора, скоро тебе придет конец!»

Заяц проворно поскакал вперед, взбешенный лев тронулся за ним. Вскоре пришли они к горной речке с чистой, прозрачной водой, к той самой, около которой заяц отдыхал и любовался своим отражением. Шли они недолго, но все же лев сильно устал, потому что был стар и к тому же в желудке у него урчало от голода. Лев дышал тяжело, его совсем разморило от жары, а заяц легко вскочил на валун и закричал, указывая на воду:

— Вот он, этот зверь! Взгляните-ка туда, высокочитимый лев! Плавает себе в воде и ничуть не боится вас! Посмотрите, какой огромный! Вы, наверное, если не в три, то по крайней мере в два раза меньше его. Взгляните, взгляните, какой он жирный! Это ли не великолепный, сытный обед для льва, властителя джунглей?

Рассвирепел лев, да и от голода живот ему подводит, прыгнул он к зайцу на валун, всмотрелся в воду, видит, там и впрямь сидит тот самый зверь, про которого заяц рассказывал. Крупный, жирный, на льва смотрит, свирепые рожи строит. Пуще прежнего разозлился лев и — бултых! — с размаху бросился в воду.

Алчный лев совсем забыл, что плавать-то он не умеет, и топором пошел ко дну. Подхватила его

горная речка, понесла вниз по течению, закрутила в водовороте. Раз или два лев попытался вынырнуть и выпрыгнуть на берег, да не тут-то было. Так и унесла быстрая вода кровожадного льва.

Увидел заяц, что льву пришел конец, заплясал от радости. Одним махом одолел он все девять лесных полян, не застрял ни в одной из девяти лесных чащоб — бежал, будто летел. Ведь заяц нес счастливую весть своим друзьям. А они терпеливо поджидали зайца возле его норки.

— Нет! Нет больше льва! — еще издали закричал заяц.

Услыхали звери, что жестокий лев нашел свой конец на дне горной речки, обрадовались и пустились в пляс.

С того дня перестали они дрожать от страха. Никому из них больше не надо было отправляться на съедение к ненасытному льву. А чтобы отблагодарить зайца за его сообразительность и смелость, звери объявили его властителем джунглей.

Как скворец богатея одурачил

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

о времена давние жил скворец, был он смышлен и говорил по-человечьи. Дружил скворец с одним крестьянином — бедняком из бедняков. А получилось это так. Пошел бедняк поле пахать, видит, лежит среди молодых ростков риса скворушка, кем-то подбитый, улететь не может. Взял его крестьянин к себе, выходил и человечесьему языку научил. Если в доме была еда, скворец непременно получал свою долю.

Как-то крестьянин сказал умному скворцу:

— Скворушка ты мой, стар я уже стал, нет у меня детей. Будь хоть ты мне за сына.

Крестьянин и не думал держать скворца в клетке — тот летал где вздумается, но своего доброго хозяина очень любил, а потому непременно возвращался к нему домой.

А неподалеку жил помещик, да такой богатый, что и не описать. Денег, золота у него уйма. Поэтому богач иногда свое золото на крыше дома сушил, чтобы не заплесневело.

Летел однажды скворец мимо помещичьего дома, глядит, золото на крыше сушится. А скворец знал, что золото в большой цене. Опустился он на крышу, взял в клюв несколько крупниц золота и своему хозяину отнес. С тех пор бедняку жить стало легче.

Обнаружил богач пропажу и обозлился: в толк не возьмет, кого же в воровстве уличить? Ведь золото для просушки он клал на крышу высокого дома, ходу туда никому нет. Богатей ничего не сказал, но решил выследить и изловить вора. Вскоре он опять разложил золото посушиться. Увидел это скворушка, на крышу сел, хотел еще несколько крупниц в клюве унести, да не тут-то было. Изловчился богатей и поймал скворца. Стал он допрашивать птицу, хотел выведать, где пропавшие крупницы золота спрятаны.

— Где ты живешь? В каком доме? — грозно подступил помещик.

— Живу я не в доме, а в лесу, — отвечал скворец.

— А кто научил тебя мое золото воровать?

— Никто не учил.

— А кому же ты золото отдал? — злится богатей.

— Никому. Я бросил его в лесу. Зачем мне золото? — молвил скворец.

Рассердился богатей на скворца и приказал слуге ощипать его. Но едва слуга вырвал два перышка, как скворец притворился мертвым — лежит, не шевелится. Велел помещик бросить тельце в заросли бамбука. Только скворец очутился на воле, тотчас поднялся, перышки расправил и домой полетел.

Минул с тех пор месяц, и еще один месяц, и еще, и еще. Вдруг в храме, что стоял в той деревне, чудо случилось. Служитель клялся, что статуя в храме заговорила! А твердила она все одно:

— Скоро грядут страшные беды. Позвать ко мне помещика!

Сначала служитель не знал, что и делать, а потом испугался и побежал к помещику. Тот испугался не меньше служителя. Взял подношение — новый халат, головную повязь да поднос с яствами — и бегом к храму, дабы выслушать, что повелят ему небесные владыки. Встал богатеи на колени, подношения свои выставил. Заговорила статуя:

— Обрей голову и надень монашескую рясу^[34], так и ходи, пока не минут тебя страшные беды!

Испугался помещик, пот его прошиб:

— Да-да! Слушаюсь! Все сделаю, как вы повелели.

Обрил помещик голову, надел коричневую монашескую рясу и поселился в храме — ждет, когда минут его страшные беды.

Через несколько дней статуя опять повелела служителю позвать помещика. Пришел помещик со всей своей родней в храм, все перед статуей на колени повалились, ждут, что будет. А тут вдруг из-за статуи вылетел скворушка.

— Откройте глаза! Посмотрите вокруг! Это не небесные владыки! Это я! Здорово я отомстил тебе, помещик. Здорово!

Засмеялся скворушка, на поднос с яствами сел, сидит себе поклевывает, лакомится.

Пришел в себя обритый богач, понял, что скворец его одурачил, разозлился, кинулся скворца ловить, да куда там — тот взмыл в небо и улетел.

Как появились обезьяны

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена в одном богатом доме была свадьба. Собралась вся родня жениха и невесты. Гости пируют, радуются. Вдруг входит к ним старик и просит подаяния.

Разозлились богачи, даже зернышка риса нищему старичку дать не захотели, простой похлебки пожалели. Посмеялись, обругали незваного гостя, а потом натравили на него пса.

Поспешил старик вон из богатого дома. Только присел у колодца, смотрит, подходит с бадьями на коромысле молоденькая девушка. До того она некрасива, что даже глядеть на нее неприятно.

Поставила девушка бадьи, вынула горстку холодного риса и только собралась его съесть, как увидела нищего. Протянула ему девушка рис:

— Сегодня у моих хозяев большой свадебный пир. А мне они ничего даже и попробовать не дали. Вот наскребла немного холодного риса в котлах. Угощайтесь, почтенный, может, утолите голод.

Взял старик горстку холодного риса.

— Спасибо за угощение, внучка. Хочешь, я исполню твое самое заветное желание? Скажи, не стесняйся.

Подумала девушка немного и отвечала:

— Есть у меня одно желание, дедушка, да не знаю, как и сказать о нем. Хочется мне быть такой же красивой, как и мои подружки.

Кивнул головой старик, взял девушку за руку и повел к маленькой речке.

— Полезай в воду, — сказал, — да не бойся, перейди речку вброд.

Сделала девушка все так, как велел ей старик. И — о чудо! Не дошла еще до другого берега, взглянула на свое отражение в воде, а на нее красавица смотрит. Обрадовалась девушка, низко старику поклонилась, вскинула коромысло на плечо и пошла к дому.

Никто не узнал служанку.

— Что это за девушка, что за красавица принесла бадьи с водой? Ни с кем не поздоровалась, никому не поклонилась... — зашумели гости.

— Ты чья такая будешь и зачем носишь воду в наш дом? — спросила девушку невеста.

— Я ваша служанка, — отвечала девушка.

Рассказала она, как повстречала нищего старика и какое чудо он сотворил. Выслушали ее гости и побежали гурьбой к речке. Видят, сидит в тени деревьев тот самый старик, отдыхает. Бросились к нему гости, наперебой приглашают в дом. Старик не стал отказываться — поел, попил. Тут все гости давай его

просить-умолять сделать и их такими же красивыми, как ту молоденькую служанку. Улыбнулся старик, поднялся с места и пригласил всех за собой следовать.

Подошли к речке. Старик велел им скинуть одежды и перейти речку вброд. Богачи стали сбрасывать с себя кофты, рубашки, халаты да прыгать в речку. Но когда они подошли к другому берегу, то ужаснулись: тела их обросли шерстью, лица сморщились и скривились в гримасах, а сзади у каждого вырос длинный хвост.

Вот как превратились в обезьян все важные родственники жениха и невесты.

К людям в деревню они больше не вернулись, а всей стаей убежали в лес, там и живут до сих пор.

Склянка с чудесной водой

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена жил один юноша, был он хороший, умелый пахарь. Как-то раз взял юноша на плечо топор и пошел в лес за дровами. Облюбовал дерево и начал рубить, да дерево попало крепкое — устал юноша. Распрямился он, отер со лба пот, огляделся вокруг. Видит, на камне неподалеку примостилась ворона и держит в клюве воробья. Жаль стало пахарю маленькую птичку. Поднял он камешек и бросил в ворону. Вздрыгнула ворона, испугалась и воробышка выронила. Взлетела она, крыльями замахала. От досады, что так глупо добычу потеряла, начала ворона каркать и браниться. Поднял юноша еще один камешек и запустил им в ворону. Закаркала сердито ворона и улетела. Подбежал юноша к трепыхавшемуся воробышку, взял в ладони, стал его согревать. Оправился воробышек, поблагодарил доброго юношу и молвит:

— Посиди здесь, на камне, подожди, я тебе одну вещь сейчас принесу. Мой подарок тебе.

Улетел воробей и тут же вернулся, в клюве малюсенькую склянку держит. Положил ее возле камня, на котором сидел пахарь, и говорит:

— В пузырьке этом чудесная вода, такой ни у кого во всем свете нет. Капнешь на человека — он помолодеет, капнешь на какую-нибудь вещь — она огромной делается.

Захлопал воробей крылышками и улетел. Взял пахарь в руки малюсенькую склянку, понюхал — на него пахло тонким ароматом. «Таковыми безделками только женам важных господ тешиться, — подумал он. — Не для нас, пахарей, эти забавы». Взял юноша пробку, покрепче заткнул ею пузырек, взвалил на плечи дрова и пошел домой. Дома повесил склянку к стропилу да и забыл про нее и думать.

Прошло несколько лет. Женился молодой пахарь. В жены себе взял крестьянскую дочь, круглый год работала она под солнцем на рисовом поле, а потому стала черна лицом и некрасива. Но супруги жили дружно и всегда помогали друг другу.

Однажды ушел муж поле пахать, а жена осталась дом прибрать да голову помыть. Смотрит, к стропилу малюсенькая склянка привязана. Достала она ее, вынула пробку, понюхала — дивным ароматом повеяло из склянки. Стала женщина голову мыть, встряхнула склянку и все содержимое в воду вылила. Помыла голову и диву далась: превратилась она из дурнушки в необыкновенную белолицую красавицу — мало кто с такой может сравниться. А несколько капель из склянки попали на грядки с луком, стали луковицы огромными-преогромными, точно котлы для извести.

Вернулся муж с поля, смотрит на жену и узнать не может: будто фея с неба спустилась. Кабы не голос, никогда бы он эту красавицу за свою жену не признал. А как жена про пузырек рассказала, вспомнил он и про ворону, и про воробья, и про чудесную склянку.

Попросил пахарь рисовальщика сделать портрет красавицы жены. Как соберется в поле, берет портрет с собой да ставит на межу, чтоб любоваться.

Прознала об этом та самая ворона, прилетела в поле, опустилась на межу, хватать портрет в клюв и была такова. Взмыла ворона в небо, полетела к стольному граду, покружилась над королевским дворцом и бросила вниз бумагу, на которой красавица была нарисована. Стражники подобрали бумагу и принесли ее королю. Взглянул король на рисунок, глаз оторвать не может. «Не зря, — думает, — ворона бросила над дворцом эту бумагу». И приказал вельможе и сотне стражников тотчас отправляться в путь:

— Разыщите красавицу, которая на этом рисунке. Без нее не возвращайтесь.

Стали вельможа и стражники рыскать по всем городам и деревням, во все глухие закоулки заглядывать. А потом придумали вот что. Куда ни нагрянут, тотчас призывают фокусников: на представление народ собирался толпами. Тогда выходит стражник, выносит рисунок и спрашивает:

— Уважаемые! Кто потерял этот рисунок? Пусть хозяин зайдет к нам, мы ему возвратим его добро.

Набредли как-то вельможа и стражники на деревню, где жил молодой пахарь с красавицей женой. И здесь было устроено представление, и здесь на сцену вышел стражник с рисунком в руках.

Увидел пахарь рисунок, не заподозрил подвоха, подошел к стражникам. Тотчас набросились они на беднягу, схватили и велели идти домой, а в доме-то и увидели ту самую красавицу, с которой рисунок сделан. Обрадовались, усадили жену пахаря в паланкин и понесли в королевский дворец.

Поселилась красавица во дворце, но смеяться и говорить перестала, дорогих подарков не принимала, волосы не расчесывала. Ничто ее развеселить не могло.

Доложили об этом королю. Повелел он объявить народу: того, кто сумеет рассмешить красавицу, ждет щедрая королевская награда. Услышали об этом люди, стали стекаться ко дворцу. Были среди них искусные шуты, знаменитые острословы, известные лекари и знахари — все надеялись рассмешить несмеяну и получить желанную награду. Чего только ни делали, каких остроумных шуток ни придумывали — все напрасно, красавица даже и не улыбнулась.

Между тем молва о королевском повелении дошла и до молодого пахаря. Понял он, это его жена живет в королевском дворце, не говорит и не смеется, дорогих нарядов не примеряет, о доме тоскует. И решил отправиться в стольный град. Выкопал с грядки огромные луковицы, те самые, величиной с котел для извести, положил в корзины на коромысле и двинулся в путь. А в столице поспешил прямо к королевскому дворцу. Стал возле дворца разгуливать да свой товар расхваливать:

Луковицы отменные — покупайте!
Луковицы вкусные — налетайте!
Тот, кто луковицы купит,
Тот меня навек полюбит!

Ходит молодой пахарь с такой присказкой и по сторонам поглядывает. Услыхала во дворце голос мужа красавица жена, тотчас расцвела от радости.

— Зовите этого торговца луком в королевские покои! — велит служанкам.

Те сейчас же побежали и привели молодого пахаря. Увидела жена своего мужа живым и здоровым, заулыбалась от счастья. Доволен король, как услышал, что красавица заговорила-засмеялась. Подумал, луковицы ее развеселили. И решил переодеться продавцом лука, чтобы еще больше потешить красавицу.

— Ну-ка, — говорит пахарю, — давай мне и корзины твои, и лохмотья!

Снял король свое драгоценное одеянье, бросил его крестьянскому парню, обрядился в лохмотья, вскинул на плечо коромысло с корзинами и затянул:

Луковицы отменные — покупайте!

Луковицы вкусные — налетайте!
Тот, кто луковицы купит,
Тот меня навек полюбит!

Захлопала красавица в ладоши, залилась веселым смехом. Король увидел это и давай еще пуще кривляться. Вдруг красавица умолкла.

— Спустите-ка на него собак! — приказывает служанкам. — Вон его! Надоел он мне!

Кинулись собаки на обряженного в лохмотья короля, тот едва спасся от них за воротами.

— Садись лучше ты на трон! Будь королем! — сказала жена пахарю.

Уселся муж на трон, придворные тотчас склонились перед ним в поклоне. Стал пахарь королем, а жена его — королевой. И правили они страной честно и справедливо.

Бабочка в королевских закромах

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

о времена давние-стародавние жил в далеком Каобанге юноша Чиеу. Бродил он по деревням, а на пропитание себе добывал тем, что рыбачил. Добра у него никакого, разве что рыбацкая сеть. Но был он на чужую беду отзывчив. Каждый раз, когда в его сеть попадал богатый улов, юноша менял рыбу на рис и делился им с такими же бедняками, как он. Потому в округе все бедняки очень любили юношу.

Пожил он в Каобанге, а потом в Тхайнгуен перебрался. И тут он был также добр к беднякам и всем старался помочь. Однажды пошел он рыбачить. Как ни забросит сеть, все она пустая возвращается. Приуныл Чиеу, домой с пустой сетью бредет. Вдруг по пути попадаетея ему нищий старичок — сидит под деревом и от холода дрожит. Пожалел Чиеу старичка, снял с себя рубашку и отдал ему.

Прошло после этого немало дней. Как-то раз забросил юноша сеть в реку, слышит, кто-то в горах на лунной лютне [\[35\]](#) играет. Чиеу с сетью в руках так и застыл, чудесной песней заслушался. Назавтра пришел Чиеу рыбу ловить, опять в горах лунная лютня заиграла. То же самое и послезавтра повторилось. Диву дался юноша. Собрал он свою сеть и пошел в горы. Так и шагал вверх по склону горы на звук лунной лютни, карабкался по камням, продирался среди деревьев и лиан, раздвигал руками высокие травы. Наконец вышел на широкую поляну, глядит, а на камне старичок сидит, играет себе на лютне, никого вокруг не замечает. Очень этот старичок показался юноше похожим на того, кому он рубаху подарил. Дождался Чиеу, пока старичок не кончил играть, подошел поближе, обратился с поклоном:

— Кто вы, почтенный? И зачем играете на лютне в этом пустынном месте, на горе?

Поднял старичок голову, ласково взглянул юноше в глаза и отвечает:

— Тебя, сынок, поджидаю. Ты небось устал: на гору взбирался, по камням карабкался, меж деревьями и лианами продирался, высокие травы руками раздвигал. Присядь, отдохни.

Молвил так старичок, а сам юноше чашечку чая подает. Чиеу с почтением принял чашечку, а старичок его опять вопрошает:

— Помнишь ли ты меня, сынок?

— Уж ни тот ли вы бедный человек, которого я однажды под деревом увидел? — сказал Чиеу.

— Тот самый, тот самый, — закивал старичок. — Ты мне тогда рубаху с себя отдал. А дело было под вечер, уж прохладно стало. Здорово ты, видно, продрог тогда. Хочу я отблагодарить тебя за твою доброту и подарить тебе вот эту рубаху.

Снял старичок рубаху с себя и накинул Чиеу на плечи. И вдруг исчез, будто его и вовсе не было.

Примерил Чиеу новую рубаху и ахнул: оказывается, кто ее наденет, тот невидимкой становится. Обрадовался Чиеу. С тех пор надевал он чудесную рубаху, заходил в богатые дома, брал добро и рис,

которые богачи у бедняков отбирали, и обратно беднякам раздавал. И делал все это незаметно. Бывало, лежит какой-нибудь бедняк возле самой дороги, стонет от горя и от голода, вздыхает да слезы глотает. Вдруг откуда-то сверху к нему монета падает. Иные богачи выставляли у ворот сторожей с дубинками — добро охранять. Стоит сторож, готов любого, кто поближе к воротам подойдет, отдубасить. А вдруг его самого хорошей розгой кто-то сзади как хлестанет! Сторож злится, туда-сюда крутится, дубинкой машет. А что толку! Пялит он глаза, вокруг оглядывается — нет никого. Много раз такое случалось, и по всей округе пошла о том молва. Богатеи с перепугу не знали, что им делать, а бедняки радовались. В народе говорили, что это справедливый дележ добра идет.

Так вот и ходил Чиеу повсюду да беднякам помогал. Однажды пришел он в стольный град. Надел свою чудесную рубаху и начал всюду расхаживать. То к вельможам в хоромы заглянет, то в королевский дворец завернет — туда до него никому из простых людей заходить не доводилось, потому что король запретил их пускать. Увидел Чиеу, что в столице полно бедняков, решил им помочь. Стал юноша в рубахе-невидимке прогуливаться по королевским закромам и сокровищницам да бедным людям королевское добро раздавать. Смотрит король, исчезает куда-то добро из хранилищ, а кто в этом виноват, понять не может.

И богатеи, и вельможи забеспокоились: деньги и драгоценности из их хором исчезать вдруг стали, хотя у ворот и в переулках кругом стража расставлена.

Однажды зашел Чиеу в дом одного вельможи. А вельможа как раз слугу избивает. Не стерпел добрый юноша и дал богатею хорошую затрещину, а сам скорей к дверям побежал. Услыхала стража шаги, кинулась ловить. В спешке зацепился Чиеу у самых ворот за бамбуковый сучок да и порвал свою чудесную рубаху.

После этого Чиеу рубаху заштопал, чтобы дальше не рвалась: заплатка вроде золотой бабочки получилась. И каждый день, как и прежде, ходил юноша в королевские хранилища да людям добро раздавал.

Рассердился король, что его добро исчезает, и повелел страже и военачальникам во что бы то ни стало изловить вора. А иначе, говорит, ждет их наказание и прощения не будет. Перепугалась стража, приуныли военачальники и стали думать, как бы им злоумышленника поймать. Начали по закромам и сокровищницам целыми днями и ночами рыскать.

Но что толку! И сокровища, и рис у короля все убывали. Наконец надумали военачальники изготовить сеть, чтобы в нее попался злоумышленник.

И вот однажды стража заметила: влетела в закрома золотая бабочка. Полетала по закромам, села, опять захлопала крылышками, в сокровищницу юрк и опустилась на слиток серебра. Посидела, полетела дальше. Подбежали стражники — слитка серебра нет как нет. Схватили тогда стражники сеть и поймали золотую бабочку. Так юноша Чиеу оказался в руках у стражи. Радуются стражники, веселятся военачальники. Отвели Чиеу к королю, и тот повелел юношу судить, а пока бросить его в темницу.

Тем временем король соседней державы двинул на Вьетнам свое войско: шли пешие, ехали конные, сотни тысяч чужих воинов хлынули в пределы королевства. Забеспокоился король в стольном граде, посылает на врага войско, только все зря: как ни бьются, все неудача для вьетнамцев да гибель воинам. Перепугался король, перепугались все люди в столице. Услышал о беде и юноша Чиеу. Говорит он стражнику:

— Доложи королю: хочу я сразиться с врагом и родную землю спасти.

Обрадовался король, велел узника привести в тронную залу.

— Слышал я, — говорит, — что желаешь ты сразиться с врагом. Похвально. А сколько тебе нужно войска пешего и конного?

— Мне, ваше величество, никакого войска не надо, — отвечал Чиеу. — Я один справлюсь с врагами. Прошу вас, пожалуйста мне только меч.

Расстегнул король пояс, отдал юноше свой меч и повелел, чтобы королевское войско слушалось приказов Чиеу. А храброму юноше король пожаловал титул полководца — спасителя отчизны.

Услышали бедняки в стольном граде и по всей стране, что добрый юноша отправляется с врагом сразиться, пришли к нему, просят взять их с собой. Построил Чиеу свое войско и двинулся к границе.

Увидел Чиеу вражеский лагерь, надел чудесную рубаху, взял в руки меч и пошел прямо к шатру предводителя. Вошел в шатер, взмахнул мечом и загубил супостата. А без предводителя вражеское войско — что змея без головы: стали воины разбегаться кто куда. Узнал об этом их король, повелел домой возвращаться.

С тех пор стало на границе спокойно, и народ всюду прославлял храброго юношу Чиеу. С победой вернулось его войско в стольный град. А король наградил Чиеу и дочь свою в жены ему отдал. Вот какая история произошла со славным юношей Чиеу из Каобанга.

Удивительные умельцы

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена жил на свете один почтенный человек, и было у него пятеро сыновей. Когда сыновья подросли и стали ладными парнями, собрал их отец на семейный совет.

— Послушайте, что я вам скажу, сыновья мои! — начал отец. — Мы люди бедные, своей земли у нас нет, даже комка не найдется — в ворону запустить и то нечем, а потому каждый из вас должен обучиться ремеслу, да такому, которое не всякий осилит. Так что собирайтесь в путь-дорогу! Даю вам ровно год сроку. Тот, кто за это время облюбует для себя подходящее ремесло и станет мастером своего дела, пусть возвращается в родительский дом. А тот, кто так ничему и не научится, пусть лучше домой не возвращается.

Обещали отцу сыновья присмотреть для себя какое-нибудь редкостное ремесло, попрощались и разошлись в разные стороны.

Самый старший сын решил попытать счастья в многолюдном городе. Второй сын отправился в леса. Третий решил в столицу путь держать. Четвертый сын надумал добраться до границы, за которой начиналась чужая земля. Пятый сын зашагал к морю, туда, где солнце каждый день восходит.

Вот добрался самый старший из братьев до многолюдного города, долго бродил он по улицам, да все зря: не попадались ему люди, знавшие какое-нибудь редкостное, диковинное ремесло.

Как-то раз на тихой улочке познакомился он с ладным парнем. Этот парень так легко взбирался на высокие городские укрепления, точно не на гладкую стену влезал, а по ровной площадке разгуливал. Он запросто перепрыгивал через широкий и глубокий ров, словно это и не ров, а лужица. На высокую отвесную скалу он залезал так быстро, будто перед ним не скала, а маленький бугорок. Решил старший брат, что другого столь удивительного скалолаза на свете не сыскать, и захотел научиться такому искусству. Парень с радостью согласился открыть тайны своего мастерства. Старший брат оказался понятливым учеником и скоро стал таким же искусным скалолазом, как его учитель.

Второй брат исходил все равнины, обошел весь горный край, а подходящего ремесла так и не приглядел. Пробирался он как-то через джунгли, и повстречался ему парень с луком и стрелами. Натянул парень тетиву и пустил стрелу в стаю стрижей. Второй брат и ахнуть не успел, как две сотни подбитых стрижей оказались у ног стрелка. Решил второй брат, что другого такого стрелка во всем белом свете не сыскать, и сам захотел научиться стрелять из лука так же метко, как этот незнакомец.

Незнакомец оказался славным малым и с радостью согласился поделиться тайнами своего мастерства с любознательным парнем. Через некоторое время второй брат стал стрелять из лука не хуже своего учителя.

Третий брат добрался до столицы только по осени. Скоро в городе не осталось улиц, на которых бы он не побывал, но ни одно из ремесел не счел он удивительным, ни один мастер, ни один умелец не

показался ему необыкновенным. Но вот однажды парень пришел к маленькой хижине на вершине холма. Видит, возле хижины какой-то юноша что-то разглядывает в подзорную трубу. Поинтересовался третий брат, что это он там рассматривает.

— Моя подзорная труба, — отвечал юноша, — сделана из двухсот кусочков двухсот деревьев ценных пород. В подзорную трубу я вижу все, что творится в государстве, поэтому король пожаловал мне титул главного надзирателя королевства.

Дельное занятие, подумал третий брат, и захотелось ему научиться такому умению. Главный надзиратель королевства с радостью согласился взять парня в ученики.

Повел сначала учитель своего ученика в зеленые джунгли, и взяли они от двухсот деревьев разных пород по большой ветке. Принесли домой, стали пилить да стругать. Минуло в работе несколько месяцев, наконец подзорная труба была готова. Теперь стал третий брат учиться смотреть в подзорную трубу, чтобы все видеть и все замечать. Вскоре он мог увидеть даже иголку, оброненную кем-нибудь у самых пределов государства. Умел он теперь сосчитать рыб на дне морском. Так третий брат сравнялся в мастерстве с главным надзирателем королевства.

А четвертый брат пошел обучаться необыкновенному ремеслу в дальний приграничный край и встретил там одну старушку.

— Я умею искусно шить и штопать, — говорит старушка. — Если хочешь, научу тебя ремеслу.

Услышал четвертый брат, что речь идет о таком заурядном деле, как шитье и штопка, и покачал головой — он ведь хотел научиться чему-нибудь необычайному.

— Да ты подумай сначала, не спеши отказываться, — сказала старушка. — Я научу тебя штопать и заплатки ставить не только на штаны да рубахи, но и на деревья, камни, на человеческое тело...

Обрадовался парень и стал прилежно учиться. Скоро сделался он искусным мастером. А на прощание старушка подарила ученику свои иглы и ножницы.

Пятый брат тем временем добрался до берега моря. Земля здесь чужая и люди чужие; ходил парень, приглядываясь, необыкновенное ремесло хотел приметить. Уж восемь месяцев прошло, а ничего необычайного ему не попадалось. Волнуется парень, думает, время-то зря проходит, скоро наступит назначенный срок.

Шел он однажды берегом моря, видит, выбросили волны рыбу, лежит, бедняжка, на песке, тяжело дышит. Подошел парень поближе, слышит, заговорила рыба человеческим голосом:

— Пожалей меня, юноша, отнеси и брось в море. Я тебя за это отблагодарю.

Взял парень рыбу и бросил в морские волны. Только попала рыба в воду, тотчас обернулась прекрасной феей. Выплыла на поверхность волн и молвила:

— Знай, юноша, я младшая дочь царя драконов. Если бы не ты, худо бы мне пришлось. Хочу тебя проводить к моему отцу, пусть одарит тебя за твою доброту.

— Спасибо, милая принцесса, — отвечал парень, — но не сердись, некогда мне по гостям разгуливать. Должен я найти какое-нибудь необыкновенное ремесло и научиться ему в совершенстве.

— А не хочешь ли обучиться плавать в воде, словно рыба? Или ходить под землей так же легко, как по земле? Пойдем со мной! Мой отец и братья за полмесяца научат тебя всему этому.

Согласился парень. Принцесса велела ему зажмуриться и повела вниз, на морское дно. Открыл парень глаза, вокруг хоромы великолепные, а в них сидит царь драконов с сыновьями.

Поблагодарил царь драконов доброго юношу за спасение принцессы и устроил веселый пир. А на следующий день велено было сыновьям царя драконов учить парня плавать и нырять. А потом сам царь драконов обучил его под землей ходить. За неделю или за две овладел пятый брат всей этой премудростью, распростился с обитателями подводного царства и вернулся на землю.

Ровно в срок все пятеро братьев воротились в отчий дом. Радостная это была встреча. Все пятеро по очереди рассказали, где они побывали, как необыкновенному ремеслу обучались.

Однажды утром созвал отец всех пятерых сыновей и говорит:

— Хочу я срубить высокое дерево-хлопчатник. Видите, оно в том вот уголке растет. Срубим дерево, на доски распилим, а эти доски пойдут в дело — пол перестелем в доме. Только вот не знаю, далеко ли растут корни дерева и не придется ли, чтобы их вырыть, дом разбирать? И еще вопрос: какая это птица свила гнездо на вершине? Скоро ли у нее птенчики появятся?

Услышали это братья, и каждый приготовился своим умением блеснуть. Хлопнул пятый брат в ладоши, крикнул что-то и ушел под землю — посмотреть, куда корни дерева протянулись. Вскоре вышел он из-под земли в том же самом месте, где незадолго до этого стоял и слушал отца.

— У этого дерева, — говорит, — шестнадцать огромных корней. Самый длинный под домом растет и тянется до ручья, что течет за селением. Глубоко ушли корни, но, если вы, батюшка, хотите их вытащить, я могу это сделать — дом разбирать совсем не понадобится.

Затем третий брат взял свою подзорную трубу, глянул в нее одним глазком и говорит:

— Это гнездо зарянки, она сейчас двух птенчиков высиживает. Птенчики уже шевелятся, не позже чем завтра вылупятся.

Тогда второй брат натянул лук, прицелился — запела стрела. А старший залез на дерево и гнездышко снял, да так ловко, что зарянка этого и не заметила.

Посмотрел отец, видит, стрела слегка задела одно из яиц. Выступил тут четвертый брат, мгновенно залатал яйцо, а старший отнес гнездо обратно на дерево.

Очень остался доволен отец своими сыновьями и их необыкновенным умением. Сидят они вшестером за беседой, вдруг слышат, прибыл гонец от королевского двора. Несчастье случилось, унес принцессу злой дракон. Кто вызволит ее, тому король обещает отдать свою дочь в жены.

Услышали об этом пятеро братьев, обрадовались, в путь начали собираться. Четвертый брат быстро смастерил из трехсот досок корабль. К концу дня корабль спустили на воду, и он по реке к морю поплыл. Пятый брат, пока плыли, из рук подзорную трубу не выпускал, все своим глазом вокруг обшаривал: не видно ли где принцессы? Вдруг заметил он: в пещере, у самой вершины высокой горы, сидит принцесса, а рядом старый-престарый дракон — рога длинные, борода спутанная, будто корневище векового дерева.

Остановился корабль у подножия горы, старший брат стал карабкаться вверх по склону, отвесному, словно стена. Добрался до пещеры, видит, спит дракон. Подхватил старший брат принцессу на руки и осторожно спустился вниз. Поднял корабль паруса и помчался подальше от опасного места.

Плывет корабль в открытом море, а тут дракон пробудился ото сна. Видит, принцесса исчезла. Высматривал он, высматривал, где принцесса, и увидел ее на корабле. Полетел дракон на море. Но второй брат пронзил его своей меткой стрелой. Рухнул дракон прямо на корабль — тот разлетелся в мелкие щепы. Но пятеро братьев и принцесса спаслись, сумели добраться до пустынного острова посреди моря. Тут пятый брат стал по морю плавать и щепки от корабля собирать — все до одной собрал. Четвертый брат быстренько вытащил свои иглы да ножницы и давай штопать — скоро корабль опять стоял целехонький!

Пока братья вокруг корабля хлопотали, прилетела откуда-то ведьма, схватила принцессу и исчезла вместе с ней. Взял опять третий брат подзорную трубу, взглянул в нее и увидел: сидит принцесса в глубокой пещере, а вход в пещеру завален огромными каменными глыбами — каждая величиной с дом. Пятый брат зарылся в землю, ловко пробрался в пещеру и вскоре вернулся вместе с принцессой.

Собрался корабль отчаливать, вдруг, откуда ни возьмись, две ведьмы. Одну из них второй брат пронзил стрелой, а другая изловчилась, схватила принцессу и в мгновение ока взобралась на вершину высокой-превысокой горы. Думает ведьма, здесь ее никто не достанет. Вдруг запела меткая стрела, злая ведьма упала замертво. Увидел это старший брат, мигом взобрался на вершину горы и спустился к кораблю вместе с принцессой.

Вскоре прибыл корабль в столичный град. Пять славных умельцев и принцесса явились во дворец и предстали пред очи короля и королевы. На радостях король и королева устроили большой пир.

А когда пир подошел к концу, король вспомнил о своем обещании и спрашивает у принцессы:

— Скажи, доченька, за которого из пяти братьев ты хочешь выйти замуж?

Засмушалась принцесса, голову опустила — слова сказать не смеет. Поднялся с места старший брат и говорит:

— Государь, мы сыновья простого человека, и никто из нас не помышляет стать царским зятем. Сделали мы доброе дело, а теперь хотим откланяться да тронуться восвояси к батюшке с матушкой.

Услышала принцесса эти слова, из глаз у нее полились слезы.

— Все пять братьев немало потрудились, чтобы вызволить меня, — сказала она. — Не знаю я, за кого мне выйти замуж. А может, батюшка, вы сделаете всех пятерых молодцов своими приемными сыновьями? Стану я им милой сестрицей.

Мысль эта пришлась королю по нраву. Захлопал он в ладоши и весело рассмеялся:

— Дело говоришь, доченька! До сегодняшнего дня не было у меня сыновей. А теперь полюбуйте на пятерых молодцов! Славные у меня сыновья!

И стали братья королевскими сыновьями. Король щедро наградил их высокими титулами и чинами да закатил для всех веселый пир.

Юноша Шинь

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена жил на свете юноша Шинь. Умерли у него мать с отцом, и остался Шинь на белом свете один-одинешенек. А в наследство от родителей получил он набедренную повязку, глиняный горшок, котелок для варки риса да хижину, такую ветхую, что не спасала она ни от дождя, ни от ветра.

Долго думал Шинь, как ему прокормиться, и в конце концов надумал поселиться в лесу. Взял он глиняный горшок да котелок и отправился в лес. Разыскал там старое дерево и решил, что в дупле его можно легко укрыться и от дождя, и от знойного солнца. Каждый день собирал Шинь хворост и нес в горные селения, а там менял его на кукурузу — тем и кормился.

В лесу не с кем было поговорить, поэтому Шинь привык разговаривать с самим собой. Он говорил так и когда собирал хворост, и когда отдыхал в своем дупле.

Вот однажды появился у дерева Шиня веселый, разговорчивый старец по имени Синг Зинг и попросил накормить его. Сварил Шинь кукурузы в глиняном горшке, угостил старца. Поел Синг Зинг, а потом взял да разбил горшок.

— Не горюй, — смеется, — я в долгу не останусь. Научу тебя многим премудростям, будешь ты всесильным и всезнающим.

Поблагодарил Шинь старца, обещал быть послушным учеником, и начал Синг Зинг посвящать Шиня в тайны волшебства. Он учил юношу поднимать ветер, нагонять тучи, вызывать гром и молнии, извергать огонь, учил тайнам превращения в разные существа. Шинь был на редкость смышленным, поэтому ученье давалось ему легко.

А как вошел Шинь в силу, решил учитель испытать его — повелел сразиться с водяным драконом, злым и кровожадным чудищем с двумя рогами на голове.

Обрадовался водяной дракон, когда узнал, что Шинь пришел помериться с ним силами, — решил поразвлечься. Ринулось злобное чудовище на Шиня, но Шинь был парень не промах: крепко-крепко ухватился он за рог и что есть силы придавил голову чудища к земле, а потом взмахнул ножом — покатались рога на землю; взревело чудище и бросилось в реку — искать спасения.

Похвалил Синг Зинг ученика:

— Вижу, сынок, ловкости и умения тебе не занимать. Отныне живи вольно, никого на свете не бойся и никому не позволяй смотреть на себя свысока. А главное, таланты свои употреби на пользу людям.

Почтительно выслушал Шинь учителя, пошел в лес, поймал там кабана и на славу угостил Синг Зинга, а потом Синг Зинг ушел, и Шинь остался один в своем дупле; он уж давно привык к этому жилищу.

А надо сказать, что в ближнем селении жили в ту пору Ли Тхунг с женой, занимались они торговлей и

жили богато. Проходил как-то мимо их дома Шинь с огромной вязанкой хвороста, торговцы и купили у него хворост. Оглядели они Шиня и подумали: «Из этого крепкого, простодушного парня получился бы хороший работник. Пожалуй, пусть остается у нас и каждый день таскает в дом хворост». Хитрый Ли Тхунг предложил Шиню побрататься, и Шинь не долго думая перебрался в дом своего побратима.

Пошел как-то Шинь в лес за хворостом, видит, летит огромный ворон, несет в когтях девушку, да такую красивую — небожительница, да и только! Не растерялся Шинь, натянул тетиву, выпустил стрелу и попал ворону прямо в лапу. Полетел ворон дальше, а когда пролетал над горой, выпустил девушку из когтей. А сам спустился на землю и поскакал на одной ноге к пещере в этой горе. Бросился Шинь за ним, но ворон вдруг исчез неведомо куда.

А была та девушка дочерью Небесного властителя. Хватился Небесный властитель, что пропала дочка, велел слугам во что бы то ни стало отыскать ее. Слуги и говорят, что есть, мол, такие богатые торговцы, Ли Тхунг с женой, люди нечестные, скаредные и недобрые. Не иначе, они похитили девушку. Рассердился Небесный властитель, повелел отвести торговцев на расправу к царю драконов — надо сказать, царь драконов любил лакомиться человечинной.

Пронюхала про это повеление жена Ли Тхунга, насмерть перепугалась и тут же рассказала ужасную новость мужу. Несколько дней и ночей торговцы шептались — все советовались друг с другом, как им быть. Долго судили да рядили и наконец придумали такую коварную хитрость: пусть, мол, вместо них смерть примет Шинь. А Шинь ни о чем худом и не подозревал — лежит себе отдыхает; устал, притомился — долго рубил дрова в лесу, вот и решил передохнуть у себя в дупле. Там Шиня и нашел Ли Тхунга.

— Пойдем домой, братец, — зовет.

Дома ждали их подносы со всякими яствами — все это заранее приготовила жена Ли Тхунга. За ужином, за беседой просидели долго. Шинь, как и ожидали коварные торговцы, не заподозрил ничего дурного и не обратил внимания, что они перепуганы и заискивают перед ним.

После ужина торговцы приступили к самому главному: хотят, мол, они поручить Шиню важное дело. Этой ночью надобно ему пойти в храм, что стоит в глухом лесу, и отнести туда золото и угощение для царя драконов.

— Небесный властитель, — объяснил Ли Тхунг, — повелел это исполнить мне, да я, как назло, занят по горло, поэтому ты, братец, не подведи, пойдешь уж вместо меня, сделай милость. Дело-то видишь какое важное!

Ли Тхунг просил Шиня и как друга, и как названного брата, а тот и не подумал отказываться. «Что тут долго говорить, дело и впрямь важное, — рассудил Шинь. — Да и как отказать в помощи такому хорошему, доброму человеку?»

А жена Ли Тхунга уж сует Шиню узелок с едой — скорей бы его в дорогу спровадить.

Тем временем Небесный властитель повелел царю драконов не отлучаться из храма и дожидаться коварных и нечестных торговцев. Пора, говорит, расправиться с ними.

Свернулся царь драконов клубком на полу в храме — ждет. Наконец услышал шаги и увидел Шиня — юноша без всякого страха вошел в храм. Шинь сразу приметил, что у царя драконов обрублены оба рога, и понял, что это и есть тот самый водяной дракон, с которым ему уже пришлось однажды помериться силами.

Царь драконов тоже узнал своего обидчика, глаза у него выпучились от злости, кровью налились. Видно, вспомнил, как Шинь обрубил ему рога. Затрясся царь драконов от злобы, разинул пошире огромную пасть — сейчас проглотит Шиня.

Но не тут-то было! Не растерялся Шинь, схватил нож и рассек чудовище от хвоста до шеи, а потом отрубил у него голову и понес домой.

А уж за полночь. Постучал Шинь в дверь, зовет названного брата.

— Кто там стучится в такой поздний час? — отозвался Ли Тхунг.

— Открой! Это я, твой младший брат.

— Какой такой брат?

— Как какой? Названный брат, Шинь. Ты же сам посылаешь меня в храм к царю драконов!

Услыхал это Ли Тхунг и обмер от страха: не иначе, явилась душа невинно загубленного Шиня.

— Тебя же проглотил царь драконов, Шинь! Скажи, зачем твоя душа явилась ко мне? Уходи подобру-поздорову, ступай в храм, оставь меня в покое! Завтра я устрою по тебе похоронный обряд, как полагается, а сейчас уходи!

— Послушай, Ли Тхунг! — молвил Шинь. — С чего это ты взял, будто меня нет на свете? Ты думаешь, меня проглотил царь драконов? Отвори-ка поскорее дверь, взгляни, что покажу тебе!

Впустил Ли Тхунг юношу в дом, увидел голову царя драконов и остолбенел. Потом немного успокоился и придумал новую хитрость.

— Как ты посмел! — воскликнул он. — Зачем загубил царя драконов? Горе нам всем! Теперь его душа будет мстить не только тебе, но и мне. Убирайся из моего дома, пока не грянула беда!

Что тут поделаешь? Вернулся Шинь в старое дупло, опять стал дрова рубить, хворост собирать, на продажу носить. Тем и кормился.

Узнал Небесный властитель, что Ли Тхунгу удалось спастись от царя драконов, и очень удивился. Решил, что Ли Тхунг — человек с головой, да и смельчак, каких мало, и повелел ему отправляться в путь да разыскивать пропавшую принцессу.

— Тот, кто вернет мне мое чадо, получит от меня столько добра, сколько пожелает, — пообещал Небесный властитель.

Не растерялся Ли Тхунг.

— О всемогущий, я придумал одну хитрость. Надобно устроить пир на весь мир. Пусть гости пируют ровно девять дней и девять ночей. А мы заприметим, кого не будет среди гостей. А не будет того, кто похитил дочь Небесного властителя, он-то наверняка побоится прийти на пир.

Такая хитрость пришлась Небесному властителю по душе, повелел он заколоть быков да свиней, сколько нужно для пира, а пиру шуметь ровно девять дней и девять ночей. Все-все должны явиться на пир: и те, чьи селения спрятались в лесах, и те, чьи селения забрались высоко в горы.

Ли Тхунг потому и надомнил Небесного властителя устроить пир на весь мир, что хотел расспросить гостей о пропавшей дочери Небесного властителя. Глядишь, думал Ли Тхунг, кто-нибудь посоветует, где ее искать. А тут попробуй разыщи ее, если даже самому Небесному властителю неизвестно, куда она подевалась. «А потом вся надежда на Шиня, — размышлял Ли Тхунг, — лишь он может помочь мне. Уж он-то разыщет дочь Небесного властителя. Только слава-то мне достанется!»

Поскакали гонцы во все концы, передали всем людям повеление явиться на пир, который устраивает для них сам Небесный властитель. И стар и млад, и мужчины и женщины — все тронулись в путь, все потянулись в гости к Небесному властителю. Опустели ближние и дальние селения — каждому хотелось отведать яств и вдоволь поплясать под звуки кхена [\[36\]](#).

Шесть дней и ночей пируют гости Небесного властителя. Веселятся да беседуют. Каких только историй не рассказывают! А вот о пропавшей дочери Небесного властителя никто ничего не знает, не ведает. И Шиня все нет и нет. Лишь на девятый день явился, да и то не с утра, а после полудня.

У Ли Тхунга сразу отлегло от сердца. Велел он жене встретить Шиня поприветливее, а сам обнял его, как родного брата после долгой разлуки, и собственноручно вынес ему поднос с яствами. А потом повел его к Небесному властителю.

— Не встречалась ли тебе моя дочь? — спросил Шиня Небесный властитель.

— О всемогущий, — ответил Шинь, — этого я не ведаю. Да посудите сами, откуда мне знать, как выглядит дочь Небесного властителя? Живу я один, в лесу. Облюбовал там дупло в большом дереве, оно мне вместо хижины.

Стал тогда Небесный властитель рассказывать, как выглядит его дочь, во что она одета. Вспомнил тут Шинь, как когда-то ранил огромного ворона, который нес в когтях девушку. Пожалуй, та девушка очень похожа на дочь Небесного властителя.

Обрадовался Небесный властитель, стал просить Шиня разыскать принцессу. Но потом вдруг спохватился: как это он, Небесный властитель, перед земным человеком унижается! И повелел:

— Найди мне дочь, а не найдешь — пеняй на себя: велю тебя казнить! Коли найдешь и доставишь принцессу целой, отдам тебе ее в жены.

— Хорошо, — молвил Шинь, — только уж не забудьте о своем обещании.

А Ли Тхунг слушал и думал про себя: «Славно все получается! Пусть этот дурень лазает по горам и лесным чащобам, пусть разыщет дочь Небесного властителя! Да ему на роду написано до конца жизни собирать хворост в лесу! Какая девушка позарится на парня, который до того беден, что даже хижины не имеет, в дупле живет!»

Решил Ли Тхунг, что присвоит себе заслугу Шиня, если тому посчастливится разыскать дочь Небесного властителя.

Отправился Шинь в путь. На высокие горы взбирается, сквозь лесные чащобы продирается, а разыскал все-таки то место, где ранил когда-то огромного ворона, нашел и пещеру, где ворон выпустил из когтей девушку. Видит, вход камнями завален. Плотно лежат камни, один к другому, но все-таки углядел Шинь крошечное отверстие, в него разве что муравей пролезет.

Превратился Шинь в муравья и юрк в пещеру, там и в самом деле дочь Небесного властителя сидит! А вход в пещеру завалил, оказывается, ворон. В одном углу девушка сидит, в другом — ворон дремлет. Подобрался муравей к самому уху девушки и что-то ей шепнул. Вздрогнула она от неожиданности, встрепенулась и тихо молвила:

— Будь осторожен, а то проснется ворон и проглотит тебя.

Взяла она шпильку и дотронулась ею до лапы ворона, тот не шелохнется, спит себе крепким сном.

Тогда Шинь снова обернулся человеком, выхватил из-за пояса острый нож и одним махом отрубил ворону голову. Заплакала девушка от радости и принялась благодарить Шиня.

— Теперь спускайся под землю, — говорит, — подсоби Подземному владыке, у него много дел накопилось, одному никак не управиться. В семь дней, глядишь, обернешься. Подземный владыка в долгу не останется, да только не бери у него ни денег, ни одежды, возьми одну лишь лунную лютню.

Снова превратился Шинь в муравья, пополз под землю, помог Подземному владыке: за все дела брался с радостью, любую работу делал споро.

Как семь дней миновало, Подземный владыка и говорит, что хочет наградить юношу за честный труд. Шинь и попросил тогда лунную лютню.

Вернулся Шинь в пещеру и отправился в далекий путь вместе с дочерью Небесного властителя.

А Ли Тхунг тем временем вошел у Небесного властителя в большое доверие, пожаловали ему чин сановника. Как узнал Ли Тхунг, что Шинь отыскал дочь Небесного властителя, как увидел ее красоту, совсем покой потерял. Пошел к Небесному властителю и говорит:

— О всемогущий, да ведь это Шинь похитил вашу дочь и спрятал ее в пещере. А теперь еще осмелился явиться за вознаграждением!

Услышал это Небесный властитель и повелел заточить Шиня в темницу. А дочь Небесного властителя как узнала об этом, словно окаменела — на вопросы не отвечает, на слово не отзывается, ни с кем не разговаривает. Онемела, да и только!

Лишь тогда веселеет девушка, когда слышит, как в темнице Шинь на лунной лютне играет.

Прознал Небесный властитель, что во всем виноват Ли Тхунг, и тотчас прогнал его в бранный мир — на землю, а Шиня сделал своим зятем, как и обещал.

Пришлось Ли Тхунгу отправиться восвояси. Идет он домой, а сам весь от злости кипит и думает только о том, как бы отомстить Шиню. А тут налетел ветер, засверкали молнии, загрохотал гром, ударила в Ли Тхунга молния — злодей так и упал замертво.

Не успел Шинь порадоваться счастливой жизни с красавицей женой, как на владения Небесного властителя напали вражеские полчища. Храбро сражались воины Небесного властителя, но враг был слишком силен, и войско Небесного властителя терпело поражение за поражением. Со всех сторон окружили враги крепость Небесного властителя, разрушили все семь ее ворот. Перепугался Небесный властитель не на шутку, от страха сна лишился. Зовет он Шиня, просит совета, как беды избежать.

Велел Шинь воинам Небесного властителя отдыхать, а сам взял лунную лютню, поднялся с ней на крепостную стену и запел. Насторожились вражеские воины, прислушались. Нежная призывная мелодия волновала душу, будила воспоминания.

Стемнело, а Шинь все пел свои песни, все перебирал струны. Наступила поздняя ночь, а с крепостной стены все лилась чудная мелодия, не давала она заснуть вражескому войску. Всю ночь воины глаз не сомкнули, каждый вспоминал родную хижину с очагом: трещат весело дрова, тепло от очага идет, хорошо возле очага холодными вечерами. Напоминала лютня и о весне, о ласковых солнечных деньках.

Уже близился рассвет, а лютня не умолкала. Звуки ее убаюкивали, а пение Шиня щемило сердце, брало за душу. Нежные звуки лютни согревали сердца, звали домой, к родному очагу. Расхотелось вражеским воинам сражаться, сложили они оружие.

Тогда Шинь принялся готовить для них угощение. Взял он котелок и положил туда горсть рису. Все вокруг удивились — котелок-то больно невелик! — хохочут, но Шинь спокойно продолжал свое дело. А когда воины принялись за еду, то удивились еще больше: десять тысяч воинов наелись досыта из одного котелка, а котелок все полнехонек.

— Нечего и думать победить чудодея, который накормил из маленького котелка целое войско! — перешептывались вражеские воины.

Снова поднялся Шинь на крепостную стену и громко воскликнул:

— Эй, воины! Слушайте меня! Пусть те, кому еще не надоело убивать друг друга, продолжают сражаться. А те, кто не хочет попусту кровь проливать, пусть расходятся по домам!

Закричали вражеские воины в один голос:

— Слушай нас, Шинь! Нам всем надоело воевать! Не хотим мы больше кровь проливать!

Загудел вражеский стан растревоженным ульем, стали расходиться воины кто куда, военачальников никто и слушать не желал.

Тогда Шинь взмахнул рукой и опять громко закричал:

— Вы здесь все семь крепостных ворот разворотили, разбили в щепы! Будет справедливо, если вы сделаете новые ворота.

Тотчас вражеские воины принялись за дело и через двенадцать дней построили семь новых ворот — куда краше прежних.

Снова воцарился покой во владениях Небесного властителя. Шинь играл на лунной лютне и пел веселые песни — песни о счастье мирной жизни.

Только теперь Небесный властитель оценил по достоинству таланты Шиня и решил сделать его главным своим советником, но тот отказался:

— Батюшка, хочу я, чтобы всем повелевали вы, я же буду у вас в помощниках.

К вьетнамской сказке «Юноша Шинь».

Золотая пещера и серебряная пещера

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена остались два брата сиротами. А хозяйство им досталось хорошее. Сначала жили братья вместе под одной крышей. А потом старший брат женился. Вот однажды говорит он младшему:

— Пришло время разделить наше наследство. Выделю я тебе долю, чтобы и ты имел на что жить, на что учиться.

В назначенный день старший брат вытащил бумагу и говорит:

— Ты, братец, у учителей учился, наверное, знаешь, что все предметы относятся или к мужскому роду, или к женскому, или к среднему. Давай делить родительское наследство. Я муж, а потому беру себе все вещи мужского рода. У меня есть жена, поэтому и вещи женского рода тоже должны быть мои. Ну, а ты один, сам по себе, потому возьмешь все вещи среднего рода. По-моему, такой раздел будет самый справедливый. Если ты согласен, подпиши бумагу!

Младший брат не заподозрил подвоха, подписал.

Стали братья наследство делить: тут-то и оказалось, что все в хозяйстве или мужского, или женского рода.

— Так, — начал дележ наследства старший брат, — этот дом — мужского рода, значит, мой. Этот буйвол — мужского рода, значит, тоже мой. Кувшин — мой, плуг — мой, борона — моей жены...

С самого утра до вечера перечислял старший брат вещи, оставшиеся от родителей, и все эти вещи были или мужского, или женского рода. Когда стемнело, младший брат схватил весло и сказал:

— Все здесь не мое. Только весло среднего рода, только оно мое.

Так с веслом на плече и вышел из родного дома. А старший вдогонку смеялся над ним и потешался.

С тех пор стал младший брат ходить каждый день в лес да хворост собирать, тем и кормился. Дома у него не было, и он просился на ночь то к одному, то к другому соседу. Иной раз ночевал в храме или часовне, в придорожной харчевне или под мостом, будто нищий. Но он старательно трудился — не протягивать же руку за милостыней.

Однажды младший брат ночевал под мостом. Ночь была лунная, светлая, и он, проснувшись, решил, будто уже светает. Поднялся юноша и пошел в лес за хворостом. Добрался до опушки, видит, еще ночь, луна светит, звезды сияют. Прилег он под старым раскидистым деревом да и не заметил, как заснул. Не знал юноша, что под этим деревом по ночам обезьяны любят резвиться. Прибежали обезьяны к дереву, чтобы поплясать, да вдруг видят, лежит под деревом какой-то незнакомец. Подумали обезьяны, что это мертвый, и решили отнести подальше. Юноша проснулся, когда обезьяны уже подняли его и собрались нести. Он сначала чуть было не закричал, да спохватился. Любопытно ему стало, куда это потащат его

обезьяны. Лежит он спокойно и ждет, что будет. Идут обезьяны, тащат юношу. Остановились вдруг и заговорили, заспорили:

— Отнесем-ка его в серебряную пещеру, там оставим! Зачем тащить в золотую?

— Ну нет! Отнесем в золотую пещеру! Там оставим! Зачем тащить в серебряную?

Поговорили обезьяны, пошли дальше. Принесли юношу куда-то, оставили и побежали скорее к раскидистому дереву развлекаться. Поднялся юноша, огляделся: вокруг него золото огнями переливается. Обрадовался он, набрал золота целый мешок.

С тех пор младший брат разбогател. Построил себе дом, купил землю, завел буйволов, быков и зажил припеваючи.

Молва о том, что бедный юноша нашел золото и стал богат, разнеслась по всей округе. Дошла эта молва и до ушей старшего брата. Он и верил, и не верил. А однажды, накануне дня памяти отца, младший брат сам к нему приходит и в гости зовет. Старший брат обещал прийти, ему не терпелось узнать, правду ли говорят люди.

Приходит старший брат к младшему и не может скрыть своего изумления:

— Как же это ты сумел так разбогатеть?

Не стал младший брат ничего скрывать и рассказал все как есть. Глаза у старшего брата от жадности разгорелись, ему страсть как захотелось попасть в золотую пещеру и набрать побольше золота.

Выбрал он ясную лунную ночь и пошел в лес, улегся там под старым раскидистым деревом и стал ждать. Прискакали обезьяны, начали резвиться, а как увидели незнакомца, обступили его, подняли и потащили куда-то. Потом обезьяны остановились, и одна из них сказала:

— Отнесем его в серебряную пещеру. Там оставим. Зачем тащить в золотую?

Тут жадный старший брат не выдержал и закричал:

— Не надо в серебряную! Несите в золотую!

Испугались обезьяны, так и прянули от алчного человека. И покатился жадный старший брат по склону горы. Крепко ему намяло бока, да и голову себе он порядком разбил.

Добрый юноша

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена жил на свете юноша, и славился он добротой, да не только к людям, но и к зверям, большим и малым. Потому и прозвали его Добряком.

Все наследство, что оставили ему родители, он раздал бедным, а сам перебивался кое-как. Но о родителях своих Добряк всегда помнил и каждый год в их память угощение устраивал.

Вот как раз накануне такого дня приготовил юноша рис и курицу. Вдруг видит, подобралась к рису мышь, полакомиться собирается. Поймал юноша мышку и говорит ей:

— Мышка, мышка! Ты зачем у бедняка рис воруешь? Чем я завтра гостей угощу? Беги-ка в другой дом, ищи себе добычу в другом месте!

И отпустил мышку, побежала она, обрадовалась.

А ночью, слышит юноша, в дом лиса лезет — запах курятины учуяла.

— Лиса, лиса! — схватил ее Добряк. — Я человек бедный. Зачем у меня воруешь? Оставь курицу! Чем я буду завтра гостей угощать?

Укоризненно покачал головой юноша да и отпустил лисицу. Почуяла лисица волю, обрадовалась, в темный лес побежала.

На следующий день собрался Добряк перед гостями блюдо с курицей и рисом ставить, а над блюдом муха кружит, тоже хочет полакомиться. Изловчился юноша, поймал муху — жужжит она у него в кулаке, вертится, думает, конец ей пришел.

— Муха, муха! — говорит ей Добряк. — Я человек бедный. Зачем у меня воруешь? Вот я гостей угощу, а что останется, тебе отдам, прилетай после.

И отпустил муху. Полетела она, обрадовалась, весело зажужжала.

С тех пор далеко разнеслась молва о доброте юноши. Узнали о ней и в королевском дворце. А король как раз собирался выдать замуж принцессу и подыскивал ей хорошего жениха, умного и доброго. Услышал король про Добряка, отправил за ним вельможу, и вскоре юноша предстал перед королем.

Оглядел тот Добряка, показался юноша королю неотесанной деревенщиной: не оказалось в Добряке ни придворной лъстивости, ни придворного блеска. И решил тогда король вежливо отказать Добряку.

— Я бы с большой радостью отдал дочь за тебя, — сказал государь с притворным радушием. — Только ведь, чтобы жениться на принцессе, нужно тебе принести во дворец свадебный подарок — большое золотое блюдо.

Услышал это Добряк, приуныл, понял, что не быть ему королевским зятем. Бредет он по лесу, не знает, что делать. Вдруг лисица, которую юноша когда-то на волю отпустил, дорогу ему перебегает.

Остановилась лисица и спрашивает:

— Что ты так печален, юноша?

Рассказал Добряк, отчего ему невесело. Выслушала лисица все от начала до конца и говорит:

— Это не беда. Я тебе помогу. Знаю я место, где золота полным-полно. Ступай следом за мной!

Пошел юноша вслед за лисой, и привела она его в глубокую пещеру. В углу пещеры стояли три огромных кувшина. Открыл Добряк крышки, заглянул в кувшины, полным-полны кувшины золота, серебра да драгоценных камней. Поблагодарил юноша лисицу и перевез кувшины к себе в дом. На следующий день нанял он слугу и послал его во дворец со свадебным подарком — огромным золотым блюдом.

Никак король такого подарка от бедняка не ждал, пришлось ему для вида согласиться выдать принцессу за бедного юношу. И все-таки король не терял надежды избавиться от нежеланного жениха, придумал он еще одну хитрость. В день свадьбы привел король жениха в свои покои и говорит:

— Видишь эти десять блюд? В одном из них — красная нить. Найди это блюдо, найди красную нить и садись перед ним. Сумеешь найти — женишься на принцессе. А нет — будешь на ее свадьбе гостем и отправишься восвояси ни с чем.

Взглянул Добряк на десять блюд и растерялся: все десять одинаковые. Не знает, бедняга, к какому блюду садиться. Стоит, призадумался. Тут вдруг слышит юноша, над ухом муха жужжит:

— З-з-з! Ты когда-то отпустил меня на волю. З-з-з! За это я отблагодарю тебя. З-з-з! Смотри да приглядывайся: к какому из десяти блюд я полечу, к тому и ты садись.

Услышал это Добряк, успокоился. А потом уверенно шагнул к блюду, на которое муха опустилась. Удивился государь, что бедняк так ловко нужное блюдо указал. Решил он еще раз испытать жениха и говорит:

— А теперь найди во дворце покои невесты!

Смотрит юноша, перед ним множество дверей — все одна на другую похожи. У каждой двери — светильник, цветами украшенный.

Опять растерялся юноша, не знает, как ему быть. Вдруг подбегает та самая мышка, которую он когда-то на волю отпустил, и тихонько пищит:

— Помнишь, как ты меня отпустил? За это я тебе помогу. Ступай за мной! В какую дверь я юркну, туда и заходи. Это и есть покои принцессы.

Побежала мышка, побежала, а потом в одну из дверей — юрк! В ту дверь и добрый юноша вошел. Смотрит, вот они — покои принцессы. Да и сама принцесса там сидит, приветливо жениху улыбается.

Пришлось королю уступить. Стал Добряк королевским зятем, а потом и королем.

Юноша в козлиной шкуре

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

малых лет остался Зианг круглым сиротой, не было у него ни отца, ни матери. Едва мальчик подрос, взял его к себе деревенский богатей и велел буйволов пасти. Держал богатей парня впроголодь, одежонка на бедняге совсем изодралась-излохматилась, лицо от загара да от грязи почернело. Никто в селении не хотел знаться с жалким оборванцем.

Пас однажды Зианг буйволов на склоне холма. Вдруг видит, шагают по тропинке три парня, все трое одеты как щеголи, идут себе да весело смеются. Зиангу очень захотелось узнать, отчего парням весело и куда это они путь держат. Подбежал он к ним и спрашивает:

— Куда вы идете и отчего так веселы?

— Идем мы в горы к старцу — великому искуснику, он некрасивых людей в красивых превращает, — отвечали парни, — а нам позарез надо стать красавцами, потому как надумали мы жениться.

Стал Зианг просить парней, чтобы и его взяли с собой. Те тотчас согласились.

— Так и быть, возьмем тебя. Авось нам еще веселее будет.

Загнал Зианг хозяйских буйволов в хлев, а сам побежал вслед за парнями. Денег у трех парней звенело в карманах много, щеголяли они в нарядной одежде, а на уме у них были одни только шутки да прибаутки. Призадумался Зианг о своей тяжелой доле и не заметил, что вместе с парнями добрался до подножия высокого холма. И тут вдруг, откуда ни возьмись, появился седовласый и седобородый старец с вязанкой хвороста за спиной. От усталости старик еле ноги переставлял и сильно запыхался. Богатые парни с шутками да прибаутками прошли мимо старика, а Зианг остановился и учтиво спросил:

— Далеко ли хворост несете? Давайте, почтенный, помогу вам!

Положил старик вязанку на землю, с трудом отдышался и сказал надтреснутым, старческим голосом:

— Живу я вон на той горе, надобно карабкаться все вверх и вверх, это в мои-то годы! Так что от помощи не откажусь.

Взвалил юноша вязанку хвороста на плечо и пошел вместе со стариком. Старик сильно семенил, и Зиангу пришлось приноравливаться к его шагу. Старик спросил, куда Зианг путь держит.

— Иду я к старцу — великому искуснику, он некрасивых людей в красивых превращает, — смущенно ответил юноша.

— Тогда позволь, добрый человек, сказать тебе: в моем селении как раз и живет старец, который многих некрасивых людей красивыми сделал. Немного погодя я покажу тебе, как его дом разыскать.

Подшли они к селению, старик взял у Зианга свою ношу и сказал:

— Иди вниз вон по той тропинке, а дальше спросишь у людей, они помогут тебе разыскать дом того

старца.

Старик пошел по тропинке вверх, а Зианг стал спускаться вниз. Через некоторое время он увидел трех парней, от которых отстал.

— Эй, парни! — закричал Зианг. — Вы ведь прошли мимо того самого селения, которое нам нужно. Поворачивайте-ка назад! Вон в том селении и живет старец — великий искусник, он некрасивых людей в красивых превращает!

Повернули парни назад и вместе с Зиангом пришли в селение, про которое старик с вязанкой хвороста говорил. Расспросили они людей, и те показали им нужный дом. Приходят, а там сидит тот самый старик, что повстречался им у подножия холма. Только теперь его было не узнать, старик уже красовался совсем в другом наряде. Он просил всех четырех парней пожаловать в дом, усадил их, выслушал и говорит:

— Ну что ж, я не прочь вашему горю пособить. Так и быть, сделаю вас красавцами!

А парни-то были из богатых домов, сидят, носы морщат — жилье старика показалось им очень уж убогим.

— Какая здесь грязь да вонь! — шепчутся они.

А Зианг увидел, что в доме не прибрано, и принялся помогать старику: подметать, мыть да сор выносить. Богатые парни и пальцем не шевельнули, знай просят старика, чтобы он поскорее превратил их в красавцев, тараторят, что спешат домой к празднику, а то разберут всех невест и им ни одной не достанется.

— Ладно, — сказал старик, — утром, так и быть, я займусь вами тремя, а тебе, Зианг, придется потерпеть. Ты сирота, тебе спешить некуда, невеста тебя не ждет. Поживи у меня, а там видно будет.

Зианг не стал перечить старику:

— И в самом деле, куда мне торопиться? Поживу-ка я у вас. Только вот без дела сидеть я не привык. Дайте мне, почтенный, какую-нибудь работу, а то умру с тоски.

— Вот и хорошо, — молвил старик, — я как раз деревья корчую, новое поле под кукурузу готовлю. Так что дело тебе найдется.

На другой день взял Зианг острый нож да тяжелый топор и отправился деревья корчевать. А старик дома остался, потому что трем парням из богатых домов все не терпелось — очень уж хотели они поскорее сделаться красавцами. Парни ссорились, кому быть первым, и так торопили старика, что у первого парня лицо получилось скособоченным, а у двух других — перекошенным. Выставил старик парней за дверь, не захотел их слушать.

Явились парни на праздник, девушки посмотрели на них да с испугу как кинутся врассыпную!

А Зианг между тем лес корчевал. А как вернулся он с горного поля, старик чуть-чуть подправил ему лицо. Каждый день так и повелось: старик исправлял изъян за изъяном, делал это без спешки и подолгу любовался своей работой.

Минул месяц, старик дал Зиангу монету и послал его в селение курицу купить. Вернулся Зианг, а старик его и спрашивает:

— Скажи, сынок, когда ты пришел в селение, встретили ли тебя собаки громким лаем? Захрюкали ли свиньи? Закудахтали ли куры?

— Нет, почтенный, — ответил Зианг, — собаки не лаяли, свиньи не хрюкали, куры не кудахтали.

Старик что-то пробормотал, опять усадил юношу перед собой и устранил какой-то изъян у него на

лице. И еще целый месяц старик каждый день исправлял на лице у Зианга мельчайшие изъяны и опять каждый раз подолгу любовался своей работой.

Через месяц он снова дал юноше монету и отправил его в селение, на этот раз за уткой. Вернулся Зианг, а старик опять его спрашивает:

— Скажи, сынок, когда ты пришел в селение, встретили ли тебя собаки громким лаем? Захрюкали ли свиньи? Закудахтали ли куры?

— Нет, почтенный, — ответил Зианг, — собаки не лаяли, свиньи не хрюкали, куры не кудахтали.

Старик пробормотал:

— Значит, придется еще поработать. Ну-ка, сынок, садись передо мной.

Еще девять дней исправлял старик изъяны на лице Зианга. А потом опять дал ему монету, велел идти в селение — купить козла с длинной шерстью, длинной бородой и изогнутыми рогами.

— Такого козла, — сказал старик, — ты найдешь в доме, около которого большой валун лежит.

Сходил Зианг в селение, купил красавца козла и привел к старику, а тот опять спрашивает:

— Скажи, сынок, когда ты пришел в селение, встретили ли тебя собаки громким лаем? Захрюкали ли свиньи? Закудахтали ли куры?

— Да, почтенный, — засмеялся Зианг, — на этот раз, едва я вошел в селение, псы залаяли, свиньи захрюкали, а куры закудахтали, крыльями захлопали.

Старик тоже заулыбался:

— Коли так, сынок, пойдиними с козла шкуру! Только смотри не повреди ее. Исхитрись целиком снять!

Зианг так и сделал. Шкура у козла была очень красивая. Юноша снял ее целиком, вместе с ушами и копытами, потом велел старик набить шкуру сухой травой — получилось чучело. Ровно сто дней сушилось чучело. А потом старик вынул траву и сказал, чтобы Зианг влез в козлиную шкуру. Велел старик юноше отправиться в селение, да не на двух ногах, а на четырех. И еще сказал, чтобы Зианг никому не позволял дотрагиваться до козлиной шкуры.

Влез юноша в козлиную шкуру и стал похож на настоящего козла. Едва он появился в селении, как со всех сторон начали сбегаться буйволы, быки, свиньи, куры, козы, овцы и собаки. Шли они за Зиангом по пятам, ни на шаг не отставали. Жители селения диву давались.

— Откуда взялся этот козел? Да он просто красавец, — говорили они. — Давайте отгоним от него буйволов, быков, коз, овец, свиней, собак и кур, не то пойдут за ним вслед — и поминай как звали.

Кинулись жители селения отгонять от Зианга буйволов, быков, коз, овец, свиней, собак и кур. А Зианг молча отправился назад. Вернулся он к старику, тот его и спрашивает:

— Скажи, сынок, какие домашние твари ходили за тобой по пятам?

— Буйволы, быки, козы, овцы, куры, свиньи и собаки по пятам за мной ходили, ни на шаг не отставали, — ответил Зианг.

Заулыбался старик, засмеялся, потом велел принести мяса да растолочь клейкого риса — целых три корзины. Из буйволятины и свинины старик приготовил начинку и напек много пирогов.

На другое утро велел он Зиангу снова надеть козлиную шкуру и насовал внутрь пирогов — ровно сто двадцать штук.

— Сынок, я сделал тебя красавцем, — сказал старик, — да таким, что в жены тебе годится только принцесса. Но пока потерпи, походи в козлиной шкуре. Как съешь все сто двадцать пирогов, сбрасывай с себя шкуру — станешь ты белокожим красавцем и женишься на принцессе.

И еще велел старик разыскать пещеру у подножия того холма, на котором пасутся королевские козы, и спрятаться в ней, а козлиную шкуру не снимать. Так Зианг и сделал.

В одно прекрасное утро пригнала принцесса коз пастись на холм. Вышел Зианг из пещеры, козы увидели его, приняли за настоящего козла и пошли за ним. Отвел Зианг коз далеко-далеко, туда, где росла самая вкусная, самая сочная трава, а когда они насытились, привел обратно.

Козы были так сыты, что, когда шли мимо кукурузного поля, ни единого стебля не сорвали, когда шли мимо рисового поля, ни к единому колоску не притронулись. Вечером привел Зианг коз к принцессе, увидела она красавца козла, удивилась и решила, что к ее стаду пристал дикий горный козел. Хотела она загнать его вместе со всеми козами в хлев, но козел взбрыкнул и убежал прочь.

На другой день опять погнала принцесса своих коз на холм, а они сразу же свернули к пещере и стали громко блеять, Зианга вызывать. Вышел красавец козел из пещеры и опять повел стадо туда, где росла самая вкусная, самая сочная трава. То же самое повторилось и на третий день.

Теперь принцесса целыми днями сидела около пещеры и рукодельничала. Надо сказать, она страсть как любила вышивать. Вечером загоняла принцесса сытых овец в хлев, а красавец козел убегал в свою пещеру. Жизнь у принцессы теперь была вольготная, ей больше не нужно было карабкаться по холмам, зато вышивать можно было сколько душе угодно. И она целыми днями вышивала себе наряды.

Однажды козы принцессы, как всегда, пришли к пещере и стали блеять, вызывать красавца козла. Тот вышел, поводит-поводил коз по холму, да скоро вернулся назад в свою пещеру и как ни в чем не бывало разлегся там на камнях. Козы полдня протоптались на одном месте, никак не хотели уходить от пещеры, а принцесса сидела неподалеку и занималась своим вышиваньем. В полдень стало клонить ее ко сну. А Зианг все видел из своей пещеры, вот он и спрашивает:

— Сколько нарядов нужно принцессе? Чего ради принцесса все вышивает да вышивает? Смотрю, она так устала, что, того гляди, заснет.

Вздрогнула принцесса, открыла глаза, огляделась по сторонам, но не увидела никого, кроме козла, который лежал на камнях в своей пещере. Принцесса решила, что ей померещилось, будто кто-то ее спрашивал про наряды. Она сладко зевнула и опять склонилась над рукодельем, но скоро задремала и тут сквозь сон опять услышала:

— Сколько нарядов нужно принцессе? Чего ради принцесса все вышивает да вышивает? Смотрю, она так устала, что, того гляди, заснет.

Вздрогнула принцесса, открыла глаза, огляделась по сторонам — опять никого, кроме красавца козла, который лежал в своей пещере на том же месте. Очень удивилась принцесса и подумала: уж не умеет ли этот козел говорить по-человечьи? Тогда она снова принялась вышивать, но скоро сделала вид, будто бы задремала, а сама потихоньку поглядывает на козла.

Хитрость принцессы удалась: решил Зианг, что она и в самом деле задремала, и снова повторил свой вопрос. Поняла тут принцесса, что красавец козел разговаривал с нею. Подошла она к нему, попыталась заговорить с ним, но козел молчал, только головой кивал да хвостом помахивал. Рассердилась принцесса, подбежала к козлу и давай трясти его за рога да приговаривать:

— Мой хороший, мой милый козлик, сделай милость, поговори со мной, пожалуйста, а то мне так скучно! А если ты не захочешь со мной говорить, я возьму и поломаю твои красивые рога!

Не стал красавец козел огорчать принцессу, заговорил с нею по-человечьи. Принцессе так понравилось с козлом беседовать, что стала она звать его к себе в гости. Только он не пошел, отказался.

На другое утро принесла принцесса козлу угощение. Присела принцесса у входа в пещеру, и стали они беседовать, а козы паслись поблизости. Беседует принцесса, рукодельем занимается. Стежки на вышиванье ложатся куда ровнее и красивее прежнего.

Вечером рассказала она матери-королеве о необыкновенном козле, который по-человечьи говорить умеет, и на другой день пошла королева вместе с принцессой коз пасти, но Зианг так и не вышел из пещеры.

На следующий день вместе с принцессой пришел сам король. Увидел Зианг короля, опять спрятался в глубине пещеры и просидел там до позднего вечера. Тут и наступил день, когда Зианг съел последний, сто двадцатый, пирог. Вспомнил юноша, как уходил из селения с запасом пирогов, которые ему дал старик, и слова, которые тот сказал.

На следующее утро принцесса пригнала своих коз одна. Увидел Зианг, что принцесса одна, тотчас выбежал в козлиной шкуре из пещеры. Обрадовались козы принцессы и послушно двинулись за козлом, но он поводел-поводел их немного по холму и скорей назад, к пещере. А в тот день случился дождь, козлиная шкура на Зианге сильно вымокла. Спрятался он в пещере и снял шкуру, чтобы ее просушить.

Принцесса ждала-ждала козла, а его все нет. Тогда она не выдержала и вошла в пещеру. Огляделась, смотрит, вместо козла стоит ладный, красивый юноша: лицо у него круглое, как месяц, кожа матово-белая, будто рисовая мука, глаза, словно звезды, сверкают. А рядом с юношей мокрая козлиная шкура лежит.

Увидела принцесса шкуру и догадалась, что все это время разговаривала не с козлом, а с этим прекрасным юношей, одетым в козлиную шкуру. От смущения лишилась принцесса дара речи и молча глядела на необыкновенного красавца. Чем больше она на него смотрела, тем прекраснее он ей казался. Наконец поняла принцесса, что надо делать: кинулась к козлиной шкуре, схватила ее и стала рвать на клочки, потом подошла к юноше и протянула ему руку. Теперь смутился Зианг: он не мог вымолвить и слова. Тогда принцесса преодолела робость и сказала Зиангу:

— Славный юноша, я хотела бы стать твоей невестой!

Тут Зианг вспомнил слова старика: «Я сделал тебя красавцем, да таким, что в жены тебе годится только принцесса». Обрадовался Зианг, протянул принцессе руку, и они вместе пошли во дворец.

Коварный незнакомец

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

ыло это давным-давно. Жил юноша Пао со своей матерью в ветхой хижине у подножия горы. Была та гора из черного камня. А вокруг тянулись джунгли. Редко-редко заглядывали сюда путники. Мать и сын каждый день уходили в джунгли — хворост собирать. Хворост они продавали и на вырученные деньги кое-как кормились.

Пао так ловко научился лазить по горам, что в проворстве не уступал ни обезьяне, ни белке. Мог он мгновенно забраться на вершину самой высокой горы, мог спуститься на дно самого глубокого ущелья. А еще трудолюбивым был Пао. Бывало, сходит в джунгли, наберет хворосту, потом принимается или дикие плоды собирать, или птиц ловить, или силки ставить на зверей. Так он и раздобывал пропитание для себя и для матери. Жили они дружно, во всем друг другу помогали.

Однажды поутру Пао и его мать, как обычно, отправились в джунгли. Едва подошли к горе, к той самой, что громоздилась по западную сторону от их жилья, как им незнакомец повстречался. Был он рослый, с тяжелым подбородком, густой бородой, от уха до уха, и злобным, исподлобья, взглядом. Незнакомец шарил глазами, словно что-то выискивал. Увидел он мать с сыном, остановил их, с притворным радушием предложил свою трубку, потом снял со спины мешок, развязал, достал оттуда мясо и угостил Пао и его мать. Незнакомец оглядел парнишку — крепким и ладным был Пао, заглянул ему в лицо и спросил вдруг:

— Сынок, ты, верно, любишь свою матушку?

Не смутился Пао, не застеснялся, хотя такого вопроса не ждал, и ответил, как думал:

— Свою матушку я очень люблю. А как же иначе! И матушку, и батюшку надо любить!

Незнакомец одобрительно закивал головой. Потом ткнул пальцем в сторону горы, той, что была не из черного, а из белого камня, и сказал:

— Взгляни-ка вон туда, там в горе есть пещера глубокая-преглубокая, в нее даже такой ловкий парень, как ты, вряд ли когда-нибудь спускался. А вот со мной однажды несчастье случилось: проходил я возле той пещеры да нечаянно уронил в нее старый светильник. Светильнику этому цены нет, перед ним еще мои пращурь по вечерам в незапамятные времена сиживали. Вот я с тех пор и горюю: очень мне жаль светильника. Сам я, как видишь, уже дряхлый, нет у меня сил лазать по горам. Вот если бы ты спустился на дно пещеры и достал мне светильник! Дал бы я тебе за него столько денег, сколько хочешь, — ничего не пожалел бы!

Сказал так незнакомец, взял трубку, глубоко затянулся и умолк.

— Не печальтесь, уважаемый. Вашей беде нетрудно помочь. Достану я вам ваш светильник! — живо откликнулся добрый юноша. — Спуститься в пещеру для меня — пустяк!

Мать с вязанкой хвороста пошла домой, а Пао срезал длинную лиану, смотал ее в огромный моток и взвалил на плечо. Двинулись они с незнакомцем вверх по горной тропе. Незнакомец все хвастался, все без умолку рассказывал парнишке о своих диковинных приключениях. Говорил, что не только весь мир земной, но и мир небесный обошел. Пао не впервой было карабкаться по крутым горным склонам, поэтому оба они быстро добрались до пещеры. Одним концом лианы Пао себя обвязал, а за другой конец незнакомец ухватился. Стоит он наверху, за лиану держится, а Пао в пещеру стал спускаться.

Пещера эта оказалась очень глубокой. Чем ниже спускался Пао, тем темнее становилось. Так что пришлось ему наконец пробираться на ощупь. Юноша цеплялся руками за стенки и осторожно вставал ногами на редкие уступы. Из пещеры веяло холодом и сыростью. И все-таки Пао спускался все ниже и ниже, хотя временами ему становилось жутко, ведь таких глубоких пещер он сроду не видывал.

Внизу ход в пещеру сильно сужался, превращался в тесный и очень скользкий лаз. Юноша еле протискивался по нему. Вдруг в самой глубине заметил Пао слабый свет. «Уж не мерещится ли мне это?» — подумал он и стал спускаться быстрее. Наконец добрался до дна пещеры, видит, светильник горит. Присмотрелся Пао хорошенько — возле лампы что-то шевелится. Решил парень, что это какой-то лесной зверь забрел на свет лампы, и из-за пояса на всякий случай нож выхватил. Но у самой лампы юноша увидел не опасного зверя, а тщедушного старичка: тот притомился, верно, и отдохнуть прилег. Догадался Пао, что лампа и есть тот самый светильник, из-за которого незнакомец с недобрый взглядом так сокрушался.

Кашлянул парень, дал знать старичку, что гость явился, вежливо поздоровался, присел рядом с хозяином пещеры и заговорил. Вначале старичок вроде бы растерялся, но потом все понял и очень обрадовался: видно, не часто гости его навещали. Стал он жаловаться, что уже много лет живет совсем один, давно человеческой речи не слышал, не с кем ему поговорить, не на кого опереться в старости. Стал старичок упрашивать Пао, чтобы тот остался у него за приемного сына. Ведь в пещере есть все, что душе угодно: рис, мясо, кукуруза, всякие ткани... Одного у старичка нет — друзей и близких. Пожалел Пао бобыля и согласился быть ему за приемного сына.

С того дня зажили Пао и старичок в пещере вдвоем, привязались друг к другу, и жилось им неплохо. Пао, как и раньше, усердно трудился, не чурался никакой работы. Приемный отец не мог нарадоваться на него, был этот юноша всем хорош.

Так незаметно четыре года пролетело.

Однажды Пао сильно затосковал по матери, по родным местам и попросил приемного отца отпустить его домой.

— За четыре года, — сказал старичок, — ты переделал уйму всякой работы и очень помог мне. Не буду тебя насильно удерживать. Когда пойдешь в родные края, возьми от меня на память то, что сам пожелаешь.

Пао сразу о светильнике подумал. Он уж давно догадался, что незнакомец обманул его, когда говорил, что уронил светильник в пещеру: на светильнике юноша не нашел ни одной вмятины. «Неспроста, видно, незнакомец так хотел завладеть светильником, — думал Пао. — Светильник этот, видать, не простой». И попросил юноша подарить ему лампу.

— Я думал, ты потребуешь чего-нибудь большего, — рассмеялся старичок. — Этот светильник для меня не великая ценность. А тебе он пригодится, жить тебе будет полегче. Только смотри береги эту вещь.

Заткнул Пао светильник за пояс, сердечно попрощался с приемным отцом и пустился в обратный путь. Долго он карабкался вверх. Вот рассеялся пещерный мрак, поднял юноша голову и увидел над собой небо. Так Пао вернулся на то место, откуда четыре года назад спустился в пещеру. Окрест никого не было. Видно,

незнакомец с недобрый взглядом решил, что Пао попал в беду, и ушел, не дождавшись светильника. Покружил Пао немного возле входа в пещеру, отыскал тропинку, она и привела его к родной хижине, к матери-старушке.

Рассказал ей Пао о своих удивительных приключениях, а она глаз от сына оторвать не может: Пао сильно вырос и стал еще смысленнее. Добрый юноша от души радовался, что застал мать живой и здоровой.

Взял Пао светильник в руки и загадал одно желание: хорошо бы им с матерью переселиться в новый красивый дом.

В ту же минуту вырос перед ними красивый просторный дом, а в доме — все, что душе угодно! В одном углу — котелки с яствами, в другом — кувшины с ароматными напитками, в третьем — одеяла и сетки от москитов, в четвертом — веретена и пряжа.

Несколько дней Пао и его мать отдыхали, пили и ели, а заодно вели долгие, задушевные беседы. Решили они, что пора Пао жениться, своей семьей обзавестись. Мать сосватала сыну красивую девушку с добрым нравом, пришлось она Пао по душе, и вскоре в доме появилась невестка. Пао обзавелся еще одним другом — кхеном, ведь это была его давнишняя мечта. Парню с гор подобает уметь играть на кхене. Стал Пао наигрывать старинные мелодии, далеко кругом разносились нежные, томные звуки кхена, рассказывали о том, как славно живет Пао и его семья.

Но как-то в тех местах появился путник. Был это тот самый незнакомец, злобный взгляд которого ничего хорошего не сулил людям. Он подозрительно оглядел большой дом, которого раньше здесь не было, и решил высмотреть, кто же хозяин дома. Попросил он дать ему напиток, мать Пао и вынесла ему воды. Увидел ее злой человек, сразу понял, кто хозяин дома, сразу догадался, что Пао завладел волшебным светильником. Но ни Пао, ни его мать не узнали прохожего, потому что на этот раз одет он был в лохмотья, а лицо перемазано сажей, словно он только что угли жег.

С того дня человек со злобным взглядом стал частенько заглядывать в дом к Пао — то напиток попросит, то просто отдохнуть. И каждый раз заводил с хозяевами задушевую беседу. А те все не узнавали в словоохотливом прохожем того самого человека, который хотел когда-то заполучить светильник.

А незнакомец между тем приглядывался, прислушивался, примечал, удобного случая выжидал. И наконец дождался.

Отлучился однажды Пао из дома, уехал на праздник в дальнее селение. Пронюхал об этом незнакомец и тут же в дом явился.

— Я перекупщик, — сказал он жене Пао, — меняю старые скверные лампы на совсем новенькие, самые-самые лучшие. Не найдется ли у вас какой-нибудь старой лампы?

Услышала это жена Пао и своим ушам не поверила: какая же корысть перекупщику новые лампы на старые менять? Но перекупщик еще раз повторил, что меняет старые лампы на новые. Обрадовалась жена Пао, проворно убежала в дом, схватила светильник, старый и неказистый, что стоял возле кровати, и обменяла его на новенький и красивый.

Едва перекупщик со старым светильником в руках зашагал прочь от дома, как неожиданно грянула страшная гроза, поднялся ветер — так и вырывает с корнем вековые деревья. Испугалась женщина, выбежала из дому взглянуть на небо, и в тот же миг обрушилась на нее тяжелая ветвь дерева да и придавила к земле. Заволокли небеса черные тучи, закрыли солнце, и все вокруг погрузилось в кромешную тьму. В этой тьме дом Пао вдруг покачнулся и пропал куда-то, только пустое ровное место осталось. А

коварный перекупщик взвалил на плечи бездыханную женщину и исчез.

Вернулся Пао домой, а дома нет как нет. Вначале он решил, что заблудился, и долго кружил верхом на коне по лесистым горам, да все напрасно: пропал дом, будто его никогда и не было. Догадался юноша, что какой-то злодей похитил у него волшебный светильник, и задумался: куда же исчезла мать? Где жена? Что случилось с ними? Но ответить ему никто не мог. Загоревал парень, да что было делать?

Стал он, как прежде, собирать в лесу хворост и обменивать его на кукурузу. Тем и кормился.

Как-то раз отправился он за хворостом в лес и нашел там бездыханное тело матери. Предал его Пао земле, слезами обливался, слал проклятья на голову душегуба. «Жива ли жена? — думает. — Может, и жену постигла та же печальная участь?»

Хворост дешевел день ото дня, никто не давал за него столько кукурузы, чтобы Пао мог есть досыта. Тогда покинул он родные места, там теперь царило запустение. Долго бродил Пао по горам, заходил в горные селения. Однажды в одном дальнем селении облюбовал он самый богатый дом и нанялся в работники. Дом этот ломился от всякого добра. Все в доме было отменным и ладным. Сами хозяева жили в богатых покоях, работники — отдельно в небольшом домике в углу усадьбы. Коровник, конюшня, загон для коз стояли на отшибе.

Пао ни минуты не сидел без работы: то в лес отправлялся за хворостом, то возился на огороде, то таскал воду, то работал на поле, то подметал двор, то гнал на пастбище коров, то косил траву для лошадей. Работники делали свое дело, но хозяев в глаза не видали. Даже нанимал работников не сам хозяин, а кто-то из его доверенных людей.

Так минуло три года.

Однажды узнали работники, что хозяин куда-то уехал. Случилось это в ту пору, когда в доме съестные припасы подходили к концу, а новый урожай еще не поспел. В нижнем амбаре не осталось кукурузы, нужно было теперь лезть за кукурузой на чердак.

Собрался Пао туда лезть и вдруг столкнулся носом к носу с женщиной. Думал, это хозяйка дома. А женщина уставилась на него и глядит не отрывая глаз. Это была жена Пао, она-то сразу узнала мужа. А вот Пао не сразу признал в ней свою жену, потому что красовалась она в новой расшитой юбке, очень похорошела и выглядела богачкой. Супругам было и радостно и грустно, они спешили рассказать друг другу о своих удивительных злоключениях. Жена не утаила от Пао, что хозяин дома спрятал волшебный светильник в надежном месте. Достать его оттуда никак нельзя. В доме много комнат, все они крепко заперты, а ключи хозяин хранит у себя и никогда с ними не расстаётся. Пао с женой не могли наглядеться друг на друга, но надо было спешить и до возвращения коварного обманщика придумать, как с ним справиться. И придумали.

Возвратился хозяин той же ночью. Жена Пао зажарила курицу и подала хозяину с чашкой родниковой воды. Хозяин устал с дороги, проголодался, жажда его мучила. Выпил он одну чашку, выпил другую. А не знал, что вода с дурманом. Лег и тут же крепко заснул.

Тогда Пао с женой взяли ключи и открыли боковую комнатку, в ней-то хозяин и прятал волшебный светильник.

Взял Пао светильник в руки и загадал желание: пусть этот богатый дом и все добро, что только в нем есть, перенесется в родные места Пао. Так оно и вышло.

И стали с тех пор супруги жить в доме среди джунглей и острых скал, в тех краях, где Пао еще мальчонкой играл, где все напоминало ему о матушке, которую погубил злобный незнакомец.

Зажили супруги в мире и согласии. Трудились они так же усердно, как и в те времена, когда ютились в

жалкой лачужке. Частенько Пао наигрывал на кхене, жена пела, а ветер подхватывал их песню. Песня была незамысловатой, но трогала сердце. Нежные звуки кхена сливались со звонким пением, неслись ввысь, разносились далеко-далеко, звали лесных птиц и ветер в горах разделить радость честного, трудолюбивого Пао и его жены.

Как бедняк принцессу говорить заставил

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

о времена давние-стародавние жила одна принцесса. Была она красива — глаз не отвести. Да вот беда, не любила говорить. Иной раз за целый день и полсловечка не скажет.

Пришло время для принцессы жениха подыскивать. Повелел король объявить повсюду, что отдаст свою дочь за того, кто ухитрится сделать так, чтобы она три фразы сказала.

— Пусть жених этот будет знатного или незнатного рода, все равно отдам за него принцессу! — сказал король. — Ну а если кто возьмется с принцессой поговорить, но она в ответ не скажет ни словечка, пусть сам на себя пеняет: прикажу всыпать ему сто ударов бамбуковой палкой.

Весть об этом распространилась по всему королевству. Многие женихи приходили к дворцу, были среди них сыновья из княжеских и других знатных домов. Только ничего хорошего из их затеи не выходило: молчала принцесса. Получит неудачливый жених сто ударов да пойдет, потирая места, по которым бамбуковая палка гуляла.

Прошло несколько лет, король никого в зятя так и не выбрал.

И вот однажды к воротам дворца подошел молодой парень, бедняк из бедняков. Прозывали его Сиротой. Увидели стражники, что жених в лохмотьях, не захотели его во дворец пускать. Потом вспомнили о королевском повелении и смилостивились. Вошел Сирота во дворец, повели его слуги к хоромам принцессы, оставили во дворе, а сами побежали к вельможе — король назначил его следить, заговорит принцесса или нет.

А Сирота стоит перед покоями принцессы и вроде совсем забыл, зачем сюда пожаловал. Потоптался-потоптался и принялся обед себе готовить. Попросил котелок, дров, немного рису, нашел два камня — чтобы котелок поставить. Только вот беда: котелок снизу, как шар, круглый, на двух камнях не держится. Поставит его Сирота, а котелок не стоит, опрокидывается. Опрокинется котелок, Сирота опять его на камнях прилаживает. Старается бедняга, но ничего у него не получается — не может котелок с круглым дном на двух камнях стоять.

Принцесса из своих покоев смотрела-смотрела, как Сирота над котелком хлопочет, да как рассердится, что парень не догадывается третий камень подставить. Видит она, что котелок в который уж раз накренился и вот-вот упадет, высунулась из окна и громко крикнула:

— Эй, недотепа! Еще один камень нужно подставить!

Сирота, не говоря ни слова в ответ, огляделся, нашел третий камень и молча сунул его под котелок — наконец-то котелок стоял прочно!

Насыпал Сирота в него риса, стал огонь высекать. Много раз ударял он огнем по кремню — все без толку. Потому что трут держал он в той же руке, что и огниво, искры мимо сыпались. Долго, упорно возился

Сирота с огнивом и кремнем, ничего у него не получалось.

Принцесса в своих покоях смотрела-смотрела на эту бестолковую возню, потом не вытерпела, высунулась из окна и крикнула с досады:

— Трут подложи снизу, растяпа!

Услышал это Сирота, спокойненько подложил трут снизу, искры на трут попали, он и загорелся. Так Сирота развел огонь.

Но заговаривать с принцессой не стал, а продолжал как ни в чем не бывало своим делом заниматься.

Сварил он рис, чайник кипятить поставил. Закипел чайник, понадобилось теперь перелить кипяток из чайника в малюсенький кувшинчик, который Сирота всегда брал с собой. Горлышко у кувшинчика узкое, а у чайника — широкое. Стал Сирота кипяток переливать, все льется мимо. Он и так и эдак пробует приспособиться, да все зря, ничего у него не получается. Смотрела-смотрела принцесса на неумелого парня, надоело ей, она и крикнула с досады:

— Подставь палочку, бестолковый!

Сирота так и сделал. По палочке вода прямо из одного горлышка в другое потекла.

Тут вельможа, которого назначили следить за тем, заговорит принцесса или нет, с места поднялся и пошел королю докладывать:

— Ваше величество, заговорила принцесса. Целых три фразы сказала. Я их все доподлинно записал. Извольте прочитать.

Услышал это король, очень удивился, велел послать за Сиротой. Видит король, жених-то в лохмотьях, и очень огорчился. Но потом подумал: верно, парень этот не глуп, коль удалось ему заставить принцессу говорить. И повелел готовиться к свадьбе.

Так смысленый Сирота стал королевским зятем.

Птица феникс

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена жил один богач. Старик этот был уверен, что нет на свете другого такого выдержанного и терпеливого человека, как он. А была у него дочь — удивительная красавица. Когда дочь стала невестой, богач приказал выставить у своих ворот доску с надписью:

Много ладных и умных парней приходило к богачу, но никто из них так и не сумел вывести старика из себя. Промается парень целый месяц, поработает на богача, получит хорошую выволочку и убирается ни с чем. Долго так продолжалось.

Однажды в дом к богачу явился щуплый, тщедушный малый.

— Ты зачем ко мне пожаловал? — спрашивает его богач.

— Хочу я жениться на вашей дочери, почтенный — отвечает парень.

— Ах, вот оно что! А ты внимательно прочитал, что написано на доске перед домом? Ты хорошенько подумал?

— Да, почтенный, я все внимательно прочитал и все обдумал.

Оглядел богач тщедушного парня с головы до ног и усмехнулся:

— Когда придется тебе получить сполна сотню батогов, боюсь, не выдержишь.

— Полно, не беспокойтесь обо мне, почтенный, — вежливо ответил парень.

— Ну, раз так, приходи завтра, начнем!

Прошло несколько дней. Малый усердно работал на богача. Вот как-то он и говорит старику:

— Не пойти ли нам завтра на охоту, почтенный? Как хорошо добыть дичи к обеду!

Услышал старик про охоту да про дичь к обеду, обрадовался:

— На охоту пойти неплохо, да вот беда: нет у нас собаки. Как же быть?

— Ничего, почтенный, — отвечает парень. — Я у вас буду вместо собаки!

Пошли они в лес, добыли зайца, принесли домой.

— Ну-ка разделай поскорее зайца, — приказывает богач, — да изжарь его!

Покачал парень головой:

— Вы, наверное, забыли, почтенный, я ведь собака! А собаки готовить жаркое не умеют.

Пришлось старику самому приниматься за дело: развел очаг, зайца разделал, жаркое приготовил. А малый после охоты отдохнуть прилег. Видит богач, в доме нет ни соли, ни перца. А парня не пошлешь — он собака! Пришлось старику самому в лавку идти. Только он вышел из дому, малый скок с постели и съел

всего зайца. Вернулся богач из лавки, от дичи одни косточки остались. Он и спрашивает:

— Я вижу, ты расправился с жарким, а мне-то ты хоть кусочек оставил?

— Где это видано, чтобы собака хозяину мясо оставляла? — ответил парень вопросом на вопрос.

Почесал богач в затылке и говорит:

— И на том спасибо.

А парень подождал немного, подходит на цыпочках к богачу и шепчет ему на ухо:

— Ну, признайтесь, почтенный, очень вы на меня сердиты?

Расхохотался старик:

— С чего это ты взял? На тебя я не сержусь, тебе в приятели гожусь!

На другой день богач и парень снова собрались на охоту. Старик решил как следует насолить хитрому малому и сказал:

— На этот раз вместо собаки буду я. Идет?

Парень тут же согласился. Силки и западни он нарочно расставлял в тех местах, где побольше колючих лиан и кустов, а вперед посылал, конечно, собаку. А если собака упиралась, он охаживал ее палкой.

— Скорей, тебе говорят! Дичь в лесу без труда не добудешь!

Умаялся старик: и выволочку хорошую получил, и весь исцарапался о лесные колючки. Спрашивает его парень:

— Ну, признайтесь, почтенный, очень вы на меня сердиты?

— С чего это ты взял? — отвечает богач как ни в чем не бывало. — На тебя я не сержусь, тебе в приятели гожусь!

В тот день добыли они опять зайца. Вернулись домой, парень приготовил жаркое и просит старика:

— Сходили бы вы в лавку за солью и перцем.

— Нет! — отвечает богач. — Ты, видно, запомнил, что я собака. Собаку в лавку за покупками не посылают!

А парню только того и нужно. Взял он цепь и привязал ею богача за ногу к столбу.

— Собаку надо сажать на цепь, не то она весь мой обед съест! — И пошел в лавку.

Вернулся, сел за жаркое, а косточки стал кидать богачу. Так малый всего зайца и съел, а потом спустил с цепи богача и спрашивает:

— Ну, признайтесь, почтенный, очень вы на меня сердиты?

— С чего это ты взял? — отвечает богач. — На тебя я не сержусь, тебе в приятели гожусь!

Видит парень, старик орешек крепкий, и забеспокоился: что бы такое придумать? Как одолеть богатея в споре? Вот и говорит как-то:

— Сейчас в поле работы мало, займусь-ка я пока торговлей. Авось вернусь с прибылью.

— Хорошо, — согласился старик. — Займись торговлей.

— Завтра под вечер приходите, почтенный, за околицу. Я там товар оставлю, а сам опять пойду по торговым делам. Очень прошу вас, захватите коромысло, принесете товар домой.

Явился богач к условленному месту. Видит, стоят две огромные корзины, крышками закрыты, веревкой обвязаны. Поднял богач обе корзины на коромысле и зашатался от великой тяжести. Шел, еле ноги передвигал, дотащил наконец корзины до дома, открыл, ну и ну: в одной корзине камни, в другой — хитрющий малый. Выпрыгнул парень из корзины и смеется:

— Ну, признайтесь, почтенный, очень вы на меня сердиты?

— С чего это ты взял? — улыбнулся старик. — На тебя я не сержусь, тебе в приятели гожусь!

Прошло несколько дней. Говорит богач, что теперь он отправится торговать.

— Завтра под вечер выходи к дороге возле реки, — приказывает он парню. — Увидишь там корзины с товаром. Отнесешь их домой. Ладно?

Отправился парень к условленному месту да прихватил с собой сушеный плод пальмы — ареки. Видит, стоят две большие корзины, крышками закрыты, веревками обвязаны. Малый давай трясти ареки — лоп-коп, лоп-коп! Получается, вроде бы подковы цокают. А сам кричит:

— Эй, кто бросил корзины посреди дороги? Господину правителю уезда ни проехать ни пройти!

А богач-то сидел в одной из корзин! Услыхал он цокот копыт да грозный окрик, подумал, что и вправду правитель едет, испугался, стал руками-ногами дрыгать. Покатилась корзина прямо в реку. Подождал парень, пока богач как следует нахлебается водицы, а уж тогда побежал спасать старика.

Вернулись они оба домой, малый и спрашивает:

— Ну, признайтесь, очень вы на меня рассердились?

Старик осклабился и отвечает через силу:

— С чего это мне сердиться? На тебя я не сержусь, тебе в приятели гожусь!

Видит парень, дела у него идут неважно, месяц-то скоро кончается, а рассердить старика никак не удастся. Крепко он задумался. На следующий день взял две корзины, вскинул их на коромысло и пошел куда-то. Вдруг прибегает обратно в дом и истошно кричит:

— Почтенный! Удача-то какая! Поймал я птицу феникс! Накрыв ее шляпой, а на шляпу для верности камни положил. Да боюсь, как бы такую ценную птицу не упустить. Идите скорей посторожить, а я сеть принесу. Тогда она от нас не уйдет!

Богач был большим любителем птиц, но феникса в жизни не видывал. Обрадовался он, побежал к дороге, видит, там и впрямь шляпа на земле лежит, камнями обложена. Старик на шляпу навалился, держит ее.

А в это время проезжал мимо король со свитой. Увидел он посреди дороги человека, на шляпу навалившегося, и спрашивает:

— Скажи, что ты там делаешь?

Богач с земли не встает.

— Ваше величество! — говорит. — Мне удалось поймать птицу феникс! Она под шляпой. Послал я человека за сетью, а сам сторожу птицу.

Услышал это король, захотелось ему поскорее птицу феникс увидеть, и приказал он старику приподнять шляпу. Старик так и сделал. Глядь, а под шляпой никакой птицы феникс нет, только кучка буйволиного навоза лежит.

Разозлился король на богача — как смел он своего повелителя обманывать! — и приказал всыпать

обманщику сто батогов. А как скрылся король со свитой за поворотом, парень вышел из-за кустов, подошел к старику, помог ему встать и спрашивает:

— Ну, признайтесь, почтенный, очень вы на меня сердитесь?

— Как же на тебя не сердиться! — затрясся от злости богач. — Из-за тебя я чуть головой не поплатился!

Через несколько дней в доме богача сыграли свадьбу. А женихом был тот самый хитрец, который старика вокруг пальца обвел.

Ерунда за восемь монет

Вьетнамская сказка

Перевод Н. Никулина

глубокую старину, уж и не помню, какой король о ту пору правил, жил на свете один человек. Очень любил он свою жену, только и думал, чем бы ее порадовать. Да вот глуп он был без меры.

— Чего тебе хочется? Скажи мне, я любое кушанье, самое вкусное, тотчас куплю, — то и дело спрашивал он жену.

Спрашивал, спрашивал, надоел до смерти. Рассердилась она и говорит:

— Чего мне хочется? Чего бы я съела? Купи мне ерунды!

Удивился муж: о такой еде он слыхом не слыхивал. Взял восемь монет и отправился на базар. Обошел все ряды — и верхние, и нижние, и западные, и восточные, да все расспрашивал, не торгует ли кто ерундой, но нигде такого не продавали.

День уже клонился к вечеру. Загрустил глупец, что нигде ерундой не торгуют, и пошел назад, домой. Вдруг видит — река. Захотелось ему искупаться, снял он набедренную повязку и прыгнул в воду.

Искупался, вышел на берег, а набедренной повязки нет как нет. Побрел глупец разыскивать свою повязку. Подходит к деревне. Видит, толпа бредет, хоронят кого-то, а впереди человек полотнище несет. Подумал простака, что это несут на палке его набедренную повязку, подбежал и кричит:

— Нечестивые! Как вы посмели с моей набедренной повязкой покойника провожать?

Возмутились люди и вздули глупца как следует. Прибежал он домой, плачет, жене жалуется:

— Взял я восемь монет, решил: куплю ерунду, угощу тебя на славу. Но купить так и не удалось. На обратном пути вздумалось мне в реке искупаться. Вышел из воды, смотрю, нет моей набедренной повязки, исчезла. Думал, в ближайшей деревне отыщу, да где уж там, только побили меня...

— Вот беда-то! А за что же тебя побили? — спросила жена.

Вытер муж слезы и говорит:

— Я думал, они из моей набедренной повязки полотнище сделали и с ним идут покойника хоронить. Побежал, обругал их, стал требовать обратно повязку.

— Горе ты мое! — отвечала жена. — Разве с набедренной повязкой покойника хоронят? А если и в самом деле покойника несут и кто-то кричать вздумал, так такого наглеца и побить не грех. В другой раз увидишь, идет народ толпой, подойди и трижды громко, с печалью в голосе, скажи: «О-хо! О-хо! О-хо!» Тебя не только не побьют, но, пожалуй, и на поминки пригласят.

Раскаялся глупый муж, а сам про себя повторяет: «О-хо! О-хо! О-хо!» Очень ему эти слова показались забавными.

На заре поднялся простак и снова отправился покупать ерунду. Ходил, ходил по базару, но так ерунды и не нашел. Собрался домой, а навстречу ему опять народ идет. Вспомнил глупец слова, которым жена его научила, растолкал людей и с печалью в голосе громко три раза крикнул:

— О-хо! О-хо! О-хо!

А шла-то свадьба. Решили люди, что он смеется над ними, и устроили глупцу хорошую выволочку.

Схватился он за голову, помчался домой. Плачет, жене жалуется:

— Пошел я покупать ерунду, смотрю, опять народ толпой идет. Вспомнил, что ты мне вчера говорила, и крикнул трижды: «О-хо!» Но, знаешь, никто меня не пригласил пировать, а побили больно, едва до дому добрался.

Засмеялась жена:

— У людей свадьба, радость, а ты кричишь свое «О-хо!». В следующий раз, как встретится тебе свадьба, бери бетель^[37], поднеси его жениху с невестой да говори при этом: «Пусть такое счастье привалит вам не один раз!»

Запомнил глупец слова жены, весь вечер и всю ночь их повторял. Наутро опять отправился ерунду разыскивать. Купить не купил, домой собрался. Видит, у дороги толпа, а это люди пожар тушили. Не растерялся глупец, взял бетель, подбежал к хозяевам дома, поздравляет:

— Пусть такое счастье привалит вам не один раз!

У хозяина от горя и так голова кругом шла, решил он, что это и есть поджигатель. Схватил глупца, хотел в суд отвести, да передумал, сам ему хорошую трепку задал.

Перепугался бедняга, стал просить прощения. Поняли люди, что он просто глуп, и отпустили восвояси.

Вернулся глупец домой, плачет, жене жалуется:

— Сегодня пошел я опять ерунду покупать. Смотрю, народ пожар тушит. Вспомнил я, как ты меня вчера учила, взял бетель и к хозяину. «Пусть такое счастье привалит вам не один раз!» — говорю, но никто меня на пир не позвал, зато трепку задали хорошую.

— У людей пожар, беда, а ты поздравлять их лезешь. Если еще раз увидишь такое, хватай грабли, мотыгу, людям помогай, тогда тебя за усердие благодарить будут.

На следующий день проснулся он пораньше и опять на базар пошел. Идет полем, глядит — дерутся двое, друг в друга вцепились, а рядом мотыга и грабли валяются. Схватил он мотыгу и давай драчунов охаживать. Те драться перестали, вместе на глупца набросились и крепко его побили. Прибежал он домой, рассказал обо всем жене. Смеется жена:

— Коли люди дерутся, а ты их еще мотыгой охаживаешь, то нечего жаловаться, что и тебе досталось. В другой раз увидишь драку — обходи стороной.

Слушал глупец, головой кивал. Наутро снова на базар пошел. Видит, голуби дерутся. Вспомнил глупец, чему его жена учила, и испугался, как бы в беду не попасть. Помчался он домой. Прибежал, тяжело дышит.

— Страх-то какой! — говорит жене. — Иду я на базар ерунду покупать, смотрю, голуби дерутся! Испугался я, как бы со мной беда не стряслась, бегом домой бросился, едва спасся!

Засмеялась жена:

— Ну какая может быть беда, если голуби дерутся? Пусть себе дерутся. А ты подкрался бы да поймал их. Жареный голубь с молодыми побегами бамбука — редкое лакомство.

Жаль стало глупцу упущенной дичи, побежал он смотреть, не дерутся ли еще голуби. Но голубей уже не было. Зато у подножия горы приметил он тигрицу с тигренком. Вспомнил, что жена ему присоветовала, обрадовался — вот, думает, удача-то. Подкрался к тигрице, только хотел ее схватить, а тигрица как зарычит! Не подоспей охотники, растерзал бы зверь беднягу.

Еле до дому добрался глупец. Три дня лежал, в себя прийти не мог от испуга. На четвертый день встал и опять пошел ерунду покупать, чтобы жену угостить. Ходил, ходил, искал, искал — нигде ерундой не торгуют. Опечалился глупец.

Вдруг видит, навстречу ему неудачливый торговец идет: с раннего утра хотел он кошку продать, да никто к ней не приценивается.

Подходит к нему глупец и спрашивает:

— Дядюшка, чем это вы торгуете?

Решил торговец, что над ним издеваются, обозлился да как крикнет:

— Разве не видишь? Ерундой торгую!

От радости глупец так и подпрыгнул. Сунул, не торгуясь, восемь монет, схватил кошку и домой побежал. А торговец смеется над глупцом, неожиданной удаче радуется.

Тащит глупец кошку домой, торопится, даже взмок от усердия. Увидал пруд, и захотелось ему освежиться. Только не знает глупец, где бы свою бесценную ношу оставить. Снял он тогда набедренную повязку, обвязал ею кошку, оставил на берегу, а сам в воду прыгнул. Искупался, вылезает — ни зверя, ни набедренной повязки! Что делать? Бедняга и стонал, и рыдал, все кусты поблизости обшарил. Люди останавливаются, никто ничего толком понять не может. А глупец мечется.

— Где моя ерунда? — кричит.

Люди переглядываются, постоят в недоумении, дальше идут. А глупец все по берегу рыскает.

На счастье, неподалеку мальчонка пробегал, заметил он на дереве кошку и спрашивает:

— А что это там на дереве?

Поднял глупец голову, а на дереве — кошка. Закричал он от радости и полез на дерево. Изловил глупец кошку, прижал ее крепко к груди и домой припустился. Влетел во двор, от самых ворот жене кричит:

— Жenuшка! Смотри, купил я все-таки ерунду!

Выглянули на крик соседи, увидели кошку и давай хохотать:

— Кошка! Кошка!

Жена тоже вышла. И стыдно ей было перед людьми за глупого мужа, и радостно, что муж так крепко ее любит. Видно, правду говорят люди: от глупости нет лекарства.

Кхмерские сказки

Как на свете появились летающие рыбы

Кхмерская сказка

Перевод Ю. Осипова

теплом заливе Кампонгсаом, у берегов Кампучии, водятся летающие рыбы. Как же это рыбы стали летать? Вот что рассказывают об этом старики кхмеры [\[38\]](#).

Давным-давно жили на берегу залива два бедных брата-рыбака. И были у них жены: у старшего умная и трудолюбивая, а у младшего — глупая да ленивая. Сказала однажды старшему брату его жена:

— Трудимся мы с тобой с утра до ночи, а живем бедно. Говорят, на дне моря полно жемчуга. Давай-ка вычерпаем из моря всю воду и наберем жемчужин. Вмиг разбогатеем!

Подумал-подумал муж и согласился. Наутро поднялись они чуть свет, взяли с собою два больших ковша из кокосового ореха и пошли к морю. С восхода до заката работали — воду из моря вычерпывали.

Тут вылез из воды старый краб и спрашивает:

— Вы зачем это воду вычерпываете?

Отвечают муж с женой:

— Да вот хотим осушить море и собрать со дна все жемчужины.

Дух перевели и снова принялись за работу.

А старый краб нырнул в воду, быстро опустился на дно и поведал обо всем морскому царю — дракону. Выплыл дракон на поверхность, увидел, как работают люди, испугался. Коли вычерпают муж с женой всю воду в заливе, то и до океана доберутся. А без воды погибнет его царство, всем обитателям конец придет!

Повелел дракон своим подданным:

— Живо опускайтесь на дно и принесите наверх по жемчужине!

Принялись нырять морские жители — рыбы, медузы, крабы, улитки. Каждый опускался на дно и возвращался к берегу с крупной жемчужиной.

Наполнили муж с женой кокосовые ковши жемчугом и пошли домой.

Прослышала жена младшего брата, что родственники разбогатели, и говорит мужу:

— Давай-ка и мы припугнем морского царя. Глядишь, он и нам подарит гору жемчуга!

Пошли младший брат с женою к морю, стали черпать воду чашами из тыквы-горлянки. Раз черпнули, другой...

Надоело. Отшвырнула ленивая женщина чашу и говорит мужу:

— Работай-ка один, а я передохну!

Рассердился муж:

— Вот еще, буду я один черпать! Сама начала — сама и кончай!

Поднялся у них тут спор. А после и до драки дошло. Вцепилась жена мужу в волосы, а он давай ее водой обливать. Шум, гам стоит.

Услыхали это морские жители, из воды высунулись, а кто и на берег выполз. Смотрят, хохочут. Крупные рыбы смеются, хвостами по воде бьют. А маленьким рыбкам плохо видно. Стали они из воды выскакивать, чтобы на драчунов поглядеть.

Тут вылез из моря дракон. Видит, жена мужа таскает за волосы, а он ее чашей по спине охаживает. Заохотал морской владыка. От хохота его всколыхнулось море, зашатался берег.

Испугались муж с женой большой волны, кинулись на берег, а оттуда домой. Еле ноги унесли. А жемчуга-то и не добыли, так и остались ленивые драчуны ни с чем.

А любопытные рыбки долго еще выскакивали да смотрели, не дерутся ли муж с женою. И часто из южных морей в залив Кампонгсаом приплывали: все охота узнать им, что на берегу делается.

Оттого и вылетают эти рыбки из воды. И зовут их летающими.

Про воробьев городских и воробьев полевых

Кхмерская сказка

Перевод Ю. Горгониева

Прилетели как-то городские и полевые воробьи в рощу. У городских воробьев вожаком был старый стреляный воробей, не раз учил он молодых:

— Когда кормитесь, не шумите, не ссорьтесь, осторожность блюдите. Если попадетесь в охотничьи сети, взлетайте все вместе. Сначала унесете сети на головах, а потом уж сами выпутаетесь.

Городские воробьи так всегда и поступали. Зерно клевали без лишнего шума, драк и ссор не заводили, а если случалось попасть в сети охотника, то дружно поднимались в воздух и сбрасывали сети.

Вот прилетели они, как всегда, в рощу и повстречались там со стайей полевых воробьев. Полевые воробьи расположились на ветвях пониже, городские — на ветвях повыше. А тут, как нарочно, отломилась одна ветка и упала прямо на головы полевым воробьям.

Возмутились полевые воробьи, заверещали:

— Как смеете вы, городские воробьи, ветками кидаться?

Городские воробьи оправдываются:

— Мы веток не ломали, ни в кого их не кидали, просто одна ветка случайно отломилась и сама упала, и никто в этом не виноват.

Полевые воробьи не унимаются. Знай бранятся. Ну что с них возьмешь: грубый народ, своевольный, задиристый. Стали полевые воробьи городских донимать, полезли в драку. И пошла тут такая потасовка, такой крик и гвалт поднялся, что далеко кругом было слышно, как воробьи скандалят.

Услыхали охотники шум в роще, подкрались к драчунам и накрыли их сеткой.

Но воробьи и тут за ум не взялись. Городские кричат:

— Эй вы, полевые воробьишки! Если вы такие удалцы, то почему бы вам не изорвать сети?

А те в ответ:

— Эй вы, хвастунишки! Ну-ка покажите свою прыть!

Ссорились они и шумели, вместо того чтобы дружно вырываться на свободу.

Переловили охотники всех воробьев и на кухню отправили.

Приключения зайца

Кхмерская сказка

Перевод Ю. Горгониева

Заяц славился среди зверей своим умом и сметкой. За его мудрость прозвали звери зайца Судьей. По правде сказать, зайцу далеко не всегда удавалось выйти сухим из воды, но об этом мало кто знает. Во всяком случае, жизнь зайца всегда была полна приключений, всегда-то он попадал во всякие переделки! Обо всем даже не расскажешь. Но кое о чем поведать можно.

Как-то раз выскочил заяц из очередной переделки и прилег отдохнуть в кустах, неподалеку от одной деревушки. Устал заяц и был ужасно голоден. Увидел он, что по дороге идет старуха, на голове несет корзину спелых-преспелых бананов, и подумал: «Я так устал, так голоден. Нужно мне подкрепиться. Вот бы отведать бананов из старухиной корзины! Пожалуй, лучше всего притвориться мертвым».

Пробежал заяц по обочине дороги, обогнал старуху с бананами, выполз на дорогу, лег и притворился мертвым. Увидела старуха зайца, решила, что он и впрямь мертв, и громко воскликнула:

— Везет мне нынче! Пошла продавать бананы — зайца нашла. Возьму-ка я его с собой.

Положила старуха зайца в корзину с бананами. Заяц только этого и надо! Пока старуха шла, съел он все бананы, выскочил и был таков. Пришла старуха на базар, поставила корзину на землю, глядь, нет ни бананов, ни зайца. А сытый заяц тем временем прибежал в лес. Захотел он утолить жажду и подошел к берегу глубокого пруда. Нагнулся к воде и совсем уже было собрался напиться, как вдруг услышал сердитые голоса слизняков, которые жили в этом пруду.

— Эй ты, заяц, как ты смеешь пить воду из нашего пруда!

— А почему бы мне и не пить, — возразил заяц, — чья же это вода?

— Наша!

— Ну, если так, — усмехнулся заяц, — то давайте биться об заклад: кто быстрее обежит вокруг пруда, того и будет вода. Буду я первым — напьюсь вволю, вы меня обгоните — не стану пить.

Слизняки согласились. Но они были очень хитры и тут же распределили между собой места вдоль всего берега. Заняли слизняки свои места, и первый слизняк кричит:

— Ну, заяц, бежим!

Пустился заяц со всех ног. Пробежал несколько шагов и кричит:

— Эй, слизняки! Где вы?

А другой слизняк впереди отвечает:

— Коук! Мы здесь!

«Как, — удивился заяц, — они обогнали меня?!» — и припустил еще быстрее. Но, как ни старался

заяц, слизняки всегда оказывались впереди. Струсил заяц и убежал прочь от пруда.

С тех пор зайцы не пьют воды из пруда, жажду сладкой росой утоляют.

Бежал заяц, бежал, добежал до реки и не знает, как на другой берег перебраться. Плавать заяц не умел. Вдруг видит, плывет по реке крокодил. Думает заяц: «А не переплыть ли на крокодиле верхом?» Вот он и спрашивает:

— Брат крокодил, что за струпья у тебя на коже? Уж не лишай ли это? Я могу вылечить тебя от этой болезни. Если перевезешь меня через реку, охотно тебе помогу.

— Я бы перевез тебя, да только не верится, что ты меня вылечишь.

— Будь спокоен, мигом вылечу, — уверяет крокодила заяц.

Противно было зайцу садиться на бугорчатую спину крокодила. Нарвал он больших листьев, чтобы подстелить их под себя.

— Зачем тебе листья? — удивился крокодил.

— На память, твое благодеяние навсегда сохранится в моем сердце, — не моргнув глазом соврал заяц и устроился поудобнее на голове крокодила.

Поплыл крокодил к противоположному берегу. Соскочил заяц с крокодиловой головы на берег и кричит:

— Твои лишаи, брат, достались тебе по наследству от твоих почтенных предков. Их никто не излечит! Ха-ха-ха!

Рассердился крокодил, но что теперь поделаешь с дерзким зайцем, который так ловко провел его?

Расхохотался заяц и беспечно побежал дальше. Прибежал обратно к реке, а крокодил там его поджидает. Увидел зайца и задумал схитрить: застыл без движения — поди разбери, крокодил это или бревно.

Видит заяц, в воде что-то плавает. Показалось ему, что это бревно, но тут же засомневался он: уж не крокодил ли хочет его надуть? Остановился заяц и кричит:

— Если ты бревно, то плыви против течения! Если крокодил, то плыви по течению!

Услышал это крокодил и поплыл против течения. Расхохотался заяц:

— Й-и-и! Посмотрите на этого простака! И он еще хотел меня провести. Куда тебе, глупый крокодил!

Видит крокодил, не удалась его хитрость. Вот он и думает: «А что, если я выползу и притворюсь мертвым?» Так он и сделал. Вышел на берег и притворился мертвым: пасть раскрыл широко-широко и не дышит.

Увидел заяц крокодила и поскакал к нему:

— Да ты, брат, кажется, и вправду околел.

А крокодил не шелохнется. Прыгнул заяц крокодилу в пасть, стал ощупывать острые крокодиловы зубы и рассуждать сам с собой: «Вот из этого зуба я сделаю себе отличный нож, а из этого — нож для жены».

Рассуждал заяц, рассуждал, а крокодил — раз! — и захлопнул пасть. Зубы так страшно щелкнули, что заяц с испугу прямо в крокодилово брюхо сиганул. В брюхе опомнился он немного, огляделся и давай кричать:

— Ого-го-го! Да здесь отлично! У меня прямо зубы чешутся при виде этих великолепных кишочек!

Сейчас ими полакомлюсь... — И забарабанил лапами по стенкам крокодилова желудка.

Скрючило крокодила от боли, взмолился он:

— Не губи меня, братец заяц, я тебя никогда больше не трону.

— Ну ладно, — сказал заяц примирительно, — коли ты так жалобно просишь, я готов простить тебя и оставить твои кишки в покое.

Раскрыл крокодил как можно шире свою страшную пасть, выскочил заяц и удрал в лес.

Бегал он по лесу, бегал и увидел большущий пенёк. Вскочил на него, уселся и прилип: солнце растопило смолу на пне, и заяц прочно приклеился к нему.

В это время к пруду, около которого стоял пенёк, подошел слоненок.

— Эй, ты! — закричал ему заяц. — Не смей пить воду из моего пруда! Меня поставил охранять этот пруд сам бог Индра![\[39\]](#)

Испугался слоненок, прибежал к маме-слонихе и рассказал обо всем. Рассердилась мама-слониха, пошла вместе с сыном к пруду, увидела зайца и спрашивает:

— Эй, заяц, ты почему это не дал моему сыну напиться?

— И тебе не дам пить, — заупрямился заяц. — Этот пруд мне поручил охранять сам Индра!

Еще пуще осерчала слониха, схватила зайца хоботом, оторвала от пенька и швырнула подальше. А зайцу только этого и надо было.

Как-то набрел заяц на грядку с огурцами. Вот и повадился он захаживать сюда да закусывать свежими огурчиками. Заметил это дед и ловушку на огороде поставил. Пришел заяц ночью за огурцами и попался в ловушку. Испугался: дед-то вот-вот нагрянёт. Вдруг видит, мимо важно прыгает большущая жаба. Заяц и спрашивает:

— Что это у тебя, сестрица жаба, вся кожа в бородавках? Я твою хворь могу разом вылечить, только помоги мне выбраться из ловушки.

Обрадовалась жаба. Давно хотелось ей избавиться от безобразных бородавок. Стала она помогать зайцу. Вылез заяц из ловушки и смеется:

— Эх и глупая ты, жаба! Твои бородавки достались тебе от твоих предков. Их ни один лекарь не сведет. — И убежал.

Рассердилась жаба, погналась за зайцем, да разве его поймаешь!

Пришел дед на огород, видит, заяц опять наведывался: огурцы съел, ловушку сломал — и поминай как звали.

— Что ж, ладно, — говорит дед, — на этот раз не пришлось мне отведать зайчатинки. Ну, погоди, заяц!

Сделал дед новую ловушку, прочнее первой, и вернулся домой. Ночью зайцу захотелось свежих огурцов. Побежал он на огород, про ловушку и думать забыл. А зря забыл! Ловушка — раз! — и захлопнулась. Испугался заяц, не знает, как выбраться.

Увидела жаба, что заяц опять попался, и обрадовалась: не будешь обманывать народ лесной. Прыгает вокруг зайца и кричит:

— Ну что, заяц, сколько раз ты меня обманывал. Теперь не миновать тебе дедова котла! И никто тебе, обманщику, не поможет!

Зло зайца взяло, но он вида не подал, наклонил смиренно голову и говорит жабе:

— И то правда, сестрица жаба. В прошлый раз обманул я тебя. Но ведь это оттого, что не знаю я, как тебя вылечить. А вот теперь предлагаю верное дело. Есть у меня на примете одна красавица, могу просватать ее твоему сыну. Ты не беспокойся, я уже говорил с родителями. Согласны они выдать свою дочь за твоего сына. Помоги мне только выбраться из ловушки.

Услыхала это жаба, поверила и обрадовалась — никогда не было у них в роду красавиц, а тут такая возможность!

— Смотри, — говорит жаба, — не вздумай только обманывать меня.

— Что ты! Я за свои слова головой ручаюсь. В стране Храмов полно красивых девушек. Если я и обману, ты сама можешь туда отправиться и найти прекрасную невесту своему сыну. Нынче невесты дешевы. Недаром говорится: одиннадцать невест все глаза проглядели, жениха ожидаючи.

Стала жаба зайцу помогать. Выбрался заяц из ловушки, отбежал в сторону и закричал:

— Ха-ха-ха! Кто твоему бородавчатому сыну отдаст красавицу в жены?! Я снова надул тебя!

Разозлилась жаба. Но все-таки запомнила, что в стране Храмов невест много. Вот она и отправилась на поиски страны Храмов. Кто ее ни спросит, куда она так торопится, жаба отвечает:

— Спешу в страну Храмов за невестой для моего сына.

Прыгала сначала жаба по земле, потом поплыла по воде. Там ее рыбы и съели.

Тем временем забрался заяц в заросли тростника, прилег отдохнуть, и наткнулся на него тигр. Увидел заяц тигра и закричал хриплым голосом:

— Ох! Съел я пять слонов и все еще не сыт. А тут эти горькие баклажаны, осипнешь от них вконец. Надо бы прочистить глотку печенью тигра.

Услышал тигр такие слова и перепугался до смерти. Побежал он к обезьяне:

— Знаешь, сестрица обезьяна, в нашем лесу объявился какой-то страшный зверь. Иду я и слышу, как он кричит: «Я съел пять слонов и не насытился, проглотил горький баклажан и осип. Надо бы прочистить глотку печенью тигра». А ну как это чудовище найдет меня?!

— Каков он с виду, этот зверь? — спрашивает обезьяна.

— Сам по себе небольшой, с мою лапу, уши длинные-предлинные, хвост короткий.

— Ну, братец тигр, нечего тебе опасаться. Это же заяц. Он известный хвостун.

— Нет, — говорит тигр, — не может быть. Ведь я сам видел рядом с чудовищем куски слоновых бивней.

— Коль не веришь, братец тигр, идем вместе. Вот и убедишься, что я права.

— Нет, не пойду, боюсь. Это чудовище хочет съесть мою печень, а не твою. И если оно за нами погонится, ты на дереве схоронишься, а я куда денусь?

— Ну и трус же ты, братец тигр! — рассердилась обезьяна. — Если не веришь, сорви лиану и свяжи нас вместе, тогда мне от тебя никуда не деться.

Сорвал тигр лиану, связались они и осторожно направились в заросли, где отдыхал заяц. Завидел их заяц, спрятался за жилище термитов [\[40\]](#), высунулся из-за него и закричал громко и хрипло:

— Ах ты, паршивая обезьяна! Уж сколько лет прошло, а ты все долг не несешь! Не думаешь ли ты, что приму я в уплату этого старого тощего тигра!

Решил тигр, что обезьяна хочет отдать его зайцу на съедение в счет старого долга, прынул в сторону и пустился бежать без оглядки. Обезьяна со всего маху ударилась о дерево и околела.

Бежал, бежал тигр с дохлой обезьяной на спине, наконец осмелился оглянуться назад, увидел оскаленную пасть обезьяны и решил, что она над ним смеется. Обиделся тигр, разорвал лиану, обезьяну сбросил и скрылся в глухой чаще.

Целый день проспал заяц в зарослях тростника и к вечеру проголодался. Побежал на поле, где крестьянин только что высадил рисовую рассаду, наелся и опять скрылся в лесу. Наутро крестьянин пришел взглянуть на поле и видит, полакомился кто-то рассадой. Понял он, что тут заяц пировал. Посмотрел, откуда вели следы, и поставил там ловушку.

На следующую ночь заяц опять отправился пастись на рисовое поле и, конечно, попался. Сердце у зайца ушло в пятки, как услышал он шаги крестьянина. И притворился заяц мертвым.

Подходит крестьянин к ловушке и видит, лежит в ней бездыханный заяц. Обрадовался крестьянин, вытащил зайца и положил его на землю, а сам стал заново ловушку настораживать. Почувствовал заяц свободу, вскочил на ноги да скорее в кусты!

— Ах ты пройдоха! — вскричал крестьянин. — Ловко ты меня провел. Ну, погоди! Сегодня же ночью попадешься в мою ловушку!

И точно. Настала ночь, проголодался заяц, отправился на рисовое поле и тут же угодил в ловушку. Ничего не смог он придумать. Так и сидел всю ночь унылый-преунылый, смерти ждал. Пришел утром крестьянин, видит, в ловушке тот же заяц сидит. Обрадовался крестьянин, вытащил зайца из ловушки и говорит:

— Ну, обманщик, хотел бы я знать, как ты на этот раз избежишь котла, хоть ты и известный ловкач!

Принес крестьянин зайца домой и накрыл его вершей. Этим утром крестьянину здорово везло. Он не только зайца добыл, но поймал еще большую рыбу.

Ушел крестьянин по хозяйству, а жене велел рис варить. Заяц тем временем успел договориться с рыбой.

— Как придут за тобой, — поучал он рыбу, — притворись еле живой. Пошевелись, пошевелись и повернись брюхом кверху. Бросят тебя в воду, чтоб ты ожила, а ты сначала не двигайся, потом сделай вид, что хочешь улизнуть. Возьмет хозяин вершу, которой я накрыт, захочет поймать тебя. Только он схватит вершу, ныряй глубже и спасайся.

Все произошло, как сказал заяц. Когда рис был готов, крестьянин взял за жабры рыбу и понес на пруд потрошить. Видит, рыба совсем сонная. Окунул он ее в воду. Рыба как рванется и выскочила из рук, однако в глубину не ушла, на поверхности плавать стала, как заяц ее учил. Крестьянин ловит ее, ловит, а поймать не может, все время рыба из рук выскользывает.

Крикнул он жене, чтобы та принесла скорее вершу. Выбежала жена на крики мужа, схватила вершу и бросилась к пруду. Увидела рыба, что женщина вершу несет, мигом нырнула и больше не показывалась.

Заяц, конечно, тут же убежал.

Рассердились муж с женой. Лазали они по воде, лазали, замерзли так, что зуб на зуб не попадал, но рыбы все равно не поймали. Вернулись они домой, вспомнили о зайце, а его и след давно простыл.

Два соседа

Кхмерская сказка

Перевод Ю. Горгониева

или-были два соседа. Уговорились они вместе на охоту идти, ловушки ставить. Сказано — сделано. Отправились вечером на охоту. Добрались до леса. Вскоре один из них облюбывал раскидистое дерево и говорит:

— Поставлю-ка я свою ловушку под этим деревом. Много на нем плодов. Видать, здесь каждую ночь зверье пирует.

Сосед отвечает ему:

— Местечко и впрямь хоть куда. Но раз уж ты занял его, то мне остается только верхушка этого дерева. Поглядим, кому больше повезет.

Договорились. Один поставил ловушку под деревом. Другой ловко вскарабкался на самую вершину и там насторожил свою ловушку. После этого соседи вернулись в деревню, распрощались и разошлись по домам.

Тот, кто насторожил ловушку среди ветвей, всю ночь не мог заснуть, ворочался с боку на бок и наконец разбудил жену:

— Послушай, жена! Я сроду не слыхивал, чтобы кто-нибудь на деревьях ставил ловушки. А я поставил сегодня. Вряд ли что попадетсЯ... Пожалуй, встану-ка я с петухами, сбегаю в лес и посмотрю, как там дела обстоят. Если к соседу попалась добыча, я ее вытащу и в свою ловушку запихну. А утром как ни в чем не бывало вместе с соседом снова пойду в лес. Часть добычи отдадим попугаю, он у нас судьей сейчас. Сосед рассердится и пойдет жаловаться. Но попугай зря взятки не берет, в нашу пользу дело решит.

Условились обо всем муж и жена и спокойно заснули. С первыми петухами встали они, поели и тайком отправились в лес, к раскидистому дереву. Глядь, в ловушке на земле великолепный олень. Завладел крестьянин чужой добычей, втащил кое-как оленя на вершину дерева и засунул в свою ловушку. Затем вновь насторожил ловушку соседа, а потом вместе с женой побежал скорей домой в деревню.

Пришел утром охотник, который поставил ловушку на земле, и стал громко звать соседа. Тот лениво отозвался:

— Куда спешить? В мою ловушку вряд ли что-нибудь попало. Ты-то наверняка с добычей. Попролам бы не худо ее разделить.

Издевался обманщик над товарищем, всякий стыд потерял.

Вышли оба охотника из дому и в лес отправились. Подошли к дереву и видят, ловушка на земле пустехонька, а на макушке дерева — олень пойманный. Закричал хозяин ловушки, поставленной на вершине:

— Гляди-ка, гляди! Ну и дал ты маху! Говорил же я тебе, не ставь внизу, ставь наверху.

И полез на дерево за добычей.

Ушел сосед не прощаясь. А обманщик побежал опрометью к попугаю и поднес ему большой кусок оленьего мяса с такими словами:

— Господин судья! Соблаговолите принять этот скромный подарок и выслушать меня. Пошли мы с соседом вместе ставить ловушки. Я поставил на дереве, а он под деревом. В мою ловушку попался олень. Сосед почему-то рассердился и затевает против меня дело. Будьте так добры и снисходительны, не дайте соседу выиграть несправедливый иск, а я уж не позабуду вашей милости!

Принял попугай мясо и важно ответил:

— Сейчас можешь спокойно идти домой. Завтра утром принесешь мне бетеля. Если твой сосед вздумает жаловаться, я прикажу ему сделать то же самое. Опреди его, и дело твое выиграно.

Пришел домой охотник, который поставил ловушку под деревом, и никак не может успокоиться. Понимал он, что сосед обвел его вокруг пальца. Долго он вздыхал и кряхтел, прикидывал и так и эдак. Наконец не выдержал и отправился к попугаю. Попугай велел и ему принести на следующий день бетеля. А охотник был очень беден. Не было у него бетеля. Все утро бегал он по деревне, но соседи остались глухи к его просьбам. Выбился охотник из сил, глядь, а навстречу заяц-судья идет.

— А ну постой-ка, — крикнул заяц-судья, — куда это ты несешься как угорелый?

— Ах, господин заяц-судья, — отвечает охотник, — ходил я со своим соседом ловушки ставить. Я поставил под деревом, а он — на дереве. Утром пошли мы туда и видим: в ловушке на земле ничего нет, а на дереве — олень. Как туда олень попал? Я подумал, что сосед обманул меня. Пошел жаловаться к попугаю. Попугай сказал мне, что выиграет дело тот, кто раньше принесет ему бетеля. Бегал я все утро, но бетеля раздобыть так и не смог. Вот уж день наступает, и дело мое, видать, проиграно. Сосед-то, конечно, давно уже навестил нашего судью.

— Не бойся, — ответил заяц-судья. — К вечеру мы вместе пойдем к попугаю. А пока иди домой, отдыхай.

Бедный охотник очень обрадовался.

Стало солнце клониться к западу, и заяц-судья с охотником отправились к попугаю. Завидел охотника попугай и кричит:

— А ты еще попозже прийти не мог? Убирайся! Твое дело проиграно!

Тут вмешался заяц-судья:

— Высокохотимый собрат! Мы замешкались потому, что наблюдали, как рыбы порхали меж ветвей дерева и клевали листья.

Возмутился попугай:

— Ни деды, ни прадеды наши не видывали, чтобы рыбы порхали меж ветвей дерева и клевали листья.

— А видел ли кто-нибудь, — возразил заяц-судья, — чтобы олени попадали в ловушку на вершине высокого дерева? Что скажете, люди добрые? — обратился он к собравшимся крестьянам.

Замолчал тут попугай, ничего не может сказать. Заяц-судья тут же объявил, что дело выиграл охотник, поставивший ловушку на земле. А судье-попугаю стыдно стало перед людьми. Притаился он тихонько в уголке и ни гугу.

Как отец с сыном повстречали крокодила

Кхмерская сказка

Перевод Ю. Горгониева

оехали как-то отец с сыном на базар, вдруг видят, крокодил поперек дороги лежит, с места сдвинуться не может — опалил крокодилу ноги лесной пожар. Пожалели отец с сыном недужного хищника, срубили жердь, привязали к ней крокодила, положили его в повозку и отвезли к большому озеру.

Напился крокодил воды, повалялся в тине, набрался сил и решил съесть своих спасителей. Сказали ему отец с сыном:

— Как не стыдно! Мы же помогли тебе в беде.

— Хорошая помощь, — возразил крокодил, — связали меня так, что я чуть не умер. Нет, я вас тут же съем.

— Не торопись, крокодил. Пусть наш спор рассудит король.

Пошли отец с сыном и крокодил к королю, и каждый изложил по-своему суть дела.

Распростерся крокодил перед королем и сказал:

— Отдыхал я в одном прекрасном, уединенном месте. Вдруг ко мне подошли эти два человека, связали меня, бросили в повозку. Как я ни вырывался, как ни бился, все напрасно. За то, что эти люди мучили меня, я решил их съесть.

Теперь отец с сыном пали ниц перед королем:

— Лесной пожар опалил этому крокодилу ноги, и он не мог двигаться. Стало нам жаль крокодила, привязали мы его к жерди, положили на повозку и отвезли к озеру. Там развязали и выпустили на свободу. Крокодил бросился в воду, набрался сил и решил нас съесть. Если не верите нашему рассказу, взгляните на ноги крокодила, и вы убедитесь в правдивости наших слов.

Король подумал: «Этот крокодил неблагодарная тварь», а затем молвил:

— Я должен увидеть, как все произошло на самом деле. Поедем-ка туда, где лежал крокодил, и пусть люди свяжут его точно так, как они это сделали в первый раз.

Связали крокодила.

— Ступайте домой, — рассудил король, — и впредь не оказывайте услуг крокодилам. Не зря ведь говорят: «Не доверяй хищнику и ядовитой змее».

Две девочки

Кхмерская сказка

Перевод Ю. Горгониева

Жила-была девочка. Однажды послала ее мать в лес копать дикий батат. Девочка взяла лопату, плетенку, пошла в лес и забралась в глухую чащу. В чаще было гнездо белых термитов, и в нем глубокая нора. Стала девочка около этого гнезда искать батат, лопата у нее соскочила с черенка и угодила прямо в нору.

Девочка бегала-бегала вокруг, никак лопату достать не может, стала звать на помощь.

Вдруг из густых зарослей вылез старый-престарый тигр, голова у него вся в нарывах да гное.

— Девочка, я слышал, ты звала на помощь. Я готов помочь тебе — достану лопату. Но ты должна очистить мои нарывы. Другой благодарности мне не надо.

— Ах, дедушка! Вы мне только достаньте лопату, я все для вас сделаю.

Достал тигр лопату и стал ожидать, исполнит ли девочка свое обещание. Взяла девочка острую палочку и принялась очищать нарывы. Тигр спрашивает:

— Наверное, шкура моя противно пахнет?

И верно, от нарывов такое шло зловоние, что дух захватывало, но девочка ответила:

— Нет, нет, дедушка, ничего подобного.

Тигр несколько раз переспрашивал, а девочка знай все то же отвечает.

Как только закончила она свое дело, тигр вдруг преобразился, шерсть его заблестела. Пропали все нарывы! Говорит тигр девочке:

— Давай свою бамбуковую плетенку, я тебе бататов хороших насыплю.

Девочка подала бамбуковую плетенку, и тигр тайком насыпал ее доверху чистым золотом и серебром, потом закрыл плотно и говорит:

— Ну, бери свою плетенку и ступай домой. Вернешься, позови родителей, братьев и сестер, закрой как следует дверь, а потом уж открывай плетенку.

Поблагодарила девочка тигра, распрощалась с ним, пришла домой, позвала родителей, сестер и братьев, закрыла дверь и открыла плетенку. Глядь, а в ней золото и серебро так и сверкают!

Не прошло и нескольких дней, как об этом происшествии узнала соседка, у которой тоже была дочка. Стала она бранить-стыдить свою дочь:

— Посмотри на других! Из лесу золото-серебро плетенками таскают, сестер-братьев одаривают. А ты ничего, кроме диких бататов, не находишь. Бери лопату, ступай к гнезду белых термитов и делай все как соседская девчонка.

Пошла соседская дочь в лес. Забросила она лопату в нору и стала умолять тигра помочь ей — обещала отблагодарить по совести, любые его желания исполнить.

Достал тигр лопату, а в благодарность попросил очистить его нарывы. Стала соседская дочь это делать, а тигр и спрашивает:

— Наверное, шкура моя противно пахнет?

— Ой, дед, еще как противно! Шел бы ты прочь!

— Ну, ладно. Довольно с тебя. Давай-ка свою бамбуковую плетенку, я положу тебе кое-чего.

Та скорее протянула ему плетенку. Положил тигр в плетенку ядовитых гадюк и говорит:

— Ступай домой, позови мать, затвори хорошенько дверь, а потом открывай плетенку.

Соседская дочь так и сделала. Пришла домой, позвала мать, открыли они плетенку, думали золото и серебро делить. А оттуда стали выползать страшные гадюки! Пришлось бегом убежать и матери и дочке.

Сироты

Кхмерская сказка

Перевод Ю. Горгониева

ил когда-то один человек. Жена у него умерла, и остался он с двумя сыновьями. Человек этот кормился тем, что ставил бамбуковые верши, ловил рыбу и продавал ее на базаре.

Когда он уходил в лес рубить бамбук и плести верши, то всегда брал с собой старшего сына, а младшего оставлял присматривать за домом. Младшему сыну очень хотелось узнать, как отец плетет верши. Вот он и попросился однажды с отцом в лес. Отец согласился, и они отправились втроем.

Пришли они в лес, стал отец бамбук подходящий выбирать, рубить его, стволы щепить, верши мастерить. Сколько старший сын с отцом ни ходил, ничему не научился, все об обеде думал. А у младшего сына был совсем другой нрав: усердно перенимал он отцовскую сноровку, во все глаза глядел: и какой бамбук отец выбирает, и как его рубит, и как щепу дерет, и как вершу плетет, как ее ставит, и как вынимает, и как рыбу жарит, — все старался запомнить.

Прошло много времени. Заболел отец и помер. Остались два брата круглыми сиротами, некому о них позаботиться. Обнищали они вконец. Вот младший брат и говорит старшему:

— Брат мой, покуда отец был жив, не знали мы ни забот, ни печали. Но отец умер, а мы еще малы, сами зарабатывать не можем. И к соседям не наймешься — не возьмут нас! Что ты думаешь делать, брат? Ведь риса у нас осталось только на вечер. Завтра утром нечего нам будет есть. А милостыню просить стыдно. Это не по мне!

— Почему же это стыдно? — удивился старший брат.

— Не калека я, руки и ноги целы, голова на плечах...

— Ну конечно, руки и ноги у нас есть, голова — тоже. Так ведь мы еще малы! Тяжести таскать, деревья корчевать, лес рубить — разве это дело про нас?

— Так что из того? Вспомнить бы нам, брат, об отцовском ремесле.

— Сказать по правде, — отвечал старший, — не учился я отцову ремеслу и ничего не запомнил. Не знаю, как вершу мастерить, как ее ставить. Вот жарить рыбу умею, но ведь ее надо сперва поймать! Нет, лучше и не думай об этом! Пойдем просить милостыню! Таким малышам, как ты да я, нечего стыдиться!

— Нет, брат, — возразил младший, — не хочу я попрошайничать, и не по нутру мне прислуживать богачам! Кто у нас в роду побирался? Кто из наших предков был рабочей скотиной на чужом дворе? Нет, никому я не позволю помыкать собою. Люди подают милостыню с презрением, а слуги для богачей — хуже собаки. Ты только представь себе свиные глаза хозяина! День-деньской измывается он над слугами, день-деньской изводит их черной работой. От его кулаков и брани не спрячешься. Не забывай: и добрый и злой человек с обидным снисхождением одаряют тебя куском, да и ты унижаешься, протягивая руку за подаванием. Его рука дает, а твоя берет. У всех людей есть руки, у всех людей есть рты. Почему же у одних

руки осквернены позором попрошайничества, а у других чисты? Чем наши руки хуже других? Разве я не прав, брат?

— Если бы ты хоть отцовское ремесло знал!

— О, об этом не беспокойся. Я запомнил все. Нам не придется побираться и кланяться богатеям. Не придется унижаться! Отец оставил нам главное — нож для рубки бамбука. На пропитание мы заработаем, а больше нам ничего не нужно. Не вешай голову!

— Ну что ж, давай попробуем...

Младшему брату все оказалось под силу. Братья зажили безбедно. Они мастерили верши, ловили рыбу. Часть добычи продавали и покупали рис и соль.

Как-то задумался младший брат: «Наш отец умел только рыбу ловить. А почему бы не ловить зверя? Ведь в лесу водятся и вепри [\[41\]](#), и олени, и косули». И говорит он старшему брату:

— Может, нам охотой заняться? Поймаем вепря или оленя, будет у нас вдоволь мяса.

Согласился старший брат. Понял он, что младший брат и отцовское ремесло постиг, и смекалист в придачу. Решили они отправиться подальше в лес, где зверей больше. Шли, шли лесом и зашли уже далеко. Тут старшему брату захотелось пить, он и говорит:

— Брат, мне пить хочется.

— Когда отец хотел пить, он находил сырое место, рыл ямку и ждал, пока в ней соберется вода.

— У меня нет сил рыть ямку, устал я.

— Давай пройдем еще немного. Кажется мне, что неподалеку вода.

И правда, прошли они совсем немного, и перед ними оказался прекрасный лесной пруд. Братья напились вволю, снова в путь двинулись и наконец забрели в такой глухой лес, где и человеческая нога не ступала. Младший брат и говорит:

— Остановимся здесь! Жить будем на дереве, чтобы нас не достали дикие звери, а на земле поставим ловушку. Пищи нам надолго хватит.

Соорудил младший брат шалаш на дереве, оставил там старшего брата, а сам пошел ловушку ставить. Сначала он нарезал бамбук и окопал лес вокруг своего убежища, только узкий проход оставил, потом стал мастерить хитрую ловушку. Когда ловушка была готова, он положил в нее рыбу для приманки.

Вот идет по лесу могучий вепрь. Ничего ему не страшно. Почуял он рыбу, бросился к ней и угодил в ловушку. Бился-бился вепрь, не смог вырваться. Вытащили братья зверя из ловушки, стали обед готовить. Только тут заметили они, что кремень совсем истерся. Приуныл старший брат. Но младший хорошо помнил, как поступал в таких случаях отец. Разыскал он две сухие бамбуковые щепки, принялся тереть их друг о друга, огонь и загорелся. Изжарили они мясо и вкусно пообедали.

Долго братья жили в лесу, ни в чем не нуждались. Бродили вокруг их жилья и вепри, и олени, и косули, и дикие слоны. Как-то раз младший брат увидел огромного слона без бивней и говорит старшему брату:

— Брат, ходит тут слон, вот бы нам его поймать! Давай смастерим ловушку!

— Что ты! Слон разнесет любую ловушку в щепки, а потом так разозлится, что и нас не пощадит. Слонов лучше не трогать.

— Нет, я все-таки попробую его поймать.

Соорудил младший брат большую ловушку на тропе, где каждый день проходил слон.

Ночью шел слон своей дорогой и рассуждал хвастливо:

— Мой это лес! Нет тут никого сильнее меня! Все меня боятся, а я никого.

И конечно, угодил прямо в ловушку, поставленную младшим братом. Поднялся в лесу страшный рев. Но сколько ни ревел слон, сколько ни метался, вырваться не смог.

Слезли братья со своего дерева, разделали слоновью тушу, развели костер, свежее мясо жарят. Вкусный запах разнесся по всему лесу и защекотал ноздри короля якков[42].

— Ого-го! — загремел якк. — Сегодня в лесу отменно пахнет. Кто это там жарит мясо? Слетаю-ка я посмотрю, кто бы это мог быть. Вдруг и мне на обед хватит! Уж больно вкусно пахнет! Отберу-ка я это мясо и съем!

Схватил якк алмазную палицу и взвился в воздух. Прилетел к костру и видит: два мальчика жарят слона.

«Вот это да! — подумал якк. — Сегодня мне просто везет. Не только обед, но и закуска есть. С чего же мне начать? Слона съем — мальчишки убегут. Мальчишек съем — чем освежить рот после жареного? Съем я все-таки сначала слона. Никуда мальчишки не денутся».

Подскочил якк к костру и зарычал:

— Хыр, хыр, откуда вас принесло? А ну проваливайте!

Старший брат так и обмер от ужаса. Он сразу догадался, что перед ним якк. Точно так про них старики рассказывали: великан великаном, из пасти клыки торчат, и рвет ими страшилище людей в клочья! Язык у парня от страха отнялся. А младший брат подумал: «Откуда это взялось такое странное существо? Здоровенный верзила, зубы большие и белые, словно начищенная лопата, глаза злющие, как у совы, лицо бугристое, как у жабы, туловище словно у крокодила, голос хриплый и громкий, густые усы и борода, словно у черта. Ну, погоди! Не поздоровится тебе! Посмей только съесть нашего слона!»

Отошли мальчишки в сторону и стали смотреть, как якк пожирает слоновье мясо. Младший брат очень рассердился, но не проронил ни слова. Задумал он расправиться с незванным гостем. А тем временем якк доел всего слона и, облизываясь, прорычал:

— Хыр, хыр! Как это вы, мурашки несчастные, умудрились поймать и изжарить такого жирного и вкусного слона?

Младший брат как будто ждал этого вопроса. Он тут же ответил:

— Вы ешьте себе, а как слонов ловить, это не вашего ума дело!

— Как ты смеешь грубить мне! Вот сейчас проглочу тебя с потрохами!

И якк угрожающе сверкнул глазищами. Младший брат сделал вид, что испугался, и покорно произнес:

— Этого слона я поймал в ловушку.

— Ты что ж, слонов ловишь? — недоверчиво переспросил якк. — Такого быть не может! Ты лжешь мне, дрянной мальчишка, — зарычал он снова. — Давай говори правду, где достал слона, а не то я тебя проглочу!

— Разве смею я вас обманывать? Коли не верите, убедитесь сами!

— Неужто ты и вправду делаешь ловушки? — все еще недоверчиво пробурчал якк.

— Да.

— Ишь ты какой смышленный! А ну покажи мне свою ловушку!

— Вот она! Войдите в нее и все осмотрите.

Якк презрительно усмехнулся: «Тоже мне ловушка! Шевельну мизинцем — в щепки все разлетится!»

Просунул якк голову в ловушку и влез в нее. Стиснула его ловушка, тонкими прочными лианами опутало всего. Взревел якк от боли и гнева, стал рваться и метаться, но, видит, силой не вырваться. Убедился якк, что ловушка и впрямь на славу сделана: не только слона, но и могучего якка удержит. Тогда захныкал он:

— Не губите меня, отпустите на волю, я и так уже тяжело наказан...

Услыхал младший брат, что чудовище о пощаде молит, взял большой нож, подошел к якку и говорит:

— Ага, вот ты как теперь поешь! А кто слона нашего сожрал?! Ну вот что, надоело мне тебя слушать, да и проголодался я очень. Пришла пора твоей печению полакомиться. А ну, брат, ступай выруби вертел потолще. Сейчас мы поджарим этого разбойника.

А старший брат от страха трясется, слова вымолвить не может. Понял младший брат, что старший трусит, и говорит:

— Вижу, брат, не терпится тебе мясца этого якка отведать. Даже дрожишь весь от нетерпения. Но уж потерпи малость! Не есть же печенку сырой. Надо бы ее зажарить.

От таких слов у якка душа в пятки ушла. Заныл он еще жалобнее:

— О мои добрые повелители! Пожалейте, не губите меня, и я вас щедро отблагодарю. Жалую вам волшебный платок, только отпустите меня на свободу. Ведь я король якков! Погубите вы меня — и погибнет все мое королевство, бесприютными сиротами останутся жена и дети.

— А какой нам прок от твоего волшебного платка? — удивился младший брат.

— Взмахнете платком, и появится перед вами все, чего ни пожелаете. А взмахнете еще раз, и все пропадет.

— А ты не обманываешь нас?

Стал якк клясться, что не лжет. Только младший брат все не верит ему:

— Врешь ты, якк, провести нас хочешь.

— Нет, о мой повелитель, я говорю правду.

— А если ты обманешь нас, что мы будем делать? Не верю я тебе. Ведь ты король. Все вы, короли, хитрые. Окажешься на свободе, соберешь свое войско и пойдешь против нас войной... Эй, брат, бери нож, режь якку брюхо. Поджарим печень и славно пообедаем. А то оголодал я совсем.

Старший брат трясется от страха, а якк ничего не замечает, ничего не слышит, кроме слов младшего брата, и смертельный ужас терзает его.

— Не губите меня! — кричит якк. — Повелитель мой, отдаю вам свой трон и все свое королевство. Только пощадите меня, отпустите к жене и детям! Верой и правдой служить вам буду, от любой напасти уберегу.

— Ладно, простим тебя. А в каком королевстве ты король? И как найти туда дорогу?

— О повелитель мой, до моего королевства добраться нетрудно. Только отпустите меня. По всей дороге до самого королевства я сделаю отметки, по которым вы туда легко доберетесь.

— Это какие еще отметки?

— Наломая свежих веток и буду все время кидать их на дорогу. Так вы узнаете путь в мое королевство.

Освободили братья якка. Низко им поклонился якк и тут же принялся за дело: стал ветки ломать и устилать ими дорогу.

А когда вернулся якк в свой дворец, созвал он всех главных сановников, стражей всех семи дворцовых ворот и объявил:

— Завтра здесь появятся два мальчика — хотят они захватить мой престол. Не пускать их во дворец! Не вздумайте только убить их! Уж так они сильны, так сильны! Повелеваю вам преградить им путь, а уж если они не испугаются, открывайте ворота, пусть войдут во дворец.

Сказал так якк и завалился спать, захрапел так, что земля задрожала.

Тем временем братья подходили к королевству якков. Встретила их многочисленная королевская стража. Старший брат, как увидел, до того испугался, что рассудка чуть не лишился. А младший брат, чтобы придать ему храбрости, знай приговаривает:

— Эй, брат, чешутся у тебя руки, подмывает тебя разорвать в клочья этих безобидных якков. Не обижай их, пожалуйста. Я понимаю, тебе трудно сдержаться, но ты уж пожалей их, они и так тебя до смерти боятся.

Услыхали якки такие слова и вправду ужас как перепугались. Даже пикнуть не посмели, не то что рев поднять. Так и пропустили мальчиков через все семь ворот.

Вошли братья во дворец, добрались до королевской спальни, откуда доносился громкий храп, и увидели: спит король якков на роскошном ложе.

А подле его ложа, подогнув ноги, сидят служанки: сто служанок слева, сто служанок справа. При виде стольких якков старший брат опять задрожал от страха. А младший крикнул:

— Эй, якк, вставай! Мы уже здесь!

Вскочил якк, увидел тех, кто осилил его, и поклонился им до земли. Потом крикнул служанкам, чтобы разослали гонцов, созвали во дворец всех сановников, всех министров, всех ученых, всех поэтов. Когда все были в сборе, король якков объявил:

— Кланяйтесь в ноги этим двум властителям, любите их и жалуйте, как меня. Я передаю им свой трон и свое королевство. Всех моих подданных осенит милость новых могущественных повелителей. Служите им верой и правдой.

Младший брат отказался от престола: он считал, что королем подобает быть только старшему брату.

Когда мальчики выросли, женились они на прекрасных дочерях старого короля якков и долго жили дружно и мирно.

Лаосские сказки

Как вороне не удалось кузнечика склевать

Лаосская сказка

Перевод Н. Никулина

днажды госпожа ворона увидела кузнечика — он на зеленом листочке дремал, — и ей страсть как захотелось его склевать. Но тут-то парень кузнечик очнулся от дремы, поднял головку и сказал:

— Госпожа ворона, сделайте милость, отгадайте мои загадки. Если вы отгадаете, тогда можете и съесть меня.

Ворона закаркала, головой закивала:

— Хор-рошо! Хор-рошо! Только загадывай поскорей, не мешкай.

А кузнечик ей говорит:

— Отгадайте, госпожа ворона, что на свете острее самого острого?

— Тут и думать нечего! Карр! — радостно каркнула ворона. — Всем известно, я сама в том не раз убеждалась, что острее острого наконечник стрелы.

— Не отгадали, почтеннейшая, — вымолвил кузнечик. — Загадаю вам еще одну загадку. Скажите, что на свете легче наилегчайшего?

— Тут и думать нечего! Это волокно хлопка! Волокно хлопка! Карр!

— Снова не отгадали, госпожа ворона. А что на свете быстрее самого быстрого?

— Карр! Карр! Колесница! Боевая колесница! — закаркала ворона.

— Нет, госпожа, опять не угадали. Теперь скажите, что на свете сильнее самого сильного?

— Тигр! Карр! Карр!

— Вот и нет! Вот и нет! Что же тяжелее самого тяжелого?

— Земля! Наша земля! Карр! — сердито закаркала ворона.

— Не то! Опять не то! — отвечал кузнечик.

Очень он был доволен, а ворона совсем осерчала. Она и раньше черной была, а теперь еще чернее от злобы сделалась. Взмыла ворона ввысь и решила сверху кинуться на кузнечика — склевать его. Видит кузнечик, плохи его дела. Стал он умолять госпожу ворону:

— Пойдем вместе к судье. Пусть рассудит, кто из нас прав, а кто не прав.

Согласилась ворона, и отправились они оба к дому судьи. Первой все рассказала судье ворона. А потом выступил вперед кузнечик.

— Многоуважаемый судья! — заговорил он. — Захотела ворона мною полакомиться, я ей тогда и говорю: «Если вы, госпожа, сумеете отгадать мои загадки, то кушайте меня на здоровье». Только вороне ни одной моей загадки отгадать не удалось. Судите сами. Ведь острее всего на свете разум, легче наилегчайшего чистая совесть, быстрее наиболе быстрого — мысль, сильнее самого сильного — добродетель и честность, а тяжелее самого тяжелого — душа преступника. Прошу вас, почтенный, рассудите, кто из нас прав.

— Прав парень кузнечик. Во всем прав. Вы, госпожа ворона, проиграли.

На этом все и разошлись. Но с тех пор вороны на кузнечиков очень сердиты. И где бы ворона ни увидела кузнечика, тут же норовит его склевать.

Как лягушка победила слона

Лаосская сказка

Перевод Н. Никулина

Как-то раз лягушка увидела слона, он важно проходил мимо ее норки.

— Добрый день, почтенный слон, — дружелюбно проговорила лягушка и выпрыгнула из норки. — Куда путь держите?

Дружеский тон лягушки пришелся слону не по нутру. Он разозлился, подхватил лягушку хоботом, поднял высоко вверх и затрубил:

— Ах ты, ничтожная тварь! Как смеешь ты разговаривать со мною, самим слоном? Я накажу тебя за непочтительность!

Перепугалась лягушка и взмолилась, стала униженно просить, чтобы слон пощадил ее:

— Почтеннейший! Простите великодушно мою дерзость! Я посмела обратиться к вам только потому, что очень уж хотела услужить вам. Здесь неподалеку живет слониха, она, конечно, будет рада такому уважаемому гостю, как вы. А я, если прикажете, провожу вас к ней. Живет она в пруду, неподалеку отсюда.

Удивился слон и сменил гнев на милость:

— Так ты и в самом деле можешь проводить меня к слонихе? Пожалуй, я проведу ее. Только смотри не вздумай меня обманывать!

Забралась лягушка слону на голову, дорогу показывает. Только подошел слон к пруду, лягушка бултых! Шлепнулась в воду и нырнула поглубже.

Стоит слон, передними ногами от досады перебирает. Заглянул нечаянно в пруд, а оттуда на него его собственное отражение смотрит. Дался слон диву:

— Что за чудеса! Меня и впрямь в воде слониха поджидает!

Тут из пруда лягушка как квакнет изо всей мочи:

— Поторопитесь, почтенный слон, не мешкайте, спускайтесь скорее в гости к слонихе. Она так ждет вас!

Не долго думая слон рхнул в воду. А был он такой неуклюжий, что поломал себе оба бивня и совсем увяз в топком иле. Сколько ни барахтался, как ни старался, не удалось ему выбраться на берег. Куда там!

Так лягушка посрамила спесивого слона.

Золотая черепаха

Лаосская сказка

Перевод Н. Никулина

авным-давно жили на свете старик со старушкой. Дожили они до преклонных лет, а детей у них так и не было. Старик ходил на охоту, возился в огороде, забирался в горы — сеял на горном склоне кукурузу. Старушка ткала ткани, стряпала немудреную еду да ловила вершей рыбу.

Как-то раз поставила старушка вершу, но на другое утро в ней оказалась не рыба, а золотая черепаха. Была эта черепаха удивительной красоты. Долго думала старушка, как ей быть, а потом взяла да и отпустила черепаху на волю. Вершу она поставила у другой излучины реки. Через день старушка опять вытащила из воды вершу, глядит, в ней снова та же самая золотая черепаха шевелится. Добрая старушка еще раз пустила черепаху в воду. Но прошло несколько дней, черепаха опять оказалась в верше.

— Послушай, добрая женщина, — заговорила вдруг золотая черепаха человеческим голосом, — отнеси меня к себе в дом, я тебе еще очень пригожусь.

— Будь по-твоему, отнесу я тебя домой, буду кормить-поить. Глядишь, в доме станет не так сиротливо. А мы со стариком будем тебя любить и лелеять вместо родного дитяти.

Вернулся старик с горного поля, видит, в доме золотая черепаха. Очень обрадовался старик. С того дня стали старики заботиться о золотой черепахе, ухаживать за ней, а та очень к ним привязалась и вела себя как разумное и послушное дитя. При случае она давала старику и старушке советы, да такие толковые — просто на удивление! Золотая черепаха была мудра, а еще умела она предсказывать все, что будет, наперед. Хорошо, спокойно и радостно зажили теперь старики.

Однажды золотая черепаха говорит старику:

— Батюшка, не минет и нескольких дней, как случится большое наводнение, хлынет вода на поля, затопит и наш дом, и даже деревья, что вокруг растут. Вам, батюшка, надо немедля нарубить хорошего бамбука да плот смастерить, а еще надо еды про запас заготовить.

Знал старик, что золотая черепаха никогда зря ничего не сболтнет, а потому не мешкая принялся вязать большой плот. Не прошло и семи дней, как плот был готов, и в тот же день с небес обрушился страшный ливень, река вышла из берегов, вода затопила поля. Быстрый поток унес лодки. Уцелели лишь те, что были крепко привязаны к деревьям у берега. А вода все прибывала и прибывала. Дома, за ними и деревья постепенно стали скрываться под водой. Погибали во множестве люди и звери.

И тогда золотая черепаха сказала старикам:

— Батюшка и матушка, позвольте мне нырнуть на дно, там я стану смотреть, чтобы наш плот был накрепко привязан. Пока я буду под водой, вы ни о чем не тревожьтесь, сидите себе спокойно на плоту. А если я вам понадобится, только дерните за веревку, тотчас к вам выплыву.

Старик со старушкой по очереди присматривали за плотом. Очень они боялись, как бы бурлящая вода

не разнесла его в щепы. Вдруг откуда-то приплыл тигр. Увидел он добротный плот, взмолился:

— Сжальтесь надо мной, добрые люди, спасите меня от смерти на дне пучины, буду вам благодарен до самой смерти.

Заволновались старик со старушкой, не знают, как быть. Дернули они за веревку, золотая черепаха выплыла тотчас наверх. Спрашивает ее старик:

— Скажи, милая, как нам быть? Просится тигр на плот, молит, чтоб выручили его из беды. А мы знать не знаем, спасать таких свирепых тварей, как тигр, или нет.

— Спасите тигра, — молвила золотая черепаха и нырнула на дно.

Вскоре появилась возле плота громадная змея.

— Добрые люди, — взмолилась она, — возьмите меня на плот, спасите, а уж я в долгу не останусь, век буду вам благодарна.

Старик со старушкой снова дернули за веревку, и на этот раз золотая черепаха сразу же выплыла наверх.

— И эту ползучую тварь надо пожалеть, — сказала она и тотчас скрылась в воде.

Старик со старушкой послушались золотую черепаху и пустили змею на плот. На другой день к плоту подплыл человек. Уцепился он за плот и взмолился:

— Силы мои на исходе. Не дайте мне, несчастному, погибнуть, помогите забраться на плот, а уж я постараюсь отплатить вам добром.

Старик со старушкой снова дернули за веревку, опять позвали черепаху и еще раз спросили у нее совета. Выплыла золотая черепаха и сказала:

— Никак нельзя бросить человека в беде, помогите ему. А через семь дней вода схлынет, опять пойдём на поле, опять кукурузу растить станем.

Через семь дней вода и вправду схлынула. Тигр, змея и человек поблагодарили старика со старушкой и золотую черепаху за их доброту да и отправились кто куда. На прощание пообещали тигр, змея и человек непременно заглянуть при случае к старикам в гости.

Схлынула великая вода, опять стали плодоносить поля. Все пошло как и прежде.

И вот однажды принцесса, дочь короля Лаоса, отправилась навестить государыню соседней страны. Пришлось ей заночевать в густом лесу, приказала она разбить шатры прямо под деревьями. А владыкой этого леса был тот самый тигр, которого спасли во время наводнения старик и старушка. В полночь тигр незаметно подобрался к шатрам, похитил у принцессы все ее драгоценности — золото, серебро, камни — и спрятал в тайнике. Наутро узнали стражники о пропаже, бросились искать вора, да только найти его им так и не удалось.

Пришел тигр в гости к старику со старушкой и выложил перед ними украденные драгоценности.

— Примите мое скромное подношение. Это за то, что вы спасли меня от смерти, — сказал тигр.

Старикам и в голову не пришло, что драгоценности эти похищены у принцессы. Они с радостью приняли подарок и положили в доме на самом видном месте.

Вскоре после этого проведать стариков явился человек, тот самый, кому они не дали утонуть в наводнение. Увидел он драгоценности и поспешил откланяться. Побежал в столицу, во дворец да немедля доложил об увиденном королю. Схватили старика со старушкой и заточили в темницу.

Приползла змея проведать своих спасителей, глядит, в доме одна золотая черепаха осталась. Она и рассказала змее о несчастье, которое стряслось со стариками. Выслушала змея золотую черепаху, тотчас поползла к королевскому дворцу, пролезла в покои королевы. Та как раз спала крепким сном. Изловчилась змея и ужалила королеву прямо в веко: несчастная королева тут же и окривела на один глаз. От горя и боли рыдала она день и ночь.

Повелел король созвать лекарей со всего королевства и даже из соседних стран, но никому так и не удалось исцелить королеву.

Тогда повелел король созвать весь народ, и опять, как ни старались люди, никто не смог помочь королеве. Дошла наконец очередь до старика со старушкой. Повелел король привести их из темницы во дворец.

А надо сказать, что еще раньше змея пробралась к ним в темницу и предусмотрительно научила, как им быть. «Возьмите этот корень, — сказала змея старикам. — Он помогает от змеиных укусов. Идите смело во дворец и вы спасете королеву от недуга».

Так оно и случилось. Пришли старик со старушкой во дворец и исцелили королеву. Стала она, как и прежде, смотреть на мир обоими глазами. Очень обрадовался король и пожаловал старику и старушке полкоролевства. С тех пор они славно зажили в своих владениях.

Золотая улитка

Лаосская сказка

Перевод Н. Никулина

давние времена правил нашим королевством престарелый государь. Все бы ничего, да только не было у него сына, а стало быть, не было наследника. Король горевал да сокрушался. Небо, видно, сжалилось над ним, и вскоре королева Чантхеви родила, но не дочь или сына, а золотую улитку. Была улитка величиной с черпак, который делают из скорлупы кокосового ореха. Узнал эту новость король, страшно опечалился. Позвал своих ближайших придворных и стал с ними советоваться, как быть. Вельможи лишь в недоумении разводили руками. Но один из них, самый старый и самый знатный, приблизился к королю и тихонько сказал:

— Золотая улитка — дурной знак, предвещает он великие беды.

Испугался король и повелел прогнать королеву Чантхеви из стольного града.

Несчастливая королева завернула улитку в тряпицу и побрела куда глаза глядят.

Однажды вечером оказалась она в горном селении и попросилась на ночлег к старым супругам. Супруги эти были бездетными. Выслушали они историю бедной женщины, и стало им очень ее жаль. Они предложили ей остаться у них в доме и стать их приемной дочерью. Чантхеви согласилась. С тех пор королева каждое утро уходила вместе со стариками в горы и усердно обрабатывала поле.

А вечером возвращалась домой. Так продолжалось много дней.

Вот однажды вернулись они с поля, смотрят, в доме прибрано, вкусный ужин приготовлен. Удивились старики и Чантхеви, да и обрадовались. Но сколько они ни думали, ни гадали, так и не поняли, кто же в доме прибрал и ужин сготовил. На другой день приходят с поля, опять ужин ждет. Чудеса!

Решила королева Чантхеви разузнать, что же это за помощник завелся в доме. Наутро собралась она, как всегда, со стариками в поле, но с полпути вернулась к дому, спряталась и стала ждать. Видит, тряпица с золотой улиткой зашевелилась, узелок сам собой развязался и из золотой ракушки появился юноша, писанный красавец, с лицом умным, осанкой величественной. Чантхеви выбежала проворно, схватила ракушку и разбила ее на мелкие кусочки. Так в доме появился прекрасный юноша, который сразу признал Чантхеви своей матушкой и был наречен именем Санг Тхоонг.

Юноша был здоровым и сильным, любил матушку и был ей заботливым сыном, а дедушку и бабушку чтил.

Вскоре о необычайном юноше узнали и в королевском дворце. Коварный вельможа нашептывал королю, что прекрасный юноша — злой дух и лучше всего передать его палачу. Так король и сделал. Только меч палача оказался бессильным против Санг Тхоонга. Тогда палач привязал к его шее камень побольше и бросил юношу в реку.

Узнала об этом королева Чантхеви, залилась горячими слезами. Каждый вечер ходила она к реке, и

капали ее слезы в мутные воды. Не знала королева, что ее сын попал в подводное царство, что речной владыка не дал ему погибнуть и поручил красавице Пхантхурак ухаживать за ним. Только не ведал речной владыка, что красавица эта — злая колдунья, что взяла она юношу к себе в дом, чтобы при удобном случае расправиться с ним.

Всякий раз, когда Пхантхурак уходила из дому, она наказывала Санг Тхоонгу ни в коем случае не открывать ее покои, не заглядывать в сундук. Санг Тхоонгу это показалось подозрительным.

Однажды Пхантхурак предупредила, что уходит из дому надолго. Только она вышла за порог, юноша тотчас открыл ее покои и обомлел: кругом валялись человеческие кости и черепа. Тут-то он понял, что попал в руки злой колдуньи. Видит Санг Тхоонг, стоят два кувшина: один с золотой водой, другой — с серебряной. Сунул он палец в кувшин с золотой водой — палец золотым стал. Подбежал он скорей к сундуку и открыл его, а в сундуке — одежда, туфли и копье. Оделся Санг Тхоонг, сунул ноги в туфли и тотчас почувствовал, что стал намного выше ростом и обрел способность летать. Обрадовался юноша: теперь-то ему удастся улететь от злой колдуньи. Но Санг Тхоонг боялся, что она может вот-вот вернуться, потому он поскорее снял одежду и туфли и спрятал все это опять в сундук. А золотой палец перевязал тряпицей, будто бы ненароком его поранил.

Через два-три дня хозяйке снова понадобилось надолго отлучиться из дому. Юноша тотчас юркнул в ее покои, зачерпнул черпаком золотой воды и стал ею обливаться. Плеснет золотой водой на ногу — нога становится золотой, на руку плеснет — рука золотым светом заиграет. Вскоре все тело Санг Тхоонга засветилось золотом, стал он словно золотая статуя в храме. Тогда юноша открыл сундук, надел волшебную одежду, затем сунул ноги в волшебные туфли и взял копье. Оторвался он от земли и полетел туда, где громоздилась высокая гора. Но прежде чем на гору взлететь, он догадался завалить горную тропу камнями — на всякий случай.

Возвратилась домой злая колдунья, видит, исчез Санг Тхоонг. Кинулась она в свою комнату за волшебной одеждой — а одежды той нет. Да и волшебные туфли с копьём пропали. Поняла Пхантхурак, что юноша сбежал от нее — видно, в горы улетел. Бросилась она было в погоню за ним, да горная тропа камнями завалена, пройти нельзя. Поняла злая колдунья, что без волшебной одежды, волшебных туфель и копья пришел ей конец. Но перед тем как умереть, нацарапала Пхантхурак на скале волшебные заклинания. Кто заклинания эти разгадает, обретет способность разговаривать на языке птиц и зверей, сможет вызвать их на помощь. Нацарапала Пхантхурак заклинания и испустила ДУХ.

Увидел юноша, что злой колдунье пришел конец, тотчас спустился с горы и без труда разгадал волшебные заклинания, которые на скале были нацарапаны.

Потом отправился он в столицу соседнего княжества. Санг Тхоонг решил скрыть от людей, что постиг тайну колдовства и хорош собой, потому прочитал он заклинания и превратился в юродивого со скрюченными руками и ногами. И стал называть себя Чау Нго. Никто не хотел такого уroda даже к себе на порог пустить, потому приходилось Чау Нго ночевать прямо на улице и питаться тем, что ему из жалости кидали пастухи.

А у князя того города не было наследника. Из семи княжеских дочерей шесть были выданы замуж, оставалось найти достойного мужа для самой младшей, седьмой княжны, которую звали Рочана. Славилась Рочана красотой, принцы из соседних королевств наперебой сватались к ней, но все они были ей не по нраву. Это очень печалило князя-отца. Потому в один прекрасный день созвал он ближайших придворных и повелел:

— Прикажите воинам собрать всех юношей города, пусть княжна выберет жениха!

Побежали придворные и тотчас велели воинам собрать во дворец неженатых молодых людей со

всего города. Княжна Рочана вышла к ним с венком из душистых цветов в руках, долго ходила среди юношей, внимательно оглядывала каждого, но так и не выбрала себе жениха. Спросил князь у своих придворных:

— Всех ли неженатых молодых людей привели вы сюда?

— Да, ваше высочество, — ответили вельможи. — Нет здесь только парня по имени Чау Нго, но он такой урод, такой безобразный, что мы не решились позвать его во дворец, дабы не оскорблять вашего зрения.

— Позвать немедленно этого Чау Нго! — повелел князь. Он решил позабавиться.

Привели парня во дворец, поразились все, какой он уродливый да оборванный. Все сторонились его, все отворачивались от него. Князю тоже было нелегко смотреть на этого уroda, и он незаметно отвел взгляд в сторону. Но вот Чау Нго приблизился к княжне и вдруг превратился в красавца Санг Тхоонга. Правда, только княжна видела, что перед ней прекрасный юноша, остальным же казалось, будто он все тот же Чау Нго — отвратительное существо со скрюченными руками и кривыми ногами.

Все застыли от ужаса.

— Бедная, бедная наша княжна, — заговорили придворные.

И вдруг видят: княжна радостно заулыбалась и, вместо того чтобы с отвращением уйти, легкой походкой пошла навстречу Чау Нго и надела ему на шею венок из душистых цветов. И придворные, и простой люд — все разинули рты от изумления, а фрейлины княжны в страхе отпрянули назад.

Страшно разгневался князь: он ведь хотел только развлечься. И тут же повелел княжне Рочане убираться подальше из города вместе с Чау Нго. Про себя он решил, что придумает способ, как избавиться от зятя-урода.

Изгнанная из города княжна несколько не горевала, она жила очень счастливо со своим мужем Санг Тхоонгом. Жили они в мире и согласии да усердно трудились на поле.

Но однажды к ним в дом нагрянули воины князя, схватили Санг Тхоонга и привели во дворец. Князь повелел своим шестерым любимым зятям и седьмому, нелюбимому, Санг Тхоонгу, отправиться на охоту. Хочет, мол, князь узнать, кто из них самый искусный охотник. Шестерым зятям князь дал великолепные луки и быstroногих коней, а седьмого — Санг Тхоонга — отправил с голыми руками. Приказал князь отрубить голову тому из охотников-зятьев, который осмелится явиться назад без добычи. Увидели шестеро зятьев, что муж седьмой княжны собрался на охоту идти даже без охотничьего ножа, и давай потешаться над незадачливым охотником, но тот и слушать не стал их язвительные шулки и как ни в чем не бывало отправился в лес.

Там созвал он разных зверей, и отправились они в путь. А шесть других зятьев рыскали, рыскали по лесу, но так и не поймали ни одной даже самой малой зверюшки. Едут они по лесу, горюют, вдруг видят, идет Санг Тхоонг, вокруг него зверей собралось видимо-невидимо, да еще он со зверями разговаривает на их языке. Сначала горе-охотники не поверили своим глазам и ушам, а потом бросились все к Санг Тхоонгу и начали его упрашивать, чтобы он поделился добычей и дал каждому хотя бы по одному зверю. Весело рассмеялся Санг Тхоонг и сказал:

— Ну что ж, вашему несчастью я могу помочь, дам каждому из вас по одному зверю, но с условием: за это придется у каждого из вас чуть надрезать ноздрю. Согласны?

Шестерым горе-охотникам не оставалось ничего другого, как согласиться: жить с надрезанной ноздрей все же лучше, чем остаться без головы. Приплелись зятя-неудачники со своей небогатой добычей во дворец. Увидели их жены, очень удивились и в один голос спросили:

— Как получилось, что все вы явились из лесу с надрезанными ноздрями?

Охотники не хотели говорить правду.

— Дикие звери поранили нас, — пробурчали они в ответ.

Узнал князь, что Санг Тхоонг вернулся с богатой добычей, и очень удивился, ведь у этого зятя не было ни лука, ни коня, ни даже охотничьего ножа. Князь еще больше рассердился.

Вскоре он опять призвал к себе шестерых своих любимых зятьев и седьмого, нелюбимого, Санг Тхоонга, повелел он им рыбу ловить. Захотел князь узнать, кто из них самый искусный рыбак. Шестерым зятьям князь дал и лодки, и сети, а седьмой зять — Санг Тхоонг — должен был ловить рыбу голыми руками. «На сей раз этот гадкий урод наверняка станет добычей водяного дракона», — злорадствовал князь.

Но все получилось вовсе не так. Вышел Санг Тхоонг к реке, созвал рыб, наловил сколько душе угодно и понес ко дворцу, а остальные шестеро зятьев, как ни бились, не поймали ни единой, самой мелкой рыбешки. Ни удочкой не поймали, ни сетью. Волей-неволей пришлось им опять просить Санг Тхоонга помочь их беде. На этот раз каждый из них лишился краешка уха, но зато получил от Санг Тхоонга по хорошей рыбине.

Увидел князь, что Санг Тхоонг наловил голыми руками уйму всякой рыбы, разозлился пуще прежнего, однако не подал и виду.

Вскоре обрушилось на княжество страшное бедствие: полчища врагов подступили к самому городу. Повелел князь военачальникам собрать войско, сокрушить врагов. Но не тут-то было: враг оказался очень силен, гибли военачальники один за другим. Тогда князь повелел выйти на бой шестерым своим любимым зятьям. Но все шестеро дрожали от страха, сразиться с врагами так и не решились. Прогневался князь, да и страх его обуял. Тут-то он и вспомнил о своем седьмом зяте, Санг Тхоонге, и повелел позвать к себе княжну Рочану.

— Беда стряслась великая, — молвил князь. — Враги напали на княжество, того гляди, доберутся они до стен княжеского дворца. Скажи своему уродцу, пусть покажет всем умение да молодечество. Выручит нас из беды — наградим его щедро!

Повелел князь разыскать для Санг Тхоонга старые латаные доспехи.

— Для этого красавца и такие сойдут! — сказал он в сердцах.

Взвалила княжна Рочана на плечи старые латаные доспехи и побрела домой. Рассказала она мужу, какая напасть грозит ее родной земле. Взглянул Санг Тхоонг на старенькие доспехи, горько усмехнулся, но все-таки надел их на себя. Потом прихватил волшебное копье и отправился воевать.

Много врагов побил он, и вражеские полчища рассеялись.

Обратился Санг Тхоонг в могучего богатыря, и старые латаные доспехи засверкали на нем, как новенькие. Оседлал он боевого коня и с величественным видом въехал в стольный град, навстречу ему высыпали жители, радостно кричали и махали ему руками.

Увидел это князь, совсем переполошился. Решил он, что явился богатырь, ниспосланный самим небом, а потому тотчас преклонил колена и молитвенно сложил руки на груди.

— Покорнейше прошу вас, богатырь, ниспосланный самим небом, пожаловать во дворец. Ждет вас золотой трон, теперь он по праву принадлежит вам, — вымолвил князь.

Но тут подбежала к князю его дочь Рочана, помогла подняться с колен и заговорила:

— Батюшка, неужели не узнали? Это не богатырь, ниспосланный небом, это мой муж!

Князь не сразу поверил дочери, а когда убедился, что это так, понял, что обошелся со своим зятем очень несправедливо, и от души раскаялся. Он щедро наградил Санг Тхоонга, а в конце концов передал ему свой трон. Санг Тхоонг разыскал свою матушку, королеву Чантхеви, и была у них счастливая встреча. Весть о том, что золотая улитка превратилась в самого прекрасного, самого искусного принца, которого когда-либо знало королевство, дошла до слуха короля. Узнал он историю своего сына, раскаялся, и повелел своим вельможам доставить к нему во дворец Чантхеви, и принял ее с почетом. С тех пор король спокойно доживал свои годы, а Санг Тхоонг стал королем, красавица Рочана — королевой. Наступило в королевстве процветание, а в королевскую семью пришло счастье.

Добрый Кхампха

Лаосская сказка

Перевод Н. Никулина

лучилось так, что остался Кхампха круглым сиротой. Жил он вместе со своей старенькой бабушкой в ветхой хижине на краю горного селения. Были они совсем бедными, но Кхампха не роптал на судьбу и старался усердно трудиться. С раннего утра и до темноты он рубил деревья и жег пни, готовил землю под пашню.

Однажды бабушка сказала юноше:

— Надо бы тебе, Кхампха, рыбки наловить. Пойди к ручью и поставь вершу. В эту пору в ручье рыбы страсть как много.

— Хорошо, — ответил юноша и тут же принялся плести вершу.

Верша получилась большая-пребольшая. Отправился Кхампха к ручью и поставил ее. Утром пошел проверить, но верша оказалась пустой, а на берегу ручья Кхампха заметил следы разных зверей.

Так повторялось каждое утро. Загрустил Кхампха и рассказал обо всем бабушке. Выслушала старушка внука и посоветовала ему устроить западню и поймать лесных зверей, ведь это, конечно, они таскали рыбу из верши.

Послушался Кхампха бабушкиного совета, сделал все так, как она сказала. На другое утро пошел к ручью, смотрит, попалась в западню лиса. Подходит Кхампха к лисе, а та вдруг горько заплакала.

— Выпусти меня, Кхампха, на волю! — просит. — Я тебе еще пригожусь. Только позови, я тут же прибегу.

Пожалел юноша лису и выпустил на волю. Встала лиса на задние лапки, а передние прижала к груди и долго-долго кланялась, только потом убежала в лес.

Снова Кхампха поставил вершу и устроил западню. На этот раз в западню попался тигр. Увидел он юношу, наклонил низко голову и молвит:

— Не обижай меня, Кхампха, не губи! Лучше отпусти на волю, я тебе еще пригожусь. Только позови, я тут же прибегу.

Пожалел Кхампха тигра и отпустил. Поклонился тигр, лизнул юноше ноги в знак благодарности, радостно рыкнул и убежал в лес.

На другой день Кхампха опять пошел к ручью — посмотреть, есть ли в верше рыба. Видит, в западню носорог попался. Собрался было Кхампха расправиться с носорогом, но тот просит:

— Не губи меня, я тебе еще пригожусь.

Добрый юноша отпустил и носорога.

На этом дело не кончилось: в следующий раз попался в глубокую яму большущий слон. Он тоже запросил пощады и подарил юноше свой бивень. После этого в силке запутался добрый лесной дух по имени Пхи Ной. И его юноша отпустил. Затем в западню угодила огромная змея, и змею Кхампха тоже пожалел.

С тех пор никто больше не лазил в вершу Кхампхи, стал он каждый день приносить домой полную корзину рыбы. Самую большую и вкусную рыбину юноша варил отдельно для бабушки. Поставит перед старушкой дымящийся котелок, а она отодвигает его:

— Я уже стара, внучек, мне не нужно много еды. А ты молод, тебе надо хорошо есть, станешь тогда ловким и крепким мужчиной, будет тебе под силу распахать любой горный склон.

Как-то раз бабушка с внуком весь день рубили в лесу деревья, возвратились домой только к вечеру. Вошли в дом и замерли от удивления: кругом чисто прибрано, вкусное угощение приготовлено. До сих пор никто и никогда даже не заглядывал в их бедную хижину. Поразмыслила старушка да и говорит:

— Не иначе как с небес прислали нам помощницу, скрасит она нашу бедную жизнь!

На другой день бабушка и внук сделали вид, что отправились в поле, а сами быстро вернулись назад, спрятались возле дома и стали смотреть во все глаза. В полдень из слоновьего бивня вышла прекрасная фея, и в старой хижине сразу стало светло от ее сияния.

Незаметно прокрался Кхампха в хижину, схватил бивень и расколотил его на мелкие кусочки: хотел юноша, чтобы прекрасная фея навсегда осталась в его доме и стала его женой. Только вот, думает, не больно-то он пригож, да и хижина убога, вряд ли фея Слоновая Кость согласится жить здесь.

— Прекрасная фея, — грустно проговорил юноша, — я знаю, мы слишком бедны, и потому не решаюсь сказать тебе: оставайся с нами, будем мужем и женой.

Но фея Слоновая Кость радостно улыбнулась в ответ:

— Не грусти, добрый Кхампха. Я для того и пришла к тебе в хижину, чтобы стать твоей женой и помощницей. Пусть тебя не тревожит, что дом твой беден, а сам ты не красавец. Зато сердце у тебя доброе.

Обрадовался Кхампха, поблагодарил прекрасную фею Слоновая Кость за добрые слова. Стали они вместе возделывать горное поле, и в доме у них поселились согласие и счастье.

Однажды в тех краях появился важный королевский вельможа. Увидел он фею Слоновая Кость и был так изумлен ее красотой, что растерялся: «Да ведь она прекраснее самой королевы!»

Вернулся вельможа в столицу, явился к королю и тотчас рассказал, что жена бедняка затмевает красотой саму королеву. Повелел король передать Кхампхе высочайший указ: пусть немедленно доставит во дворец свою красавицу жену.

Рассердился юноша:

— Разве у его величества нет королевы? С какой стати я должен расстаться со своей женой?

Испугались придворные, как бы эти дерзкие слова не дошли до ушей простого люда, и посоветовали королю добиться своего не силой, а хитростью, иначе ославит себя король на весь мир.

Король счел, что в словах придворных немало здравого смысла, и придумал хитрость. Вспомнил он, что есть у него очень злой и сильный петух. В поединках петух этот не знал поражения. И вот велит король позвать юношу и говорит ему:

— Приноси сюда своего петуха, ничтожный, пусть он сойдется в схватке с моим. Одолеет мой петух

твоего, придется тебе расстаться с женой. Понял?

Приплелся Кхампха домой, рассказал о случившемся жене. Прекрасная фея Слоновая Кость ласково взяла мужа за руку.

— Ты как-то говорил, — молвит, — что отпустил на волю много всяких лесных зверей, а они за это обещали, если понадобится, прийти тебе на помощь. Пойди в лес и позови лису, пусть поможет тебе.

Обрадовался Кхампха, пошел в лес, позвал лису и рассказал ей о своей беде. Засмеялась лиса:

— Ну, уж лучше меня никто не умеет расправляться с курами да петухами. Дай мне волю, я мигом разделаюсь не только с королевским петухом, но и с петухом самого Небесного владыки. Садись-ка мне на спину, мы тотчас отправимся в путь. Только домчимся до ворот королевского дворца, я сразу превращусь в петуха. Бери меня на руки и говори, что твой петух готов сразиться с королевским.

Обрадовался Кхампха, сел на спину лисы, и вскоре они уж были у стен дворца. Превратилась лиса в петуха с крепким клювом и острыми шпорами. Взял Кхампха петуха на руки и понес во дворец. Узнал король, что юноша явился, и злорадно хихикнул: он ничуть не сомневался, что королевский петух победит. Но не успел королевский петух и шагу шагнуть, как петух Кхампхи налетел, будто ветер, и бедняга испустил дух. Увидел это король — не на шутку рассердился.

— Завтра приведешь сюда своего быка, — приказывает он Кхампхе, — пусть сразится с моим быком. Одолеет мой бык твоего, придется тебе расстаться с женой. Понял?

Побрел юноша домой и рассказал обо всем фее Слоновая Кость, а та и говорит:

— Отправляйся в лес и покличь тигра, он-то непременно тебя выручит.

Пошел Кхампха в лес, стал кричать-звать тигра. Прибежал тигр, рассказал ему юноша о своем несчастье.

— Не беда, — вымолвил тигр, — я одним ударом лесного быка валю, а уж с быком короля разделаюсь запросто. Садись мне на спину, мы мигом домчимся до ворот королевского дворца. Там я превращусь в быка, а ты отведешь меня к королю, он нас ждет не дождется.

Сделал Кхампха так, как велел тигр.

Прикинулся король радушным, уверен, что теперь-то обязательно его верх будет.

Бык короля могуч и свиреп, рога у него острые-преострые! Изловчился бык Кхампхи, бросился на королевского быка — тот и упал замертво.

Рассердился король пуще прежнего и тут же придумал новую хитрость.

— Завтра приводи сюда слона, пусть сразится с моим слоном, — сказал король. — Одолеет мой слон твоего, придется тебе расстаться с женой. Понял?

Отправился Кхампха домой, рассказал о случившемся жене. Та велела ему сыскать в лесу носорога. Пошел Кхампха в лес, позвал носорога и рассказал ему о своем злосчастье. Обернулся носорог огромным слоном, кинулся на королевского слона — грянул оземь королевский слон.

Вконец разгневался король и придумал новую хитрость. На этот раз захотел он испытать, кто искуснее управляется с лодкой: Кхампха или королевские солдаты? Испугался Кхампха, спрашивает жену, как ему быть. Прекрасная фея Слоновая Кость и говорит:

— Поди кликни змею, не выручит ли она тебя из беды?

Опять пошел Кхампха в лес, разыскал змею, рассказал ей о своих злоключениях. Змея тут же согласилась помочь: превратится она в лодку Кхампхи, мигом обгонят они королевских гребцов.

Так оно и вышло. Обозлился король, когда лодка Кхампхи вырвалась вперед, затопал ногами и завопил не своим голосом. От громкого вопля рухнула крыша терема на голову короля, тут и пришел ему конец.

Обрадовался Кхампха: теперь не отнимут у него любимую жену, — и со спокойной душой отправился домой. Да рано обрадовался. Злой король после смерти злым лесным духом Пхи Хаем обернулся. Решил не уступать, отомстить Кхампхе, отнять у него красавицу жену. Собрал Пхи Хай злобных духов помельче и велел им любой ценой добыть для него душу прекрасной феи Слоновая Кость. Один из лесных духов пусть, мол, ядовитой змеей обернется и в котелок залезет, в тот самый, в котором прекрасная фея Слоновая Кость готовит еду. Только она возьмется за котелок, змея и ужалит ее. Умрет фея от змеиного укуса, завладеет змея ее душой.

Узнал добрый лесной дух Пхи Ной, которого когда-то пожалел Кхампха, о коварном замысле Пхи Хая и вовремя подсказал прекрасной фее:

— Перед тем как готовить еду, плесни в котелок крутого кипятку.

Послушалась фея Слоновая Кость, плеснула в котелок крутого кипятку — ошпарила притаившуюся в нем змею. Та тотчас издохла.

Но Пхи Хай не утихомирился: уговорил сову похитить прекрасную фею.

Подлетела сова к дому Кхампхи и закричала так жутко, что фея Слоновая Кость вздрогнула и упала бездыханной.

Заплакал Кхампха горячими слезами. А потом, делать нечего, собрался похоронить тело любимой жены.

— Не спеши, — слышит голос доброго Пхи Ноя, — оставь все как есть, я найду способ помочь тебе.

Послушался Кхампха совета Пхи Ноя и прилег отдохнуть, он ведь вконец обессилел от горя. А тут как раз сова прилетела — хочет забрать душу прекрасной феи.

— Эй, сова! — окликнул ее добрый дух Пхи Ной. — Пхи Хай просил помочь тебе. Забирай поскорей душу прекрасной феи и полезай вместе с ней в эту корзину. Мигом доставлю вас к Пхи Хаю.

Глупая сова и вправду залезла в корзину.

— Погубить кого-нибудь дело не такое уж хитрое, — покачал головой Пхи Ной. — Намного труднее воскресить из мертвых. Сможешь ты, сова, оживить прекрасную фею?

Вытаращила сова круглые глаза, захлопала крыльями, выгнула короткую шею и протяжно закричала. Бездыханная фея тут и очнулась. Схватил Пхи Ной сову за горло и приказал:

— А ну признавайся, как это ваше совиное племя; насылает смерть на людей!

Разинула сова клюв и натужно закричала:

— Ай...яй...яй...ы...ой!

Взял Пхи Ной нож и укоротил у совы язык. С тех пор совы больше не наводят на людей смертельный страх своим ужасным криком.

Узнал злой лесной дух Пхи Хай, что опять у него ничего не вышло, и со злости околел — на этот раз уже навсегда. Так вот и пришел злобному королю конец.

Решили вельможи сделать королем Кхампху, все знают, какое у него доброе сердце. Отправились к его дому на слонах.

Вышел Кхампха навстречу и сказал:

— Нельзя быть королем и не притеснять хороших людей. Ни к чему мне королевский трон!

Услышали вельможи мудрые слова Кхампхи, скинули с себя богатые одежды и разошлись по домам. А столица так и осталась без короля. Когда короля не стало, зажили люди в мире и согласии, во всем друг другу помогали.

Чудодейственное снадобье

Лаосская сказка

Перевод Н. Никулина

лучилось так, что несколько дней кряду король вкушал пищу безо всякой радости и удовольствия. А каких только яств не было за королевским столом! Но государь только вздыхал. Дотронется слегка до блюд и скорей отправляется в свои покои.

— Скажи, — обратился король к хитроумному Сиенг Миенгу, — можешь ли ты помочь моей беде? Раньше, бывало, я вкушал пищу с радостью и наслаждением. А теперь... — Король в отчаянии махнул рукой. — Исцели меня, найди чудодейственное лекарство.

— Чудодейственное лекарство для вас, ваше величество? — переспросил Сиенг Миенг.

— Да, для меня, — умоляюще проговорил государь.

— Есть у меня чудодейственное лекарство. Дозвольте тотчас отправиться за ним, завтра же доставлю вам это целебное снадобье, — поклонился плут. — Но, ваше величество, только одно условие. Умоляю вас не вкушать никакой пищи, пока я не вернусь.

И Сиенг Миенг покинул королевский дворец.

Весь следующий день государь не прикасался к пище, с раннего утра до позднего вечера прохаживался он по залам дворца и все высматривал, не идет ли Сиенг Миенг, не несет ли чудодейственное лекарство. Ждал, ждал — все напрасно. У короля от голода стало посасывать под ложечкой. Повелел он подать себе ужин и с удовольствием поел. Только он омыл персты после ужина, как во дворце появился Сиенг Миенг.

— С самого утра я постился, ничего не ел в ожидании твоего чудодейственного снадобья, — с упреком сказал король, — но теперь все пошло прахом: я поужинал, так и не дождавшись его.

— Дозвольте спросить, ваше величество, с удовольствием ли вы поужинали? — поинтересовался Сиенг Миенг.

— О! Я так славно поел! Пожалуй, никогда в жизни я не ужинал с таким наслаждением!

— В таком случае, ваше величество, я исцелил вас, — скромно промолвил Сиенг Миенг.

— Как это? — изумился король.

— А так. Не зря ведь говорится: «Коли сыт — воздерживайся от еды, коли голоден — всякое блюдо покажется вкусным».

Поклонился Сиенг Миенг и вышел из дворца. Понял король, что плут его ловко провел, и покраснел от злости до самых кончиков ушей.

Хитроумная уловка

Лаосская сказка

Перевод Н. Никулина

днажды дождливым днем восседал государь на своем золоченом троне, а вокруг стояли придворные. Был среди них и Сиенг Миенг. Захотелось королю посмеяться над этим хитрецом, он и придумал такую уловку.

— Послушай, Сиенг Миенг, повелеваю тебе исхитриться и выманить меня из тронного зала под дождь. Тогда я признаю тебя великим хитрецом!

— Ваше величество, — ответил Сиенг Миенг, — я, ничтожный, полагаю, что нет на свете такого хитреца, который сумел бы заманить вас под проливной дождь. Вот если бы сделать наоборот... Если бы вы сами вышли под проливной дождь... Но разве это возможно?! Если бы вы сидели под проливным дождем да повелели бы мне заманить вас в тронный зал... Но разве вы согласитесь на это? Разве сможете?

— Как? Я не смогу?! — вскочил рассерженный король. — Гляди, ничтожный! Я, государь, могу все! — С этими словами король выскочил под дождь. — Ну, а теперь исхитрись заманить меня обратно в тронный зал! — приказал он.

— Ваше величество, — с достоинством ответил Сиенг Миенг, — я даже и пытаться не буду. Зачем мне вас заманивать обратно? Хотите — мокните под дождем, хотите — возвращайтесь в тронный зал, воля ваша. Вы повелели мне выманить вас под дождь. Я это сделал.

Так хитроумному плуту удалось обмануть короля.

Монгольские сказки

Человек и тигр

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

днажды позвал тигр сына и сказал ему:

— Ты, сынок, стал взрослым, так смотри же и близко не подходи к существу, которое зовется человеком.

Сказал так старый тигр и умер.

Не послушался юный тигр отцовского совета, только и думает, как бы узнать, что такое человек, да помериться с ним силой. Как-то раз повстречался ему бык.

— Ты и есть человек? — спросил тигр.

— Я не человек, я бык.

— А человека знаешь?

— Как не знать, ведь я же ему служу. Видишь у меня в носу кольцо? Это его рук дело. Человек ездит у меня на спине, в повозку меня запрягает.

— Человек, значит, такой огромный?

— Да что ты! У меня между рогами помещается.

«Странно, — удивился тигр, — человек такой маленький, а бык ему служит». Побежал он дальше. Повстречался ему верблюд.

— Ты и есть человек? — спросил тигр.

— Я не человек, я верблюд. А зачем тебе человек?

— Хочу с ним силой помериться, — ответил тигр.

— Эх, уважаемый, не дело ты задумал. Да сильнее человека нет никого на свете!

— Он что же, очень большой и сильный?

— Нет, он совсем маленький. Мне, чтобы взять его на спину, приходится на колени становиться.

— Неужто и ты человеку служишь?

— Взгляни на кольцо в моих ноздрях. Это его рук дело. За кольцо он дергает, чтобы я ему повиновался.

— Странно! — воскликнул тигр.

— Что же тут странного? Сила человека в его разуме. Ум дает ему и власть, и силу.

Побежал тигр дальше. «Если человек и впрямь маленький и слабый, что мне стоит расправиться с ним? — думал он. — Надо бы отобрать у него ум!» Прибежал тигр в лес, а навстречу дровосек идет.

— Не видел ли ты человека? — спрашивает тигр.

— Я здесь, перед тобой, — молвит дровосек.

Очень он испугался, но виду не показывает.

Смотрит тигр, и вправду невелик человек, одним ударом из него дух вышибешь.

— Достанет у тебя сил со мной схватиться? — засомневался тигр.

— Конечно, уважаемый, ведь моя сила в уме!

— Покажи-ка мне свой ум! — потребовал тигр.

— Изволь. Только ум мой я сегодня дома оставил. Давай заглянем ко мне, я тебе ум свой и покажу.

Побежали они рядом, тигр и человек. Неподалеку от дома дровосек остановился и говорит:

— Дальше со мной не ходи, уважаемый, не то бросятся на тебя дворовые псы. Я мигом обернусь!

Шагнул человек к дому, да вдруг остановился.

— Ой, боюсь! — воскликнул он.

— Чего ты боишься? — удивился тигр.

— Боюсь, как бы не вцепился ты мне в спину.

«Ну и трус!» — подумал тигр и предложил:

— Ладно, привяжи меня к дереву и иди в дом скорее. Неси свой ум!

Крепко привязал тигра дровосек и удалился. Вернулся он с большой охапкой хвороста, сложил его возле дерева, к которому был привязан тигр, и сказал:

— Вот я и выполнил свое обещание. Сейчас ты узнаешь, что такое человеческий ум!

И принялся высекать огонь, потом разжег костер и убежал.

Стало тигра припекать, но тут, к счастью, перегорела веревка, выскочил он из огня и пустился наутек.

С тех пор шкура у тигра полосатая, это ведь след огня, когда тигр постигал, что негоже ему с человеком умом состязаться.

Волк и лиса

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

Однажды волк и лиса нашли на дороге горшок с топленым маслом. Только надумали поделить добычу поровну и съесть, как рыжая плутовка говорит:

— Нечего нам на дороге торчать, пошли лучше в горы, там маслице и съедим.

— Ладно, — согласился волк, хотя ему не терпелось отведать масла. — Кому горшок нести?

— Конечно, тебе, — молвила лиса. — А я буду тявкать, это ведь тоже дело нелегкое.

Забрались волк и лиса на высокую гору, только решили полакомиться, а лиса снова говорит:

— Много ли тут масла! Ты даже не запыхался, пока горшок нес. Пусть уж кто-нибудь один его съест!

— Это кто же? — почувствовал волк подвох.

— А тот из нас, кто старше.

«Ну, плутовка, держись, — обрадовался волк, — я тебя живо проведу!»

— Когда я был маленьким, — начал волк, — волшебная гора Сумбэр была не выше самого низкого холмика, а волшебное озеро Сун не больше простой лужицы!

Тут лиса как зальется слезами! «Плачь не плачь, рыжая, а проиграла!» — возликовал волк и участливо спросил:

— Что с тобой, лиса?

— Своих ненаглядных сыночков вспомнила, самый младшенький о ту пору как раз с тебя росточком был, любил он по горе Сумбэр прогуливаться да в озере Сун купаться, — всхлипнула плутовка.

Устыдился волк и убрался восвояси. А ловкая лиса схватила горшок и вдоволь полакомилась сладким топленым маслицем.

Собака, кошка и мышь

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

былые-то времена собака, кошка и мышь жили очень дружно, никогда не ссорились. Но вот однажды хозяин пожаловал собаке звание дворового пса, наградил ее за усердие золотой грамотой. Увидела кошка такое дело и даже почернела от зависти.

— Не найти мне покоя, — говорит она мышке, — пока собака владеет золотой грамотой. Ведь она будет пуще прежнего стеречь хозяйское добро, нам от него и крошки не перепадет. Ступай укради у собаки золотую грамоту!

Стащила мышь золотую грамоту, спрятали они ее с кошкой и отправились к собаке.

— Ты, говорят, теперь первый друг человеку? Это по какому же праву? — спросила кошка.

— Мне на то дана золотая грамота, — ответила собака.

— А ну, покажи грамоту! — рассердилась кошка.

Принялась собака ее искать. Искала, искала, да не нашла.

— Это ты стащила! — набросилась она на мышку.

Та растерялась:

— Меня кошка заставила!

Не сдержалась кошка, бросилась на мышку:

— Я вот тебе!

Забилась мышь в норку, едва ноги унесла.

Видит собака, кошка во всем виновата, да как кинется за ней! Кошка прыг на дерево! Только тем и спаслась!

С тех пор собака, кошка и мышь перестали дружбу водить.

Сова и ворона

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

Сказывают, что в старые времена у хана птиц не было наследника. И тогда решил он усыновить совенка. Подумалось хану: неспроста глаза совенка огнем полыхают в ночную пору.

Едва совенок стал ханским сыном, как тут же обленился: целыми днями бездельничал, только и думал, как бы сытно поесть да сладко попить.

Ударили зимой сильные холода. Хан и говорит совенку:

— В жизни своей я так не мерз!

— Что ты, отец! — важно произнес совенок. — Мне доводилось видеть мороз и покрепче; помню, бывало и такое: у человека слюна на лету замерзала, а у быка рога обламывались! Сам я едва спасся от холода, я тогда в ветки зарылся на дереве.

— Да ты, выходит, много старше меня! — рассердился хан. — А притворяешься маленьким. Убирайся вон! — И выгнал обманщика из дому.

С тех пор у совы нет собственного дома, а днем прячется она в кроне дерева.

Прошло какое-то время, умер хан птиц, и стали птицы держать совет, кому быть теперь ханом.

— Пусть ханом будет сова! Ее все знают, да и по ночам глаза у совы так и горят, так и полыхают! Настоящий хан будет! — предлагает журавль.

— Этого еще не хватало! — возмутилась ворона. — Лапы у совы кривые, оперенье некрасивое! Глазищи желтые! А голос-то, голос! «Ух» да «ух»! Что может быть противнее? Такое страшилище на ханский престол возводить?!

Послушались птицы ворону, не сделали сову своим ханом. С тех пор сова и ворона — заклятые враги. Днем ворона не дает сове покоя, а ночью сова — вороне.

Почему верблюд любит в золе кататься

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

старые времена, когда звери решали, чьим звериным именем называть годы по лунному календарю, разгорелся спор между верблюдом и мышью.

Верблюд требовал, чтобы год назвали годом верблюда, а мышь твердила, что наступающий год должен носить ее имя, годом мыши прозываться. Что ж! Решили звери: кто из них первым увидит восход солнца, того имя году и дадут.

В ту ночь верблюд вовсе не ложился спать, все поджидал восход солнца, глаз не сводил с кромки неба на востоке. А мышь вспрыгнула на верблюжий горб и стала смотреть на запад, на вершины гор.

Солнце еще не взошло, а вершушки гор на западе загорелись алым солнечным светом.

— Я первая увидала! Первая! — громко запищала мышь.

Рассвирепел верблюд, повалился от злости в кучу золы и давай на спине кататься, все норовит мышь раздавить.

Назвали звери год именем мыши, а верблюд так в лунный календарь и не попал.

С тех пор ни один верблюд не может равнодушно пройти мимо золы. Только приметит кучку золы, бросается на спину и давай кататься в золе — это он думает, что расправляется с мышью, давней своей соперницей.

Почему петух поет на заре

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

старые времена у петуха был такой роскошный хвост, что человек всякий раз останавливался, чтобы полюбоваться им. Разобрала павлина зависть, днем и ночью думу думает, как бы завладеть петушиным хвостом. И придумал. Просит павлин петуха:

— Одолжи мне, дружище, твой хвост, на одну только ночь прошу. На свадьбу иду, принарядиться хочется. А рано утром я тебе его верну.

Согласился петух, отдал павлину свой хвост.

Утро пришло — павлин хвост не возвращает. День наступил — павлин и не думает с хвостом расставаться. Так и присвоил себе роскошный хвост петуха.

А петуху что ж остается? Как начинает светать, петух кричит «ку-ка-ре-ку!». Это он павлину напоминает:

— Отдавай, негодник, мой хвост!

Сорока и семь зеленых яиц

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

Жила на свете сорока, и было у нее гнездо на осине. Лежало в том гнезде семь зеленых яиц. Однажды подошла к осине лиса и просит:

— Дай мне одно яйцо, сорока. Я его съем.

— Ни за что не дам! — крикнула сорока.

— А коли так, я разбежусь и осину твою поломаю, пыль столбом пущу!

Перепугалась сорока и отдала плутовке одно яйцо.

Повадилась лиса ходить к сороке каждый день и всякий раз получала по зеленому сорочьему яйцу. Вот осталось в гнезде одно-единственное яйцо. Пригорюнилась сорока, заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, мышка выскакивает.

— Почему ты плачешь? — спрашивает она у сороки.

— Как же не плакать? — отвечает сорока. — Повадилась ко мне лиса ходить да яйца выпрашивать. «А не дашь, — говорит, — я разбежусь и осину твою поломаю, пыль столбом пущу!» Все яйца съела, последнее осталось.

— Не отдавай лисе яйцо, — советует мышь. — А станет грозиться осину поломать да пыль столбом пустить, скажи на это: «Где же у тебя рога, чтобы осину поломать? Где же у тебя копыта, чтобы пыль столбом пустить?» Лиса спросит, кто, мол, научил тебя так отвечать, а ты скажи: «Сама думала, думала да и придумала».

Шмыгнула мышь в нору, а тут и лиса появилась.

— Отдавай мне яйцо, сорока, я его съем! — потребовала она.

— Ни за что не отдам!

— А коли так, я разбежусь и осину твою поломаю, пыль столбом пущу!

— Где же у тебя рога, чтобы осину поломать? Где же у тебя копыта, чтобы пыль столбом пустить? — молвила сорока.

— Кто научил тебя так отвечать? Говори! — потребовала лиса.

— Сама думала, думала да и придумала.

— А вот не скажешь правду, пущу я в ход все свои тринадцать хитростей, живо тебя съем! — пригрозила лиса.

Перепугалась сорока и показала на нору, в которую спряталась мышь. Уселась лиса у норки и ну кликать мышь.

— Недосуг мне, лиса, — отвечала мышь, — я зерно от плевел очищаю.

Повременила немного лиса и снова зовет мышь. Та высунула голову.

— Если у тебя головка такая хорошенькая, представляю, какова грудка! — умильно пропела лиса.

Мышь высунулась по грудь.

— Хороша грудка! А каков хвостик?

Мышь высунула хвост.

— Что за хвостик! — воскликнула лиса. — У хорошенькой мышки и походка, верно, необыкновенная?

Выскочила мышь из норы и уж готова была пройтись неспешно, да так и угодила в лисью пасть.

Сказала мышь:

— Твоя взяла. Только знай: если будешь есть меня, сомкнув челюсти, никакого вкуса не почувствуешь.

Другое дело, когда рот пошире разинешь!

Лиса лакомка известная! Разинула она пасть, а мышь скок оттуда и была такова!

Вор верхом на тигре

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

или на свете старик и старуха, и была у них корова. Однажды ночью забрался в загон тигр и задрал пеструху.

— Вчера тигр сожрал пеструху, сегодня наверняка снова явится. Боюсь, несдобровать нам, — говорит старуха.

— Нынче-то ночью он не придет, еще не проголодался, а вот крыша прохудилась — это беда. Хуже всякого тигра проклятая протечка! — молвит старик.

А тигр-то как раз был неподалеку, в сарае притаился.

Услыхал тигр старика и испугался: «Протечка?! Это что еще за зверь? Видно, сильнее меня, раз старик так его боится».

В этот самый миг на крыше сарая притаился вор, надумал вор украсть у стариков пеструху, да в темноте не разобрал, как в хлев пролезть, оступился и упал прямо тигру на спину.

Взвился тигр от страха — не иначе как попал он в лапы этой страшной протечке! Зажмурился и бегом! А вор на нем верхом трясется. «Что за быстроногая корова мне попалась», — удивляется вор, вцепился руками в шкуру, вот-вот хлопнется оземь.

Тут уж светать стало, видит вор, не пеструха под ним, а лютый тигр. От ужаса хлоп на землю — и бегом! А тигр так напугался, что головы не повернул, прибавил ходу и больше уж никогда к старику со старухой не навещался.

Отважный лучник

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

старину на небе появлялось сразу семь солнц. И тогда наступала страшная засуха: земля накалялась докрасна, реки и озера пересыхали, деревья и травы гибли. Тяжко было и людям, и животным. А жил в то время один отважный стрелок. Стали просить его люди и звери, чтобы посбивал он с неба солнца.

— Если я семью стрелами не собою все семь солнц, не видать мне тогда света, превращусь в тарбагана [\[43\]](#) и забьюсь в глубокую нору! — поклялся отважный юноша.

Взял он лук и стрелы, дождался, пока выкатятся на небо все семь солнц, натянул тетиву. Шесть солнц сбил, а в седьмой раз промахнулся. И все из-за ласточки: пролетала она мимо, стрела и угодила ей в хвост. Говорят, с тех пор хвост у ласточки раздвоенный.

С перепугу седьмое солнце скрылось за горами. Рассердился юноша, бросился вдогонку за ласточкой, а юркая ласточка в воздухе вьется, стрижет воздух крыльями, под носом у всадника проносится, а в руки не дается. Словно дразнит его. Так и не настиг юноша ласточку.

Превратился он в тарбагана и стал жить в темной норе. Люди с тех пор перестали есть тарбаганье мясо. А солнце с тех пор садится на западе. И тарбаган обязательно выползает из норы, чтобы увидеть восход и заход солнца.

Сказка о хане, его зятях и птице Хангарьд

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

ил на свете хан, и было у него девять дочерей, все, как одна, красавицы. Восемь старших вышли замуж по выбору отца — за послушных и неглупых юношей, а младшая дочь отцовского слова ослушалась — пошла в жены к неказистому бедняку. Рассердился хан и повелел младшей дочери с мужем поселиться подальше от ханской юрты да в простом шалаше.

Так они и жили. Все бы ничего, но вот стали у хана исчезать жеребята белой кобылицы. Жеребята не простые, наполовину золотые, наполовину серебряные.

Восемь старших зятьев по очереди сидели в засаде, чтобы поймать злого вора, но так и вернулись ни с чем, не устерегли жеребят. Явился к хану младший зять, тот самый неказистый бедняк, и стал проситься постеречь табун. Но хан только посмеялся над ним:

— Куда тебе! Я сам в караул ходил, старшие зятя ходили, а уж тебе ли, недотепа, с нами равняться! Иди-ка ты прочь!

Ослушался хана юноша и отправился табун стеречь да всю ночь глаз не сомкнул. Вот на рассвете принесла белая кобылица драгоценного жеребенка, наполовину золотого, наполовину серебряного. Тут спустилась с небес сказочная птица Хангарьд, хватъ жеребенка и полетела. Не растерялся караульщик, пустил вдогонку стрелу, и вернулась к нему та стрела с птичьим пером да с золотым жеребьячьим хвостом.

Вернулся юноша домой, велел жене добычу до поры до времени в сундук запереть и никому не показывать.

И опять, что ни ночь, пропадают жеребята в табуне, и все тут. Призвал тогда к себе хан восьмерых зятьев и наказал им весь свет объехать, а вора отыскать и всех жеребят домой вернуть. Стал младший зять с ними вместе проситься, да хан его только высмеял: куда, мол, тебе за такое дело браться? Но бедняк знает стоит на своем:

— Поеду, и все тут!

Видит хан, делать нечего, велел дать ему старую конягу, настоящую клячу.

Оседлал ее юноша и домой поехал.

— Смотри, жена, — говорит, — разве на таком коне далеко уедешь? Едва до своего шалаша доехал, а дальней дороги конь этот и вовсе не выдержит. Придется мне, видно, из ханского табуна добрую лошадь увести, а чтобы отец твой не прогневался, покажи ему перо сказочной птицы Хангарьд да золотой жеребьячий хвост. Пусть знает, что муж твой не чета другим его зятьям, ночью-то я не спал и многое видел.

Выбрал себе юноша хорошего коня из ханского табуна и пустился вдогонку за ханскими зятями. А жена его наказ выполнила, перо сказочной птицы и золотой жеребьячий хвост отцу показала. Удивился хан: младший-то зять умен и сноровист, оказывается.

Тем временем ехали молодые люди да ехали. На исходе месяца пути притомились, кони себе копыта в кровь посбивали. Решили они хорошенько отдохнуть, на стоянку стали, только младшему зятю все нипочем, отправился он дальше.

Ехал, ехал, видит, белая юрта у подножия горы стоит. Вошел он в юрту, а там старуха. Стал юноша у нее допытываться, кто живет в этой юрте. Старуха и говорит: живет, мол, в юрте птица Хангарьд, собирается жениться, уж выкуп за невесту приготовила — сотню жеребят, наполовину золотых, наполовину серебряных. До сотни одной головы не хватает. И еще поведала старуха: если Хангарьд злым домой возвращается, то врывается в юрту через дымовое отверстие, а если добрым, неслышно через дверь входит.

Выслушал юноша старуху и спрятался неподалеку от юрты. Вот раздался свист над дымовым отверстием в юрте, тут спустил он тетиву, и угодила стрела прямо в сердце птице. А юноша собрал всех жеребят в табун и пустился в обратный путь.

Едет он, едет, старших зятьев встречает, а те отоцали — кожа да кости остались. Подивились зятя неслыханной удаче бедняка, и такая их зависть разобрала, что решили они погубить юношу. Выкопали глубокую яму, натянули поверх ковер, ступил бедняк на ковер да и свалился в яму.

Стали зятя скорей жеребят собирать, да жеребята разбежались. Так и не удалось им жеребят поймать, отправились домой ни с чем.

Проходила мимо ямы девушка. Услыхала стон, наклонилась над ямой, видит — юноша полуживой. Попросил ее юноша сплести веревку из золотых да серебряных жеребьячьих волос. По той веревке он из ямы и выбрался. Собрал жеребят, наполовину золотых, наполовину серебряных, домой поскакал.

Как увидел хан своих жеребят, несказанно обрадовался. Да уж, пока человека в деле не увидишь, его не узнаешь. Повелел хан казнить старших зятьев, но отважный юноша упросил их помиловать. А как умер хан, бедняк ханом стал. Шестьдесят лет правил он честно и справедливо, шестьдесят лет шел в народе пир горой, все ели, да пили, да веселились.

К монгольской «Сказке о хане, его зятях и птице Хангарьд».

Старик Далантай

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

Ожил как-то старик Далантай семь десятков красных коров да одного красного быка. Вдруг, откуда ни возьмись, предстал перед ним дракон о пятнадцати головах.

— Что тебе дороже, — спрашивает, — семь десятков красных коров и красный бык или твоя жизнь?

— Я люблю своих красных коров, я люблю своего красного быка, — отвечал старик, — забирай мою жизнь. Только сперва принеси мне нож о трех лезвиях, он у старика Тонтия есть.

— Ладно, — согласился дракон и отправился к старику Тонтию.

— Тонтий, а Тонтий, дай мне свой нож о трех лезвиях.

— Хорошо, но взамен принеси мне оселок старика Бинтия.

— Ладно, — согласился дракон и отправился к старику Бинтию.

— Бинтий, а Бинтий, дай мне свой оселок.

— Хорошо, но взамен прикати мне одноколку старика Хантия.

— Что ж, — согласился дракон и отправился к старику Хантию.

— Хантий, а Хантий, дай мне свою одноколку!

— Хорошо, но взамен приведи мне жеребца старика Тантия.

— Ладно, — согласился дракон и отправился к старику Тантию.

— Тантий, а Тантий, дай мне своего жеребца!

— Да, но взамен принеси мне березовый укрюк старика Унтия.

— Ладно, — согласился дракон и отправился к старику Унтию.

— Унтий, а Унтий, дай мне свой березовый укрюк!

— Забирай!

— А где же он?

— На том берегу моря.

— Как же мне туда добраться?

— Привяжи к себе большой камень и смело входи в воду.

Привязал дракон к себе камень, вошел в море да и утонул.

Так Далантай и его братья — Тонтий, Бинтий, Хантий, Тантий и Унтий — одолели злого дракона, а потом зажили мирно и счастливо.

Старичок ростом в пядь

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

старые времена жил на свете старичок ростом в пядь, а с бородой в две пяди. Только и было у него имущества что плохонький баран, шелудивый пес да плетеная тележка.

Отправился однажды старичок путешествовать.

Тележка поскрипывает: скрип-скрип; баранчик голос подает: «Бон-бон»; пес позади бежит: «Гав-гав». Въехал старичок на холм, а там змея лежит. Схватил старичок змею — как-никак добыча! — швырнул в тележку и дальше поехал.

Повстречался ему на пути аил. Прихватил он оттуда острый колышек, старую колоду, семь птичьих яиц, медную колотушку и дальше поехал. Тележка поскрипывает: скрип-скрип; баранчик голос подает: «Бон-бон»; пес позади бежит: «Гав-гав».

Повстречалось старичку по пути жилище черного мангуса. Самого чудовища дома не оказалось, и старичок смело вошел в его жилье, наелся, напился досыта, а потом спрятал колоду в кровать, змею в бурдюк с кумысом, птичьи яйца в пепел, острый колышек за балку, а медную колотушку под притолоку. И сам спрятался, это ведь было нетрудно сделать: росту-то в старичке всего одна пядь!

Вот в сумерки возвратился домой черный ман-гус. Хотел было кнут за балку положить, да о колышек укололся. Хотел на кровать сесть, да о колоду больно ударился, хотел кумыса напиться, да змея его крепко ужалила, хотел огонь в очаге развести, стал пепел ворошить — яйца разбились, все глаза ему залепило. Испугался мангус. «Ну, — думает, — не иначе конец мне пришел». Хотел из юрты выползти, вдохнуть напоследок свежего воздуха, да свалилась ему на голову медная колотушка и прибила его насмерть.

Вылез старичок из своего убежища, и такой смех его разобрал! Подумать только! Он такой маленький, ростом в пядь, а одолел грозного и сильного мангуса!

Мягкая или жесткая?

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

днажды Бадай подрядился к одному ламе [\[44\]](#) овчины выделывать. За работу тот посулил много свежих сладких лепешек. Несколько дней кряду трудился Бадай, мягкими да прочными шкуры у него получились.

Стал лама работу принимать. Возьмет в руки шкурку, посмотрит-посмотрит и ну бить ее об забор.

— Что вы делаете, уважаемый лама? — удивился Бадай.

— Проверяю, мягка ли шкурка. Коли жесткая, обязательно стучит. У нас здесь все так делают.

Остался лама доволен работой Бадая. Открыл ящик, долго в нем рылся и наконец извлек оттуда одну-единственную лепешку. Но что это была за лепешка! Старая, высохшая, сморщенная. Ее не разгрызли бы даже крепкие собачьи клыки. Не долго думая треснул Бадай ламу этой лепешкой.

— Ой-ой-ой! — вскричал лама. — Что ты делаешь, негодник?

— Проверяю, мягка ли лепешка. У нас дома всегда так проверяют. Ваша лепешка вон как застучала. Пусть же всегда и овчины ваши будут такими же мягкими, как эта лепешка!

Как лама стал башмакам поклоняться

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

устился Бадай странствовать. Шел, шел, видит, храм стоит. Вошел Бадай в храм, а там — никого, видно, ламы куда-то отлучились.

Решил Бадай отдохнуть, посидеть в тишине. Вдруг слышит — шаги! Испугался Бадай, что лама может принять его за воришку, и поспешно спрятался за изображение Будды^[45].

Вошел лама, поставил перед Буддой чашечку с едой, да только видит Бадай, что лама хитрит — вместо еды в чашечке вода. Рассердился Бадай: не лукавь лама, поживился бы он! Бадай ведь со вчерашнего дня ничего не ел.

— А где чай с крупой? — грозно произнес Бадай.

Оторопел лама, сломя голову помчался прочь и вскоре вернулся с большой чашей, до краев наполненной рисом.

— А где мясо? — еще более сурово произнес Бадай.

Кинулся лама на кухню и принес большое блюдо с бараниной и полный кувшин душистого кумыса.

— Теперь ступай прочь отсюда! — приказал Бадай.

Лама, не переставая кланяться изображению Будды, удалился.

Вышел Бадай из своего убежища и отлично пообедал. А потом растянулся на полу и крепко заснул.

Рано-рано утром покинул Бадай гостеприимный храм, вот только забыл там свои старые башмаки.

Пришел лама в храм, видит, башмаки валяются, и решил, что Будда специально оставил их. Поставил он башмаки посреди храма, на самое почетное место, и стали служители храма им поклоняться.

Бадай придумал, чем жить

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

енился Бадай и думает: на что же будет жить его семья? Думал он, думал и вот что надумал.

Соберет он шерсть, что оставляют овцы на колючках, из шерсти сваляет войлок, обменяет войлок на кобылу, кобыла принесет жеребенка, жеребенок вырастет в хорошего скакуна, а за скакуна можно и юрту купить.

С тем и отправился Бадай к торговцу.

— Продай мне юрту, — просит, — дам за нее хорошего скакуна.

Согласился торговец, Бадай скорей стал складывать юрту — забрать с собой хочет.

— Э-э, погоди, а где же скакун? — удивился торговец.

— С завтрашнего дня я начинаю собирать шерсть, что оставляют овцы на колючках, из шерсти сваляю войлок, войлок обменяю на кобылу, кобыла принесет жеребенка, жеребенок вырастет в хорошего скакуна. Тогда и отдам тебе этого скакуна.

Взвалил Бадай юрту на плечо и пошагал прочь, а глупый торговец так и остался стоять с раскрытым ртом.

Глупец

Монгольская сказка

Перевод Г. Матвеевой

старые времена один человек пришел к колодцу набрать воды. Увидел в воде отражение месяца и закричал:

— Месяц в колодец упал!

Насадил он крюк на конец веревки и принялся месяц из воды вылавливать. Зацепился крюк за камень на дне колодца, веревка и лопнула. Повалился глупец на спину, смотрит — месяц на небе.

— Ну и устал же я! — вытер глупец пот со лба. — Зато месяц снова на своем месте!

Тайские сказки

Болтливая птичка

Тайская сказка

Перевод В. Корнева

Жила одна маленькая птичка с громким голосом. Ее называли «Это мое», потому что, пролетая над полями и реками, она всегда кричала: «Это мое, это мое!»

Однажды птичка нашла дерево, покрытое спелыми и созревающими плодами. Их было так много, что она не смогла бы склевать их и за год. Около дерева не было ни одной птицы.

Птичка пришла в восторг от такой находки и опустилась на дерево. Она прыгала по ветвям, клевала то здесь, то там и скоро насытилась.

Но она очень боялась, что и другие птицы найдут это дерево и захотят полакомиться вкусными плодами. И она пронзительно закричала:

— Это мое, это мое, это мое!

Она кричала так громко, что все птицы услышали ее и слетелись посмотреть, что случилось. Тут они увидели прекрасные, сочные плоды, тотчас склевали их и улетели.

А бедная маленькая птичка все бегала вокруг своего дерева и кричала:

— Это мое, это мое!

Манора

Тайская сказка

Перевод Ю. Осипова

незапамятные времена была в предгорьях Гималаев чудесная страна. В этой стране жили диковинные существа — кейн-нары, полуптицы-полулюди. Король правил в прекрасном городе Суваннакон — Золотом граде, и было у него семь дочерей-принцесс, одна другой красивее, но всех затмила красотой меньшая дочь по имени Манора. Каждый месяц в полнолуние семь сестер летели со своими подругами к далекому лесному озеру. Там они сбрасывали перья и превращались в прекрасных девушек. Всю ночь резвились они на берегу, купались в прозрачной воде, танцевали. И никому из людей не доводилось увидеть волшебного хоровода кейннар.

А то лесное озеро раскинулось в стране Понкала, где правил могущественный король и жил искусный охотник Бун, понимавший язык птиц и зверей.

В тот самый год, месяц и день, когда в Суваннаконе у короля кейннар родилась седьмая дочь — Манора, в королевском дворце Понкалы появился на свет мальчик; то был принц, которому дали имя Сутон. Когда Сутон подрос, он полюбил бродить по лесу и часто приходил на берег далекого озера с прозрачною водою. Он подружился со старым и мудрым охотником Буном, и тот учил юношу языку лесных обитателей.

Как-то раз Сутон заблудился в лесу, устал и решил заночевать на берегу лесного озера. Он взобрался на старое дерево и уснул. Разбудило его нежное пение девичьих голосов. Сутон раздвинул ветки и увидел, что у самой воды лежат сверкающие перья, а на берегу танцуют прекрасные девушки. Все ослепительно красивы, но одна из них не знает себе равных. Принц глядел на нее затаив дыхание и не мог отвести глаз. Но вот начало светать. Танцовщицы накинули себе на плечи разноцветные перья, расправили крылья и взмыли в небо. Принц протер глаза — никого вокруг уже не было.

Воротившись в столицу, Сутон поведал о виденном своему другу — охотнику Буну.

— Я хочу поймать принцессу и привести ее во дворец, — решил Сутон.

Тут охотник стал отговаривать принца: кейннары — не люди, они привыкли жить в своей стране, принцесса погибнет в Понкале, среди людей. Но принц Сутон и слышать ничего не хотел, все его мысли были о Маноре.

В ближайшую ночь полнолуния он велел охотнику взять покрепче веревку и следовать за ним к лесному озеру. Оба спрятались в кустах на берегу и стали ждать. В полночь раздался шум крыльев, и стая диковинных птиц опустилась на берег. Они быстро скинули блестящие перья и принялись танцевать на песке. Ярко светила луна, и Сутон во все глаза глядел на Манору. Когда, танцую, она приблизилась к нему, он накинул ей на плечи петлю из прочной охотничьей веревки. Закричала тут Манора, забилась, но Сутон крепко затянул узел. Испугались сестры и подруги Маноры, быстро подхватили свои перья и поднялись над озером.

— Скорее летите домой! — только и успела крикнуть им Манора.

Сутон взял свою добычу на руки, велел Буну собрать драгоценное оперение принцессы, и все двинулись в столицу королевства Понкала.

Сильно горевала Манора, плакала и страдала, вспоминая сестер и родной город Суваннакон. Принц Сутон нежно утешал ее и клялся в своей любви. Скоро печаль ее прошла, принцесса успокоилась и полюбила своего похитителя. Король-отец дал согласие на свадьбу сына с красавицей Манорой, и был в столице устроен большой праздник.

Но не долго длилось счастье влюбленных. Соседний правитель пошел войною на Понкалу. Принц Сутон во главе большого войска выступил в поход на врага. И пришлось ему расстаться с Манорой. Горьким было прощание. Не хотела отпускать Манора принца на войну, будто предчувствовала беду. А беда себя ждать не заставила.

Во дворце короля Понкалы жил известный астролог[46], он составлял гороскопы[47], предсказывал судьбу и давал советы самому государю. Человек он был злой и хитрый. С первого дня он невзлюбил Манору. А причина тому была такая. Задумал втайне астролог выдать за принца Сутона свою дочь, безобразную горбунью. Да принц-то и внимания не обращал на нее! А уж когда женился на Маноре, и вовсе забыл думать про дочь астролога. Так породниться с королем астрологу не удалось. Вот и решил он отомстить. Лишь часа дожидался.

Вскоре после того, как войско Сутона покинуло столицу, приснился королю дурной сон: будто на город налетели хищные птицы и склевали все зерно в запасах. Король призвал астролога и велел ему объяснить сон. Астролог для виду долго размышлял, а после ответил так:

— Войско наше терпит поражение, а стране грозит несчастье!

— Что же мне делать? Как избавить страну от бед? — спросил король.

— Причина всех несчастий в принцессе Маноре, — отвечивал астролог. Он теперь уж знал, что время для мести настало. — Она не человек, а лесное чудовище. Она несет всем нам гибель. Надо умиловить небеса. Пусть повелит наш государь разжечь костер и бросить туда Манору. Пепел развеется по всей земле, и с ним уйдут наши невзгоды.

Выслушал речь астролога король и ужаснулся. А королева стала молить астролога изменить свое предсказание. Однако тот был неумолим: лишь смерть Маноры спасет Понкалу от гибели.

Как ни горевал король, а послушаться астролога побоялся. Великая печаль овладела тут всю столицей. Лишь сама Манора была спокойна. Она уже знала, как ей поступить.

Наутро разожгли большой костер. Вокруг него поставили стражу. Король и королева смотрели на приготовления с высокой дворцовой стены. Манора поклонилась им и попросила разрешения надеть свои крылья для прощального танца. Накинула она драгоценный наряд из перьев и медленно поплыла вокруг костра. Вот ее танец сделался быстрее, и вдруг, взмахнув крыльями, Манора поднялась в воздух, сделала прощальный круг над городом и пропала из глаз. Охотник Бун понял, что принцесса полетела в родную страну кейннар.

А к вечеру в столицу возвратился с победой принц Сутон. Узнав о случившемся, он пришел в великий гнев и велел позвать к себе астролога. Тот долго отпирался, но потом признал, что дал ложное объяснение королевскому сну. Принц попросил отца достойно покарать злодея, и коварный предсказатель был изгнан из королевства Понкала. А опечаленный Сутон поклялся, что отправится на поиски утраченной супруги.

— Мой принц, — сказал ему охотник Бун. — Она оставила для вас это золотое кольцо. Но искать ее бесполезно. Никто из людей не проникал еще в страну кейннар.

— Все равно я отыщу мою Манору! — воскликнул Сутон. — Пусть даже мне придется дойти до неба!

— Ступайте, мой принц! И возьмите в провожатые обезьяну. Она знает все пути. А по дороге ешьте лишь то, что станет есть она! — Таков был наказ мудрого охотника Буна.

В сопровождении обезьяны принц пустился в путь. И шел семь лет, семь месяцев и семь дней. А после вовсе потерял счет времени. Он помнил о совете Буна. Питался тем, что находила обезьяна: орехами, ягодами, кореньями, листьями. И, как она, ловко уклонялся от встреч с дикими зверями и дурными людьми. После тягот пути он вконец обессилел.

Однажды в сумерки усталый принц присел отдохнуть на берегу чистого горного озера. И вдруг его ухо уловило птичий гомон. К берегу спускались девушки-птицы с кувшинами для воды. Сутон укрылся в кустах и слушал их разговор.

— Сегодня наш король примет Манору, — сказала одна. — Обряд очищения длился семь лет, семь месяцев и семь дней.

— Скоро будет последнее омовение, — подтвердила другая, — оно избавит принцессу даже от воспоминаний о жизни среди людей!

Девушки-птицы наполнили свои кувшины светлой и прохладной водой из горного озера. Тут Сутон осторожно раздвинул кусты и незаметно бросил кольцо Маноры в один из кувшинов.

Когда прислужницы в последний раз окропили прекрасную Манору и опорожнили последний кувшин, из него вдруг выпало кольцо, принцесса схватила его и сжала в руке: она поняла, что ее любимый муж недалеко.

Потом ее нарядили в новое убранство из сверкающих перьев павлина, украсили драгоценными камнями и повели в королевский дворец кейннар. Здесь Манора в окружении своих сестер предстала перед отцом и матерью.

— Расскажи нам, о дочь, как тебя похитили и что приключилось с тобою в стране людей, — проговорил король.

И Манора поведала обо всех своих приключениях в Понкале. А под конец сказала:

— Принц Сутон, мой супруг, очень добр и нежен. Он любит меня и всегда будет мне предан.

— Ну, если он такой хороший и преданный муж, отчего же он не последовал за тобою в наш горный дворец? — спросил король кейннар.

И все придворные согласно закивали головами.

— А ты, отец, позволил бы мне вновь соединиться с ним?

— Конечно, коли вы так любите друг друга...

— Принц Сутон совсем близко! — воскликнула Манора. — Он сейчас у горного озера. Пусть приведут его!

Придворные кейннары отправились на берег озера и отыскали Сутон. Войдя в королевские покои, он преклонил колени в знак почтения к правителю кейннар.

— Я слышал, что ты добр и благороден, — сказал король. — Ты любишь мою дочь Манору и верен ей. И я приму тебя, как сына, если ты узнаешь свою жену среди ее сестер.

Принц поднял глаза и обомлел: в танце перед ним закружились семь красавиц, семь принцесс в птичьем оперении; в их уборах сверкали драгоценные камни, а наряды переливались всеми цветами радуги. И все семь показались ему похожими, как жемчужины в короне правителя кейннар. Танец сестер

был стремителен, они в лад взмахивали яркими крыльями и закрывали при этом свои лица, и принц Сутон не мог узнать черты любимой жены.

Отчаяние на миг овладело им. Но тут будто молния сверкнула в темноте — это ярким светом зажглось кольцо на пальце у Маноры. Принц узнал кольцо и протянул к Маноре руки. Король сделал знак — танец кончился. И все радостно заулыбались.

Семь дней и ночей длился праздник в горном дворце кейннар. А потом Сутон и Манора возвратились в Понкалу. Вскоре принц сделался королем. Он правил долго и справедливо. А кейннары, полуптицы-полулюди, жили при нем мирно и счастливо.

К тайской сказке «Манора».

Жадный монах

Тайская сказка

Перевод В. Корнева

о дворе одного монастыря росло большое дерево. Плоды на дереве созрели и начали уже подгнивать, но настоятель монастыря никому не разрешал срывать их. Он был очень жадным и заботился только о себе.

Тогда двое крестьян решили обмануть жадного монаха. Один из них пришел к настоятелю и попросил разрешения сорвать несколько плодов.

— Нет, — грубо ответил монах, — плоды нужны мне самому.

— Вы меня не так поняли, — сказал крестьянин, — я пришел пригласить вас отведать моего кэнга^[48] из оленины. А плоды нужны мне для соуса.

— Что ж ты не сказал об этом раньше! — воскликнул настоятель. — Бери сколько хочешь.

Крестьянин наполнил спелыми плодами мешок и ушел, пообещав прийти за монахом вечером.

Вскоре в монастырь пришел второй крестьянин и также попросил разрешения сорвать несколько плодов. Получив отказ, он пригласил настоятеля отведать вечером кэнга из курицы. Обрадованный настоятель разрешил и ему нарвать сколько угодно спелых плодов. Крестьянин наполнил плодами большую корзину и ушел.

Вечером оба крестьянина позвали настоятеля. Он вышел из монастыря и пошел с ними по тропинке к деревне. У перекрестка один из крестьян сказал:

— Пойдемте сначала ко мне, мой дом находится правее этой дороги.

— Нет, — возразил другой, — сначала пойдемте ко мне! Моя семья уже села ужинать.

Начали они спорить, а затем схватили настоятеля за руки и стали тянуть в разные стороны. Крестьяне ругались и дергали жадного монаха до тех пор, пока он не взмолился:

— Оставьте меня в покое! Я не хочу ни кэнга из оленины, ни кэнга из курицы. Только отпустите меня!

Крестьяне вернулись в деревню и долго смеялись над жадным монахом: ни один из них не готовил никакого кэнга.

Наказанный монах

Тайская сказка

Перевод В. Корнева

одном монастыре жил монах, который очень любил бетель. Он каждый день посылал послушника[49] узнать, не умер ли кто-нибудь в деревне, потому что надеялся полакомиться на поминках бетелем.

Как-то один крестьянин случайно услышал разговор монаха с послушником и решил проучить лакомку. Вернувшись домой, он собрал родственников и сказал:

— Монах ждет не дожидается, когда в деревне кто-нибудь умрет, чтобы пожевать бетеля на поминках. Он ценит бетель больше, чем жизнь человека! Давайте накажем его. Я притворюсь умершим, а вы приготовьте все для погребения и плачьте как можно громче. Монах сразу же прибежит!

Как только громкие вопли достигли ушей монаха, он очень обрадовался и поспешил в деревню. А родственники «умершего» сказали ему:

— Мы должны побыстрее похоронить нашего усопшего брата. Наступает вечер, и мы можем не успеть приготовить угощение.

Все поспешили к погребальному костру. Когда подошли к постаменту, на котором лежал «умерший», родственники дали в руки монаху край покрывала, в которое тот был завернут.

— Пока вы будете просить благословения для нашего дорогого брата, мы принесем дрова к погребальному костру, — сказали крестьяне и оставили монаха наедине с «умершим».

А сами разбросали по всем дорожкам и тропинкам колючки да ветки шиповника и спрятались.

Стемнело. Монах начал быстро и громко читать молитвы. Вдруг хитрец, притворившийся умершим, зашевелился и застонал. Монах в испуге завопил:

— Лежи спокойно, я молю о благословении для тебя! Твое дело — только лежать спокойно. И все!

Но человек вроде бы и не слышал воплей монаха, он поднялся с погребального костра и застонал еще громче. Тут монах так перепугался, что бросился бежать к монастырю. Бежит, не видит ничего перед собой, прямо по веткам шиповника и острым колючкам, все ноги поранил. Монах едва добрался до монастыря, он задыхался от усталости и выл от боли. Послушник перевязал его раны, и тогда монах спросил, не приносили ли во время его отсутствия бетель.

— Нет, не приносили, — ответил послушник. — Вам самому надо пойти в дом умершего и взять бетель.

— Нет, нет, — поспешно сказал монах, — теперь я ни за что не пойду в эту деревню, даже если там умрет десять человек. Как вспомню, что со мной стряслось, так начинаю дрожать от страха! Нет, я никогда больше не пойду туда!

Бирманские сказки

Отчего цикада потеряла свои рожки

Бирманская сказка

Перевод Ю. Осипова

то случилось давным-давно. Тогда у веселой цикады еще были рога. Небольшие рога, просто рожки, как у жука-рогача или улитки. А потом она их потеряла.

Вот как было дело.

Однажды в жаркий день сидела обезьяна на толстом суку смоковницы и лакомилась спелыми плодами. А цикада лениво ползала по ветвям, искала укромное местечко, чтобы соснуть.

Вдруг подул ветерок, зашелестела листьями смоковница. Как приятно стало цикаде! От радости она встрепенулась и застрекотала, да громко так!

Поперхнулась обезьяна и выронила плод.

А под деревом дремал молодой олень. Шлепнул его плод по носу, испугался олень, вскочил на ноги и понесся прочь — мчится, не разбирая дороги, и не заметил, как запутался в побегах горной тыквы.

Рванулся олень изо всех сил, тут-то большущая тыква не удержалась на стебле и покатилась вниз.

А внизу было кунжутное поле. Шлепнулась тыква прямо на пышный кустик кунжута, спелые зерна так и посыпались. А на поле в это время спал старый слон.

Услышал он шум, проснулся, и жесткие зерна кунжута попали ему в глаза.

Поднялся слон и потрусил к пруду промыть глаза. Он и не заметил, как наступил на жука-рогача, который мирно полз по своим делам. С разбегу плюхнулся слон в воду и тут только увидел на берегу несчастного жука со сломанными рогами.

А в пруду том жила черепаха, была она старая-престарая и славилась своей мудростью. К ней-то раненый жук и обратился с жалобой на слона.

— Ты почему наступил на жука и сломал ему рога? — спросила слона черепаха.

— О мудрая черепаха, я торопился промыть глаза, — объяснил слон, — что-то жесткое и острое попало в них. Я зажмурился и бежал, ничего не видя!

— Что же это попало слону в глаза? — громко спросила черепаха.

— Это мы, кунжутные зерна, — послышался ответ. — На наш куст свалилось что-то большое и тяжелое. Мы не удержались и рассыпались.

— Еще того не легче! — воскликнула черепаха. — Что же это свалилось на кунжутное поле?

— Это я, тыква, — молвила тыква и подкатилась к пруду. — Я мирно грелась на солнышке. Вдруг кто-то дернул за мой стебель. Я сорвалась и полетела под гору. Да как шлепнусь на кунжутный куст!

— Ну и дела! — задумалась черепаха. — И кто бы это мог порвать тыквенный стебель?

— Это я, олень. Но я нечаянно, — жалобно заговорил олень. — Мне было очень жарко. Вот я и прилег вздремнуть под смоковницей. Только задремал, как вдруг что-то ударило меня по носу. Да так больно! Я и побежал прочь. Да не заметил этой тыквы. Ноги запутались в стебле, я как дерну! Вот стебель и оборвался.

— Конца этому не будет! — проворчала черепаха. — Что же свалилось с дерева на оленя?

— Это я, плод смоковницы, — слышался голос. — Я почти созрел, и меня сорвала обезьяна. Только надкусила, да как вздрогнет! Вот меня и выронила! А я полетел вниз — и прямо на оленя!

— Обезьяна, иди-ка сюда! — позвала черепаха. — Ну-ка, расскажи, отчего ты вздрогнула?

— Сейчас все объясню, — хихикнула обезьяна. — Я была очень голодна. Сорвала один плод — съела, сорвала другой — съела, сорвала третий...

— Так ты и до завтра не кончишь! — прервала ее черепаха.

— Я сейчас. Так вот, стала я есть третий плод, а цикада как затрещит! Да еще так громко! Я и перепугалась. Думала, что-то стряслось. Вздрогнула, а плод-то и уронила!

— Кажется, дело идет к концу, — сказала себе черепаха. — Эй, цикада, где ты там?

— Я здесь, — просвиристела цикада. — Не суди меня строго, о премудрая черепаха! Я так утомилась от жары, не знала, где и спрятаться. И вдруг подул ветерок. Да такой свежий, прохладный. Обрадовалась я и запела. Уж не думала, что так громко. И чего это обезьяна напугалась — не пойму!

— Выходит, и виноватых нет, все будто правы! — решила старая черепаха. — А все же рога у жука сломаны. Все вы по-своему правы. Но все понемногу и виноваты. А уж цикада больше всех. Из-за нее все случилось. Цикада должна и поплатиться. Отдавай свои рожки жуку вместо сломанных.

Всем понравилось решение черепахи, ведь она рассудила по справедливости. А беспечной цикаде пришлось расстаться со своими рогами, да они ей и ни к чему!

Мудрый кролик и медведь

Бирманская сказка

Перевод О. Тимофеевой

Однажды в самой чаще леса в густой траве жил кролик. Это был очень умный и хитрый кролик. Он мог обмануть любого зверя в лесу.

Однажды кролик сидел под кустом и думал, над кем бы подшутить. А тут как раз на опушку леса вышел медведь. Кролик подбежал к медведю и завел с ним беседу:

— Откуда идешь, господин медведь? Какой ты большой! Я еще никогда не встречал такого большого и красивого медведя.

Медведю очень понравилась похвала кролика, он гордо огляделся вокруг. В это время вдруг подул ветерок, шевельнул сосновые иголки, и они зашуршали — точь-в-точь как шум далекого водопада. Кролик спросил:

— Что это шумит?

— Не знаю, — ответил глупый медведь, — никогда прежде не слышал.

— Это шум водопада, который оставил мне в наследство дедушка, — сказал кролик.

— А большое наследство? — спросил медведь.

— Оно так велико, что и не рассказать, — ответил кролик, а сам прыг — и поскакал прочь.

Тут медведю очень уж захотелось узнать про наследство кролика, и он побрел за ним следом.

— Расскажи мне, братец, про наследство дедушки! — просил он.

— Я могу показать тебе только одну вещь из наследства моего дедушки, — согласился кролик, — это большой колокол, который спрятан в надежном месте. Если хочешь посмотреть, иди за мной.

Через некоторое время медведь и кролик подошли к большому дереву. На одной из его веток висело большое пчелиное гнездо.

— Вот это и есть колокол, который оставил мне дедушка, — сказал кролик и указал на гнездо, — но это не простой колокол: если тихонько три раза ударить по нему, то получишь то, о чем мечтаешь.

Медведь посмотрел на пчелиное гнездо величиной с колесо от телеги и поверил, что это колокол. Очень ему захотелось ударить в этот колокол.

— Позволь мне ударить три раза, — попросил медведь.

— Нет, нельзя, — сказал кролик.

Но медведь его и слушать не стал. Он быстро полез на дерево. Кролик увидел это и обрадовался, но для виду закричал медведю:

— Если ты ударишь в колокол без моего разрешения, то никакой пользы для себя не получишь. Подожди, пока я разрешу! Тогда и твои и мои пожелания исполнятся. Не торопись!

С этими словами кролик отбежал подальше от дерева и спрятался в траве.

— Теперь, так и быть, разрешаю, бей в колокол! — крикнул кролик из укрытия.

Медведь поднял лапу и трижды ударил по пчелиному гнезду. Гнездо упало на землю, пчелы взвились вверх и яростно набросились на своего обидчика. Они окружили медведя плотным роем и больно жалили его со всех сторон. Некоторые даже забрались ему в нос. От боли и страха медведь позабыл обо всем на свете и бросился бежать. А кролик вылез из травы и съел весь мед.

О вороне и филине

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

прежние времена ворон и филин не враждовали, как ныне, а были лучшими друзьями.

Ворон, красивая птица, частенько подтрунивал над уродливым филином и смеялся над его вытаращенными глазами. Правда, он знал, что филин не только безобразен, но и вспыльчив, однако при каждой встрече начинал дразнить филина:

— Ох, друг филин, и говорить мне неловко, и промолчать не могу. Всякий раз, как ты меня встречаешь, уж больно глаза таращишь! Они у тебя и так-то выпучены, а когда ты начинаешь их пялить, то таким становишься безобразным, что просто сил нет глядеть! Я думаю, что во всем мире не сыщется другого такого уroda!

Первое время филин сдерживался и все прощал своему другу. Но потом это стало повторяться слишком часто, и он уже не мог больше терпеть и однажды ответил:

— Вот ты, ворон, все дразнишь меня. А ты бы сперва на себя посмотрел: весь черный, а голос такой, что слушать тошно. Если тебя оглядеть всего как следует, то ничего-то достойного в тебе и нет. Уж я-то хорошо тебя знаю! Ссориться с тобой неохота, но и дружить нелегко! И вот мой совет: прежде чем насмехаться над другими, ты бы лучше на себя взглянул!

— Не обижайся, друг филин! — ответил ворон. — Я не по злобе тебя дразню. А что до моего черного оперения — об этом я и сам хорошо знаю. Ты хочешь сказать, что я тоже уродлив. А я хотя и черен, да не из простых! Я знатного рода. А ты — простого. Поэтому у тебя и глаза такие выпученные, что смотреть страшно.

Филина такая речь сильно задела.

— Друг ворон! — решил и он похвастать. — Опять ты попрекаешь меня моими глазами. Но ведь и тебе про меня не все известно — иначе ты не стал бы дразнить меня. Так слушай же. Те, у кого глаза навывкате, тоже не простого роду, а самого доблестного и храброго. Любые подвиги им по плечу. Запомни это хорошенько!

Ворон в ответ лишь рассмеялся:

— Что-то не больно это похоже на правду, друг филин! Уж лучше бы ты не хвастался своим доблестным родом! Мы ведь давно друг друга знаем! А я про тебя наверняка могу сказать только одно: у тебя глаза выпучены.

— Ну так и ты не рассказывай мне сказки про свой благородный род! — рассердился филин. — Я ведь тоже знаю, что твой род никакого отношения к знати не имеет.

— Откуда же ты можешь это знать? — возмутился ворон.

— Если бы твой род и вправду был благородным, у тебя бы не было таких низких привычек: я ведь каждый день вижу, как ты подбираешь и клюешь человеческие нечистоты.

— А если мне это нравится? — выдал себя ворон: от неожиданности он даже не сразу нашел, что ответить. — Ну а ты? — заторопился он. — Если ты такой храбрый, то почему весь день носа наружу не показываешь, а дотемна хоронишься в дупле?

После того как ворон признался в своих низких привычках, филин, хотя и со стыдом, тоже ответил по правде:

— Выходить-то страшно — вот и сижу.

После этого он уже не мог сдержаться и стал всячески поносить ворона, а потом и клюв в ход пустил. Ворон тоже в долгу не остался.

С тех пор ворон и филин сделались врагами не на жизнь, а на смерть.

Как собака пришла к человеку

Бирманская сказка

Перевод О. Тимофеевой

давние времена собака была дикой и жила в лесу. Днем-то все было хорошо, а вот ночью собака чувствовала себя беспокойно. Чуть какой шорох, собака вскакивает и давай лаять!

Надоело ей жить одной. Решила собака найти себе сильного друга и поселиться рядом с ним — вдвоем-то все не так страшно.

Встретила она как-то оленя. «Какой же олень большой, сильный, какие у него могучие рога! — подумала собака. — Хорошо бы мне с ним подружиться».

И собака сказала оленю о своем желании.

— Что ж, давай жить вместе, — ответил олень. — Только смотри, по ночам не шуми!

Согласилась собака на это условие, а ночью услышала какой-то шорох да как залает!

— Нет, собака, нельзя нам с тобой жить вместе, — заворчал олень. — Я на ночь прячусь где поспокойнее, безопасное местечко ищу, а ты лаять вздумала! Все теперь знают, где я по ночам таюсь. Ищи себе другого приятеля.

Ладно, надумала собака с буйволом подружиться.

— Как бы мне хотелось жить рядом с тобой, — сказала она буйволу.

— Что ж, пожалуйста! — лениво разрешил буйвол.

Наступила ночь, уснули собака и буйвол. Вдруг в лесу что-то как зашумит! Проснулась собака, испугалась и давай лаять в темноту.

На рассвете буйвол спрашивает:

— Чего это ты ночью разлаялась?

— Сама не знаю, — отвечает собака. — Такой меня страх обуял! Сейчас-то думаю: разве есть на свете кто-нибудь сильнее тебя?! А ночью крепко перепугалась!

— В лесу много зверей сильнее меня, — заметил буйвол. — Тигр, например. Он как раз по ночам в лесу охотится. Услышал бы тигр твой лай и убил бы нас обоих. Раз ты такая беспокойная, ищи себе другого приятеля.

Решила собака тигра отыскать — с ним-то ей наверняка нечего будет бояться.

Разрешил тигр жить собаке подле него.

Обрадовалась собака — теперь и она будет по ночам спать спокойно. Все бы хорошо, да как раз в полночь неясная тревога нарушила чуткий собачий сон. Кругом темно, тихо — спи себе спокойно. А ей так полаять захотелось, ну просто сладу нет! Терпела, терпела собака, все ждала — вдруг что случится? Уж она

тогда вволю полагает! Да нет, спят звери и птицы, тихо в лесу, веточка не хрустнет.

А собака уснуть не может, еле сдерживается, того и гляди, залает. До рассвета молчала, а как стало солнышко всходить, лопнуло у собаки терпение — завизжала, залаяла! Налаялась, успокоилась и тотчас уснула.

Рано утром разбудил тигр собаку.

— Ты чего ночью расшумелась? — грозно спросил он.

— О господин, я лаяла, чтобы все знали, что здесь почиваешь ты, лесной владыка, — ответила собака.

— Так-то оно так, многие в лесу боятся меня, — согласился тигр. — А вот я слонов побаиваюсь, они меня посильнее. Узнал бы слон, что я здесь, и затоптал бы насмерть. Да и тебя заодно. Ступай-ка ты лучше к слонам, ищи у них защиты!

И тигр прогнал собаку.

Пошла собака к слонам. Слоны были огромные и сильные. Обрадовалась собака: наконец-то нашла настоящих покровителей. От веселья ей захотелось тут же залаять, но она вовремя спохватилась. Потом подошла к слонам и попросила разрешения поселиться вместе с ними. Слоны не стали возражать, и собака устроилась рядышком.

Наступила ночь. Собака опять промучилась до рассвета, а когда уж ей стало совсем невтерпеж, громко залаяла. Утром слоны сказали ей:

— Любезная соседка, зачем ты напугала нас ночью своим лаем? С тобой, видать, хлопот не оберешься. Мы, слоны, народ мирный и спокойный, не любим шума. Да и лев, глядишь, по твоему лаю найдет наше стадо, а у нас ведь слонята маленькие. Уходи от нас и ищи себе других соседей! А лучше всего тебе бы поселиться рядом со львом. Он как-никак царь зверей.

Отправилась собака ко льву, и он разрешил ей жить подле него.

«Лев — царь зверей, он-то никого не боится, — повеселела собака, — с ним я могу лаять сколько захочу». И обрадованная собака залилась счастливым лаем.

Пришла ночь, а собаке снова не спится. Залаяла она, а лев тут же проснулся и зарычал:

— Ты чего тут расшумелась? Почему спать мешаешь?

— О господин, о владыка четвероногих, я лаю от радости. Славлю тебя, самого сильного и бесстрашного! С тобою рядом и я ничего не боюсь!

— Да, я владыка четвероногих, это правда, — сказал лев. — Но в мире есть существо, которого и я остерегаюсь. Это человек. Он властелин всех зверей. Шла бы ты к человеку. Будешь жить подле него, никто на свете тебя не тронет.

— Значит, человек сильнее всех на свете? — удивилась собака.

— Конечно, — рыкнул лев.

И собака пошла к человеку, стала просить, чтобы он разрешил ей жить рядом.

— Хорошо, живи, если хочешь, — сказал человек. — Днем сиди отдыхай, а ночью чтоб ушки были на макушке, прислушивайся ко всякому шороху и, чуть что, лай во всю мочь, не жалей глотки!

Залаяла на радостях собака. Понравился человеку ее лай, и он повелел:

— Вот так и лай по ночам.

С того дня собаки по ночам частенько лают. Пусть, мол, все звери знают: здесь живет человек, он

сильнее всех на свете и ничего не боится.

Поверила собака в могущество человека и с тех далеких времен живет вместе с человеком, служит ему, как самый преданный друг.

Про двух хвастливых петухов

Бирманская сказка

Перевод О. Тимофеевой

или-были на свете бедные дровосеки, муж да жена. С раннего утра и до захода солнца работали они в лесу. А как стемнеет, взваливали вязанки дров на плечи и шли в город — продать дрова да купить какой-никакой снеди.

Вот однажды муж и жена, как всегда, встали очень рано, захватили топоры, немного еды, бутыл с водой и отправились в лес. Зашли подальше в чащобу и давай рубить, колоть — много поленьев заготовили и очень устали.

А уж солнце клонилось к закату, поспешили муж с женой обратно в город, да только запоздали — городские ворота были уже заперты.

Долго кричали уставшие дровосеки, чтобы пустили их в город, но никто не откликнулся. Так и пришлось им устраиваться на ночлег у городской стены.

Улеглись муж с женой на деревянном помосте, и надо же случиться, чтобы рядышком, на огромном баньяне [\[50\]](#), устроились на ночлег петухи — со всех концов города слетелись.

Ровно в полночь слышат дровосеки, как заговорили петухи.

— Эй, приятель, это ты швыряешься какой-то дрянью? Сейчас же прекрати! — крикнул петух с нижней ветки баньяна.

— Что это ты себе позволяешь?! — отозвался петух с верхней ветки. — Я благороднее и знатнее тебя, поэтому и сижу сейчас над тобой. Тебе-то и похвалиться нечем!

— А вот и есть! — отвечал первый петух. — Да знаешь ли ты, каков я?! Стоит мужчине съесть мою печень, и он станет самым главным военачальником в королевстве. Стоит женщине съесть мое сердце, она станет королевой.

Засмеялся второй петух:

— А я вот что тебе скажу: стоит мужчине съесть мою голову, ровно через семь дней он станет королем! Стоит женщине съесть мое сердце, ровно через семь дней она станет королевой!

Лежат дровосеки под баньяном, слушают хвастливые речи и удивляются.

— Может, и вправду суждено нам быть королем и королевой? — молвит муж. — Давай взберемся на баньян и поймаем петухов.

Влезли они на дерево и поймали петухов, а утром, едва открылись городские ворота, поспешили домой, сварили птиц и съели.

Прошло ровно семь дней, и — что же вы думаете? — умер король.

Стали по всей стране искать человека, достойного высокого королевского звания. Долго искали, все никак найти не могли. А потом решили так. Выкатить из королевского дворца повозку с доспехами, которые от старого короля к новому перейдут, толкнуть повозку посильней — и пусть катится! У какого дома остановится, тому хозяину и быть королем.

А повозка-то катится, катится да прямо к хижине бедных дровосеков и подъехала. Ничего не поделаешь! Пришлось министрам посадить дровосеков в повозку и доставить во дворец.

Чудеса, да и только! Стал бедный дровосек королем, а его жена — королевой!

— Не расхвастайся тогда петухи, не видать бы нам с тобой королевского дворца! — не переставал удивляться король.

Да уж, хорошего в хвастовстве мало! А король-то с королевой были добры и справедливы. И сейчас еще правят, если не умерли.

Принцесса-лягушка

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

давние времена в одной стране было у старика со старухой семеро детей. Шесть дочерей, а самая младшая, седьмая, была лягушонком. Родители поместили ее в большой чан и смотрели за ней, как и за другими дочерьми. И лягушка научилась говорить по-человечески.

Как-то раз король той страны устроил в своем дворце смотрины невест. Сын его, принц, уже достиг зрелого возраста, и пора было искать ему невесту. По обычаю, все девушки страны в течение двух дней приходили во дворец. Если какая-нибудь из них понравится принцу, он возьмет ее себе в жены.

По всей стране ходили глашатаи, били в гонг и объявляли, когда состоится смотрины. И вот настал день, о котором кричали глашатаи, и все девушки страны стали стекаться в королевский дворец.

Шесть дочерей тоже приготовились идти на смотрины невест. Младшая сестра, лягушка, стала упрашивать их:

— Сестрицы, можно мне с вами?

Но сестры и слушать ее не хотели.

— Опозоришь нас! — возмутились они. — Еще станут нас дразнить: «Лягушачья семейка!» Да и вообще, не лягушачье это дело — на королевские смотрины ходить!

Каждой из сестер, конечно, очень хотелось, чтобы принц выбрал именно ее.

Они надели все самое лучшее и отправились во дворец.

Только сестры ушли, выпрыгнула лягушка из чана и путями, неизвестными людям, поспешила во дворец. По дороге она свернула в заросли густого бамбука и там сбросила лягушачью кожу. В тот же миг обратилась она в прекрасную девушку и отправилась во дворец.

Увидел принц красавицу и сразу же влюбился в нее, решил назвать ее своей невестой, но все-таки сдержал себя, как подобает принцу, и не стал выспрашивать, кто она родом и откуда, — решил сделать это позже.

Так в первый день смотрин принц еще не объявил о своем выборе. Всех девушек он принял, как дорогих гостей, щедро угостил вкусными яствами — на этом и кончился первый день церемонии.

А лягушка после пира незаметно исчезла и снова лесными тропками, неизвестными людям, пустилась в обратный путь. Пришла к зарослям бамбука, где оставила свою лягушачью кожу, надела ее и опять превратилась в лягушку. Шесть ее сестер еще не успели вернуться домой, а она уже сидела в своем чане.

А у принца на следующий день продолжались смотрины невест со всей страны. Шесть сестер снова собрались идти во дворец попытать счастья. Младшая сестра — лягушка — опять попросила взять ее с собой, но и на этот раз она оставила свою лягушачью кожу в зарослях бамбука, приняла вид красавицы и

вошла во дворец.

Теперь принц твердо решил дознаться, кто она.

Второй день выбора невест подошел к концу, а королевский сын так и не объявил, которую из девушек он хочет взять себе в жены.

Девушки одна за другой стали расходиться. Красавица лягушка тоже поспешила в обратный путь. Тайными лесными тропками, неизвестными людям, проникла она в заросли бамбука, нашла свою лягушачью кожу, надела ее — и вновь стала лягушкой. Вернулись сестры домой, видят, лягушка по-прежнему сидит в чане.

Лягушка думала, что никто не видел, как она пробиралась неизвестными тропками через лес. Но это было не так: один человек видел все, что она делала, от начала и до конца. Этим человеком был сам принц, наследник короля. Он тайно следовал за красавицей с того самого времени, как она покинула дворец, и видел все — даже то, как она прыгнула в свой чан. Теперь он разузнал все и понял, что красавица-то — лягушка.

Через неделю к дому, где жили старик со старухой и семь их дочерей, прибыли королевские советники и министры, а позади слуги несли королевский паланкин. Сердца шестерых дочерей радостно забились: которую же из них выбрал наследник?

Но советники не обратили внимания ни на одну из девушек. Они взяли чан с лягушкой, поместили его в паланкин и отбыли.

Все люди в стране удивлялись и смеялись, когда узнали, что на смотринах невест принц не выбрал ни одну из девушек, а взял во дворец обыкновенную лягушку, младшую из семи сестер.

Насмешки над наследником дошли до ушей короля. стыдно стало ему за сына, разгневался король, лишил принца звания наследника и повелел изгнать из дворца.

Услышал принц грозный королевский указ, покинул дворец и поселился в окрестностях города. Там и стал жить — тихо и уединенно.

С тех пор лягушка ни разу не показывалась в человеческом облике. Но каждую ночь приходила принцу во сне. Так у принца и лягушки было две жизни: в одной они были существами разных миров, в другой они, счастливые, крепко любили друг друга.

Но вот принцу стало невмозможу переносить, что только в мире снов видит он свою возлюбленную, а утром, когда просыпается, они снова чужие друг другу. И стал он раздумывать, как бы ему поступить, чтобы красавица всегда была самой собою.

Вот как-то притворился принц, что уснул, а сам ждет, когда красавица появится. Лишь после полуночи увидел он, как из чана выпрыгнула лягушка, сбросила с себя лягушачью кожу и превратилась в прекрасную девушку.

В тот самый миг вскочил принц с постели, схватил лягушачью кожу и бросил ее в огонь. Теперь красавице нечего было надеть, чтобы снова стать лягушкой.

С тех пор стал принц счастливейшим человеком. Он всегда видел свою возлюбленную в облике красавицы и не знал больше никаких тревог.

Весть об этом удивительном событии дошла и до короля. Простил он принца, снова провозгласил своим наследником.

Нет таких слов, чтобы описать, как прекрасна была принцесса. До сих пор в Бирме самую красивую девушку называют «младшенькая»: этим хотят сказать, что девушка прекрасна, как младшая из семи

сестер, принцесса-лягушка.

Мудрый кролик

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

давние времена жили брат с сестрой. Когда умерли их родители, стали они делить наследство. У родителей были очень красивые бык и корова. Брат взял себе красавца быка, сестра — красавицу корову, на том и поладили.

Через некоторое время корова отелилась, и брату очень уж приглянулся этот теленок. Ночью он увел теленка и подсунул его под своего быка: вроде бы это бык отелился.

А утром началась ссора. Сестра кричит:

— Это мой теленок!

А брат:

— Нет, мой!

Наконец решили они пойти к судье. Брат призвал в защитники орла, а сестра — кролика.

В назначенное время собрался суд, только защитник сестры, кролик, что-то запаздывал — пришлось всем его ждать.

— Ты, кролик, не бережешь наше время, а еще берешься быть защитником! — упрекнул его судья.

— Да что вы, ваша милость, — стал оправдываться кролик. — Я ценю время. Но мне пришлось заняться одним важным делом.

— Неужто оно было важнее этого? — изумился судья.

— Да, господин. Загорелась земля, а мне стало жаль ее обитателей, вот я и бегал к океану, таскал корзиной воду, чтобы погасить пожар. Потому и опоздал.

Судья расхохотался:

— Если бы загорелась земля, так, наверное, и мы бы здесь знали, а? И потом — как это таскать воду в корзине? Сдается мне, что ты, кролик, совсем рехнулся, вот и несешь какую-то околесицу!

Тогда кролик сказал:

— Если уж это околесица, то сегодняшнее дело — и подавно: где же это видано, чтобы бык отелился?

— А ты мудрый кролик! — похвалил его судья и тут же решил дело в пользу сестры.

«Молчание — тысячи стоит»

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

давние времена лев, король трех тысяч лесов, взял себе в жены лису. Вскоре родился у них сын, да такой, что и на лиса не похож, и львом его не назовешь. С виду он был вроде совсем как лев, да только, вместо того чтобы рычать по-львиному, лаял по-лисьи.

Стал сын подрастать. Вот отец лев призвал его как-то к себе и сказал:

— Сын мой! Ты велик и силен телом, но голос у тебя презренный. Нет в нем величия, не подобает такой голос царственному облику. Если звери услышат, что ты лаешь по-лисьи, они не станут с тобой считаться. Лучше тебе помалкивать и совсем не подавать голоса. Тогда я смогу даровать тебе королевское наследство — три тысячи лесов.

Запомнил сын наставления отца. Но однажды вышло так, что он их нарушил.

Собрались как-то звери на собрание, и тут сыну льва очень захотелось подать голос. Не выдержал он, забыл наказ отца и звонко, по-лисьи залаял.

Засмеялись звери — такой большой и сильный зверь, а лает тоненько, по-лисьи!

И тогда отец лев сказал сыну:

— Если бы ты, сынок, помалкивал, как я тебе наказывал, — получил бы три тысячи лесов. А теперь вижу, что ты недостойн этих лесов, раз не смог унять своей болтливости.

Так вот и не получил сын льва трех тысяч лесов, а люди с тех пор стали говорить: «Молчание — тысячи стоит».

«Коровы врозь — тигру радость»

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

давние времена неподалеку от леса паслось стадо коров. Держались они всегда вместе, ни одна от стада не отходила.

А в лесу жил тигр, и был он очень хитер и коварен. Давно уж хотелось ему задрать какую-нибудь корову, но стадо было точно каменная скала — попробуй тут утащить хоть одну!

Тогда тигр решил как-нибудь разобщить стадо, рассорить коров.

Вот однажды подобрался он к одной корове и стал ей нашептывать:

— Послушай, круторогая! А знаешь, что вон та, с загнутыми рогами и впалыми боками, надумала забодать тебя?

Потом он подполз к другой корове:

— Эй, длиннохвостая! Ты, я вижу, пасешься как ни в чем не бывало. Или не видишь, как пыжится вон та корова, с прямыми рогами? Да ведь она забодать тебя собирается!

Поверили коровы хитрому тигру, стали подозрительно вглядываться друг в друга и вскоре перессорились из-за какого-то пустяка. Они уже не держались все вместе, как раньше, — порознь траву щиплют, порознь на водопой шагают.

Перессорил тигр всех коров, и теперь ему ничего не стоило задрать их одну за другой: и круторогую, и длиннохвостую, и пятнистую, и ту, что со впалыми боками. Так и съел все стадо.

С тех пор люди говорят: «Коровы врозь — тигру радость».

Жемчужинка и жаба

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

давние времена жила в одной деревне женщина, и было у нее две дочери — Большая и Маленькая. Сестры были совсем разными. Большая была грубая и злая, да еще и жадная. А Маленькая ко всем относилась с добротой и была кроткого нрава.

Послала однажды мать Маленькую по воду к колодцу, что был недалеко от деревни. Та отправилась не переча.

Дошла до колодца, стала воду набирать, вдруг видит, нищенка идет, вся в лохмотьях. А на самом-то деле это была вовсе не нищенка, а волшебница. Она хотела узнать, добрая ли душа у девочки, вот и прикинулась нищенкой.

— Дитя мое, я очень хочу пить. Дай старушке хоть капельку воды!

— Подожди немножко, бабушка, — отозвалась Маленькая. — Я только вытащу ведро.

Набрала девочка воды и напоила старушку.

— Добрая у тебя душа, девочка, — сказала женщина, напившись. — За это дам тебе подарок. Пусть отныне, как станешь ты смеяться, у тебя изо рта будут сыпаться жемчужины!

Сказала это старушка и исчезла. А у Маленькой с тех пор изо рта сыпались жемчужины всякий раз, как она смеялась.

За это люди прозвали ее Ма Пале, что значит «жемчужинка».

Старшая сестра, Большая, выпросила у Маленькой, как все было, и стало ей очень завидно. Решила она тоже сходить к колодцу по воду. Глядишь, старушка волшебница и ее одарит.

Отправилась Большая к колодцу, стала воду зачерпывать, глядь — старая нищенка подходит, просит у Большой напиться.

Но в душе у старшей сестры не было жалости к людям.

— Вот еще, буду я всякой нищенке воду подавать! И не подумаю! Даже близко ко мне не подходи!

— Ты злая и бессердечная девочка! — молвила волшебница. — К тому же завистлива, завидуешь своей сестре. Так пусть же всякий раз, как ты засмеешься, изо рта у тебя выскакивают жабы!

С тех пор старшей сестре проходу не стало от насмешек односельчан, и называли ее теперь не иначе как Ма Пха-пью, что значит «жаба».

Как птицы принесли князя

Бирманская сказка

Перевод Ю. Осипова

лучилось так, что в городе Кентунг, на севере Бирмы, не оказалось правителя: прежний князь скончался и не оставил наследника.

Городом и всю округой правили вельможи да военачальники; что ни день, они ссорились меж собой, и порядка в стране не стало. Туго приходилось жителям, принялись они роптать, нового князя искать.

А на юге Бирмы жил в те времена пастух. Был он молод и беден, пас чужих коров, но не горевал.

Каждый день пастух приносил с собою на пастбище нехитрую еду в узелке. Присядет перекусить, а вокруг птицы вьются — просят их покормить. Как ни голодно обедал пастух, а всегда снедь с птицами делился: сам, бывало, есть не начнет, пока каждой птичке не покрошит.

Как-то раз попугай, птица разумная, прилетел с севера и сказал, что жители города Кентунга нового князя ищут. Стали птицы судить да рядить. Тут ворон, птица мудрая, и говорит:

— Пастух наш хороший человек. Давайте сделаем его князем в Кентунге. Станет он нас кормить да привечать.

Согласились птицы, послали ворона к пастуху на луг.

Спрашивает ворон:

— Пастух, а пастух, хочешь быть князем?

— Отчего же, — пастух ему в ответ, — я не прочь.

— Ну, если так, плети большую корзину. Как сплеть, залезай в нее да устраивайся поудобнее. А уж мы отнесем тебя в город Кентунг.

Так сказал пастуху мудрый ворон и улетел, а юноша принялся плести корзину. Сплел, влез в нее, улегся на дне. Налетела тут птичья стая, подхватила корзину с пастухом и полетела к Кентунгу.

Впереди попугай летит, дорогу показывает. Путь не близкий. Летели-летели, вот вдали и город показался. Кричит попугай пастуху:

— Мы тебя опустим прямо в княжеский дворец. Станешь править — не забывай друзей!

Не успел попугай договорить, опустилась стая и бросила корзину прямо на княжеский трон — оказался пастух под огромным золотым балдахинном.

Сбежалась королевская свита, видят придворные, в корзине человек лежит. Тут все решили, что это, стало быть, и есть долгожданный князь: прямо с неба на трон спустился.

Тотчас созвали всех жителей Кентунга и объявили пастуха князем, а потом устроили пир в его честь.

Хорошо или плохо правил в Кентунге пастух — никто не помнит. Все шло как прежде, люди своими делами занимались, князю просьбами не докучали.

Птицам сначала жилось вольготно. Что ни день, потчевали их, кормили вдоволь. Но время шло, и угощение становилось все скуднее. Видно, начал забывать про своих друзей князь-пастух.

И вот наступил день, когда птиц вообще не стали кормить.

Прошло какое-то время, поредела птичья стая — кто погиб от голода, кто улетел. Обеспокоились птичьи вожаки и решили: «Князь забыл о нас. Проучим неблагодарного!»

Послали к пастуху хитроумного попугая.

— О славный князь! — сказал попугай. — Дошло до твоих верных слуг, что в соседней стране не стало короля. Страна эта большая, города и деревни — богатые. Отнесем тебя в эту страну — станешь не князем, а государем!

Обрадовался пастух: отчего бы ему и впрямь не стать королем? Доля завидная: богатства больше, власти больше, славы больше, — чем не жизнь? По правде сказать, стал он очень жаден и охоч до славы, власти и богатства.

Повелел князь достать большую корзину, в которой прилетел он когда-то в город Кентунг, уселся в нее и кликнул птиц.

Те дружно взялись и подняли корзину в небо. Полетели птицы на юг, туда, где нынешний князь пас коров когда-то. Долго летели. А пастух все мечтал, как встретят его королевские придворные, как проводят в роскошные хоромы, как посадят на изумрудный трон под золотым балдахином...

И тут птицы бросили корзину на землю. Больно ушибся пастух. А как пришел в себя да вылез из корзины, увидел вокруг знакомые места — по широкому лугу бродят коровы, которых он прежде пас, только пастух у них теперь другой.

Взглянул в небо: его друзья-птицы улетают прочь. Понял он тут, что наказан за свою жадность и неблагодарность. Понял, да поздно. Делать нечего, пришлось ему наняться в подпаски к новому пастуху. Так-то!

Про длинный нос

Бирманская сказка

Перевод О. Тимофеевой

Когда-то жили на свете два друга. Они были очень бедны, и жилось им трудно. Но они во всем, как братья, помогали друг ДРУГУ, и это скрашивало им жизнь.

Однажды друзья узнали, что одному богачу нужны работники убирать рис. Оба тотчас же отправились к богачу. Богач объяснил им, сколько они должны убирать за день. Оказалось, много, очень много. А плату богач обещал совсем ничтожную. Огорчились друзья, да делать нечего: пришлось согласиться.

Пришли друзья на поле, выбрали себе участок для работы и принялись за дело. Долго они работали молча и очень устали. Наконец один сказал другому:

— Знаешь, брат, не хочу я больше жать. Ты уж оставайся здесь, а я лучше уйду.

— Что это ты надумал? Хозяин рассердится, когда узнает, что ты ушел.

— Да ведь я никогда больше не встречу этого богача, и он ничего не сможет мне сказать, — ответил первый.

Он положил свой серп на краю поля, попрощался с товарищем и отправился в путь.

— Обязательно вернусь за тобой, если мне повезет!

И бедняк направился в лес. Лес был большой. Два дня бродил он по лесу, рассматривал деревья, нюхал цветы, что росли на них.

И вот в конце второго дня он подошел к странному дереву; оно не было похоже ни на одно из тех, что он видел прежде. И запах у этого дерева был особый: как только бедняк вдохнул аромат диковинных цветов и листьев, его нос начал расти и уже через несколько мгновений стал длиною в четыре локтя.

Увидел бедняк, что случилось с его носом, сорвал с дерева одну ветку, один лист, отрезал кусочек коры и корня и, захватив все это, отправился дальше. Теперь бедняк шел с большим трудом, потому что длинный нос мешал ему при ходьбе. Но, как и прежде, он осматривал и обнюхивал все деревья, что встречались на его пути.

И вот на седьмой день бедняк с длинным носом опять увидел необычное дерево. Лишь только он понюхал его, как длинный нос уменьшился до прежних размеров. Бедняк очень обрадовался и, захватив лист, ветку, кору и корень этого дерева, продолжал свой путь. Вскоре он вышел из лесу и увидел, что перед ним лежит незнакомая страна.

На окраине главного города одиноко стояла небольшая хижина. Бедняк подошел к этой хижине и попросился переночевать. Старушка хозяйка впустила его, и вскоре он узнал, что старушка занимается тем, что плетет венки для дочери короля. Бедняк вызвался помочь старушке. И когда венки были готовы, он истолок в порошок листья, кору, корешки и ветку заветного дерева, от запаха которого растет нос, и

посыпал порошком венки принцессы.

В назначенное время старушка отнесла венок дочери короля. А та вечером перед сном понюхала эти цветы. И тут же ее нос вытянулся и стал длиною в четыре локтя. Принцесса пришла в ужас, увидев, что произошло с ее носом. Тотчас же доложили королю. Король очень удивился и расстроился. Вскоре о том, что случилось с принцессой, знала вся страна. Во дворец созвали самых знаменитых лекарей, но никто из них не смог помочь принцессе. Тогда король приказал ударить во все гонги. По всей стране гонцы объявили волю короля: кто сможет исцелить принцессу от неизвестной болезни, должен явиться во дворец; если королевскую дочь вылечит женщина, она получит в дар что пожелает; если же принцессу вылечит мужчина, он станет ее мужем.

Приказ короля дошел и до маленькой хижины, где жили старушка цветочница и юноша-бедняк. Обрадовался юноша и тут же объявил глашатаям, что он сможет исцелить принцессу.

Гонцы привели юношу во дворец, и король приказал ему сразу же приняться за лечение принцессы. Тогда юноша дал ей понюхать листья, кору, корень и ветку того дерева, под которым он сам избавился от своего уродства, — и болезнь принцессы как рукой сняло: ее нос опять стал маленьким и красивым.

Король выдал принцессу замуж за бедного юношу и назначил его своим наследником. Как только юноша стал принцем, он приказал позвать во дворец своего друга, которого оставил на рисовом поле богача.

Все зажили дружно и счастливо.

Мудрейший из котов

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

или когда-то в одной дальней деревне муж с женой, люди уже немолодые. Кормились тем, что выращивали пальмы. Детей у стариков не было, потому, видно, они очень любили кошек и собак. Однажды взяли в дом маленького котенка. Котенок был весь белый-пребелый, и старики ласково называли его Беленький.

Время шло, и котенок рос. Однажды старики позавтракали, старуха положила в горшок рыбу, из которой хотела сварить на ужин вкусный хин[51], закрыла его крышкой, а сама пошла на базар продавать бетель. Старик в это время сидел внизу и нарезал прутья из бамбука.

Коту захотелось полакомиться рыбой, и он стал потихоньку открывать горшок. Но старик услышал шорох, подобрал с земли камень и поднялся в дом. Вошел и видит: их Беленький засунул голову в горшок и ест рыбу. Старик очень рассердился и в сердцах запустил в кота камнем. Да только в кота он не попал, а угодил прямо в горшок. Камень отбил у горшка горло — и оно так и осталось на шее у кота. Кот со страха пустился наутек и убежал в лес.

В лесу коту навстречу шли петух с курицей. Как увидели они его, так сперва спрятали своих цыплят в надежное место, а потом петух спросил:

— Что за странный кот? Вроде бы кольцо у него на шее?

Кот услышал их разговор и решил схитрить:

— Я не простой кот. Я мудрейший из котов! А на шее у меня вовсе не кольцо, а четки. Взгляните-ка на мою шубку! Разве она не чистейшего белого цвета? Если у вас есть детки, можете отдать их мне в обучение.

Петух с курицей поверили коту и отдали своих цыплят ему в обучение.

Пошел кот дальше, и повстречались ему селезень с уткой. Кот и их обманул точно так же, как петуха с курицей, они тоже отдали ему своего утенка в обучение.

Пошел кот дальше по лесу уже с цыплятами и утенком. Идут, видят: под кустом сидит птица боу. Она сначала тоже удивилась, что это за невиданный кот, но кот и ей сказал, что он мудрейший из котов, а это его ученики. И птица боу отпустила с котом своего любимого сына по имени Е Чо.

После того коту попала на пути еще и ворона. Кот и ей сказал, что он мудрейший из котов, и предложил отдать птенцов ему в обучение. Ворона не очень-то поверила коту, но когда отец ее воронят увидел цыплят, утенка, птенца боу, он забеспокоился, что их птенцы останутся неучами, и отдал коту любимого вороненка по имени Ме Гаун.

Кот привел всех своих учеников к большому дереву с дуплом и сказал:

— Сегодня я буду обучать утенка. Он вместе со мной залезет в это дупло. А остальные отправляйтесь спать на дерево.

Птенцы заснули на дереве, а кот в дупле поужинал утенком.

Когда настало утро, Е Чо и Ме Гаун заметили, что утенок куда-то пропал, и спросили кота:

— Учитель, а где же утенок?

— Он уже выучился и вернулся к своим родителям.

На следующий день кот позвал с собой в дупло цыпленка, а Е Чо и Ме Гауну велел спать на дереве. Бедного цыпленка кот съел, как и утенка.

Когда рассвело, Е Чо и Ме Гаун увидели, что цыпленка и следа нет, и опять стали расспрашивать кота. Кот, как и в прошлый раз, ответил, что цыпленок уже овладел всеми науками и вернулся к своим родителям. Но на этот раз Е Чо и Ме Гаун не поверили словам кота.

— Слушай, Ме Гаун! — сказал Е Чо. — Хотя учитель и говорит, что утенок и цыпленок уже обучились и вернулись к своим родителям, мне что-то не верится. Скорее похоже на то, что учитель съел их.

— Я думаю, что так оно и есть, как ты говоришь, — отозвался Ме Гаун.

Стали тогда Е Чо с Ме Гауном думать, как им быть.

— Вот что, Е Чо, — сказал наконец Ме Гаун. — Сегодня учитель наверняка возьмет с собой кого-нибудь из нас. Другой же пусть не спит, а дожидается неподалеку, чтобы ему из дупла все слышно было. Если кот на самом деле хочет съесть нас — надо кричать. Другой тотчас же прилетит на помощь, и вдвоем мы заклюем кота.

Скоро зашло солнце, и настала темная ночь. Кот подзвал Е Чо и Ме Гауна и спросил:

— Ну, кто из вас хочет первым вернуться к родителям?

— Я, учитель, — вызвался Ме Гаун. — Я хочу вернуться к родителям. Обучи меня сегодня ночью наукам, чтобы я все знал.

— Ладно, — согласился кот, — полезай в дупло. А ты, Е Чо, ступай спать на дерево. Уж завтра ты отправишься домой.

Но Е Чо, как они условились с Ме Гауном, уселся неподалеку от дупла и стал слушать. Вдруг из дупла раздался крик:

— Е Чо, на помощь! На помощь!

Е Чо тут же влетел в дупло и как вцепится коту в глаза! Плохо тут пришлось мошеннику — едва совсем он не ослеп. Говорят, с тех пор у котов зрачки расположены не вдоль, как у всех зверей, а поперек.

Ну, а два друга мигом выскочили из дупла и полетели в родные края.

Принц-черепаха

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

давние времена жила в одной деревне бедная старая вдова. Она очень любила детей, но не было у нее ни дочери-помощницы, ни сына-опоры...

Однажды вдова пошла к реке искупаться и по дороге нашла маленькое красивое яичко. Взяла она то яичко, отнесла домой и положила под полочкой, на которой стоял горшок с водой.

Не прошло много времени, как из яйца вылупилась красивая черепашка. Старушка очень обрадовалась: пусть, думает, живет у меня вместо сына.

А как раз в то время король, что правил страной, решил завести в своем дворце двух птиц — золотую и серебряную, что водились только в Стране Драконов. Посоветовался со своими министрами король и повелел объявить повсюду под барабанный бой: если найдется человек, который сумеет добыть двух птиц — золотую и серебряную, то, если окажется он мужчиной, получит такие дары, каких сам пожелает, а если женщиной, станет королевой южного дворца.

Как услышал эту весть приемный сын вдовы, то сказал:

— Матушка, а ведь я могу добыть тех птиц, о которых кричал глашатай. Пойди во дворец и доложи о том королю.

— Сыночек! — отвечала старуха черепашке. — Ведь король хорош, покуда все делается, как он хочет. А чуть что ему не понравится — и дня головы не сносишь. Не для тебя это дело. И мне с тобой расставаться неохота!

Но сын отвечал вдове смело и уверенно:

— Не беспокойся, матушка! Иди во дворец и не бойся — все будет хорошо. Я все сделаю, как надо.

Пришлось старушке пересилить свой страх и отправиться во дворец, раз уж приемный сын так ее упрашивал. Но только, когда она подошла к самому дворцу, ей снова стало страшно за сына. Не решилась она предстать перед королем — постояла у входа и вернулась домой.

Пришла домой, рассказала, как все получилось, а сын снова спрашивает:

— Да не бойся ты ничего, матушка! Положись на меня! Я все сделаю хорошо. Иди снова, поклонись королю!

Семь раз ходила старушка во дворец, но все не решалась предстать пред королем. Наконец королю доложили, что какая-то женщина все время приходит ко дворцу, но войти не решается, и он приказал своим советникам привести ее.

— Говори смело, с чем пришла! — велел король.

— Воля твоя, государь! — отвечала старушка. — Хочешь — вели казнить, хочешь — помилуй. Сынок у

меня есть. Да только он не то чтобы человек, а черепашка малая. Берется доставить тех птиц — золотую и серебряную, каких ищет великий король. Очень уж он упрашивал меня сказать о том королю, вот я и явилась пред королевские очи, хоть и не решалась долго.

— Хорошо, женщина, — сказал король. — Если твой сын сможет выполнить мое желание, я награжу его, как обещал, такими дарами, какие он сам пожелает. Но пусть он отправляется в путь немедленно!

Старушка вернулась от короля и рассказала обо всем сыну.

— Хорошо, матушка, — сказал тот. — Возьми корзину и положи меня в нее. Потом отнеси корзину на опушку леса и оставь в кустах. А когда через семь дней ты придешь к этим кустам, то увидишь меня с двумя птицами. Так и домой отнесешь.

Сделала старушка все, как сын наказал, погоревала, что оставляет сына одного, и со слезами на глазах отправилась домой.

Как только она ушла, ее приемный сын тотчас же сбросил с себя черепаший панцирь и превратился в прекрасного, стройного принца. Тут же он отправился прямо в Страну Драконов. Благодаря волшебной силе, которой он обладал, принц достиг Страны Драконов всего за один день и одну ночь.

Тайно проник он во дворец, в покои самой королевы драконов. Едва королева увидела прекрасного принца, она в тот же миг полюбила его и спрятала у себя от драконов.

А ночью принц услышал прекрасное пение золотых и серебряных птиц. Он притворился, что ничего о них не знает, и спросил королеву драконов:

— Как чудесно поют птицы! Должно быть, это птицы не простые?

— Правда, принц, — отвечала королева драконов. — Одни птицы кладут золотые яйца, а другие — серебряные.

На следующее утро королева повела принца в свой сад. В том саду росло множество удивительных деревьев. Принц обо всем расспрашивал королеву и узнал, что листья одного дерева, если их бросить на землю, заставляют все вокруг гореть жарким пламенем, листья другого могут преградить путь водным потокам, листья третьего вызывают ураган, а где бросишь на землю листья четвертого дерева, там вырастают огромные горы. Принц потихоньку сорвал по листику со всех четырех деревьев и вместе с королевой драконов возвратился во дворец.

А в полночь, когда королева уснула, принц поймал одну золотую птицу, одну серебряную и тайно выбрался из дворца.

Прошел он только часть пути, как видит: королева драконов оседлала смерч и несется за ним вдогонку. Тогда царевич бросил на землю листок с первого дерева — и на пути у королевы запылал пожар. Но она прошла через пламя, даже не свернула с пути. Бросил принц на землю лист со второго дерева — и могучий водный поток разлился, преградил путь королеве драконов. Однако и здесь у королевы сил не убавилось: перенеслась она через поток и полетела дальше вдогонку за принцем. Принц бросил на землю лист с третьего дерева, но и ураган не остановил королеву драконов. Принц бросил последний лист — с четвертого дерева. В тот же миг из-под земли выросли огромные горы с густыми лесами.

С великим трудом королева драконов прошла через те горы, да только к тому времени принц добрался уже до границы, что отделяет мир людей от мира драконов.

Долго смотрела королева вслед принцу, все глаза высмотрела. Глядела до тех пор, пока принц не пропал из виду, только тогда возвратилась в свой королевский дворец.

А принц-черепаха надел снова черепаший панцирь, что так и лежал в корзине, и стал дожидаться

своей матушки. Старушка пришла точно в срок, как наказывал ей сын, и видит: сидит он не один, а с двумя прекрасными птицами. Старушка обрадовалась, взяла корзину и понесла их домой. Сын велел ей отнести чудесных птиц в королевский дворец, но только ни золота, ни серебра, ни других даров не брать, а сказать, что он желает взять в жены королевскую дочь и хочет, чтобы король устроил им пышную свадьбу.

Старушка мать все хорошенько запомнила, пошла во дворец и вручила королю чудесных птиц. Возрадовался король, спросил, какую же награду хочет получить ее сын. А старушка и говорит, как сын учил ее, что не хочет он ни даров, ни наград, а хочет взять в жены королевскую дочь.

Не по себе тут стало королю, лицо его омрачилось. Но ведь говорят: человеческое слово — обещание, а королевское слово — присяга. Не мог король нарушить своей клятвы и сказал:

— Быть посему!

После того король призвал к себе своих семерых дочерей и стал спрашивать, которая из них согласится выйти замуж за сына вдовы, черепаху. Старшая поглядела гордо и сказала:

— Лучше умру, чем за эту тварь замуж выйду!

Так же и вторая дочь отвечала: не желает она идти замуж за черепаху. Если король-отец велит ее убить — примет смерть, но замуж за черепаху не пойдет. Третья, четвертая, пятая и шестая дочери — все дали одинаковый ответ, ни одна не хотела идти замуж за черепаху.

Тогда обратился король к самой младшей своей дочери и спросил:

— Что скажет моя младшая дочь? Допустит ли, чтобы король нарушил свое слово?

«Кто же в мире дороже нам, чем родители? — подумала младшая дочь. — Разве есть что-нибудь, хотя бы и сама жизнь, чем нельзя было бы пожертвовать ради счастья отца с матерью? Пусть такой муж постыден — все равно я должна согласиться». И она сказала:

— Король-отец! Разве твоя дочь когда-нибудь перечила родительским словам? И на этот раз я готова послушаться.

Король обрадовался и велел устроить, как хотел жених, пышные празднества и всякие увеселения и на земле, и на воде.

А сын старушки сбросил свой черепаший панцирь и явился на празднество в облике принца. Приблизился он к принцессе, своей невесте, и сел рядом с ней.

— Королевский сын! — обратилась к нему принцесса. — Для меня уже избран властелин моей судьбы. Он может подумать недоброе, если увидит тебя рядом со мной, поэтому я прошу тебя удалиться.

— Нет! — отвечал принц. — Я и есть твой избранник.

— Не может того быть, принц! — возразила она. — Мой будущий супруг — не из рода человеческого, он черепаший рода. Принц, верно, слышал о том.

Тогда принц показал ей свой черепаший панцирь и рассказал всю свою историю.

— А теперь, супруг мой, пойдём во дворец, поведаем обо всем королю-отцу. Пусть ликуют и король, и народ! — воскликнула принцесса.

Они пошли к королю-отцу, и радости всех не было конца. Когда король увидел сильного и смелого зятя, а рядом с ним свою дочь, сердце его возрадовалось, и он назвал принца своим наследником.

А шестеро дочерей, что не послушали отцовских слов, уж так жалели да раскаивались: всем им полюбился прекрасный принц, как только его увидели.

Нат-хранитель и Нат-губитель

Бирманская сказка

Перевод В. Касевича

давние времена жили в деревне два брата. Оба они женились и обзавелись семьями. Старший брат женился на бедной крестьянке, а младший взял в жены девушку из богатой семьи. Они не стали делить хозяйство, а жили все вместе в доме, который построили еще их родители.

Так они и прожили бы всю жизнь мирно и дружно, да не поладили друг с другом их жены. Жена старшего брата говорила, что она в доме главная и поэтому жена младшего должна ее слушаться. Жена младшего брата и слушать ее не хотела: за всю свою жизнь она еще никому не подчинялась, наоборот, ее все слушались, и теперь она тоже не собирается никому служить. Так, чуть что — они бранились.

Ну, а как начали ссориться жены, так и братья перестали ладить. Всего год они прожили вместе, а потом старший брат взял свою половину имущества и переселился в другое место.

С того дня старший брат трудился не покладая рук, но хозяйство его не богатело, а все больше и больше приходило в упадок. У младшего же брата, хоть он и не больше старшего работал, богатство умножалось.

Старший брат день ото дня все больше беднел, и в конце концов пришлось ему продать последних своих волов. А когда у него не осталось волов, пахать стало не на чем, и он уже не знал, как ему дальше жить. Оставалось одно: пойти к младшему брату и просить помощи.

Когда он пришел к младшему брату, оказалось, что того нет дома: он работал на своем поле. Старший брат отправился в поле и, подойдя к младшему, попросил:

— Нет у меня больше волов, а подошло время пахать. Не найдется ли у тебя лишней упряжки на день-два?

Младший брат знал о нужде старшего, и ему стало жаль брата. Он согласился дать ему на время упряжку, у него как раз была одна свободная. Пусть старший брат сам пойдет на поле и поймает волов.

Старший брат пошел за волами на другой конец большого поля, а младший вернулся к своей работе.

Дошел старший до края поля и заметил что-то странное: волы его брата вовсе не паслись. Их погонял кто-то, немного похожий на человека, и упряжка послушно тянула плуг. Этот кто-то взглянул на старшего брата и продолжал усердно погонять волов. Не стерпел старший брат и крикнул:

— Эй! Ты кто такой? Это поле моего брата! Ты зачем пришел сюда? И волы эти тоже моего брата! Сейчас я их заберу!

— Хорошо! — слышалось в ответ. — Я увидел, что волы свободны, и решил немного помочь твоему брату вспахать поле. Если тебе нужны волы — бери. Я ведь и в другой раз это могу сделать. Я беру волов, когда твой брат устает и хочет отдохнуть. А сейчас бери, не бойся!

Существо остановило волов и подвело их к старшему брату. А тому очень захотелось узнать, кто же это и почему он помогает его брату. Поэтому, прежде чем уйти, он стал расспрашивать того, кто подвел ему волов.

— Я — нат, дух-хранитель твоего брата, — с радостью объяснил тот. — Я помогаю ему, хочу, чтобы он процветал и богател. Ты ведь знаешь, как он теперь приумножил свое добро! Это все оттого, что я ему помог.

«Так вот отчего моему брату все так ловко удается! — подумал старший брат. — Выходит, все это благодаря нату-хранителю! Хороший ему попался нат! А как же мой нат-хранитель? Он что же, не помогает мне?»

— Это очень хорошо, — сказал он вслух, — что ты так усердно помогаешь тому, кого должен хранить от бед и невзгод. Вот только хочу тебя спросить о своем нате-хранителе. Где, к примеру, сейчас находится мой нат-хранитель и что он поделывает?

— У тебя, само собой, тоже есть нат-хранитель, — ответил его собеседник. — Да он, похоже, лодырь. Только ходит за тобой по пятам — вот и вся его работа, а помогать не помогает. Верно, и сейчас спит где-нибудь в кустах. Ты бы пошел да посмотрел.

Старший брат пошел к кустам и, в самом деле, лишь начал искать, как сразу нашел своего ната-хранителя, мирно спавшего под кустиком.

— А, так ты здесь! — закричал он. — У других наты стараются, а ты, значит, не только работать — даже смотреть не хочешь, как я тружусь!

Старший брат отломил от ближайшего дерева ветку и принялся хлестать ею своего ната-хранителя.

— Ой! — завопил, проснувшись, нат. — За что ты меня так больно бьешь?

Он запросил пощады, но старший брат только еще больше распалился:

— А ты разве не знаешь, за что я тебя бью? Ну-ка, взгляни туда! Видишь, там нат-хранитель моего младшего брата пашет его поле. А ты? Ты мне когда-нибудь помог? Вот за то я тебя и бью! — И он снова взмахнул веткой.

— Погоди немного! — вскричал нат. — Я тебе все объясню! Я просто другой нат — не из тех, что умеют землю пахать. Я в этом ничего не смыслю! Когда ты пашешь, я тебе никак не могу помочь. Зато в другом деле я силен — в торговле, например. Вот если бы ты торговал, уж я бы тебе помог.

— Скажешь тоже! — возразил старший брат. — «Если бы торговал»... А как я буду торговать, если у меня и монеты лишней нет?

— Ничего! — успокоил его нат-хранитель. — Ведь я с тобой. Ты ни о чем не беспокойся! Обноски у тебя какие-нибудь найдутся? Вот ими и попробуем торговать. Быстро разбогатеешь!

Старший брат поверил своему нату-хранителю и отправился домой.

Дома он объявил жене, что отныне займется торговлей, а сам стал укладывать вещи и готовиться к переезду в город. В городе он думал обзавестись всем необходимым для торговли.

Пока он собирал вещи, ему почудилось, что он слышит плач: будто на крыше кто-то причитает. Похоже было, что горько плачет старая женщина. Старший брат поднял голову и посмотрел на крышу: там сидело какое-то существо, похожее на безобразную старуху, и заливалось слезами.

— Бабушка! — окликнул он старуху. — Зачем ты забралась на крышу и отчего плачешь?

— И ты еще спрашиваешь! — сквозь слезы отозвалась старуха. — Мы ведь так долго живем с тобой

вместе, а ты и не знаешь об этом? Если бы ты знал, как я привязалась к тебе, не посмел бы бросить меня. Я ведь твой нат! Только нат-хранитель должен помогать тебе, а я, наоборот, стараюсь все тебе делать во вред; я твой нат-губитель. Очень уж я полюбила тебя и стараюсь, как могу, выполнять свой долг, чтобы ты был все беднее и беднее. Неохота мне с тобой расставаться! Возьми меня в город!

«Оказывается, у меня есть не только нат-хранитель, который мне помогает, но и нат-губитель, который мне вредит! — подумал старший брат. — Так вот почему мне все время не везет!»

Задумал он одну хитрость и сказал:

— Ладно, бабушка! Я возьму тебя с собой. Полежай вон в тот сундук, я тебя в нем и понесу.

Старуха с радостью забралась в сундук, а старший брат тут же быстро закрыл крышку и запер сундук на ключ. Сундук со старухой-натом он оттащил в дальний угол двора и там закопал глубоко в землю.

— Эй, бабушка! — крикнул он на прощание. — Мне что-то не хочется больше с тобой водиться. Оставайся-ка лучше здесь.

После этого старший брат взял все свои вещи, позвал жену и детей и отправился в город.

В городе он снял подходящий дом и пошел собирать всякие обноски, чтобы начать торговлю. Как превратить все это в деньги — тут уж должен был постараться нат-хранитель: он ведь обещал все устроить.

И в самом деле, с помощью ната-хранителя старший брат продал все это старье за хорошую цену. На вырученные деньги он купил уже дорогую одежду и ее тоже продал — и очень выгодно. Так он скоро разбогател.

Тем временем младший брат узнал, что его брат-бедняк сделался богачом, и пришел спросить, как ему это удалось. Старший брат рассказал ему все без утайки.

— Вначале-то я не знал, — объяснил он, — почему мне от всего одно лишь разорение. А потом выяснил: все оттого, что мой нат-хранитель мне не помогал, а нат-губитель старался изо всех сил. Вот когда я все понял, то ната-губителя посадил в сундук и закопал в землю в углу своего двора, а ната-хранителя проучил как следует, с того времени он тоже стал мне помогать — вот я и начал жить лучше.

Младший брат позавидовал старшему. Он не мог спокойно видеть, что старший брат теперь богаче его. Раньше ведь тот всегда смотрел на него снизу вверх, а теперь, поди, станет заноситься.

И задумал он разрушить счастье старшего брата. Дома он рассказал жене обо всем, что услышал от него.

Подумали муж с женою и решили: отправимся-ка мы во двор к старшему брату и откопаем его ната-губителя. Пусть он возвращается к своему хозяину и вредит ему как может!

Так они и поступили. Пошли во двор дома, где раньше жил старший брат, и стали искать там зарытый сундук. Скоро нашли, младший брат тут же отпер его и открыл крышку. Да едва он откинул ее, как из сундука выпрыгнула уродливая старуха, вскочила ему на шею и обхватила его крепко ногами.

— Вот теперь я счастлива, сынок! — закричала она. — С этого дня я буду жить при тебе!

— Да я вовсе не твой сынок! — в испуге завопил младший брат, пытаясь стащить с себя злого ната. — Ты ошиблась, я не твой хозяин! Твой хозяин — мой старший брат! Ты к нему иди, к нему!

Но старуха не хотела слезать, а вцепилась изо всех сил.

— И не говори мне об этом дурном человеке, — отвечала она. — Я надеялась, что он возьмет меня с собой, а он, негодник, вместо того закопал меня в землю. Не хочу больше быть при нем. Лучше уж на всю жизнь останусь с тобой.

Так и не удалось младшему брату сбросить с себя ната-губителя. И с того дня все его хозяйство пошло прахом. Тесть и теща махнули на него рукой и перестали помогать. Друзья от него отвернулись. А потом и жена ушла от него, когда увидела, что муж ее стал бедняком.

В конце концов младший брат повредился в уме. Ушел в лес и там пропал — больше его никто не видел.

Путешествие к царю обезьян

Бирманская сказка

Перевод Ю. Осипова

стародавние времена жили старик со старухой. Жили они бедно, из нужды не выходили, досыта не ели. День и ночь трудились на своем поле. А поле было недалеко от деревни. Посеяли старики и разных бобов, и огурцов, и кунжута, и земляного ореха, и баклажанов, и разных тыкв, и красного перца, и лука, и горчицы, и капусты, и риса, и других злаков. Чего только у них не было! Земля была тучной, и урожая хватило бы старикам на весь год, да и на будущий бы осталось. Да, видно, несчастливая выпала им доля.

Лишь только начинали зреть злаки, наливаясь соком овощи, как к полю устремлялись тучи разных птиц, стада всяких животных. Клевали, рвали, грызли, топтали посева. Что за месяц нарастет, то в одну ночь потравят. А больше всего вреда было от обезьян: все поле вытопчут; что не съедят, то сломают или оборвут. Беда, да и только. Вот и надумал старик проучить обезьян. Может, тогда и другим зверям и птицам неповадно будет. Решил старик изловить обезьяньего царя и придумал такую хитрость.

— Свари-ка ты мне, жена, гнилых бобов, — сказал он своей старухе, — а как будет готово, остуди!

Сварила старуха гнилых бобов. Получилась каша густая и вонючая. Остудила она кашу и дала старику. А старик взял эту кашу и понес на поле.

Там он обмазался весь бобовой кашей. От него пошел запах, как от покойника. Потом улегся на землю посреди поля и притворился мертвым. Так и пролежал весь вечер и всю ночь. А перед самым рассветом явились обезьяны. Было их ровно пятьсот, целое стадо. Бежали они по полю, прыгали, толкались. Все мяли, топтали, ломали. Добежали до старика — остановились, стали разглядывать. Потом подошли поближе, окружили его. А старик лежит, не шевелится, будто мертвец, и запах от него идет тяжелый. Понюхали обезьяны, потрогали старика и решили:

— Этот человек мертв. Отнесем-ка его к нашему царю. Пусть полакомится человечиною!

Схватили обезьяны старика и потащили. Долго тащили. Много гор миновали, взбирались по откосам, скатывались в ущелья, переходили ручьи и реки, прыгали с дерева на дерево. Но старик терпеливо сносил жестокую тряску, толчки и удары: помнил о своем решении изловить царя обезьян.

Наконец обезьяны прибыли в свое становище. И сразу понесли старика к царю. А тот уже давно хотел полакомиться человеческим мясом. Как увидал, что несут его подданные, сильно обрадовался. Велел тут же готовить угощение. Подданные царя достали золотые и серебряные блюда, все приготовили и поднесли измазанного бобовой кашей старика прямо к царю. Тот и опомниться не успел, как старик вскочил, схватил его и мигом связал по рукам и ногам.

Скрутил старик царя обезьян, а потом как стал его поносить:

— Мы со старухой — люди бедные, сил у нас мало. Трудно обрабатывать поле. Только и сеем, чтобы

с голоду не умереть. А вы не знаете ни жалости, ни сочувствия. Моими трудами кормитесь! Весь урожай травите! Убью тебя!

Не на шутку перепугался тут царь обезьян. Стал просить пощады у старика. Обещал запретить своим подданным травить его поле. Любую награду старику сулил. Слушал его старик, слушал да и говорит:

— Ладно уж, пощажу тебя, если не станете больше на поле ко мне ходить! Ну, а раз ты боишься, что я тебя убью, дай мне побольше золота и серебра! Плати за все, что твои подданные у меня погубили!

Призвал царь обезьян своих слуг и велел принести старику столько золота, серебра и драгоценных камней, сколько он пожелает. Притащили ему обезьяны богатые дары, серебра, золота и дорогих камней целую гору насыпали. Старик погрузил свое богатство в корзины и приказал обезьянам тащить все к нему домой. А сам развязал царя обезьян, попрощался с ним и пустился в обратный путь. Всю дорогу до самого дома подданные царя обезьян несли старика.

С того дня хорошо зажили старик и старуха. Построили себе новый дом. На поле работать не стали, отдали его молодым соседям. А сами простились с нуждой да с бедою и зажили спокойно.

Как-то раз стали соседи расспрашивать старика, отчего это ему так повезло и где он добыл свое богатство. Старик ничего не таил, рассказал соседям все, как было. Подивились соседи, порадовались вместе с ним. Ну и как это водится, один сосед рассказал другому, тот — третьему, а там, глядишь, и вся деревня узнала.

Дошла эта история и до ушей деревенского богача. А богач был жаден до всякого добра. Где что углядит, обязательно к рукам прибрать захочет. Как прослышал он про удачу старика, не стало ему покоя. Захотелось и ему добыть сокровищ у царя обезьян. Стал он потихоньку разузнавать, на какое поле приходят обезьяны. А как дознался, велел своей жене сварить гнилых бобов. Взял бобовую кашу и пошел ночью в горы. Пришел на горное поле, разделся, вымазался зловонной кашей и лег на землю дожидаться обезьян. Всю ночь лежал. Перед рассветом явились обезьяны. Почуяли дурной запах, подошли к богачу, стали разглядывать. А тот лежит, не шевелится, сам от собственного запаха чуть не задыхается, да терпит.

Немного дней прошло, а обезьяны уже забыли историю со стариком. Приняли богача за мертвеца и решили тащить его к царю — пусть полакомится!

Подхватили они богача и понесли. Долго несли, много гор миновали, карабкались по откосам, скатывались в ущелья, переходили ручьи и реки, перепрыгивали с дерева на дерево. У богача затекли руки и ноги, заболела голова, от толчков и ударов все тело ныло. Невтерпеж стало богачу. А тут еще, на беду, вздумалось ему приоткрыть один глаз и взглянуть, куда его тащат обезьяны. Поглядел он и перепугался: лезут обезьяны по отвесному склону, а внизу ущелье, глубокое, каменистое.

«Не удержат меня эти глупые твари, свалюсь вниз — поминай как звали!» — подумал богач да вдруг как закричит:

— Эй вы, осторожней несите! А то упаду и лишусь сокровищ!

Услыхали обезьяны, что мертвец заговорил, испугались, выпустили свою ношу и кинулись прочь. А богач и полетел вниз с высоты в сто человеческих ростов прямо на камни в глубокое ущелье, там и разбился.

Вот до чего алчность довела!

Тут и конец сказке про путешествие к царю обезьян, про бедняка и богача да про пятьсот обезьян. Как расскажут ее отцы и матери своим детям, дедушки и бабушки своим внукам, так уж обязательно прибавят:

«Чужой удаче не завидуй, не тянись к легкой наживе! Жадность и скупость до добра не доводят!»

Индийские сказки

Братец Амбе и братец Рамбе

Индийская сказка

В обработке С. Ф. Ольденбурга

одном большом доме жил кот, а в доме было много мышей. Кот ловил мышей, ел их и жил привольно. Прошло много времени, кот постарел, и трудно ему стало ловить мышей. Думал он, думал, как быть, и наконец придумал. Созвал мышей и говорит:

— Мыши, мыши, вот зачем я позвал вас. Сознаюсь, худо я жил и вас обижал. Стыдно мне, хочу перемениться. Не стану вас трогать. Бегайте себе на воле, а меня не бойтесь. Требую от вас одного: каждый день дважды проходите мимо меня одна за другой и кланяйтесь мне, а я вас не трону.

Обрадовались мыши, что не будет их трогать кот, и на радостях согласились. Уселся кот в углу, и стали мыши одна за другой проходить мимо него, проходят и кланяются ему. А кот сидит смиренно.

Вот последняя мышь стала перед ним и поклонилась, а он — цап! — схватил ее и съел.

А другие мыши вперед ушли и ничего не заметили. Так они ходили каждый день по два раза. Кот спокойно съедал двух мышей и был доволен своей хитростью.

Но среди мышей были два друга — Амбе и Рамбе. И вот Амбе и Рамбе заметили, что мышей все меньше становится. Стали они думать и решили, что каждый раз, когда мыши будут проходить перед котом, Рамбе пойдет первым, а Амбе последним.

Прошел Рамбе, низко поклонился коту, а потом громко позвал:

— Братец Амбе, где ты?

Амбе с конца отвечает:

— Здесь я, братец Рамбе.

И так они все перекликались, пока все мыши не прошли мимо.

Рассердился кот, но не посмел тронуть Амбе, пока его звал Рамбе. Сердился, сердился и лег спать голодный.

На другой день опять то же: кличет Рамбе Амбе, а Амбе ему отвечает. Опять побоялся кот тронуть Амбе и опять лег спать голодный.

На третий день проходят мыши мимо кота. Кличет Рамбе:

— Братец Амбе, братец Амбе, где ты?

— Здесь я, братец Рамбе, здесь я! — отвечает Амбе, а сам смотрит в оба, не прыгнет ли кот.

Разъярился кот, кинулся на Амбе. А того и след простыл, да и мыши все разбежались: увидели, что кот — обманщик и им от него беда.

Попрятались в норы и не выходят оттуда к коту-обманщику.

А кот ни одну мышь поймать не может. Худел, худел да и пропал.

И коту конец, и сказке конец.

Глупый крокодил

Индийская сказка

Перевод Н. Толстой

ил-был в своей норе около речки шакал. Он частенько ходил к реке на водопой. А в речке той жил крокодил. Каждый день он прятался у берега под кустами в надежде, что какой-нибудь зверь пойдет воды испить и тут-то он его и поймает.

Пришел как-то шакал к реке и видит: у берега вода мутная да грязная. Вошел шакал в речку подальше, чтоб испить водицы почище, а крокодил хватя его за ногу!

Испугался шакал, но потом набрался духу и стал думать, как бы ему свою лапу из крокодильей пасти вызволить. И вот что он придумал: «Не буду я вовсе шевелить лапой, словно она и не моя!» И сказал крокодилу спокойным голосом:

— Ах, приятель крокодил, у меня ноги в иле увязли, тону я! Помоги мне, скорей хватай меня за ногу!

Крокодил попался на эту удочку. «Какой же я дурак! — подумал он. — Я принял корни водорослей за шакалью лапу и сижу себе да держу их в зубах!» Отпустил он шакала и вцепился в корень. Обрадовался шакал и говорит:

— Большое тебе спасибо!

И ушел, напевая веселую песенку.

Когда крокодил понял, что шакал обманул его, он пришел в ярость от собственной глупости.

А на другой день шакал снова явился на берег. Он был уверен, что крокодил сидит, его дожидается. Но чтобы все-таки проверить, не ошибается ли он, шакал громко сказал:

— Вот когда вчера я пил воду, то видел, как в воде плавают маленькие рыбки и пускают пузыри. А сегодня что-то вода гладкая, без единого пузырька. Пожалуй, не буду я пить воду!

После этих слов крокодил как задышит — пошли по воде пузыри. Понял шакал, что это крокодил, и убежал прочь.

А на прощание он сказал ему:

— Ах, господин крокодил! Если вы собирались сегодня мной пообедать, так ошиблись — придется вам попоститься!

Расстроился крокодил и долго сетовал на свою глупость.

Шакал больше не пил воды из речки, а стал ходить на пруд. Крокодил же очень сердился на него — ведь шакал дважды его одурачил. И стал он думать, как бы ему поймать шакала.

Около речки росло большое манговое дерево.

Шакал был большой любитель сочных, спелых манго и частенько наведывался под это дерево

отведать плодов.

Узнал об этом крокодил, собрал в кучу много плодов манго, а сам зарылся в них.

Пришел шакал под дерево, но, когда увидел огромную кучу манго, его взяло сомнение. Он пустил в ход испытанное средство.

— Когда я в прошлый раз приходил сюда, — сказал он, — манго само прыгало из кучи прямо мне в лапы. А сегодня что-то я этого не вижу. Странно!

Услыхал крокодил эти слова, выбрал несколько манго и кинул шакалу. Понял шакал, что в куче кто-то скрывается, и запел:

В сладких плодах притаился обманщик,
Глупый пропал, осторожный спасется!

Пропел и убежал. Крокодил бросился за ним, но догнать не смог. Пуще прежнего рассердился он на свою бестолковость и поклялся, что лишит шакала жизни.

Прошло несколько дней. Однажды в полдень подкрался крокодил к шакальей норе, залез в нее и спрятался в надежде схватить шакала, когда тот вернется домой.

Когда шакал подошел к норе, он заметил на земле большие следы. Уж не спрятался ли крокодил в его норе? Сначала он испугался, а потом подошел ближе и крикнул:

— Норка моя, норка! Что же ты молчишь, голоса не подаешь? — И добавил: — Раньше, бывало, подойду к дому, а норка уж встречает меня сладкой песенкой. Что же это с ней сегодня случилось? Может, кто-нибудь ей горлышко придавил?

Тогда крокодил как запоем хриплым голосом:

Привет тебе, привет, мой хозяин!
Я твоя служанка! Я твоя служанка!

Шакал сразу же узнал голос крокодила. Подумал он и говорит:

— Эх, забыл я принести дровец! Надо бы огонь развести. Сейчас вернусь!

Натаскал он веток и развел костер рядышком с норой. Почуял крокодил дым, выскочил из норы и наутек! С тех пор побаивался он шакала и обходил его стороной.

Жил-был воробей

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

или да были воробей с воробьиной, и жил-был царь. Построили воробей и воробьиного гнездо в царском дворце. Царь жил в покоях, а воробей с воробьиной — в своем гнезде.

Вот раз царь нарядился в новое платье — надумал в гости пойти. Только дошел до двери, а воробей возьми да и урони каплю. Белая капля упала прямо на царя и запачкала его новое платье. Разгневался он. Позвал слугу и говорит:

— Сейчас же поймай воробья с воробьиной и посади их в клетку.

Воробьиного-то слуга поймал, а воробей вспорхнул да и был таков.

Прилетел воробей к плотнику, просит:

— Плотник, плотник! Сделай мне тележку на восьми колесах. Царь посадил в клетку мою воробьиного. Я поеду с ним воевать.

Плотник сделал маленькую тележку на восьми колесах. Воробей запряг в нее мышку и поехал воевать с царем. Едет он, едет, видит, лежит на дороге иголка.

— Братец воробей! Братец воробей! Ты куда едешь? — спрашивает иголка.

Отвечает воробей:

Я воробей, я воробей,
Видишь, мышку в тележку запряг:
Еду я с царем воевать —
Он мою воробьиного поймал.

— И я с тобой, братец воробей.

— Поедем.

Забралась остроносая иголка на тележку. Воробей вожжами потряхивает, мышку погоняет. Мышка бежит, изо всех сил старается. Быстро катится тележка.

Едут они, едут, а навстречу им скорпион [\[52\]](#).

— Братец воробей! Братец воробей! Ты куда едешь? — спрашивает.

А воробей ему:

Я воробей, я воробей,
Видишь, мышку в тележку запряг:
Еду я с царем воевать —
Он мою воробьиного поймал.

— И я с тобой, братец воробей.

— Поедем.

Поднял скорпион свой хвост с ядовитым жалом и влез к воробью в тележку. Воробей мышку погоняет. Мышка бежит быстро-быстро.

Едут они, едут, смотрят, лежат веревка и палка.

— Братец воробей! Братец воробей! Ты куда собрался? — спрашивают веревка и палка.

А воробей им в ответ:

Я воробей, я воробей,
Видите, мышку в тележку запряг:
Еду я с царем воевать —
Он мою воробьюху поймал.

— И мы с тобой, братец воробей.

— Поедем.

Вот и собралось у воробья по дороге целое войско. Ехали они, ехали и подъехали к царскому дворцу, когда стало совсем темно. Остановил воробей тележку позади дворца. Царя дома не было. Воробей с друзьями тихонько прокрались в комнату к царю. Иголлка спряталась у него в постели. Скорпион влез на столик, где стояла свеча. Вербка и палка притаились у двери. Сам воробей забрался под карниз. А мышка осталась сторожить у тележки.

Царь скоро вернулся. Умылся, сел ужинать. Ему и невдомек, какое войско забралось к нему во дворец.

Пошел царь спать. А иголлка его давно дожидается. Лег он в постель — она как примется колоть его спину. Закричал царь, вскочил. Хочет свечку зажечь — посмотреть, что это колется в постели. А у свечки сидел скорпион. Только протянул царь руку, скорпион его и ужалил.

Заголосил царь от страха:

— Ах! Ах! Умираю! Меня скорпион укусил!

Бросился царь вон из комнаты. А у двери его поджидали веревка и палка. Вербка опутала царя, а палка принялась его колотить. Кричит царь что есть мочи:

— Помогите! Помогите! Помогите хоть кто-нибудь!

Воробей сверху смотрел-смотрел на все, что творилось, а как запросил царь помощи, слетел к нему, остановил палку и говорит:

— Царь! Я воробей. Со мной мое войско. Говори, отпустишь мою воробьюху? Или тебе еще мало попало?

Взмолился царь, стал просить у воробья прощения. Вербка освободила царя, и он выпустил воробьюху.

Соловей и хлопковый куст

Индийская сказка

В обработке С. Ф. Ольденбурга

ил однажды соловей. Летал-летал он и вот однажды увидел куст, на котором висел маленький плод. Обрадовался соловей и сказал:

— Останусь сидеть на этом кусте и, когда плод созреет, съем его.

Бросил он свое гнездо и семью и уселся на этом кусте. А куст-то был хлопковый. Сидел соловей много лет, все поджидал, когда созреет плод, и говорил:

— Завтра съем его, — и в жадности своей не подпускал к кусту ни одной птицы.

Прилетала однажды кукушка, соловей и ее не пустил.

— Почему ты не пускаешь других птиц к этому кусту? Разве эти кусты твои? — спросила кукушка.

— Тебе какое дело? — ответил соловей. — Не пускаю, потому что сам съем плод.

Кукушка знала, что это хлопковый куст, а соловей не знал. А у хлопчатника сперва вырастает почка цветка — это ее соловей принял за плод, — потом цветок, потом коробочка. Коробочка лопается, хлопок вылетает, и ветер уносит его. Соловей обрадовался красному цветку, думал, что это и есть плод, ждал, что он вот-вот созреет. Но цветок обратился в коробочку, коробочка лопнула, и хлопок разлетелся по ветру.

«Что-то летает кругом, — подумал соловей, — верно, плод созрел». Заглянул в коробочку, а она пустая. Рассердился он.

Подлетела тут кукушка и говорит соловью:

— Вот видишь! Пустил бы ты нас на этот куст, мы бы тебе сказали, где съедобные плоды. А ты все жадничал, никого не пускал сюда, вот и наказан за жадность.

Тут слетелись все птицы и стали корить жадного соловья:

— Видишь! Вот ты и наказан за жадность.

Рассердился соловей и, когда птицы улетели, сказал хлопковому кусту:

— Ты дурной куст. Никому ты не нужен, никого ты не питаешь.

— Ошибаешься, — возразил куст. — Я кормлю овец, а из моего хлопка люди делают подушки, тюфяки и многое другое, им нужное.

С того дня ни один соловей не садится на хлопковые кусты.

О том, как Солнце, Луна и Ветер отправились обедать

Индийская сказка

В обработке С. Ф. Ольденбурга

Однажды Солнце, Луна и Ветер отправились обедать к дядюшке Грому и тетушке Молнии. А мать их Звезда, самая далекая из всех звезд на небе, осталась дома.

Солнце и Ветер были жадные — никогда не думали о других, только о себе. И вот на пиру они сами наелись всласть, а о матери ни разу не вспомнили. Луна же была нежная и добрая, и, как только приносили какое-нибудь кушанье, она прятала кусочек под ноготь — ногти у нее были прекрасные и длинные.

Вернулись все трое домой, и мать спросила их:

— Ну, дети, что вы делали и что принесли мне?

Солнце, старший из трех, ответил:

— Я наелся вдоволь. Ведь я пошел обедать вовсе не затем, чтобы матери что-нибудь принести.

Ветер сказал:

— Неужели ты думала, что я пошел за сытными яствами для тебя? Я пошел позабавиться и наестся.

А Луна сказала:

— Мать, дай блюдо, — и высыпала на него обед такой вкусный, какого еще никогда не бывало.

Повернулась тогда далекая Звезда к Солнцу и сказала:

— Ты думал только о своем веселье и удовольствии, о матери и не подумал. Да будет же тебе кара: отныне лучи твои будут жгучие, и возненавидят тебя все и будут закрывать головы, завидя тебя.

Оттого индийское солнце такое жгучее.

Потом Звезда обратилась к Ветру:

— Жадный и себялюбивый, о матери ты и не вспомнил. Дуй же ты зноем горячим — все будут ненавидеть тебя и бежать от тебя.

Оттого индийский ветер такой неистово-жгучий.

А Луне мать Звезда сказала:

— Милая моя дочь, ты помнила о матери и позаботилась о ней. Так будешь ты светлая и прохладная, и будут люди благословлять тебя за твой освежающий свет.

Оттого так нежны, прохладны и прекрасны индийские лунные ночи.

Вот теперь вы услышали про Солнце, Ветер и Луну — услышали, почему они такие, какими вы их

знаете.

Это — за то

Индийская сказка

В обработке С. Ф. Ольденбурга

или однажды два друга — верблюд и шакал, и вот сказал шакал верблюду:

— По ту сторону реки поле сахарного тростника. Переправимся через реку, ты поешь сладкого тростника, а я половлю себе рыбы, и будет нам хороший обед.

Верблюд взял шакала на спину, потому что шакал плавать не умел, и перебрались они через реку. Верблюд забрался на поле и принялся за сахарный тростник, а шакал побежал по берегу подбирать рыбу и кости.

Шакал зверь небольшой и потому скоро наелся, а верблюд только начал есть. Кончил шакал свой обед и давай скакать вокруг поля, где пасся верблюд. Скачет и воет во всю свою шакалью мочь.

Услышали люди в деревне шакалий вой, прибежали с палками гнать шакала. Видят, прыгает вокруг поля шакал и воет, а на поле пасется верблюд. Рассердились люди, кинулись на верблюда, избили его и прогнали с поля, а шакал убежал.

Побрел потихоньку побитый, еле живой верблюд к реке. Догнал его шакал и говорит:

— Вернемся домой.

— Хорошо, — сказал верблюд.

Взял шакала к себе на спину и вошел в реку. Зашли они далеко в воду, верблюд и говорит:

— Друг шакал, худо ты со мной поступил. Пообедал, потом выть принялся. С чего это ты? Как будто ты не знал, что на твой вой сбегутся люди со всей деревни. Ведь из-за тебя меня до полусмерти избили, даже поесть не дали. Зачем ты принялся выть?

— Не знаю, — сказал шакал. — Такой уж у меня обычай: люблю попеть после обеда.

Двинулись они дальше в реку. Сперва была по колено верблюду вода, потом все выше и выше, наконец поплыл верблюд. Плывет и говорит шакалу:

— Знаешь что? Хочется мне побарахтаться в воде.

— Пожалуйста, не делай этого, — взмолился шакал. — Зачем это тебе?

— Не знаю, — ответил верблюд, — такой уж у меня обычай: люблю повалиться после обеда.

И начал верблюд барахтаться в воде. Упал шакал и утонул, а верблюд доплыл до берега и пошел домой.

Добрый Дхир Синх

Индийская сказка

Перевод А. и Л. Бархударовых

ил-был царь. Он очень любил заниматься строительством и возвел в своем царстве много красивых домов и храмов. «Выстрою-ка я себе дворец-чудо, какого не бывало на свете», — решил царь. Созвал он из многих царств, из заморских стран знаменитых зодчих и мастеров искусных, осыпал их дарами и почестями, дал им все, чего только потребовали, и вот вырос дворец — всем дворцам дворец, красоты неописанной. Его купола, словно белые облака, парили над землей. Его высокие башни и минареты устремлялись ввысь, словно хотели взлететь прямо в небо.

Перед дворцом царь повелел разбить большой сад. Посреди сада соорудили мраморный бассейн, и в нем забили фонтаны.

Однажды пошел царь прогуляться по саду и видит, какая-то птица порхает от фонтанов к гнезду, скрытому в густой листве развесистой смоковницы. Как пролетит над бассейном, так и уронит в прозрачную воду то соломинку, то сухой лист, то сена клочок. Разгневался царь, кликнул садовника и велел ему сбить гнездо с дерева. А в том гнезде сидели птенцы. Заметалась бедная птишка над головой у царя, защebetала, забила крылышками — видно, что молит царя пощадить ее птенчиков. Но царь и не взглянул на нее. Он приказал не только гнездо разорить, а еще и ветку ту срезать, что над бассейном висела и бросала черную тень на искрящуюся воду.

Наутро проснулся царь — ничего не видят его глаза: все вокруг черным-черно. Не приветствуют его, как всегда это было, лучи восходящего солнца, не веет нежной прохладой утренний ветерок. Во дворце — непроглядная тьма, словно длится глубокая ночь. Перепугался царь, не может понять, что такое стряслось. Тут входит к нему главный садовник и говорит:

— О повелитель, ночью произошло чудо! Деревья вдруг сошли с места, плотным кольцом окружили дворец, заслонили окна и двери густою листвою, да так, что ни лучу солнца, ни ветерку сквозь нее не пробиться. И колодцы в саду, всегда водой полные, все пересохли.

Вспомнил тут царь про вчерашнее и горько стал сетовать, зачем он птишку обидел. Велел он позвать дровосеков и приказал им деревья рубить и пни корчевать, но, как они ни старались, все понапрасну. Хотят свалить дерево — топор не берет, ветку отрубят — новая вырастает! Видит царь, что дровосекам с деревьями не совладать, приказал новые колодцы копать. Но сколько землекопы ни рыли, до воды не смогли докопаться — будто вся земля пересохла!

Отчаялся царь, не знает, как беду превозмочь, и повелел он бить в барабан и бросить клич:

— Слушайте, люди, слушай, народ! Тому, кто мне на помощь придет, кто воду иссохшим колодцам вернет, кто лес этот вырубит и дворец мой солнцу и ветру откроет, отдам я свою дочь — прекрасную царевну Сумукхи, и станет он моим наследником.

И вот со всех сторон, из ближних краев и из дальних, повалил ко дворцу всякий люд. Пришли все, кто

половчей, посмышленной да посноровистой: молодцы-удальцы, мастера на все руки. Всем хотелось попытать счастья, да ни одному не улыбнулась удача — с чем пришли, с тем и назад пошли.

А в соседнем царстве жила старуха, у которой было три сына. Старшего звали Химмат Синх, что значит Отважный, средний звался Сундар Синх — Красивый, а младшему имя было Дхир Синх — Добрый. И хотя нарекли их этими именами по случаю, вышло так, что вырос первый отважным, второй — красивым, а третий — добрым.

«Пойдем-ка и мы попытать счастья», — решили братья, взяли еды и чего надо в дорогу и отправились в путь.

Шли они, шли и зашли в густой лес. Пробираются через непролазную чащу и видят, какой-то человек рубит деревья.

— Эй, любезный, зачем ты здесь лес рубишь?

— А затем, — отвечает им дровосек, — что хочу прорубить здесь дорожку — пусть людям будет легче ходить. Да вот беда, не под силу мне одному эта работа. Если бы кто из вас мне помог, тогда бы мы быстро справились.

— Бесплезное твое дело, да и время мне дорого, не могу я тебе помочь, — сказал Химмат Синх.

— Такой тяжелый труд мне не по силам, — сказал Сундар Синх.

А Дхир Синх ничего не сказал — взял топор и принялся за дело.

Засверкали топоры — пошла у дровосека с Дхир Синхом работа, и к вечеру тропа через лес была готова. Тут только понял Дхир Синх, что топор у того дровосека не простой, а волшебный. Только коснешься им дерева — оно сразу и валится! На прощанье подарил дровосек свой топор Дхир Синху.

Быстро прошел Дхир Синх весь лес по новой просеке и оказался на большой дороге раньше, чем братья. А те вышли на дорогу и видят, стоит Дхир Синх, их поджидает. Удивились братья, да ни о чем уж не спрашивали. Двинулись они втроем дальше. Идут молча, торопятся. Вдруг видят, сидит у ручья старик без ноги и горько плачет. Заметил он братьев, стал звать:

— Люди добрые, помогите калеке! За водой к ручью я спустился, а кувшин свой наверху позабыл! Нет сил лишней раз наверх подыматься. Сделайте милость, сходите за моим кувшином, вовек вашей доброты не забуду.

Химмат Синх сделал вид, что ничего не расслышал, и прошел молча мимо. Сундар Синх сделал вид, что ничего не увидел, и тоже мимо прошел. А Дхир Синх пожалел беднягу и пошел за кувшином. На гору крутую поднялся, долго искал, наконец нашел. Стоит на земле маленький кувшинчик, а из горлышка вода бьет ключом. А рядом лежит крышка. Поднял он крышку, закрыл ею кувшин, и вода течь перестала.

Отнес он кувшин старику. Обрадовался старик:

— Спасибо тебе, сынок, за услугу. Кувшин-то у меня не простой, а волшебный. Как поставишь его на землю да крышку откроешь, вода из него так и забьет, как из родника. Дарю тебе этот кувшин за твою доброту.

Дхир Синх с радостью взял подарок и поспешил своей дорогой.

Вскоре он догнал братьев. Шли они, шли и пришли в какую-то деревищу. А там то ли вчера, то ли сегодня пролетел ураган. Да такой сильный, что деревья свалил и дома поразрушил. У развалин одной лачуги братья увидели старуху — сидит над обломками и горько плачет. Химмат Синх и Сундар Синх думали лишь об одном: как бы им поскорей дойти до дворца, — ну и прошли они мимо. А Дхир Синху стало жалко старухи. Остановился он, взял в руки лопату и принялся расчищать мусор. Глядит — что за

чудо! Только копнет он лопатой — мусор из-под нее так и летит! Мигом очистил Дхир Синх двор от обломков и поставил там новую хижину, еще лучше прежней.

— Ну, спасибо, сынок, — сказала старуха. — Жить тебе до ста лет! Возьми же за это мою лопатку, она тебе пригодится.

Забрал Дхир Синх лопату, попрощался и поспешил за братьями. Догнал он их у развилки дорог, и опять пошли они вместе.

— Непутевый ты, Дхир Синх, и зачем только мы тебя взяли! То и дело нас без толку задерживаешь, — ворчал на него Химмат Синх.

— Кто свою судьбу знает? Как знать, что она нам пошлет? — отвечал на это Дхир Синх. — Всю жизнь мы сами себе помогаем, надо же и людям помочь!

— Ты вот услужил людям, а что с того толку? — сказал Сундар Синх. — Только силы напрасно потратил. Пользы от этих добрых дел ни на грош.

— А зачем тебе польза? — спросил Дхир Синх. — Неужто без награды нельзя сделать доброе дело? Или мало той радости, что помог человеку?

Ничего не ответили братья — так спешили они во дворец.

Вот и пришли. Настала пора пробовать силы. Первым вышел Химмат Синх. Поднял он острый, как меч, тяжеленный, как молот, топор и что было силы ударил по дереву. Только звон раздался, и весь ствол загудел, а стоит дерево крепко — даже не шелохнулось. Принялся тогда Химмат Синх со всей мочи рубить по ветвям: одну ветку отрубит, а две вырастают! Силы много у Химмат Синха, да толку в том мало. Свистит в воздухе громадный топор, как живой летает в могучих руках, ветви валятся градом, а дерево только гуще становится! Долго старался Химмат Синх, рубил и рубил, да все понапрасну. Стоят деревья, точно каменные. Изнемог Химмат Синх.

Понял царь, что этот богатырь не в силах что-нибудь сделать, и велел его гнать с глаз долой.

Но Химмат Синх был еще и упрям. Не хотел он так уходить, стал от царских слуг отбиваться. Но не помогла ему сила. Скрутили ему руки и ноги, поколотили и выбросили из дворцового сада.

Настал черед Сундар Синха. Он видел, как его брат-силач не выстоял в схватке с деревьями, и решил начать с колодца. Взял он лопату и принялся копать землю. И что же? Роет он, роет без отдыха, а толку совсем никакого. Мелькает лопата в ловких руках Сундар Синха, земля разлетается в стороны, а яма глубже не делается — будто растет земля снизу. Только приостановился — и опять перед ним ровное место.

В отчаянии швырнул Сундар Синх лопату и повалился сам навзничь. Рубить деревья у него уже сил не осталось.

Теперь наступила очередь младшего брата. Взял Дхир Синх свой топор и лопату и не спеша вышел вперед. Как ударил топором по первому дереву, так оно на землю и рухнуло! Машет Дхир Синх направо-налево своим чудесным топором, валятся деревья одно за другим, а волшебная лопата землю от сучьев и пней расчищает. Мигом стало светло во дворце.

Землю Дхир Синх копать не стал. Он спустился на дно сухого колодца, поставил там свой кувшин и снял с горлышка крышку. Забила ключом из кувшина вода и наполнила колодец до самых краев.

Тут пошло ликованье. Праздник пришел во дворец, и в городе тоже все веселились. Больше всех рад был царь. Он отдал в жены Дхир Синху свою дочь — прекрасную царевну Сумукхи и посадил его царствовать.

Дхир Синх позвал своих неудачников-братьев, дал им много денег и послал домой за старой матерью,

чтоб они привезли ее к нему во дворец.

И долго добрый Дхир Синх помогал людям, заботился о бедных, и много хороших дел он совершил.

Золотая рыба

Индийская сказка

Перевод Н. Гурова

а берегу большой реки жили в ветхом шалаше старик да старуха. Бедно жили — каждый день старик отправлялся на реку рыбу ловить, старуха эту рыбу варила или на углях пекла, тем только они и сыты были. Не поймает старик ничего, так и вовсе голодают.

А в реке той обитал златоликий бог Джала Камани, владыка вод. Вот как-то раз стал старик сети из реки вытаскивать, чувствует, что-то больно тяжелы нынче сети. Потянул он изо всех сил, кое-как вытащил сети на берег, заглянул — и глаза зажмурил от яркого блеска: лежит в его сетях огромная рыбина, вся будто из чистого золота отлитая, плавниками двигает, усам шевелит, во все свои рыбины глаза на старика смотрит. И молвит золотая рыба старому рыбаку:

— Не убивай меня, старик, не уноси меня, старик, к себе домой. Отпусти ты меня лучше на волю, а за это проси у меня чего хочешь.

— Чего же мне попросить у тебя, чудо-рыба? — говорит старик. — Нет у меня ни дома хорошего, ни рису, чтобы голод утолить, ни одежды, чтобы тело прикрыть. Если ты, по великой милости своей, все это мне пожалуешь, я тебе до самой смерти благодарен буду.

Выслушала рыба старика, мотнула хвостом и сказала:

— Иди восвояси. Будет у тебя и дом, и еда, и одежда.

Отпустил старик рыбу в реку, сам домой пошел. Только когда пришел, узнать ничего не может: стоит вместо шалаша из веток дом из крепких тиковых бревен, а в доме том стоят целые блюда белого риса, чтобы досыта поесть, и лежат грудой одежды нарядные, чтобы в праздник людям на глаза показаться не стыдно было. Говорит старик своей жене:

— Видишь, старуха, как нам с тобой повезло: не было у нас ничего, а теперь всего вдоволь. Скажи спасибо золотой рыбе, что сегодня мне в сети попалась. Это все она нам дала за то, что я ее на волю отпустил. Кончились теперь наши беды и несчастья!

Услыхала старуха, что ей муж рассказывал, и только вздохнула, головой покачала, а потом и говорит:

— Эх, старик, старик! Много лет ты прожил на свете, а ума у тебя меньше, чем у младенца новорожденного. Разве так просят? Ну, съедим мы рис, одежду сносим, а дальше-то что? Ступай сейчас обратно, проси у рыбы пятерых слуг, проси дом новый, да не эту жалкую лачугу, а большой, хороший — такой, чтобы самому царю в нем жить было не стыдно. И пусть будут в том доме кладовые, полные золота, пусть от риса и чечевицы амбары ломятся, на заднем дворе пусть новые повозки и плуги стоят, а в стойлах буйволы — десять упряжек. И еще проси, пусть рыба тебя старостой сделает, чтобы во всей округе люди нас почитали и уважали. Ступай и, пока не выпросишь, домой не возвращайся!

Очень не хотелось старику идти, но спорить с женой он не стал. Пошел к реке, сел на берегу и стал

рыбу звать:

— Явись ко мне, чудо-рыба! Выплыви, золотая рыба!

Через малое время замутилась вода в реке, всплыла золотая рыба со дна речного — плавниками двигает, усами шевелит, во все свои рыбки глаза на старика смотрит.

— Слушай, чудо-рыба, — говорит старик, — попросил я у тебя, да, видно, мало. Недовольна моя жена: хочет, чтобы ты меня в нашей округе старостой сделала, и еще она хочет дом вдвое больше нынешнего, хочет слуг пятерых, и буйволов десять упряжек, и риса полные амбары, и украшений золотых хочет, и денег.

Выслушала золотая рыба старика, махнула хвостом и сказала:

— Пусть все так и будет! — и с этими словами обратно в реку нырнула.

Пошел старик домой. Видит, собрались на дороге все окрестные жители с трубами, с барабанами, в руках держат богатые подарки и гирлянды цветов. Стоят не шевелятся, словно ждут кого-то. Как увидели крестьяне старика, повалились все на колени и закричали:

— Староста, староста! Вот он, наш любимый староста!

Тут барабаны забили, трубы заиграли, посадили крестьяне старика в разукрашенный паланкин, на своих плечах до дому донесли. А дом у старика опять новый — не дом, а дворец, и в доме том все, как он просил у рыбы.

Зажили с тех пор старик и старуха счастливо и безбедно, всего у них, кажется, вдоволь, а старуха все ворчит. Месяца не прошло, как снова она стала к старику приставать:

— Разве это уважение, разве это почет? Подумаешь, большой человек — староста! Нет, нужно, чтобы ты опять к рыбе пошел да попросил ее хорошенько: пусть сделает тебя над всей землей махараджей[53]. Иди, старый, проси, а не то, скажи, старуха, мол, моя ругаться будет.

— Не пойду я, — отвечает старик. — Или ты не помнишь, как мы раньше жили, как мы голодали, как бедствовали? Все нам рыба дала: и еду, и одежду, и новый дом! Мало тебе показалось, так она нас богатством одарила, меня во всей округе первым человеком сделала. Ну чего тебе еще надо?

Сколько ни спорил старик, сколько ни отказывался, старуха ни в какую: иди, мол, к рыбе, и все тут. Что ж бедному старику делать оставалось — пришлось снова на реку идти. Сел он на берегу и стал звать:

— Выплыви, золотая рыба! Явись ко мне, чудо-рыба!

Позвал он раз, позвал другой, позвал третий... Но никто не выплыл на его зов из глубины вод, словно и не было в реке золотой рыбы. Долго ждал старик, потом вздохнул и домой поплелся. Видит, стоит на месте богатого дома ветхий шалаш и сидит в том шалаше его старуха — в грязных лохмотьях, волосы, словно прутья старой корзины, во все стороны торчат, больные глаза струпьями залепило. Сидит старуха и горько плачет.

Посмотрел на нее старик и сказал:

— Эх, жена, жена... Говорил ведь я тебе: много хочешь — мало получишь! Говорил я тебе, старуха, не жадничай, потеряешь и то, что имеешь. Ты моих слов тогда не слушала, а вышло-то по-моему! Так чего же теперь плакать?

Перечное Зернышко

Индийская сказка

Перевод Н. Гурова

ила-была в одной деревне бедная старая женщина. Было у нее два сына. Каждое утро сыновья уходили в лес на охоту и домой возвращались только к вечеру. Продавали соседям убитую дичь, покупали соль, перец, рис и просо для лепешек и несли домой матери. Мать пекла лепешки, варила рис, сыновей кормила и себя не забывала. Так они и жили — день за днем.

Как-то раз ушли сыновья поутру в лес, а к вечеру не вернулись. Стемнело, на небе звезды зажглись, а их все нет и нет. Страшно стало старухе: «Куда это сыновья мои пропали? Что же теперь я делать буду? В доме — ни питья, ни еды, даже зернышка сухого нет». От страха и голода старая женщина всю ночь глаз не сомкнула. На заре постучался в ее хижину бродячий колдун — из тех, что ходят по деревням, песни поют и будущее предсказывают. Рассказала ему старая мать про свою беду.

— Плохо твое дело, матушка, — говорит колдун. — Сыновей твоих проглотил лесной кабан, сидят они теперь у него в брюхе и выйти не могут. Но так уж и быть, помогу я твоему горю. Возьми эти шесть зерен перца, положи их в глиняный кувшин, кувшин на порог поставь, а сама сядь рядом и жди. Как пройдет шесть часов, позови, да погромче: «Эй, Перечное Зернышко!» Выскочит из кувшина маленький мальчик и сделает для тебя все, что прикажешь. Только обещай мне, что воспитаешь этого мальчика как своего сына.

Старуха обрадовалась, благодарить стала:

— Ох, и спасибо тебе, отец! Для меня твои слова — что холодное молоко в жаркий день! Все сделаю, как ты говоришь.

Принесла она кувшин, поставила на порог, бросила в кувшин зерна, сама рядом села. Пошептал колдун над кувшином и ушел своей дорогой. Через положенный срок вылез из кувшина мальчик — маленький, с кувшин ростом, и черный, как перечное зернышко. Поклонился он старухе:

— Вот и я, матушка! Что ты мне сделать прикажешь?

— Поди, сынок, в лес, — говорит старуха, — освободи своих братьев.

Схватил мальчик Перечное Зернышко острое копьё, с которым братья на охоту ходили, и пошел. Разыскал в лесу большую нору и видит: спит в норе кабан, и брюхо у него раздулось. Подбежал Перечное Зернышко к кабану, проткнул острым копьём кабанье брюхо. Вышли на свободу старухины сыновья, поблагодарили брата за спасение и вернулись домой, к старой матери. Стали вместе жить.

Старшие братья по-прежнему на охоту ходят, старуха дома сидит, а Перечное Зернышко с утра до вечера в поле работает: то пашет, то сеет, то урожай собирает.

Мало-помалу зажили они богато — вместо хижины новый дом построили, у старосты взяли исполу хорошей земли, корову купили, буйвола. Прошли месяцы, минули годы. Перечное Зернышко вырос, стал большим и сильным. Только как он ни старался помогать матери с братьями, все угодить не мог. Не

любила его старуха, хоть был он и умный, и работающий, и сын почтительный. Решила она женить своих сыновей, так и то младшему сыну не хотела сначала свадьбу готовить. Потом уж людей постыдилась. Отпраздновали сразу три свадьбы. Вошли в дом три молодые невестки, а с ними — так уж повелось — обиды вошли да попреки. Из маленьких обид большие выросли, а там, глядишь, и ссоры в доме завелись.

Отделила старуха сыновей — пусть каждый своим домом живет, но и тут разделить поровну не пожелала. Старшие сыновья получили по большому дому, а Перечному Зернышку досталась старая хижина. Старшим сыновьям старуха дала и быков, и коров, и овец, и коз, а младшему — одну старую буйволицу.

Обидно было Перечному Зернышку, однако долго горевать он не стал. Жену отправил к тестю, в соседнюю деревню, буйволицу мяснику продал, а сам взял маленький барабан, из кожи носорога сделанный, прихватил несколько лепешек и пошел бродить по дорогам, искать себе счастья.

Ходил Перечное Зернышко из города в город, из деревни в деревню, бил в барабан и пел песни. Людям его песни нравились, его кормили, ночевать пускали, а иногда даже денег давали.

Шел он как-то раз из одной деревни в другую. Дорога проходила через лес, а время было уже позднее. Настала ночь, темно сделалось — ни луны, ни звезд не видно. Испугался Перечное Зернышко: «Что делать? Того и гляди, с дороги собьешься, пропадешь в лесу. Попробую-ка я лучше где-нибудь поблизости ночлега поискать, просижу до рассвета, а там уж дальше пойду».

Неподалеку от дороги заметил он баньян. Не долго думая взобрался Перечное Зернышко на дерево, устроил себе на толстом суку постель из листьев, улегся поудобнее, а под голову положил барабан. За день Перечное Зернышко сильно устал, поэтому он скоро дремать начал, а потом и совсем заснул.

То ли он неловко повернулся во сне, то ли вдруг ветер сильный подул, а только выскользнул барабан из-под его головы и — дхам-дхам-дхам! — вниз полетел. А внизу, под деревом, поднялся шум, началась суматоха, слышались крики:

— Ай-йо, черт идет! Ай-йо, нечистая сила! Бежим! Спасайтесь!

От крика и шума Перечное Зернышко проснулся, сидит на суку, ничего понять не может. Потом осторожно взглянул вниз, а там странное что-то творится: горит под деревом костер, вокруг разложены пальмовые листья, а на них еда — рис, рыба и манго. А людей не видать, все в лес убежали. У Перечного Зернышка в животе даже пискнуло что-то — такой он был голодный. Спрыгнул он поскорее на землю, схватил лист-тарелку и начал уплетать за обе щеки и рис, и рыбу, и манго. Наелся, огляделся вокруг. Видит, лежит его барабан, а подальше, у самого дерева, какие-то тюки и маленькая шкатулка.

Поднял Перечное Зернышко барабан, прихватил шкатулку и полез обратно на дерево. Потом устроился на суку поудобнее и стал ждать, что дальше будет.

Ждать пришлось недолго. Подошли к костру два старика, подложили дров, осмотрелись. Смотрят, на одном листе вся еда съедена и шкатулки под деревом нет. Пошептались старики и снова в лес ушли. Через полчаса вернулись, а с ними еще человек двадцать. Поглядел на них Перечное Зернышко и понял, что попал к разбойникам. Притаился он на дереве, стал слушать. Заговорил предводитель разбойничьей шайки:

— Беда, братья, случилась великая. Не черт нам помешал, а лесная богиня Мохини. Ведь как мы перед ней провинились: каждую ночь укрывались под этим деревом, пили и ели, а ей не дали и гнилого банана, медной монетки не пожертвовали! Вот и разгневалась на нас Мохини, взяла у нас самое дорогое — царское ожерелье, что нам вчера украсть удалось. Боюсь я, братья, накажет нас теперь Мохини: прикинется красивой девушкой да и заманит неведомо куда — прямо в логово тигра или в змеиное

болото. Смотрите же, не давайте себя обмануть!

Испугались разбойники, всю ночь просидели у костра один подле другого, никто заснуть не посмел. Утром поднялись и ушли своей дорогой. Перечное Зернышко тоже не спал всю ночь — сидел на суку и пошевелиться боялся. Как ушли разбойники, открыл он шкатулку, заглянул в нее, а там — золотое ожерелье, драгоценными камнями усыпанное. Взял Перечное Зернышко шкатулку под мышку, барабан свой захватил, отправился в столицу. Отыскал царский дворец и стал просить стражников, чтобы допустили его к царю — мол, дело есть важное. Стражники только смеются:

— Куда тебе, оборванцу, с царем беседовать! Еще чего выдумал! Советнику доложим, и за то спасибо скажи.

Вышел к нему советник.

— Зачем, юноша, пожаловал? — спрашивает. — Говори, какое у тебя дело?

Перечное Зернышко показал советнику царское ожерелье и рассказал, как он встретил в лесу разбойников. Увидел советник, что дело и вправду важное, отвел Перечное Зернышко к царю, и царь в тот же день послал в лес отряд воинов. Царские воины и прежде немало за теми разбойниками гонялись, да поймать не могли, а тут сразу всю шайку схватили. Щедро наградил царь Перечное Зернышко, поселил его у себя во дворце, своим советником сделал. И стал Перечное Зернышко управлять столицей. Правил он справедливо и мудро, и слава о нем разошлась по всей стране.

Вот и старуха мать услышала о своем младшем сыне. Старшие-то ее сыновья и дом, и скот, и все имущество спустили, да потом и сами ушли куда глаза глядят. Как пропали сыновья, осталась старуха одна, и жилось ей еще хуже прежнего. Пожалела она, что с приемышем неласкова была, да уж поздно было. Сама себя наказала глупая старуха.

Бедный ткач

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

одной деревушке жил ткач. Была у него жена — женщина добрая и работающая. Оба они трудились не разгибая спины, а из бедности не вылезали. Вот раз и говорит жена мужу:

— Собирайся-ка в путь, посмотри чужие края. Может, хоть там выпадет тебе удача.

Согласился ткач и стал собираться в дорогу. Дала ему жена большую толстую лепешку. С этой лепешкой ткач и отправился в чужие края. Шел он, шел и зашел далеко. А уж дело к вечеру. Утомился ткач, думает: где бы отдохнуть? Смотрит, у дороги колодец стоит. Подошел он к колодцу, умылся и присел рядом. Вынул лепешку, разломил ее на четыре куска и принялся размышлять вслух:

Съем один иль сразу два?
Или три, иль все четыре?

Сказал раз, другой — все ему не решить. А в колодце том жили четыре черта. Услышали они, что говорит ткач, и подумали: «Да ведь это великий див![\[54\]](#) Не иначе, пришел нас съесть!» Испугались черти, задрожали. Вылезли из колодца, покорно сложили руки и просят ткача:

— О див! Не ешь, подожди. Умоляем тебя.

Удивился ткач:

— Ишь чего захотели! Я вышел из дому на рассвете, с той поры у меня маковой росинки во рту не было. Устал я и до того проголодался, что сил нет больше терпеть.

Черти совсем перепугались, затрясло их от страха. Умоляют ткача:

— Смилуйся, див! Мы дадим тебе котелок. Он наварит тебе всякой еды сколько душа пожелает.

Задумался ткач:

— Ладно. Где ваш котелок? Тащите его сюда.

Приносят ему черти маленький котелок:

— Ты ему только прикажи, а уж он наварит тебе дюжину разных кушаний.

Закрыв ткач глаза и молвит:

— Котелок, котелок, приготовь мне вкусное кушание!

Открывает глаза, а котелок уже полон самой вкусной еды. Обрадовался ткач, поел вволю, потом забрал котелок и пошел домой. А время-то позднее, ночь на носу. Стал ткач думать, где бы заночевать. Глядит, хижина у дороги. Вошел в хижину, а там старуха одна. Просит ее ткач:

— Пусти меня, бабушка, к себе переночевать. У меня есть котелок. Он наварит тебе дюжину вкусных

кушаний.

Обрадовалась старуха:

— Ладно, сынок, оставайся.

Вытащил ткач котелок и велел ему приготовить дюжину кушаний. Поели они, и ткач стал укладываться спать. Время-то позднее, за день ткач ох как намаялся. Только лег — и уснул. А старухе не спится. Уж больно понравился ей котелок. Задумала она его украсть. Притворяется, будто спит, а сама все о котелке думает.

Среди ночи, когда ткач крепко спал, она тихонько встала и взяла котелок. А чтобы ткач не заметил, хитрая старуха поставила взамен другой, точно такой же.

Утром ткач проснулся веселый. Быстро поднялся, взял котелок и стал собираться в путь. Попрощался со старухой, поблагодарил:

— Спасибо, бабушка, что ты меня приютила. А теперь я домой пойду.

Старуха его проводила, а сама и виду не подала, что котелок-то подменила.

Вернулся ткач домой веселый, довольный и говорит жене:

— Смотри, этот котелок будет кормить нас до самой смерти.

А жена не верит:

— Котелок как котелок. Где ему нас прокормить до самой смерти!

— Поди сперва приберись, а потом я тебе покажу, какой это котелок. Он наготовит нам дюжину разных кушаний.

Вернулась жена, ткач закрыл глаза и велит котелку приготовить дюжину разных кушаний. Приказал раз, приказал другой, а котелок все не варит — не то что кушаний, сухой корки в нем нет.

Рассердилась жена на мужа за глупую шутку. Да и сам ткач не знал, куда глаза девать от стыда. «Видно, черти обманули меня», — подумал ткач и очень рассердился. Взял с собой лепешку потолще и ушел из дому.

На другой день ткач снова был у колодца. Разломил он лепешку на четыре куска и принялся рассуждать вслух:

Съем один иль сразу два?

Или три, иль все четыре?

Услышали это черти в колодце, переполошились, вылезли наверх и просят:

— Не ешь, див! Мы дадим тебе козу. Из нее золото сыплется.

— Больше вы меня не проведете, — рассердился ткач. — Не уйду отсюда, пока не поем.

Черти стали ткачу в ноги кланяться. Ну, он и сжалился:

— Ладно, показывайте вашу козу.

Притащили черти козу, поставили ее перед ткачом. Ткач смотрит — и впрямь из козы золото сыплется! Обрадовался он, схватил козу и повел домой. А дорога длинная, уж ночь настает. Хижина старухи недалеко. Ткач опять попросился к ней ночевать.

— Бабушка! — говорит. — У меня есть коза. Из нее золото сыплется. Пусты меня переночевать, я тебе золота дам.

Обрадовалась старуха:

— Заходи, сынок! О чем спрашиваешь! Будь как дома!

Показал ткач старухе козу. Как увидела старуха золото, глаза у нее разгорелись. Время было позднее. Ткач и на этот раз уснул крепким сном. А хитрая старуха улучила час и подменила козу. Поставила ткачу другую, точь-в-точь такую же.

Утром ткач поднялся, отдал старухе золото, какое у него накопилось, и поспешил с козой к дому. Вот пришел он домой, зовет жену:

— Смотри, какую козу я привел. Это коза не простая, из нее золото сыплется. Неси ей скорее травы. С котелком-то и вправду не вышло дело. Зато коза уж надежная.

Жена не поверила, но травы принесла, положила перед козой. Коза ест траву, а ткач с женой ждут, когда золото из козы посыплется. Долго им ждать не пришлось: съела коза траву — ну и насыпала обыкновенных козьих орешков.

На этот раз гневу жены конца-краю не было. Ткач тоже не на шутку разозлился на чертей. Взял лепешку потолще, котелок и козу и отправился к колодцу. «Эк ведь надули! — думает. — Ну уж на этот-то раз я им не дам себя провести».

Под вечер добрался ткач до колодца. Разломал лепешку и принялся раздумывать вслух:

Съем один иль целых два?
Или три, иль все четыре?

Выскочили черти из колодца, бросились ткачу в ноги — молят пощадить их. Только на этот раз ткач и слушать ничего не хотел.

— Вы меня все время обманываете! Наобещаете невесть чего, лишь бы отделаться. Дали котелок, дали козу, а что проку? Как отойдешь отсюда подальше, так ничего от них не добьешься. Котелок-то есть, да не варит. И коза золота не дает. Смотрите сами.

Посмотрели черти на котелок и на козу.

— Нет, див! Нет! — галдят. — Это не наш котелок! Не наша коза! Видно, тебе их подменили.

Тут ткач и сам заподозрил неладное. Рассказал он чертям, что две ночи ночевал у старухи. Те сразу смекнули, в чем дело:

— Див! Это старуха все виновата — ее проделки. Дадим мы тебе веревку и палку, а ты ступай с ними к ней. Они с ней и рассчитаются. Вербка и палка у нас не простые. Если тебя кто обидит, ты только скажи: «Это мой недруг. Задайте ему». Вербка мигом свяжет обидчика, а палка пойдет его колотить и не перестанет, пока ты его не простишь.

Ткач уж не верил чертям. Но они его так уговаривали, что он взял веревку и палку и пошел снова к старухе.

Ну, а старуха теперь жила припеваючи. Котелок кормил ее вкусными кушаньями, а коза давала ей золото. Разбогатела старуха.

Видит она, что ткач опять к ней идет, и прикинулась, будто очень обрадовалась. Встречает его, как желанного гостя.

— Входи, сынок, входи. Что же ты запоздал? Я тебя давно поджидаю.

Только это не помогло. Ткач был так зол на обманщицу, что сразу приказал веревке и палке:

— Эта жадная старуха — мой недруг. Задайте ей хорошенько! Заставьте ее вернуть мне котелок и козу.

Набросилась веревка на старуху — вмиг опутала ее с головы до ног, а палка давай ее колотить. Закричала старуха:

— Спаси! Спаси! Помоги!

— Сама виновата, — отвечает ей ткач. — Зачем взяла мой котелок? Зачем подменила козу? Теперь веревка и палка от тебя не отстанут, пока ты мое добро не вернешь.

Нечего делать, стала старуха прощенья просить. Потом отдала ткачу котелок и козу. Ткач забрал свое добро и счастливый вернулся домой.

С тех пор он больше не бедствовал.

Три царевича

Индийская сказка

Перевод В. Валина

давние времена жил царь. Было у него три сына, один другого лучше: и храбрые, и умные, и рассудительные. Когда царь состарился, решил он покинуть свое царство и остаток дней прожить отшельником в святой обители. Стал царь думать, кого же из сыновей посадить на престол. Думал, думал, да так не смог выбрать: все трое одинаково хороши и достойны царского трона.

Тогда царь собрал советников и поделился с ними своей заботой.

— Вам хорошо известно, как счастливо живут подданные в моем царстве, — сказал он. — Я решил удалиться от государственных дел, но не могу решить, кого из трех сыновей посадить на царство, кто из них будет так же заботиться о народе, как я. Вот вам мой приказ: устройте царевичам испытание и после скажите мне, кого из них вы хотите видеть на моем месте.

Долго думали придворные советники и вельможи и наконец нашли способ испытать царевичей. Дали они царским сыновьям денег, всем поровну, и велели отправиться на чужбину. Кто сумеет лучше всех распорядиться своими деньгами, тому и быть на отцовском престоле. Царь согласился с таким решением.

И вот через несколько дней царевичи пустились в дальний путь. Сели они на корабль и поплыли в море. Долго они плыли, а когда завидели землю, сошли на берег. Здесь царевичи разошлись в разные стороны и условились ровно через год встретиться на этом же месте.

Два старших брата вздумали заняться торговлей, чтобы добыть побольше богатства, и ушли каждый своим путем искать удачи. А меньшой царевич не знал, за что ему взяться, вот он и пошел потихоньку вдоль берега. Шел он долго, по сторонам поглядывал, а потом стало ему грустно. Сел царевич на камень, вспомнил о родительском доме и пригорюнился. Вдруг перед ним предстал старец в одежде отшельника.

— Откуда ты пришел, юноша, и куда путь держишь? — спросил он Царевич поведал старцу, что привело его в эти края. Отшельник выслушал его и сказал:

— Знаю я, сынок, для тебя одно дело. Но не всякому оно придется по душе. Возьмется за него только тот, кто не жаден к деньгам. Если ты не погонишься за корыстью, то после получишь все, что захочешь.

— Я сделаю так, как ты скажешь, — ответил царевич.

— Хорошо. Тогда купи на все свои деньги зерна и вели ссыпать его в кучу на берегу. Потом каждый день утром и вечером бери по мешку зерна из этой кучи и высыпай в море. Если зерно у тебя кончится, все равно отсюда не уходи.

Сказал так старец и вмиг исчез. Послушался царевич его совета, купил на все деньги зерна, велел ссыпать его в кучу на берегу моря, а рядом разбил свой шатер. Каждый день он бросал в воду по два мешка зерна, да еще горсть зерна брал себе на еду, — и куча становилась все меньше и меньше. И вот настал день, когда все зерно кончилось, а у царевича не осталось и медяка, чтобы купить горсть зерна и

утолить голод.

Сел царевич на берегу и загоревал: «Увы мне, неразумному! Видно, в несчастливый час оставил я дом. Поверил я обманщику и напрасно потерял свои деньги. Не суждено мне быть царем, если я даже о своем собственном благе не могу позаботиться». И решил он, что больше незачем оставаться ему на этом месте. Пошел царевич в свой шатер и лег спать, чтобы наутро отправиться в обратный путь.

В тот день морские рыбы напрасно ждали привычного корма. Ведь уже долгое время — с тех самых пор, когда царевич начал бросать зерно в воду, — стаи рыб со всего моря кормились у этого берега. Вслед за своими подданными приплыл в эти места и сам владыка рыб. Но на этот раз впервые за много дней рыбы не получили зерна. Тогда рыбий царь стал спрашивать своих приближенных:

— Что случилось? Нас вкусно кормили целых полгода. Почему же сегодня все вдруг кончилось? Не повинны ли в этом мы сами? Скажите мне, вознагражден ли за свою щедрость тот, кто так долго кормил нас? Получил ли он от нас что-нибудь в дар?

— Нет, повелитель! — в один голос воскликнули приближенные. — Мы ничем не отдали его!

— Теперь я понимаю, в чем дело, — сказал повелитель рыб. — Мы оказались неблагодарными и заплатились за это. Надо исправить нашу ошибку. Вот вам мой приказ: пусть все мои подданные разыщут на дне морском по драгоценной жемчужине и к утру принесут их нашему доброму покровителю.

Всю ночь по приказу своего владыки рыбы выносили из моря жемчужины и складывали их возле шатра царевича. Всю ночь волновалось море от несметного числа рыб, приплывающих с жемчужинами. Под утро проснулся царевич от плеска волн и увидел, что рядом с шатром выросла целая груда прекрасных жемчужин. Понял он, чем заслужил такое богатство, и подумал: «Напрасно я сетовал на свои несчастья. Останусь-ка я на этом месте и буду ждать, пока не придет срок встречи с братьями».

Часть жемчужин он продал и на вырученные деньги купил зерна. Теперь морские рыбы стали получать корма еще больше, чем прежде. Затем царевич накупил кизяков и в каждую кизячную лепешку спрятал по жемчужине.

Год прошел, и вернулись старшие братья. Один из них весь этот год торговал тканями и нажил много всякого добра. Другой держал бакалейную лавку и сколотил немалые деньги. Узнали они, что у младшего брата нет ничего, кроме большой кучи кизяков, и подняли его на смех.

— Ну и глупец же ты! — говорят. — И того не сберег, что тебе дали! Велико ли богатство эти твои кизяки?

Собрались царевичи в дорогу, погрузили на корабль каждый свое имущество и поплыли домой. Старшие братья не переставали смеяться над младшим, глядя, как он перетаскивал на корабль свои кизяки и берег их. В пути на корабле кончились дрова и не на чем стало готовить пищу. Тут братья с насмешкой попросили младшего поделиться с ними своими богатствами. Младший царевич ничего не сказал и дал кизячных лепешек для топлива, только сперва вынул потихоньку из них жемчужины.

Дома царевичей встретили с почетом. Привели их во дворец, и начали братья рассказывать, как жили на чужбине и как старались с пользой употребить свои деньги. Показали старшие братья накопленное добро, подсчитали сановники и вельможи привезенные ими богатства. Дошла очередь до младшего брата. Когда слуги внесли в зал огромную кучу кизячных лепешек, придворные стали исподтишка пересмеиваться.

— Легко хвалить то, что красиво с виду и слепит глаза блеском, — сказал тогда младший царевич. — Однако на свете есть много такого, что не привлекает взор, но таит в себе неисчислимые ценности.

С этими словами царевич стал разламывать кизяки и вынимать из них жемчужины. В изумлении

смотрели придворные, как растет перед царем груды отборных жемчужин, и долго еще они не могли опомниться.

Рассказал царевич, как он сумел добыть такое сокровище, и всем стало ясно, что младший царевич не только умен, но и бескорыстен.

— Вах! Вах! — одобрительно зашумели вельможи. — Вот кому быть нашим новым царем!

Через несколько дней младшего царевича торжественно возвели на престол. На братьев он не был в обиде, назначил их на высокие должности, и с тех пор все в его государстве жили в мире, веселье и счастье.

К индийской сказке «Три царевича».

Кто кого боится?

Индийская сказка

Перевод Н. Гурова

Неподалеку от одной деревни росло высокое дерево. На этом дереве с давних пор жил ракшас — злой дух-людоед. Люди и звери очень его боялись. Никто к дереву даже приблизиться не смел. И хотя летом оно покрывалось плодами, спелыми да сочными, никто их не трогал, даже птицы не клевали.

Вот как-то раз пришли туда из деревни две женщины, две сестры, и стали под самым деревом себе хижину строить. Принялись соседи их отговаривать:

— Что вы надумали, полоумные? Или ракшаса не боитесь?

Смеются сестры:

— А что нам ваш ракшас? Мы, может, и сами пострашнее всякого ракшаса! Еще посмотрим, кто кого испугает!

Построили они себе хижину, перетащили туда все свое имущество и стали жить.

А кормились женщины тем, что покупали в деревне рис. Рис толкли в муку, из муки делали тесто, из теста пекли лепешки, а лепешки продавали в городе. Вот и сейчас они первым делом поставили у дверей хижины каменные ступки, в ступки насыпали рису, взяли длинные песты и принялись за работу. По всему лесу стук и грохот пошел. Проснулся на дереве ракшас, никак не поймет, кто это ему спать мешает — человек или зверь. Выглянул он из логова и видит — стоят под самым деревом две женщины и бьют кого-то длинными толстыми палками. Кого бьют, не видно, только шум стоит такой, что на дереве каждый листок дрожит.

«Не простые, видно, эти женщины, — подумал людоед. — Вон какие у них палки! Посижу-ка я лучше на дереве, покуда они не уйдут, а тогда уж слезу вниз и пойду на охоту».

Но сестры уходить не собирались. Толкли они рис час, другой, третий — до самого вечера, а вечером замесили тесто и принялись печь лепешки, чтобы утром пораньше поспеть на базар. Напекли целую гору — вкусные, румяные, сочные. Потом сложили их в большую корзину, прикрыли крышкой и, усталые, забрались в хижину спать.

Все это время ракшас сидел на дереве и ждал. Он ведь ничего не ел целый день и сильно проголодался.

«Приятно пахнет! — вдыхал ракшас запах рисовых лепешек. — Вот бы попробовать, что это такое! Давно мне хотелось человеческой пищи отведать...»

Людоед осторожно спустился вниз, подошел к корзине, приподнял крышку и принялся за лепешки — одну за другой так и уплетает! Скоро корзина совсем опустела, осталось всего две-три лепешки на самом дне. Полез ракшас за ними, а крышка соскользнула с корзины и грохнулась на землю. Выскочили сестры из хижины, глядят — сидит у корзины ракшас, последнюю лепешку доедает. Как накинулись они на ракшаса,

как начали его колотить! Бьют и приговаривают:

— Ах ты вор, ах ты скверный воришка! Съел все наши лепешки! Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Каждая схватила свой пест, и пошла у них работа: старшая ударит — младшая добавит, младшая ударит — старшая замахнется. Дух перевести бедному ракшасу не дают. Людоед от боли белого света невзвидел.

— Отпустите меня, — просит. — Никогда больше к вам не приду, дорогу сюда забуду!

Молчат сестры, только песты в воздухе мелькают... Людоед уж на весь лес кричит:

— Ой, больно! Ой, не могу! Отпустите меня! Я отсюда уйду навсегда. Не буду больше на людей охотиться! Отпустите меня!

— Как бы не так, — сердятся женщины. — Ты все наши лепешки съел, чем мы теперь жить будем? Что на базар понесем? Плачь не плачь, а, пока не заплатишь, мы тебя не отпустим.

— Ладно, достану вам денег! — обещает людоед. — Сейчас пойду к ростовщику^[55]. Стану его щипать, душить, щекотать, страшные истории нашептывать. Велю ему дать вам денег — он и принесет. Целый кошелек золота принесет!

Поверили женщины ракшасу и отпустили его. А он уж еле жив.

Поутру пришли к ним из деревни соседки, рассказывают, что ростовщик, видно, ума лишился: бегаёт по улице, волосы на себе рвет, кричит не своим голосом.

А вечером и сам ростовщик к сестрам явился — весь избитый, измочаленный, бог весть в чем душа держится. Принес он им кошелек, а в кошельке — новенькие золотые. Так вот и разбогатели бедные женщины, а все потому, что хорошо деревянным пестом работать умели... С тех пор наших женщин даже нечистая сила не трогает — боится!

Сант и Басант

Индийская сказка

Перевод А. Бархударова

ил-был царь. Было у него два сына. Старшего звали Сант, а младшего — Басант. Царь с царицей души в них не чаяли. А у царицы в опочивальне свила себе гнездо пара пташек. И видно было, что пташки живут в любви и согласии. Скоро самочка села на яйца и на глазах у царицы вывела двух птенцов. Принялись птицы — мать с отцом — таскать червяков и букашек, а детушки только рты разевали. Поневоле царице на ум приходило сравнение: как сама она была счастлива со своею семьею, так и пташка радостно щебетала в хлопотах о детях.

Раз лежит царица в постели и видит: нет в гнезде матери. Птенцы пищат, мать зовут, а отец сидит, скучает. Ночь прошла, а пташки нет. Царица глаз не сомкнула — все размышляла, что же стряслось, куда пташка девалась. И пришло ей на ум: «Вот не станет меня, что будет тогда с моими детьми?» Через день-другой отец птенцов привел с собой другую пичужку, и птичий дом опять ожил. Отец ликовал, и птенцы поначалу тоже обрадовались. Они с писком тянулись к мачехе — ждали от нее ласки. А она в ответ принялась их злобно клевать. Отскочили птенчики в страхе. Горькая у них сделалась жизнь. Никто их вовремя не накормит, никто не напоит. Родному отцу и тому до них дела не стало.

Вот и пришел им конец. Раз видит царица: оба птенца мертвые лежат на земле, а глаза у пичуги, их мачехи, горят торжеством. Царице словно нож в сердце вонзили. Сразу подумала она о собственных детях: «Случись, я умру и царь женится на другой, сколько им достанется горя!» Тут вошел царь и увидал царицу в печали. Он встревожился, спрашивает:

— Что с тобой? Ты нездорова?

— Нет, ничего, — отвечает царица.

Царь уже хотел за лекарем посылать, но царица его удержала. Спрашивает его:

— Ты сделаешь то, о чем я тебя попрошу?

— Когда бывало такое, чтобы я отказал тебе в просьбе? — отвечал царь. — Говори прямо, в чем дело.

Царица и говорит:

— Случись мне умереть, не женись на другой. Видишь пичугу? У него пропала подружка. Он привел в гнездо другую, а она его птенчиков замучила до смерти. Пока мать их жива была, он и сам о них пекся, а как взял другую подружку, стал перед ней пресмыкаться. Иначе с чего бы птенчикам помереть? Вот и молю тебя: не женись на другой.

Царь рассмеялся и отвечает:

— Ну и ты хороша, дорогая! Нагляделась на этих пернатых и невесть что себе в голову вбила. С чего тебе умирать? Тебе до старости далеко.

Слово молвится да забывается, а дума тяжкая в душу западает. Одолела царицу тоска. Стала сохнуть она не по дням, а по часам, покуда совсем не слегла. Что царь ни делал, как ей помочь ни старался, а спасти ее не сумел. Остались дети сиротами. Умерла царица, и потянулись к царю отовсюду свахи и сваты, да он помнил, как с пташками вышло, и всех прочь гнал. Дело житейское, начали его со всех сторон уговаривать, он и согласился жениться. Пришла новая царица, и дворец словно ожил. Радовались царевичи — Сант и Басант, что нашлась им новая мать. Ну а царь себя не помнил от счастья.

Однажды Сант и Басант играли в мячик в саду. А царица во внутреннем дворике устроила себе омовение. Вдруг мяч высоко подлетел и упал прямо во дворик. Закричала царица: «Ай-ай!» Мальчики прибежали, увидели царицу в слезах и перепугались. А она пошла прямо в опочивальню и легла. Царь сразу к ней, да она к нему и головы повернуть не желает. Царь ее спрашивает:

— Что тут стряслось?

Царица ему отвечает:

— Эти любимцы твои, Сант и Басант, запустили мячом мне прямо в грудь. От боли дух захватило. Если тебе до меня нету дела, зачем было на мне жениться? Или с ними милуйся, или со мной. Два меча в одни ножны не вложишь. Эти двое мне как бельмо на глазу. Смотреть на них не могу!

— Потерпи, царица, — говорит царь. — Если тебе от них нету покоя, я их в другом дворце поселю.

Царица еще пуще разгневалась:

— Думаешь, ты их в другой дворец переселишь, так они меня и мучить перестанут? Как же, стану я греть змей у себя на груди! Если ты меня любишь, вели у них вырвать сердца и мне представить. Тогда моя душа успокоится.

Слезы застлали глаза царя, он весь затрясся от гнева и скорби.

— Царица! — сказал он. — Подумай, что ты говоришь. Неужто ты хочешь мне сердце разбить?

— Думать тут не о чем, — возразила царица. — Покуда мое желание не будет исполнено, я не притронусь ни к еде, ни к питью.

Долго вразумлял царь царицу, но смягчить ее не сумел. Тогда он позвал палачей и отдал им в руки обоих царевичей. Велел вырвать у них сердца и немедля представить царице.

Палачи увели Санта и Басанта в лес. Да не поднялась у них рука на красавцев царевичей. Они отпустили братьев, а вместо них убили шакала и пса и их сердца показали царице. Легко стало у нее на душе, и зажила она с мужем в забавах и радостях.

А Сант и Басант пошли бродить по лесу. И случилось так, что Басант свалился в колодец. Что было делать бедняге Санту? Поплакал он и дальше пошел. Той порой к колодцу пришла за водой жена гончара. Только она опустила в колодец ведро, Басант ухватился за веревку. Женщина заглянула в колодец и отпрянула в страхе.

— Не бойся меня, я царевич! — крикнул Басант. — Вытащи меня отсюда.

Женщина вытащила его из колодца. Своих детей у нее не было, и Басанту она очень обрадовалась. Остался он жить в доме у гончара. Раз в тех краях охотился один царь. Он заехал в деревню, и Басант попался ему на глаза. Изумился царь, откуда у гончара такой красавец сын. Стал он требовать, чтобы гончар отдал ему мальчика. Гончар ни в какую. Наконец жена гончара говорит:

— Это нам с тобой написано на роду зарабатывать хлеб тяжким трудом. Такая уж наша доля. А если царевич приглянулся царю и тот его к себе требует, как же нам его не отдать? Он и у царя в доме будет украшением.

Порешили на том гончар с женой и вручили Басанта царю. Царь усадил его на коня и привез во дворец. А гончара с женой тоже позвал к себе в город. Отвел им хороший дом и на всю жизнь обеспечил.

Царь обучил Басанта грамоте и искусству стрельбы из лука, а когда мальчик подрос, женил его на своей красавице дочери. И отдал ему царь половину своих владений.

Раз Басант прогуливался по дворцовым покоем. Вдруг слышит, нищий поет, чуть не плачет:

Царя Читаранджана малые дети,
Братья родные Сант и Басант...

Только услышал это Басант, оставил жену, бросился на улицу и прижал нищего к сердцу. Жена остолбенела, глазам своим не верит. А нищий тот был старший брат его Сант. Избитый, оборванный, пришел он в этот город просить подаяния. Тяжело было Басанту увидеть, как бедствует брат. Он привел Санта к себе во дворец, умастил его сандаловой мазью и одел в самое лучшее платье.

Вскоре решили Сант и Басант, что настало им время вернуться в родные края. Тесть Басанта на прощанье щедро одарил дочь и зятя богатством и всяким добром.

Вернулись Сант и Басант в отчий дом. Что же видят? Отец их ослеп, а мачеха знай себе веселится. Разгневался Басант и приказал выгнать мачеху прочь.

И зажили все в мире и счастье.

Испытание ума

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

ил-был царь, и был у него сын. Пришла пора царю умирать. Лежит он на смертном одре, а вокруг собрались придворные. Подозвал тут к себе царь сына, взял его руку, вложил ее в руку своего старого советника и говорит:

— Сынок! Делай все, как он скажет.

Потом царь велел советнику пообещать, что тот будет оберегать его сына, и вскоре тихо отошел. Все царство по нему горевало и плакало.

Шли дни. Сына царя возвели на престол, и старый советник, исполняя свое обещание, преданно служил ему. Молодой царь высоко чтит советника и все делал так, как тот скажет.

Видят другие придворные, в каком почете советник, и лишились покоя — зависть их замучила. Они только и думали, как бы его ослабить. То и дело случалось царю слышать о советнике недобрые речи. Все наперебой твердили ему, что надо заменить старика кем-нибудь помоложе. Но царь к таким речам не прислушивался, а старый советник изо всех сил старался, чтобы дела в государстве шли хорошо и подданным не на что было жаловаться.

Недаром говорится, однако, что капля камень точит. Царю надоело каждый день слушать одно и то же, и он надумал испытать своих приближенных. Он призвал к себе старого советника, потолковал с ним с глазу на глаз, а потом объявил всенародно, что советник идет на покой и будет получать от казны содержание, а на его место назначен другой — из молодых.

Прошло несколько месяцев. Никто не жаловался. Дела шли своим чередом. Сначала придворные держали ухо остро, а теперь увидели, что царь доволен новым советником, и успокоились, даже своевольничать стали. Казалось, царь ни о чем об этом не ведает, а на самом деле он все примечал. Его тайные соглядатаи доносили ему обо всем, что говорилось в народе, и он хорошо знал, в каком небреженье дела государственные и как своевольничают новый советник и другие придворные.

Однажды царь отправился поохотиться. С ним были ловчие и собаки. Вечером на обратном пути он остановился на отдых в своем загородном саду. Позвал он садовника, показал на одну из собак и говорит:

— Я оставляю ее у тебя. Смотри за ней хорошенько. Когда она мне понадобится, я дам тебе знать.

Садовник с поклоном принял собаку, а царь поехал к себе во дворец.

Через сколько-то дней собрал царь свой двор. Среди прочих дел вспомнил он и о собаке.

— Когда я был на охоте, я оставил у садовника свою собаку, — сказал он новому советнику. — Поезжай, посмотри, как она там.

Советник сел на коня и поехал в сад. Приезжает туда и спрашивает садовника:

— Ну, как тут живет царская собака?

— Хорошо, господин. Щенков принесла.

Вернулся советник во дворец и доложил царю все, что узнал про собаку. Царь обрадовался и спрашивает:

— А сколько щенков?

— Этого он мне не сказал, махарадж!

Тогда царь милостиво говорит:

— Затруднись уж еще — поезжай опять и спроси.

Советник помчался обратно. Подъехал к саду, зовет садовника, спрашивает:

— Сколько щенят принесла собака?

— Пять, — отвечает садовник.

Прискакал советник во дворец и докладывает. А царь спрашивает:

— Сколько кобельков, сколько самочек?

— Этого он не сказал, махарадж.

Царь еще милостивей говорит:

— Очень я тебя затрудняю сегодня, а все-таки послужи мне еще: съезди и спроси, сколько она принесла кобельков и сколько самочек.

Бедный советник снова отправился к садовнику.

— Трех кобельков и двух самочек, — говорит ему садовник.

Приехал советник ко двору, доложил об этом царю. Царь обрадовался, спрашивает:

— А не скажешь ли ты, сколько щенков обещает стать хорошими охотничьими собаками?

— Я этого не знаю, махарадж, — отвечает советник.

Царь опять милостиво попросил его съездить и узнать. Что было делать советнику? Поехал он снова к садовнику и задал ему вопрос царя.

— Господин, два кобелька и одна самочка будут очень хороши для охоты, — отвечает садовник. — Это собаки отменные. А прочие — те похуже.

Советник вернулся во дворец, доложил и об этом. Царь очень обрадовался:

— Выходит, прибавилось у меня три собаки! Только хорошо ли их кормят? Ты не знаешь, что им дают?

Советник сказал, что не знает. Тогда царь еще ласковей просит:

— Поезжай-ка опять — спроси, чем их кормят. А то как бы не выросли слабыми от недокорма.

Несчастный советник снова потащился к садовнику. Тот его успокоил — сказал, что кормят щенков как положено. Советник вернулся и доложил об этом царю.

— Видно, садовник — человек понимающий. Он их кормит как надо, — говорит царь. — Ты бы меня очень обрадовал, если бы сказал мне еще кое-что: нет ли среди хороших щенков хоть одного бурой масти. Я очень люблю эту масть.

Пришлось советнику ехать обратно. Он уж устал скакать взад да вперед, а делать нечего. Вот узнал он

у садовника, что нет ни одного щенка бурой масти, приехал и доложил про это царю.

Царь огорчился и спрашивает:

— А какой же они масти?

Советник опять не смог ответить.

Тогда царь сказал:

— Я хочу знать, какой масти каждый щенок и найдется ли среди них хоть один, чтобы мне пришлось по вкусу.

Советник собрал последние силы, съездил в сад еще раз и доложил царю, какой масти щенки. Царь поблагодарил советника и даже прощения у него попросил за беспокойство.

Прошло еще сколько-то времени. Царь вспомнил о старом советнике и велел призвать его ко двору. Тот сразу явился. Царь его приветливо принял и начал расспрашивать. За разговором царь вдруг молвил:

— Раз уж вы пришли, сделайте для меня одно дело.

— Почту за счастье вам услужить.

— Дело пустячное. В загородном саду у меня осталась собака. Хорошо бы вам туда съездить и разузнать про нее.

Советник тут же отправился в сад. Приехал и просит садовника показать ему собаку. Садовник с почтением отвел его туда, где находилась собака. Старый советник осмотрел собаку и щенков, заглянул в миску с кормом и все, что увидел, для памяти себе записал. Потом поехал обратно ко двору.

Приехал он, царь у него спрашивает:

— Ну, как там собака?

— Все хорошо, махарадж. Она щенков принесла.

— Вы не скажете, сколько щенков?

— Пять, махарадж.

— А сколько кобельков и сколько самочек?

— Три кобелька, махарадж, и две самочки.

Царь спросил, как кормят щенков, какой они масти и охотничьей стати. И на каждый вопрос советник отвечал не задумываясь. Разузнал царь все, что хотел, про собаку, начал спрашивать про сад и садовника. Старый советник рассказал и об этом. Тогда царь повернулся к придворным и говорит:

— Вы меня уговаривали отослать на покой старого советника, а на его место взять молодого. Теперь сами смотрите, от кого из них больше проку.

Придворные только головы опустили. Царь тут же повелел, чтобы старый советник вернулся на свою должность. С той поры старый советник по-прежнему правил делами.

Глупый брахман

Индийская сказка

Перевод В. Валина

одного брахмана^[56] была очень сварливая жена. Когда ни глянь, вечно она с кем-нибудь скандалит. Правда, с делами по дому она управлялась неплохо. Сам брахман был большой бездельник, а к тому же вкусно поесть любил.

Как-то раз вернулся брахман домой и видит — сидит жена и зерно перебирает да очищает. Рассердился он:

— Ты что же это сегодня так и просидела весь день у корзины с зерном? И даже обеда не приготовила? А я есть хочу до смерти! Ты с каких пор обещаешь сделать для меня сладкие пампушки? Когда я их дождусь?

Жена тоже рассердилась, схватила метлу и замахнулась на брахмана:

— Да, как же, сейчас пампушки стряпать для тебя побегу! Во всем доме даже мышам поживиться нечем, денег нет ни ломаного медяка, а тебе сладкие пампушки подавай! Смотрите, какой важный господин! Убирайся сейчас же с глаз моих долой, а не то я тебе задам!

Не стерпел брахман ругани, обиделся на жену и решил уйти из дому. Что в такой жизни хорошего? Подумал он так и ушел. Долго он скитался, пока наконец один старец-отшельник не взял его в ученики. Стал брахман жить в обители, от старца мудрости набирался, наукам разным учился. Но вот однажды вспомнился брахману родной дом. И так ему захотелось обратно вернуться, что взял он под мышку свои книги, схватил посох и, ничего не сказав наставнику, отправился домой.

Только подошел брахман к дому, как еще издали по запаху понял, что жена готовит сладкие пампушки. Притаился он за дверью и стал считать, сколько пампушек жена в кипящее масло бросит. Насчитал двадцать одну. Кончила жена стряпать, стала руки мыть. А брахман ее окликает:

— Жена, ты дома? Я вернулся. — Вошел он в дом, стал жене рассказывать: — Много я разных наук изучил.

Не поверила жена.

— Какие такие науки ты изучил? Зря не болтай. Ну-ну, не бойся, не трону я тебя. Где ты так долго пропадал?

— Ты, я вижу, по-прежнему не хочешь меня слушать. А я и вправду многому научился. Вот, к примеру, мне заранее стало известно, что ты сегодня пампушки будешь жарить, и я даже могу сказать, что сделала ты их ровно двадцать одну штуку.

Удивилась жена, а брахман продолжал:

— Это еще пустяк. Ведь я могу сказать, где во всей Индии, кто и когда готовит пампушки.

Услышала жена такое и решила, что муж ее и впрямь стал большим мудрецом. С почетом усадила его, подала угощение, а сама поспешила к соседям рассказать, каким всеведущим вернулся ее муж. Так что если у кого в доме случится кража или корова пропадет, он сразу поможет.

Со всей деревни сбежались люди поглядеть на брахмана. Он тут же смекнул, что это ему на руку. С важным видом раскрыл он книгу из пальмовых листьев и принялся толковать о чем-то, чего люди совсем не поняли. А не поняв, еще больше уверовали в ученость брахмана. Скоро молва о нем пошла и по другим деревням.

Жизнь теперь у брахмана началась беззаботная: слава его кормила. Заговорами он больных лечил, заклинаниями нечистую силу отгонял.

Однажды у деревенского дхоби — стиральщика белья — Мотии пропал осел. Всю округу исходил Мотия, искал-искал осла, да так и не нашел. Пришел он тогда к брахману:

— Скажи мне, почтенный пандит[57], куда подевался мой осел? Пока не скажешь, ни пить, ни есть не буду.

«Проклятый дхоби! — растерялся брахман. — Как бы мне с ним не попасть впросак!»

— Мне сейчас недосуг, — сказал он. — Других дел много. Как освобожусь, твоим делом займусь. Совершу обряд в честь богини Бхавани[58], тогда и дам тебе знать. А пока у входа посиди. Не вздумай только уйти, все разом испортишь.

— Куда мне идти, почтенный пандит! Вся надежда на тебя осталась.

Пошел брахман к жене:

— Как теперь быть? А ну-ка дай мне зонтик!

Подала жена ему зонтик, и брахман прямо в полуденный зной ушел тайком через заднюю дверь.

Долго ходил он по полям и лесам, все осла дхоби разыскивал, но так и не нашел. Вернулся расстроенный и вышел к дхоби:

— Вот что я тебе скажу. Богиня Бхавани гневается. Так что пока ко мне не приставай. Иди домой. Завтра твой осел найдется.

Услышал дхоби, что богиня гневается, не посмел спорить и отправился домой. А брахман всю ночь не спал, думал, как ему быть, да на жену злился, которая рядом храпела. Вдруг у дома послышался какой-то шум. Вскочил брахман, растолкал жену:

— Послушай-ка, что там за шум?

— Уж не вор ли? — забеспокоилась жена.

А брахман до смерти боялся воров. Испугался он и решил спрятаться. Жена была не робкого десятка.

— Какой же ты брахман? Ну-ка пойдём! Я светильником посвечу, а ты хватай вора!

От страха у брахмана даже дыхание перехватило, но делать нечего. Пересилил он себя и пошел, громко творя молитву и держась за свой священный шнур. Вышел за дверь, смотрит, кто-то стоит. Попятился было брахман назад, а жена сзади его толкнула, так что брахман прямо на вора налетел. Ухватился брахман за вора, старается повалить его, а сам едва жив от страха. Подоспела тут жена:

— Э, — говорит, — да это никакой не вор. Это осел, который у дхоби пропал.

Пока брахман с ослом боролся, обвинял его вокруг шеи конец ослиной уздечки. Почудилось перепуганному брахману, что его душат, и завопил он что есть мочи. На крик соседи сбежались.

Опамятовался немного брахман. Жена поскорее отвела его в дом, а соседям шепнула:

— Пандит всю ночь читал молитвы, чтобы заколдовать осла и сюда привести. Бедняга так умаялся, что без памяти свалился.

Как ушли соседи, привязала жена осла возле своей двери. Потом стала брахману голову маслом растирать. А ему все еще казалось, что он с вором борется. Еле-еле пришел брахман в себя, потом велел позвать дхоби. Пришел дхоби и страшно обрадовался, когда своего осла увидел.

После этого случая брахман еще больше прославился. Дошли рассказы о нем до самого царя. А в это время у царской дочери пропало драгоценное ожерелье. Искали его, искали, а найти никак не могли. Даже самые знаменитые астрологи ничем не смогли помочь.

Вот однажды пришли к брахману царские воины, передают царское повеление — немедля явиться во дворец и разыскать ожерелье. Испугался брахман. С розыском осла ему здорово повезло, а на этот раз, пожалуй, несдобровать.

Уселся брахман в паланкин, который за ним прислали, и всю дорогу до царского дворца дрожал от страха. Без лишних слов повелел царь ему разыскать ожерелье царевны. Найдет брахман вора — получит награду, не найдет — будет в темницу заточен.

Похолодел брахман, как услышал такой приказ. Где уж тут думать о награде, хорошо бы хоть выпутаться из этого дела подобру-поздорову. Собрался он с духом и обратился к царю:

— Ваше величество, дайте мне два дня сроку. Буду я взывать к богине Бхавани. Посмотрим, что она скажет.

Вернулся брахман домой, стал умолять богиню смилостивиться:

— Спаси меня,ладычица мира! На тебя одну вся надежда. Отврати страшную беду, Бхавани!

А в это время проходила мимо царская служанка, садовница Бхавани. Услышала она свое имя вместе с последними словами брахмана и остановилась как вкопанная. Потом побежала к брахману, кинулась ему в ноги и запричитала:

— Пощади! Пощади меня, почтенный пандит! Это я украла ожерелье царевны!

У брахмана сразу отлегло от сердца. Напустил он на себя важный вид и сказал:

— А чем же я могу тебе помочь? Царь велел мне непременно разыскать ожерелье.

— Сжался, почтенный пандит! Верну я ожерелье! Куда скажешь, туда и принесу. Только спаси меня, не губи!

— Ладно, — ответил брахман. — Положи ожерелье в горшок и брось в пруд в царском саду.

Садовница Бхавани так и сделала. На другой день встал брахман, умастил себя благовониями, отпечатал на теле сандаловым порошком имя бога Рамы и нарисовал на лбу трезубец. Потом накинул на плечи накидку, на которой тоже всюду красовалось имя Рамы, велел нести за собой целую кипу книг и направился во дворец. Сел он там на виду у всех и целый день перелистывал и читал свои книги. Наконец с важностью изрек:

— Ну вот, знаю я теперь, где ожерелье. Ищите в царском саду, на дне пруда.

Царь тотчас послал к пруду ныряльщиков. Скоро вытащили они из тины горшок, а в нем — ожерелье! Назначил царь брахмана придворным мудрецом и одарил несметными богатствами.

Кошка Тенали Рамакришны

Индийская сказка

Перевод Н. Гурова

ного лет тому назад жил при дворе великого царя Кришнадеварайи умный и веселый поэт Тенали Рамакришна.

Рассказывают, что однажды призвал к себе царь своих приближенных и сказал:

— Даю каждому из вас корову и кошку. Поите кошек коровьим молоком, и того, кто в три месяца сумеет лучше всех откормить кошку, я щедро награжу. Повинуйтесь, такова моя воля.

Приближенные низко поклонились и разошлись по домам выполнять царский приказ.

Тенали Рамакришна тоже получил корову и кошку. Дети его незадолго перед тем тяжело заболели, а в доме не было и черствой лепешки. Вечером Тенали Рамакришна подоил корову и прежде всего попробовал молоко сам. Молоко показалось ему очень вкусным, такое оно было сладкое, душистое, густое. «Нет, — подумал Рамакришна. — Для кошки это, пожалуй, будет слишком жирно! Этого молока она у меня пить не станет».

Он вскипятил молоко в маленьком горшочке, поставил горшочек перед кошкой и ткнул ее мордой в горячее молоко. Кошке это совсем не понравилось, она фыркнула, обиженно зашипела, вырвалась из рук Рамакришны и убежала прочь. С тех пор при одном виде чашки с молоком кошка спешила удалиться, оскорбленная и негодующая. А Рамакришна доил корову, пил молоко, поил своих больных детей и славил в душе милость великого царя.

Через три месяца приближенные вновь собрались в царском дворце, и каждый привел с собой свою кошку. Ах, что это были за кошки — гладкие, сытые, откормленные! У одних придворных кошки были толщиной с тигра, у других — с буйвола. Только кошка Тенали Рамакришны была тощей да облезлой. Увидел царь Кришнадеварайя эту кошку и разгневался:

— Что сделал ты, Рамакришна, с бедным животным? Поил ты кошку молоком или нет? Отвечай немедленно!

— О милостивый владыка! — смиренно поклонился Тенали Рамакришна. — Что мне было делать? Ведь эта скверная кошка совсем не пьет молока: за все время она ни разу к нему не притронулась. Мне и пришлось, чтобы молоко не пропадало, пить его самому и поить детей. Ведь мои дети, великий царь, были очень больны, теперь же они все здоровы благодаря твоей милости.

— Где ты видел кошку, которая не пьет молока? — вконец рассердился Кришнадеварайя. — Ты смеешься надо мной!

— Не гневайся, о великий царь! — молвил Рамакришна. — Прикажи лучше проверить, правду ли я говорю, и сам убедишься, смеет ли лгать твой верный слуга.

Приказал царь поставить перед кошкой горшочек с молоком. И что же? Кошка злобно зашипела,

фыркнула, опрокинула лапой горшочек и опрометью бросилась вон из дворца. Удивился царь и попросил Рамакришну рассказать, как было дело.

Говорят, что потом стало царю стыдно. Он понял, что негоже поить молоком кошек и забывать о маленьких детях.

А слова «кошка Тенали Рамакришны» вошли в поговорку. Как увидят люди, что кто-нибудь уверяет, будто ребенок не любит пирожных или красивых игрушек, они смеются и говорят:

— Все понятно! Это же кошка Рамакришны!

Тяни

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

ил-был паренек. Простодушный такой, недогадливый, ни встать, ни повернуться не умеет. Пригласили раз его на свадьбу. Вот отец и послал с ним слугу. А слуга был очень не глуп. Всю дорогу наставлял он паренька, чтобы тот в гостях много не говорил, ел и пил в меру. Паренек это крепко запомнил.

Пришли они в дом. Паренек ни с кем словом не перемолвился, зато слуга рта не закрывает. Подали угощение. Паренек и говорит:

— Мне есть не хочется. Слугу моего покормите.

Как его ни уговаривали, как ни звали к столу, он все отказывался. Видно, думал: «Уж коли раз отказался, соглашаться нельзя». И есть-то ему хочется, а он все твердит:

— Я есть не хочу.

Зато слуга наелся до отвала.

Время было летнее. Спать легли на открытом воздухе. Во дворике спали женщины, а паренька со слугой уложили на крыше какой-то пристройки. Слуга только лег, сразу же захрапел, а пареньку голод уснуть не дает. Наконец стало ему совсем невтерпеж. Разбудил он слугу и просит:

— Придумай что-нибудь, я с голоду умираю.

— Я и сам почти не ел, — отвечает нарочно слуга. — Да только что ночью придумаешь? Утром посмотрим.

— Нет, до утра мне не дотерпеть. Помру с голоду.

Думал, думал слуга и придумал. В каморке, на крыше которой их спать уложили, была кухня торговца сластями. Для света в потолке ее была проделана большая дыра, а на ночь ее закрывали каменной плитой. Вот слуга и говорит:

— Я слезу в эту дыру и поем сластей. А после ты полезешь.

Паренек согласился. Слуга спустился в каморку и наелся сластей. Вытащил его паренек и сам полез. Помог ему слуга спуститься, а потом разлегся на крыше и заснул.

Наелся паренек и шепчет:

— Тяни!

А слуга знай храпит! Где ему услышать!

— Тяни! — говорит паренек чуть погромче.

Слуга не отвечает.

Испугался паренек, зовет еще громче:

— Тяни!

На его беду, во дворике одну старуху кашель мучил, никак не давал глаз сомкнуть. Лежит она и слышит, что кто-то твердит:

— Тяни! Тяни!

Забеспокоилась старуха и разбудила женщин:

— В каморке невесть что творится. Кто-то там все твердит «Тяни!» да «Тяни!».

Тут и другие услышали:

— Тяни!

Всполошились люди. «Кто его знает, что там такое, — думают. — Не воры ли забрались?» Двое мужчин с палками на крышу полезли, другие у двери в каморку притаились. А оттуда все то же слышится:

— Тяни! Тяни!

— Если там вор, зачем бы ему поднимать такой шум? Не иначе как нечистая сила забралась в каморку, — испугались гости.

Вот и надумали они послать в храм за брахманом. Брахман пришел и давай хвастать:

— Таких «Тяни» мне не впервой выгонять. Этот «Тяни» куда как опасен! Хорошо, что вы меня позвали. Он ведь белого цвета! Бывает, покажется людям, бывает, и нет. Берегитесь, он и обличье меняет. То человеком обернется, то лошадью, то козлом, а то вовсе исчезнет. Это для него пустячное дело. Только меня не проведешь! Открывайте дверь, я его сейчас схвачу! А вы кричите погромче да держите палки наготове! Тогда этот «Тяни» от нас не уйдет.

Подняли люди крик. Тут слуга на крыше и проснулся. Перепугался, да вовремя смекнул, в чем дело, и говорит гостям:

— Вы внизу сторожите. А наверху я один справлюсь.

Тем временем брахман вошел в каморку. Темно в каморке, всякое там разложено: где готовые сласти, где припасы, а сбоку бадья с простоквашей стоит. Стал брахман читать заклинания, размахнулся руками да и споткнулся — угодил прямо в бадью с простоквашей. Вылез весь мокрый и сразу к дверям.

— Несите фонарь! — кричит. — Несите фонарь! Тут темно! Темно!

Люди у дверей как увидели белое, сразу решили — это «Тяни». Ведь брахман им сказал наперед, что «Тяни» бывает белого цвета. Что тут было! Набросились на брахмана с палками, давай лупить что есть мочи. Радуются, сейчас расправятся с нечистой силой. Потом поглядели поближе — да это же сам брахман! То-то все перепугались. Но дела уже не поправишь.

А пока шла суматоха, слуга потихоньку вытащил непутевого паренька, никто его и не заметил.

Сын Пандита

Индийская сказка

Перевод Б. Кузнецова

ри дворе царя Прадипа поэты и пандиты были в большом почете. Был среди них один пандит по имени Видьядхар — источник знания. Отец Видьядхара, дед и прадед были придворными поэтами. После смерти отца Видьядхар занял его место. Но от своего мудрого отца он перенял немного. Быть сыном пандита — еще не значит самому быть ученым.

Только невежество Видьядхара вскоре открылось. Другие придворные пандиты поняли, чего он стоит, и порешили между собой вывести его на чистую воду.

И вот однажды, когда царь сидел один, они пришли к нему и сказали:

— Махарадж! Этот человек круглый дурак, хоть и зовут его Видьядхар. Учености-то в нем ни на грош! Ты позоришь себя тем, что держишь его при дворе. Испытай его.

Удивился царь. Отец Видьядхара был знаменитым ученым. Сын тоже держал себя как истинный пандит — стоило только взглянуть на его высокий лоб, посыпанный золой, на четки, с которыми он никогда не расставался.

И вот царь Прадип при всем дворе спросил Видьядхара:

— Видьядхар-пандит! Я видел людей, которые ловили черепах. Но я никак не мог понять, зачем они их ловят. Не знаешь ли ты?

Видьядхар не долго думая брякнул:

— Махарадж! Дело в том, что у черепах очень вкусное и целебное молоко. А из черепашьей шерсти делают кашмирские шали^[59].

Услыхал такой ответ царь и расхохотался, а за ним и весь двор покатился со смеху. Видит царь, и впрямь Видьядхар — круглый дурак. Но шутки ради он задал ему еще один вопрос:

— Сын пандита! Куда денутся рыбы, если пруд загорится?

Видьядхар ответил:

— Полезут на деревья, махарадж!

— Да как же они полезут? — спросил царь, стараясь не рассмеяться.

— Как полезут? — удивился Видьядхар. — Как коровы!

Царь подавил улыбку и сказал:

— Место, которое мы предоставили Видьядхару при нашем дворе, пусть так и будет за ним. Отныне мы назначаем его главным шутком, а звать его будем Сын Пандита.

Что медведь шепнул на ухо?

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

ли два друга лесом. Вдруг видят — медведь. Один в страхе забрался на дерево и спрятался в листве. Другой остался перед медведем безо всякой защиты. Упал на землю и лежит, словно мертвый. Слышал он как-то, что медведь не трогает мертвое тело, вот и решил притвориться. Подошел к нему медведь, обнюхал грудь, потом голову — нос и уши. Путник дух затаил, лежит не движется. Медведь подумал, что он и впрямь мертвый, и оставил его в покое.

Только медведь ушел, второй путник с дерева слез. Подбежал к приятелю:

— Что он тебе в ухо шептал?

— Ну, это не великая тайна. «Не водись с человеком, — говорит, — который при виде опасности думает только о себе, а друга в беде оставляет».

Тугоухие

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

ил в деревне пастух с женой и с родителями. И все четверо были они на ухо туги. Раз пахал пастух поле, а мимо шли двое прохожих. Спрашивают его:

— Нам надо в Рамнагар. Туда какой дорогой идут?

А ему слышится, будто его про быков спрашивают: «За дорого ли пойдут?» Он и говорит:

— Быков я не продам.

— Быков нам не надо, — удивились прохожие. — Ты дорогу нам укажи. Вот что.

А пастуху послышалось: «За сто». Он и отвечает:

— Почтенные, что такое сто рупий? Да хоть и двести давайте, все равно не продам.

Немного спустя принесла ему мать пообедать. За едой пастух ей говорит:

— Матушка, нынче два человека сулили мне за быков сотню рупий, а я им сказал, что и за две не отдам. Много ли сотня?

— Да я и сама знаю — в овощах много соли, — призналась мать. — Ты уж повыбери, что получше, и съешь сколько сможешь.

Вернулась мать домой, пеняет невестке:

— Нынче ты овощи пересолила, сын и есть их не мог. Такие напасти!

— Кто говорит, что я вместо горшков купила сласти? — возмутилась невестка. — Пусть свекор подтвердит, он весь день сидит у дверей и все видит.

Пошли они, пререкаясь, к дверям. Невестка спрашивает:

— Скажи, батюшка, видел ты когда, чтоб я несла домой сласти вместо горшков?

А старик ей:

— Это ваше дело за скотиной смотреть. Что пристали насчет быков?

Свет из храма

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

ил в одной деревне богач, а напротив его дома был пруд. Пришел раз к богачу бедняк и просит помощи. Богач говорит:

— Простоишь всю ночь в пруду, дам тебе двадцать рупий.

— Простою, — сказал бедняк и заставил богача трижды поклясться, что от обещанного не откажется.

Ночью спустился бедняк к пруду и зашел в воду по шею. Все вокруг спали, только в храме далеко от пруда горела лампада. Вот он и смотрел на огонек. Утром вылез из пруда и пошел к богачу за обещанными деньгами.

— Ты вправду простоял в пруду всю ночь и никто тебя не поддерживал? — спрашивает богач.

— Кто меня мог поддерживать? — удивился бедняк. — Только в храме горела лампада. Я и смотрел на нее.

— А-а! Так ты всю ночь грелся от этой лампады! — зло рассмеялся богач и не дал ему ничего.

Пришлось бедняку идти восвояси. Идет, причитает, а навстречу лиса. Спрашивает:

— Ты что причитаешь?

Он ей все рассказал. Она и говорит:

— Я заставлю богача отдать тебе деньги. Бери меня на плечи и неси в деревню, а потом принеси назад, на это же самое место. Да наперед скажи в деревне: «Лесной царь к вам идет, привяжите собак».

Бедняк все сделал, как лиса велела, и принес ее в деревню. Собрала лиса совет стариков и говорит:

— Вройте в землю два высоких шеста, между ними котелок повесьте повыше, а внизу огонь разведите — пусть в котелке рис варится.

Удивились старики:

— Так котелок-то будет от огня далеко. Как же рис сварится?

— А как грелся лампадой этот бедняк? — спрашивает лиса. — Пусть и рис так же сварится.

Что тут скажешь? Промолчали старики.

— И лампада греть бедняка не могла, и рис так не сварится, — сказала лиса. — Велите богачу отдать ему двадцать рупий.

Пришлось богачу отсчитать деньги. Забрал их бедняк, поднял лису на плечи и отнес в лес, как обещал. А сам пошел своей дорогой.

Человек, который пошел искать свою судьбу

Индийская сказка

В обработке С. Ф. Ольденбурга

ил однажды человек. Была у него жена и двенадцать человек детей, а денег — ни одной рупии. Дети плакали от голода, а родители не знали, что делать. Рассердился человек на бога и пошел искать свою судьбу. В лесу он встретил верблюда с двумя мешками золота. Верблюд этот принадлежал одному царю. Однажды его вместе с другими верблюдами отправили в соседнее царство. И случилось, что утром царские слуги ушли с караваном вперед, а этого верблюда оставили. И странствовал верблюд по лесу двенадцать лет, нося на себе мешки с золотом.

Верблюд спросил бедняка, куда он идет.

— Иду искать свою судьбу, — ответил бедняк, — хочу узнать, почему я такой бедный.

— Узнай тогда, — сказал верблюд, — почему я должен носить эти два мешка с золотом и не могу ни прилечь, ни есть, ни пить, а все хожу да хожу.

— Хорошо, — сказал бедняк, — узнаю.

И пошел дальше.

Пришел он к реке, а в ней жил аллигатор, царь рыб. Аллигатор помог бедняку переправиться, а когда они ступили на берег, спросил, куда он идет.

Человек сказал:

— Иду искать свою судьбу. Хочу узнать, почему я бедный.

— Узнай тогда, — сказал аллигатор, — почему у меня уже двенадцать лет нестерпимо жжет в брюхе.

— Узнаю, — сказал человек.

Шел он, шел и набрел на тигра. Лежит тигр, а лапа у него пронзена громадным шипом.

— Куда идешь? — спросил тигр бедняка.

— Иду искать свою судьбу. Хочу узнать, почему я бедный. Сказали мне, что судьба моя в двенадцати днях от моей деревни, что она лежит на земле и что я должен взять дубину и бить лежащую судьбу.

— Спроси тогда, — сказал тигр, — почему у меня заноза в лапе и не могу я от нее освободиться вот уже двенадцать лет.

— Хорошо, — сказал бедняк и пошел дальше.

И вот пришел он туда, где живут судьбы всех людей. А судьбы эти — камни, и одни из них стоят, другие лежат. Увидел бедняк один лежащий камень и сказал:

— Это, верно, моя судьба! Лежит она на земле, а не стоит, потому я, должно быть, такой бедный.

И принялся он бить дубиной лежащий камень. Бил, бил до самой ночи, а камень все лежал. К ночи бедняк совсем выбился из сил. Тогда бог вдохнул душу в камень, камень встал и спросил бедняка:

— Почему ты бил меня?

— Потому что ты лежал, а я из-за этого был бедный, жена моя и дети голодали.

— Ну, — сказала судьба, — теперь все переменится.

Бедняк обрадовался и собрался домой, но сначала решил выполнить данные ему поручения.

— Встретил я по дороге верблюда, — сказал он своей судьбе. — Он двенадцать лет бродит с двумя мешками золота на спине и не знает, почему он должен носить эту ношу.

— Возьми себе мешки, — сказала судьба, — и верблюд избавится от ноши.

— Встретил я затем аллигатора, — продолжал бедняк. — Ему хочется знать, отчего у него вот уже двенадцать лет нестерпимо жжет в брюхе.

— У него в желудке громадный рубин, — сказала судьба. — Как только он его выплюнет, перестанет жечь.

— А еще я встретил тигра, — сказал бедняк. — У него лапа пронзена громадным шипом, и он хочет знать, как ему избавиться от этого шипа. Ведь он мучается вот уже двенадцать лет.

— Вытащи шип зубами, — сказала судьба, — тогда тигр навсегда избавится от боли.

После этого судьба бедняка замолчала, потому что бог вынул душу из камня; но камень остался стоять и теперь стоял твердо.

Пошел бедняк обратно домой. Сначала он встретил тигра.

И тигр спросил:

— Что сказала твоя судьба?

— Дай мне твою лапу, — ответил бедняк.

Тигр протянул ему лапу, и бедняк вытащил шип зубами. У тигра сразу же прошла боль. Он горячо поблагодарил бедняка, повел его к себе в пещеру, где было много золота и драгоценных камней, велел ему растянуть большой кусок ткани и насыпал в нее столько драгоценных камней и золота, что бедняк еле смог поднять эту ношу.

Когда бедняк пришел к реке, его встретил аллигатор и спросил, выполнил ли он поручение.

— У тебя в желудке большой рубин, — ответил бедняк, — выплюнь его скорей — и жечь перестанет.

Аллигатор тотчас же выплюнул рубин и сказал:

— Возьми его себе, это очень дорогой камень.

В те времена у каждого раджи был такой рубин.

Бедняк поблагодарил аллигатора, пошел дальше и вскоре встретил верблюда, снял с него мешки и сказал, что теперь он свободен. Верблюд обрадовался, поблагодарил бедняка и подарил ему мешки с золотом, а кроме того, взялся донести ему все его сокровища до дому.

Когда жена и дети бедняка увидели золото и драгоценные камни, они спросили:

— Где ты это достал?

Он рассказал им, как все было. Потом купил себе дом и зажил счастливо и богато.

Другой бедняк услышал, что его сосед разбогател, и пошел расспросить, где он добыл сокровища. Но сосед не захотел открыть ему тайну своей судьбы, сказал, что вытащил сокровища из воды: черпал воду в реке, а в воде было золото.

Пошел бедняк черпать воду; черпал-черпал, а все без толку.

Испугался аллигатор, царь рыб, что вычерпает он всю воду, и закричал:

— Стой, что ты делаешь? Ты вычерпаешь всю воду из реки, и мои рыбы умрут.

— Мне нужно золото, — сказал бедняк, — а я нигде не могу его найти; вот и хочу вычерпать реку, авось найду золото.

— Подожди, — сказал аллигатор, — перестань черпать воду, и я принесу тебе золота.

Аллигатор нырнул в реку, большая волна выкатилась на берег, и перед бедняком оказалась куча золота. Пошел он домой и спрятал добычу, но он был человек жадный и захотел добыть еще золота. Опять пошел к реке и опять начал черпать воду. Рассердился аллигатор:

— Этак он всех моих рыб переморит! Проглочу его.

Высунул аллигатор голову из воды и проглотил жадного человека. Четыре дня провел человек в брюхе аллигатора.

Наконец аллигатор смилостивился и говорит:

— Я выпущу тебя, но с условием: ты будешь молчать о том, что было. Как только ты кому-нибудь проболтаешься о том, что случилось здесь с тобой, ты умрешь.

Выскочил человек из пасти аллигатора и пошел домой. А дома он сейчас же рассказал обо всем жене и детям. Но не успел он договорить, как стал немым и безумным и тут же умер.

Сласти с неба

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

дна бедная женщина жила тем, что нитки пряла. Был у нее сын. Раз дала она ему два клубка ниток — на рынок снести. Идет он, идет, глядь — ящерица на заборе сидит. Увидела парня и от страха головой замотала. А он говорит:

— Дядюшка, тебе, видно, нитки нужны. Бери! — И положил на забор оба клубка, а сам домой пошел.

— Деньги принес? — спросила мать.

— Нет. У меня дядя эти клубки попросил. Я ему отдал.

Напряла мать еще ниток и сама понесла продавать. Купила рису, прожили они сколько-то дней. Но вот кончились деньги.

— Надо у дядюшки долг забрать, — решил парень. — Пойду.

— Иди, — отвечает мать.

Она-то думала, что он и впрямь пойдет к дяде.

Пошел. Подходит к забору, а там ящерица. Увидела его, испугалась и наутек!

— Дядюшка, куда бежишь? — кричит парень. — Деньги отдавай за тогдашнее, а не то хвост оторву.

Бежит ящерица, и он за ней. Забежала ящерица за куст, а там горшок с деньгами. Парень думает, это и есть дядины деньги, ну и забрал их. Идет домой, а его мысль свербит: «Может, деньги не настоящие?» Взял и высыпал их себе на голову. Все монеты на землю попадали, только две рупии на голове задержались. «Эти вот настоящие, — решил парень, — а тех мне не надо».

Принес он домой две рупии и говорит матери:

— Дядя мне дал их целый горшок, да там только две эти монеты хорошие, остальные плохие.

Всплеснула мать руками:

— Идем скорее, покажи, где они!

Пошла с парнем, собрала деньги, а домой воротясь, напекла мучных шариков с патокой. Напекла и разбросала их во дворе.

— Иди-ка сюда! — сына зовет. — Сласти с неба валяются. Собирай да ешь!

Собрал парень шарики и все съел.

Рано ли, поздно ли, пошел слух, что нашли они клад. Потасили женщину к судье.

— Ничегошеньки не знаю. Не верите, у сына спросите, — отпирается она.

Позвала сына. Он и говорит:

— Деньги мне дядюшка дал. Это точно. А какой это был день, не знаю. Помню, тогда сласти с неба падали.

Удивился судья: где это видано, чтоб сласти падали с неба? Видно, парень-то недоумок, болтает, что в голову взбредет. Тем все и кончилось.

Петух и кошка

Индийская сказка

Перевод Н. Толстой

ил-был у одного человека петух. А в дом частенько забегала кошка. Прокрадется незаметно на кухню, схватит добычу — и прочь. Завидит петух кошку — и кукарекает. Люди сбегутся и прогонят ее. Рассердилась кошка на петуха и раз чуть не задрала его, да спасло ему жизнь кукареканье.

Бродил как-то петух по двору, зернышки поклевывал, вдруг видит — идет ему навстречу кошка. Бросился петух наутек, а кошка ему и говорит, да так ласково:

— Братец петушок! Зачем ты меня боишься? Я ведь ничего худого тебе не сделаю.

Поверил петух кошачьим речам, остался он — интересно, что дальше будет. А кошка, увидав, что ее слова возымели действие, продолжает:

— Давай с тобой подружмся. Ты при моем появлении на кухне не кукарекай, а я за это буду угощать тебя чем-нибудь вкусненьким. Все, что добуду, разделю с тобой поровну.

Петух молча выслушал кошку, подумал и решил, что, пожалуй, с ней дружить стоит.

И кошка стала безбоязненно входить на кухню, пить молоко, есть простоквашу. Наестся досыта, а остатки отнесет петуху. Так они и дружили.

Однажды хозяйка оставила в кухне полный горшок сметаны. Увидела кошка горшок и говорит петуху:

— Через несколько дней наступит праздник, нам надо сделать кое-какие припасы. Если ты мне поможешь, мы спрячем этот горшок со сметаной в таком местечке, где его никто не увидит. А придет праздник, вот уж тогда мы с тобой и полакомимся!

Эта мысль пришла петуху по душе. Он схватил клювом горшок с одного боку, кошка подхватила с другого. Они вынесли горшок в пристройку, спрятали под печью и тихонько убежали.

Но кошка вскоре вернулась. При виде горшка со сметаной у нее слюнки потекли. И подумала она: «Если я немного поем, петух все равно не узнает». Сметана оказалась на редкость вкусной. Кошка несколько раз опускала мордочку в горшок. С большим трудом оторвалась она от горшка и ушла домой. Но мысль о сметане не покидала ее, и на дню она три раза бегала в пристройку. То же было и на следующий день. Не успокоилась она до тех пор, пока не очистила весь горшок.

Прошло несколько дней. Наступил праздник. В домах готовили вкусные кушанья, запах жареного мяса щекотал кошачьи ноздри, но у нее не было никакой надежды заполучить хоть кусочек. Подумала она да и говорит петуху:

— Сегодня праздник. Пойдем-ка с тобой повеселимся, поедем сметанки!

Петух пошел за ней в пристройку. Кошка вытащила горшок, заглянула внутрь и говорит:

— Ах, что я вижу! Это ты съел всю сметану — нашу дружбу предал!

— Да я с той поры первый раз сюда зашел! Это, верно, ты сделала!

— Ах ты вор! Ах ты хитрюга! — рассвирепела кошка. — Таким вероломным, как ты, на земле нету места! — И бросилась на петуха.

Громко закричал петух. Но кошка свернула ему шею и принялась лакомиться петушатинкой.

Ты сказку послушать не прочь, а мне терпеть голод невмочь

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

или-были в одной деревне муж с женой. Они были очень скупые. Всегда старались истратить поменьше, а выгоды получить побольше. Чтобы они к себе позвали гостей, так об этом никто и не слыхивал. Не дай бог прохожему постучаться к ним в дверь. Не накормят, не напоят, еле место ему найдут, где ночь скоротать, да еще поработать заставят.

Шел раз куда-то один человек. В пути его застигла ночь, и он решил заночевать в первой деревне, какая встретится. Вот и попал он в ту деревню, где жили скупые муж и жена. Злая судьба привела его прямо к их дому. Время было позднее. Прохожий устал. Он тихонько вошел во двор и присел у стены. Хозяева были дома: жена готовила ужин, а муж работал. Увидела хозяйка прохожего и подала ему несколько листьев.

— Сшей-ка из них тарелки, — говорит.

Прохожий думает: «Отказываться неучтиво». Сделал он три тарелки: одну — для хозяйки, другую — для ее мужа, третью — для себя. Вот кончает хозяйка готовить и зовет мужа ужинать. Муж пришел. Наложил она одну тарелку ему, другую — себе, а на третью взяла и уселась. Бедный прохожий все ждал, когда же его хоть чем-нибудь угостят, да так и не дождался. Поужинали муж с женой, хозяйка собрала все остатки еды и унесла.

Прохожий очень обиделся, но постарался не подать виду, что его мучит голод.

Дело было летом. Ночевать прохожий устроился тут же, во дворе. Вышли во двор и хозяева, постелили себе постель, улеглись. В летние дни люди спят после полудня, поэтому вечером сон приходит не сразу. В эту пору приятно побеседовать, послушать сказки.

Вот хозяйка и просит прохожего:

— Любезный гостюшка! Расскажи что-нибудь.

Гость молчит, будто не слышит. А хозяйка не унимается — просит его во второй раз и в третий. Наконец не вытерпел прохожий — голод не тетка. Говорит:

Ты сказку послушать не прочь,
А мне терпеть голод невмочь.
Мертва антилопа лежит —
Взять мясо никто не спешит.

Встрепенулась хозяйка, спрашивает:

— Ты это о чем?

Гость отвечает:

— Подхожу я нынче вечером к вашей деревне, гляжу — за полем сахарного тростника лежит убитая антилопа и никто ее не берет.

— Как бы мне заполучить эту антилопу? Куда идти-то надо? — спрашивает хозяйка.

— Найти ее не так-то просто, — говорит гость. — Взяться за это надо умеючи. Чтобы эту антилопу найти, нужно раздеться и распустить волосы, потом взять большой горшок, пробить в нем семь дырок и в каждую дырку вставить зажженную плошку. А как будет готово — ставь горшок на голову, спереди привесь метлу да так и иди. Кто это сделает, тот и найдет антилопу. А другим и в глаза ее не видеть.

Одолела хозяйку жадность. За антилопой она и не в таком виде пошла бы. Вот и стала она собираться, как сказал гость. Сбросила с себя платье, пробила в горшке семь дырок, вставила в них горящие плошки, прицепила к поясу метлу, расплела волосы, поставила горшок на голову и отправилась за антилопой.

У пруда ее заметили односельчане. Глядят — что за диво! Человек — не человек, ни на что не похоже. «Не иначе как это ведьма, — думают. — Нельзя ее упустить». Один побежал скликать народ, другой — за стражником, а остальные решили: «Пока суд да дело, надо ведьму проучить хорошенько. А что к чему, потом разберутся». Догнали они скупую хозяйку, схватили ее за волосы и хорошенько отколотили палкой. Полумертвую потащили ее на суд к помещику. Там собрался народ со всей деревни.

Доложили помещику, какое дело случилось. Помещик подозвал к себе хозяйку и спрашивает:

— Что ж это ты вздумала выкинуть такую штуку, да еще ночью?

— Это не я придумала, — отвечает она. — Меня научил прохожий. Он у нас в доме ночует. Я его попросила что-нибудь рассказать. Он и сказал:

Ты сказку послушать не прочь,
А мне терпеть голод невмочь.
Мертва антилопа лежит —
Взять мясо никто не спешит.

Я спросила, как мне найти эту антилопу. Вот он меня и научил.

Послал помещик за прохожим. Того живо привели. Помещик велел ему рассказать, как было дело.

— Я зашел к ним в дом переночевать, — говорит прохожий. — Хозяйка меня попросила сшить три тарелки из листьев. Я сшил. Приготовила она ужин, накормила хозяина, поела сама, а мне и попробовать ничего не дала. Потом пристала ко мне, чтобы я ей что-нибудь рассказал. От голода мне было не до рассказов. Я и сказал ей этот стишок, а потом научил пойти на поле. Она ушла, а я доел, что осталось от ужина. Вот зачем я это придумал.

Выдумка прохожего понравилась помещику, только он решил, что следует расспросить еще мужа хозяйки. Послали за ним. Хозяин пришел и все подтвердил. Помещик одарил прохожего, похвалил хозяина за то, что тот накормил гостя, когда злая жена ушла из дому, да заодно уж и ее простил, потому что ей и так досталось по заслугам. В тот же день помещик издал указ, чтобы все его крестьяне непременно привечали прохожих, которым случится постучать в чью-нибудь дверь.

Охотник и ворона

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

ил-был охотник. Дом его стоял среди леса. Там он жил вместе с семьей. Каждый день он ходил на охоту и всю добычу приносил своим домашним. Еще он сеял рис, просо и маис и все же жил больше охотой.

Была у охотника ворона — кормилась она у него. Рано поутру ворона улетала, а домой возвращалась лишь к ночи. Весь день она проводила на дворе у бога Брахмы. Там у ворот стояло большое дерево. Сядет ворона на дерево и слушает, что скажет Брахма. Вечером дома она пересказывала охотнику все, что доводилось ей услышать за день, а тот не зевал и оборачивал это себе на пользу. Потому и жил он с семьей в довольстве и счастье.

И вот что как-то раз вышло. Сидит ворона на дереве и слышит, как писец Брахмы пишет и приговаривает:

— Теперь дождя больше не будет, и настанет великий голод. Только в горах будет дождь.

Вот какую важную новость узнала ворона.

Полетела скорее ворона к охотнику и рассказывает:

— Брахма только что велел записать, чтобы дождь шел лишь в горах. Раскорчуй и вспаши себе поле высоко в горах — и все будет хорошо. Там ты вырастишь рис, а в других местах будет неурожай.

Послушался охотник вороны и пошел расчищать себе поле в горах. Когда пришла пора сеять, поле у него было уже вскопано и удобрено. Засеял он это поле рисом. В горах выпало вдоволь дождя, а в других местах не упало ни капли.

Ворона все летала и летала к Брахме на двор. И вот дошла до Брахмы весть, что у охотника поле зазеленело. Говорит он своему писцу:

— Нынче пусть будет невиданный голод. Если где-нибудь поле зазеленело, туда надо послать сто тысяч жуков и червяков. Пусть они весь урожай сведут под корень. Вот и будет великий голод.

Ворона про это услышала, поспешила домой и рассказала охотнику. Всполошился охотник, а ворона ему говорит:

— Жуков и червяков будет сто тысяч. А ты позови двести тысяч воробьев и скворцов — вот и спасешь урожай.

Так охотник и сделал. На его зов прилетело двести тысяч воробьев и скворцов. Их крылатое войско окружило поле со всех сторон. Только успели жуки прилететь и червяки приползти, чтобы сгубить урожай, птицы бросились на них и всех поклевали. А поле зеленело по-прежнему.

Рис у охотника созрел. Пришла пора его убирать. Урожай выдался на славу. Брахма и об этом узнал.

— Нынче голод никого не минует, — говорит он писцу. — Пусть с каждой скирды намолотят не больше мерки зерна.

Ворона это услышала и полетела домой.

— Не складывай весь рис в одну скирдку, — велела она охотнику. — Брахма говорит: «С каждой скирды намолотят всего по мерке зерна».

Охотник послушался. Он сжал рис и сложил его маленькими копенками. Вышло их много — по всему гумну стояли копенки. Кто ни пройдет мимо, смеется:

— Смотрите! Охотник с ума сошел: разбросал свой рис по маленьким кучкам.

А ворона опять полетела на двор к Брахме. И вот слышит она, как Брахма говорит писцу:

— Голод будет нынче самый жестокий. На рис, что уже сжат и заскирдован, нужно наслать сто тысяч мышей. Пусть сожрут все до зернышка.

Прилетела ворона к охотнику:

— Завтра на рассвете на твое поле упадет с неба сто тысяч мышей. А ты позови двести тысяч кошек, тогда твой рис останется цел.

Послушался охотник. Наутро двести тысяч кошек собрались вокруг гумна. Они точили когти и громко мяукали.

Едва мыши опустились на землю, на каждую бросилось сразу по две кошки. Охотник глазом моргнуть не успел, как от мышей и следа не осталось.

Опять не удалось Брахме погубить урожай.

Узнал Брахма, что все его мыши пропали без толку, и думает: «Я повелел быть великому голоду, а охотнику хоть бы что!»

— Возьми бумагу и пиши, — говорит он писцу. — Если кто-нибудь, перед тем как начать молотьбу, не посадит на колья возле гумна по снопику риса, он получит мало зерна. А если после молотьбы он не бросит на кучу зерна коровью лепешку, все зерно пропадет.

Ворона и это услышала. Полетела она домой и рассказала новость охотнику.

Вот он и сделал, как велел Брахма: посадил на каждый кол по снопу. Почин у него вышел добрый. Охотник обмолотил весь свой рис, провеял, сгреб зерно в кучу и бросил сверху коровью лепешку.

Риса у него вышло много — из каждой копенки по мерке. В тот год у охотника был полон дом хлеба, а веление Брахмы не сбылось.

Выходит, старанием да трудом можно и козни судьбы одолеть.

Некрасивое имя

Индийская сказка

Перевод Г. Зографа

ил в одной деревне крестьянин с женой. Звали его Тхунтхуня. Что ни день, жена говорила ему:

— Какое у тебя некрасивое имя! Ничегошеньки оно не значит. Возьми себе другое — красивое.

Муж все отшучивался, но жена не давала ему покоя. Дни шли за днями, и она все твердила свое:

— Выбери себе имечко покрасивей!

Надоело Тхунтхунии с ней спорить. Он и решил пойти поискать себе новое имя. Вечером велел жене напечь лепешек, а сам лег спать.

Рано поутру Тхунтхуня завязал лепешки в узелок и вышел из дому искать красивое имя.

Шел он, шел и пришел в какую-то деревню. Там только что умер один человек. Его тело как раз несли на костер. Люди кричали и горько плакали.

«Мне повезло, — подумал Тхунтхуня. — Этот человек умер. Значит, я могу взять себе его имя».

Подошел он к одному человеку и спрашивает:

— Братец! Кто это умер?

— Амарнатх.

Задумался Тхунтхуня: «Ведь Амарнатх — значит владыка бессмертных, а человек с таким именем все равно умер. Назовись я Амарнатхом, что проку? От смерти-то мне не уйти! Нет, в этом имени хорошего мало».

С тем он и отправился дальше.

В другой деревне он забрел на гумно. Видит, какой-то человек выбирает рисовые зерна из прошлогодней соломы.

— Братец! Неужто ты не нашел себе дела полегче? — говорит Тхунтхуня. — Как тебя звать?

— Дханпат.

Услыхал это Тхунтхуня и удивился. «Ведь Дханпат — значит богач, — думает. — И человеку с таким именем приходится рыться в прошлогодней соломе! Нет, мало проку называться Дханпатом».

И он пошел дальше.

Подходит еще к какой-то деревне, а навстречу ему человек несет на коромысле тяжелую ношу.

В ту пору солнце уже припекало, и носильщик обливался потом.

Увидел Тхунтхуня, как тяжело тому приходится, и думает: «Узнаю-ка я его имя».

— Братец! Куда ты идешь? И как тебя звать? — спрашивает.

— Я несу вещи моему хозяину. А зовут меня Лакшман.

Сказал человек и пошел своей дорогой, а Тхунтхуня так и остался стоять разинув рот. «Владыка Лакшман победил и уничтожил самых страшных ракшасов, — размышлял он. — А человек, которого нарекли его именем, таскает на себе всякие грузы, словно осел. Нет, ни к чему мне брать это имя».

И он запел:

Амарнатх, хоть он «бессмертный»,
а скончался, как и все;
И «богач» Дханпат, голодный,
ищет зерна на гумне;
Изнывая от натуги,
тащит Лакшман тяжкий груз, —
Я Тхунтхунией останусь,
как с рождения зовусь.

Дальше Тхунтхуня не пошел, вернулся домой. Дома жена спросила, какое имя он себе выбрал. Рассказал ей Тхунтхуня, что видел в дороге, и жена все поняла. Больше они о его имени не спорили.

Горошина и бобок

Индийская сказка

В обработке С. Ф. Ольденбурга

или некогда две сестры. Старшая, Бобок, была сварливая и сердитая, а младшая, Горошина, добрая и ласковая.

Вот как-то раз Горошина сказала сестре:

— Сестрица Бобок, не пойти ли нам навестить нашего старика отца? Он один в своем доме и, верно, скучает.

— А мне какое дело до него? — ответила Бобок. — Иди сама. Стану я ради старика по жаре тащиться!

Отправилась тогда добрая Горошина одна и по дороге увидела сливу. Дерево окликнуло ее:

— Горошина, остановись, милая, почисти немного мои шипы, а то мне очень нехорошо.

Остановилась Горошина и почистила дерево.

Пошла она дальше и набрела на огонь. Огонь сказал ей:

— Горошина, милая, очисти меня! Совсем задушила меня зола.

— И правда! — откликнулась Горошина.

Тотчас расчистила огонь, и он радостно затрещал опять.

Дальше встретилось ей дерево с поломанным сучком, и попросило дерево:

— Горошина, родимая, подвяжи сучок, а то он отломится, и я его потеряю.

— Бедный сучок, бедный сучок, — сказала жалостливая Горошина.

Оторвала кусок своего покрывала и осторожно подвязала сучок.

Шла она, шла, видит, навстречу ей течет ручей.

— Горошина, Горошина, — зашумел ручей, — пожалуйста, отгреби песок и сухие листья, а то я совсем течь не могу.

— Правда, негде тебе течь, — сказала Горошина и тотчас расчистила русло.

Весело зажурчал опять ручей и побежал дальше.

Пришла наконец Горошина к отцу очень усталая. Но отец так ей обрадовался, что она и про усталость забыла. Отпустил ее отец только на другой день, но сначала подарил ей всякого добра, точно невесте, когда ее замуж отдадут: и прялку подарил, и буйвола, и несколько медных горшков, и постель, — словом, много всякого добра. Взвалила она вещи на буйвола и отправилась домой.

Проходит Горошина мимо ручья и видит, по воде плывет красивая ткань.

— Бери ее, Горошина, — зажурчал ручей. — Это я для тебя принес в благодарность за ласку.

Поймала Горошина ткань и положила на буйвола.

Пошла дальше, видит, стоит дерево на дороге, а с ветки его свесилась нитка жемчуга. Зашуршало дерево листьями и говорит:

— Возьми, Горошина, это я для тебя сняло с головы царевны. Спасибо тебе за твою доброту.

Взяла Горошина нитку жемчуга и обвила вокруг шеи — очень ей понравились жемчужины.

И вот пришла Горошина к огню, а огонь трещал весело, и около него лежал горячий сладкий пирожок.

— Возьми себе пирожок, Горошина, — сказал огонь, — я испек его хорошо. Покушай. Спасибо тебе за ласку.

Взяла Горошина пирожок, разломала пополам — один кусок отложила для сестры, а другой стала есть на ходу.

Наконец пришла она к сливе, видит, ветки погнулись, висят низко и все покрыты темными сливами.

— Нарви побольше, Горошина, нарви побольше, — сказала дерево. — Сливы мои торопились созреть, чтобы сказать тебе спасибо.

Набрала Горошина много слив, часть отложила для сестры, а другие съела сама. Пришла она домой, а дома Бобок, вместо того чтобы порадоваться за сестру, чуть не заплакала от зависти и злости. Она так рассердилась, что Горошине уже не милы стали подарки, и она посоветовала сестре скорее пойти к отцу — авось и ей счастье привалит.

Наутро жадная сестра Бобок отправилась к отцу, в надежде что-нибудь от него получить. Как подошла она к сливе, слива ее окликнула:

— Бобок, стой! Будь добра, почисти мои шипы.

— Вот еще! — ответила Бобок. — Пока я буду тебя чистить, много времени уйдет. Чисти себя сама.

Как дошла она до дерева, оно попросило ее подвязать его обломанную ветку. Но Бобок только рассмеялась.

— Мне-то что? Мне не больно! — говорит. — Я далеко уйду за то время, какое нужно, чтобы подвязать ветку. Проси кого знаешь!

Потом огонь сказал ей:

— Бобок, милая Бобок, почисти немного очаг, а то я задыхаюсь от пепла.

Но злая девушка ответила:

— Вольно ж тебе, глупому, пепел заводить! Неужто я стану помогать тем, кто сам себе помочь не может? Как бы не так!

Подошла она к ручью. Ручей попросил ее отгрести песок и сухие листья, но Бобок закричала:

— Стану я останавливаться, чтобы ты мог бежать! Нет, каждый сам за себя.

Наконец она пришла к отцу и решила, что заберет столько вещей, сколько два буйвола поднять смогут. Но не успела она войти во двор, как на нее накинудись брат и невестка; они стали бить ее и кричать:

— Это все твои проделки! Вчера подслала Горошину, сегодня сама пришла. Мы тут трудимся, а ты у старика добро выманиваешь. Уходи живее, пока цела!

Прогнали они ее, голодную и усталую.

— Не беда! — сказала Бобок. — Пойду к ручью, возьму у него ткань.

И правда, по воде плыла чудесная ткань, еще лучше той, что получила Горошина. Кинулась Бобок в воду, но попала на глубокое место и чуть не утонула.

— Не беда, — сказала она. — Возьму жемчуг с ветки.

Да, жемчуг висел на дереве, но когда Бобок потянулась за ним и схватила ветку, та обломилась и ударила ее по голове. И не успела она оглянуться, как кто-то унес жемчуг.

Голодная и усталая, добрела она до огня, а на огне пекся румяный пирожок. Жадно кинулась Бобок к пирожку, но уронила его и обожгла руку, а сорока тем временем подхватила пирожок и улетела.

«Ну, уж сливы-то я получу!» — подумала Бобок и побежала дальше.

Сливы висели на дереве, и она кинулась к ним, но только оцарапала себе руки и лицо о шипы.

Голодная, промокшая, усталая, вся в крови, еле добралась Бобок домой. А дома Горошина, уж конечно, приласкала ее, напоила, накормила и в постель уложила.

Непальские сказки

Воробей и горошина

Непальская сказка

Перевод Л. Аганиной и К. Шрестха

ил в одной стране воробей, и поскольку на роду ему было написано быть птицей, он только и делал, что летал в поисках пищи. В отличие от всех прочих птиц, был воробей очень чистоплотным: никогда ничего в клюв не возьмет, пока не искупается и не почистит лапки. И в гнезде у него, куда ни глянь, всюду чистота и порядок.

Однажды утром посчастливилось воробью найти горошину. Обрадовался воробей, что не надо ему летать за завтраком, но, на беду, не успел он еще выкупаться и почистить лапки. Вот потому он с горошиной в клюве полетел вначале к речке. Положил горошину на камень мостовой и поскакал к воде. Искупался, вернулся туда, где оставил горошину, а на камне нет ничего!

Тщетно искал воробей свою горошину: и обошел камень несколько раз, и заглянул под него, и кругом посмотрел, — проклятая горошина будто сквозь землю провалилась!

— Ведь я положил горошину именно на этот камень! Куда же она пропасть могла? — недоумевал воробей.

Как раз в это время шел по мосту столяр с пилой в руках.

«Может, горошина закатилась под дощатый настил моста?» — мелькнуло в голове у воробья, и он тут же подлетел к столяру.

— Послушай, братец! Не попадалась ли тебе где-нибудь горошина, которую я потерял? Прошу тебя, помоги мне отыскать ее, иначе я останусь голодным.

— Ты думаешь, у меня нет других дел? — рассердился столяр. — Сам потерял, сам и ищи свою горошину.

И он зашагал дальше.

Что оставалось делать бедному воробью? Принялся он опять искать пропавшую горошину, но, увы, все было напрасно. Через некоторое время на мосту показался солдат. Воробей тут же подлетел к нему и стал просить:

— Братец солдат, не будешь ли ты так добр помочь мне? Моя горошина куда-то закатилась, и я никак не могу найти ее. А вон тот столяр не захотел помочь мне. Пожалуйста, накажи его!

Только и солдат не пожелал помочь маленькой птичке и отправился дальше своей дорогой.

— Не жди, воробей, ни от кого подмоги! — бросил он на прощание.

Опечалился воробей. «Никто мне, бедному, не хочет помочь», — подумал он и тут увидел перед собой офицера.

— Господин офицер, — взмолился воробей, — накажите своего солдата, я попал в беду и просил его помочь мне, а он не захотел.

Офицер оказался еще хуже солдата, он не соизволил даже взглянуть на бедную птицу и только прибавил шагу. Потерял воробей всякую надежду найти горошину. Он уже подумывал, не отправиться ли ему на поиски другого завтрака, но в это время увидел, что к мосту подходит министр.

«Испытаю-ка я еще раз счастье», — подумал воробей и стал умолять министра:

— Снизойдите, ваша светлость, до бедного воробья. Вон тот офицер отказался мне помочь. Не могли бы вы его наказать?

Всей душой надеялся воробей, что на сей раз его просьба не останется без ответа. Но министр не только не помог ему, но и очень сердито отругал бедного просителя.

И тогда воробей твердо решил ни к кому больше не обращаться за помощью.

В это время проезжал по мосту сам раджа[60]. Разве можно упустить такой случай? Раджа-то, подумалось воробью, непременно накажет тех, кто посмел обидеть маленькую птицу. Воробей почтительно приблизился к радже, низко поклонился и молвил:

— О великий государь! Тысяча поклонов тебе! Я, бедная птица, молю тебя, всеильного, о помощи. Я потерял горошину, которую припас себе на завтрак. Никто, к кому я ни обращался за помощью, не посочувствовал мне и не помог в беде. Разберись в моем деле и накажи тех, кто оставил без внимания мою просьбу.

И в ожидании ответа воробей почтительно отступил назад. Но повелитель, восседавший на спине большого слона, сделал вид, что ничего не слышит, и преспокойно проехал мимо.

Больше воробью не на кого было надеяться. Коли сам раджа не обратил внимания на его просьбу, от кого же еще ждать помощи? Кто воробья пожалеет, кто выручит? А в этот момент мимо проползал маленький муравей.

— Что ты стоишь здесь как истукан? — пропищал он. — Не видишь разве, что за раджей следует его свита? Раздавят тебя, как букашку!

— Вижу, — ответил воробей. — Ну и пусть давят, все равно мне, бедняку, никакого житья нет. Никто помочь не хочет!

И воробей подробно рассказал муравью, как он потерял горошину, как обратился за помощью к столяру, затем к солдату, к офицеру, министру и даже к самому радже.

— Ну, ничего! Они не помогли, так я помогу тебе отыскать пропавшую горошину, — сказал муравей и бросился догонять слона, на котором восседал раджа.

Догнал слона, вскочил на его ногу, пополз вверх, добрался до слоновьего уха и что было мочи прокричал:

— Эй, братец слон! Ну-ка скажи своему радже, чтобы он помог этому воробью! Иначе я заползу в твой хобот и укушу тебя! А коли радже не заблагорассудится помочь, сбрось его на землю!

Слону довелось везти самого раджу, был он этим чрезвычайно горд. Однако мог ли он не обратить внимания на маленького муравья, который грозил вползти ему в хобот и укусить?

— О государь! — обратился слон к радже. — Ты должен помочь этому воробью. Иначе муравей

укусит меня и я вынужден буду сбросить тебя на землю.

А мог ли раджа пропустить мимо ушей такие слова?

Ему совсем не хотелось свалиться в пыль на глазах у всей свиты. Он тут же позвал министра и повелел ему:

— Соизволь тотчас же помочь бедному воробью отыскать потерянную горошину, иначе мне придется подумать о замене своего министра!

Министр, в свою очередь, немедленно подозвал офицера и сказал ему:

— Ну-ка, быстро помоги воробью! Иначе смотри у меня!

Офицер тут же вызвал солдата и приказал сделать, что просил воробей. Солдат немедленно отправился на розыски столяра, тот уж к тому времени далеко ушел. С ног сбился солдат, пока догнал этого проклятого столяра.

— Эй, любезный, сейчас же отыщи горошину, которая пропала у воробья. Иначе повесим тебя у моста!

Долго искал горошину столяр, но все-таки нашел и отдал ее воробью. Вот как все получилось. И воробей в тот день не остался голодным.

Звездочет

Непальская сказка

Перевод Л. Аганиной и К. Шрестха

ил-был звездочет. В тех краях, где он жил, случилась в один год сильная засуха, никак дождь не шел. Земля высохла так, что люди не могли посадить рис на полях. Небо давно уже должно было затянуться тучами и пролить влагу, но солнце по-прежнему немилосердно палило. Страх охватил землепашцев. Тогда-то звездочет положил перед собой доску, посыпал ее сверху песком и начертил расположение звезд и созвездий. Он старался определить время, когда наконец пойдет дождь.

Долго звездочет прикидывал да подсчитывал, пока понял, что дождь прольется как раз сегодня. Отложил он сразу свою доску, взял мотыгу в руки и отправился в поле.

Мотыжит звездочет свое поле, а царь богов Индра обернулся человеком и спустился на землю — решил узнать, как людям живется. Смотрит Индра, звездочет в поте лица работает на поле.

— Ты что это здесь делаешь? — спрашивает.

— Да вот землю рыхлю, хочу посадить рисовую рассаду, — ответил звездочет.

— А чего ты так торопишься? Когда еще небо затянется тучами... — молвил Индра.

— А я звездочет и потому знаю, когда должен пролиться дождь. Высчитал я, что сегодня вечером, вот и тороплюсь, чтобы не упустить время.

— Ишь ты, какой знаток! Не быть сегодня дождю! — расвирепел Индра и тут же вернулся на небеса.

«Вся вода принадлежит мне, — подумал он, — а какой-то жалкий человек, называющий себя звездочетом, решает, когда быть дождю. Посмотрим, как посадит он рис, если я не пошлю дождя на землю. А я вот возьму да прикажу, чтоб всю воду спрятали в моем небесном дворце!»

Тут же кликнул Индра своих слуг и повелел им перетаскать во дворец всю воду, да так, чтобы ни одна капля не пролилась на землю. Начали слуги Индры таскать воду в больших ведрах, да нечаянно одно ведро опрокинули — полилась на землю вода. Тут звездочет и посадил рис на своем поле...

Как ни хотелось Индре взять верх, а все-таки человек оказался прав.

Живой в царстве мертвых

Непальская сказка

Перевод Л. Аганиной и К. Шрестха

днажды погонщик пригнал слона на водопой к лесной запруде. А там по воле случая оказался владыка подземного царства Ямарадж — вздумалось владыке прогуляться по земле. Долго смотрел Ямарадж на слона и все дивился: такое огромное животное и во всем послушно маленькому человеку, восседающему у него на спине! Напился слон, вышел на берег и направился туда, куда повелел ему человек, а потом еще дал себя привязать к столбу, точно собаку.

Не удержался Ямарадж, подошел к животному и спросил:

— Послушай, слон! Ты огромней горы и сильнее горного потока, так почему же ты слепо повинешься тому, кто мал и слаб? Неужели тебе не хочется освободиться и убежать на волю, чтоб никому не подчиняться?

— О владыка! — ответил на это слон. — Не берись судить о том, что не ведомо тебе, ведь в твоём царстве одни мертвые, у них и впрямь какая сила? Потому ты и мучаешь их как тебе вздумается. Живой человек хоть и невелик ростом, зато силен разумом. Все звери, даже такие большие, как я, подчиняются ему. Попадется тебе когда-нибудь живой, а не мертвец, и ты поймешь, что это такое. Посмотрим тогда, кто кого одолеет.

Не понравились Ямараджу эти слова, и расхотелось ему продолжать разговор. Отошел он от слона и направился в свои владения.

Прошло какое-то время. Наскучило Ямараджу пытать грешников, вспомнил он вдруг, что слон ему говорил. Кликнул владыка своих слуг и приказал доставить в подземное царство мертвых живого человека. Отправились они на землю и первым увидели писаря. Уснул писарь на кровати, в одной руке — чернильница с пером, в другой — лист бумаги.

— Этот вполне подойдет нашему господину, — решили прислужники Ямы, подхватили писаря вместе с кроватью и помчались в подземное царство.

Неслись они как угорелые и так трясли кровать, что писарь проснулся. Видит, тащит его нечистая сила неведомо куда, и даже поначалу немного струсил. Только писарь был не робкого десятка. Собрался он с духом и стал выпрашивать у своих носильщиков, куда они так торопятся.

Услыхал писарь, что забрали его по распоряжению самого Ямараджа, и приуныл. Но разве зря наделен он человеческим разумом? Думал он, думал и наконец придумал. Обмакнул перо в чернильницу и написал на листе бумаги следующее:

Всевышний бог Вишну — владыке подземного царства Ямараджу.

Дошли до меня слухи, о Ямарадж, что ты хочешь заполучить в свои владения живого человека.

Видно, забыл ты, что тебе положено забирать только мертвых? Чтобы напомнить тебе об этом, решил я принять образ живого человека и самолично предстать пред тобою. Так и быть, не стану отчитывать тебя при твоих подданных, потому и написал это послание. Однако прощения не жди и, как только увидишь меня, немедленно отправляйся за решением своей судьбы ко мне на небеса. Я сам позабочусь о твоём царстве до нашей встречи. Смотри по дороге не проболтайся никому, что я был под землей. Пока все!

Вишну.

Между тем добежали прислужники до преисподней и поставили кровать с писарем перед Ямараджем. Не теряя времени, вскочил писарь на ноги и вручил владыке мертвых свое письмо. Прочел его Ямарадж и тут же приказал всем выйти, а когда удалились прислужники, спустился с трона и склонил перед писарем голову.

— Что же ты медлишь? Выполняй приказание! Встретимся у меня на небесах! — величественно произнес человек.

Кликнул Ямарадж слуг, приказал им во всем подчиняться пришельцу с земли и поспешил во владения бога Вишну.

Писарь тотчас повелел прекратить адские пытки и освободить всех грешников.

Через некоторое время добрался Ямарадж до небесной обители, предстал перед всевышним. Увидел Вишну дрожащего от страха владыку подземного царства и воскликнул:

— О Яма! С какими новостями ты пожаловал ко мне? Уж не случилась ли беда в твоих владениях?

— О великий бог! — удивился Ямарадж. — Ты же сам повелел мне явиться сюда. Как видишь, я исполнил твою волю. Я знаю, велика моя вина, и все-таки прошу тебя, о всевышний, смени гнев на милость!

С этими словами Ямарадж склонился перед Вишну. Но всевышний удивленно посмотрел на испуганного Яму. И только когда владыка преисподней рассказал обо всем, что с ним приключилось, Вишну наконец понял причину его страха и покатился со смеху.

— Ну и поделом тебе, Яма. Хотел померяться силами с живым человеком, вот он тебя и проучил! Как видишь, не так-то легко справиться с живым, наделенным силой человеческого ума. Недаром человека считают самым умным в мире, поэтому все и подчиняются его воле. Возвращайся домой и с уважением проводи живого человека обратно на землю, где ему и подобает находиться.

Знай да умей

Непальская сказка

Перевод Л. Аганиной

авным-давно в деревне Магхаборе жили старик со старухой. И ничего у них не было, кроме четырех дочерей. Когда девочки выросли и пришло время выдавать их замуж, у старика со старухой не нашлось добра, чтобы дать им в приданое. Поэтому старшую дочь родители выдали за тигра, вторую — за медведя, третью — за змея, а самую младшую — за коршуна.

Повыходили замуж дочки и покинули родительский дом. Долго старики не видели своих дочерей и зятьев. Как их в гости позовешь? В доме хоть шаром покати. Вот и надумал старик сам к ним отправиться.

Прежде всего пошел он к старшей дочери, которая жила со своим мужем-тигром в пещере.

Старик заявился, как раз когда оба были дома. Увидел тигр тестя, расстелил перед ним свой пушистый хвост вместо ковра и пригласил старика отдохнуть на нем. «Надо хорошенько угостить дорогого гостя», — подумал хозяин дома и велел жене:

— Мы с отцом пойдем поохотимся, а ты вскипяти пока воду.

Наступила ночь, тигр с тестем отправились на охоту. Шли они, шли и пришли наконец в одно селение.

— Ты, тестюшка, оставайся пока здесь, — говорит тигр старику. — В сарай я проберусь один, задеру там козла и кину его тебе. Ты тушу сразу хватай и тащи подальше, в заросли крапивы.

Сказал и скрылся в сарае. Спустя некоторое время к ногам старика упала козлиная туша, схватил он ее и оттащил в крапиву. Скоро и тигр подоспел, и они вдвоем понесли добычу домой.

Старшая дочь приготовила из козлиного мяса такое вкусное жаркое, приправила его такими вкусными пряностями, что старик ел, ел и никак наесться не мог. А когда домой вернулся, то долго хвастался своей старухе:

— Ну и вкусным жарким угостили меня сегодня дочь с зятем!

— Хорошо тебе, пошел и наелся, — упрекнула мужа голодная старуха. — А кто меня, несчастную, угостит чем-нибудь вкусным?

— Да я мигом тебя накормлю, думаешь, я хуже нашего зятя-тигра?

В ту же ночь старик взял с собой старуху и отправился в селение, куда они с зятем ходили. Подошли старик со старухой к сараю, старик и шепчет жене:

— Стой здесь! Я, как зарежу козла, выброшу его из сарая, тут ты хватай тушу и тащи подальше в крапиву. Ну, а дома мы уж с тобой попируем!

И старик юркнул в сарай. Но там напоролся на здоровенного козла с длинными рогами. Только старик к нему приблизился, а тот как боднет его — и выбросил из сарая. В темноте старуха приняла старика за козла, схватила покрепче и потащила в крапиву.

— Да это я, старуха! — взвыл старик от боли. — Ты что, не видишь, кого в крапиву суешь? Ой, жжет! Ой, помираю!

Пригляделась старуха, видит, и впрямь своего мужа в крапиву она затолкала. Кое-как вытащила, отходила, и пришлось старикам с пустыми руками домой возвращаться.

Прошло несколько дней, пошел старик в гости ко второй дочери. Зять-медведь тоже решил на славу угостить тестя и говорит:

— Пойдем-ка, тестюшка, со мной за маслом и мукой, а ты, жена, поставь пока сковороду на огонь! Пусть греется.

Шли они, шли и дошли до места, где люди из семян горчицы масло жмут. Увидели медведя люди, испугались и бросились врассыпную. А тот покатался по земле, пропитал маслом свою шкуру и вместе с тестем отправился на мельницу. Увидел мельник медведя, испугался и бегом с мельницы, а медведь в муку повалился и давай по ней кататься. Скоро стал медведь походить на большой снежный ком. Поднялся и говорит старику:

— Ну что ж, тестюшка, запасы сделаны, теперь и в обратный путь двигаться можно.

Вернулись они домой, сел медведь на сковороду, масло с него ручьем течет, а сверху мука сыплется. Приготовила дочка вкусные сдобные лепешки, угощает дорогого гостя. Ел, ел старик, пока рот у него закрываться перестал. Передохнул немного и воротился домой.

Только вошел в дом, а жена спрашивает, чем вторая дочь отца угощала.

— Сегодня меня до отвала накормили вкусными лепешками, — ответил муж.

— Твоей доле можно только позавидовать, — вздохнула старуха, глотая слюну. — Вот обо мне кто позаботится?

— Ну-ка поставь сковороду на огонь! — улыбнулся старик. — Сейчас я принесу тебе масла и муки.

И старик отправился добывать масло. Дождался, когда люди закончат выжимать масло и уйдут домой, и давай тереться о давяльные камни, на которых были остатки масла, а потом бегом припустился домой. Не теряя времени, уселся старик на горячую сковороду — ждет, когда масло с него вытечет. А горячая сковорода как прихватит его за одно место! Соскочил старик на пол, скачет точно безумный и кричит во весь голос:

— Ой, старуха! Лей на меня воду! Лей скорее, сил никаких нету!

Сколько ни отливала его жена, старик весь волдырями покрылся.

Прошло какое-то время, и решил старик навестить третью дочь.

Хочется зятю-змею угодить гостю, и надумал он показать старику подземное царство.

Ухватился старик покрепче за змеев хвост, поползли они по подземному ходу, и таких старик чудес насмотрелся в подземном мире, что домой вернулся, не помня себя от восторга.

Захотелось ему показать жене подземные чудеса. Приказал он старухе держаться за его ногу и полез в змеиную нору. Только змеиный ход для него слишком узким оказался — застрял старик тут же. Долго его старуха потом вытаскивала, всего в ссадинах да царапинах домой еле довела.

Осталось старику посетить дом самой младшей дочери. Что ж, заявился он вскоре к зятю-коршуну. Радостно встретил коршун тестя и, чтоб уважить его, посадил себе на спину, высоко взлетел с ним — весь мир старику показал.

Вернулся домой старик, поведал жене о том, как интересно высоко в небе летать.

Раззадорилась старуха, хочется ей хоть одним глазком взглянуть на землю сверху. Старик тотчас вызвался исполнить ее желание. Приклеил он себе крылья из перьев, посадил жену на спину и прыгнул с горы вниз. Но, увы, бедная старуха ничего не увидела, только синяки да шишки себе набила.

Недаром говорят: «Мало знать, надо уметь!»

Почему у птицы кальчунды клюв и лапки золотые

Непальская сказка

Перевод Л. Аганиной

ил когда-то на свете раджа по имени Ташетханг. Однажды под вечер прогуливался он по саду. Солнце уже заходило за горы. Легкий ветерок доносил благоухание цветов. Кругом царили спокойствие и тишина, и даже пчелы не нарушали их своим жужжанием. И вдруг до слуха раджи долетела прекрасная песня, в звуках ее были и солнце, уходящее за горы, и благоуханное дуновение ветерка, и даже приносящая покой тишина. Певец давно уже замолк, а раджа все стоял, зачарованный удивительной мелодией. «Никогда еще не доводилось мне слышать подобного, — подумал он. — Что же это должно быть за диковинное существо, коль способно оно своим пением так околдовать человеческую душу?»

На следующее утро раджа проснулся, едва заалело небо. Утренний прохладный ветер сначала приносил из сада только шелест листвы, а потом до ушей раджи донеслись те же пленительные звуки, что он слышал вчера.

Ташетханг прикрыл глаза, и теперь в этих удивительных звуках ему слышались голоса небесных дев. Песня становилась все громче и прекраснее, и радже стало казаться, что за окном в саду играет целый оркестр самых искусных флейтистов. Но тут совсем неожиданно на самой высокой ноте певец умолк.

Раджа вскочил с постели, выбежал на веранду и стал внимательно прислушиваться в надежде насладиться волшебными звуками еще хоть мгновение. Но кругом было все тихо. Целый долгий день раджа ждал, когда снова зазвучит полюбившаяся ему песня. А когда наступил вечер, он в сопровождении всех своих придворных пришел в сад на то самое место, где впервые донеслось до него чудесное пение. Скоро вечерняя тишина наполнилась теми же чарующими звуками. Раджа и все, кто был с ним, затаили дыхание. Долго лилась удивительная мелодия, а когда певец притомился и умолк, государь объявил придворным:

— Никогда еще мы не испытывали такого счастья, кое доставило нам это пение. Однако до сих пор нам неизвестно, кто услаждает наш слух. А потому повелеваю: немедленно сыскать певца и привести его пред наши очи. Того, кто исполнит мой приказ, ждет большая награда.

Бросились придворные на поиски, обшарили дворцовый сад, каждый кустик, каждую ветку, да все без толку. Наконец два министра набрали на пруд, смотрят, лягушка сидит.

— Уж не ты ли, любезная, издаешь столь дивные звуки, околдовавшие душу нашего государя? — спросили у нее министры. — Не стесняйся, скажи нам откровенно — и будешь представлена самому радже!

— Как же, как же! — заквакала лягушка. — Кто же еще, как не я! Разве чей-нибудь голос может сравниться с моим и красотой и звонкостью?

И тогда министры бережно подняли лягушку и с почетом доставили ее к радже.

Несказанно обрадовался Ташетханг, что видит наконец пред собой чудного музыканта, и попросил лягушку еще раз порадовать всех своим несравненным искусством.

Лягушка чуть не лопнула от гордости, услышав такие лестные слова из уст самого государя. Набрала она как можно больше воздуха и что было сил залилась:

— Ква-аа-ква-ква-ква-ква-аа-ква-ква!..

— Это что такое?! — гневно прервал квакушу раджа. — Никак, ты, ничтожная, вздумала издеваться над нами! Эй! Бросить обманщицу, оскорбившую наш слух, на растерзание собакам! А министров, посмевших привести ее пред наши очи, забить в кандалы!

Царские воины тут же бросили лягушку собакам, а провинившихся министров отправили в темницу, все же остальные опять кинулись искать таинственного певца.

Долго ждал раджа, пока наконец один из царских слуг не принес повелителю маленькую черную птичку.

Опять нашли какого-то певца, разнесся по саду слух. Да, верно, и этот самозванец, уж больно невзрачен на вид.

Тем не менее все придворные тотчас собрались около раджи, а тот взглянул на птицу и грозно произнес:

— По вечерам и утрам я наслаждаюсь чьим-то пением. Если и вправду это ты даруешь нам радость, ждет тебя большая награда. Но если ты только воображаешь, что способна обрадовать своим пением, берегись! Ну, а теперь я готов слушать.

Запела маленькая черная птичка кальчунда, и весь мир наполнился чудными звуками.

— Чи-чи-ю, чи-чи-ю, чю-маен... — пела кальчунда, и в этой песне были и солнце, уходящее за горы, и благоуханное дуновение ветерка, и приносящая покой тишина...

Когда последние звуки растаяли в воздухе, раджа сказал птичке:

— Прости меня, кальчунда, что я сразу не поверил тебе. Конечно, это ты радовала меня своим пением. Твой голос прекрасен, и песня твоя самая лучшая на свете. Вот только не знаю я ее смысла. Не раскроешь ли нам его?

Склонила перед раджей голову кальчунда и сказала:

— Я пою, чтобы доставлять людям радость. В этом смысл песни и смысл моей жизни.

Теперь раджа склонил голову перед кальчундой:

— Ты не только самая сладкогласая, но и самая мудрая птица. Да следуют твоим словам все живущие на земле!

И раджа Ташетханг приказал украсить скромную черную птичку золотом.

Говорят, именно с той поры лапки и клюв кальчунды стали золотыми.

Находчивый мальчик

Непальская сказка

Перевод Л. Аганиной

ил некогда старый человек по имени Даясинх. Были у него сын и внук. Сына звали Ништхурсинхом, а внука — Чалаксинхом. Исполнилось старику семьдесят лет, и умерла у него жена. Отдал он ключи от дома своей невестке. С той поры для почтенного Даясинха наступили тяжелые времена: новая хозяйка кормила его плохо, из комнаты его выгнала, и пришлось старику ночевать теперь в холодном подвале. Несчастливого старика, только недавно бывшего хозяином своего дома и всего добра, ожидала жалкая участь.

Однажды старый Даясинх лежал на рваной циновке в подвале и думал о своей горькой доле. И вспомнилось ему то время, когда родился у него сын, как сиял он тогда от счастья и слезы радости текли по его щекам. Теперь он тоже проливал слезы, но это были слезы великого горя. Обидно стало старику, вскочил он, в гневе отшвырнул ногой циновку и принялся громко барабанить палкой по пустой бочке, что служила ему столом.

К великому счастью, в этот день его сын с невесткой уехали куда-то по делу и дома оказался только внук Чалаксинх, мальчик умный и сообразительный не по годам. Услышал он, как дед стучит палкой, сбежал вниз и спрашивает, за что дедушка Даясинх избивает невинную бочку.

— Ты хочешь знать, внучек, в чем провинилась бочка? Так вот слушай! Раньше твой дед ел рис, как и все люди, за столом, а теперь ему приходится в одиночестве хлебать жидкую похлебку, а миску ставить на эту старую бочку. Вот я и вымещаю на ней свою обиду!.. Хоть ты, внучек, не будь таким жестоким, как твои родители!

И старик опять заплакал.

У Чалаксинха даже сердце заныло, так ему стало жалко деда. Он подумал, подумал и говорит:

— Придется тебе, дедушка, побарабанить по пустой бочке еще раз, когда вернутся домой отец с матерью. Да не обижайся, что бы я ни сказал...

Вернулись вечером домой сын с невесткой, тут старик, как и было условлено, начал громко стучать.

— Эй, старая развалина! — закричал внук. — Не надоело тебе еще стучать по бочке! Чего тебе надо?

— Я есть хочу! — отвечал ему из подвала дед.

— А, вот что! Да сдохни ты с голоду, только оставь в покое нашу бочку. Ведь она еще понадобится мне! Разобьешь ты ее, на чем же я буду кормить отца с матерью, когда они состарятся?

Услыхал Ништхурсинх такие слова и призадумался: конечно, плохо относится он к своему отцу, а придет время, и сын последует этому дурному примеру. Не лучше ли добром заслужить себе добрую старость?

Говорят, с тех пор начал он заботиться о старом отце. Так маленький Чалаксинх научил родителей уму-разуму.

Афганские сказки

Как надо делить добычу

Афганская сказка

Перевод З. Калининой

обрались однажды вместе тигр, волк и лиса и пошли на охоту. Добыли они козу, джейрана и зайца и притащили к жилищу тигра.

Волк и лиса надеялись, что тигр возьмет себе все, что ему захочется, а остальное поделит и даст каждому, что ему причитается. Но тигр догадался, чего они хотят, и сказал про себя: «Вы-то думаете так, а я иначе. Посмотрим, что теперь будет!»

Однако каждый из зверей держал свои мысли в тайне.

Когда все улеглись, тигр повернулся к волку и сказал:

— Ты мой помощник, подели нашу добычу!

Принялся волк за дело.

— Ты большой, — обратился он к тигру, — и коза большая, значит, она твоя. Я невелик, и джейран невелик. Пусть он будет моим. А лиса маленькая, и заяц маленький. Пусть он достанется лисе.

Рассердился тигр:

— Ты, я смотрю, прежде всего о себе думаешь: «Я такой-то... Это мое...» А кто ты такой? Что ты о себе мнишь? Кем себя воображаешь? Знаешь ли ты, несчастный, с кем вздумал тягаться?! А ну подойди ко мне ближе!

Подожел волк к тигру, тот рыкнул и убил беднягу одним ударом.

Потом повернулся к лисе и приказал ей:

— Теперь ты дели добычу!

— Коза очень хороша на завтрак царю зверей, — молвила лиса. — Джейрана следует приберечь на обед — пусть царь порадует. А заяц пригодится царю на ужин.

— Скажи мне правду, — спрашивает тигр, — у кого ты научилась так умело делить добычу?

— Милосердный государь, — отвечает лиса, — да падут все твои беды на меня! Хвала тому, кто заботится о других. Когда я увидела, что стало с волком, то поняла, что не следует думать только о себе.

— Раз так, — решил тигр, — я поступлю по справедливости. Возьми всех трех зверей себе, а я добуду еще что-нибудь.

Обрадовалась лиса: «Как хорошо, что выпало мне делить добычу после волка! А не то и мне пришел

бы конец!»

У страха глаза велики

Афганская сказка

Перевод З. Калининой

ил в лесу тигр, и была у него подружка обезьяна. Однажды тигру по какому-то делу нужно было отлучиться. Просит тигр обезьяну:

— Побудь здесь до моего возвращения, но смотри, никого в дом не пускай!

Ушел тигр. Вдруг явился лис с лисой и лисятами. Осмотрелись они по сторонам, походили туда-сюда да и зашли в дом. Очень понравился дом лисьему семейству, и решили они остаться здесь. Подошла к ним обезьяна и говорит:

— Эй, как смели вы тут расположиться? Ведь это жилище тигра! Вот придет он, тогда вам плохо будет.

— Замолчи, глупая, — сказал лис, — дом принадлежит вовсе не тигру, а моему отцу и достался мне в наследство. А если это и не так, какое тебе-то дело?

«И впрямь, мне-то что? Чего лис добивается, то и получит», — подумала обезьяна.

— Давай сами уйдем отсюда, — зовет лиса, — тигр сильный зверь, как бы не нажить нам беды.

— Эй, жена, сиди спокойно! Когда придет тигр, тогда и будет видно, что нам делать.

Тем временем возвратился тигр. Обезьяна бросилась скорей к нему и все рассказала. Выслушал тигр обезьяну и подумал: «Это, должно быть, не лис, а еще кто-нибудь. Какой же лис осмелится поселиться в моем доме?» А обезьяна знай клянется и божится, что это лис, что она сама с ним разговаривала, что не такая уж она глупая, чтобы не отличить лиса от других зверей.

— Ты говоришь разумно, — согласился тигр, — только не верится мне, что лис может вести себя таким образом.

А лис тем временем приказывает жене:

— Когда тигр подойдет к нам, сделай так, чтобы лисята заплакали. Я спрошу: «Что это детки плачут?», а ты скажи погромче, что плачут они потому, что просят свежей тигрятинки.

Почуяла лиса тигра и шепнула лисятам, чтобы они заплакали.

— Что это детки плачут? — спрашивает лис.

— Свежей тигрятинки хотят, — громко ответила лиса.

— Да ведь я только вчера приволок в дом тигра. Разве они его уже съели?

— Нет, еще не съели. Они требуют свежатинки.

— Подождите, детки, — принялся лис успокаивать лисят, — как появится вблизи тигр, поймаю его, будет у вас свежатинка.

Услыхал это тигр, выскочил из дома и ну бежать, ног под собой не чует.

Подошла обезьяна к тигру, удивляется:

— Разве ты не понимаешь, что лис тебя обманывает? Пойдем, не бойся его!

Увидала лиса, что идут тигр с обезьяной, опять лисят просит, чтоб хныкали погромче.

А лис и говорит:

— Ну-ка успокой деток! Будет им свежатинка! Обезьяна, мой большой друг, обещала сегодня тигра привести.

Услыхал это тигр и в страхе убежал, да так далеко, что его больше никогда не видали в этих местах. А лис остался жить да поживать.

Бык, осел и петух

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

днажды к пророку Сулейману пришел один человек и попросил:

— Научи меня понимать язык зверей и птиц.

— Хорошо, — пообещал пророк. — Только смотри, если кому откроешь эту тайну, умрешь в одночасье!

Научил пророк Сулейман человека языку зверей и птиц, и отправился человек домой. Ночью слышит, в хлеву бык, осел и петух разговаривают.

— Скажи-ка, молодец, как прошел у тебя день? — спрашивает осел у быка.

— Тяжелый денек выдался. Как с утра в повозку запрягли, так целый день и таскал поклажу, — отвечает бык.

— А хочешь, научу тебя одной хитрости? Сразу избавишься от всех этих трудов да хлопот.

— Конечно, научи! — обрадовался бык.

— Задаст тебе хозяин корму на ночь, а ты не ешь, да и все тут. Утром увидишь, на работу тебя не пошлют. Вот мой совет, — говорит осел.

— Ладно, — решил бык.

И ничего не стал есть, к корму не притронулся.

Утром человек и говорит:

— Бык не ел ничего, видно, нездоров, запрягайте осла вместо быка.

Целый день работал осел. Вечером вернулся в хлев, а бык и спрашивает:

— Скажи, молодец, как у тебя прошел день? Кажется, ты и не работал вовсе?

— Сначала-то мне было очень тяжело, все утро гоняли с поклажей. А потом полегчало. Стали люди решать, когда резать тебя, вот я и передохнул малость.

— Как резать? — взревел бык.

— Не знаю, — ответил осел. — Они все повторяли между собой: «Раз бык не ест, надо его резать, пока не сдох».

— Что же мне теперь делать? Как спастись? — вскричал бык.

— Ешь побольше, — отвечает осел, — другого выхода нет.

Наклонился бык к корму и ну заглатывать! Торопится! «Надо бы, — думает, — съесть побольше, пусть хозяин увидит».

А человек все слышал. Понял он, о чем бык с ослом переговаривались, и засмеялся.

— Что это ты смеешься? — удивилась жена.

— Да так, — замялся хозяин.

Он ведь помнил, что сказал ему пророк Сулейман: откроешь кому тайну, умрешь в одночасье!

— Нет, расскажи, над чем смеешься! А не скажешь, уйду из дома, и все тут, — заупрямилась жена.

Понял человек, не отстанет жена. Придется, видно, ему поведать тайну пророка Сулеймана, рассказать, что наделен он теперь способностью понимать язык зверей и птиц. Да уж, видно, смерть его пришла.

— Ладно, — говорит. — Подожди только, составлю завещание, а потом объясню тебе все.

Начал человек писать завещание. Увидели это бык и осел, перестали с горя есть и пить. Только петух беззаботно прыгает да поет.

— Хозяин наш скоро умрет, а ты веселишься, — укорили петуха бык и осел.

— Почему это он скоро умрет? — удивился петух.

— А потому что с женой поссорился.

— Подумаешь! Под моим началом двадцать кур, я и то с ними справляюсь. А хозяин с одной женщиной совладать не может.

Услышал эти слова человек, рассердился на жену — чего она любопытничает! — и решил: умирать ему вовсе ни к чему! И молчок!

Вор и мудрец

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

ил на свете мудрец. Как увидит где старую тряпку — подберет, а потом в чалму завернет, поглубже спрячет. Снаружи чалма казалась людям огромной и красивой, но мы-то знаем: внутренность чалмы составляло старое тряпье.

Вот как-то утром отправился мудрец на базар да по дороге столкнулся с вором. Сдернул вор с мудреца чалму — и бегом! Радуетя, что поживился, богатую чалму заполучил. А мудрец кричит ему вслед:

— Эй, любезный! Размотай-ка чалму! Коли она тебе и размотанной понравится, бери, не стесняйся, я тебе дарю ее.

Остановился вор, принялся чалму разворачивать. Смотрит, внутри совсем немного добротной материи, а остальное все тряпье. Со зла порвал он чалму, а клочки разбросал по ветру. И кричит мудрецу:

— Не стыдно тебе? Какую злую шутку сыграл со мной! Мог ли я думать, что такая красивая чалма внутри набита старьем?!

— Ты говоришь разумно, — ответил мудрец, — но надобно и тебе знать: не все то красиво, что блестит.

Скупой

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

Жил один богатый человек, такой скупой, что по великой своей скупости мяса никогда не покупал и не ел. А как станет невтерпеж, захочется отведать мясного, он покупал задешево баранью голову и съедал ее с жадностью. Так и текла его жизнь.

Как-то один из знакомых спросил скупца:

— А почему ты не ешь ничего мясного, кроме бараньей головы?

— Потому что мне так нравится, — ответил богач.

— Право, не понимаю тебя, — возразил знакомый. — Видно, в этом твоём пристрастии есть какой-то особый смысл. Открой его мне, скажи правду.

— Я никому об этом не говорил, — признался богач, — но если ты поклянешься, что не откроешь людям тайны, то от тебя не утаю истины.

— Зачем мне твои секреты рассказывать кому-то? — говорит приятель.

— Дело в том, что баранья голова — великолепная вещь. Во-первых, цена ей невелика. Во-вторых, когда варят какое-нибудь другое мясо, то повар или слуга может тайком съесть кусочек. А от бараньей головы ничего украсть невозможно, нет такого лакомки, который сумел бы незаметно хоть малую толику отрезать от бараньей головы. Словом, стоит баранья голова дешево, а выгоды от нее большие. Потому-то я всегда ее ем и не покупаю другого мяса.

— Клянусь, в жизни не видал я еще человека столь скупого, как ты! — воскликнул собеседник.

Хитрый ученик и мнительный учитель

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

ыл один учитель с очень скверным характером, чуть не каждый день колотил своих учеников. Стали мальчики сговариваться друг с другом:

— Ну, совсем немогуту! Давайте придумаем какое-нибудь средство, чтобы избавиться от этой напасти.

Среди учеников был один постарше, он и молвил:

— Если вы согласитесь с тем, что я скажу, то мы кое-что придумаем.

— Как ты скажешь, так мы и сделаем, — ответили в один голос мальчики.

— Тогда поступим так, — объявил он. — Завтра придем на урок, и каждый скажет учителю: «Здравствуй, учитель! Что ты так плохо выглядишь, о учитель? Может, ты нездоров или есть какая-то другая причина?» Больше ничего не говорите.

На следующий день ученики пошли в медресе [\[61\]](#), и каждый говорил учителю:

— Доброго тебе здоровья, учитель! Хорошо ли ты себя чувствуешь, о учитель? Ты сегодня плохо выглядишь, почтенный.

— Нет, нет! Я совершенно здоров! — отвечал учитель.

Но в сердце его закралось сомнение.

Позже всех пришел старший из учеников. Он почтительно открыл перед учителем книгу, но потом вдруг быстро убрал ее. Учитель и спрашивает:

— Почему ты убрал книгу?

— Господин! — вздохнул мальчик. — Часто видишь, что каждый заботится только о своем благополучии, не найти ни в ком ни справедливости, ни сочувствия. Но я вижу, о учитель, ты так болен! Когда я смотрю на твое изнуренное, желтое лицо, сердце мое сжимается от жалости. Ведь, кроме тебя, не может быть у меня другого учителя! Вот когда ты избавишься от хвори, тогда я и возобновлю свое ученье.

Учитель поднялся и в страшной растерянности отправился восвояси. Крикнул жене:

— Открой дверь!

Та с радостью вышла, открыла дверь, смотрит, стоит муж, расстроенный, бледный.

— Почему ты так скоро вернулся из медресе? — удивилась жена.

— Ты что, слепая? — завопил учитель. — Неужели не видишь, что делается с твоим мужем? Чужие люди и то сочувствуют. А ты... Поистине ты злая, черствая. Сидишь себе дома, никогда и не подумаешь спросить меня о здоровье.

— Помилуй, по-моему, ты вполне здоров, — растерялась жена.

— О злая женщина! — воскликнул учитель. — Ты еще издеваешься... Но не радуйся моему горю!

— Поймай, — говорит жена, — сейчас я принесу тебе зеркало, посмотри сам на свое лицо. Ты вполне здоров! Зачем понапрасну изводишь себя?

— Провались ты сама и пропади пропадом твое зеркало! — кипятился учитель. — Какова ты, такое у тебя и зеркало! Не надобно мне зеркала, не буду я в него смотреться. Иди лучше приготовь мне постель поскорее, я лягу.

Стоит жена, удивляется. А он еще пуще сердится и кричит:

— Нечего на меня смотреть, иди и приготовь мужу постель!

Жена постелила постель для мужа и положила перед ней коврик. Учитель улегся и велел передать ученикам: «Сегодня будем заниматься не в медресе, а у меня дома».

Огорчились мальчики.

— Как было, так и осталось, — говорят. — Ничего не изменилось, мы так и не освободились от неволи. Нужна другая хитрость, иначе не избавиться нам от этого злого человека.

— Давайте сделаем так, — предложил старший ученик. — Как начнется урок, шумите погромче.

Подняли они крик, устроили страшный шум, а старший ученик вдруг укорил товарищей:

— Бесстыжие, что это вы расшумелись? Разве не понимаете, что от такого шума у учителя голова болит?

— Он правду говорит, — признался учитель. — Уходите, нечего здесь шуметь.

Обрадовались мальчики, убежали и долго играли на улице.

Прошло несколько дней. Матери мальчиков встревожились:

— Глупые! Сейчас для вас самое время постигать науки, а вы все гуляете да играете. Когда же учиться будете?

— Разве мы виноваты, что учитель заболел? — оправдывались ученики. — С кем нам теперь заниматься?

— Ладно, — решили женщины, — завтра мы пойдем к учителю и узнаем, как его здоровье. Выясним, правду ли вы говорите.

Назавтра женщины и впрямь отправились к учителю. Пришли к нему в дом, смотрят, учитель лежит укрытый двумя или тремя одеялами, пот его прошиб. И стонет бедняга, и охает. Женщины глядят, головами качают.

— Поправляйся, учитель, — говорят. — Что за хворь на тебя напала? Мы ведь совсем не знали, что ты болен.

— Я и сам не знал, — выдохнул учитель, — у меня и в мыслях не было, что я совсем уже плох. Но в том-то и беда! Если бы знать о болезни с самого начала, то легче было бы вылечиться. Спасибо вам, добрые женщины, только исцелиться мне будет трудно.

Ушли женщины, а учитель все лежал в постели, не вставал. Прошло еще несколько дней, и мальчики проговорились, что учитель заболел из-за их хитрости. Стали матери учеников советовать:

— Этот несчастный умрет, и мы будем виноваты. Подумайте, какое ему сейчас нужно лечение, чтобы он поправился.

В сердцах мальчиков тоже пробудилась жалость.

— Надо исцелить нашего учителя, — решили они.

— Давайте пойдём проведать его по одному, — предложил старший мальчик. — Каждый, кто заглянет к нему, скажет: «О учитель, ты теперь здоров, ты выглядишь прекрасно».

Так они и сделали. Каждый из учеников проведал учителя и приободрил его:

— Учитель, ты, верно, уже здоров или поправляешься?

После всех малышей пришел старший ученик, взглянул на учителя и воскликнул:

— Учитель, сейчас у тебя вид здорового человека, но тебе нужно немножко подвигаться! Ведь когда человек поправляется, нехорошо, если он сидит на одном месте. Сейчас тебе надо подняться, выйти на улицу, погулять.

Учитель встал с постели, и ученик вышел на улицу вместе с ним. Радовались прохожие:

— Учитель снова поднялся на ноги. Он поправился!

И каждый, кто встречался с учителем, поздравлял его с выздоровлением. Учитель радовался, а ученик втайне посмеивался.

Хвори больше не мучили почтенного учителя, а выздоровев, он подобрел к своим ученикам.

Дружба глупца равносильна дружбе врага

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

дин падишах^[62] держал для охоты белого сокола и очень его любил и берег. Однажды сокол улетел и опустился на крышу дома некой старушки. Она тут же его поймала и стала разглядывать. Показалось ей, что клюв у сокола кривой, она и говорит:

— Ай, ай, бедняжка! Как же ты с таким клювом будешь зерно клевать?

Взяла она подходящий нож и подрезала клюв сверху. Подровняла снизу и сверху, полюбовалась на свою работу:

— Вот и хорошо, теперь ты сможешь клевать зерно.

Потом старуха посмотрела на лапки сокола, показались они ей очень когтистыми.

— Ох, несчастный! — сказала она. — Неужели никто в жизни не мог постричь тебе когти? Да и на ногах-то ты еле держишься из-за этих большущих когтей.

И старуха быстренько обрубил соколу когти. Она, бедняжка, любила его по-своему и старалась избавить от всех недостатков.

Узнал падишах, что сокол улетел и пропал, и отдал приказ, что того, кто найдет сокола, ожидает щедрая награда. Стали люди разыскивать птицу и нашли сокола в доме старушки. Вскоре падишаху доставили его любимую птицу, рассказали, как любит ее старуха, как заботилась о ней и в каком положении оказался из-за этого бедный охотничий сокол.

Посмотрел на своего сокола падишах и очень опечалился, но ничего не сказал. Только велел выпустить его на волю и объявил, что подобное может случиться со всяким, кто попадет в руки невежественных людей.

Запомните же, друзья: одинаково скверно, когда враг умно подстроит вам неприятность и когда глупый друг вздумает услугу оказать.

Плохой аппетит

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

бедной хижине одного крестьянина подошел путник. Когда пришло время обеда, крестьянин зашел в хижину, принес четыре лепешки и положил их перед путником. Сам же поспешил обратно, чтобы принести ему еще и чечевичную похлебку.

Когда крестьянин вернулся с похлебкой, путник уже проглотил все лепешки. Крестьянин снова заторопился к себе в хижину и принес еще четыре лепешки. Возвратившись, он увидел, что путник съел всю похлебку. Снова пошел крестьянин за похлебкой. Когда вернулся — не было лепешек. Так крестьянин раз десять ходил домой: только принесет одно, а путник тем временем уже покончит с другим.

Присел крестьянин рядом с путником и спрашивает:

— Скажи, юноша, куда ты путь держишь?

— Слышал я, — отвечает путник, — живет отсюда недалеко искусный лекарь, хочу ему показаться.

— А что у тебя за болезнь? — любопытно спросил крестьянин. — Зачем тебе понадобилось идти к лекарю?

— Аппетит у меня скверный, — признался юноша. — Может, даст он мне какое-нибудь лекарство, чтобы у меня появился аппетит.

— Что ж, это хорошо, — улыбнулся крестьянин. — Только исполни и мою просьбу.

— Конечно! А чего ты желаешь? — спросил путник.

— Когда вылечишься, не ходи обратно этой дорогой, пойдешь другой.

Нет худа без добра

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

ил среди арабов мудрый и справедливый человек, советов которого все всегда слушались. Однажды там, где он жил, за одну ночь сдохли все собаки. Наутро люди пришли к мудрецу и рассказали о случившемся.

— Ничего, все будет хорошо, — ответил тот.

На другую ночь в деревне сдохли все голосистые петухи. Снова утром люди пришли к мудрецу, и снова он ответил:

— И это к лучшему.

— Странно! — возразили люди. — Собаки нас охраняли, петухи своим пением объявляли наступление утра. Что же хорошего, что их теперь нет?

— Кто знает, кто знает... — уклончиво ответил мудрец.

На третью ночь стали люди в деревне зажигать огонь, а он не загорается.

— Что за беда приключилась? Понять не можем, — взмолились они.

В это время неприятельское войско напало на ту страну, разоряло, грабило и сжигало захваченные селения. Когда враги подошли к селу, где недавно передохли все собаки и голосистые петухи, военачальник удивился:

— Ни света не видно, ни собаки не лают, ни петухи не кричат. Наверное, и людей здесь нет. Пустое село, пустые дома. Что нам тут делать?

С этим враги и ушли. А село осталось в целостности и сохранности.

Оказалось, что мудрец правду говорил: «Нет худа без добра».

Верное средство

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

ил-был один очень толстый падишах. Был он столь тучен, тело его достигало таких размеров, что ему стало трудно ходить. Собрал падишах врачей, чтобы кто-нибудь его вылечил, — очень хотелось падишаху похудеть. Но сколько его ни лечили, он все больше толстел. Наконец нашелся один сметливый лекарь. Взял он падишаха за руку и говорит:

— Если любезному падишаху будет угодно, я загляну в астрологические книги. Изучу все лекарства, которые только знает природа, и дам их падишаху.

— Очень хорошо, — обрадовался падишах, — иди прочти все книги по астрологии. Как найдешь способ лечения, неси мне лекарство.

Ушел лекарь, а наутро приходит и докладывает:

— Нет лекарства для милостивого падишаха.

— Как это так! — вскричал падишах. — Как нет лекарства?!

— В книгах сказано, — отвечает лекарь, — что падишаху осталось жить всего сорок дней, а потом он умрет.

Страшно разгневался падишах:

— Бросить в темницу этого шарлатана! А как минует сорок дней, повелю казнить злодея!

Бросили лекаря в темницу, а падишах места себе не находит: вдруг и правда осталось ему жить всего сорок дней?! Вдруг не врут астрологические книги? День и ночь пребывал он в отчаянье, а родственники и друзья уже оплакивали его.

Прошло сорок дней. Исхудал падишах, стал легким, тонким, словно тростинка. Но все-таки не умер. Тогда он приказал привести лекаря во дворец.

— Завтра казню тебя, — говорит. — Зачем ты солгал мне? Видишь, я жив и здоров.

— Вижу, — ответил лекарь. — Другого-то лекарства, чтобы ты похудел, я не нашел.

Обрадовался падишах и щедро наградил лекаря.

Скряга всегда двойной убыток несет

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

Идел однажды скряга во дворе своего дома и ел лепешки с медом. Проходил по улице человек и окликнул его. Пришлось скряге из вежливости пригласить прохожего в дом.

Он поспешно спрятал лепешки, а мед убрать не успел. Так мед и остался на виду. «Ничего, — думает скряга, — не станет же он есть один мед без лепешек». А сам говорит гостю:

— Да ты ешь мед, коли любишь.

— Спасибо, — отвечает гость, — мед — вещь хорошая. Как его не любить!

И принялся уплетать мед, расхваливать его необыкновенный вкус.

— Да, — выдавил из себя скряга, — вкус у меда действительно хорош. Только не ешь слишком много, а то сердце заболит.

— Правильно, — усмехнулся гость, — заболит сердце. Только чье? Твое?

Справедливый судья

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

одного жадного человека пропал кошелек, в котором было сто золотых монет. Как он ни искал, как ни старался, ни горевал — ничего не нашел. Тогда он объявил: «Тому, кто найдет мой кошелек и вернет мне деньги, я дам в благодарность десять золотых монет».

Нашел этот кошелек один хороший человек и отдал его скупцу.

— Давай мне те десять золотых, которые ты обещал, — говорит он ему.

— В этом кошельке было сто десять золотых, — ответил скупой, — а сейчас здесь только сто. Десять монет остались у тебя. Ты уже получил свою долю! Чего же еще ты от меня хочешь?

Пошел тот человек к судье и рассказал ему все. Призвал судья скупца и спрашивает:

— Почему не отдаешь его долю?

— Да он сам уже взял ее из этого кошелька, — отвечает тот. — Что я ему дам?

Судья взял кошелек, осмотрел его и завязал точно так же, как тот был завязан раньше. Потом и говорит скупцу:

— Если в твоём кошельке было сто десять золотых монет, а здесь только сто, то ясно, что кошелек не твой. Иди-ка поищи сам свой кошелек, а этот отдай человеку, который его нашел. Когда придет хозяин кошелька, он ему и вернет.

Жадность

Афганская сказка

Перевод А. Герасимовой

ил на свете очень богатый человек. Но такой он был жадный, что даже самому себе жалел хлеба.

Однажды кто-то позвал его в гости. Богач пошел. Хозяин дома подал множество разных блюд, и гость принялся за еду.

Сначала он попробовал мяса и съел его очень много, потому что оно было острое, вкусное и ему страсть как понравилось. Потом подали какое-то мучное блюдо, которое так и таяло во рту. Скупец его тоже съел. Потом наступила очередь яиц и лапши.

Что ни стояло на столе, всему богач отдал должное.

После обеда хозяин подал разные фрукты — абрикосы, дыни, виноград, груши. Скупец смотрел на них голодными глазами, будто в жизни не видывал подобных вещей. В конце концов он съел и все фрукты.

После того как набил он живот горячим и холодным, захотелось ему попить.

Богачу едва успевали наливать бокалы. Он выпил столько, что живот у него раздулся — вот-вот лопнет. Из последних сил, с большим трудом скупец дотащился до дому.

Через некоторое время стало ему совсем плохо.

Испугались домашние:

— Да ведь он, того гляди, умрет.

Побежали за лекарем.

— Уж не объелся ли ты? — спрашивает лекарь.

— Да, — ответил богач, — я был в гостях и хорошо пообедал там.

— Что же ты наделал?! — воскликнул лекарь. — Еда-то чужая, но живот ведь твой собственный!

— Да, это так. Но угощенья было так много и все такое вкусное! Мыслимо ли самому отказаться от вкусного и дарового обеда!

— Ладно, — усмехнулся лекарь, — что было, то прошло. Теперь нужно принять лекарство, которое извлечет из тебя излишки пищи.

— Э нет, такого лекарства я не хочу! Вот если найдешь лекарство, которое улучшает пищеварение, давай! А если нет, уж ладно, на сытый желудок и помирать легче. А другого вреда мне не будет. Ты свободен, иди себе.

Три плута

Афганская сказка

Перевод З. Калининой

дин плут отправился из Хорасана в Индию в надежде, что там ему удастся обмануть кого-нибудь да разжиться, а двое других плутов шли из Индии в Хорасан — за тем же самым. Вот и повстречались они на полдороге. Посидели, поговорили, а тут и спор затеялся: кто из них самый ловкий враль? Раззадорились и решили, что каждый расскажет какую-нибудь небылицу. Кто не выдержит, заявит, что это ложь, — проиграет. Надлежит проигравшему отдать победителю пятьсот золотых монет.

Вот один из индийских плутов начал:

— Мой отец славился своим богатством, добра у него было — не счесть. И еще владел он сотнями тысяч буйволиц. Каждая море молока давала. Отец, помню, устроил бассейн прямо в степи, выбелил его известью и давай квасить молоко. Только молоко скиснет, запускают в бассейн тысячу буйволиц.купаются буйволицы в молоке, снуют туда-сюда, барахтаются — вот масло и сбивается. Выведет отец буйволиц на землю, спустит в бассейн плот и давай лопатами масло собирать. А пахту прямо в степь выливает. Потом сливочное масло перетопят — сотни чанов топленого получается.

— Знамо дело, — молвил хорасанец, — раз такие буйволицы, молоко и впрямь будет отменное. Да и масло тоже. В твоём рассказе нет ничего удивительного.

Теперь пришла очередь второму индийскому плуту.

— Мой отец тоже был очень богат, — начал он. — Десятки миллионов кур в загоне держал. И сотни тысяч петухов. Как начнут куры нестись, яиц целые горы вырастали. Возьмет отец грабли и давай ворошить яйца. Глядишь, дней через двадцать выводятся цыплята. Отец их в степь выпускал, а через некоторое время продавал — большие деньги выручал.

— Знамо дело, — молвил хорасанец, — раз такие куры, горы яиц и впрямь вырастут. Чем же их ворошить, как не граблями? Да и за цыплят, конечно, выручишь немалые деньги. И в твоём рассказе нет ничего удивительного. Вы вот лучше меня послушайте. Мой отец был очень хороший человек. У меня было много братьев. Вот как-то заболел наш младший брат, ранка на голове стала кровоточить. Присыпали мы ему ранку землей, и что же, вы думаете, получилось?! Видно, в земле той оказалось случайно семечко проса. Оно возьми да прорасти! Росточек растет, а мы к корешку землю подсыпаем! Смотрим, росточек заколосился, потом колос созрел, зерна осыпались, новые ростки появились. Глядь, у брата на голове целое поле образовалось! А тут засуха! Что делать? Погибнет ведь поле-то! Как прослышим про дожди, ведем брата в ту сторонку. Ну, созрело просо, наняли мы батраков. Забрались они на братнину голову, несколько месяцев урожаем убирали. Тут мы ему на голову быков отрядили, батраки давай молотить, много проса намолотили. Урожай получился знатный. Уж сколько людей в долг-то брали, и не перечислишь! Ваши отцы тоже приходили. На пятьсот золотых проса взяли. Так что возвращайте мне долги-то!

«Вот так раз! Ну и хорасанец! Что ж теперь делать? — растерялись плуты из Индии. — Скажешь —

ложь, значит, проиграл в споре, выкладывай пятьсот золотых. Скажешь — правда, опять проиграл, выкладывай отцов долг!»

Отдали они хорасанцу тысячу золотых, распрощались с ним и повернули обратно. А хорасанец тоже пошел домой.

Персидские сказки

Глупый медведь

Персидская сказка

Перевод М.-Н. Османова

видел как-то медведь во сне, что удалось ему раздобыть три жирных куска мяса. Проснулся он утром и отправился на поиски этих кусков — вдруг сон сбудется!

Вот заметил медведь вдали козленка, направился к нему, а козленок видит, что не убежать ему, не растерялся, подошел к медведю и низко ему поклонился.

— Да знаешь ли ты меня? — спросил его медведь.

— Конечно, — ответил козленок. — Все знают тебя, о ходжа-кедхуда [\[63\]](#). А я тем более, ведь я был придворным певцом твоего отца.

— Так спой же и для меня, — попросил медведь.

Козленок начал громко бляеть, и пастух услышал. Прибежал он с овчарками, отдубасил медведя дубиной, да еще собаки покусали его — еле-еле убежал медведь.

Пошел медведь дальше, а навстречу ему два барана. «Съем-ка я их», — подумал медведь.

Позвал он баранов, видят те, что бежать невозможно, сговорились и подошли к медведю.

— Мы очень рады, — говорят они, — что станем едой ходжа-кедхуды.

И давай бараны спорить, кого раньше медведю есть. Наконец один предложил:

— С разрешения ходжа-кедхуды мы сразимся на рогах. А победителя пусть он съест первым.

Выбрали они в судьи медведя, отступили на пятьдесят шагов да как ударят с размаху медведя рогами под бока! Бедняга упал, а когда пришел в себя, то баранов и след простыл.

Часа два медведь отлеживался под деревом, потом встал и пустился в путь. А навстречу ему верблюд. Медведь подумал: «Это лучше всего: и жирнее, и мяса больше».

Закричал он во весь голос:

— Эй, верблюд! Остановись, я видел во сне, что должен съесть тебя!

— Здравствуй, ходжа-кедхуда, — ответил верблюд.

— А ты откуда меня знаешь? — спросил медведь.

— Кто же тебя не знает! — отвечал верблюд. — А я в особенности, я ведь гонец твоего отца. Я вот и сейчас несу тебе послание от отца.

— Где же оно?

— Написано у меня на копыте, — ответил верблюд.

Медведь присел, чтобы прочитать послание, а верблюд так лягнул его в грудь, что он отлетел на десять шагов и лишился сознания. Только перед заходом солнца медведь пришел в себя и понял, как нужно было толковать свой сон.

Ворона и лиса

Персидская сказка

Перевод М.-Н. Османова

Было ли так или не было, а свила себе ворона гнездо на вязе в лесу. Решила она вывести птенцов, выкормить, вырастить и научить их летать.

Прошло немного времени, и ворона снесла не то пять, не то шесть яиц. Двадцать один день она высидела и согрела яйца, а на двадцать второй вылупились птенцы.

Стало у вороны дел по горло: что ни день — надо ей лететь пищу птенцам доставать. Скоро воронята подросли, покрылись пушком и научились щебетать.

А неподалеку обитала лиса-плутовка. Услышала она писк птенцов и решила: «Вот и корм для меня!» И стала придумывать всякие хитрости, как бы сожрать птенцов. Достать до гнезда она не могла — высоко. Порыскала лиса кругом и нашла за селом старую войлочную шапку, а у садовника украла тупую пилу.

И вот как-то утром, пока ворона еще не вылетела из гнезда, подошла лиса к дереву и давай его пилить. Ворона еще издали увидела лису, а как раздался скрип пилы, высунулась она из гнезда и спрашивает:

— Что все это значит?

— Да ничего. Я лесник и хочу свалить это дерево.

— Да ведь на этом дереве мое гнездо, — говорит ворона, — а в нем птенцы.

А лиса отвечает:

— Ты провинилась, раз свила без спросу гнездо на моем дереве и высидела птенцов. Сейчас свалю дерево, будешь впредь знать, что везде есть хозяин.

Стала ворона умолять лису:

— Подожди несколько денечков, пока птенцы вырастут.

— И часу ждать не стану!

Вороне ничего другого не оставалось, как просить и упрашивать:

— Не делай меня несчастной, лесник! Некуда мне деваться. Дай отсрочку на два-три дня, пока птенцы научатся летать, тогда я оставлю дерево.

— Этими речами ты меня не разжалобишь, — говорит лиса. — Мое дерево! Когда захочу, тогда и свалю.

Препирались они, препирались и порешили наконец, что за отсрочку на два-три дня сбросит ворона лисе одного птенца.

Горько оплакивала свою судьбу ворона, но все-таки сбросила птенца. Сожрала лиса-плутовка

вороненка и пошла домой — довольна, что уловка удалась. Думает лиса, что эдак она всех птиц лесных изловчится съесть.

На другой день прилетела к вороне в гости соседка-сорока. Увидела, что ворона пригорюнилась, и спрашивает, что случилось.

Рассказала ей ворона обо всем.

— Ну и глупа ты! — рассудила сорока. — Никогда лесник не будет валить цветущее дерево. Как придет он в следующий раз, покажи мне его. Посмотрю-ка я, что это за лесник!

А лиса на другой день опять взяла пилу, надела войлочную шапку и отправилась к дереву. Кликнула ворона сороку. Посмотрела та с дерева, оглядела лесника хорошенько и говорит:

— Эх, глупая! Ведь это лиса. Не бойся войлочной шапки и тупой пилы, это не лесник. Лети к себе и, если будет она грозиться свалить дерево, отвечай: «Что ж, пили!» Разве под силу лисе свалить такое крепкое дерево?!

Вернулась ворона в гнездо, а лиса уж приставила пилу к стволу. Посмотрела ворона вниз и спрашивает:

— Что это ты делаешь?

— Я лесник. Хочу свалить это дерево. А ты поживей отправляйся-ка отсюда вон.

— Мое гнездо здесь, и никуда я не пойду, — отвечала ворона. — Никакой ты не лесник и ничего не сможешь сделать. А хочешь свалить дерево — что ж, пили!

Видит лиса, переменилась ворона со вчерашнего дня. Вчера плакала и умоляла, а сегодня дерзит! Поняла лиса, что кто-то научил ворону, и говорит:

— Ладно, оставлю тебя в покое. Скажи только, кто тебе сказал, что я не лесник и не смогу перепилить дерево?

Ворона сглупила и выдала сороку. «Уж покажу я этой сороке, — рассердилась лиса, — так покажу, что сказки об этом сложат».

Прошло несколько дней. Влезла лиса в лужу и вымазалась вся в тине, а потом отправилась к дереву, где было гнездо сороки, и растянулась неподалеку, как неживая.

Несколько раз пролетала сорока над ней, лиса не шелохнется. Вот сорока и подумала: «Видно, сдохла лиса». Подлетела она к лисе, клюнула ее сначала в бок. Лиса и глазом не моргнула. Села сорока ей на голову, а лиса ее цап! Видит сорока, плохо дело, и говорит:

— Не тронь меня, лиса, я ведь учу птиц лесных уму-разуму. Хочешь, и тебя научу. Будешь ловить каждый день по две птицы. Так научу, что заживешь припеваючи.

Подумала лиса: «Что ж, неплохо, если я начну каждый день ловить по паре ворон».

А сорока продолжала:

— Ладно, думай. А если надумаешь, поклянись ясным солнцем, светлой луной и владыкой леса, что не тронешь меня.

Раскрыла лиса пасть, чтобы поклясться, а сорока порх на дерево!

Так сорока посмеялась над глупой лисой.

На другой день созвала сорока всех птиц в лесу, и сговорились они уничтожить злодейку лису. Увидели ее на берегу озера, налетели стаей и давай клевать. Растерялась лиса, свалилась в озеро и пошла

ко дну. И поныне, говорят, еще не выбралась из воды.

Лиса и петух

Персидская сказка

Перевод М.-Н. Османова

Было ли так или не было, а жил-был старый петух. Не раз попадал он в лапы лисе, но всегда ему удавалось как-нибудь схитрить, и он уходил от нее живым. И вот клевал он как-то за селом зернышки и вдруг видит: крадется к нему лиса!

До села далеко, не добежишь. Только и успел петух взлететь на стоявший рядом старый вяз. Лиса подошла к дереву и говорит:

— Эй, петух! Почему ты, как увидел меня, взлетел на дерево?

А петух ей отвечает:

— А ты что, хотела бы, чтобы я подбежал и обнял тебя?

— Конечно! Разве ты ничего не знаешь? Падишах разослал по всем улицам и базарам глашатаев и велел им кричать: «Во всем моем государстве ни одна живая душа, ни один зверь не смеет обижать слабого. Да будут впредь волки и овцы пить воду из одного родника, а соколы и голуби жить в одном гнезде». И ты теперь должен спуститься ко мне, мы вместе пойдем гулять.

— Гулять хорошо компанией, а не вдвоем, — ответил петух. — Подожди немножко, пусть подбегут те звери, что несутся сюда, словно вихрь. Тогда все вместе и погуляем.

Лиса тут спрашивает:

— Что это за звери? Какие звери?

— Похожи на волков, только уши и хвосты длинней.

— Может быть, это овчарки?

— Наверно, они!

Решила лиса, что это овчарки, и пустилась наутек. А петух ей вдогонку кричит:

— Почему же ты удираешь?

— Потому что я не люблю иметь дело с овчарками.

— А разве ты не говорила, что падишах повелел всем зверям не обижать слабых?

— Так ведь овчарки были в степи и не слышали шахского указа. Еще разорвут меня на части!

Сказала лиса это и скрылась.

Коробочка

Персидская сказка

Перевод М.-Н. Османова

ил-был воробей. Летал этот воробей как-то по степи, искал зернышки, и вдруг, откуда ни возьмись, прямо перед его носом упало хлопковое семечко — видно, ветер принес. Схватил воробей семечко и полетел к себе. Уселся в гнездо, показал семечко соседу и спрашивает:

— Что это такое?

— Хлопковое семя.

— А что с ним делают?

— Сеют. Из него вырастают коробочки хлопка. Коробочки лопаются — получается хлопок. Хлопок прядут — получается пряжа. Из пряжи ткнут ситец, потом его красят в разные цвета и шьют одежду.

Обрадовался воробей такой находке, подхватил семечко и полетел на пашню.

Прилетел туда и видит: крестьянин землю пашет, сеять собирается.

— Посади семя, — просит воробей. — Одна половина урожая будет твоя, другая — моя.

— Хорошо, — согласился крестьянин и посадил хлопковое семечко.

Вскоре семя проросло, куст зазеленел, коробочки созрели. Сорвал крестьянин коробочки и разделил на две части: одну взял себе, другую отложил для воробья. Обрадовался воробей, взял свои коробочки и отнес в мастерскую прядильщика.

— Спряди это, спряди! — стал упрашивать. — Половину возьми себе, а другую — отдашь мне.

— Хорошо, — согласился прядильщик.

Взял он коробочки, выбрал из них волокна и спрял на веретене. Одну часть оставил себе, а другую отдал воробью.

Доволен воробей, понес пряжу к ткачу.

— Сотки это, сотки! — просит. — Половина тебе, другая половина мне.

Согласился ткач:

— Хорошо.

Выткал ткач ситец, себе взял свою долю, а воробью отдал его. Обрадовался воробей, взял лоскутки, понес их к красильщику.

— Покрась ткань, покрась! — говорит. — Половина тебе, другая половина мне.

— Прекрасно! — воскликнул красильщик и взял лоскутки.

Покрасил он ткань в небесно-голубой цвет и повесил сушиться на солнце. Прилетел воробей, увидел

лоскутки и подумал: «Ах, как красиво получилось! Жаль такую прекрасную ткань отдавать красильщику. Возьму-ка я лоскутки и улечу, пока он занят». Подкрался потихоньку, схватил лоскутки и полетел. Но красильщик увидел его, побежал следом и кричит:

— Эй, воробей! Мы же условились, что будем делить все поровну! Где же моя доля?

— А кто это говорил? Кто обещал? — зачирикал воробей.

И понес воробей лоскутки к портному.

— Сшей это, сшей! — просит. — Один наряд тебе, другой — мне.

Сшил портной две красивые джуббы^[64] и разложил их на полке. Увидел их воробей и подумал: «Жаль такую красивую джуббу отдавать портному. Она мне и самому пригодится». Подлетел потихоньку, хватя в клюв обе джуббы — и был таков.

Закричал портной ему вслед:

— Разве ты не говорил, что одна джубба будет твоей, а другая моей?

— Кто это тебе говорил, кто обещал? — ответил воробей и полетел прямо к мулле.

— О мулла! — просит. — Я хочу оставить у тебя на хранение две джуббы. Как настанут холода, заберу их. А вместо платы за хранение я отдам тебе одну джуббу.

— Ладно, — согласился мулла, — сохраню их. Как ударит мороз, одну надену я, а другую тебе отдам.

Взял мулла джуббы, а сам думает: «Жалко что-то отдавать джуббу трещотке воробью. Оставлю-ка я их обе себе!»

Прошли дни. Подул резкий ветер, настали холода. Тут воробей и вспомнил о джуббе. Выпорхнул из гнезда и полетел прямо к мулле.

— Мулла, давай мою джуббу!

— Какую джуббу? — удивляется мулла.

— Да ту, что я оставил у тебя на хранение. Ведь мы договорились: одну джуббу ты берешь себе, а другая моя.

— Кто говорил? Кто договаривался?

— Настали холода, я мерзну, — взмолился воробей.

— Я помолюсь аллаху, чтобы ты не замерз.

— Мне не до молитв, мне джубба нужна, — кричит воробей, да все без толку, не отдает мулла джуббу.

Вот как-то раз кружит воробей над домом муллы, видит, побрызгал мулла джуббы водой, почистил их и повесил на веревку сушиться. Подлетел воробей, схватил джуббы — и был таков! Увидел это мулла и закричал:

— Эй, воробей! Куда это ты уносишь джуббы?

Пусть будет по-твоему: одну — тебе, другую — мне.

— А кто это говорил? Кто обещал? — говорит воробей.

Спустя два дня воробей снова прилетел к дому муллы и видит: снял мулла чалму, оставил ее на краю водоема, а сам совершает омовение. Подлетел воробей и схватил чалму.

— Дружище, куда это ты тащишь чалму? — закричал мулла. — Мороз ведь, у меня голова замерзнет.

— Я помолюсь аллаху, чтобы твоя голова не замерзла.

Унес воробей чалму — приспособил ее под гнездо для своих птенцов.

Прошло какое-то время, вздумалось воробью продать джуббы на базаре — запастись на зиму едой. Полетел он на базар, а тут вдруг поднялась буря, вырвал ветер джуббы из воробьиного клюва и понес — одну джуббу отнес портному, тому самому, который сшил их, а другую — к лавке красильщика, который лоскуты красил. Так воробей и остался ни с чем. А зачем обманывал красильщика и портного?

Шли мы вверх — была мука, пошли вниз — стало тесто, а наша сказка вот какая!

Шангул и Мангул

Персидская сказка

Перевод М.-Н. Османова

Было ли это так или не было, а жила-была коза, и было у нее трое козлят: одного козленка звали Шангул, другого — Мангул, третьего — Виноградинка.

И вот однажды коза сказала козлятам:

— Я пойду за едой, а вы тут не вздумайте баловаться! Если придет волк и постучится, дверей не открывайте. Посмотрите под дверь: если черные ноги увидите, значит, это волк! А если ноги будут красные — знайте: это ваша мать.

А волк подслушал эти слова, и, как только ушла коза, окрасил себе лапы хной и постучался в дверь. Козлята спросили:

— Кто тут?

— Откройте дверь, — отвечал волк. — Я принесла вам еду.

— Покажи ногу! — закричали козлята.

Волк просунул в щель лапу, видят козлята: красная нога — и открыли дверь. Волк бросился на них и схватил Шангула и Мангула, а Виноградинка все-таки убежала.

Вернулась коза и видит, что дверь распахнута, а дома — ни души. Стала она звать козлят. Виноградинка услышала и прибежала на зов матери, рассказала козе, как волк утащил ее братьев.

Заплакала коза, а потом говорит:

— Уж я проучу волка!

Поднялась она на крышу волчьего дома и заглянула внутрь. А волк стряпал обед. Давай коза по крыше прыгать, в котел землю сыпать. Волк зарычал:

— Кто это там топчется и портит мою еду?

А коза отвечает:

Коза я, колокольцами бренчу,
Копытами по крыше я стучу.
На землю ставши крепкими ногами,
Врага сражу я острыми рогами.
Эй, кто унес Шангула моего?
Эй, кто унес Мангула моего?
Пусть в бой идет — и я убью его.

Волк говорит:

Что ж, я унес Шангула твоего,
Что ж, я унес Мангула твоего.
Сразимся — не боюсь я никого.

Коза пошла, отыскала бурдюк, набила его маслом, брынзой, творогом, отнесла к точильщику и просит:

— Дяденька, возьми вот это, наточи мои рога!

А волк тоже взял бурдюк, надул его, пошел к цирюльнику и сказал:

— Дяденька, возьми это и наточи мои клыки!

Цирюльник развязал бурдюк, а из него вышел только воздух. Но он и глазом не моргнул, а только сказал про себя: «Я с тобой такую шутку сыграю, что в сказках будут рассказывать!»

Взял он клещи, выдернул у волка все клыки и вставил вместо них деревянные.

Пришла коза к волку, и вышли они на бой. Подошли они к ручью, а коза и говорит:

— Давай сначала напьемся воды!

Опустила она морду в воду, но пить не стала.

А волк напился до отвала, живот его вздулся, и стало ему невмоготу.

Тогда коза сказала:

— Я готова к бою!

Отошла она немного назад, потом подскочила и ударила рогами волка в брюхо. Волк хотел было вцепиться зубами ей в загривок, но его деревянные клыки разом выпали.

А коза проткнула волку живот и убила его.

Потом она вывела из логова волка Шангула и Мангула и повела их домой, где ждала Виноградинка.

Пошли мы вверх — была там простокваша,
А вниз пошли — была там пахты чаша,
Неправдой обернулась сказка наша.
Пошли мы вверх — была там пахты чаша,
Пошли мы вниз — была там простокваша,
И правдой обернулась сказка наша.

Воробушек

Персидская сказка

Перевод М.-Н. Османова

ыло ли так или не было, а летел однажды над степью воробей. Вдруг видит, на поле мужчины и женщины хлопок собирают. Спрашивает воробей:

— Зачем вы это делаете?

— А затем, — отвечают ему, — чтобы было что надеть, когда наступят зимние морозы.

— Дайте и мне немного хлопка, — попросил воробей.

Дали крестьяне немного хлопка воробью, понес он хлопок к прядильщику.

— Спряди, — просит. — Иначе сломаю твой станок, порву пряжу и вырву твои тридцать два зуба.

Приготовил прядильщик пряжу.

Полетел воробей к красильщику.

— Покрась, — велит. — Иначе разолью твои краски, разобью чан и вырву твои тридцать два зуба.

Покрасил красильщик пряжу.

Полетел воробей к ткачу.

— Сотки из нее материю, — велит. — Иначе разорву твои ткани, разобью станок и вырву твои тридцать два зуба.

Выткал ткач пряжу.

Полетел воробей к портному, лоскутки в клюве держит.

— Сшей из них кабу!^[65] — кричит. — Иначе порву твои нитки, разобью машину и вырву твои тридцать два зуба.

Сшил портной кабу.

Надел воробей кабу и решил: «Полечу-ка я в город да позлю падишаха». Влетел во дворец и давай чирикать:

— Чик-чирик, чик-чирик, а у меня новое платье! Новые каба и рубашка!

Выбежали рабы, хотели побить его, а он порх — и улетел! Потом снова прилетел и опять за свое:

— Чик-чирик, чик-чирик, а у меня новое платье! Новые каба и рубашка!

Рассердился падишах и приказывает:

— Схватить этого хвастуна!

Но как ни старались нукеры^[66], ничего у них не получилось: воробей улетал и прилетал, садился на

карниз дворца, на заборы и ограды и пел.

Приказал падишах намазать карниз жидкой смолой. Только уселся воробей на карниз, как увяз в смоле. Тут его и схватили.

— Сварите его с пловом, — велел падишах. — Я его съем за ужином.

Стали воробья варить, а он как зачирикает:

— Чик-чирик, чик-чирик, какая горячая вода!

Сварили воробья, положили в плов, а он опять:

— Чик-чирик, чик-чирик, какая белая гора!

Понесли слуги блюдо с пловом к падишаху.

Стал падишах воробья вместе с пловом жевать, а воробей как зачирикает:

— Чик-чирик, чик-чирик, какая исправная мельница!

Собрался было падишах проглотить воробья, а воробей как зачирикает:

— Чик-чирик, чик-чирик, какая узкая труба!

Поразился падишах, выплюнул воробья и приказывает:

— Сделайте ему клетку из золота, поставьте в клетку золотые чаши, одну — со сладостями, другую — с шербетом, третью — с розовой водой. Пусть этот воробей всегда будет весел и сыт.

Слуги так и сделали. Зажил воробей весело, сладостями лакомился, шербет и розовую воду попивал.

Сказка наша кончилась, а воробей до своего гнезда не долетел.

Удод

Персидская сказка

Перевод М.-Н. Османова

Было так или не было, а жил-был в лесу удод. Свил он себе на дереве гнездо. И захотелось как-то ему посмотреть, каков из себя город.

Прилетел он в город, сел на высокую стену и стал щебетать. А дети услышали голос удода и решили расставить силок и поймать его.

Занялись дети силком, а удод знай себе посмеивается. Как раз в это время проходил мимо один мудрец. Спрашивает он удода:

— Над чем ты смеешься?

— Над глупостью этих детей, — отвечает удод. — Они расставляют силок для меня, а ведь я, когда лечу, вижу воду под землей. Будто я не замечу их силка!

— Не радуйся раньше времени, — промолвил мудрец, — и не смейся попусту. Не то угодишь еще в силок.

Ну а дети? Дети расставили силок, и один из них сказал:

— Силок без приманки не годится. Какая птица сядет в силок без приманки?

И они стали разыскивать приманку. Нашли кузнечика и червячка, положили в силок и отошли. Удод слетел со стены, захотелось ему полакомиться кузнечиком и червячком. А о сетях он уже забыл. Тут-то он и угодил в силок. Прибежали дети, схватили удода, привязали к его ноге бечевку, стали ее дергать и тянуть.

Между тем возвращался тот же мудрец. Видит он, дети поймали удода и привязали бечевкой за ногу.

Подошел он и говорит:

— Эх, удод! Разве не ты смеялся над глупостью детей? Ты же говорил: «Я вижу воду под землей! Мне ли не увидеть их силка?»

Удод ему ответил:

— Все это так. Но демон алчности своей пятерней ослепил, одурачил меня и лишил языка. Двумя пальцами он закрыл мне глаза, и я перестал видеть силок. Двумя другими заткнул уши, и я не услышал советов мудреца. А одним пальцем закрыл рот, чтобы я не спрашивал, как быть. Умоляю тебя, о мудрец, освободи меня!

Мудрец подозвал к себе детей:

— Обижать безобидную птицу — дело недостойное. Лучше отпустите ее на свободу.

Дети выпустили удода, и он полетел в лес. Он и до сих пор там летает.

Старушка

Персидская сказка

Перевод М.-Н. Османова

ыло так или не было, а жила-была старушка. Дом у нее был величиной с сито, комната — с тарелку и куст джидды[67] — с метелку. Были у нее циновка и постель, так что дом ее не был пуст.

Поужинала как-то старушка, смотрит, подул такой сильный ветер, что у нее мурашки по спине забегали. Она постелила себе постель и легла. Не успела она глаз сомкнуть, как кто-то постучался в дверь. Старушка открыла дверь и увидела воробья. Говорит он:

— Старушка! Ночь такая холодная, дует ветер, а мне негде переночевать. Пусти меня на ночь к себе в дом! Утром, как только выглянет солнце, я улечу!

Жаль стало старушке воробья.

— Очень хорошо, — ответила она, — садись на куст джидды во дворе, да и спи себе.

Уложила она воробья и легла сама. Но не успела и глаз сомкнуть, как снова кто-то постучался. Пошла старушка к двери, открыла, видит, стоит осел.

— Ночь такая холодная, — начал осел, — дует ветер, а мне негде и поспать спокойно. Позволь мне остаться здесь на ночь! А утром я покину твой дом.

Жаль стало старушке осла, и она ответила:

— Очень хорошо, иди в дом и устраивайся где-нибудь в уголке.

Устроила она осла и легла в постель. Но тут опять постучались. Она снова открыла дверь и увидела курицу.

— Старушка, — заговорила та, — дует ветер, ночь холодная, а мне некуда деваться. Пусти меня к себе переночевать! Утром, как только запоют петухи, я уйду.

— Очень хорошо, — ответила старушка, — пристройся где-нибудь во дворе.

Устроила она курицу и снова легла, но опять раздался стук в дверь. Встала она, открыла и увидела ворону.

— Старушка, — говорит ворона, — ночь холодна, а у меня нет подходящего места для ночлега. Пусти меня в свой дом! Рано поутру, как только птицы выглянут из гнезд, я улечу восвосяси.

— Очень хорошо, — ответила старушка и посадила ворону на холку ослу.

Но тут опять постучались. Она взяла свечу, открыла дверь и увидела собаку:

— Что тебе надо?

— Ночь холодная, — ответила собака, — а у меня нет ни конуры, ни норы, где переночевать. Пусти меня поспать здесь! Я встану, как только затрубят в банях[68], и уйду.

Жаль стало старушке собаку, уложила она ее рядом с ослом.

Проснулась утром старушка и слышит, звери подняли страшный шум. Подошла она к воробью и сказала:

— Ну, вставай, уходи восвояси, уже утро!

А воробей ей в ответ:

— Я буду чирикать тебе, нести яйца. Ну как, надо мне уходить?

— Ладно уж, оставайся, — согласилась старушка. И подошла к ослу. — Пошевеливайся, собирайся, уже утро!

— Я могу реветь в твою честь, зачем же мне уходить? — спросил осел.

— Ну, ладно, и ты оставайся, — промолвила старушка и подошла к курице: — Ну, вставай, пора уходить, уже утро!

— Ведь я буду кудахтать ради тебя, нести тебе крупные яйца. Мне ли уходить?

— Ну, и ты оставайся, — кивнула старушка.

Потом она подошла к вороне и сказала:

— Поднимайся, уже пора!

— Я же каркаю в твою честь, бужу ради тебя людей. Зачем мне уходить?

— Ладно, и ты оставайся, — был ответ.

И наконец, старушка подошла к собаке.

— Поднимайся, вставать пора. Уже светло.

— Я ведь буду лаять для тебя, — отвечала собака, — хватать воров буду. Мне ли уходить?

— Можешь и ты остаться, — отвечала старушка.

Так и остались все, стали помогать ей по хозяйству.

Сказка наша кончилась, а ворона до гнезда не долетела.

Сын сборщика колючек и мулла Базарджан

Персидская сказка

Перевод Н. Пригариной

ил некогда один старый человек, собирал он в степи колючий кустарник на топливо и тем зарабатывал пропитание себе и своей семье.

Был у них с женой единственный сын. Старик без памяти любил сына, даже на порог его не выпускал, дабы, упаси боже, не упал на юношу луч солнца или свет луны.

Но состарился отец, стало ему не под силу покидать дом да собирать колючки на прокорм семье. Сыну между тем сровнялось двадцать пять лет. Говорит ему старик отец:

— Сынок мой дорогой, стар я стал, не под силу мне собирать хворост да колючки, чтобы добывать деньги на пропитание. Теперь твоя очередь трудиться.

— Слушаюсь, — отвечал сын.

Взял он веревку с топором и отправился в степь.

Заросли колючек нашлись сразу, но ведь до сих пор юноше никогда не доводилось трудиться, вот он скоро и притомился. А вдалеке виднелся дворец. Добрался туда юноша и прилег в тенечке под стеной. И так его разморило, что он тут же крепко уснул.

Во дворце том жила дочь падишаха. Вышла она на крышу, видит, в тенечке у дворцовой стены красивый юноша спит. А был он до того хорош собой, что девушка сразу влюбилась в него всем сердцем. Ей, конечно, невдомек было, что это сын сборщика колючек. Сбросила она с крыши жемчужину и попала в спящего юношу. Проснулся он, глаза кверху поднял, глядь, а на кровле дворца девушка стоит.

— Кто ты и откуда? — его спрашивает.

— Я сын сборщика колючек, — отвечает юноша, — до сих пор ни разочку из дому не выходил. Велел мне отец нарубить вязанку колючек, продать на базаре и денег принести. Вот я и отправился в степь с топориком да веревкой. Никогда прежде не доводилось мне трудиться, ничего я не набрал, только притомился и уснул в тени. До сих пор на меня ни разу не упал луч солнца или свет луны, нет у меня сил ни колючки рубить, ни домой шагать.

А был юноша статен, хорош собой, и ответ его пришелся по сердцу дочери падишаха. Сбросила она вниз еще несколько жемчужин и молвила:

— Отнеси своему отцу, будет вам на пропитание.

Радостный, переступил юноша порог дома. Увидел отец, что сын пришел с пустыми руками, и, ничего не разузнав, принялся его укорять:

— Где же колючки? Ушел с раннего утра, а возвращаешься ни с чем! Видно, придется нам укладываться спать на голодный желудок.

— Отец, я принес кое-что подороже колючек. — И сын протянул старику жемчужины: — Продай их, вот и будут деньги.

Прошло несколько дней. Стал юноша просить мать:

— Матушка, пойдй к падишаху и высватай за меня его дочь!

— Что ты! — отвечает мать. — Ты сын сборщика колючек, а она дочь падишаха. Разве она тебе ровня? Не отдадут ее за тебя!

— Одно из двух, — говорит юноша, — или добудешь ты мне дочь падишаха, или уйду я прочь из города.

А ведь был он у матери единственный сын! Отправилась бедная женщина к падишаху.

— Хочет мой сын жениться на твоей дочери.

Рассердился падишах: виданное ли дело — отдать дочь в жены бедняку?! И все же не захотел он сразу отказывать старухе, решил устроить юноше такое испытание, чтоб оказалось ему не под силу. Уж тогда с чистым сердцем откажет падишах бедняку в руке дочери.

А в этом городе жил мулла по прозвию Базарджан. Владел мулла тайным заклинанием, а если кто проникал в его тайну, тотчас лишал его жизни.

— Послушай, юноша, — сказал падишах. — Коли ты взаправду любишь мою дочь, придется тебе выполнить одно условие. Выполнишь — отдам ее за тебя.

— Сделаю все, что прикажешь, — ответил сын сборщика колючек.

— Надлежит тебе узнать тайное заклинание муллы Базарджана, — продолжал падишах. — Узнаешь — дочь моя станет твоей женой.

Что ж! Отправился юноша к мулле и поступил к нему в ученики: глядишь, думает, и удастся выведать тайну.

Была у муллы Базарджана дочь, девушка добрая и пригожая. Приглянулся ей юноша, и влюбилась она в него всей душой. А знала, что стоит юноше проведать тайну заклинания, мулла его в живых не оставит. Решила девушка воспрепятствовать гибели невинного юноши. Говорит ему:

— Как выучишь заклинание, отец скажет тебе: «Читай волшебную книгу!» А ты спроси: «Читать-то белые места аль черные?» И что бы он тебя ни спросил, отвечай так, будто ничему ты не научился, ничего из заклинания не помнишь. Тогда он тебя отпустит. А коли увидит, что ты овладел заклинанием, не жить тебе.

Вот в один прекрасный день мулла Базарджан решил устроить юноше испытание. Открыл волшебную книгу и велит:

— Прочитай-ка мне заклинание, а я послушаю.

— Читать-то белые места аль черные? — спрашивает сын сборщика колючек.

Понял мулла, что ничему юноша не научился, и сказал:

— Раз ничего ты не уразумел, убирайся вон!

Вернулся юноша к старику отцу, доволен, как дело обернулось, а в доме-то голод да разорение, пусто, хоть шаром покати.

— Отец, — молвил юноша, — я в коня превращусь, а ты веди меня на базар и продай. Но продай без уздечки, уздечку себе сохрани.

Догадался отец, что сын овладел заклинанием и знает тайное слово, и сделал все, как он просил. Отвел коня на базар, продал, а уздечку себе оставил. Вернулся домой, а сын уже там!

На другой день юноша превратился в барашка, отец накинул на него поводок и повел продавать на базар. А навстречу идет мулла Базарджан. Узнал мулла старика сборщика колючек и сразу понял, что барашек-то этот — сын старика. Значит, проведал юноша тайну заклинания. От злости мулла чуть не лопнул. «Надо, — думает, — во что бы то ни стало выманить барашка у старика».

— Сколько просишь за барашка? — спрашивает старика.

— Сто туманов, — слышалось в ответ.

Хочешь не хочешь, пришлось мулле выложить сто туманов за барашка. Собрался он было прихватить и поводок в придачу, но старик уже снял его. А мулла знал, что вся сила заклинания в поводке.

— Дедушка, — говорит, — и поводок давай, иначе мне барашка до дому не довести.

— Никак не могу, — отвечал старик. — Поводок-то сына моего, не могу я его отдать.

Стал мулла старика уговаривать, большие деньги сулить и постепенно уломал — заплатил за поводок и повел барашка домой.

— Неси-ка острый нож, — велел дома дочери, — нужно барана зарезать.

Взглянула девушка на барашка и сразу догадалась, что это не баран, а тот самый юноша, сын сборщика колючек, который ей так нравился. Не иначе как мулла узнал юношу и хочет погубить. Принялась девушка думать да гадать, как спасти юношу. «Заманю-ка отца в дом, — решила. — Пусть барашек убежит». Пошла в дом, взяла острый нож, запрятала подальше и кричит:

— Отец, я не могу найти нож!

— Иди покарауль барана, — отвечает мулла Базарджан, — я сам нож поищу.

Увидела девушка, как обернулось дело, обрадовалась. Приняла барашка из рук муллы, а тот отправился нож искать. Только он скрылся из виду, говорит девушка:

— Ударь меня копытцем и беги. Как убежишь подальше, начну я плакать да на помощь звать.

Барашек сделал так, как сказала девушка, — толкнул ее копытцем и бросился бежать. Стала дочь муллы плакать да на помощь звать. Воротился мулла, а она жалуется:

— Твой барашек меня копытцем ударил и убежал.

Разозлился мулла, что упустил барашка, прочитал заклинание и превратился в волка. Бросился волк барашка догонять. Увидел юноша, что мулла волком обернулся, сейчас его догонит, и превратился в иголку, на землю упал. Обернулся мулла решетом, давай скорей землю просеивать. Чувствует юноша, вот-вот доберется до него мулла, перекинулся в голубя и взлетел. Мулла ловчим соколом оборотился, стал голубя настигать. Голубь гранатом сделался, на дереве повис.

А в саду работал садовник. Видит, среди зимы на сухом деревце гранат висит, и тут же сорвал — отправился к падишаху, чтобы в дар ему гранат преподнести. Обрадовался падишах подарку садовника.

Принял мулла обличье нищего и вошел во дворец.

— Спросите, что нищему нужно, и дайте все, что ни попросит, — приказал падишах слугам.

Но что бы нищему ни давали, от всего он отказывался. Удивились приближенные падишаха:

— Чего же тебе надобно?

— Гранат хочу, — отвечал нищий.

Доложили падишаху:

— О владыка мира, что бы мы ни предлагали нищему, от всего он отказывается. Требуется гранат, что тебе садовник принес.

Услыхал об этом падишах, страшно разгневался да как хватит гранатом об пол! Разбился гранат, зернышки во все стороны раскатились. Мулла тут же в петуха превратился и ну зернышки клевать! Все склевал, кроме одного, а в него как раз и обратился сын сборщика колючек. Закатилось зернышко под трон падишаха, не достать его злему петуху.

Вдруг — что такое? Сделалось зернышко лисицей, налетела лиса на петуха — сейчас ему глотку перегрызет. Понял петух, что пришел его смертный час, и вернул себе облик мoulлы Базарджана. А лиса снова стала сыном сборщика колючек.

Изумился падишах, никак не может взять в толк, что тут происходит.

— Ты хотел, чтобы я вызнал заклинание мoulлы Базарджана, — молвил юноша. — Гляди, я его самого сюда доставил!

Вот оно что, оказывается! Сдержал бедняк слово, пришлось и падишаху доказать, что он своему слову хозяин. Приказал падишах празднично город украсить, обвенчал свою дочь с сыном сборщика колючек. Семь дней и семь ночей праздновали свадьбу, а потом снял падишах с себя венец и надел его на голову юноши — стал бедняк падишахом. Простил юноша мoulлу Базарджана, и зажили они все хорошо и счастливо. И вам того желаем!

Сад с желтыми розами

Персидская сказка

Перевод Н. Пригариной

было так или не было, кроме бога, свидетелей нет. Жил на свете старый сапожник, и была у него дочка, которую он очень любил. Бывало, всякий раз, как возвращается сапожник домой из лавки, он свою дочку и приласкает, и приголубит.

Вот раз накануне праздника надумал сапожник в лавке чистоту навести, старье да рванье повыбрасывать, все вымыть и вычистить. А тут сын падишаха отправился коня поить. Как раз мимо лавки сапожника едет, а сапожник давай швырять на улицу старые башмаки. Испугался конь, понес, сын падишаха и свалился на землю. Разгневался и говорит сапожнику:

— Завтра опять поеду этой стороной, так чтобы и духу твоего, и лавки здесь не было, иначе пеняй на себя.

Заплакал бедняга сапожник, стал о прощении молить. Смилостивился сын падишаха:

— Так и быть, если к празднику сошьешь мне наряд из цветов, позабуду все, если нет — прощайся со своей лавчонкой.

Пришел сапожник домой сам не свой, дочку не приласкал, есть-пить не стал, лег в постель, спящим притворился. А дочка промолчала, ни о чем не спросила.

И на второй вечер, и на третий приходит старик домой угрюмый, дочери доброго слова не скажет, куска в рот не возьмет, сразу ложится в постель и до утра голову ломает, как такое платье сшить.

А сын падишаха каждое утро подъезжает к лавчонке, спрашивает, готов ли наряд из цветов. Слезам да уговорами вымаливает старик отсрочку.

На четвертый день вернулся старик домой, а дочка и говорит:

— Отец, вот уже три дня, как ты меня ни разу не приласкал.

— Голубушка, что за беда, ведь ты уже не ребенок!

— Милый отец, — сказала дочь сапожника, была она разумной и сметливой, — разве я не вижу, что ты ходишь сам не свой? Признайся, что тебя печалит?

Старик скрепя сердце поведал дочери обо всем, что случилось. Рассмеялась девушка:

— Не горюй, ответь сыну падишаха так: принеси выкройку из цветов, будет тебе цветочный кафтан. Принеси ножницы из цветов, будут тебе цветочные шальвары^[69]. Принеси иглу из цветов, будет тебе цветочная тюбетейка. Принеси наперсток из цветов, будут тебе цветочные чулочки.

Приободрился старик: хоть и мало надежды, а вдруг да поможет!

Стал сын падишаха опять наряд из цветов требовать, а старик и молвит:

— Принеси выкройку из цветов, будет тебе цветочный кафтан. Принеси ножницы из цветов, будут тебе цветочные шальвары. Принеси иглу из цветов, будет тебе цветочная тюбетейка. Принеси наперсток из цветов, будут тебе цветочные чулочки.

— Кто тебя научил так отвечать? — удивился юноша.

— Никто, — молвит старик.

А сын падишаха не отступает:

— Что же ты раньше так не отвечал? Признавайся, кто тебя научил?

Долго старик отпирался, а как стал царевич его бранить, задрожал от страха и говорит:

— О господин, есть у меня дочка. Она и научила меня, как отвечать.

— И сколько же ей лет?

— Четырнадцать.

Без памяти влюбился сын падишаха в дочь сапожника. Пришел домой и говорит матери:

— Матушка, я решил жениться на дочери сапожника, засылай без промедления сватов.

Мать давай его отговаривать:

— Тебе, сынок, подобает брать в жены дочь везира [\[70\]](#) или купца.

Однако ж юноша ни в какую не уступает. Огорчились отец с матерью, но неволить сына не стали — посватали за него дочь сапожника.

Решила Сапожникова дочь сделать жениху наряд из цветов. Нарвала цветов, день и ночь сидела работала, один цветок к другому подбирала. А юноша в подарок невесте украсил поднос с угощением золотыми монетами и приказал служанке отнести его Сапожниковой дочке.

Подошла служанка к дому сапожника, постучала в дверь, а девушка ей отвечает:

— погоди, я шью цветочный кафтан.

Служанка подождала с четверть часа, потом снова постучала в дверь.

— погоди, я шью цветочные шальвары.

Служанка поставила поднос на землю, стянула с него три золотые монеты и снова постучала в дверь.

— погоди, я шью цветочную тюбетейку.

Тогда служанка взяла с подноса куриную ножку. Мясо съела, а кости выбросила.

Наконец служанку впустили в дом. Отдала она поднос с угощением и говорит:

— Мой господин велел спросить, есть ли у тебя какое желание? Передай его мне.

— Ничего мне не надобно. Вот что передай своему господину:

Трех монеток не достало,
Одноногой птица стала.
Хоть прислуга не добра,
А не сгонишь со двора.

Служанка не поняла смысла этих слов, взяла цветочный наряд, который невеста послала жениху в ответ на угощение, и отправилась во дворец. Отдала невестин подарок и сказала:

— А еще госпожа велела передать такие слова:

Трех монеток не достало,
Одноногой птица стала.
Хоть прислуга не добра,
А не сгонишь со двора.

— Что ж! — ответил сын падишаха. — Раз госпожа так сказала, я стерплю и наказывать тебя не стану. Однако впредь, если такое сделаешь, велю тебя казнить. А теперь ступай, верни невесте золотые монеты.

Служанка со смиренным видом отправилась в дом сапожника и отдала девушке три золотые монеты, а в душе затаила злобу: «Ну, покажу я этой дочери сапожника! Я ее со свету живу!»

Отправился сын падишаха на базар и видит: юноши покупают яблоки и посылают их невестам. Надкусит девушка одно яблоко, останутся на нем следы ее зубок, а жених потом съест тот кусок, на котором зубки отпечатались. Сын падишаха тоже купил яблок, отдал их служанке и приказал:

— Отнеси яблоки госпоже, попроси ее одно яблочко надкусить, а потом мне принеси.

Взяла служанка яблоки и по дороге съела все, кроме одного. А это последнее отхватила своими огромными зубищами прямо до самых семечек. Принесла она яблоко сыну падишаха и говорит:

— Ну и зубки у госпожи! Яблочко до самой сердцевины прокусила!

Стыдно стало юноше перед людьми, да делать нечего, доел он остаток яблока.

В другой раз купил он тувельки и приказывает служанке:

— Отнеси госпоже. Будут ей впору, пусть оставит у себя, а нет — принеси обратно.

Отошла служанка подальше, вымазала свои ножищи в грязи, сунула их в тувельки, тут задник у одной и порвался. Вернулась она к сыну падишаха и говорит:

— Стала госпожа тувельки примерять, оступилась, попала ногой в грязь, вот их и испачкала. А задник порвался, потому что тувели ей малы. Ножища у нее помилуй бог, другой такой не сыщешь!

Отправился юноша домой. Вернулся во дворец, затворился семью запорами. Сам себе невесту выбирал, как теперь откажешься? А падишах посылает к сыну служанку:

— Потерпи, сынок, через неделю твоя свадьба!

Опечалился юноша, да делать нечего, чему быть, того не миновать.

Украсили город, семь дней и ночей длилось празднество. Привезли невесту в дом жениха, посадили в брачных покоях, ждет она своего суженого, а от него — ни слуху ни духу. И один вечер его нет, и второй. День идет за днем, а жених и глаз не кажет.

Тем временем сын падишаха в своих покоях говорит матери:

— Не хочу жениться на этой девушке. Отошли ее, матушка, обратно к отцу.

Поняла мать, дело тут нечисто, да не стала гнать из дома такую красивую и умную невестку, а сказала ей:

— Завтра выйдет мой сын прогуляться в сад с желтыми розами. Нарядись в желтое платье, сядь на солового жеребца и поезжай в сад. Станет он тебя уговаривать спешиться, не слушай. Прими из его рук желтую розу и скорей скачи к воротам.

Надела девушка желтое платье, села верхом на солового жеребца и отправилась в сад с желтыми розами. А сын падишаха, как увидел прекрасную всадницу, влюбился в нее без памяти, нарвал букет желтых роз, протянул его девушке и стал молить ее сойти с коня. Приняла девушка букет желтых роз и

ускакала прочь.

На следующий день собрался юноша в сад с красными розами, а дочь сапожника надела, как ей наказывала мать жениха, красное платье, села верхом на огненно-рыжего жеребца и поскакала в сад с красными розами.

Увидел юноша красавицу во второй раз, думает: «День на день не приходится. Может, сегодня уговорю ее спешиться». Нарвал букет красных роз и преподнес девушке. Но девушка не дала ему и слова вымолвить, стегнула коня хлыстом и быстрее ветра скрылась из виду.

На третий день мать юноши наказала девушке быть в саду с белыми розами. Нарядилась дочь сапожника во все белое, украсила себя лучше прежнего и села на белого коня. А сын падишаха уже ее в саду поджидает. Протянул он красавице букет белых роз, изловчился и схватил ее за руку. Не стала девушка противиться и на землю сошла. Сели они жажду утолить, а дочь сапожника захватила с собой сонного зелья и подмешала его юноше, потом, будто ненароком, разбила кувшин, порезала палец на руке и стала причитать да приговаривать:

— Ой, болит мой пальчик! Ой, болит!

Достал сын падишаха платок, перевязал красавице палец, и тут его сон сморил. А девушка взяла букет белых роз, села на коня и ускакала.

Поздно вечером очнулся юноша, возвратился во дворец и вдруг слышит, кто-то плачет:

— В саду с желтыми розами я гуляла, в саду с красными розами я гуляла, в саду с белыми розами я гуляла, кувшин разбила — милый друг палец платочком повязал. Ой, болит мой пальчик! Ой, болит!

Прислушался юноша: да это же голос красавицы! Поспешил он туда, откуда доносился плач, и видит: сидит девушка в белом платье, держит в руках букет белых роз и плачет горькими слезами, а палец у нее его платком перевязан.

Тут мать юноши и рассказала ему обо всем. Обрадовался сын падишаха, а как остались они с невестой одни, признался:

— Я на тебя и глядеть не хотел! Сколько сраму из-за тебя натерпелся! Туфли, что я послал тебе примерить, вернула все в грязи и с разорванным задником! Яблоко ты надкусила так, что все семечки наружу вылезли! Постыдился я сказать об этом отцу с матерью.

Поклялась невеста, что ни яблока, ни туфель в глаза не видела и что все это — проделки служанки. Приказал сын падишаха позвать служанку, и призналась та, что и туфли нарочно порвала и испачкала, и яблоко нарочно надкусила. Повелел сын падишаха казнить обманщицу, но невеста заступилась за служанку, отпустили ее подобра-поздорову. Как узнал падишах, что жених вернулся к невесте, обрадовался и приказал:

— Снова украсьте город! Снова зажгите повсюду огни! Будем праздновать свадьбу!

И тотчас исполнили его повеление, семь дней и ночей веселились и пировали, а потом все жили долго и счастливо.

К персидской сказке «Сад с желтыми розами».

Турецкие сказки

Рябой петушок и Бейоглу

Турецкая сказка

Перевод К. Беловой

авным-давно, когда верблюд был зазывалой, а блоха — брадобреем, так давно, что и не вспомнить, в решете ли, во соломе, когда я дядюшкину люльку — скрип-скрип! — качала, тут и сказочке начало.

Жил да был в те давние времена рябой петушок. У петухов какие заботы? Хоть рыжий, хоть рябой, хоть холеный, хоть худой — все одно: разок промолчать да два раза прокричать, а остальное время в мусорной куче вверх хвостом торчать. Ройся себе да поглядывай — вот и все петушины дела.

Рябой петушок так и жил — то пел, то молчал, а больше в мусоре торчал. Вот однажды копался он, как всегда, в куче и нашел золотую монету. Нашел и растерялся от радости:

— Что же мне с этим золотым делать? Может, отнести Бейоглу?[\[71\]](#) Пусть у себя хранит, а как мне понадобится, заберу.

Приходит петушок к Бейоглу и говорит:

— Вот, Бейоглу, нашел я золотую монету и принес тебе. Хорошо я сделал или плохо?

— Конечно, хорошо, — отвечает Бейоглу.

— Возьмешь ли монету на хранение? Отдашь ли обратно, как придет время и мне она понадобится?

— Отдам, — сказал Бейоглу. — Я ведь сын бея. У меня все по чести-совести, я свое слово держу.

— О себе не толкуй, лучше скажи, могу ли я положиться на твое слово?

— Можешь, — кивнул Бейоглу.

— Тогда вот тебе мой золотой.

И отдал рябой петушок свою монету Бейоглу.

Время как вода течет. Пришел день, когда потребовались рябому петушку его денежки. «Пойду-ка, — думает, — к Бейоглу, заберу свой золотой, разменяю его и потрачу».

Отправился петушок в путь. Шел-шел и повстречал по дороге лису.

— Петушок, петушок, ты куда идешь? — спрашивает лиса.

— К Бейоглу иду, у него мой золотой хранится, надо забрать.

— Возьми меня с собой, вместе пойдём.

— Дорога далекая, устанешь, — молвит рябой петушок.

— Сколько смогу — столько пройду, а устану — так отстану.

— Раз так, то пошли.

Стало их теперь двое друзей, и пустились они в путь с разговорами. Не прошли и половины, как лиса задыхаться начала, язык у нее стал заплетаться.

— Устала я, братец петушок, нет больше моей моченьки!

— А я тебе что говорил?

— Правильно говорил. Не подумала я, вот и выбилась из сил. Что же мне теперь делать?

Поглядел на нее рябой петушок, подумал и говорит:

— Не беда! Лезь ко мне в живот, я тебя донесу.

Забралась лиса к нему в живот, отыскала себе местечко, устроилась.

Идет петушок дальше. На этот раз встречается ему волк.

— Куда путь держишь, рябой петушок?

— Есть у меня один золотой, хранится у Бей-оглу. Иду забирать его.

— Возьми меня с собой, вместе пойдём.

— Дорога далекая, устанешь.

— Сколько смогу — столько пройду, а устану — так отстану.

— Ну, коли так, пошли вместе.

Пустились они в путь. Идут рядышком, разговаривают. Дорога еще и близко к городу не подошла, а у волка сил не осталось, ноги подгибаются, язык заплетается.

— Устал я, братец петушок, нет больше моей моченьки!

— А я тебе что сказал, когда ты со мной просился?

— Сказал, что дорога далекая, устану.

— Выходит, правильно я говорил?

— Так-то оно так, только сейчас не будем об этом. Лучше скажи, что нам теперь делать?

Пожалел рябой петушок волка:

— Лезь ко мне в живот, понесу и тебя тоже.

Забрался волк к петушку в живот, отыскал себе местечко, устроился.

А петушок шел-шел и пришел к реке. Шумит-бурлит река, белой пеной покрылась. Увидала рябого петушка, окликнула его:

— Ты куда путь держишь, петушок?

— В город, куда еще?

— А что за дела у тебя в городе?

— У Бейоглу мой золотой хранится, иду забирать его.

— Ах, ах! — завздыхала река. — Сколько лет теку, и ни разу не удалось мне свернуть в сторону, побывать в городе. Раз уж ты идешь туда, не возьмешь ли меня с собой?

— Я бы взял, да дорога далека, устанешь.

— Как устану — так отстану, потеку и остановлюсь. Ты только возьми меня с собой, а дальше не твоя забота.

— Ладно, — сказал рябой петушок и взял реку с собой.

Идут они, идут с разговорами, не прошли и половины пути, как река заохала: вода у нее то светлеет, то мутнеет.

Что такое?

— Нет моей моченьки, рябой петушок! — не выдержала река. — Совсем из сил выбилась. Видно, здесь конец моей дороженьке.

— А ведь я предупреждал тебя.

— Верно, предупреждал.

— Что же мне с тобой делать?

— Если хочешь, брось меня и иди своей дорогой. А хочешь — возьми меня к себе в живот и донеси до города. Когда-нибудь отплатится тебе добром за твое добро.

— Не надо мне никакой отплаты. Залезай ко мне в живот и пошли, не будем терять время на разговоры.

Теперь и река забралась в живот к рябому петушку, отыскала себе местечко, устроилась.

Наконец добрался рябой петушок до города, явился к Бейоглу и говорит:

— Вот я и пришел, Бейоглу.

— Добро пожаловать.

— Мне мой золотой потребовался. Давай его обратно.

— Какой еще золотой? Нет у меня никаких золотых. Я сын великого бея. Неужели унижусь до того, чтобы брать золотые у рябых петухов вроде тебя?

Начал рябой петушок увещевать обманщика:

— Не делай так, Бейоглу. Лучше добром отдай мой золотой. А то и у меня против тебя сила найдется.

Тут Бейоглу как закричит:

— Ах ты, такой-сякой! Смеешь здесь разговаривать! Ну-ка, слуги, бросьте его в гусятник, пусть образумится!

Схватили рябого петушка и бросили в гусятник. Гуси шею вытянули, зашипели, накинулись на петушка — сейчас заклюют, разорвут в клочья. Вдруг из живота петушка как выскочит лиса — мигом положила конец всему гусиному племени!

Выбрался рябой петушок из гусятника и опять явился к Бейоглу:

— Отдай золотой, Бейоглу! Я от своего не отступлюсь. А то и у меня против тебя сила найдется.

— Ну-ка схватите его скорей и бросьте в загон к мулам, пусть забьют его копытами до смерти! — приказывает Бейоглу слугам.

Схватили рябого петушка за крылышки и бросили к мулам. Как начали мулы лягаться! Чуть не убили бедного! Тут вылез из его живота волк, оскалил зубы да как зарычит:

— Стойте смирно, ни с места!

Набросился на мулов и порешил весь их род под корень.

Выбрался рябой петушок из загона и опять идет к Бейоглу.

— Послушай меня, Бейоглу! Не делай того, что не подобает. Поступи достойно своего имени. Отдай мой золотой.

Бейоглу совсем рассвирепел:

— Да что же это за петух такой настырный? Когда я, наконец, избавлюсь от него? Бросьте его в печь, — слугам приказывает, — пусть обжарится хорошенько, съем петуха за ужином!

Схватили рябого петушка и бросили прямо в печь. Тут вырвалась река из его живота и погасила огонь. Не осталось в печи ни дыма, ни пламени.

Выбрался рябой петушок из этой беды и опять пришел к Бейоглу.

— Отдавай золотой, — говорит.

Видит Бейоглу, что нет ему спасения от рябого петушка, и повелел слугам:

— Отведите петуха в мою сокровищницу. Пусть возьмет свой золотой.

Отвели петушка в сокровищницу Бейоглу, перебрал петушок все золотые монеты, что там были, нашел свою собственную, рассмеялся и отправился восвояси. Потом разменял золотой, купил ячменя и пшеницы. Зажили они с курами и цыплятами безбедно, и не было у них недостатка в еде и питье до конца дней.

Щедрый и скупой

Турецкая сказка

Перевод К. Беловой

авным-давно, теперь уж и не вспомнить, в решете ли, во соломе, когда верблюд выкликал вести громким голосом, когда я своего хозяина в люльке — скрип-скрип! — качал, росло возле нашего дома огромное дерево. Нанял я сорок человек обстругать его да еще сорок человек — выдолбить. Потом засыпал внутрь сорок казанов пшеничного плова с мясом, влил сорок котлов кислого молока. Перемешал все и съел, но ни губы мои, ни язычок даже и не почувствовали вкуса варева. А вот если тебе дать целую речку компота, целую гору плова да кучу голубцов каждый с мою руку величиной, согласишься ли ты сказку сказывать? Я, пожалуй, соглашусь да сразу же и начну.

Было так или не было, но жили в одной стране Щедрый и Скупой. Человека сразу трудно распознать. Он ведь не дыня — сквозь кожицу не прощупаешь. И не лимон — по запаху не узнаешь. Все плохое и все хорошее у него внутри. Как бы то ни было, Щедрый и Скупой подружились друг с другом. К тому же обоим надо было идти в чужую страну. «Раз уж мы стали друзьями, — решили они, — то и в путь отправимся вместе».

Кто путешествовал, знает: одному идти — дорога длиннее кажется, вдвоем идти — дорога короче, день как час пролетает.

Щедрый и Скупой вышли утром спозаранку и за разговорами прошагали почти до полудня. Устали от такого длинного перехода да и проголодались. Как подошли к источнику, Щедрый предложил:

— Давай здесь остановимся, отдохнем и поедем немножко.

— Хорошо, — согласился Скупой.

Расположились они на зеленой лужайке. Щедрый развязал свою котомку с едой, достал все, разложил, начал угощать Скупого. А Скупой — он и есть скупой. Не заставил себя долго упрашивать, тут же навалился на еду. Поели, попили, отдохнули и опять в путь отправились.

Прошли еще один немалый переход, на этот раз Скупой говорит:

— Я устал.

— Я тоже, — отвечает Щедрый. — И устал, и проголодался.

— Давай, — предлагает Скупой, — остановимся да поедем.

Дошли они до ручья и расположились возле него. Щедрый опять развязал котомку, выложил все свои припасы, угощает Скупого. Тот отказываться не стал, быстро умял угощение.

— Хорошо поели! — доволен Скупой.

Снова отправились они в путь. Шли-шли, шли-шли, еще один переход прошли. Так устали, что с ног валяются.

— Умираю, нет моих сил, — признался Щедрый. — Давай здесь остановимся, я больше и шага шагнуть не могу.

— Я тоже.

— Есть и пить хочется невмоготу.

— И мне тоже.

— Только у меня никаких припасов не осталось, — говорит Щедрый. — А у тебя есть что-нибудь?

— Нет, — рассердился Скупой.

— Неужели нет? Кто собрался в дорогу, у того все должно быть предусмотрено.

— Да откуда! — удивился Скупой. — Ничего у меня нет.

Почему Скупой соврал? Да потому, что он скупой, готов голодным остаться, лишь бы с товарищем не поделиться.

Настал вечер, воды потемнели, на небе звезды зажглись...

Люди говорят: два раза попить — все равно что раз поесть. Но это только так говорят. А на самом деле у воды свое место, у еды — свое.

Щедрый не то что два раза — двадцать два раза воду пил, но — увы! — в животе все так же урчало и посасывало от голода. Наконец не выдержал он, говорит Скупому:

— Пройдусь-ка я по окрестностям, может, где кусок хлеба раздобуду.

Шел он, шел в ночной темноте и наткнулся на мельницу. Позвал мельника — нет ответа. «Дай, — думает, — войду внутрь, хоть запахом муки подышу, обману нутро».

Только Щедрый переступил порог, как поднялся такой шум и гам, что не приведи бог! Спрятался он за мешки и что же видит? Целая толпа джиннов^[72] устроила на мельнице свой ночной шабаш. Заиграли джинны на бубнах и барабанчиках, начали песни петь, хороводы водить. Потом устали, сели в кружок, давай разговаривать. Один джинн говорит:

— В той деревне, где я поселился, есть кузнец-бедняк. Нахлебников у него целых одиннадцать душ. Несчастный едва концы с концами сводит. Знал бы он, что у него под кузницей богатейший клад зарыт! Только копни поглубже, тут тебе и золото, и алмазы. Мог бы стать богачом!

— Это что! — перебил его другой джинн. — А вот в той стране, где я поселился, падишах на оба глаза ослеп. Ни главный лекарь, ни главный советник не могут ему помочь. А ведь есть очень простое средство. Каждое утро в сад падишаха прилетает соловей, садится на стебель розы и поет-заливается. Поймали бы того соловья, дали бы ему проглотить две черные тутовые ягоды, потом сказали бы: «Выплюнь, соловушка, выплунь!» Он бы выплюнул те ягоды, их соком смочили бы глаза падишаха, он бы тут же прозрел.

— Ах, человек, человек! — вздохнули джинны. — Воистину странное создание!

Пока они так беседовали, усталость прошла, снова принялись джинны за песни и за пляски. А едва забрезжил рассвет, вмиг исчезли. Рассеялись как пыль, развеялись как дым — и следа не осталось.

Щедрый насилу этого дождался, тут же побежал в деревню, где жил бедный кузнец. Разыскал его и просит:

— Давай скорей лопату!

— Зачем тебе лопата? — удивился кузнец.

— Тащи лопату, остальное пусть тебя не волнует.

«Похоже, этот человек знает какую-то тайну», — решил про себя кузнец и дал ему лопату.

Щедрый перевернул всю кузницу вверх дном, но докопался до клада. Много там было и золота, и серебра, и разных украшений. Кузнец от радости не чует ног под собой, бросился он Щедрому на шею:

— Ты узнал о кладе, ты его нашел, бери себе половину.

— Спасибо! — отвечает Щедрый. — Ничего мне не надо. Семьи у меня нет, поить-кормить некого.

Один я на свете. Забирай клад и устраивай свои дела.

Сказал так и ушел.

Через некоторое время приходит Щедрый в ту страну, где падишах ослеп на оба глаза, и является прямо во дворец:

— Государь, принес я тебе избавление от твоего несчастья.

— Говори скорее, что надо делать?

— У тебя ведь есть сад?

— Есть, конечно. У каждого падишаха есть свой сад.

— А розовый куст в саду растет?

— Конечно! Все падишахи любят розы.

— А садится ли по утрам соловей на этот розовый куст?

— Роза любит соловья, а соловей вздыхает о розе. Это всем известно.

— Распорядись поймать соловья и дай ему проглотить две черные тутовые ягоды. Потом скажи: «Выплюнь, соловушка, выплюнь!» А как выплюнет, смажь соком этих ягод свои глаза.

— А потом?

— Потом глаза твои прозреют, государь.

Сделали все, как велел Щедрый. Только смазали глаза падишаха соком тутовых ягод, он тут же прозрел.

— Проси у меня чего хочешь, — говорит падишах Щедрому.

— Хочу, чтобы ты был здоров!

— От моего здоровья тебе пользы нет. Проси чего хочешь.

— Хочу, чтобы ты был здоров!

Видит падишах, что перед ним человек щедрый, скромный, великодушный.

— Не могу я остаться в долгу перед твоей добротой, — говорит. — Отдам тебе в жены свою дочь, посажу тебя на самое почетное место во дворце. Что на это ответишь?

Щедрый потупил голову:

— Что ты ни скажешь, что ни сделаешь, все хорошо.

Отдал падишах за Щедрого свою дочь, велел зажечь праздничные огни и справлять свадьбу.

Пока Щедрый и дочь падишаха пируют на свадьбе да угощаются сладким пловом с душистым шафраном, посмотрим, что стало с нашим Скупым.

Ждал он, ждал своего товарища, и закралось в его душу подозрение: раз человек ушел и не

возвращается, значит, наверняка что-то нашел. «Дай-ка, — думает, — и я пойду туда же и найду то же, что он нашел».

Побрел Скупой в темноте наугад. Шел-шел и наткнулся на мельницу. Только перешагнул через порог, поднялся такой грохот и шум, что и описать нельзя. Скупой тут же забился в угол, смотрит — целая толпа джинов собралась. А были это те же самые джины, что и в предыдущую ночь. И начали они опять песни играть, хороводы водить, плясать да притопывать. Потом устали, расселись на полу и давай разговаривать.

— Помните, — начал один, — мы прошлый раз здесь сидели, беседовали, и я рассказал про бедного кузнеца, у которого под кузницей клад зарыт? Я тогда еще сказал, что если бы он копнул поглубже да нашел бы этот клад...

— Помним, помним! — перебили его джины. — Так что с ним стало?

— А вот что. Кто-то пришел, сказал об этом кузнеце, они всю землю под полом перерыли и нашли клад. Теперь кузнец уже не бедняк несчастный, а богачом стал на нашу голову!

— Ай-яй-яй! — завопили джины.

— Это еще что, — говорит другой джинн. — Помните, я в ту же ночь рассказывал о падишахе, который ослеп на оба глаза?

— Рассказывал, хорошо помним! Неужели и с ним тоже что-то случилось?

— Случилось. Кто-то пришел, научил падишаха, и они сделали все, как я сказал. Теперь падишах стал зрячим.

— Ай-яй-яй! — опять закричали джины. — Ведь это все такие вещи, до которых человек сам додуматься не может.

— Конечно, не может!

— Значит...

— Значит, кто-то проник сюда и выведал наши тайны. Ну-ка давайте обобщем мельницу.

Отодвинули джины мешки с мукой, а за ними Скупой сидит, от страха дрожит. Главный джинн не дал ему и слова сказать, повелел остальным:

— Излупить этого негодяя как следует, чтобы впредь умнее был!

Набросились джины на Скупого, надавали ему пинков и оплеух и оставили лежать, а сами скрылись.

Что еще сказать? Сказка за сказкой, все по порядку, язык разболтался, а небу сладко. На том и закончим.

Про Кельюоглана и Мусу

Турецкая сказка

Перевод К. Беловой

авным-давно, теперь уж и не вспомнить, в решете ли, во соломе, когда верблюд выкликал вести громким голосом, когда я батюшкину люльку — скрип-скрип! — качала, тут матушка у дверей закричала. Я к ней скорей впопыхах, а батюшка-то из люльки — бах! То одного качаю, то другого, оба плачут. Тут матушка вскочила — да за чуприну, а батюшка — за дубину, и пошли меня гонять по углам! Я бегу мимо печки — хватъ горячей каши, а сверху на меня горшок с простоквашей! Насилу спаслась, тут и сказка началась.

Жил на свете Кельюоглан[73], и были у него отец с матерью. Состарился отец, совсем плохой стал. Вот перед смертью и говорит сыну:

— Слушай, сынок, мое отцовское наставление. Никогда не имей дела с одним человеком. Человек этот малого росточка, на лице ни волосочка, глаз косой, звать Мусой. Даже пшеницу на его мельнице не мели.

Сказал так и покинул этот мир.

Мертвые уходят, живые остаются. Много времени прошло с тех пор, наступила весна, потом лето. Однажды мать Кельюоглана говорит ему:

— Отрада глаз моих, сынок мой Кель! Не осталось у нас ни муки, ни отрубей. И самим есть нечего, и скотина голодная. Возьми-ка ты пшеницы, отвези на мельницу, пусть смелют. Будет и нам еда, и скотине корм, вместе порадуемся.

— Хорошо, матушка, я так и сделаю, — сказал Кельюоглан.

На рассвете вывел он ишака из хлева, навьючил на него мешки с пшеницей и с первыми птицами отправился в путь. Дорога к мельнице по горам-долам идет, а сама мельница у водопада стоит. Вода сверху падает, большое колесо крутит, а от него и жернова крутятся-поскрипывают, зернышки перемалывают.

Подходит Кельюоглан к мельнице, и что же он видит? Сидит у двери человек малого росточка, на лице ни волосочка, глаз косой...

«Эге, — думает Кельюоглан. — Если еще и звать его Мусой, то лучше мне послушаться отцовского наставления». Подошел он ближе к человеку и спрашивает:

— Как тебя зовут, уважаемый?

А тот отвечает невозмутимо:

— Мусой.

Понял Кельюоглан, что это тот самый человек, о котором его отец предупреждал: малого росточка, на

лице ни волосочка, глаз косою, звать Мусой. «Нет, — думает, — не послушаюсь я отцовского наставления, поеду отсюда скорей!»

Развернул он своего ишака и погнал ко второй мельнице. В деревнях ведь мельниц много, не то что в городах. Но тот человек, малого росточка, на лице ни волосочка, рассердился: «Вот я тебе покажу, как убегать от меня!»

Вскочил и короткой дорогой обогнал Кельюоглана, успел ко второй мельнице раньше его. Опять устроился перед дверью — ноги под себя, по-турецки, сидит себе, поглядывает.

Кельюоглан плетется чуть живой от усталости после крутых склонов да извилистых дорог. Только подошел к мельнице и тут же увидел Мусу.

— Ох, горе мне, горе мне! Опять он на мою голову!

Развернул скорей ишака, хлестнул его хворостиной, только собрался бежать, как Муса окликнул его:

— Напрасно стараешься, Кельюоглан! В этой округе три мельницы, и все они принадлежат мне. Некуда тебе больше податься. Лучше уж смирись, давай я перемелю твою пшеницу.

— Нет уж, — молвил Кельюоглан. — Не могу я послушаться отцовского наставления, не буду молотить у тебя пшеницу. Счастливо оставаться!

— погоди, — загородил ему путь Муса. — Давай заключим с тобой договор. Если я выйду победителем, то заберу твою пшеницу вместе с ишаком. Если ты выиграешь, отдаю тебе одну из моих мельниц.

— В чем же мы будем состязаться?

— Во вранье. Кто лучше совет, тот и выиграл. Согласен?

Еще бы не согласен! Кельюоглан ведь известный выдумщик!

Пожали они друг другу руки, и состязание началось. Первым повел свои рассказы Муса:

— Вот послушай, Кельюоглан! Отец-то мой был не мельником, а пахарем. Осенью сеял, зимой-весной ждал урожая, летом зерно молотил. Однажды на нашем гумне взошел арбуз. Стали мы за ним ухаживать, чтобы лучше рос. Уж мы его хохим, уж мы его поливаем, а он растет-наливается. Такой большой вырос — с гору величиной! Созрел наш арбуз, и нанял отец дровосеков разрубить его. Взмахнул дровосек топором и уронил его прямо в арбуз. Что делать? Пришлось ему лезть в арбуз топором искать. Забрался внутрь, кружит, плутает, не может найти пропажи. Вдруг видит, неподалеку еще какой-то человек ходит. Дровосек к нему: «Земляк, я тут топор потерял, не попадался ли он тебе?» Человек только рассмеялся в ответ:

«О чем ты говоришь, земляк! Я караван верблюдов потерял, семь дней, семь ночей ищу, но до сих пор даже следов копыт не встретил!» Делать нечего, пришлось нам всем взяться за поиски дровосека с топором и караванщика с верблюдами. Привел отец из города еще целый отряд дровосеков, и разрубили они наш арбуз пополам. Тут как хлынула из него вода, пошли потоки по горам, по холмам, дошли до самого Стамбула, и образовалось из них Мраморное море.

Остановился безбородый Муса, смотрит на Кельюоглана. Тот почесал голову и говорит:

— Теперь послушай меня! Мой-то отец пчел держал. Дело это нелегкое. Бывало, чуть свет — он уж на пасеке, считает, сколько пчел вылетело из улья. Вечером по штукам считает, сколько их вернулось в улей. Вот однажды пчела-хромоножка не прилетела домой. Опечалился отец, всю ночь не спал, думал: что же могло с ней случиться? Любил он эту пчелу за хороший мед. Думал, думал, к утру придумал. Взял мешочную иглу, воткнул ее в землю, встал на нее босой ногой и начал смотреть с высоты по сторонам. «Вижу, — говорит, — как какой-то крестьянин в деревне Физане поймал нашу хромоножку, впряг ее в соху

вместе с быком, теперь пашет на паре! Седлайте мне петуха поскорей!» Я хватя петуха, оседлал его, и отец верхом поехал в Физан. Вызволил он нашу пчелу, но, пока ездил, седло натерло петуху спину. Смазали мы больное место ореховым маслом, и вдруг появился на этом месте ореховый росток. Мы и ахнуть не успели, как превратился он в огромное дерево. Опали с него листья, сделалось из них большое поле. Мы это поле засеяли, выросла на нем пшеница по пояс. Созрела пшеница, пришли мы с косами, только собрались косить, навстречу лисица — скок! Взмахнул отец косой, накинул лисе аркан на шею. Лиса бежит, а коса вокруг нее кружит. Так и выкосила все поле дочиста. Обмолотили мы пшеницу, позвали сборщика налогов, стали урожай считать. Меряем-меряем зерно и вдруг в одной из мер видим бумагу. Развернул ее отец, покрутил так и сяк, потом подает сборщику налогов: «Погляди-ка, сынок, что тут написано, а то я никак не разберу». Тот смотрит, а в бумажке вот что написано: «Кельюглан победил, безбородый проглотил».

Закончил Кельюглан свой рассказ, рассмеялся Муса до слез.

— Молодец, Кельюглан! — говорит. — Ты еще только про мешочную иглу соврал, а я уж понял, что проиграл. Дальше мог бы и не утруждать себя. А ведь я, честно сказать, давно ищу такого человека, как ты. Забирай себе все три мои мельницы, смотри за ними хорошенько и заботься обо мне, пока я жив.

С тех пор Кельюглан, его мать и мельник зажили по-новому — весело и безбедно.

Сухой гранат и полотенце с кружевной каймой

Турецкая сказка

Перевод К. Беловой

авным-давно, теперь уж и не вспомнить, в старой бане, в новом доме, в решете ли, во соломе, когда я бабушкину люльку — скрип-скрип! — качала, тут бы и сказочке начало, да лев пришел, народ распугал, всяк от него куда мог убежал. Сидят по углам, спасаются. Тут пропел петушок, курочка снеслась, а сказка наша вот так началась.

Далеко-далеко от наших мест жила в одной стране старушка с сыном. Старушка была добрая, работающая, а верзила сын — лентяй лентяем. Весь день лежит себе на кровати, с боку на бок поворачивается да нежится, ни к какой работе рук не прикладывает. Как есть-пить захочет, так давай старушку погонять:

— Мать, давай хлеба! Мать, неси воды!

Старушка ни в чем ему не перечила. Таково уж материнское сердце, что с ним поделаешь? Смирилась она со своей судьбой. Запросит молодой лентяй хлеба, она тут же замешивает тесто, разводит огонь, хлеб печет, сыну подает. Запросит воды, она бежит к источнику, набирает в глиняный кувшин свежей воды, подает ему в белые руки:

— Пей, сыночек, на здоровье! Ешь, сыночек, на здоровье!

В каждой стране бывает свой глава-правитель. Вот и в той стране, где жили старушка и сын-лентяй, был падишах, а у него была дочь. Только с того дня, как дочь родилась, все дела у падишаха пошли вкривь и вкось. За что ни возьмется, все не ладится. И решил падишах, что все его неудачи из-за дочери.

— Нет у меня сына, — горюет он, — некого будет на трон посадить. А от дочери только и жди беды. Чуть оставишь без надзора, тут же к барабанщику или к зурнисту сбежит. И доброго слова от дочери не дождешься, а если и дойдет оно, то не вовремя.

Так говорил падишах и день ото дня все больше сокрушался, все больше терял надежду на то, что дела его поправятся. И вот однажды он решил: «Лучше мне прогнать эту девчонку. Пусть потом жалеть и страдать буду, зато дела пойдут на лад».

Недаром говорят: материнское сердце — из мягкого теста, отцовское сердце — из камня. Одно вздуется, да быстро осядет, а другое и не дрогнет — как есть каменное.

Вот на рассвете разбудил отец-падишах свою дочь, сунул ей в руки узелок и приказал:

— Уходи куда знаешь, чтоб глаза мои больше тебя не видели.

И выгнал ее на улицу.

Девочки — народ нежный, хрупкий, как лиловые гвоздики в цветочных горшочках. Чуть ветерок подул, они уже зябнут, чахнут; дождь ли пошел — сидят слезы льют. Всплакнула дочь падишаха:

— Голова ты моя, головушка, горемычная-несчастливая, видно, такая моя доля горькая — по белу свету скитаться.

И пошла куда глаза глядят с камнем на сердце.

Шла, шла, видит, у дороги лачужка стоит. Свернула девушка к ней, подошла к двери, постучала. Послышался старушкин голос:

— Кто там? Добро пожаловать!

— Спасибо, бабушка!

Сняла дочь падишаха верхнюю одежду, шагнула в уголок и села.

Прошло немного времени, и проснулся старушкин сын — тот самый, ленивец. Два раза потянулся, пять раз зевнул, потом говорит:

— Мать, я проголодался, дай мне хлеба!

Дочь падишаха глянула, хлеб у самого его изголовья лежит. Только руку протянуть, бери да ешь. Рассердилась она, схватила старушкину палку и ну парня охаживать:

— Ах ты лодырь, невежа! Хлеб рядом лежит, встань и возьми. И за водой живо беги!

С ленивцем в жизни такого не случалось, он с перепугу и сделал все, как девушка велела.

Стал он постепенно привыкать к порядку. Сначала мелкие дела делал, а потом втянулся, научился всякую работу работать.

Жил в той округе главный караванщик, водил он караваны верблюдов из страны в страну и тем зарабатывал себе на жизнь. Привела старушка к нему сына и стала упрашивать:

— Возьми его в услужение, век буду тебя благодарить. Три рта у нас в доме. Муж мой, кормилец, умер. Нечем нам жить.

— Хорошо, — говорит караванщик, — беру я твоего сына в услужение. Отправится он со мной в путь, караван уж готов. Живым-здоровым уходит, таким же и назад вернется.

— Счастливого пути, счастливого возвращения, сынок, — молвила старушка.

Навьючили погонщики верблюдов, выстроили их вереницей, и караван отправился в путь. Колокольчик на первом верблюде вызванивает: динь-бом, добро везем! Динь-бом, добро везем! На втором верблюде колокольчик спрашивает: дили-дали, где взяли? Дили-дали, где взяли? А третий колокольчик отвечает: там-сям, по мелочам! Там-сям, по мелочам!

Так они и шли — день и ночь, день и ночь. Давно уж остались позади деревья, зеленые травы, бурливые реки. Вступил караван в бескрайнюю пустыню — ни травинки, ни деревца, лишь песок раскаленный да солнце пожаром полыхает.

Кончилась у каравана вода, опустели бурдюки. Под вечер показались на пути две финиковые пальмы, а под ними колодец. Бросились к воде путники, но оказалось, что ушла из колодца вода. Что делать? Думали-гадали и решили спуститься вниз на веревке — расчистить родник на дне. А кто же будет спускаться? Конечно, старушкин сын. Он молодой, сильный да ловкий. Обвязали юношу веревкой и давай опускаться. Веревка разматывается, уж скоро кончится, а дна все нет. Наконец коснулся он ногами земли, присел на дно колодца, начал песок раскапывать, источник искать. И вдруг застыл в изумлении — привиделся ему вдали огонек. Смотрит, а огонек все ближе, ближе и превратился наконец в седобородого старика.

— Что ты тут ищешь, сынок?

— Источник ищу, дедушка. Попали мы в пустыню, погибаем от жажды.

— Много людей спускалось в этот колодец, но ни один из них не добирался сюда. Все возвращались с полпути. А ты, похоже, храбрый юноша. Ничего не испугался. Пожалуй, следует тебя наградить за это. Вот тебе гранат и полотенце с кружевной каймой. Возьми их и отнеси домой.

Отдал старик свои подарки и тут же исчез. А юноша быстро нашел родник, расчистил его, сделал углубление — и из него с шумом вырвалась вода. Дернул он веревку, подал знак, чтобы скорее вытаскивали, и выбрался наверх.

Пока верблюды и караванщики утоляли жажду и отдыхали, юноша поспешил отнести подарки домой. Прибежал, ищет мать, а ее нет нигде! Видит парень, дочь падишаха сидит возле дома на солнышке, вышивает шелковыми нитками. Просит он девушку:

— Вот дали мне подарки, да боюсь обронить их в дороге. Положи их куда-нибудь, сохрани до моего возвращения.

Вручил он девушке высохший гранат и полотенце с кружевной каймой, а сам бегом караван догонять.

Пока юноша путешествует с караваном по горам да пустыням, расскажу, что стало с дочерью падишаха. Только старушкин сын отдал ей гранат, она и подумала: «Съем-ка я его, а то пить хочется». Надкусила она кожуру, и вдруг гранат с треском раскололся пополам и посыпались из него жемчуга и алмазы.

Вскрикнула дочь падишаха:

— Что же это за гранат такой? Из него жемчуга и алмазы сыплутся! Надо скорее собрать их, обменять на деньги и построить дворец.

Расстелила она полотенце с кружевной каймой, чтобы собрать на него жемчуга и алмазы. Да не успела опомниться, как вышли из полотенца сотни воинов в доспехах, в дорогих одеждах и все на серых конях. А впереди — усатый военачальник. Поклонился он дочери падишаха:

— Приказывай, повелительница! Мои воины все выполнят с первого раза. Прикажешь убрать — уберут, прикажешь побить — побьют.

— Ничего не надо убирать, никого не надо избивать, — распорядилась дочь падишаха. — Возьмите эти жемчуга и алмазы, отнесите их в город и продайте. Потом вернитесь сюда и на вырученные деньги постройте дворец.

— Слушаю и повинуюсь! — поклонился усатый военачальник.

Сели воины на коней, прискакали в город, продали жемчуга и алмазы и вернулись назад. Сняли доспехи, засучили рукава и принялись за работу. Говорят, самые трудолюбивые существа в мире — муравьи и пчелы. Думаю, и они позавидовали бы такой работе.

Выстроили воины дворец всем на диво. Кто увидит его, так и застынет с пальцем во рту, кто услышит, покой потеряет, только о том и будет мечтать, как бы его повидать. Кончилась работа, старушка с дочерью падишаха перебралась из своей ветхой лачужки во дворец и стали там жить-поживать в радости и счастье.

Все хорошо, что хорошо кончается. Но что же стало с нашим юношей, который раньше был ленивцем?

Дошел караван до места. Разгрузили верблюдов, взяли новые товары и домой направились. Ровно через девять месяцев и десять дней вернулся караван в свою страну. Главный караванщик отсчитал юноше несколько монет и сказал:

— Вот твой заработок. Иди теперь домой.

Обрадовался юноша, прибежал к своей лачуге, громко окликнул:

— Матушка! Матушка! Я вернулся и деньги принес!

Недаром говорят о странствующих: уйдешь — и не вернешься, а если и вернешься, то прежнего уже не найдешь.

— Матушка! Матушка! — зовет юноша. — Где ты?

Ни материнского голоса в ответ, ни голоса дочки падишаха, которую когда-то пустили в дом. Прислонился юноша к запертой двери, охватили его черные мысли: «Бедная, несчастная моя матушка! Не вынесла разлуки со мной, умерла!»

Вдруг, откуда ни возьмись, появились воины в доспехах и дорогих одеждах. Не успел юноша спросить, кто они такие и откуда взялись, как схватили его под руки, повели прямо в баню — передали с рук на руки банщикам. Те сорок раз его намылили, сорока водами справа-слева окатили, оттерли-отмыли до белизны. Потом нарядили, подпоясали, золотом-серебром украсили и к двери подвели. А за дверью встречают его музыканты и танцовщицы, да так складно играют, так плавно танцуют! Ай да праздник!

С музыкой и весельем проводили юношу до дворца, вышли ему навстречу матушка и дочь падишаха. Взяли его под руки, привели к трону и говорят:

— Вот тебе дворец, вот тебе воины. Садись на трон и управляй! Теперь ты падишах!

Стал юноша падишахом. Матушка у него — по правую руку, дочь падишаха — по левую. Так в счастье и согласии управляли они и жителями своей страны, и воинами.

Как раз в тот день приготовила я блюдо баклавы^[74] и решила преподнести нашему юноше на счастье. Иду по дороге ко дворцу, вдруг из пруда лягушка: «Бре-ке-ке-ке-ке! Бре-ке-ке-ке-ке!» А мне послышалось: «Брось не-вда-ле-ке! Брось не-вда-ле-ке!» Бросила я блюдо — и бежать! Так и пропала наша баклава.

Турецкие народные анекдоты о Ходже Насреддине

Перевод Вл. Гордлевского

Суп из утки

идит однажды ходжа, что у источника плещутся утки. Когда он побежал, чтобы схватить их, утки улетели.

Ходжа сел у источника и, макая хлеб в воду, начал есть.

Кто-то сказал ему:

— Приятного аппетита, ходжа! Что ты кушаешь?

— Суп из утки, — отвечал ходжа.

«Ослу ты веришь, а мне не веришь»

днажды сосед попросил у ходжи осла.

— Нет у меня, — отвечал ходжа.

А в это время заревел осел.

Тогда сосед заметил:

— Эфенди [\[75\]](#), ты говоришь, что у тебя нет осла, а вон, слышишь, осел ревет.

Ходжа покачал головой и сказал:

— Господи боже мой, чудной ты человек: ты осла веришь, а мне, дожившему до седой бороды, не веришь.

«Сон убежал, вот я и ищу его»

ышел ходжа в полночь на улицу и прогуливается. Повстречал его градоправитель, обходивший город дозором, и говорит:

— Что это ты ищешь ночью по улицам?

— Сон убежал, вот я и ищу его, — отвечал ходжа.

Как ходжа напугал крестьян

ашел ходжа в деревню, и пропала у него сумка. Он и объявил крестьянам:

— Или вы найдете мне сумку, или... уж я не знаю, что сделаю.

Так как ходжа был человек известный и уважаемый, крестьяне заволновались, начали искать сумку и наконец нашли.

Но одного из них взяло любопытство, и он сказал:

— Миленький ходжа, а что бы ты сделал, если бы не нашли сумку?

Ходжа преспокойно заметил:

— Как что? Есть у меня дома старый коврик, пришлось бы из него сделать сумку.

Ходжа, проснувшись, просит очки

днажды ночью ходжа в волнении разбудил жену и говорит:

— Ай, жена, подай мне поскорее, пока я не разгулялся, мои очки!

Жена дала ему очки, но спросила о причине беспокойства.

— Мне снится красивый сон, но кое-что я не могу разглядеть, — ответил ходжа.

Деньги во сне

днажды ходже приснилось, что ему дают девять монет, а он стал спорить: «Ну, дайте хотя бы десять». В это время он проснулся и увидел, что ладонь у него пустая. Он немедленно снова закрыл глаза и, протянув руку, сказал:

— Ладно, давайте девять!

Ходжа хозяйничает в огороде

днажды ходжа забрался утром в огород и, что бы ни подвертывалось там: дыня, арбуз, морковь, репа, — все клал себе в мешок.

Вдруг нагрянул огородник. Ходжа перепугался.

— Ты чего тут делаешь? — закричал огородник.

Ходжа в смущении ответил:

— Вчера вечером сильный вихрь забросил меня сюда.

— Ну а это кто нарвал? — спросил огородник, указывая на содержимое мешка.

— Буря кидала меня из стороны в сторону, и вот за что я хватался, то и оставалось у меня в руках.

— Хорошо, ну а в мешок все это кто положил?

— Вот об этом-то я как раз и думаю, — заметил ходжа.

Старый месяц идет на звезды

ходжи раз спросили:

- Когда появляется новый месяц, что делается со старым?
- Его режут на мелкие кусочки и делают звезды, — отвечал ходжа.

Ходжа продает лестницу в чужом саду

Однажды ходжа взял лестницу и, приставив ее к стене сада, взобрался наверх; потом подтянул лестницу, поставил ее с внутренней стороны и спустился в сад, но садовник, оказывается, видел все это. Он сейчас же подошел к ходже и спросил:

— Ты кто такой и что тут делаешь?

Ходжа спокойно ответил:

— Лестницу продаю.

— Да разве здесь место для продажи лестниц? — возразил садовник.

— Какой же ты бестолковый! — заметил ходжа. — Разве ты не знаешь, что лестницами можно торговать где угодно?

«Разве мы не переселились в этот дом?»

днажды ночью к ходже проник вор и, заорав его вещи, ушел. Тогда ходжа, взвалив на плечи постельные принадлежности, последовал за вором.

Когда вор вошел к себе в дом, ходжа захотел юркнуть за ним. Но вор сказал ему:

— Чего тебе нужно у меня в доме?

А ходжа ему заметил:

— Как, разве мы не переселились в этот дом?

«Отнять у него уж будет легко!»

днажды к ходже в дом забрался вор. Жена с беспокойством сказала:

— Эфенди, у нас вор.

А ходжа беззаботно ответил:

— Тс! Ты молчи. Может быть, он найдет что-нибудь подходящее, а отнять у него уж будет легко!

«Ворон еще грязнее нас»

днажды ходжа пошел с женой к озеру стирать белье, и, только они, разложив белье, достали мыло, собираясь стирать, появился черный ворон и, схватив мыло, улетел.

— Эфенди, — закричала жена, — скорее, ворон унес мыло!

— Жена, что ты беспокоишься? — спокойно заметил ходжа. — Ведь ворон еще грязнее нас.

«А вот лошадь у меня левша!»

днажды ходжа собрался идти с караваном. Утром все поспешно сели на лошадей. Подводят к ходже лошадь. Вдев правую ногу в стремя, он подпрыгнул и оказался лицом к лошадиному крупу.

— Э-эх ты! — заметили ему. — Ведь ты сел задом наперед.

— Нет, — возразил ходжа, — я-то ничего, а вот лошадь у меня действительно левша!

«Откуда мне знать, где правая сторона?»

днажды вечером к ходже пришел гость. Легли спать. Ночью гость и говорит ходже:

— Эфенди, справа у тебя свеча, дай я зажгу.

— Ты с ума, что ли, сошел? — заметил ходжа. — Откуда мне впотьмах знать, где правая сторона?

«Разве за сорок лет

козленок не превратился в козла?»

днажды у ходжи спросили:

- Под каким зодиаком ты родился?
- Под знаком старого козла, — отвечал ходжа.
- Послушай, ходжа, в астрономических таблицах нет такого знака.

Ходжа заметил:

- Когда я был ребенком, моя мать определяла по звездам мою судьбу, и ей сказали: «Козерог».
- Да, — заметили ходже, — но это слово значит не «козел», а «козленок».
- Эх вы, дурни, — возразил ходжа. — Я сам знаю это, но с тех пор как определяли по звездам мою судьбу, минуло ровно сорок лет, и разве за это время козленок не превратился в козла?

«Может, с дерева откроется куда-нибудь дорога»

днажды ребяташки квартала, где жил ходжа, порешили между собой: — Давайте-ка уговорим ходжу взобраться на дерево, а сами украдем его туфли.

Они собрались у дерева и подняли сильный шум:

— На это дерево никто не сможет влезть!

Мимо проходил ходжа и, услышав спор, подошел к ним и заявил:

— Я влезу.

— Нет, не влезешь! — закричали они. — Хотя ты и кажешься крепким, а все-таки не каждому молодому это под силу. Проходи-ка лучше!

Ходжа вскипел:

— Как, я не влезу? Вот я сейчас вам покажу.

И, подобрав полы платья за пояс, он принялся запихивать внутрь, за пазуху, туфли.

— А зачем туфли суешь себе за пазуху? — удивились дети. — На что тебе туфли на дереве?

— Э-э, ребятки, — заметил ходжа, — пусть на всякий случай будут при мне: а может, с дерева откроется куда-нибудь дорога.

«Ведь все равно пришлось бы слезть с осла»

днажды осел, на котором ехал ходжа, пустился вскачь, и ходжа упал.

Ребятишки смеясь закричали:

— Ходжа упал с осла!

— Ах, дети, дети! — сказал ходжа. — Да ведь если бы я не упал, то все равно пришлось бы с него слезть.

«В доме темно, поэтому я ищу на улице»

Ходжа потерял у себя дома кольцо. Не найдя его здесь, он вышел из дому и продолжал искать перед дверьми.

Сосед спросил у него, что он ищет, и, узнав, что ходжа потерял кольцо в доме, сказал:

— Да ты поискал бы там.

— В доме темно, — сказал ходжа, — поэтому я ищу его здесь.

Ходжа выливает пресную воду в море

а берегу моря почувствовал ходжа жажду и немного испил соленой воды. Жажда, конечно, не только не утихла, а наоборот, в горле у него еще больше пересохло и затошнило.

Он прошел немного вперед и нашел пресную воду.

Вдосталь напившись, он наполнил водой тубетейку, потом понес и вылил воду в море.

— Не пенись и не вздымайся, — обратился он к морю. — Нечего понапрасну кичиться перед людьми, попробуй, какой бывает настоящая вода!

Ходжа обещает подарить пропавшего осла тому, кто его найдет

аз пропал у ходжи осел. Он объявил по всем базарам, крытым и открытым:

— Кто найдет осла, тому я дам его в награду с уздечкой и с седлом.

Кто-то заметил:

— Коли ты даришь осла со всей сбруей, что толку, если осел найдется? Ведь это все равно как если бы ты его потерял.

— Ну, извините, — сказал ходжа, — вы думаете, удовольствие найти — такая пустячная вещь?

Ходжа отказывается писать

письмо в Багдад

дин приятель пришел к ходже и говорит:

— Напиши мне письмо, я хочу послать своему другу в Багдад.

— Брось ты ради бога, — заметил ходжа, — сейчас нет у меня времени идти в Багдад.

Так говоря, ходжа вышел из дому. Человек, удивленный, побежал и, нагнав ходжу, сказал:

— Голубчик, да разве для того, чтобы написать письмо, нужно идти в Багдад?

Ходжа объяснил ему:

— Ну что тут непонятного? У меня очень скверный почерк, только я один и могу его разобрать. Поэтому письмо, которое я напишу, сам я и должен прочесть, иначе содержание письма останется неизвестным.

«Кто падал с крыши, тот знает, что это значит»

днажды ходжа забрался на крышу дома. Он поскользнулся и свалился вниз на землю.

Вокруг него собрались приятели и начали спрашивать:

— Что с тобой, что ты лежишь?

Ходжа, не задумываясь, отвечал:

— Чего вы спрашиваете о моем состоянии? Если кто из вас падал с крыши, знает, что это значит.

Ходжа сажает деревья

оджа сажал в винограднике молодые саженцы.

Увидал это приятель и говорит:

— Когда-то они вырастут и когда-то еще дадут плоды! Не скоро придется тебе их отведать. А ходжа отвечал:

— И мы ведь кушаем плоды с деревьев, которые не нами посажены, а теми, кто жил раньше нас. Пусть и потомки кушают плоды с моих саженцев.

Ходжа помогает ослу

днажды пошел ходжа на базар и, купив разных овощей, положил их в переметную суму, суму взвалил себе на плечи, а сам сел на осла и поехал. Дорогой ему говорят:

— Послушай, ведь ты мог бы навьючить хурджум [\[76\]](#) на осла, а сам ехал бы себе спокойно.

На это ходжа отвечал:

— Помилосердствуйте! Осел и без того тащит меня, а тут я еще навьючил бы на него хурджум! До сих пор я никогда так не делал.

Луна полезнее солнца

ходжи спросили:

— Что полезнее — солнце или луна?

Он так отвечал:

— Солнце всходит днем, а когда темно, пользы от него нет, а луна рождается ночью и озаряет все светом, словно день, — следовательно, луна полезнее солнца.

«В такие тонкости я не могу входить»

Однажды ходжа взял в руки кирку и начал копать в саду яму. Пришел сосед и спросил, что он делает. Ходжа отвечал:

— Соседи все поговаривают, как быть с землей, сваленной после ремонта середь улицы, вот я и хочу весь этот мусор закопать сюда.

— Хорошо, — сказал сосед, — ну а что ты будешь делать с тем щебнем, который ты выкапываешь из ямы?

Ходжа рассердился и сказал:

— Ну, брат, в такие тонкости я не могу входить.

Сказка о рыбаке

Из арабского собрания сказок «Тысяча и одна ночь»

Пересказ М. Салье

Ил-был когда-то давно один рыбак. У него были жена и трое детей. Целый день он ловил рыбу, а вечером продавал ее на рынке и покупал хлеб и мясо для своей семьи.

И каждый день он закидывал сеть три раза — не больше.

И вот однажды утром он положил на плечо свою сеть, взял корзину и пошел ловить рыбу. Он поставил корзину на берег, засучил рукава и закинул сеть как можно дальше в море. Когда сеть погрузилась в воду, рыбак осторожно потянул ее назад и почувствовал, что сеть тяжелая.

«В нее, наверно, попало много рыбы», — подумал рыбак. Когда он вытянул сеть на берег и развернул ее, то увидел, что в сети запутался мертвый осел и сеть вся порвана.

«Вот чудо! — подумал рыбак. — Я уже много лет ловлю здесь рыбу, но ни разу мне в сеть не попадался осел».

Рыбак кое-как починил сеть и еще раз закинул ее в море. Когда сеть погрузилась в воду, он попробовал ее вытянуть, но опять сеть была тяжелая, тяжелей, чем в первый раз.

Наконец он втащил сеть на берег и развернул ее и нашел в ней черепки, осколки стекла и кости.

— Горе мне! — закричал рыбак и ударил рукой об руку. — Кажется, в море подохла вся рыба. Закину сеть еще, в последний раз, и, если ничего не поймаю, придется мне вернуться домой без рыбы.

И снова закинул рыбак свою сеть в море и дождался, пока она погрузилась в воду. Он начал ее вытягивать, но сеть никак не поддавалась.

«Она, верно, зацепилась за что-нибудь», — подумал рыбак. Он быстро разделся, вошел в воду и нырнул. Долго пришлось ему биться над сетью, пока он не отцепил ее. А когда он вытащил сеть на берег, в ней оказался большой медный кувшин, запечатанный свинцовой печатью.

Рыбак обрадовался и сказал сам себе: «Посмотрю, что такое в этом кувшине, и продам его. На рынке медников мне за него могут дать, пожалуй, золотой».

Он вынул из-за пазухи нож и попробовал сорвать печать, но она плотно пристала к горлышку кувшина и не поддавалась. Наконец рыбаку удалось открыть кувшин, и он наклонил его. Но из кувшина ничего не вылилось.

— Он пустой! А я-то думал, в нем золото! — воскликнул рыбак и поставил кувшин прямо.

И вдруг из кувшина пошел густой дым. Он поднимался все выше и выше и наконец дошел до самых облаков. И когда дым весь вышел из кувшина, дым этот превратился в огромное чудовище, у которого ноги были на земле, а голова — в небе.

Руки у него были длинные, до самых пяток, пальцы — крючковатые, с когтями, как у льва. Ноги его,

точно столбы, вросли в землю, во рту, широком, как городские ворота, торчали длинные острые зубы, из ноздрей валил дым, а из глаз летели искры. И голова — огромная, точно купол, — качалась из стороны в сторону. И вдруг этот великан закричал страшным голосом, от которого загудело все вокруг:

— Слушай, рыбак! Сейчас я тебя обрадую.

Рыбак со страху упал на землю. У него во рту пересохло и зубы громко застучали. Полежав немного, он поднял голову и спросил:

— Чем же ты меня обрадуешь, о джинн?

— Тем, что убью тебя сию же минуту.

— О начальник джинов, не убивай меня! — закричал рыбак. — Я ведь только вытащил тебя со дна моря.

— За то, что ты меня вытащил, я окажу тебе милость: выбирай, какой смертью хочешь умереть. Что тебе приятнее: чтобы я тебя разорвал, повесил или утопил в море?

— За что ты меня убиваешь? — спросил рыбак.

— Послушай мою историю, о рыбак, — сказал джинн.

— Рассказывай, да поскорей, а то мне страшно на тебя смотреть, — ответил рыбак.

— Знай, рыбак, — сказал джинн, — что я был стражником у царя ифритов. Однажды я послушался царя, и царь велел посадить меня в этот кувшин и бросить в море. Я пролежал в море сто лет и сказал: «Тому, кто освободит меня, я дам много денег». Но никто не освободил меня. Когда прошло еще сто лет, я сказал: «Тому, кто освободит меня, я исполню все желания». Но опять никто не освободил меня. Прошло еще пятьсот лет, и я сказал: «Тому, кто освободит меня, я открою сокровища земли». Но я пролежал в кувшине еще тысячу лет, и никто не освободил меня. Тогда я очень рассердился и сказал сам себе: «Всякого, кто меня освободит, я убью и дам ему выбрать, какой смертью умереть». И вот ты освободил меня — выбирай же, как тебе умереть.

Когда рыбак услышал слова ифрита, он громко заплакал и сказал:

— Помилуй меня за то, что я освободил тебя из кувшина.

— Я потому и хочу убить тебя, что ты меня освободил, — сказал ифрит.

И тогда рыбак подумал: «Это — ифрит, а я — человек, и у меня есть разум, который поможет мне перехитрить ифрита».

— О ифрит, — сказал он, — если уж ты непременно хочешь меня убить, ответь мне сначала на один вопрос.

— Спрашивай скорей, мне некогда, — отвечал ифрит.

— Ты говоришь, — сказал рыбак, — что твой царь велел посадить тебя в этот кувшин. Но кувшин маленький, а ты большой. Как же ты уместился в этом кувшине?

— Так ты не веришь, что я был в кувшине и пролежал на дне моря столько лет? — закричал ифрит.

— Никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя в кувшине своими глазами, — отвечал рыбак.

— Клянусь тебе, что я был в этом кувшине!

— Не клянись, — сказал рыбак, — все равно я тебе не поверю.

— Хочешь, я тебе докажу, что я был в кувшине? — сказал ифрит.

— Хочу, — ответил рыбак.

Ифрит поднял одну ногу и опустил ее в кувшин.

— Смотри, рыбак: вот моя нога в кувшине, — сказал он.

— А вторая? — закричал рыбак.

Ифрит поднял другую ногу и сунул ее в кувшин.

— Теперь обе ноги вместе в кувшине. Ты поверил? — спросил он у рыбака.

— А колени куда ты денешь? — крикнул рыбак.

— Я покажу тебе, — ответил ифрит и опустился в кувшин по пояс. — Теперь ты веришь?

— А живот и грудь, в которых двадцать четвертей высоты, куда ты их денешь? — продолжал рыбак.

— О несчастный! — крикнул ифрит. — Ты все еще не веришь?

И он опустился в кувшин по шею, а рыбак сказал:

— Я еще вижу эту голову, большую, как купол. Для нее-то и не хватит места.

— Если я скроюсь в кувшин с головой, ты согласишься? — спросил ифрит.

— Поверю, — сказал рыбак.

И ифрит сунул голову в кувшин, и, как только он это сделал, рыбак быстро схватил печать, плотно закрыл горлышко кувшина и покатил его по песку к морю.

— Что ты хочешь сделать, рыбак? — закричал джинн.

— Я хочу бросить тебя в море, где ты уже пролежал столько лет, — сказал рыбак.

— Не надо! — крикнул ифрит.

Но рыбак продолжал толкать кувшин к морю и говорил:

— Я сброшу тебя на дно моря и сяду на берегу. А когда кто-нибудь придет сюда с сетями, я скажу: «Не ловите рыбу в этом месте. Здесь — ифрит». Всякому, кто его вытащит, он предлагает выбрать, какой смертью умереть.

— Выпусти меня, я окажу тебе милость, — сказал ифрит.

— Ты лжешь, проклятый! — закричал рыбак. — Если я тебя выпущу, ты сделаешь со мной то же, что сделал царь Юнан с врачом Дубаном.

— А кто такие царь Юнан и врач Дубан? — спросил ифрит.

— Слушай, я тебе расскажу, — ответил рыбак.

Был в одном персидском городе царь, которого звали царь Юнан. У него было много денег, войск и телохранителей, но все тело было у него в пятнах, и ни один врач не мог его вылечить. Царь Юнан целые дни пил лекарства, глотал порошки и мазался мазями, но болезнь все не проходила, и приближенные царя решили, что он уже не поправится.

И вот однажды пришел в город царя Юнана старый, седой врач по имени Дубан. Он прочитал все врачебные книги — арабские, персидские, греческие, и не было такой болезни, которую он не мог бы вылечить. Врач Дубан скоро услышал, что царь Юнан очень болен. Тогда он раскрыл свои книги и читал их целый день и целую ночь, а потом он вынул из своей сумки разные мази и травы и приготовил из них лекарство. Когда лекарство было готово, врач Дубан взял палку, выдолбил ее и положил лекарство в эту

палку, а к палке приделал сверху круглую ручку.

И когда наступило утро, врач Дубан пошел во дворец и сказал царю Юнану:

— О царь, вот уже много лет, как ты лечишься от своей болезни, а она все не проходит. Хочешь, я тебя вылечу?

— Хочу, — сказал царь. — А когда это будет? Поторопись, врач, мне уже очень надоело лечиться.

— Это будет завтра, — ответил врач Дубан. — Только смотри, слушайся меня и делай все, что я тебе скажу. Иди и ложись спать. Спи весь день и всю ночь, а утром выезжай на поле, где играют в мяч, и жди меня.

Царь проспал день, проспал ночь, а утром сел на коня и выехал в поле.

Врач Дубан тоже скоро пришел. Он подал царю палку с круглой ручкой и сказал:

— Возьми эту палку и бей по мячу изо всей силы. Гоняйся за мячом на своем коне, пока не вспотеешь, и все время сжимай ручку палки как можно сильнее. Когда ты вспотеешь, лекарство разойдется по твоему телу — и ты поправишься.

Царь послушался врача Дубана и стал гоняться по полю за мячом. Когда его конь выбился из сил и царь сам чуть не упал с седла от усталости, врач Дубан сказал:

— Теперь довольно. Слезай с коня, сходи в баню и ложись спать. А когда проснешься — будешь здоров.

И правда, когда царь проснулся на следующее утро и вышел из своей спальни, тело у него было чистое и блестящее, как серебро, — без единого пятнышка. Все приближенные царя удивились искусству врача Дубана, а царь Юнан призвал его к себе и сказал:

— Теперь ты мой самый лучший друг. Проси чего хочешь.

— Мне ничего не надо, — сказал врач. — Позволь мне только видеть тебя и с тобой разговаривать.

— Приходи ко мне каждый день обедать, — сказал царь.

Он дал врачу много денег и подарил ему чистокровного коня и шелковый халат, весь расшитый золотом. И врач сел на коня и уехал.

С тех пор он каждый день приезжал во дворец к царю Юнану, и царь сажал его рядом с собой на троне. Врач Дубан стал для него дороже всех приближенных, и он советовался с ним обо всех своих делах.

А у царя был визирь — Махмуд Плешивый, злой и завистливый человек. Он позавидовал врачу Дубану и решил его погубить. И вот как-то раз после обеда, когда врач Дубан только что уехал, этот Махмуд Плешивый пришел к царю и сказал:

— О царь, ты оказал мне много милостей, и я должен дать тебе совет.

— Говори скорей, — сказал царь.

— О царь, — продолжал визирь, — ты каждый день зовешь к себе врача Дубана и обедаешь с ним. А этот врач — злодей, и он хочет тебя убить.

— Это ты напрасно говоришь, визирь, — сказал царь. — Разве ты не видел, как врач Дубан меня вылечил? У меня нет друга дороже врача. Завтра я дам ему еще халат и десять кошельков золота.

— Опомнись, о царь! — сказал визирь. — Этот Дубан вылечил тебя палкой, которую ты подержал в руке, а завтра он, может быть, убьет тебя чем-нибудь, что ты понюхаешь. Вот тебе мой совет: когда врач к тебе придет, вели палачу отрубить ему голову. Тогда ты избавишься от этого врача и спасешься от смерти.

— Ты это все говоришь из зависти, — сказал царь. — Врач Дубан — мой лучший друг, и если я его убью, то буду раскаиваться, как раскаивался царь, когда убил сокола.

— А как это было? — спросил визирь.

— Слушай, я тебе расскажу, — сказал царь Юнан. — Один царь очень любил охотиться. Он приручил сокола, чтобы пускать его вдогонку за дичью, и этот сокол всегда сидел у него на руке. А на шее у царя висела чашка, и он поил из нее своего сокола, когда соколу хотелось пить.

И вот однажды утром пришел к царю главный сокольничий и говорит:

«О царь, пора ехать на охоту».

Царь велел своим приближенным выезжать и сам сел на коня и поехал впереди всех. Охотники ехали до самого полдня и наконец приехали в одно место, где водилось много газелей. Царь велел своим людям встать в круг и растянуть сеть, и вдруг в сеть попала газель.

«Всякого, кто упустит эту газель, я убью своими руками!» — закричал царь.

И вдруг газель подошла к царю и встала перед ним на задние ноги, а передние сложила на груди и низко поклонилась царю. Царь так удивился, что нагнул голову и тоже поклонился газели, и вдруг газель перескочила через голову царя и убежала.

«Лови ее, лови!» — закричал царь и поднял голову и увидел, что все охотники переглядываются и смеются.

«Чего вы смеетесь?» — спросил царь.

И один из охотников выступил вперед и сказал: «О царь, ты говорил, что убьешь всякого, кто упустит газель, но ты сам упустил ее».

«Пусть я не буду царем, — закричал царь, — если я не поймаю эту газель! Ждите меня здесь и не двигайтесь».

Он вскочил на коня и погнался за газелью и скакал до тех пор, пока не настиг ее. Он спустил с руки своего сокола, и сокол ударил газель крыльями по голове и ослепил ее. Тогда царь сошел с коня и зарезал эту газель.

А день был жаркий, и царю очень хотелось пить, и коню его тоже. Он осмотрелся и увидел, что находится на высокой горе, где нет ни одного ручейка. Прямо перед ним росло дерево, а с дерева капала вода, похожая на масло.

Царь снял с шеи чашку и сошел с коня и, набрав в чашку этой воды, поставил ее перед конем. И вдруг сокол ударил по чашке крылом и расплескал воду.

Царь подумал, что птица тоже хочет пить, и еще раз набрал полную чашку воды. Он поставил ее перед соколом, но сокол опять опрокинул чашу ударом крыла. «Скверная птица! — закричал царь. — Ты лишила воды и себя и моего коня».

Снова наполнил он водой чашку и хотел выпить сам, но сокол вдруг закричал, захлопал крыльями и выбил чашку из рук царя. Царь очень рассердился, взмахнул мечом и отрубил соколу крылья. А сокол стал махать головой и показывать клювом на дерево. Царь поднял голову и увидел, что на верхушке дерева сидит змея и с дерева падает не вода, а змеиный яд. И вдруг сокол громко закричал, раскрыл клюв и умер. И царь пожалел, что убил сокола, который спас ему жизнь, и горько заплакал, но помочь горю было уже нельзя...

Так и я буду раскаиваться, если послушаюсь тебя и убью врача Дубана, который вылечил меня от

болезни. Уходи же с моих глаз, о визирь, и не давай мне больше таких советов.

— О царь, — сказал визирь, — врач не сделал мне ничего дурного, и я советую тебе его убить только из жалости к тебе. Если ты доверишься этому врачу, он убьет тебя и сядет вместо тебя на трон. Ведь он вылечил тебя чем-то, что ты взял в руки, и, может быть, он тебя убьет чем-нибудь, что ты понюхаешь.

Царь испугался — а вдруг это и правда так будет? — и сказал:

— Ты прав, о визирь! Если врач вылечил меня палкой, которую я взял в руки, то он может меня убить чем-нибудь, что я понюхаю. Но как же мне с ним поступить?

— Пошли за ним сейчас же, — сказал визирь, — и когда он придет, отруби ему голову. Обмани его раньше, чем он тебя обманет.

— Ты правильно говоришь, — сказал царь и послал за врачом.

Врач сейчас же пришел, радостный и довольный, не зная, какая его ждет беда.

— Знаешь, зачем я тебя позвал? — спросил его царь Юнан.

— Нет, не знаю. Никто не знает неизвестного, — ответил Дубан.

— Я позвал тебя, чтобы убить, — сказал царь.

Врач Дубан горько заплакал и сказал царю Юнану:

— Что же я тебе сделал и за что ты хочешь меня убить?

— Мне говорили, — сказал царь Юнан, — что ты пришел в мое царство для того, чтобы погубить меня. И вот я убью тебя раньше, чем ты меня убьешь. Ты вылечил меня палкой, которую я взял в руку, и убьешь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем-нибудь другим.

— Пощади меня, не убивай! — сказал врач Дубан.

Но царь воскликнул:

— Тебя непременно нужно убить!

— О царь, — сказал один из приближенных, — подари мне жизнь этого врача и не убивай его. Он не сделал тебе ничего дурного и вылечил тебя от болезни, когда никто не мог тебя вылечить.

— Этот врач пришел, чтобы меня погубить. Так сказал мой визирь Махмуд Плешивый! — закричал царь. — Эй, палач, отруби ему голову!

— Если уж ты решил меня убить, — сказал врач Дубан царю Юнану, — дай мне отсрочку до утра. Отпусти меня домой, и я подарю тебе все свои книги. А среди них есть такая книга, которой нет ни у одного царя.

— Хорошо, — сказал царь. — Ступай домой, а завтра утром принеси мне книгу.

Царь Юнан целую ночь ворочался с боку на бок и не мог заснуть, до того ему не терпелось увидеть книгу, которую обещал ему подарить врач. Едва рассвело, царь вскочил с постели и закричал:

— Привести сюда врача Дубана!

И врача привели под охраной двух стражников. В руках у него была книга и горшочек с порошком.

— Давай сюда твою книгу! — закричал царь.

— Подожди, о царь, — сказал врач, — потерпи еще немного. Вели принести большое блюдо.

— Эй, блюдо поскорей! — крикнул царь, и двое слуг бегом бросились из комнаты и принесли блюдо.

Тогда врач Дубан высыпал на блюдо порошок из горшочка, разровнял его и сказал:

— О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай ее, пока мне не отрежут голову. А когда меня казнят, поставь мою голову на блюдо и прикажи ее натереть этим порошком. Потом раскрой книгу и спрашивай что хочешь. Моя голова ответит на все вопросы.

Царь очень удивился и весь затрясся от любопытства. Он махнул рукой, и палач отрубил голову врачу Дубану. И когда голову поставили на блюдо, она вдруг открыла глаза и сказала:

— О царь, раскрой книгу и переверни от начала десять листов.

Царь раскрыл книгу и хотел перевернуть листок, но листки слиплись и пристали друг к другу. Царь поспешил палец и перевернул один листок, и другой, и третий, и когда царь Юнан дошел до десятого листка, он вдруг зашатался и побледнел.

— В этой книге — яд! — закричал царь. — Меня отравили!

А голова врача Дубана пошевелила губами и сказала:

— Я тебя вылечил, а ты меня убил. Я просил пощады, а ты не пощадил. Вот наказание за твою жестокость.

И как только голова Дубана произнесла эти слова, царь сейчас же упал мертвый...

— Так и ты, о ифрит, хотел меня убить, хотя я оказал тебе услугу и вытащил тебя со дна моря. А теперь я опять сброшу тебя туда.

— О рыбак, — закричал ифрит, — не делай этого! Если я был злодеем, то будь ты благодетелем. Обещаю тебе, что я тебе не сделаю зла и научу тебя, как разбогатеть.

Долго упрашивал ифрит рыбака, и наконец рыбак согласился. Он открыл кувшин, дым пошел вверх и опять превратился в ифрита, и как только ифрит вышел из кувшина, он сейчас же пихнул кувшин ногой и сбросил в море.

Тут рыбак до того испугался, что весь задрожал, но ифрит рассмеялся и сказал:

— Иди за мной.

И рыбак пошел сзади ифрита, не веря, что спасся, и шел до тех пор, пока они не вышли за город. Они поднялись на гору и спустились в широкую долину, и вдруг рыбак увидел перед собой пруд, которого никогда не видел раньше.

— Посмотри на этот пруд, — сказал ифрит, и рыбак посмотрел и увидел, что в пруду много рыб разного цвета — белых, красных, голубых и желтых.

— Что это за пруд и почему рыбы в нем разноцветные? — спросил рыбак.

— О рыбак, закинь твою сеть, — сказал ифрит.

И рыбак закинул сеть в пруд и вытащил ее и вдруг видит — в сети четыре рыбы: белая, красная, голубая и желтая.

— О рыбак, — сказал ифрит, — снеси эту рыбу во дворец к царю, и царь даст тебе за нее столько денег, что тебе хватит на всю жизнь. Приходи сюда каждый день и лови рыбу, но закидывай сеть не больше чем три раза. А теперь — прощай и извини меня, если я тебя чем-нибудь обидел.

Ифрит ударил ногой о землю, и земля под ним расступилась и поглотила его. А рыбак вернулся домой, положил рыбу в лоханку и понес ее к царю, как велел ему ифрит.

Он пришел во дворец и показал рыбу. Царь очень удивился: он никогда раньше не видел таких рыб.

— О визирь, — сказал он, — отдай этих рыб новой стряпухе, которую мне недавно подарил царь румов[77]. Пусть она их изжарит, и мы увидим, хорошо ли она стряпает.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал визирь и повел рыбака на кухню.

Он отдал рыбу стряпухе, и стряпуха, увидев этих рыб, тоже очень удивилась.

— О девушка, — сказал визирь, — царь хочет испытать твое искусство. Изжарь же этих, рыб как следует.

И потом визирь вернулся к царю, а царь велел ему заплатить рыбаку четыреста золотых динаров — по сто динаров за каждую рыбу. И рыбак положил деньги за пазуху и вернулся домой радостный и счастливый.

А стряпуха вычистила рыбу, поставила сковороду на огонь и положила рыбу жариться. Когда рыба поджарилась с одной стороны, стряпуха хотела ее перевернуть, но едва она дотронулась до рыбы, как стена кухни вдруг раздвинулась и из нее вышла молодая женщина с зеленой веткой в руке. Она дотронулась веткой до рыбы, и рыба превратилась в уголь, а потом эта женщина ушла, и стена снова сдвинулась.

Стряпуха до того испугалась, что упала на пол без памяти. А очнувшись, она увидела, что вся рыба сгорела.

— Что теперь будет! — закричала стряпуха. — Царь хотел меня испытать, а я сожгла рыбу. — И она опять упала на пол без чувств.

А тут как раз вошел в кухню визирь.

Он увидел, что стряпуха лежит на полу, и толкнул ее ногой, и тогда она пришла в себя и рассказала ему все, как было.

— Это удивительное дело, — сказал визирь.

Он сейчас же послал за рыбаком и, когда рыбака привели, закричал:

— О рыбак, принеси мне еще четыре такие же рыбы — белую, красную, голубую и желтую!

Рыбак пошел к пруду, закинул сеть и вытянул ее и вдруг видит: в сеть опять попались четыре рыбы — белая, красная, голубая и желтая. Он принес этих рыб визирю и получил за них четыреста динаров, а визирь пошел на кухню и сказал стряпухе:

— Возьми этих рыб и изжарь их при мне, чтобы я увидел, что будет.

И девушка приготовила рыбу и бросила ее на сковородку. И когда рыба поджарилась с одной стороны, стена кухни раздвинулась, и из нее вышла та же самая женщина с веткой в руке. Она дотронулась веткой до рыб, и все рыбы сгорели, а женщина перевернула сковородку и ушла, а стена снова сдвинулась.

— Такое дело нельзя скрывать от царя! — закричал визирь. — Царь должен видеть это своими глазами.

И визирь бегом побежал к царю, путаясь в полах халата, и рассказал ему обо всем, что он видел.

— Ко мне рыбака, сию же минуту! — закричал царь, и когда рыбака привели, царь велел ему принести еще четыре разноцветные рыбы и приставил к нему трех стражников, чтобы рыбак не убежал.

Рыбак в третий раз пошел к пруду и принес еще четыре такие же рыбы. Тогда царь сказал своему визирю:

— Я сам изжарю их и посмотрю, что будет.

Он засучил рукава, повязал себе вокруг пояса полотенце, взял в руки нож и вычистил рыбу. Потом он нагрел масло на сковороде и положил рыбу в масло, и вдруг масло поднялось и вспенилось, и от него пошел густой дым. Царь так испугался, что выронил нож и присел на землю, и вдруг стена раздвинулась, и из нее опять вышла женщина. В правой руке у нее был меч, а в левой — две змеи. Змеи были покрыты такими иглами, как у ежа; изо рта у них шел синий дым.

Женщина закричала в лицо царю, и царь упал на спину от страха, а женщина сказала ему:

— Посмотри на меня хорошенько и запомни мое лицо. Если ты еще раз будешь ловить мою рыбу, я превращу твой город в море и всех твоих воинов в рыб.

Потом она опять закричала на царя, и царь лишился чувств, а когда он очнулся, то не увидел ни рыбы, ни сковороды, ни женщины, и стена кухни сдвинулась, как раньше.

Царь выбежал из кухни и закричал визирю:

— Приведи сюда рыбака, да поскорее!

Стражники побежали за рыбаком и привели его, а рыбак дрожал от страха и не рад был, что принес царю разноцветных рыб.

— Эй, рыбак, откуда эти рыбы? — спросил его царь.

— Из пруда в долине между четырех гор, — отвечал рыбак.

— А сколько дней пути до этого пруда?

— Пути полчаса, о владыка, наш царь.

И царь удивился: он не знал, что так близко от города есть пруд с разноцветными рыбами. Он велел своим приближенным садиться на коней и сам сел на коня, и они поехали. А рыбак шел впереди и показывал дорогу, ожидая для себя какой-нибудь беды.

Они поднялись на гору и спустились в широкую долину. Посредине долины был большой пруд, а в пруду плавали разноцветные рыбы: белые, красные, голубые и желтые.

— Знал ли кто-нибудь из вас раньше про этот пруд? — спросил царь своих приближенных.

И все, кто был с царем, ответили:

— Нет.

— Я не войду в мой город и не сяду на трон, пока не узнаю правду про этот пруд и про разноцветных рыб! — воскликнул царь.

Он подозвал своего визиря и сказал ему:

— О визирь, я задумал одно дело. Я уйду сегодня ночью один и узнаю, что это за пруд и почему рыбы в нем разноцветные. А ты садись у входа в мою палатку и говори всякому, кто будет меня спрашивать: «Царь нездоров и приказал мне никого не впускать к нему».

Потом царь переменял одежду, опоясался мечом и пошел. Он шел всю ночь и весь день и вторую ночь до утра, и вдруг он увидел вдали что-то черное.

Царь обрадовался и воскликнул:

— Может быть, я встречу кого-нибудь, кто расскажет мне об этом пруде и о рыбах!

Он подошел ближе и увидел дворец, выстроенный из черного камня и блестящего железа. Царь

тихонько постучался в ворота, но никто не открыл ему. Он постучался второй раз и третий, но не услышал ответа, и тогда царь что было силы ударил рукой в ворота, но никто не ответил ему.

«Во дворце, верно, никого нет», — подумал царь. Он толкнул ворота, и вдруг они открылись. Царь прошел через двор и вошел во дворец, но не увидел ни одного человека.

— О жители дворца, — крикнул тогда царь, — я чужестранец и путешественник! Нет ли у вас чего-нибудь поесть?

Никто не откликнулся на слова царя, и царь удивился и опечалился. Он сел на скамье около двери и вдруг услышал чьи-то стоны и рыдания. Царь прислушался и пошел в ту сторону, откуда доносились стоны. Скоро он пришел в большую комнату; посередине этой комнаты стоял высокий трон, а на троне сидел красивый юноша в шелковом халате и горько плакал. Царь обрадовался и сказал:

— Мир тебе, о юноша! Как хорошо, что я тебя увидел! Скажи мне, почему ты плачешь и что это за дворец? Отчего ты сидишь один и у тебя нет приближенных?

Юноша ничего не отвечал царю и продолжал плакать и стонать.

Царь рассердился и сказал:

— О юноша, почему ты не встаешь передо мной и не отвечаешь на мое приветствие? Разве ты не знаешь, что я царь этой страны?

Тут юноша заплакал еще сильнее и сказал:

— О владыка, наш царь, если бы ты знал, что со мной случилось, ты бы не гневался на меня.

Он приподнял полу своего халата, и царь увидел, что снизу до пояса он каменный, от пояса до волос на голове он человек. Царь громко вскрикнул от ужаса и сказал:

— Я хотел узнать правду об этом дворце и о рыбах, а теперь приходится спрашивать и о них и о тебе. Расскажи мне скорей, кто совершил такое злодеяние?

— Слушай меня внимательно, — сказал юноша. — Со мной случилась удивительная история.

Знай, что мой отец был царем и звали его Махмуд, царь Черных островов. Он процарствовал семьдесят лет и умер, и я стал царем после него.

А у меня была жена, и я очень ее любил. И вот однажды вечером она велела затопить баню и пошла мыться, а я лежал на подушках и ждал ее. Вдруг я услышал из соседней комнаты голоса двух невольниц, которые разговаривали между собой.

«Бедный наш господин! — сказала одна из них. — Он думает, что наша госпожа его любит. А она каждый вечер подсыпает ему в вино сонный порошок и, когда он заснет, уходит. Утром она дает ему что-то понюхать, и он просыпается. Скоро она совсем убьет его и станет вместо него царицей. Смотри только никому не говори то, что я тебе сказала. Вот идет наша госпожа».

И правда, моя жена вошла в комнату и велела невольницам подавать ужин. Я так испугался, когда услышал слова невольницы, что ничего не сказал жене. После ужина она велела подать питье, которое я пил на ночь, и налила его в мой кубок, но я только притворился, что пью, а сам вылил питье за пазуху и сейчас же захрапел, как храпит спящий. И моя жена надела свое лучшее платье, повязала вокруг пояса мой меч и сказала:

«Спи всю ночь и не просыпайся. Недолго тебе осталось жить. Скоро я убью тебя и сама стану царицей».

Потом она вышла из комнаты, и я поднялся и пошел за ней следом. Она дошла до городских ворот и

произнесла какие-то слова, которые я не понял, и вдруг замки упали с ворот и ворота раскрылись. Моя жена вышла за ворота (а я все шел за ней) и подошла к какой-то хижине, построенной из глины. Она вошла в эту хижину, а я забрался на крышу и посмотрел сверху вниз, и вдруг я увидел, что посреди хижины лежит негр, у которого одна губа как одеяло, а другая — как башмак, и он подбирает ею песок с земли. Я посмотрел на него хорошенько и узнал его. Это был страшный колдун по имени Абуль-Асвад. Он затаил злобу на моего отца за то, что тот выгнал его из города, и поклялся, что погубит меня. Этот колдун был болен проказой и не выходил из своей хижины.

Когда моя жена подошла к нему, он закричал на нее:

«О негодная, почему ты опоздала? Я уже давно жду тебя, чтобы сговориться, когда мы убьем твоего мужа и завладеем его царством, а ты все не идешь!»

«О господин мой, — сказала моя жена, — я, право, не виновата. Будь на то моя воля, не взошло бы еще солнце, как его город лежал бы в развалинах. Но ты ведь знаешь, что время еще не настало».

«О проклятая! — закричал колдун. — Если ты завтра же не убьешь своего мужа, я перестану учить тебя колдовству. Ты играешь со мной всякие шутки и обманываешь меня».

Когда я услышал эти слова, о царь, у меня потемнело в глазах от гнева и я перестал сознавать, что делаю. Я спустился с крыши, вошел в хижину, схватил меч, который моя жена принесла с собой, и ударил негра по шее. Негр страшно захрипел, и я решил, что убил его. Я бросил меч, вернулся во дворец и лег в постель, а утром пришла моя жена и ничего не сказала мне. И я тоже ничего не сказал ей, так как боялся ее.

А через несколько дней она обрезала волосы и надела одежды печали.

«Что с тобой случилось?» — спросил я ее.

«О господин мой, — отвечала моя жена, — я узнала, что моя матушка скончалась, что отец мой убит на войне, а из двух моих братьев одного ужалила змея, а другой свалился в пропасть. Позволь мне построить в нашем дворце гробницу и перенести в нее их тела. Я буду плакать над ними и печалиться о них».

«Делай как тебе вздумается», — сказал я.

И моя жена построила посредине дворца гробницу с куполом и сидела там днем и ночью.

А я боялся ее и не говорил ей ни слова про колдуна, про то, что я слышал в ту ночь.

Но однажды я не вытерпел и вошел в гробницу, где сидела моя жена, и услышал, как она плачет и говорит:

«О господин мой, скажи мне хоть словечко! Скоро ли ты поправишься и мы с тобой убьем моего мужа и будем царствовать в его городе?»

Тут я подбежал к гробнице и заглянул в нее и увидел негра, который лежал весь обвязанный и тихо стонал. Я замахнулся на него мечом и хотел его прикончить, но моя жена схватила меня за руку и крикнула:

«Ты уже один раз чуть не убил моего друга и разрубил ему горло так, что он теперь лежит, как мертвый, и не может говорить, но тебе мало этого! Я хотела тебя пощадить, но теперь нет тебе пощады. Ты будешь ни живой ни мертвый, пока не кончится срок твоей жизни».

«Да, негодная, это я ударил колдуна мечом, и сейчас я убью его и тебя с ним вместе!» — закричал я и замахнулся на мою жену мечом. И вдруг она произнесла какие-то слова, которых я не понял, и сказала:

«Стань по моему колдовству наполовину камнем и наполовину человеком».

И я тотчас же стал таким, как ты видишь, о царь, и не могу подняться с места, и я ни мертвый, ни живой. И когда я сделался таким, она заколдовала мой город и все его рынки и сады и превратила город в пруд, острова — в горы.

А жителей города она превратила в разноцветных рыб. И кроме того, она каждый день меня бьет, сто раз ударяет меня бичом, а после этого она надевает на меня одежду из конского волоса и поверх нее шелковый халат.

— О юноша, — сказал царь, — ты объяснил мне тайну этого пруда и разноцветных рыб и рассеял мою заботу. Но мне жалко тебя, и я хочу тебе помочь. Где лежит негр и где эта женщина?

— Негр лежит больной в своей гробнице, и женщина скоро придет к нему, — ответил юноша.

Царь тотчас же пошел к гробнице, в которой лежал негр. Он подкрался к нему, взмахнул мечом и убил его, а потом взвалил его тело на плечи и бросил в колодец. Затем царь вернулся к гробнице и лег туда вместо негра. Он закрылся его покрывалами и стал ждать, когда придет женщина — жена юноши. Скоро она пришла, и в руках у нее была чашка с лекарством. Она наклонилась над постелью негра и сказала:

— О господин мой, протяни руку и скажи хоть словечко, чтобы я знала, что ты поправляешься.

Тут царь зашевелился и сказал слабым голосом на языке негров:

— Ах, ах, мне, кажется, стало лучше.

Услышав его слова, женщина вскрикнула от радости и сказала:

— О господин мой, это правда? Поговори со мной!

И царь сказал заплетающимся языком:

— О проклятая, разве ты заслуживаешь, чтобы с тобой говорили? Ты каждый день бьешь своего мужа, и он кричит и не дает мне спать. Если бы не это, я бы давно поправился.

— Если ты хочешь, я расколдую его, — сказала женщина.

— Освободи его и дай мне отдых, — ответил ей царь.

И женщина пришла к юноше, взяла в руки чашку с водой и проговорила над ней что-то, и вода в чашке забулькала и стала кипеть, как кипит вода в котле на огне.

Потом женщина обрызгала юношу этой водой и сказала:

— Если ты стал таким по моему колдовству, превратись опять в человека.

И вдруг юноша встряхнулся и встал на ноги и опять стал человеком, как прежде, а женщина вернулась к гробнице и сказала:

— О господин, я исполнила то, что ты приказал.

— О несчастная, — сказал царь, — ты сделала только половину дела. Каждый раз, когда наступает полночь, рыбы поднимают головы из пруда и проклинаят нас с тобой. Вот почему я не могу поправиться. Иди скорей, сними с них колдовство, а потом приходи ко мне.

— Слушаю и повинуюсь, о господин мой, — сказала женщина.

Она взяла из пруда немного воды и поколдовала над нею, а потом опять вылила ее в пруд, и сейчас же рыбы запрыгали и подняли головы и превратились в людей, а горы превратились в острова, как прежде. И торговцы опять начали торговать, и все люди принялись за свои дела, и город стал таким же, как был раньше.

А колдунья вернулась к царю и сказала:

— О господин, я исполнила твою волю. Встань же теперь, если ты здоров, и выйди из этой могилы.

— Подойди ко мне ближе и дай мне руку, — сказал царь слабым голосом.

И как только женщина подала ему руку, он ударил ее мечом и убил. А потом он вышел из могилы и увидел заколдованного юношу, который стоял и ждал его.

— О юноша, — сказал царь, — ты останешься жить в своем городе или пойдешь со мной, в мой город?

— А знаешь ли ты, сколько дней пути отсюда до твоего города? — спросил юноша.

— Два с половиной дня, — ответил царь.

— О царь, — воскликнул юноша, — если ты сядешь на хорошего коня и поскачешь как можно быстрее, то доедешь до твоего города через год! Ты пришел сюда в два с половиной дня только потому, что город был заколдован. Но я не покину тебя и поеду с тобой.

— Ты будешь моим сыном и наследником моего царства, — сказал царь. — Собирайся же скорее в путь.

И они поехали, и ехали целый год, днем и ночью. И когда они вернулись в город царя, царь сел на свой трон и сказал:

— Позвать ко мне рыбака, который принес разноцветных рыб.

Послали за рыбаком, и скоро он пришел, и царь рассказал ему обо всем, что с ним случилось. Рыбак опечалился, услышав его рассказ, и сказал:

— Значит, мне уже не придется носить тебе рыбу?

— Нет, не придется, — сказал царь. — Но не горюй. Я дам тебе столько золота, что тебе хватит до конца жизни.

И он приказал своему визирю щедро наградить рыбака, и рыбак ушел домой счастливый и довольный.

Примечания

Стр. 21. *Цикада* — насекомое; в теплых странах обитают крупные цикады (до 6 сантиметров длиной) с широкими крыльями. Цикады издают громкий характерный треск.

Стр. 26. *Камфарное дерево* — вечнозеленое дерево из семейства лавровых.

Стр. 28. *Криптомерия* — вечнозеленое хвойное дерево, родиной которого считаются Япония и Китай.

Стр. 58. *Кимоно* — японская национальная одежда, напоминающая халат с широкими рукавами и поясом. Его носят все — мужчины, женщины, дети.

Стр. 59. *Солнечный старец* — по японским народным поверьям, дух, живущий на Солнце.

Стр. 69. *Таро-сан*. — Частица «сан» добавляется к японским именам при вежливом обращении.

Стр. 87. *Паланкин* — носилки в виде кресла на двух длинных шестах.

Стр. 88. *Батат* — сладкий картофель.

Стр. 90. *Сёдзи* — раздвижная стена в японском доме; делается из промасленной бумаги.

Стр. 97. *...как по животным счет годам вести*. — В старину в Китае, Японии, Вьетнаме, Монголии и Корее век считался состоящим из шестидесяти лет. Этот шестидесятилетний цикл делился в свою очередь на пять малых, двенадцатилетних циклов. Каждый год имел название какого-либо животного. Первый год малого цикла всегда был годом мыши. Затем следовали годы вола (или буйвола), барса (или тигра), зайца (или кошки), дракона, змеи, лошади, овцы (или козы), обезьяны, петуха, собаки и свиньи. Со счетом годов по животным были связаны некоторые народные обычаи. Так, человеку, родившемуся в год петуха, ни в коем случае не позволялось употреблять в пищу курятину.

Юй-ди, Нефритовый владыка — верховное божество в китайской религии. Обычно изображался сидящим на троне в императорском одеянии, украшенном вышитыми драконами, и в головном уборе со свисающими нитями из цветных шариков. *Нефрит* — ценный белый или зеленый полупрозрачный минерал.

Небесный дворец. — В старину китайцы представляли жизнь божеств на небесах несколько сходной с земной жизнью. Поэтому думали, что Нефритовый владыка Юй-ди живет в Небесном дворце.

Стр. 116. *Великая стена* (Великая Китайская стена) — крепостная стена в Северном Китае; построена в основном в III веке до н. э. Имеет длину около 5 тысяч километров.

Шелковичный червь — гусеница бабочки шелкопряда, питающаяся листьями тутовых деревьев и плетущая коконы из шелковых нитей, которые она выделяет. Из нитей изготавливают шелк. В Китае шелководство известно с 3-го тысячелетия до н. э.

Стр. 131. *Кан* — возвышение в китайском доме с обогревом. На кане обычно спят.

Стр. 142. *Ямынь* — управа, присутственное место, государственное учреждение в Китае.

Стр. 149. *Циновка* — плотная плетенка из тростника, камыша или соломы. Служит подстилкой.

Стр. 150. *Запретный императорский город* — место в столице, где расположен дворец императора, окруженный крепостными стенами и башнями.

Пагода — павильон или башня для хранения религиозных святынь буддистов.

...барабаны третью стражу отобьют... — В Китае и в некоторых других странах Востока ночь (темное время) делилась на пять страж. Каждую стражу сторожа отмечали ударом колотушки или

барабана.

Стр. 152. *Поднебесная* — так китайцы называли свою страну в древности.

Стр. 176. *Все в белое одеты*. — В Китае белая одежда считалась знаком траура.

Стр. 188. *Хурма* — сочный плод красного цвета, растет в тропиках и субтропиках.

Стр. 194. *Камса* — губернатор провинции в Древней Корее.

Котсин — корейские вышитые женские туфли.

Стр. 195. *Кимчи* — корейское национальное блюдо, представляющее из себя сильно наперченное соленье из капусты.

Стр. 198. *...экзамен на должность держать*. — Имеется в виду экзамен на ученую степень, которая давала право занять какую-либо государственную должность.

Куксу — корейское национальное блюдо, представляющее из себя длинную рисовую лапшу, приготовленную на сильно наперченном мясном бульоне.

Стр. 201. *Жернов* — круглый обтесанный камень для очистки и промалывания зерен.

Стр. 223. *Сампагита* — цветок, по внешнему виду и запаху напоминающий жасмин. Считается национальным символом Филиппин.

Стр. 234. *Пророк Сулейман* — согласно поверьям мусульман, могущественный повелитель животных и джиннов — добрых и злых духов.

Стр. 267. *Коричневая монашеская ряса* — одежда буддийских монахов во Вьетнаме.

Стр. 275. *Лунная лютня* — струнный музыкальный инструмент круглой лунообразной формы.

Стр. 293. *Кхен* — духовой музыкальный инструмент, изготовленный из бамбуковых палочек разной длины и толщины.

Стр. 334. *Бетель*. — В некоторых странах Азии существует обычай жевать бетель — орех и пряности, обернутые листом бетельной лианы.

Стр. 338. *Кхмеры* — основная народность, проживающая в Кампучии.

Стр. 346. *Индра* — в индуистской религии бог грома и молнии, глава всех богов.

Стр. 349. *Термиты* — крупные муравьи, легко разрушающие древесину, кожу и т. д.

Стр. 361. *Вепрь* — кабан, дикая свинья.

Стр. 363. *Якк* — фантастическое существо, обликом близкое к человеку.

Стр. 409. *Тарбаган* — небольшой степной зверек.

Стр. 416. *Лама* — буддийский монах в Монголии и Тибете.

Стр. 417. *Будда* — верховное божество в религии многих народов Востока.

Стр. 423. *Астролог* (или звездочет) — знаток астрологии, то есть учения о якобы существующей связи между расположением звезд и историческими событиями, а также судьбами людей и народов. Астрология возникла в древности и имела широкое распространение в средневековье. В странах Востока при дворах правителей часто служили астрологи (звездочеты), они предсказывали по звездам судьбы государств и государей.

Гороскоп — таблица расположения звезд, с помощью которой астрологи предсказывали судьбу.

Стр. 428. *Кэнг* — тайское национальное блюдо, приготовленное из риса и мелко нарезанного мяса, в которое добавляют пряности, зелень, кусочки различных плодов.

Стр. 429. *Послушник* — прислужник в монастыре, готовящийся стать монахом.

Стр. 442. *Баньян* — тропическое дерево с воздушными корнями, которые достигают земли и становятся как бы стволами; дерево благодаря этому принимает вид целой рощи.

Стр. 459. *Хин* — блюдо, приготовленное из мяса и рыбы с особым набором специй и большим количеством соуса.

Стр. 485. *Скорпион* — ядовитое насекомое, обитающее в тропиках и субтропиках.

Стр. 501. *Махараджа* (махарадж) — великий царь.

Стр. 508. *Див* (дэв) — страшный великан, персонаж индийских, персидских и других сказок.

Стр. 520. *Ростовщик* — человек, дающий в долг деньги с непременным условием вернуть ему сумму больше одолженной.

Стр. 531. *Брахман* — человек из высшего — жреческого — сословия в Древней Индии. Бог Брахма — высшее божество у индуистов.

Стр. 533. *Пандит* — ученый-брахман.

Богиня Бхавани — индуистская богиня, мать-хранительница земли.

Стр. 543. *Кашмирские шали* — шали из тонкой шерсти.

Стр. 571. *Раджа* — царь, повелитель.

Стр. 596. *Медресе* — мусульманская школа.

Стр. 600. *Падишах* — царь, повелитель.

Стр. 611. *Ходжа-кедхуда*. — *Ходжа* (или хаджи) — мусульманин, совершивший паломничество в священный город мусульман Мекку. Пользовался особым уважением окружающих. *Кедхуда* — деревенский староста.

Стр. 619. *Джубба* — верхняя одежда, накидка, мантия.

Стр. 625. *Каба* — верхняя одежда.

Нукеры — телохранители, вооруженная стража.

Стр. 628. *Джидда* — кустарник со съедобными плодами.

Стр. 630. *...как только затрубят в банях*. — В Иране было принято открывать бани на рассвете и при этом трубить в рог.

Стр. 639. *Шальвары* — род панталон или брюк. От этого слова происходит и русское «шаровары».

Стр. 640. *Везир* — министр, советник падишаха. Употребительна также неправильная форма — визирь.

Стр. 645. *Бейоглу* — по-турецки «сын бея».

Стр. 653. *Джин* (или ифрит) — добрый или злой дух, бес.

Стр. 658. *Кельоглан* — по-турецки «лысый парень», простоватый и удачливый герой турецких сказок. Напоминает русского Иванушку-дурачка.

Стр. 669. *Баклава* — торт ромбовидной формы, его выпекают с медом и миндальными орешками.

Стр. 670. *Эфенди* — господин.

Стр. 682. *Хурджум* — переметная сума.

Стр. 697. *Рум* — в некоторых странах Востока так называли Византию, потом Малую Азию и Турцию, а также жителей этих стран.

Я. Никулин.

Примечания

1

В оригинальном издании сказки одного народа не оформлялись в виде отдельного раздела (*Прим. верстальщика*).

2

Стр. 21. *Цикада* — насекомое; в теплых странах обитают крупные цикады (до 6 сантиметров длиной) с широкими крыльями. Цикады издают громкий характерный треск.

3

Стр. 26. *Камфарное дерево* — вечнозеленое дерево из семейства лавровых.

4

Стр. 28. *Криптомерия* — вечнозеленое хвойное дерево, родиной которого считаются Япония и Китай.

5

Стр. 58. *Кимоно* — японская национальная одежда, напоминающая халат с широкими рукавами и поясом. Его носят все — мужчины, женщины, дети.

6

Стр. 59. *Солнечный старец* — по японским народным поверьям, дух, живущий на Солнце.

7

Стр. 69. *Таро-сан*. — Частица «сан» добавляется к японским именам при вежливом обращении.

8

Стр. 87. *Паланкин* — носилки в виде кресла на двух длинных шестах.

9

Стр. 88. *Батат* — сладкий картофель.

10

Стр. 90. *Сёдзи* — раздвижная стена в японском доме; делается из промасленной бумаги.

11

Стр. 97. *...как по животным счет годам вести.* — В старину в Китае, Японии, Вьетнаме, Монголии и Корее век считался состоящим из шестидесяти лет. Этот шестидесятилетний цикл делился в свою очередь на пять малых, двенадцатилетних циклов. Каждый год имел название какого-либо животного. Первый год малого цикла всегда был годом мыши. Затем следовали годы вола (или буйвола), барса (или тигра), зайца (или кошки), дракона, змеи, лошади, овцы (или козы), обезьяны, петуха, собаки и свиньи. Со счетом годов по животным были связаны некоторые народные обычаи. Так, человеку, родившемуся в год петуха, ни в коем случае не позволялось употреблять в пищу курятину.

12

Юй-ди, Нефритовый владыка — верховное божество в китайской религии. Обычно изображался сидящим на троне в императорском одеянии, украшенном вышитыми драконами, и в головном уборе со свисающими нитями из цветных шариков. *Нефрит* — ценный белый или зеленый полупрозрачный минерал.

13

Небесный дворец. — В старину китайцы представляли жизнь божеств на небесах несколько сходной с земной жизнью. Поэтому думали, что Нефритовый владыка Юй-ди живет в Небесном дворце.

14

Стр. 116. *Великая стена* (Великая Китайская стена) — крепостная стена в Северном Китае; построена в основном в III веке до н. э. Имеет длину около 5 тысяч километров.

15

Шелковичный червь — гусеница бабочки шелкопряда, питающаяся листьями тутовых деревьев и плетущая коконы из шелковых нитей, которые она выделяет. Из нитей изготавливают шелк. В Китае шелководство известно с 3-го тысячелетия до н. э.

16

Стр. 131. *Кан* — возвышение в китайском доме с обогревом. На кане обычно спят.

17

Стр. 142. *Ямынь* — управа, присутственное место, государственное учреждение в Китае.

18

Стр. 149. *Циновка* — плотная плетенка из тростника, камыша или соломы. Служит подстилкой.

19

Стр. 150. *Запретный императорский город* — место в столице, где расположен дворец императора, окруженный крепостными стенами и башнями.

20

Пагода — павильон или башня для хранения религиозных святынь буддистов.

21

...барабаны третью стражу отобьют... — В Китае и в некоторых других странах Востока ночь (темное время) делилась на пять страж. Каждую стражу сторожа отмечали ударом колотушки или барабана.

22

Стр. 152. *Поднебесная* — так китайцы называли свою страну в древности.

23

Стр. 176. *Все в белое одеты.* — В Китае белая одежда считалась знаком траура.

24

Стр. 188. *Хурма* — сочный плод красного цвета, растет в тропиках и субтропиках.

25

Стр. 194. *Камса* — губернатор провинции в Древней Корее.

26

Котсин — корейские вышитые женские туфли.

27

Стр. 195. *Кимчи* — корейское национальное блюдо, представляющее из себя сильно наперченное соленье из капусты.

28

Стр. 198. ...*экзамен на должность держать*. — Имеется в виду экзамен на ученую степень, которая давала право занять какую-либо государственную должность.

29

Куксу — корейское национальное блюдо, представляющее из себя длинную рисовую лапшу, приготовленную на сильно наперченном мясном бульоне.

30

Стр. 201. *Жернов* — круглый обтесанный камень для очистки и промалывания зерен.

31

Обычай побратимства широко распространен у корейцев и очень чтится. (Примеч. Н. Гарина.)

32

Стр. 223. *Сампагита* — цветок, по внешнему виду и запаху напоминающий жасмин. Считается национальным символом Филиппин.

33

Стр. 234. *Пророк Сулейман* — согласно поверьям мусульман, могущественный повелитель животных и джиннов — добрых и злых духов.

34

Стр. 267. *Коричневая монашеская ряса* — одежда буддийских монахов во Вьетнаме.

35

Стр. 275. *Лунная лютя* — струнный музыкальный инструмент круглой лунообразной формы.

36

Стр. 293. *Кхен* — духовой музыкальный инструмент, изготовленный из бамбуковых палочек разной длины и толщины.

37

Стр. 334. *Бетель*. — В некоторых странах Азии существует обычай жевать бетель — орех и пряности, обернутые листом бетельной лианы.

38

Стр. 338. *Кхмеры* — основная народность, проживающая в Кампучии.

39

Стр. 346. *Индра* — в индуистской религии бог грома и молнии, глава всех богов.

40

Стр. 349. *Термиты* — крупные муравьи, легко разрушающие древесину, кожу и т. д.

41

Стр. 361. *Вепрь* — кабан, дикая свинья.

42

Стр. 363. *Якк* — фантастическое существо, обликом близкое к человеку.

43

Стр. 409. *Тарбаган* — небольшой степной зверек.

44

Стр. 416. *Лама* — буддийский монах в Монголии и Тибете.

45

Стр. 417. *Будда* — верховное божество в религии многих народов Востока.

46

Стр. 423. *Астролог* (или звездочет) — знаток астрологии, то есть учения о якобы существующей связи между расположением звезд и историческими событиями, а также судьбами людей и народов. Астрология возникла в древности и имела широкое распространение в средневековье. В странах Востока при дворах правителей часто служили астрологи (звездочеты), они предсказывали по звездам судьбы государств и государей.

47

Гороскоп — таблица расположения звезд, с помощью которой астрологи предсказывали судьбу.

48

Стр. 428. *Кэнг* — тайское национальное блюдо, приготовленное из риса и мелко нарезанного мяса, в которое добавляют пряности, зелень, кусочки различных плодов.

49

Стр. 429. *Послушник* — прислужник в монастыре, готовящийся стать монахом.

50

Стр. 442. *Баньян* — тропическое дерево с воздушными корнями, которые достигают земли и становятся как бы стволами; дерево благодаря этому принимает вид целой рощи.

51

Стр. 459. *Хин* — блюдо, приготовленное из мяса и рыбы с особым набором специй и большим количеством соуса.

52

Стр. 485. *Скорпион* — ядовитое насекомое, обитающее в тропиках и субтропиках.

53

Стр. 501. *Махараджа* (махарадж) — великий царь.

54

Стр. 508. *Див* (дэв) — страшный великан, персонаж индийских, персидских и других сказок.

55

Стр. 520. *Ростовщик* — человек, дающий в долг деньги с непременным условием вернуть ему сумму больше одолженной.

56

Стр. 531. *Брахман* — человек из высшего — жреческого — сословия в Древней Индии. Бог Брахма — высшее божество у индуистов.

57

Стр. 533. *Пандит* — ученый-брахман.

58

Богиня Бхавани — индуистская богиня, мать-хранительница земли.

59

Стр. 543. *Кашмирские шали* — шали из тонкой шерсти.

60

Стр. 571. *Раджа* — царь, повелитель.

61

Стр. 596. *Медресе* — мусульманская школа.

62

Стр. 600. *Падишах* — царь, повелитель.

63

Стр. 611. *Ходжа-кедхуда*. — *Ходжа* (или хаджи) — мусульманин, совершивший паломничество в священный город мусульман Мекку. Пользовался особым уважением окружающих. *Кедхуда* — деревенский староста.

64

Стр. 619. *Джубба* — верхняя одежда, накидка, мантия.

65

Стр. 625. *Каба* — верхняя одежда.

66

Нукеры — телохранители, вооруженная стража.

67

Стр. 628. *Джидда* — кустарник со съедобными плодами.

68

Стр. 630. *...как только затрубят в банях*. — В Иране было принято открывать бани на рассвете и при

этом трубить в рог.

69

Стр. 639. *Шальвары* — род панталон или брюк. От этого слова происходит и русское «шаровары».

70

Стр. 640. *Везир* — министр, советник падишаха. Употребительна также неправильная форма — визирь.

71

Стр. 645. *Бейоглу* — по-турецки «сын бея».

72

Стр. 653. *Джин* (или ифрит) — добрый или злой дух, бес.

73

Стр. 658. *Кельоглан* — по-турецки «лысый парень», простоватый и удачливый герой турецких сказок. Напоминает русского Иванушку-дурачка.

74

Стр. 669. *Баклава* — торт ромбовидной формы, его выпекают с медом и миндальными орешками.

75

Стр. 670. *Эфенди* — господин.

76

Стр. 682. *Хурджум* — переметная сума.

77

Стр. 697. *Рум* — в некоторых странах Востока так называли Византию, потом Малую Азию и Турцию, а также жителей этих стран.